

МЕЙВ
БИНЧИ

ЭХО
ЧУЖИХ
ЖЕЛАНИЙ

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

Annotation

Ирландская писательница и журналистка Мейв Бинчи (1940–2012) хорошо известна не только на своей родине, но и во всем мире. Перу Бинчи, помимо рассказов, принадлежит 16 романов, ее книги неизменно становились бестселлерами и не раз получали престижные международные премии. В 1970-х годах Бинчи опубликовала три сборника рассказов, и довольно успешно, но настоящая слава пришла к ней после выхода первого романа «Зажги свечу» (1982). Через три года увидел свет второй роман Бинчи «Эхо чужих желаний», также встретивший теплый отклик читающей публики.

У моря, в окрестностях тихого ирландского поселка Каслбей, в пещере прячется эхо. Люди верят, что, если эху задать вопрос, оно непременно ответит. Однажды сюда приходят двое подростков, Дэвид и Клэр. Мечта у них одинаковая: уехать подальше от родных мест. Мечты сбываются. Клэр выигрывает стипендию в Университетском колледже Дублина и переезжает в столицу. Едет туда и Дэвид, мечтающий стать врачом. Пути их пересекутся самым неожиданным образом и... приведут обратно, в серый пустынный Каслбей, где когда-то на фоне семейных тайн, сплетен и запутанных отношений разыгралась драма амбиций, предательства и любви...

Впервые на русском!

-
- [Мейв Бинчи](#)
 - [Пролог](#)
 - [Часть I](#)
 - [Часть II](#)
 - [Часть III](#)
 - [Часть IV](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)

- [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
-

Мейв Бинчи

Эхо чужих желаний

Дорогому Гордону с любовью

© Е. Ю. Фокина, перевод, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

Пролог

О несчастье все узнали, казалось, без слов. Соседи выскочили из домов и побежали по главной улице в сторону моря. Ропот нарастал. Люди бессознательно выискивали глазами родных и близких. В воде, лицом вниз, лежало неподвижное тело. Никто не мог сказать наверняка, мужчина это или женщина.

«Может, матрос с корабля», – прозвучало в толпе.

Однако все понимали, что это не бедолага, смытый за борт волной. Не случайная смерть незнакомца. Вызовом полиции и парой заупокойных молитв тут не отделаешься. Погиб кто-то местный, из Каслбея.

Жители поселка молча стояли на вершине утеса, наблюдая за теми, кто уже добрался до кромки воды. Внизу бродил мальчик, который первым увидел, как волны прибили страшную находку к берегу. С ним были мужчины: покупатели из лавок неподалеку и парни, сбежавшие вниз по тропе. Несколько человек вышли из дома врача, спустились на пляж и склонились над трупом, на случай – просто на случай – если в черной докторской сумке найдется что-то, способное воскрешать мертвых.

К толпе присоединился отец О’Двайер в развевавшейся на ветру сутане, и ропот слился в единый гул. Жители Каслбея возносили десятикратную молитву на четках за упокой души, покинувшей тело, которое лежало на пляже лицом вниз.

Часть I

1950–1952

Место это называлось пещерой Бригитты^[1] или пещерой Эха. Если громко выкрикнуть вопрос, угадав направление, то вместо эха возвращался ответ. Летом здесь было полно девушек – из тех, кто приезжал в Каслбей на каникулы. Девушкам хотелось знать, встретят ли они этим летом парня и обратит ли на них внимание Джерри Дойл. Клэр же считала, что доверять секреты пещере – чистой воды безумие. Особенно с учетом того, что ее сестра Крисси и стайка ей подобных любили подслушивать, а потом визжали от смеха, разглашая на каждом углу чужие сердечные тайны. Клэр сказала, что даже на пороге отчаяния никогда ни о чем не спросит у Эха, потому что вопрос перестанет быть секретом. Но и она все-таки решила кое-что выяснить – насчет награды по истории. Это совсем другое дело.

На дворе стояла зима, а зимой в Каслбее почти никого нет, кроме своих. К тому же вопрос не касался любви. Клэр было приятно возвращаться из школы домой по дороге, ведущей к обрыву, – не нужно разговаривать с каждым встречным, шагай да смотри себе на море. Если спуститься по извилистой тропке, пестревшей предупреждениями об опасности, заглянуть в пещеру, прокричать пару фраз, прогуляться по пляжу и подняться обратно по ступеням, то окажешься дома в то же время, как если бы шла по улице, болтая со всеми подряд. Зимой в поселке не было работы, поэтому хозяева лавок зазывали прохожих к себе, чтобы угостить печеньем или передать кому-нибудь весточку. Путь по пляжу мимо пещеры Бригитты длился ровно столько же.

На тропе было сухо, так что отмеченные знаком опасности места не представляли угрозы. Клэр легко соскользнула со скалы на плотный и твердый после недавнего прилива песок. Чернеющий вход в пещеру навевал страх, но Клэр расправила плечи – летом он выглядел точно так же, а люди все равно ходили сюда толпами. Она перекинула школьную сумку за спину, чтобы освободить руки, и, как только

привыкла к темноте, без труда разглядела небольшой выступ, на который требовалось встать.

Клэр набрала побольше воздуха и спросила:

– Я получу награду?

– Аду-аду-аду, – откликнулось эхо.

– Это значит «да», – пояснил кто-то рядом.

Клэр подпрыгнула от испуга – и узнала его. Дэвид Пауэр.

– Нельзя слушать чужие вопросы, это все равно что подслушивать исповедь, – сердито сказала она.

– Я думал, ты меня видела, – простодушно признался Дэвид. – Я не прятался.

– Как я могла тебя видеть? Я вошла со стороны света, а ты притаился, – негодовала Клэр.

– Это не частная территория, я не обязан кричать, что здесь кто-то есть, – громко возразил Дэвид.

– Есть-есть-есть, – сообщила пещера.

Дети рассмеялись.

Он и правда был милым – этот Дэвид Пауэр. Ему было пятнадцать – совсем как ее брату Неду. Она вспомнила, как Нед рассказывал кому-то, что попал с Дэвидом в одну ясельную группу, явно гордясь наличием общего прошлого с сыном врача.

Дэвид всегда появлялся на людях в костюме и галстуке, даже когда возвращался из школы домой, а не только когда ходил по воскресеньям на мессу. Он был высокого роста, с веснушками на носу. Его взъерошенные волосы смешно торчали в разные стороны, а одна крупная прядь обычно падала на лоб. Он обаятельно улыбался и выглядел так, будто рад был бы с вами поболтать, если бы не дела. Иногда он надевал щегольской, с нагрудным значком, форменный блейзер, который ему очень шел. В ответ на комплименты Дэвид морщил нос и говорил, что блейзер кажется нарядным только тем, кто ежедневно не видит сто восемьдесят точно таких же пиджаков в школе. Он проучился в школе-пансионе больше года, но теперь ее закрыли из-за скарлатины. Только дочери Диллона, владельца гостиницы, ходили туда и, конечно, Уэсты и Грины из протестантов – потому что другой школы для них не было.

– Я не думала, что пещера ответит, и спросила ради смеха, – объяснила Клэр.

– Да, я тоже как-то спросил кое о чем в шутку, – признался Дэвид.

– О чем же?

– Забыл.

– Так нечестно. Ты слышал мой вопрос.

– Нет, я слышал только «аду-аду-аду», – выкрикнул Дэвид.

Эхо подхватило обрывок слова и повторило несколько раз. Клэр успокоилась.

– Мне пора домой, делать уроки. У тебя, наверное, уже пару недель нет никаких домашних заданий, – с завистью предположила она.

– Есть. Мисс О’Хара занимается со мной каждый день. Она придет... о, совсем скоро.

Дети вышли на мокрый твердый песок.

– Уроки один на один с мисс О’Харой – это же здорово?

– Так и есть, она очень хорошо умеет объяснять – для женщины, я имею в виду.

– У нас тут преподают только женщины и монахини, – уточнила Клэр.

– Я забыл, – с сочувствием сказал Дэвид. – И все же она потрясающая. С ней легко общаться – как с незаурядной личностью.

Клэр согласилась. Они вместе направились к лестнице, чтобы покинуть пляж. Дэвид мог бы вскарабкаться по тропинке с предостерегающими надписями, ведь она упиралась почти прямоком в его сад. Но мальчик заявил, что хочет купить леденцов в магазине Клэр.

Они говорили между собой о вещах, о которых другой прежде не слышал. Дэвид описал, как дезинфицировали больничный изолятор, после того как два ученика подхватили скарлатину, а Клэр думала, что речь идет о большой лечебнице на холме, куда попадали больные туберкулезом. Она не знала, что изолятор – это комната в школе. Клэр в свою очередь рассказала длинную и запутанную историю о том, как матушка Иммакулата попросила какую-то девочку оставить тетради в одном месте, а та все перепутала и случайно зашла туда, где жили монахини. Дэвид не уловил сути, потому что не знал, что никто никогда перед лицом любой угрозы не пойдет на половину монастыря, где обитают сестры. Все эти сведения не представляли для обеих особой важности, поэтому дети не утомляли друг друга. Жизнь в

Каслбее обычно требовала от людей прикладывать немало усилий, так что разнообразие было приятным.

Когда они зашли в магазин, за прилавком никого не было. Клэр повесила пальто, отыскала банку с гвоздичными леденцами и отсчитала шесть штук в обмен на пенни. Прежде чем закрыть банку, она любезно предложила Дэвиду бесплатную конфету и взяла одну себе. Дэвид смотрел на девочку с завистью. Возможность забраться в лавке на стул, достать с полки сладости и угостить покупателя казалась ему настоящим подарком судьбы.

По дороге домой Дэвид вздыхал. Он хотел бы жить при магазине, как Клэр О'Брайен, с братьями и сестрами, чтобы ему разрешали выходить во двор и наливать в бидон молоко, когда доят коров, или собирать на продажу пучки морских водорослей для горячих ванн. Было скучно возвращаться к матери, которая постоянно твердила, что пора бы ему понимать, что к чему. Эта фраза раздражала Дэвида больше всего – особенно потому, что могла означать все, что угодно, и всякий раз – что-то новое. Однако сегодня вечером должна прийти мисс О'Хара, а заниматься с ней гораздо интереснее, чем в школе, как он неосторожно признался матери. Дэвид думал, что мать обрадуется, но та сказала, что мисс О'Хара хороша для сельской начальной школы, но не идет ни в какое сравнение с иезуитами, предоставляющими образование совершенно иного уровня.

Клэр тоже вздыхала. Она думала, что, должно быть, здорово вернуться в такой дом, как у Дэвида Пауэра, где стоят книжные шкафы, а в гостиной всегда горит камин, даже когда возле него никто не сидит. Вернуться туда, где не голосит радио и никто не шумит. Туда, где ты можешь часами делать домашнее задание и никто не войдет и не потребует подвинуться. Клэр запомнила интерьер, когда однажды ходила к доктору Пауэру накладывать швы. Она поранила ногу о ржавую деталь какого-то механизма. Чтобы отвлечь девочку, доктор попросил ее пересчитать тома энциклопедии на полке. Та поразилась, увидев столько книг для одной семьи, и забыла о швах, а доктор Пауэр потом сказал ее матери, что Клэр храбрая, как лев. Домой возвращались пешком, и Клэр опиралась на материнскую руку. Они остановились у церкви вознести молитву святой Анне за то, что в рану не попала инфекция. Мать благодарно склонилась перед гротом, а Клэр позволила себе помечтать о том, как прекрасно иметь большой

тихий особняк, полный книг, а не сидеть друг у друга на голове из-за недостатка места – и вечно ничего не успевать из-за нехватки времени. Она опять подумала об этом сегодня вечером, когда Дэвид Пауэр уходил по улице в свое жилище – туда, где ковер был разостлан до самого окна, а не обрывался на расстоянии нескольких половиц, как это обычно бывает. Туда, где в камине горел огонь, а вокруг царили мир и покой. Мать Дэвида хлопотала на кухне, доктор Пауэр лечил людей, а мисс О’Хара приходила на дом и давала частные уроки, не отвлекаясь на других учеников. Что могло быть лучше? На миг Клэр пожалела, что не родилась сестрой Дэвида, но тут же почувствовала укол совести. Ведь это означало, что она готова отречься от мамы, папы, Томми, Неда, Бена и Джимми. Ах да, еще от Крисси. Но это уже не важно, от Крисси она была не прочь отречься в любой момент.

Затишье в магазине оказалось недолгим. Папа что-то красил на заднем дворе. Он вошел, держа руки перед собой, попросил достать бутылку уайт-спирита и открыть растворитель сию минуту. Зимой в Каслбее было до ужаса много малярных работ. Морской воздух срывал со стен краску, и дом выглядел обшарпанным, если его то и дело не подкрашивать. Следом вошла мама. Она ходила на почту и узнала ужасные новости: Крисси с друзьями забралась на крышу лавки мисс О’Флаэрти и просунула внутрь длинный пучок мокрых водорослей, чтобы напугать хозяйку. Несчастную женщину едва не довели до сердечного приступа. Мисс О’Флаэрти могла – боже нас всех сохрани – рухнуть замертво на полу собственной лавки, и тогда бы Крисси О’Брайен и ее замечательные друзья несли на душе грех убийства до самого Судного дня и даже после. Красную от злости Крисси притащили домой, поочередно держа за плечо, косу и ухо. Клэр подумала, что нагнать жути на противную мисс О’Флаэрти – идея хорошая. Женщина продавала тетради и прочие школьные принадлежности, но при этом ненавидела детвору. Крисси на редкость не повезло попасться маме на глаза. Клэр сочувственно улыбнулась сестре, но не встретила с ее стороны понимания.

– Хватит притворяться, что ты лучше всех! – закричала Крисси. – Гляньте, как она злорадствует. Примерная девочка Клэр! Глупая зануда Клэр!

За свою выходку Крисси получила подзатыльник и разозлилась еще больше.

– Да она же в восторге оттого, что кому-то влетело, – не унималась сестра. – Она сияет от счастья, когда унижают других.

– Ты сегодня без чая, Крисси О’Брайен, и это еще не все, – гневно сказала мама, и ее тонкий голосок сорвался на визг: – Марш в свою комнату, слышишь? Сейчас же!

Прогнав дерзкую Крисси с глаз долой, мама смочила тряпку в уайт-спирите, стерла большие пятна краски с рук мужа и вдруг заметила пальто Клэр, висящее на крючке.

– Это не магазин подержанных вещей, – сказала она. – Возьми пальто и повесь туда, где ему положено быть.

Несправедливость глубоко задела Клэр.

– Мы всегда оставляем там. Именно там ему и положено быть.

– Ты ее слышал? – Агнес умоляюще посмотрела на мужа и, не дожидаясь ответа, направилась к лестнице вслед за Крисси.

– Можешь не мучить маму и убрать одежду? – откликнулся папа. – Подари хоть минуту покоя, неужели я о многом прошу?

Клэр сняла пальто с крючка. Она не могла подняться в их общую с Крисси спальню – не хотела вступать в очередную перепалку и поэтому осталась бездельничать в лавке.

Папа выглядел усталым. Спорить с ним, опровергая ошибочное утверждение, что Клэр мучила маму, было бессмысленно. Он горбился и ходил скорее на деда, чем на отца, серый с головы до пят. Его лицо, волосы и кардиган словно припорошило пеплом, только на руках белела краска. Клэр заметила, что со времени ее первого причастия три года назад папа ссутулился еще больше. Тогда он казался очень высоким, теперь нет. Лицо его обросло щетиной, клочья волос торчали даже из ушей и носа. У папы всегда был слегка изможденный вид, как будто ему вечно не доставало времени, места или денег. И действительно, обычно ничего из этого не хватало. Семья О’Брайен жила на доходы от короткого и непредсказуемого летнего сезона, который могли погубить дожди, популярность нового курорта и завышенные цены на аренду домов вдоль побережья. Зимой, когда заработка не было вовсе, требовалось как-то удержаться на плаву.

Лавка имела странную форму с закутками, куда следовало бы установить стеллажи или же отгородить их стеной, но до этого никак

не доходили руки. Потолок был низким. Когда внутри встречались даже трое покупателей, заведение казалось переполненным. Товар на полках был расставлен без всякой системы, но О'Брайены знали, где что лежит. Они ничего не меняли из опасения, что не найдут нужных продуктов, хотя существовало много более логичных способов хранить запасы маленькой лавки. В результате магазинчик выглядел тесным и несуразным. Посетители не могли видеть жилые комнаты, расположенные за дверью, но там все было точно так же. На кухне стояла плита, над ней сушилось выстиранное белье; почти все пространство занимал стол. В углу рядом с неприметной раковиной было так неопратно и темно, что посуду приходилось мыть почти вслепую. Свет давала одна-единственная лампа, с желтым треснутым абажуром, в центре комнаты.

Том О'Брайен поднес газету ближе к лампе и собрался почитать.

Агнес спустилась по лестнице с видом человека, который только что успешно справился с неприятным заданием.

– Эта девушка закончит жизнь на виселице, – заявила она.

Худенькая и миниатюрная, мама когда-то много улыбалась, но холодный ветер Каслбея стер улыбку с ее лица. Даже находясь в доме, она как будто ощущала эти ледяные порывы, щурилась и сжимала губы в тонкую прямую линию. В магазине она надевала желтый рабочий халат, чтобы, по ее словам, сберечь одежду, но на самом деле беречь было почти нечего. Четыре наряда на выход для посещения мессы и одни и те же поношенные кофты, платья и юбки на все остальные случаи жизни. К изнанке жакета Агнес прикалывала иконку и снимала ее перед стиркой. Однажды она забыла отколоть красный атласный мешочек, где хранила изображение святой Терезы, – и вся иконка окрасилась в розовый цвет вместе с голубым жакетом. Волосы Агнес О'Брайен собирала в пучок, продевая их сквозь мягкий круглый валик, похожий на пончик. Дети никогда не видели, как она это делает, но однажды Клэр заметила на столе тот самый «пончик» и насторожилась, поскольку не знала, что это.

Темные глаза матери сердито уставились на Клэр.

– Ты собираешься выполнять свои обязанности в этой семье? Тебя не слишком затруднит просьба убрать пальто, пока я не сожгла его в печи вместе с пуговицами?

Клэр знала, что никто никогда так не поступит. Она напрасно понадеялась, что мать забыла о пальто, пока ходила наверх. Из-за него Агнес была готова ломать копья.

– Я сказал ей, Агнес, боже мой, я сказал ей, но нынешние дети... – оправдываясь, признал свое поражение Том.

Клэр засунула школьное пальто в переполненный шкаф под лестницей и достала несколько картофелин из большого мешка на полу. Каждый вечер они с Крисси заваривали чай и готовили картошку, но сегодня сестра наказана, и Клэр придется все делать самой. Младшие дети Бен и Джим читали на кухне комикс. Скоро с учебы у Братьев^[2] придут старшие Томми и Нед, но от них толку мало. Мальчики не помогали ни готовить, ни мыть посуду. Все знали об этом.

Вечером после чая у Клэр было много дел. Она хотела погладить желтые ленты к завтрашнему дню, чтобы выглядеть нарядной на случай, если действительно получит награду за сочинение по истории. Нужно было почистить туфли – для этого она специально принесла их домой – и в очередной раз попытаться вывести два пятна со школьного платья. Матушка Иммакулата вполне могла сделать ей замечание о необходимости быть опрятной, чтобы не опорочить доброе имя школы. Клэр должна быть уверена, что никого не подведет. Мисс О'Хара призналась, что за все годы работы учителем никогда не получала большего удовольствия, чем когда прочла сочинение Клэр, которое вдохнуло в нее новые силы. Именно так мисс О'Хара и выразилась – слово в слово. Она бы ни за что не остановила девочку в коридоре и не сказала бы этого, если бы Клэр не выиграла приз.

Только представьте – Клэр обошла пятнадцать человек. Всех этих зазнаек вроде Берни Конуэй и Анны Мерфи. Отныне они будут смотреть на нее иначе. И домашние тоже изменят свое мнение о Клэр. Ей не терпелось поделиться радостью уже сегодня, но она решила подождать. Под вечер домашние напоминали пронырливых хорьков, к тому же новость могла навредить Крисси, которая была старше на два с половиной года. Поведай Клэр о награждении – сестра убила бы ее на месте.

Клэр взяла наверх большой бутерброд с сыром, немного холодного поджаренного бекона и чашку какао. Крисси сидела на

кровати и разглядывала себя в зеркало. Она носила две толстые косы. Их густые кончики, скрепленные резинками, не свисали, как у остальных девочек, а, казалось, пытались вырваться. Крисси сама обрезала себе челку – и так ужасно, что пришлось идти в парикмахерскую исправлять промах. На ночь она втирала в челку средство для прочистки труб, чтобы вились локоны.

Сестра была полнее Клэр и могла похвастаться настоящим бюстом, который не скрывало даже школьное платье.

Крисси очень заботил ее нос. Клэр не понимала почему, но сестра постоянно его рассматривала. Даже сейчас, игнорируя позор наказания, отсутствие еды и ярость матери из-за истории с мисс О'Флаэрти, Крисси выискивала, что еще выдать на носу. Ее круглое лицо всегда казалось удивленным, но радости в глазах не было и не появилось, даже когда Клэр неожиданно принесла ужин.

– Я это не хочу, – фыркнула Крисси.

– Ну так не ешь, – ответила Клэр тем же тоном.

Она спустилась по лестнице и попыталась найти уголок, чтобы выучить стихотворение на завтра и решить четыре задачи по арифметике. Клэр часто спрашивала себя, как так вышло, что из шести детей школьного возраста в этой семье она была единственной, кому приходилось делать домашнее задание.

Когда Клэр гладила желтые ленты, пришел Джерри Дойл.

– Где Крисси? – шепотом спросил он.

– Наверху. Она чуть не угробила мисс О'Флаэрти, напугав ее морскими водорослями. Не спрашивай. Все разозлятся, если ты упомянешь это имя.

– Послушай, не могла бы ты сказать ей... – Он замолчал, передумав. – Нет, ты слишком мала.

– Я не слишком мала, – обиделась Клэр, уязвленная несправедливым замечанием. – Но это не важно. Я все равно не стану передавать Крисси твои слезливые послания. Она только разозлится на меня, и ты будешь зол на меня, а мама надерет мне уши. Лучше держи свои слова при себе.

Клэр энергично схватилась за утюг. Эти блестящие ленты засияют, когда она завяжет их пышным бантом. Она не хотела вникать в дела сестры, а то беды не оберешься. Надо вести себя тихо и смирно

и подготовиться к завтрашнему дню, чтобы полюбоваться изумлением в глазах матушки Иммакулаты и ужасом на лицах Берни Конуэй и Анны Мерфи.

– Ты совершенно права, – добродушно рассмеялся Джерри Дойл, – предоставь грязную работу другим.

Слова «грязная работа» пробились сквозь шум на кухне и долетели до Агнес О’Брайен. Хозяйка дома вывалила на пол содержимое нижнего ящика комода в поисках гибкого кабеля. Том заявил, что она, должно быть, выбросила провода, а он собирался повесить фонарь у задней двери. Уверенная, что где-то видела моток, Агнес была полна решимости немедленно доказать это. Томми и Нед просматривали в газете объявления о работе. Они делали это каждую неделю, отмечая что-то коротким фиолетовым карандашом. Бен и Джимми играли. Новая игра начиналась тихо каждые несколько минут, переходила в драку и заканчивалась слезами и ревом. Том чинил радиоприемник, который потрескивал на фоне всей этой суеты.

– Что за грязная работа? – уточнила Агнес.

Отличный парень этот Джерри Дойл, но за ним нужен глаз да глаз. Он всегда оказывался в чем-то замешан.

– Я сказал Клэр, что не гожусь для помощи по дому и для того, что требует аккуратности. Я хорош только для грязной работы.

Он улыбнулся, и женщина, склонившаяся на коленях над грудой жестянок, коробок, бумажных пакетов, шерстяных клубков, ржавых противней и вилок для тостов, улыбнулась в ответ.

Клэр посмотрела на него удивленно. Ее поразило умение парня лгать быстро, ловко и к тому же без особой надобности.

Джерри сообщил, что сходил на консультацию по трудоустройству и что, по слухам, в Каслбей должен приехать англичанин из крупного рекрутингового агентства, чтобы провести в отеле собеседование с желающими найти работу.

– Разве это не для людей с квалификацией и опытом? – спросил Нед, не поверив, что кто-то отправится в Каслбей за ним или ему подобными.

– Подумай головой, Нед. У кого здесь есть квалификация и опыт? Если сюда приедет человек и расскажет тебе все, что нужно знать, ты не стопчешь ботинки и сэкономишь на письмах, которые иначе придется рассылать повсюду.

– Тебе легко говорить, – занервничал старший Томми. – Тебе не нужно никуда уезжать, чтобы найти работу. У тебя есть свое дело.

– Как и у вас, – указал на магазин Джерри.

Но это означало не одно и то же. Отец Джерри был фотографом. Зимой он выживал за счет съемки на танцах и различных мероприятиях. Летом трижды в день прогуливался вдоль пляжа, щелкая семейные портреты, а вечером отправлялся в клуб, где кипело веселье и шли нарасхват снимки романтических пар. Лучшими клиентами были девушки. Они любили привозить из отпуска сувениры, чтобы показать коллегам, и вздыхали по танцам, оставшимся в прошлом. Мать и сестра Джерри проявляли пленку и печатали фотографии – в этом заключалась их посильная помощь. Отец ожидал, что единственный сын подхватит его дело. Джерри, с тех пор как подрос, ходил за ним по пятам, изучая человеческую психологию, а также принцип работы и устройство камеры.

Не будь назойливым, поучал отец, будь вежлив и немного отстранен. Щелкай камерой понарошку, когда люди не смотрят или не готовы к съемке, а затем, если они проявят интерес и начнут позировать, снимай по-настоящему. Первые кадры – всегда лишь для того, чтобы привлечь внимание. Мягко напоминай, что покупать ничего не нужно, образцы будут готовы через двадцать четыре часа. После съемки двигайся дальше и не трать время на болтовню. Улыбайся приятно, но не слащаво. Не проси никого позировать, а когда девичья компания требует сделать шесть или семь фотографий, помни, что они купят самое большее одну, поэтому просто притворяйся, что продолжаешь снимать, не трать понапрасну пленку.

Красивая, с длинными темными локонами, сестра Джерри Фиона все лето, когда не трудилась в проявочной, продавала фотографии в деревянной будке на пляже. Отец говорил, что Каслбей настолько мал, что ты никогда не сможешь свести концы с концами, пытаясь развивать свое дело, расширяться и нанимать работников. Пусть предприятие будет небольшим и семейным, и тогда Джерард Энтони Дойл получит неплохое наследство.

Но Джерри не походил на мальчика, которого ожидало обеспеченное будущее. Он изучал газету вместе с братьями О’Брайен с таким рвением, словно ему предстояло плыть с ними на одном корабле в трудовую эмиграцию.

Откуда он знал, сможет ли здесь прожить? Отец всегда говорил, что если в Каслбей на лето приедет какая-нибудь пижонская фирма, то они разорятся. Что сулит ему будущее? В моду может войти цветная фотография. Или объявятся более совершенные, новейшие фотоаппараты. Отец часто повторял, что ходит по краю обрыва. А у владельцев лавки О'Брайен была, по крайней мере, уверенность в том, что спрос на хлеб, масло и молоко никогда не иссякнет. Люди будут покупать продукты, даже ожидая конца света. Пока в Каслбей едут туристы, семья О'Брайен будет до последнего дня торговать мороженым, конфетами и апельсинами.

В описании Джерри будущее выглядело гораздо более захватывающим, чем в реальности. Он предлагал Томми и Неду отправиться на заработки в Англию, чтобы потом – как только англичане задумаются, чем заняться летом и куда поехать на каникулы, – вернуться в Каслбей за прилавком, помочь семье в магазине и заодно провести отличный отпуск. На танцах Томми и Нед будут нарасхват, потому что у всех, кто поработал в Англии, дела идут хорошо. Томми возразил, что поездка домой в горячую пору, когда лавка открыта с восьми утра до полуночи и ты пашешь как вол, имеет мало общего с прекрасным отпуском. Джерри в ответ только рассмеялся и заявил, что это будет их вкладом в семейное дело, потому что летом работа есть для всех. Пусть в остальное время года покупателей нет и приходится бороться за клиентов, но летом вся семья должна быть в сборе, чтобы каждый из них успел хоть немного поспать, а лавка торговала бесперебойно. Так жили во всех прибрежных городках и поселках. Джерри умел убеждать. Томми и Нед узрели мир в розовом свете. Джерри был, разумеется, прав: не лучше ли подождать парня со списком вакансий, вместо того чтобы просматривать объявления, которые ни о чем им не говорили и ничего не обещали?

Клэр поставила утюг у плиты. Она складывала одеяло и прожженную простыню, размышляя, куда их положить, если все содержимое комода вывалили на пол. Джерри Дойл сидел на столе, болтая ногами, и Клэр вдруг показалось, что он дает братьям дурной совет. Томми и Нед не были разбитными и уверенными в себе, как Джерри. Они были из тех, кто со всеми соглашался.

– Этот англичанин в отеле предложит работу, которая тебе по плечу, или место, где придется вкалывать из последних сил?

Все удивились, что Клэр открыла рот.

Отец поднял голову от корпуса радиоприемника и сказал:

– Клэр, девочка моя, это одно и то же. Если ты усердно работаешь, то справишься. Иначе у тебя ничего не выйдет.

– Им нужны обученные, вот что я имею в виду, – пояснила она. – К нам как-то приходили из ордена, чтобы забрать девочек и сделать их послушницами в обмен на аттестат зрелости и обучение ремеслу.

– Послушницами! – взревел от презрения Нед. – Такими ты мечтаешь нас видеть – в рясе и чепце?

– Нет, я не это хотела сказать... – начала Клэр.

– Вряд ли преподобная матушка взяла бы нас к себе, – съязвил Томми.

– Сестра Томас, твой голос выбивается из церковного хора, надо что-то с этим делать, – протянул Нед жеманным тоном.

– О, я сделаю все, что в моих силах, сестра Эдвард. Думаешь, твои подкованные сапоги никого не смущают?

– Чья бы корова мычала, сестра Томас, а как же твои волосатые ноги?

Бенни и Джимми заинтересовались беседой.

– И хватит гонять по монастырю в футбол, – подхватил Бен.

– Монашки играют в футбол! – восторженно завопил Джимми.

Даже мама, которая стояла на коленях, торжествующе сжимая в руках найденный кабель, рассмеялась. Папа тоже улыбнулся.

Помощь для Клэр подоспела откуда не ждали.

– Очень смешно, ха-ха, – сказал Джерри Дойл. – Матушка Эдвард и матушка Томас остры на язык, но Клэр права. Зачем идти на стройплощадку, не обучившись на каменщика или плотника? Рекрутера и правда стоит спрашивать не о зарплате, а о том, что за работу он предлагает.

Клэр вспыхнула от удовольствия. Все вокруг согласно закивали.

– Я чуть не забыл, зачем пришел, – спохватился Джерри. – Отец просил поглядеть на поселок с разных точек. Он подумывает о том, чтобы делать открытки с видами Каслбея, ищет удачный ракурс. С вашего верхнего этажа хороший обзор. Вы не возражаете, если я сбегаю туда и посмотрю?

– Ночью? – удивился отец Клэр.

– Контуры зданий лучше видны в темноте, – заверил Джерри, ставя ногу на ступеньку.

– Ладно, иди, парень.

Все вернулись к своим занятиям, и никто, кроме Клэр, не догадался, что Джерри Дойл, пятнадцати с половиной лет, поднялся по лестнице, чтобы повидаться с тринадцатилетней Крисси О'Брайен.

Когда Дэвид пришел домой, Нелли стояла на коленях у камина с мехами для разведения огня.

– Разожгу на время твоих занятий, – сказала она.

Лицо горничной покраснело от напряжения, а волосы выбились из-под чепца, доставлявшего ей неудобство. Он вечно как-то не так сидел, поэтому казалось, что голова сплошь утыкана шпильками. Нелли была старой – конечно, не такой старой, как мама, – что-то около тридцати. Толстая и жизнерадостная Нелли всегда находилась рядом. У нее была куча женатых братьев и пожилой отец. Пока Дэвид был мал, она любила говаривать, что прекрасно устроилась в чистом, комфортабельном, набитом едой доме Пауэров. Дэвид прежде переживал, что Нелли одиноко на кухне, когда домашние уходят в комнаты, но в ответ ее круглое лицо только расплывалось в улыбке. Горничная уверяла, что чувствует себя так же хорошо, как замужем за полицейским, или даже лучше. Заработок принадлежит только ей, она располагает всем самым превосходным и свободна по четвергам, а еще каждое второе воскресенье.

Дэвид попытался помочь Нелли, но та, побряхтывая, встала и сказала, что все в порядке, а учительница уже у калитки.

Колеса красного велосипеда Анджелы О'Хары действительно шуршали по гравийной дорожке. Мисс О'Хара была высокой, стройной и всегда подпоясывала пальто, как будто оно держалось только за счет кушака. Другие люди обходились пуговицами, но они, конечно, не разъезжали столько на велосипеде. На рыжеватокаштановые волосы мисс О'Хара повязывала ленту или шнурок, но так свободно, что с таким же успехом могла этого не делать. У нее были большие зеленоватые глаза, и она откидывала голову назад, когда смеялась.

Мисс О'Хара отличалась от остальных взрослых. Она осведомилась, всем ли вернули плату за обучение, когда школу закрыли из-за скарлатины. Дэвид не знал и пообещал уточнить, но мисс О'Хара ответила, что это не важно и лучше не спрашивать, потому что можно предположить, будто она хочет больше денег, а это не так. Дэвид забыл, что мисс О'Харе платили за его обучение. Ему даже в голову такое не приходило, он вроде как думал, что мисс О'Хара занимается с ним из интереса. Ей это показалось забавным. Она заверила Дэвида, что вполне могла бы работать ради интереса, но, как гласит Евангелие, трудящийся достоин награды за труды свои. К тому же как насчет мудреного ордена священников, обучавших Дэвида? Они-то, разумеется, свое получали. Дэвид возразил, что в его понимании большая часть денег шла на оплату еды и места в пансионе. Он и представить себе не мог, что уроки сколько-нибудь стоят.

Учительница приходила на час каждый вечер, после того как по окончании занятий в школе навещала мать. Миссис О'Хару скрутил артрит, и Дэвид думал, что старая женщина стала похожа на корявое дерево, изображенное в детской книжке, которую он когда-то читал. Книгу, наверное, педантично убрала мама до нужной поры. У мисс О'Хары были две замужние сестры, жившие в Англии, и брат – священник на Дальнем Востоке. Она сообщила Дэвиду, что единственная из них никогда не путешествовала. Дэвид полюбопытствовал, что бы случилось, если бы она уехала, а ее мать тем временем стала бы одинокой калекой.

– Я бы вернулась, – не задумываясь, ответила мисс О'Хара.

Поскольку у сестер были свои семьи, а брат служил священником, забота о матери в любом случае легла на ее плечи.

Дом мисс О'Хары стоял чуть в стороне от дороги, ведущей к полю для гольфа. Учительница повсюду разъезжала на большом красном велосипеде с корзиной над передним колесом, где всегда лежали тетради. Когда шел дождь, мисс О'Хара накрывала их непромокаемой клеенкой. Зимой она наматывала на шею длинный шарф. При сильном ветре распущенные волосы развевались у нее за спиной, вытягиваясь в прямую линию. Мать Дэвида как-то заявила, что мисс О'Хара похожа на ведьму, которая мчится по Клифф-роуд и вот-вот взмоет ввысь над морем. Но отец не позволял плохо

отзываться о мисс О'Харе. По его мнению, никто не знал, как много она делала для больной матери дни и ночи напролет. Когда бедняжка Анджела уезжала куда-нибудь в отпуск на две недели в году, для миссис О'Хары приходилось нанимать трех сиделок, но даже все вместе они не справлялись. Мать Дэвида недолюбливала Анджелу О'Хару, возможно, потому, что та недостаточно ею восхищалась и равнодушно относилась к ее поездкам в Дублин. Никто не говорил ничего подобного вслух, но Дэвид это чувствовал.

Стол с учебниками стоял у камина, и Нелли обычно приносила чайник и коврижку или кусок яблочного пирога.

Мисс О'Хара гораздо охотнее болтала с Нелли, чем с матерью Дэвида. Она спрашивала о старом отце Нелли, который жил в деревне, о ссоре с братьями и о том, нет ли вестей от сестры из Канады. Они с Нелли хихикали над тем, что опять лягнула экономка преподобного отца О'Двайера мисс Маккормак. Все называли ее Сержант Маккормак, потому что она пыталась прибрать к рукам не только отца О'Двайера с местной церковью, но и весь Каслбей.

Войдя в дом, мисс О'Хара сразу потянулась к камину. Ее руки, сжимавшие на ветру велосипедный руль, замерзли.

– Боже, Нелли, разве это не грех – разводить такой большой огонь только для нас с Дэвидом? Мы могли бы заниматься и на кухне рядом с плитой.

– О нет, так вообще не пойдет! – ужаснулась Нелли.

– Ты не против, Дэвид? – начала мисс О'Хара... и вдруг осеклась. – Нет, не обращайтесь на меня внимания, я всегда хочу изменить мир, в этом моя проблема. Нам повезло, что здесь такой великолепный камин, давайте же пользоваться им по максимуму. Нелли, не подскажешь, что строят рядом с отелем Диллона? Похоже на аэродром.

– Я слышала, там будет солнечная терраса, – с важным видом сообщила горничная. – Может быть, летом у них появятся стулья и карточные столы, а еще там будут подавать чай.

– Им понадобятся пледы и грелки, если летом вернется прошлогодний холод. Ну-ка, студент, доставай учебник географии, мы сделаем из тебя всемирно известного эксперта по пассатам. В твоей школе все позеленеет от зависти, когда ты вернешься в свой храм

науки. Мы покажем им, что такое настоящий ученый, каких мы растим в Каслбее.

Пэдди Пауэр был высок и коренаст. Его лицо изрядно потрепала непогода, главным образом резкий ветер, который дул с моря, когда доктор навещал больных, шагая по переулкам, где не проехала бы его большая подержанная машина. Копна лохматых волос росла во все стороны, напоминая корону, – прежде каштановая, потом крапчатая, а теперь преимущественно седая. Из-за своего телосложения и прически мистер Пауэр порой казался суровым тому, кто не успел узнать его получше. У него была приятная манера вести разговор, обмениваясь с собеседником добродушными шутками, пока он не понимал, чтостряслось. Он говорил, чтобы расслабить пациента, а сам тем временем без напряжения и тревоги находил песчинку в его глазу, занозу в руке, осколок стекла в подошве или болезненный участок внизу живота.

Этот дородный мужчина с трудом мог подыскать себе одежду нужного размера и никогда не заботился о ней. Жизнь слишком коротка, считал он, чтобы тратить время у портного, неся всякий вздор о линиях, крае и лацканах. Однако, несмотря на грузную комплекцию и небрежное отношение к собственной внешности, Пэдди Пауэр был полон здоровья и сил. Он легко спускался из своего сада по тропинке к морю, плавал шесть месяцев в году и раз в неделю играл в гольф. Но сегодня был долгий день, и Пэдди Пауэр устал. Он проехал семнадцать миль, чтобы навестить молодую женщину, которой предстояло умереть к Рождеству, при этом она радостно щебетала о том, как ей, несомненно, станет лучше, лишь только наступит хорошая погода. Ее пятеро детей шумно и беззаботно играли у ног доктора, а бледный молодой муж безучастно сидел, глядя пустыми глазами в камин. Потом Пэдди Пауэру пришлось провести неприятную беседу с одним из братьев Диллонов из отеля и объяснить ему, чем грозит повреждение печени. Он старался тщательно подбирать слова, но все равно столкнулся с глухой стеной непонимания и обиды. Под конец Дик Диллон посоветовал доктору не лезть не в свое чертово дело, ибо трепать языком он горазд, но полграфства знает, что три года назад на скачках доктор напился до поросычьего визга, поэтому не стоит бросать камни в чужой огород. Затем Пэдди Пауэр столкнулся с двумя

тяжелыми случаями гриппа у стариков. Поразив заведомо слабые легкие, грипп предсказуемо в скором времени грозил обернуться пневмонией.

Когда люди нахваливали морской воздух и свежий, бодрящий бриз, Пэдди Пауэр мрачно думал: «Им бы зайти сюда зимой в приемную врача, болтали бы меньше».

Дома Молли сказала ему, что Дэвид легко и быстро справляется с уроками и каждое утро два часа занимается самостоятельно.

– Анджела – замечательный учитель. Жаль, что она так и не получила признания, – ответил Пэдди, устало снимая ботинки и надевая тапочки.

– Так и не получила признания? Разве она не старший школьный преподаватель с большой зарплатой и дипломом? Неплохо для дочери Динни О’Хары, – фыркнула Молли.

– Ты упускаешь главное. Это умная девочка, но она застряла здесь, в Каслбее, и обучает детей, которых ждет место официанта или продавца. А дом, где она живет? Я имею в виду, что даже Малые сестры бедняков^[3] не сделали для паствы столько, сколько Анджела для своей матери.

– Да знаю я, знаю.

Молли хотелось поскорее покончить с неприятной темой.

– И все же когда-нибудь за ней может приехать принц на белом коне, – сказал доктор, улыбаясь при этой мысли.

– Не старовата ли она для принца? – возразила Молли.

– Ей всего двадцать восемь, на год больше, чем было тебе, когда мы поженились.

Молли терпеть не могла, когда муж говорил на подобные темы в присутствии Нелли. Молли росла не в Каслбее, она приехала из большого города и училась в дублинской школе. Ей не нравилось, когда кто-то ее поучал и тем более напоминал о возрасте.

Она взглянула в зеркало – немолода, но все еще хороша собой.

В Дублине Молли подружилась с закупщиком из магазина, и теперь у нее не было проблем с обновлением гардероба. Она предпочитала добротные шерстяные костюмы – достаточно свободные, чтобы под пиджак надеть теплый жилет и даже тонкий свитер. В Каслбее приходилось носить много одежды. Пэдди годами дарил жене красивые броши, чтобы она выглядела нарядно. Кто бы ни

пришел к ним в дом, Молли Пауэр всегда была одета с иголки и готова к приему гостей. Каждые три месяца она делала в городе химическую завивку. Ее волосы были аккуратно уложены, и она не пренебрегала легким макияжем.

Молли осмотрела свое лицо. Она боялась, что местный климат выдубит и иссечет морщинами ее кожу. Это случилось со многими женщинами, но они, вероятно, даже не пользовались кремом.

Она улыбнулась себе и, повернув голову, залюбовалась недавним приобретением – красивыми клипсами в тон зеленой броши на серо-зеленом шерстяном костюме-двойке.

Пэдди увидел, что жена улыбается, подошел и встал у нее за спиной, положив руки ей на плечи.

– Насчет себя ты права, ты великолепна, – признал он.

– Я об этом вовсе не думала, – возмутилась Молли.

– А следовало бы, – возразил муж. – Шикарная штучка – даже не скажешь, что жена и мать.

На мгновение Молли задумалась о своем материнстве. Она сомневалась, что у нее получится. Столько неоправдавшихся надежд. За неделями восторга следовали выкидыши на третьем месяце. Трижды. Два младенца родились мертвыми. А потом, когда она не смела поверить своему счастью, на свет появился Дэвид – идеальный ребенок, именно такой, какого она хотела. В точности.

Анджела считала Дэвида замечательным мальчиком. Он был похож на иллюстрацию из книги «Просто Уильям»^[4]: волосы дыбом, шнурки на ботинках развязались, а галстук съехал набок. Когда Дэвид работал, он не следил за своим внешним видом.

Разве не чудесно учить только одаренных детей, не делая вечных пауз, чтобы отстающие могли догнать? Анджела посмотрела на Дэвида, торжествующе протянувшего ей составленную им карту ветров.

– Чему вы улыбаетесь? – подозрительно спросил он.

– Не знаю. Возможно, я схожу с ума. Я заметила, что улыбаюсь всякий раз, когда у ребенка что-то получается правильно, это так поразительно.

Дэвид рассмеялся:

– В школе все безнадежны?

– Нет, не все, некоторые очень умны. Но какой в этом смысл? Что с ними станет потом?

– Разве это не поможет им сдать экзамены?

– Да-да, так и будет.

Мисс О'Хара выпрямила спину, как делают взрослые, когда не собираются продолжать разговор. Дэвид огорчился.

Анджела возвращалась от доктора Пауэра домой на велосипеде. Встречный ветер хлестал по лицу, а морская соль щипала глаза. Любая зимняя поездка казалась путешествием на Южный полюс, и Анджела в миллионный раз задавалась вопросом, не лучше ли перевезти мать в город. Разумеется, сырой ветер, проникавший сквозь каждую щель коттеджа, матери вреден. Разумеется, от житья в месте, которое три четверти года больше подходит для тюленей и чаек, мало пользы. Однако не нужно себе лгать: она бы переехала в город ради себя самой, ради того, чтобы у нее была хоть какая-то жизнь. Не стоит притворяться, что дело в больных костях матери. Хотя какая жизнь ждала ее в городе? Она бы устроилась в школу, имея на руках немощную старуху, если бы вообще нашла работу. Учительница, не замужем, под тридцать. Восторгаться нечем. «Хватит мечтать, Анджела, смотри на дорогу и крути педали, осталось несколько минут, худшее позади, ты уже проехала мимо расщелины в скале, откуда задувает жестокий ветер».

Впереди показался свет, лившийся из окна.

Люди называли ее дом коттеджем, потому что он только выглядел маленьким, а на самом деле был двухэтажным. Стены были покрыты побелкой, к ним примыкал аккуратный маленький садик с подстриженной живой изгородью и короткой дорожкой, ведущей к двери.

Анджела задавалась вопросом, как семья помещалась внутри, покуда был жив отец, а она, сестры и брат были детьми. Наверное, они страдали от тесноты. Ее родители спали наверху в одной комнате, три девочки – в другой, а Шон, единственный мальчик, – в третьей. Комната внизу, которую она теперь превратила в спальню для матери, раньше служила чем-то вроде гостиной. Тогда в доме не было ни книг, ни сверкающих медных украшений, ни вазочек с маленькими букетами вереска или дрока, как сейчас. Правда, в те годы их коттедж был

приютом для пьяницы, несчастной усталой матери и четверых детей, полных решимости убраться оттуда как можно скорее. Могло ли найтись время на такую роскошь, как книги и цветы?

Мать сидела на стуле со встроенным судном для инвалидов, куда Анджела усадила ее перед тем, как отправиться к Пауэрам. Старушка уронила трость, а другое кресло стояло слишком далеко – матери было не на что опереться, и она не могла встать. Она не жаловалась и выглядела виноватой. Анджела опорожнила судно, налила в него дезинфицирующее средство «Деттол», принесла таз с мыльной водой и полотенце, помогла матери умыться и припудриться. Затем она накинула на маленькую склоненную голову матери фланелевую ночную рубашку, согретую на каминной решетке, и помогла старушке добраться до кровати в комнате рядом с кухней. Она протянула матери четки, стакан с водой и поставила часы так, чтобы больная могла их видеть. Анджела не поцеловала мать – поцелуи в семье были не приняты, – а вместо этого похлопала ее по сложенным рукам.

Придя на кухню, мисс О'Хара достала сочинения, которые предстояло завтра вернуть. Имя победителя не вызывало сомнений и было очевидно с самого начала, но Анджела собиралась оставить небольшой отзыв о каждой работе. Дети написали эссе в свободное время, чтобы побороться за обещанный ею приз. Она хотела подбодрить учеников зримым доказательством того, что прочитала все опусы, даже безграмотные.

Анджела заварила чай в чайнике и устроилась поудобнее, слушая, как на улице завывает ветер. Очень скоро в десяти футах от нее раздался тихий храп матери.

Клэр О'Брайен пришла в школу пораньше. Ее шея была идеально вымыта, Клэр чуть не стерла с нее кожу. Пятно на школьном платье почти сошло под натиском щетки для ногтей. Сменные туфли блестели – Клэр начистила даже подошвы, а желтые банты смотрелись очень красиво. Клэр то и дело оборачивалась, любуясь их отражением в школьном окне. Она выглядела такой же нарядной, как все остальные, такой же ладной, как дочери фермеров-толстосумов. Этим девочкам покупали новую форму, когда они вырастали из старой, вместо того чтобы все время расшивлять ее и надставлять подол, с чем приходилось мириться Клэр и Крисси.

Она думала, что день никогда не начнется. Ей не терпелось встать и выйти вперед на глазах у всей школы под удивленные ахи, потому что она так юна. На несколько лет младше некоторых.

Криси, конечно, будет в ярости, но это не имело значения. Криси приходит в ярость из-за всего, она переживет.

Клэр пошла в конец коридора, чтобы просмотреть доску объявлений. На ней не появилось ничего нового. Вероятно, информацию о награде по истории вывешают ближе к полудню. Пока здесь можно было ознакомиться с расписанием занятий, списком праздников и каникул на год, подробностями образовательного тура в Дублин, а также с его стоимостью, лишавшей Клэр шанса на участие. Еще там висело письмо от преподобного отца О'Хары, брата мисс О'Хары, который был миссионером. Он благодарил школу за фольгу и сбор марок и сообщал, что гордится девушками родного поселка, сделавшими так много, чтобы помочь великому делу распространения слова нашего Господа среди бедных людей, никогда о Нем не слышавших.

Увы, Клэр не могла вспомнить преподобного отца О'Хару, но все утверждали, что он замечательный, очень высокий, выше мисс О'Хары, и удивительно красивый. Мать Клэр говорила, что видеть отца О'Хару, когда он возвращался в Каслбей, чтобы отслужить в церкви мессу, было истинным удовольствием. По мнению Агнес О'Брайен, брат мисс О'Хары также был замечательным сыном. Он писал своей матери из миссий, и она часто показывала его письма знакомым, пока еще могла ходить и выбираться из дома.

По словам отца О'Хары, работа в миссии была на редкость интересным занятием. Клэр хотелось, чтобы он присылал по письму каждую неделю. Интересно, что сообщает брату в ответ мисс О'Хара? Расскажет ли она ему о награде по истории?

Учительница как раз сейчас въезжала в школьные ворота на велосипеде.

Лицо матушки Иммакулаты напоминало кончик острого пера.

– Можно вас на пару слов, мисс О'Хара, всего на пару слов? Конечно, если у вас найдется время.

Однажды, пообещала себе Анджела, она ответит матушке Иммакулате, что свободного времени у нее нет – она слишком занята,

помогая старшеклассницам на винокурне и готовя из третьеклассниц белых рабынь на продажу. Но это произойдет не сегодня. Пока ей нужна эта работа.

Она поставила велосипед под навес и захватила стопку сочинений, завернутых в парусину для защиты от непогоды.

– Конечно, матушка, – натянуто улыбнулась мисс О’Хара.

Иммакулата не проронила ни слова, пока они не вошли в ее кабинет. Она закрыла дверь и села за свой стол. На единственном свободном стуле громоздились книги, поэтому учительнице пришлось стоять.

Мисс О’Хара решила дать отпор. Если монахиня вздумала обращаться с ней как с непослушным ребенком из-за какой-то пока неизвестной мелочи, заставляя стоять и волноваться, Анджела может выпрямиться так высоко, что у матушки Иммакулаты сведет шею при взгляде вверх. Анджела незаметно приподнялась на цыпочки и вытянула шею, как жираф. Это сработало. Монахине тоже пришлось встать.

– Мисс О’Хара, что еще за денежная награда на конкурсе сочинений? Объясните, как это пришло вам в голову и когда вы обсуждали это со мной?

– Я дала задание написать эссе и вручу приз за лучшее из них, – улыбнулась Анджела, изображая простушку.

– Когда вы обсуждали это со мной?

Худое, заостренное лицо дрогнуло от явного неуважения и тревоги, вызванной неприятным открытием.

– Матушка, но ведь необходимости обсуждать с вами все, что мы делаем на уроке, разумеется, нет? Что бы мы успели, советуясь с вами по поводу заданий на дом и по подобным вопросам?

– Я не это имела в виду. Я хочу сказать, что мне нужно объяснение. С каких пор мы платим детям за учебу?

Анджела внезапно почувствовала усталость. Это будет длиться вечно. Любой энтузиазм и вовлеченность тут же подавлялись. За все приходилось бороться – даже за привилегированное право приложить руку к собственной скудной зарплате, чтобы отдать ее часть в качестве соблазнительного приза, заставив даже тупиц полистать учебник истории.

Это было похоже на медленный, затянувшийся танец. Следовало исполнить ряд затейливых па, изобразив замешательство. Анджела посетовала, что ей ужасно жаль, она-то думала, что матушка Иммакулата будет в восторге, и это, конечно, было ложью. Анджела хорошо знала, что монахиня пресекла бы затею на корню, проведай она о конкурсе раньше. Затем последовала демонстрация притворной беспомощности: что же теперь делать, она исправила все сочинения, смотрите, вот они, а дети ждут результатов сегодня. В финале прозвучала фальшивая мольба к матушке Иммакулате проявить любезность и самой вручить награду. У Анджелы все готово, лежит в конверте. Двадцать один шиллинг – целая гиней. И дополнительный приз для другой девочки, которая тоже блестяще справилась, – книга в подарочной обертке. А под конец – нарочитая благодарность и лицемерное обещание, что подобное больше не повторится.

Любезность матушки Иммакулаты оказалась отвратительней ее враждебности.

– И кто же победил в этом опрометчиво устроенном соревновании? – осведомилась она.

– Берни Конуэй, – призналась Анджела. – Ее эссе, несомненно, самое лучшее. Но, знаете, юная Клэр О’Брайен написала потрясающую работу. Бедная девочка – она, должно быть, полностью выложила ради сочинения. Я бы хотела вручить гиней ей, но подумала, что дети начнут к ней цепляться, она слишком мала. И поэтому я купила ей книгу. Не могли бы вы сказать ей теплые слова о том, что она...

Матушка Иммакулата не могла согласиться на такое. Клэр О’Брайен из маленькой лавки вниз по улице? Разве она не была одной из самых младших, кто поступил в школу? Ну уж нет, это никуда не годилось. Поставить ее в один ряд с Берни Конуэй из почтового отделения? Наградить младшую сестру Крисси О’Брайен? Ни за что.

– Клэр совсем не похожа на Крисси, она совершенно другая, – запричитала Анджела.

Но она проиграла.

Дети гуськом вошли в школьный зал, чтобы помолиться и спеть псалом. Матушка Иммакулата взяла с собой конверт с гинеей и открыткой, в которой говорилось, что Бернадетт Мэри Конуэй

удостоена награды за лучшее сочинение по истории. Аккуратно упакованный экземпляр «Золотой сокровищницы»^[5] Палгрэйва для Клэр О'Брайен за превосходное эссе остался лежать на столе. Анджела забрала его, напомнив себе, что верить, будто можешь выиграть все, не более чем ребячество.

Матушка Иммакулата зачитывала объявления после молитвы. Клэр думала, что долгожданные слова никогда не слетят с тонких губ монахини. Сначала та сообщила, что девочек будут учить отвечать на молитвы отца О'Двайера во время мессы. Не служить мессе, разумеется, это позволено только мальчикам, а отвечать на реплики священника. Этому следует уделить особое внимание, чтобы ответы звучали красиво. Затем матушка посетовала, что девочкам, в чьи обязанности входило присматривать за школьными алтарями, явно не хватало усердия, чтобы налить в вазы свежую воду. Какая судьба ждала ребенка, не способного даже приготовить чистую вазу для Пресвятой Богородицы? Это ведь так просто сделать для Матери Божией. Потом речь зашла об уличной обуви, которую носили в классе вопреки правилам. Наконец матушка Иммакулата заговорила о конкурсе сочинений, и ее голос слегка изменился. Клэр показалось, что монахиня очень не хотела вручать награду.

– Сегодня утром я узнала, что у нас, оказывается, проводился некий конкурс по истории. Я, конечно, рада любым проявлениям трудолюбия и поэтому с огромным удовольствием вручаю награду от имени школы.

Матушка Иммакулата сделала паузу и пробежала взглядом по рядам девочек, стоявших перед ней. Клэр нервно поправила на себе платье. Следует помнить, что нужно идти медленно и не бежать, иначе можно упасть на ступеньках, ведущих на сцену, где стояли монахини и учительницы-мирянки. Главное – сохранять спокойствие, поблагодарить мисс О'Хару, а также не забыть сказать спасибо матушке Иммакулате.

– Что ж, не буду больше держать вас в напряжении...

Матушке Иммакулате удалось растянуть вступление еще на несколько секунд.

– Награда присуждается Бернадетт Мэри Конуэй. Поздравляю, Бернадетт. Подойди сюда, дитя, и получи приз.

Клэр велела себе улыбаться. Нельзя позволить себе измениться в лице. Нужно думать только об этом, и ни о чем другом, и все будет в порядке. Она отчаянно сосредоточилась на улыбке, от которой приподнимались веки. Если бы в глазах заблестели слезы, никто бы не заметил.

Улыбка не сходила с лица Клэр, пока эта дурочка Берни Конуэй снова и снова подносила ладонь ко рту, а потом положила ее на грудь. Подругам пришлось подтолкнуть Берни локтем, чтобы она сдвинулась с места. Когда Берни ахнула и сказала, что это не может быть правдой, Клэр стиснула зубы и продолжала улыбаться. Она заметила, что мисс О'Хара огляделась по сторонам и теперь не сводит с нее глаз. Клэр старательно улыбнулась в ответ. Очень старательно. Мисс О'Хара не должна узнать, как сильно Клэр ее ненавидит. Это, наверное, самая подлая и отвратительная учительница в мире – хуже матушки Иммакулаты, – раз она сказала Клэр, что та выиграла конкурс, солгала, что ее сочинение – лучшее из всего, что она прочла за годы преподавания. Клэр улыбалась до тех пор, пока детям не разрешили покинуть зал и разойтись по классам. Тогда она стерла улыбку с лица – в улыбке больше не было смысла. Она почувствовала, как с головы упала одна лента, но в бантах тоже больше не было смысла.

На ланч девочки принесли в класс бутерброды. Они ели очень аккуратно, чтобы не крошить на пол и не привлечь мышей. Клэр приготовила толстые сэндвичи для себя и Крисси, поскольку старшая сестра по-прежнему находилась в опале. Но аппетита не было. Клэр развернула бумагу, посмотрела на еду и снова завернула. Джози Диллон, сидевшая рядом с ней, с завистью уставилась на сверток.

– Ты уверена? – уточнила Джози, когда Клэр молча протянула ей сэндвичи.

– Да, – ответила Клэр.

Шел дождь, и девочки не могли выйти во двор. Во время ланча в классе было невыносимо: окна закрыты, повсюду запах еды. Монахини и учительницы переходили из кабинета в кабинет, следя за тем, чтобы девочки не шумели. Уровень шума резко падал, как только на пороге появлялась фигура, облеченная властью, а затем медленно поднимался до крещендо, когда фигура двигалась дальше.

Джози была младшей в семье Диллон. Их остальные дети учились в школе-пансионе, но Джози не потрудились отправить туда, потому

что умом она не блистала. Крупная, рыхлая девочка с недовольным лицом, на котором появлялось оживление, только когда кто-то предлагал ей еду.

– Они замечательные, – сказала Джози с набитым ртом. – Ты рехнулась, если сама есть не хочешь.

Клэр слабо улыбнулась.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – забеспокоилась Джози. – Ты как будто позеленела.

– Нет, я в порядке, в порядке, – сказала Клэр скорее себе, чем Джози Диллон, которая разворачивала второй сэндвич, с удовольствием его разглядывая.

Мисс О'Хара вошла в класс, и шум стих. Учительница отдала несколько распоряжений: «Поднимите хлебные корки, откройте окно, чтобы немного проветрить, пусть на улице холодно и сыро, откройте окно, сколько раз повторять, что книги нужно убирать на время еды». И вдруг:

– Клэр, не могла бы ты выйти со мной на минутку?

Но Клэр не собиралась ни выходить из класса, ни разговаривать с мисс О'Харой. Она ненавидела учительницу, ведь та выставила ее дурой, вселив надежду и заверив в победе.

Однако мисс О'Хара настаивала:

– Клэр. Пожалуйста.

Девочка неохотно вышла в коридор, полный детей, которые сновали туда-сюда, в уборную и обратно, готовясь к дневным занятиям. Звонок мог прозвенеть в любой момент.

Мисс О'Хара положила свои книги на подоконник, прямо на алтарь Святейшего Сердца. Почти на всех подоконниках стояли алтари, и каждый класс отвечал за один из них.

– Я приготовила для тебя еще один приз, потому что ты написала превосходное сочинение. Если бы в конкурсе участвовали только девочки твоего возраста, ты бы наверняка выиграла без особого труда. В любом случае это тебе, – сказала мисс О'Хара и протянула Клэр небольшой сверток.

Анджела улыбалась и с нетерпением ждала, когда девочка развернет бумагу. Но Клэр было не подкупить тайным призом.

– Большое спасибо, мисс О'Хара, – произнесла она, не делая попытки развязать бечевку.

– Не хочешь взглянуть?

– Я открою потом.

Для Клэр такой ответ почти граничил с грубостью, на большее она не могла отважиться.

На случай если она все же зашла слишком далеко, Клэр добавила:

– Большое вам спасибо.

– Клэр, хватит дуться. Открой подарок, – настойчиво сказала мисс О’Хара.

– Я не дуюсь.

– Разумеется, дуешься, и это ужасная привычка. Прекрати сию же минуту и разверни подарок, который я из лучших побуждений купила тебе на свои деньги, – приказала учительница.

Клэр почувствовала себя неблагодарной. Что бы там ни было, ей следовало проявить вежливость.

Внутри она обнаружила сборник стихов в мягкой кожаной обложке с позолоченным орнаментом в виде причудливых цветов. Книга называлась «Золотая сокровищница» и была просто прекрасна.

Маленькое большеглазое личико понемногу оживилось.

– Теперь открой и посмотри, что я написала, – велела Анджела, все еще исполнявшая роль строгого учителя.

Клэр прочла надпись вслух:

– «Это первая книга для твоей библиотеки. Однажды, когда у тебя будет большое собрание книг, ты вспомнишь о ней, покажешь кому-то и пояснишь, что это твоя первая книга, которую ты выиграла в десять лет».

– У меня будет библиотека? – взволнованно спросила Клэр.

– Появится, если захочешь. Ты можешь получить все, что захочешь.

– Это правда?

Клэр решила, что мисс О’Хара шутит.

– Нет, не совсем, – ответила Анджела, и в ее голосе послышались металлические нотки. – Я просила Иммакулату вручить тебе приз перед всей школой, но она отказалась. Боится, что возгордишься или начнешь задаваться. Я многого хочу, но не могу получить. Дело не в этом, а в том, что нужно добиваться своего. Если не попытаться, точно ничего не получишь.

– Она прекрасна, – сказала Клэр и погладила книгу.

– Это замечательный сборник, гораздо лучше, чем тот, который вы изучаете в классе.

Клэр почувствовала себя очень взрослой: мисс О'Хара произнесла имя Иммакулаты, не назвав ее «матушкой». Мисс О'Хара заявила, что школьная хрестоматия не очень хороша!

– Я бы все равно купила книгу, если бы выиграла гинейю, – великодушно заявила Клэр.

– Не сомневаюсь. А эта ломака Берни Конуэй, наверное, купит сумочку или кучу лент для волос. Что случилось с теми милыми желтыми бантами, которые были у тебя утром?

– Я убрала их в сумку. Они оказались не к месту.

– Что ж, может быть, они окажутся к месту чуть позже.

– Конечно, мисс О'Хара. Спасибо за прекрасную книгу. Правда! Огромное спасибо.

Анджела поняла, что чувствует девочка, и внезапно сказала:

– Знаешь, Клэр, ты добьешься всего, чего захочешь, если не будешь сдаваться и говорить, что все безнадежно. Тебе необязательно становиться такой, как остальные.

– Я бы очень хотела... ну... преуспеть, – призналась девочка.

Слова, которые долго томились внутри из опасения вызвать насмешку, наконец вырвались наружу.

– ...Но ведь это очень трудно?

– Конечно трудно, поэтому и стоит попытаться. Будь это легко, смог бы кто угодно. В трудности сама суть.

– Все равно что быть святой, – просияла Клэр.

– Да, но это другой путь. Сначала получи образование. Лучше быть взрослой святой, чем святым ребенком.

Прозвенел звонок, на мгновение оглушив их.

– Да уж, я бы предпочла не становиться святым ребенком. Они все пострадали за веру?

– Почти все, – ответила мисс О'Хара, едва не задев статую Святейшего Сердца Иисуса Христа, собирая книги к уроку.

Крисси и ее отчаянные подруги Пегги и Кэт решили навестить мисс О'Флаэрти, чтобы извиниться. Джерри Дойл, очевидно, объяснил Крисси накануне вечером, что это наилучший выход. В конце концов, мисс О'Флаэрти знала, что это были они, родители их поймали и

наказали, так почему бы не попробовать получить прощение? Мисс О'Флаэрти придется их простить, иначе ее посчитают старой злой кошелкой, затаившей обиду. Крисси не соглашалась, но Джерри умел убеждать. Что они теряют? Никто не требовал от них искреннего раскаяния. Притворного сожаления было вполне достаточно, чтобы разрядить обстановку и готовить вечеринку в пещере, а иначе они так и будут сидеть под домашним арестом.

«Сделай это поскорее и постарайся как следует, – таков был совет Джерри. – Взрослым нравятся те, кто встал на праведный путь. Не стесняйся, наплети с три короба».

Клэр удивилась, увидев троицу на пороге лавки мисс О'Флаэрти. Она думала, что сестра с подругами тут же умчатся прочь, но те самоуверенно шагнули вперед. Клэр притворилась, что разглядывает засиженную мухами витрину, которая не менялась, сколько она себя помнила. Ей хотелось узнать, что происходит внутри магазина.

То, что она услышала, ее поразило. Крисси плакалась, что не могла уснуть прошлой ночью из-за своего проступка. Пег, понуриив голову, сетовала, что выходка казалась ей шуткой, но теперь она поняла, что пугать людей совсем не смешно. Кэт предлагала мисс О'Флаэрти выполнять для нее мелкие поручения, чтобы загладить вину.

Дородная мисс О'Флаэрти, с прической, похожей на птичье гнездо, смутилась. Визит троицы ее ошеломил, и она понятия не имела, как поступить.

– Такие дела, – подытожила Крисси, пытаясь покончить с этим. – Мы все очень сожалеем.

– Дома нас, конечно, наказали по полной программе, – добавила Кэт. – Но это вам ничем не поможет, мисс О'Флаэрти.

– Может быть, если к вам заглянут наши матери, вы скажете, что мы...

Мисс О'Флаэрти достала банку с печеньем. Довольно об этом. Все, что нужно, сказано и сделано. У трех безобидных проказливых девчушек хватило приличия и такта прийти и повиниться в своем грехе. Им даровано безоговорочное прощение. Мисс О'Флаэрти сообщит об этом их матерям.

Подруги выскочили из лавки, свободные как ветер. Клэр испытала к ним отвращение. Мисс О'Флаэрти была ужасна и заслужила свою

участь, испугавшись морских водорослей. Почему они извинились только сейчас? В этом крылась какая-то тайна. Крисси не пожелала ничего разъяснять сестре, чье появление ее раздосадовало.

– Простите, Пег и Кэт, но моя сестра-зануда, кажется, ходит за нами по пятам.

– Я не слежу за вами, а возвращаюсь из школы домой, – сказала Клэр. – Сегодня слишком ветрено, чтобы идти вдоль обрыва.

– Ха, – откликнулась Кэт.

– Так мы тебе и поверили, – съязвила Пег.

– Тебе повезло, что у тебя нет младшей сестры, – сказала Крисси. – Младшие похожи на нож, который вонзили в спину.

– Почему это? Бен и Джимми не похожи на ножи, – возразила Клэр.

– Они нормальные, – ответила Крисси. – Не таскаются за тобой следом, скуля и хныча.

Подруги сочувственно закивали.

Клэр замешкалась и заглянула за штору. В этом окне она тоже знала все наизусть. Зеленый кардиган вечно висел на манекене в окружении коробок с выцветшими от летнего солнца носовыми платками, выставленными напоказ. Клэр подождала, пока сестра с подругами не завернули за угол. Затем она медленно пошла по улице к большой расщелине в скалах, откуда ступеньки спускались к пляжу, обратно домой, в магазин О’Брайена. По всеобщему мнению, он должен был стать маленькой золотой жилой, поскольку находился на дороге у моря. Это был последний магазин по пути на пляж, поэтому люди покупали там апельсины и сладости. И это был первый магазин, куда по пути назад забегали, высунув язык, отдыхающие, чтобы купить мороженое или газированные напитки. Это была ближайшая лавка, куда отправляли детей с пляжа, чтобы подкрепиться в солнечный день. Том О’Брайен должен был сколотить небольшое состояние, говаривали жители Каслбея, кивая друг другу. Клэр недоумевала, почему люди так думают. Лето для семейства О’Брайен длилось столько же, как и для всех остальных. Одиннадцать недель. А зима в открытой ветрам лавке была длиннее и холоднее, чем в остальных домах по Черч-стрит, лучше защищенных от непогоды.

Молли Пауэр пожаловалась мужу, что Дэвиду одиноко, потому что у него нет друзей, и, возможно, следует позволить ему позвать друга в гости. Доктор полагал, что в поселке полно ребят, с которыми Дэвид играл до того, как отправился в школу-пансион. Но Молли возразила, что это не то же самое. Разве нельзя позвонить Джеймсу Нолану в Дублин и пригласить его на несколько дней? Родители могли посадить мальчика на поезд, а они бы его встретили. Дэвид пришел в восторг от мысли, что Нолан останется. Нолан, судя по голосу в телефонной трубке, тоже очень обрадовался. Он признался, что мечтает уехать из дома, потому что не подозревал, насколько безумны его родственники. Должно быть, они стали еще хуже с тех пор, как он поступил в школу-пансион, а он не замечал. Дэвид предупредил Нолана, что после ярких огней Дублина в Каслбее ему покажется очень тихо. Нолан заявил, что огни Дублина не такие уж яркие, а мать не разрешает ему пойти в кино, чтобы не подцепить блох. Ему просто не терпится поскорее добраться до моря.

– А мой класс увеличится на сто процентов? – уточнила Анджела О’Хара, когда услышала, что Нолан приезжает погостить.

Дэвид об этом не подумал. Он не знал. Подобные вопросы не приходили ему на ум.

– Не важно, – отмахнулась Анджела. – Решим это с твоими родителями. Но у нас был план работы на те двадцать дней, пока твоя школа закрыта. Если приедет мистер Нолан, план сократится на шесть дней. Что ты собираешься делать? Отказаться от намеченного или попробовать выполнить работу?

Дэвид смутился, и мисс О’Хара пришла ему на помощь:

– Думаю, ты бы предпочел, чтобы Нолан не видел, как тебя учит женщина. Школьная учительница, проходящая на дом, напоминает гувернантку.

– О боже, вовсе нет, – искренне огорчился Дэвид. – Честно говоря, я даже боюсь признаться родителям, сколько всего узнал за время занятий с вами. Иначе они отправят меня не в школу, а в здешний монастырь.

Сочетание обаяния и стеснительности, свойственное Дэвиду, выглядело очень привлекательно. Черты грубоватого, доброго отца оттенял лоск, который, должно быть, достался мальчику от матери.

– Я могла бы каждый день давать вам с мистером Ноланом задания. Скажем, на полтора-два часа. Я проверю выполненную работу, не заходя сюда, и мы избежим неловкой ситуации.

На лице Дэвида отразилось облегчение.

– Мистер Нолан так же плох в латыни, как и ты? – поинтересовалась Анджела.

– Вроде в этом он посильнее меня. Латынь ему тоже понадобится, он хочет заниматься юриспруденцией.

– Его отец – барристер?^[6]

– Солиситор^[7], – ответил Дэвид.

– В таком случае дело обещает быть приятным и легким, – сказала Анджела с горьким смешком.

Дэвид был озадачен, но мисс О'Хара сменила тему. Юный Пауэр не был виноват в том, как устроена система. Эта система подразумевала, что Дэвид Пауэр станет врачом, как его отец, Джеймс Нолан из Дублина – солиситором, как его отец, а Клэр О'Брайен будет крайне трудно стать кем-либо вообще. Анджела расправила плечи: трудно, но все же возможно. Разве Клэр не видела перед собой в классе лучший пример подобного исключения? Анджела, младшая дочь Динни О'Хары, пьяницы и бездельника, который шлялся по Каслбею в поисках любой подачки. Она получила приглашение в колледж, и ее оценки были выше, чем у других студентов. Семье удалось выкроить деньги, чтобы отправить брата Анджелы в миссию, а ее племянницы и племянники жили в комфортабельных домах в Англии. Когда семья шла за гробом отца пять лет назад, никто в Каслбее не испытывал к ним жалости. Если Анджела добилась своего, имея отца-пьяницу и мать-калеку, то сможет и Клэр, если очень постарается, а девочка пока старалась изо всех сил.

– Что ж, студент, – обратилась Анджела к Дэвиду, – продолжим занятия в школе, пока знатный господин из Дублина не застукал нас за любимыми книгами.

– Вы великолепны, мисс О'Хара, – восхитился Дэвид. – Жаль, что вы не мужчина, а то могли бы стать священником и учить нас в школе, как полагается.

Молли Пауэр усердствовала в стремлении обеспечить юному другу Дэвида достойный прием. Она давала Нелли бесконечные

указания, требуя подать завтрак в комнаты на подносах и достать лучшее столовое серебро, пока Дэвид не попросил позволения просто спуститься в гостиную и поесть как обычно. Прежде чем заняться своими делами, им предстояло выполнить домашнее задание от мисс О'Хары. Зато какой длинный день ждал их впереди! Нолан радовался близости пляжа.

«Почти как частный доступ к морю», – с завистью сказал он.

Требовалось всего-навсего перелезть через изгородь в конце сада и спуститься по тропинке на песчаный берег к пещерам. Путь пестрел надписями с предупреждением об опасности. Нолан обследовал пещеру Эха и другие, поменьше. В высоких резиновых сапогах он скользил и карабкался по прибрежным камням, обнажившимся после отлива, собирал необычные ракушки. Он дошагал до конца Клифф-роуд, чтобы проверить, дует ли ветер из Пыхающей дыры. Он прогулялся по полю для гольфа и надумал вместе с Дэвидом брать уроки игры следующим летом. Он не мог поверить, что им разрешили пойти вечером в кино. В Дублине его пускали только на утренние сеансы – до тех пор, пока мать не узнала про блох.

В Каслбее Нолан приглянулся всем. Во-первых, он был красив: невысокий, с острыми чертами лица и волосами, которые не торчали под разными углами, как у Дэвида, а волной ниспадали на лоб. Казалось, ничто не ускользало от его пронзительного взгляда. Он одевался со вкусом и расхаживал, подняв воротник и засунув руки глубоко в карманы. Нолан часто шутил насчет своего низкого роста, утверждая, что страдает комплексом маленького человека, как Наполеон и Гитлер.

Во-вторых, он был вежлив с миссис Пауэр и жадно выпытывал у мистера Пауэра медицинские сведения. Он похвалил стряпню Нелли и заявил, что, по его мнению, Каслбей – самое красивое место в Ирландии. В мгновение ока Нолан стал в доме Пауэров почетным гостем. Он понравился даже Анджеле О'Харе. Нолан добросовестно выполнил задание, испещрив листы мелкими аккуратными буквами, и Анджела немедленно прислала ему записку:

Будьте добры, пишите не таким вычурным почерком, чтобы его можно было разобрать. Я не понимаю, правильно

ли вы подставили окончания, склоняя существительные. Я не позволю, чтобы мою работу сводили на нет.

– Она, должно быть, яркая личность. Почему бы не встретиться с ней? – спросил Нолан.

Дэвид не был уверен, что это хорошая идея. Он знал, что занятия с мисс О’Харой его компрометируют.

– Она стесняется, – солгал Дэвид и почувствовал себя еще хуже.

На следующий день они увидели стремительную, как дервиш, женскую фигуру, летевшую на красном велосипеде. Велосипед совершил крутой вираж, и из корзины в Дэвида полетел конверт с бумагами.

– Вот ты где, студент! Лови! Теперь мне не придется мчать против ветра по пути к вам.

Дэвид ловко поймал конверт.

– Вот тот, кто ничего не знает о форме множественного числа для среднего рода, – весело крикнула Анджела. – Прилагательные тоже надо ставить в форму множественного числа, дружок. Нет смысла просто бросаться ими, надеясь, что они сами себя просклоняют.

– А вы не могли бы прийти и позаниматься с нами дома? – кокетливо предложил Нолан.

– Ох, у меня слишком много дел, да мы и заочно неплохо справляемся.

Ее волосы развевались на ветру, как у героини фильма, разъезжающей в кабриолете. На ней было серое пальто и серо-белый шарф.

– Роскошно выглядит, – выдохнул Нолан.

– Мисс О’Хара? – недоверчиво переспросил Дэвид. – Она же стара как мир.

Они смеялись над тем, сколько лет будет мисс О’Харе, когда Нолану исполнится двадцать пять – возраст, в котором он рассчитывал жениться, – и тут им повстречался Джерри Дойл. В резиновых сапогах и рыбацком свитере он почему-то гораздо лучше вписывался в окружающий пейзаж, чем Дэвид и Нолан. Джерри был, пожалуй, единственным, кто спрашивал у Дэвида, на что похожа школа-пансион, чем там кормят и какие машины у родителей одноклассников.

– Думаю, если в вашей школе чума, ее могут спалить дотла, – предположил Джерри.

Он подозревал, что дела обстоят гораздо серьезнее, чем им говорили. Там наверняка, кроме скарлатины, бушуют чума и моровая язва. Иначе зачем закрывать такое крупное учебное заведение? Джерри посоветовал парням после возвращения в школу остерегаться микробов, которые могли сохраниться в стоячей воде или на шторах.

Дэвид сделал мысленную заметку поговорить об этом с отцом.

– Хотите прийти на ночную вечеринку? Разве у вас их не устраивали постоянно – до чумы и всего остального?

– Я был на одной, и нас поймали, – печально признался Дэвид.

– Я был на ней и еще на одной. На второй никого не поймали, – отчитался Нолан.

– Ну, тогда приходите завтра вечером в Тюленью пещеру, начало в одиннадцать тридцать. Захватите сосисок и бутылку апельсинового сока или даже пива.

– Можно? – просиял Нолан.

– Почему нет? Это же Каслбей, а не захолустье вроде Дублина, – по-молодецки откликнулся Дэвид, а Джерри Дойл сообщил, что на вечеринке будут девушки и консервированная фасоль с сосисками...

Джерри Дойл велел Крисси не упоминать о вечеринке в пещере при Томми и Неде. Он ничего не имел против братьев Крисси, просто Томми и Нед были из тех, кто мог случайно проговориться. По словам Джерри, он не позвал на вечеринку даже собственную сестру, потому что она бы тоже проболталась. Крисси, Пегги и Кэт были рады, что Фиона не придет. На их вкус, сестра Джерри выглядела чересчур привлекательно. Конечно, ей было четырнадцать, что автоматически повышало ее статус, но они и без этого чувствовали, что отходят на задний план, когда Фиона оказывалась рядом. И разумеется, Крисси не собиралась оповещать о вечеринке Томми и Неда. Братья были слишком ненадежны – они бы несколько дней засыпали ее вопросами, и в итоге их бы разоблачили, положив конец планам на пикник. Джерри сказал, что народу наберется около дюжины или около того и нет смысла трезвонить о вечеринке на каждом углу. Участники встречались в пещере в половине двенадцатого. Каждому следовало пробираться своим путем, группами по двое-трое максимум, чтобы не привлекать внимания.

Ворочаясь в кровати, Клэр увидела, как в другом конце комнаты ноги Крисси опускаются на пол. К удивлению Клэр, старшая сестра была полностью одета. Она двигалась очень тихо, шаря по полу в поисках туфель. Лампада Святейшего Сердца высветила фигуру Крисси, которая брала из лавки большую вязанку сосисок и кусок бекона! Девчонка украдкой заворачивала их в белую бумагу, бросая нервные взгляды на постель сестры.

Клэр сразу сообразила, что Крисси замыслила побег. С одной стороны, это было здорово. У Клэр появится отдельная спальня, и никто больше не будет мучить ее сутки напролет. В доме поубавится ссор. Но с другой стороны, хорошего мало. Мама и папа расстроятся, утром в дом придут сотрудники гвардии, а с приливом отец О'Двайер и соседи отправятся вдоль обрыва на поиски тела, как это было всегда, когда кто-то пропадал в Каслбее. За Крисси вознесут молитвы, а мама будет заливаться слезами, гадая, где же дочка и как у нее дела.

«Нет, – неохотно вздохнула Клэр. – Лучше ей помешать. Этот побег принесет больше хлопот, чем пользы».

Услышав вздох, Крисси подозрительно уставилась на нее.

– Ты что, убегаешь из дома? – небрежно спросила Клэр.

– О господи боже, ну что за горе – иметь такую глупую сестру. Я иду в туалет, дура ты набитая.

Однако в голосе Крисси слышался страх.

– А почему ты одета и берешь сосиски с беконом, если просто идешь в туалет? – мирно поинтересовалась Клэр.

Крисси, признав поражение, опустилась на кровать.

– Как же мне хочется навалить тебе! Вечно ты шпионишь за мной. Ты родилась ябедой – это у тебя на лбу написано. Только и знаешь, как ходить за людьми по пятам и превращать их жизнь в кошмар. Ты ненавидишь меня и поэтому портишь все, что я делаю.

– Вообще-то, это не так, – возразила Клэр. – Если бы я ненавидела тебя по-настоящему, я бы позволила тебе сбежать.

Крисси молчала.

– Но мама сильно расстроится, и папа тоже. Начнут плакать и все такое. Я не шпионю. Просто решила спросить, куда ты собралась, на случай если они подумают, что ты мертва или типа того.

– Никуда я не сбегаю. Я иду гулять, – заявила Крисси.

Клэр села на своей маленькой железной кровати и переспросила:

– Гулять?

– Тише. Да. А на прогулке мы хотим перекусить.

Приподнявшись, Клэр выглянула в окно за статуей Святейшего Сердца и маленькой красной лампадой. Снаружи повис кромешный мрак. Каслбей замер.

– А Пегги и Кэт тоже пойдут?

– Тише. Да.

– Это что, пикник?

– Да, но ты на него не идешь. Я не дам тебе испортить все, что я делаю. Ты не загубишь мне пикник.

– Раз это всего лишь вечеринка, то нестрашно, – сказала Клэр и снова уютно устроилась под одеялом. – Я просто не хотела, чтобы все переполошились, если ты сбежишь. Вот и все.

На полке кухонного камина стояли маленькие красные дорожные часы. Дэвид взял их с собой в постель. Нолан заверил его, что он без проблем проснется сам в гостевой комнате, но Дэвид не хотел рисковать. Часы лежали у него под подушкой с выключенным будильником и все равно помогли очнуться, когда он провалился в глубокий сон. Несколько мгновений Дэвид не мог сообразить, что происходит, а потом вспомнил. Бутылка сидра и сосиски были аккуратно упакованы в его спортивную сумку. Нолан купил четыре бутылки стаута и две упаковки печенья с зефиром, сказав, что оно великолепно, если поджарить его на огне. Джерри Дойл предупредил, что в дальней части Тюленьей пещеры разведут костер, который наверняка разгорится, они уже опробовали это. Глубокая пещера идеально подходила для пикника.

Единственной загвоздкой был пес по кличке Бонс. Отец Дэвида утверждал, что Бонс с радостью оближет руки любому грабителю или убийце, но пес лаял на весь дом, когда входил или выходил кто-то свой. Бонс был скорее обузой, чем сторожевым псом. Парни решили взять его с собой. Нолан предпочел бы накачать собаку снотворным, вырубив на несколько часов. Однако Дэвид жил в доме, где даже аспирин лежал под замком, и был слишком строго воспитан, чтобы помыслить о чем-то подобном.

Дэвид пробрался в гостевую комнату, где крепко спал Нолан, который, правда, с готовностью проснулся.

– Я лежал и думал с закрытыми глазами, – заявил он.

– Конечно, а еще храпел, – усмехнулся Дэвид.

Они шикнули друг на друга и прокрались вниз по лестнице. Бонс подпрыгнул от восторга, а Дэвид обхватил рукой челюсть пса и почесал его за ухом. Обычно это приводило Бонса в состояние полного блаженства. Тем временем Нолан осторожно открыл дверь. Угроза миновала. Бонс помчался к задней стене сада впереди ребят, ничуть не удивляясь поздней прогулке. Дэвид и Нолан, спрятав фонарики в карманах, то и дело спотыкались. Они не могли зажечь свет, пока не перелезли через забор. Мать Дэвида наверняка пошла бы в уборную, выглянула в окно и перебудила бы всех соседей.

На тропинке, увешанной знаками с предупреждением об опасности, Дэвид и Нолан воспользовались фонариками. Они скорее скользили и съезжали, чем шагали. Недавно прошел дождь, и извилистую тропу покрывал толстый слой грязи.

– Просто фантастика, – заметил Нолан, и Дэвид почувствовал, как его распирает от гордости.

Когда они вернутся в школу, Нолан расскажет всем о потрясающих днях, проведенных в доме Пауэра, и остальные посмотрят на Дэвида с уважением. Сам Дэвид обычно не спешил упоминать о Каслбее, который казался захолустьем в сравнении с замечательными местами, откуда были родом его одноклассники. Но, увидев родной поселок глазами Нолана, Дэвид понял, что Каслбей обладает особым шармом, чего он прежде не замечал.

На пляже Бонс носился кругами как безумный до кромки воды и обратно, возбужденно лая. Здесь, внизу, он мог лаять сколько угодно – шум прибоя и свист ветра заглушали любые звуки. Пес никак бы не потревожил сон четы Пауэр.

Тюленья пещера выглядела темной и таинственной. Дэвид был очень рад, что пришел не один. У дальней стены горел большой костер. Джерри не ошибся – там находился сухой участок, со свода не капала слизь. Они приступили к готовке. Ломтики бекона болтались на длинных палочках и шпажках в опасной близости от огня. Вокруг костра собралось не меньше дюжины человек. Девушки хихикали, подталкивали друг друга локтями и громко смеялись. Это были Пег и

Кэт – Дэвид ожидал их увидеть. И Крисси О’Брайен из лавки. Он огляделся в поисках Клэр, но, вероятно, для пикника она была слишком мала. Дэвид заметил, что Крисси разительно отличалась от младшей сестры: визгливо смеялась и сбивала еду с чужих шпажек. Клэр была спокойней и гораздо деликатней.

Дэвид никогда раньше не пробовал стаут, который пили остальные. Его чуть не стошнило. Вкус оказался совсем не таким, как он ожидал. Дэвид мужественно прикончил одну бутылку и принялся за другую. Нолану, похоже, стаут понравился, и Дэвид не хотел выглядеть неженкой. Однако Джерри Дойл его раскусил.

– Можешь выпить игристого сидра, если хочешь, он приятней на вкус, – предложил Джерри.

Дэвид отхлебнул. Приятель не обманул: сладкий шипучий сидр и правда был неплох. Маленькая фигура Джерри нетерпеливо сгорбилась возле костра. Его повадки бывалого внушали уважение.

– Хорошая штука, – одобрительно признал Дэвид, поднеся стакан к свету.

Позже, когда парни принялись лапать девиц, а Дэвид ничего не добился, Джерри снова пришел на помощь: «С этой девчонкой пробовать бесполезно, она только смеется, вон та посговорчивей». Джерри подмигнул с видом опытного искусителя, и Дэвид неуверенно ответил ему. Джерри Дойл был хорошим другом, который всегда мог подсказать нужное направление.

На следующий день Каслбей поразил таинственный недуг, но никто никого не выдал, и ночная вечеринка осталась в тайне. Крисси О’Брайен вернулась домой вся в грязи, со сбитыми в кровь ногами – она упала, поднимаясь с пляжа по лестнице. В спальне ее дважды стошнило в ночной горшок. Клэр ворчливо понадеялась, что гулянки будут не каждую ночь. Крисси больше занимала мысль, что делать завтра и как объяснить порванное, перепачканное пальто, поэтому она не ответила Клэр. В конце концов Крисси решила выйти из дома пораньше, пока никто не увидел, в каком она состоянии, снова упасть и сказать больно, чтобы не ходить в школу. План сработал. Никто не заметил, что грязь на пальто почти высохла и ссадины на ногах затянулись. Подруге Крисси, Пегги, удалось добраться до школы и

продержаться весь день, но Кэт стало плохо в классе, и ее пришлось отправить домой.

В доме Пауэра никто не мог объяснить ожог, словно по волшебству появившийся на губах Джеймса Нолана. Мальчик обжегся, когда ел сосиску прямо со шпажки, на которой ее жарили. Однако родителям Дэвида друзья сообщили, что ожог неожиданно возник ночью без видимых причин. Молли Пауэр беспокоилась, что скажут родители Нолана, когда их сын вернется, и без конца причитала по этому поводу, когда отвлекалась от тревоги за белого как мел Дэвида, который то и дело бегал в уборную. Третий сюрприз подкинул Бонс. Очевидно, он выбрался ночью из дома и спал в гараже с жареной сосиской в лапах. По мнению доктора Пауэра, время обычно показывало, что лучше не ломать понапрасну голову и не пытаться слишком усердно разгадать все загадки. Порой следует поберечь рассудок и оставить все как есть.

Отец Джерри Дойла за завтраком сообщил, что ночью слышал жуткий кошачий концерт, и спросил, не знает ли Джерри, что это было. Мистеру Дойлу показалось, что на их пороге рыдала целая толпа то ли женщин, то ли девочек. Джерри посмотрел на отца через стол и ответил, что вроде бы ночью по улицам с воем и лаем носился очумелый пес доктора Пауэра. Может быть, в этом все дело?

– Может быть, – с сомнением предположил отец и принял.

– Пахнет, как в пабе у Крейга, – доложил он жене и направился в комнату, которая считалась его кабинетом: в гостиную рядом с большой спальней.

Мать Джерри разозлилась и в гневе загромычала посудой, оставшейся после завтрака.

– Ради всего святого, Джерри, почисти перед школой зубы и съешь апельсин или еще что-нибудь, – сказала Фиона.

Она была не только доброй, но и практичной.

Джерри с благодарностью посмотрел на сестру и ухмыльнулся:

– Я знал, что останется запахок.

– Запашок? – изумилась Фиона. – От тебя разит. Хорошо повеселился?

– Был кое-где.

– Можешь как-нибудь взять меня...

– Нет, – прозвучал твердый ответ.

– Но я старше тех, кто там был.

– Дело не в этом. Ты не такая. Никто никогда не посмеет сказать, что путался с тобой. Ты – все, что у меня есть, я должен заботиться о тебе.

Джерри говорил серьезно. Фиона растерялась.

– У тебя есть мы... как и у всех нас... – неуверенно возразила она.

– Что у нас есть? У нас есть папа, который живет в собственном мире. Когда папа говорил о чем-нибудь, кроме работы?

– Он только что упомянул паб Крейга, – рассмеялась Фиона.

– Точно.

Джерри рассеянно достал из кармана и развернул упаковку мятной жвачки.

– Что не так? – спросила сестра, озабоченно глядя на него большими темными глазами.

– Не знаю. Папа такой зануда, боится рисковать. Как мы сможем выбиться в люди, если будем робкими, как он? А мама? Только честно!

– Думаю, ей немного лучше, – тихо сказала Фиона.

Раньше они маму не обсуждали.

– Вовсе нет. Ты говоришь так, потому что она пошла в сад и развесила белье. По-твоему, это успех? Она не выходит из дома уже шесть месяцев. Шесть месяцев. Скажи мне, нормально это или нет?

– Но что мы можем сделать? Они не хотят звать доктора Пауэра.

– Это он виноват. Думает, что, если мы расскажем доктору Пауэру, возникнут проблемы.

В этот момент к детям снова вышел мистер Дойл, маленький и темноволосый, как Джерри, с такой же искрометной улыбкой и лицом лукавого эльфа.

– Интересно, кто-нибудь в этом доме собирается в школу или вы ее окончили, а мне не сказали?

– Я как раз ухожу. Папа, я, скорее всего, буду проходить мимо дома Дэвида Пауэра. Можно я попрошу его отца зайти и поговорить с...

– Если кому-то здесь понадобится помощь, он пойдет к доктору Пауэру, а если кто-то не сможет пойти сам, доктора Пауэра вызовут на дом, – строго отчеканил отец.

Вот и все. Джерри последовал совету сестры и пошел чистить зубы. По пути он встретил мать, которая кралась вдоль стены,

встревоженная упоминанием о враче.

– Мэри, не волнуйся. Возвращайся на кухню, доктор не нужен, – успокоил жену мистер Дойл.

В тот вечер младший Дойл зашел в приемную.

– Что случилось, Джерри?

– Не знаю, доктор Пауэр.

– Вряд ли болезнь серьезная, если ты о ней забыл.

Старина-доктор был весел.

– Я не болен, – ответил Джерри.

– Ладно, ладно. Что-то стряслось с кем-то другим?

Взгляд у Пэдди Пауэра был острый.

Джерри колебался.

– Нет. Люди, наверное, должны сами заботиться о своем здоровье, так ведь?

– Зависит от обстоятельств. Если ты увидишь на дороге раненого, то вряд ли посоветуешь ему лучше заботиться о здоровье.

– Нет, речь не об этом.

– Не хочешь рассказать, о чем же?

Джерри принял решение:

– Нет-нет. Не сейчас. Я зашел узнать, не хотят ли Дэвид и Джеймс Нолан сходить куда-нибудь вечером? Немного развлечься.

Доктор Пауэр задумался:

– Полагаю, на данный момент они достаточно развлеклись. Этим двоим явно пришла пора не развлекаться, а поработать.

Джерри посмотрел доктору в глаза:

– То есть выйти они не могут? Вы это хотите сказать?

– В сообразительности ты никому не уступишь, Джерри. Ты знаешь, что я хочу сказать, даже если я этого не говорил.

– Верно. Передайте им, что я заходил и мне жаль, что их не выпустили.

– Нет, не буду, потому что это не сообщение. Скажи им это сам, если хочешь.

Величайшим талантом Джерри Дойла было умение вовремя остановиться.

– Вы суровый человек, доктор Пауэр, – ухмыльнулся он и вышел.

Пэдди Пауэр задумался, не собирался ли Джерри спросить о своем нервном отце или о замкнутой матери, которая, предположительно, страдала фобией. Возможно, он и не заметил у них никаких отклонений. Забавный парень.

Анджеле вручили посылку – маленькую плоскую коробочку. Внутри был красивый головной платок от родителей Джеймса Нолана. «Большое вам спасибо за помощь с учебой. Школьникам в Каслбее, несомненно, очень повезло с таким одаренным учителем». Квадратный платок с красивым орнаментом оценила бы даже первоклассная модница. Анджела пришла в восторг. Она показала матери письмо и подарок, но день был неудачный, у старушки болели суставы.

– Почему бы им и не отблагодарить тебя? Лучше бы денег прислали. Разве почтальону не платят за доставку писем?

Анджела вздохнула.

Вечером она рассказала о подарке Дэвиду.

– Разве это не любезно с их стороны? – спросила она.

– У жителей Дублина вежливые манеры, – задумчиво произнес Дэвид. – Нам бы никогда не пришло в голову сделать вам подарок, а следовало бы.

– Не болтай глупостей, студент. Я рассказала тебе о подарке, чтобы ты знал, что твой друг оценил уроки.

– Он думает, вы очень красивая, – внезапно признался Дэвид.

– По мне, он тоже ничего, но немного маловат для меня. Сколько ему лет, около пятнадцати?

– Да, как раз пятнадцать.

– Ладно, это не важно. Передай другу, что я увижусь с ним, когда ему будет около двадцати пяти. Примерно тогда я войду в пору расцвета.

– Это его вполне устроит, – рассмеялся Дэвид.

Незадолго до открытия пансиона Дэвид снова встретил Джерри Дойла.

– Как ты? Участвовал в хороших попойках после вечеринки в пещере? – поинтересовался Джерри.

– Я, наверное, вступлю в пионеры^[8]. Мне никогда не было так плохо. На следующий день меня стошнило одиннадцать раз, – честно

признался Дэвид.

– Ну, по крайней мере, ты держался, пока не вернулся домой, – утешил Джерри. – Это не всем удалось. И все же было весело.

– В целом да. Нолан сказал, что у него никогда не было такой ночи.

– Он говорил, у тебя в спальне есть свой проигрыватель с радиоприемником. Это правда?

– Есть. Не радиола с дверцами, а проигрыватель пластинок. Работает от сети.

– Сколько такой стоит? – позавидовал Джерри.

– Если честно, не знаю. Это был подарок, но я могу спросить.

– Я бы хотел на него посмотреть.

Дэвид колебался всего секунду. Мать не запрещала ему пускать Джерри Дойла в дом, но он знал, что она не одобрит этой затеи.

– Пойдем покажу, – предложил Дэвид.

Любой другой парень в Каслбее, скорее всего, смутился бы, но только не Джерри Дойл. Он непринужденно шагал по Клифф-роуд вместе с Дэвидом, как будто всю жизнь ходил в гости к доктору.

Домики, мимо которых они проходили, казались мертвыми призраками. Трудно было представить, что летом эти дома полны семей: дети носятся туда-сюда с ведерками и совками, а родители раскладывают в палисадниках шезлонги.

– Нужно быть сумасшедшим, чтобы арендовать такое жилье на лето, – сказал Джерри, мотнув головой в сторону хаотичного ряда строений.

Дэвид был более снисходителен:

– Ну не знаю. А если живешь далеко от моря?

– Но если у тебя есть деньги, чтобы снять здесь дом на пару месяцев, почему не поехать за границу – в Испанию или еще дальше, в Грецию например?

Джерри не мог поверить, что кто-то готов заплатить хорошие деньги за дом в его родном Каслбее.

– А если у тебя семья с детьми и тебе не по карману вывезти всех за границу? – резонно возразил Дэвид.

– Так я не собираюсь заводить семью, в этом вся разница.

– Не сейчас, но позже.

– Никогда. А ты собираешься?

– Думаю, да, – ответил Дэвид.

– Ты не в своем уме, Дэвид Пауэр, – добродушно усмехнулся Джерри Дойл.

Миссис Пауэр была в холле и расставляла в вазе декоративные ветки, припорошенные искусственным снегом.

– Привет, – поздоровалась она с сыном, когда дверь открылась. – О! Привет, Джерри. Ты пришел показаться врачу?

Молли Пауэр выглядела озадаченной. Она кивнула в сторону приемной. Пациенты входили не через парадную дверь, а через боковое крыльцо.

– Нет, миссис Пауэр, я пришел посмотреть проигрыватель Дэвида, – уверенно заявил Джерри.

– Прошу прощения? – Миссис Пауэр была вежлива, но холодна как лед.

– Я хотел показать Джерри проигрыватель... Сколько, кстати, он стоил?

Дэвид вовсе не чувствовал храбрости, которая звучала в его голосе.

– Ах, Дэвид, дорогой, это был подарок, – улыбнулась мать, но смотрела она нерадостно. – Сколько стоит подарок, спрашивать не принято.

– Но, может быть, вы скажете Джерри? Он не прочь купить такой же.

– Думаю, цена слегка превышает возможности Джерри, – заявила миссис Пауэр тоном, который Дэвид ненавидел больше всего.

Джерри, казалось, ничего не заметил.

– Наверное, вы правы, – согласился он. – В любом случае я накоплю денег не раньше конца лета. Я зарабатываю себе на мелкие расходы, но, пока не приедут туристы, ничего стоящего не предвидится. И все же мне бы хотелось взглянуть на проигрыватель.

Джерри улыбнулся матери Дэвида в лицо, выражавшее крайнее неодобрение, взялся за перила и поставил ногу на первую ступеньку.

– Он наверху?

Дэвид последовал за гостем не оборачиваясь, чтобы не видеть лица матери, которое, как он знал, помрачнело.

За обедом миссис Пауэр подождала, пока Нелли выйдет из комнаты.

– Пэдди, ты бы не мог попросить Дэвида больше не приводить Джерри Дойла в наш дом?

Доктор Пауэр оторвался от газеты и кротко посмотрел на жену:

– Он рядом с тобой, Молли. Почему ты не можешь попросить его сама?

– Ты понимаешь почему.

– Вы поссорились? – Доктор перевел взгляд с жены на сына.

– Я ни с кем не ссорился, – ответил Дэвид.

– Вот видишь, – сказала Молли Пауэр.

– Что ж, похоже, ты ведешь себя с матерью слишком бесцеремонно. Не стоит, – произнес доктор Пауэр и снова уткнулся в газету.

– Пэдди. Пожалуйста. Объясни Дэвиду, что с Джерри Дойлом все в порядке, но ему не рады в нашем доме.

Мистер Пауэр устало отложил газету.

– В чем дело? – спросил он, глядя то на одного, то на другого.

Ответа не последовало.

– И что же натворил юный Дойл, чем вызвал такое недовольство?

Доктор снова перевел глаза с покрасневшей жены на мятежного сына.

– Ничего, – пожал плечами Дэвид. – Он поднялся наверх. Я показал ему проигрыватель. Джерри им восхитился и пошел домой.

– Молли?

– Дело не в этом. Ты не младенец, Дэвид, и прекрасно понимаешь, о чем я говорю.

Дэвид выглядел озадаченным.

– Твоя мама говорит, что прилагает много усилий, стараясь содержать дом в чистоте, и не хочет, чтобы по нему шастали все подряд. Это разумная просьба, не так ли?

Дэвид помолчал, размышляя над тем, принять объяснение или нет, и вскоре обнаружил в нем изъян.

– Конечно, прости, мамочка, я не понял, что дело в этом. Я решил, ты имеешь что-то против самого Джерри Дойла. Как мать Нолана, когда она думала, что у всех вокруг водятся блохи. Нет проблем,

разумеется, я не буду приглашать никого в дом, не спросив твоего разрешения.

Молли смущенно улыбнулась. Она не была уверена, что выиграла схватку.

– Я сегодня попозже зайду к Джерри. Он обещал показать фотолабораторию. Помогу проявить снимки, которые его отец сделал на свадьбе.

Дэвид поочередно одарил родителей лучезарной улыбкой и налил себе стакан апельсинового сока.

Сестра Джерри Дойла была потрясающе красива. В комбинезоне, похожем на рабочий халат художника, Фиона выглядела как картинка. Она казалась застенчивой, отвечая лишь «да» и «нет», когда Дэвид о чем-то спрашивал, но вела себя вежливо и предупредительно. Предложила приготовить какао и сбегать к О'Брайену за четвертью фунта ломаного печенья.

– Почему ты не позвал ее в Тюленью пещеру? – поинтересовался Дэвид.

– В такие места нельзя брать сестру. Это нормально для Крисси, Кэт, Пегги и остальных. Они из тех девушек, кому такое подходит, но это не для Фионы.

Дэвид сообразил, что вышел за рамки, о которых не подозревал, и почувствовал себя неловко. Он видел, что с девушками на пикнике обращались не по-джентльменски. Компания веселилась и играла в бутылочку. Парни щедро угощали девчонок сидром и пивом, подбадривая что было сил. Потом девочки слегка поглупели, одна или две заплакали, Кэт стошнило, они плохо держались на ногах, падали. Но таковы правила вечеринок. Не хотелось признавать, что Фиона относится к другому сорту девушек – к тем, кого нельзя приводить на такие встречи, однако это было правдой. Когда сестра Джерри вернулась с подносом печенья и какао, Дэвид осознал, что ему бы тоже не понравилось, если бы она участвовала в чем-то подобном.

Он подумал, не попросить ли Фиону написать ему в школу письмо. У Нолана была девушка, присылавшая ему длинные письма. Но Дэвид понимал, что это сложно устроить. Если бы Фиона согласилась, ему бы пришлось объяснять нюансы системы. Письма сначала читал священник, и поэтому девочка вынужденно

притворялась мальчиком. Элис, подруга Нолана, обычно подписывалась именем Энтони. Она держала в памяти, что нельзя упоминать о хоккейных матчах, и заменяла хоккей на регби. Письма были так тщательно зашифрованы и двусмысленны, что никто не мог толком понять, что они значат. И все же Нолан радовался им и гордо рассказывал одноклассникам, как хороша собой Элис. Было бы неплохо проверить то же самое с Фионой. Но если Джерри не позволил ей участвовать в вечеринке, он почти наверняка воспротивится тому, чтобы сестра писала зашифрованные письма мальчику из школы-пансиона. Такое поведение сочли бы легкомысленным, а порочить репутацию Фионы Дойл было нельзя. Дэвид заметил, что относится к Джерри и Фионе как к сиротам, хотя они жили вместе с родителями. Это было странно.

– Предки не вмешиваются в твою жизнь? – с завистью спросил Дэвид.

– Они слишком много работают, – ответил Джерри. – Так было всегда. Это собачья жизнь, мама ненавидит эту работу. Но что еще остается?

– Чем бы она предпочла заниматься?

– Расставлять цветы на столике в прихожей в таком доме, как ваш, – рассмеялся Джерри. – Разве не это мечта каждой женщины?

Когда Дэвид вернулся тем вечером домой, крыша не рухнула, а небеса не засверкали молниями. Очевидно, родители поговорили между собой. Мать пришивала именные бирки к новым носкам и пижаме Дэвида. Казалось, миссис Пауэр позабыла о ссоре во время ланча.

– Наверное, снова погрузиться в учебу будет непросто, – предположила она.

Дэвид решил не уступать матери в любезности.

– Да, но я очень рад, что со мной занималась мисс О'Хара, очень рад. По словам Нолана, нам чертовски повезло заполучить такого учителя. Нолан рассказывал, что в Дублине учителя – те еще пройдохи. Они просят бешеные деньги и заставляют много зубрить, а еще от них несет выпивкой.

Отец Дэвида на другой стороне камина рассмеялся:

– Твой друг Джеймс несет полную чушь. Нельзя делать обобщений обо всех представителях профессии, как нельзя стричь под одну гребенку моих коллег или коллег его отца. Боже мой...

– Ты же знаешь, как ведет себя Нолан, – ответил Дэвид.

– Конечно знаю. Нолан очень смысленный молодой человек. Он нам понравился – и маме, и мне. Зови его в гости в любое время или кого угодно из твоих друзей. Дом большой, в нем достаточно места. Немного шума нам не повредит, его бывает даже приятно слышать.

«За обедом звучала другая песня, – подумал про себя Дэвид. – Тогда я нарушал в доме покой».

Он заверил родителей, что с удовольствием пригласил бы Нолана еще раз, и поблагодарил за разрешение приводить в дом гостей. Мать Нолана волновалась по любому поводу. Когда не беспокоилась о блохах, тревожилась, что обвалится потолок. Нолан сказал, что она принимала какое-то средство для укрепления нервов, но толку от этого было мало.

В последний вечер накануне возвращения в школу Дэвид сказал, что хотел бы сходить домой к мисс О'Харе, чтобы поблагодарить ее и, возможно, вручить небольшой подарок. Мать Дэвида заявила, что Анджела О'Хара сочтет это лишним, ведь ей платили достаточно. Но доктор Пауэр возразил, что Дэвид прав и почему бы не подарить мисс О'Харе какую-нибудь книгу. Учительница всегда, когда приходила, восхищалась их библиотекой.

– Тебе не обязательно идти в дом Динни О'Хары, – отрезала Молли Пауэр.

– Динни О'Хара уже пять лет лежит на церковном кладбище. Вряд ли он выйдет оттуда и испортит нам мальчика, – усмехнулся Пэдди Пауэр, и Дэвид увидел на лице матери поджатые губы и знакомое кислое выражение.

Нелли помогла Дэvidу завернуть в бумагу книгу об ирландских топонимах. Они сняли надорванную суперобложку. Твердая обложка смотрелась очень привлекательно.

Горничная с восхищением разглядывала мелкий шрифт.

– Подумать только! Неужто Анджела О'Хара может все это прочесть и понять? Вот что получается, если корпеть над книгами.

Они вместе учились в школе при монастыре, и Нелли помнила, как пришло известие о том, что Анджела получила стипендию в большом городе. Монахини так гордились тем, что одна из их девочек выиграла стипендию, что собственноручно сшили ей форму. Они снарядили юную Анджелу в среднюю школу, потому что знали: все, что попадет Динни О'Харе в руки, отправится напрямик за барную стойку, отец вряд ли поможет девочке.

– Она заслужила свой успех, – неожиданно заявила Нелли, аккуратно упаковывая сверток и туго перевязывая его бечевкой. – И никогда не хвасталась личными достижениями, высокими оценками и прочим. Ей такое даже в голову не приходило.

Дэвид сомневался, что у мисс О'Хары было много поводов для хвастовства. Она жила в Каслбее с престарелой матерью, преподавала в этом ужасном монастыре – и, должно быть, мечтала уехать отсюда как можно дальше. Иначе зачем она участвовала во всех этих конкурсах на стипендию? Дэвид не считал, что мисс О'Хара добилась огромного успеха, как утверждала Нелли. Хотя, конечно, в сравнении с участью Нелли судьба мисс О'Хары сложилась прекрасно. Ей не нужно было чистить плиту, драить полы, застилать кровати, готовить еду, мыть посуду, стирать одежду и выходить на холод, силясь не упасть под напором ветра. Нелли, наверное, казалось, что преподавание в школе – приятная и непыльная работенка.

За воротами Дэвид повернул налево и пошел по дороге к полю для гольфа. Идти пришлось дольше, чем он ожидал. Неудивительно, что мисс О'Хара всегда гоняла на велосипеде. В коттедже на первом этаже горел свет. Дэвид понадеялся, что дверь откроет не старая мать мисс О'Хары, сгорбившаяся над двумя палками.

Ему открыла Клэр О'Брайен – худенькая и подвижная, с большими карими глазами и светлыми волосами, собранными в пучок. У нее всегда был такой вид, словно она вот-вот задаст вопрос. Дэвид вспомнил, как встретил Клэр в пещере Эха. Она еще сказала, что брать частные уроки у мисс О'Хары отдельно от остального класса – это прямо рай на земле. Может быть, именно этим она сейчас и занималась.

Клэр ему как будто обрадовалась.

– Мисс О'Хара укладывает мать в постель. У миссис О'Хары сегодня ужасные боли, она не может ни сидеть, ни стоять. Мисс

О'Хара обещала вернуться через несколько минут. Может быть, ты войдешь и присядешь?

Дэвида смутило присутствие Клэр. Он хотел произнести цветистую речь перед мисс О'Харой без зрителей. Но вряд ли он мог приказать девочке О'Брайен отправляться домой или предупредить ее, что его разговор с мисс О'Харой состоится наедине.

Гость оглядел кухню.

– Правда, похоже на пещеру Аладдина? – благоговейно прошептала Клэр.

Это была типичная для местного коттеджа кухня. Вместо очага здесь стояла маленькая плита. Должно быть, ее купили на зарплату Анджелы. При жизни Динни О'Хары плиты не было. Страдающей артритом старухе, получавшей каждую неделю вдовью пенсию, плита тоже была не по карману. Возможно, брат и сестры присылали Анджеле деньги из-за границы – этого Дэвид не знал. Мисс О'Хара держалась замкнуто, не рассказывала ничего о себе и своей семье, как это делали жители Каслбея. О ней хотелось узнать побольше.

Дэвид посмотрел на стены и бесконечные ряды полок. Все ниши от пола до потолка были увешаны полками, на которых виднелись украшения, книги, коробки из-под печенья, снова книги, корзинки для рукоделия и статуэтки. Клэр была права. Комната напоминала магазин игрушек с рождественской открытки. Каждый дюйм стен покрывали полки, каждый дюйм полка был заставлен предметами, в основном книгами.

– Она знает, где находится каждая вещь. Можешь поверить? – сказала Клэр.

В полумраке комнаты ее карие глаза казались еще больше.

На столе Дэвид разглядел писчую и промокательную бумагу, а также бутылочку чернил «Квинк». Учительница, должно быть, писала вместе с Клэр письмо, но прервалась, чтобы позаботиться о матери.

– Ты берешь уроки у мисс О'Хары? – спросил Дэвид, в голосе которого послышались нотки зависти.

Он предпочел бы учиться в этом забавном замкнутом пространстве, где каждый предмет обладал своей историей и занимал отведенное ему место. Эта комната лучше подходила для учебы, чем гостиная его матери, где экземпляры «Татлера», «Скетча», а также «Социальных и личных отношений» лежали рядом с «Домохозяйкой».

Журналы приходили по почте из Англии ежемесячно. Обычно спустя пару месяцев они отправлялись в приемную доктора Пауэра. И конечно, в гостиной было полно энциклопедий и объемных томов в кожаных переплетах. Но их не читали, не трогали и не любили так, как здесь.

– Нет, – вздохнула Клэр. – Я бы очень этого хотела. Нет, не так. Я бы хотела этого больше всего на свете. Я стала бы гением, если бы мисс О’Хара лично учила меня.

Она вовсе не пыталась рассмешить Дэвида и говорила совершенно серьезно.

Дэвид сочувствовал ей. Должно быть, это ужасно – не иметь денег на образование. Ему-то всегда казалось, что подобные проблемы решаются сами собой.

– Наверное, ты бы могла взамен что-нибудь делать для нее? Ну, знаешь, выполнять мелкие поручения, передавать сообщения, готовить еду или еще что-нибудь.

– Я думала об этом, – печально ответила Клэр. – Но, по-моему, выйдет нечестно. Мисс О’Харе придется искать, чем бы меня занять. Это все равно что просить милостыню.

– Понимаю.

И он действительно понимал.

– Я пришла сегодня, потому что мисс О’Хара собирается мне помочь. Я должна написать в городской монастырь что-то вроде письма, чтобы они составили обо мне хорошее мнение, и спросить у них о стипендиях, на которые можно подать документы через два года.

Глаза Клэр просияли от одной мысли о стипендии.

– Много-много лет назад мисс О’Хара сама получила у них стипендию. Она говорит, что для этого нужно быть чертовски хитрой, как будто ты на войне.

В комнату вошла Анджела О’Хара со словами:

– Не выдавай всех наших секретов, Клэр. Может быть, мой студент вздумает переодеться и проникнет в монастырь раньше тебя.

Нолан отпустил бы сейчас остроумное замечание, но Дэвид не смог ничего придумать и просто рассмеялся.

– Похоже, я вам мешаю, вы составляете письмо, – замялся он.

– Все в порядке, Дэвид. Вообще-то, Клэр пишет письмо сама, а я пишу брату. Мне трудно понять, что его может заинтересовать. Мой

распорядок дня обычно такой: встала, пошла в школу, не задушила Иммакулату... Маловато разнообразия.

– А что пишет ваш брат? Наверное, его дни тоже похожи один на другой, – предположил Дэвид.

Анджела достала конверт авиапочты, с которого аккуратно были срезаны марки для школы.

– Я как раз об этом подумала... Мама хранит все письма Шона, все до единого – только посмотрите на эти коробки. И он, кажется, действительно повторяет одно и то же снова и снова. Но его письма все равно приятно читать.

– Когда становишься старше, писать, наверное, уже не о чем, – вежливо поддакнула Клэр.

– Особенно если вы ведете разный образ жизни, – добавил Дэвид. – Вот почему у меня никогда не будет друга по переписке из Индии или еще откуда-нибудь. Как только ты опишешь ему свою жизнь, а он тебе – свою, на этом все и закончится.

– Что-то вроде этого, – согласилась Анджела.

Она взяла тонкий лист и прочитала:

– «Дорогие мама и Анджела! Большое спасибо за ваше письмо, оно пришло вчера. Сезон дождей в самом разгаре, что очень осложняет ситуацию. Но благодаря огромной и крепкой поддержке, которую мы получаем из дома, мы продолжаем трудиться во благо Господа. Я бы хотел, чтобы вы увидели японских малышей, они прекрасны. Я допускаю, что мало общался с детьми до того, как присоединился к миссии. Возможно, ирландские малыши еще прекраснее...»

Анджела прервала чтение и сказала, что брату, как известно, не довелось провести ни единого дня в монастыре, обучая ирландских малышей, иначе он бы изменил свое мнение.

– Напоминает письмо, которое он прислал в школу, – заметила Клэр.

– Напоминает любое его письмо, – уточнила Анджела, убирая лист в конверт. – Думаю, ему нечего сказать из того, что доступно нашему разумению. Иногда я сама задаю Шону вопросы. Например, сколько японских священников они рукоположили и что случилось с китайцами, которых они обратили в христианство, перед тем как покинуть Китай, вернулись они к старой религии или нет? Но он не отвечает на мои вопросы.

Она замолчала, погружившись в раздумья. Дэвид кашлянул.

– Я пришел попрощаться и сказать спасибо, – сообщил он. – И еще подарить вам книгу в знак признательности.

Анджела села и молча потянулась за сигаретами. Когда она заговорила, ее голос звучал теплее, чем когда-либо слышали Клэр или Дэвид.

– Очень любезно с твоей стороны, – сказала она и принялась возиться с узлами упаковки.

– Это просто старая бечевка, ее можно разрезать, – услужливо подсказал Дэвид.

Клэр принесла нож. Мисс О'Хара чиркнула им по веревочке, и все трое склонились над книгой.

Время летело незаметно. Они читали, почему знакомые места назывались так, а не иначе, пришли в ярость, обнаружив, что Каслбей в книге не упомянут, и сделали вывод, что автор вообще не путешествовал, раз не включил в книгу такое прекрасное место. Из соседней комнаты доносились стоны, но мисс О'Хара велела не обращать внимания: мать просто пыталась удобнее устроиться на ночь, ее не мучила острая боль. Потом они выпили по чашке чая с содовым хлебом, и поздним вечером мисс О'Хара выпроводила детей за порог, чтобы никто не решил, будто их похитили.

Анджела приказала себе не предаваться сантиментам из-за подарка Дэвида. Разумеется, мальчик проявил чуткость, но он вырос в милом мирном доме в окружении удобств и комфорта, где легко было найти время для заботы о ближнем. К тому же отец Дэвида был одним из самых великодушных людей на земле. Сама природа заложила в мальчика его таланты и щедрость. Однако поведение Дэвида разительно отличалось от того, что Анджела привыкла ожидать от воспитанниц монастыря. Половина из них никогда не сдавала экзаменов. Окончив обучение, почти никто больше не открывал книгу, за исключением романа или журнала.

Конечно, речь шла не о Клэр. Девочка была той, кто поддерживал Анджелу на плаву. Анджела со вздохом представила, что преподает в классе, полном детей вроде Клэр О'Брайен или Дэвида Пауэра, если уж на то пошло. Жаль, что она не родилась мужчиной, как точно

заметил Дэвид. Она бы стала священником и учила умных мальчиков в школе, где директор не испытывал шок, когда у него просили глобус.

Анджела задавалась вопросом, сожалел ли Шон о своем выборе обучать детей китайских и японских рабочих английскому пиджину. Понравилось бы ему проводить дни в увитом плющом колледже, подобном тому, куда ходили Дэвид и юный Нолан? Полюбил бы Шон вечера в кабинете или часовне, прогулки по монастырю за чтением требника или философские беседы в обеденном зале? Этот вопрос не имел смысла, поскольку ее брат никогда не проявлял интереса к жизни без миссионерской деятельности. Он следовал по пути, который привел его к служению, и не останавливался, чтобы подумать, скучает ли по нему кто-нибудь. Время от времени Анджела тосковала по брату. Узнать о жизни Шона по его письмам было невозможно, а в последнее время их содержание совсем перестало отличаться.

Анджела не могла даже намекнуть об этом матери. Исправно датированные конверты с письмами Шона хранились в коробке, как будто кто-то когда-нибудь собирался их проверить. С конвертов аккуратно срезали марки, чтобы отнести их в школу. Письма никогда не перечитывали, но миссис О'Хара помнила наизусть названия деревень, поселений и других мест в самых удаленных уголках мира. Она знала их лучше, чем окрестности Каслбея, потому что прошло много времени с тех пор, как она могла ходить. Анджела иногда спрашивала себя, о чем бы думала мать дни напролет, если бы у нее не было замечательного сына, священника-миссионера, занимавшего все ее мысли.

В школе Нолан поведал всем, что Пауэр не так-то прост. Он живет в замечательном месте. У него большой дом на краю обрыва с собственным спуском к морю, в доме есть горничная и лабрадор, и каждый житель поселка знает членов его семьи по имени и уважительно приветствует их. Дэвид подумал, что называть Бонса лабрадором – это перебор, но согласился, что в остальном все так и есть. Он оказался в центре всеобщего внимания из-за того, что пригласил Нолана на вечеринку, где можно было по-настоящему развлечься с девицей. Это породило множество вопросов, и Дэвиду захотелось узнать, какие подробности Нолан рассказывал о невинных забавах с поцелуями, в которые они играли при свете костра, пока не

захмелели так, что утратили способность к любым развлечениям. Но ощущать себя героем было приятно, и Дэвид понимающе усмехался при упоминании о пикнике в пещере.

Дэвид также был рад услышать, как преподобный отец Келли назвал его образцовым учеником, который скрупулезно выполнил предложенный курс обучения, выданный всем в тот день, когда школа закрылась из-за скарлатины. Дэвид написал требуемые сочинения, выучил стихи, выписал ответы на вопросы по истории, проиллюстрировав их аккуратными картами и генеалогическими древами, прошел нужные разделы по математике и географии и полностью выполнил упражнения по ирландскому и латыни.

– Ты брал частные уроки? Что ж, тебе достался хороший учитель, – признал отец Келли, обычно крайне скупой на похвалу.

– По правде говоря, это была учительница, – сконфузился Дэвид.

Отец Келли нахмурился, сообразив, что поспешил с лестным отзывом.

– Полагаю, некоторые из них знают свое дело, – произнес он, стараясь быть справедливым, но энтузиазм его угас.

Дэвид рассказал Нолану, что у Джерри Дойла потрясающая сестра, настоящая красавица, но Джерри не взял ее с собой в пещеру в ту ночь.

Нолан отнесся к новости с таким же пониманием, как и ко всему остальному.

– Конечно, он не мог взять с собой сестру, – заявил он с уверенностью, словно это было ясно даже круглому дураку. – Я имею в виду, что я бы не пустил туда свою сестру. Мы бы не взяли Кэролайн на вечеринку, где парни бы... В общем, ей туда нельзя. Джерри Дойл совершенно прав. А она будет тебе писать?

– Я не просил.

– Верно, Пауэр, ты быстро схватываешь суть. Не веди себя как легкодоступный слабак. Пусть девчонки поломают голову. Я всегда так поступаю.

– Элис будет снова писать тебе?

– Нет, я думаю, что перешел на новый уровень.

Судя по голосу Нолана, на новый уровень перешла, скорее, Элис.

Нолан сообщил, что его мать стала спокойнее относиться к происходящему и согласилась отправиться следующим летом на море.

Вся семья давно этого хотела, но мать постоянно твердила, что на побережье целая тьма крыс, жуков и морских змей. По ее словам, святой Патрик избавил Ирландию от сухопутных змей, но оказался не властен над огромными змеями – их называют угрями, поэтому пляжи по всей стране кишат ими. Однако теперь таблетки, которые принимала мать, заставили ее позабыть об опасностях. Семья заинтересовалась арендой одного из домиков, выстроившихся в ряд вдоль обрыва в Каслбее. Нолан вернулся окрыленный поездкой к Пауэру, поэтому родители собирались попытаться счастья там. Дэвид был в восторге: лето будет полно приключений, если Нолан с семьей приедет в Каслбей.

Анджела велела Клэр написать письмо самой, не видя смысла вкладывать взрослые слова в голову десятилетней девочки, но пообещала проверить орфографию и стиль. Она раздобыла для Клэр нелинованный блокнот и лист с жирной линовкой, чтобы подкладывать его под страницу как шаблон. Клэр следовало спросить в монастыре, на каких предметах ей надлежит сосредоточиться для скрупулезной подготовки к открытому конкурсу на получение стипендии в тысяча девятьсот пятьдесят втором году. Клэр попыталась запомнить слова «сосредоточиться» и «скрупулезный», но Анджела запретила их использовать, посоветовав излагать мысли своими словами, чтобы звучать как живой человек, о котором со временем вспомнят.

Анджела надоумила Клэр упомянуть в письме монахиням, что ее родители были деловыми людьми. Клэр уточнила, правда ли это. Анджела ответила, что много лет назад выдала своего отца за крупного фермера, у которого из-за Смуты^[9] наступили трудные времена. В далеком тысяча девятьсот тридцать втором году это звучало достоверно. Правда о том, что она дочь местного пьяницы и горит желанием выбиться в люди, принесла бы Анджеле мало пользы.

– Как думаете, у меня есть хоть какой-то шанс получить стипендию? Я не хочу напрасно надеяться, как тогда... с этим...

– Сочинением по истории, – кивнула мисс О'Хара. – Нет, я думаю, у тебя есть шанс, хороший шанс, если будешь пахать как вол. Только никому не рассказывай. Почему-то так легче.

– Но Дэвид Пауэр знает.

По мнению мисс О'Хары, это не имело значения, Дэвид давно забыл о письме. Хотя Клэр не следовало упоминать о стипендии ни в школе, ни дома, чтобы не нервировать окружающих. Клэр согласилась, что дома и так происходит слишком много всего и нет нужды подливать масла в огонь разговорами о будущей стипендии.

Томми и Нед сходили на собеседование по приему на работу, им не терпелось отправиться в Англию. Они слышали, что после войны там развернулось масштабное строительство. Разрушенные объекты только и ждали, чтобы их возвели заново. В планах стояла прокладка дорог и обеспечение жильем тех, кто лишился домов в результате военных действий.

Человек, приходивший на пару часов в отель Диллона, записал их имена и адреса. Он почти ни о чем не спрашивал, но велел доложить сразу о себе, когда они прибудут на место. Нужно лишь дожидаться хорошей погоды. По словам того мужчины, найти жилье не составит труда: в Килберне и Крикльвуде теперь есть целые поселения ирландцев, которые будут рады приютить своих. Они примут парней как родных; обращаться к незнакомым англичанам нет никакой нужды. Человек представился бизнесменом, готовым помогать соотечественникам, потому что ему не нравилось смотреть, как из ирландцев делают дураков. Он обещал всячески поддерживать ребят, когда они приедут.

Отец Клэр поинтересовался, не может ли загадочный благодетель оказаться авантюристом. Почему он действует бескорыстно? Почему не берет плату за услуги, как любое рекрутинговое агентство? Тогда его поступки имели бы понятное объяснение. Мужчина в расстегнутой рубашке, который пришел в отель Диллона, раздал всем подряд бумажки со своим именем и заверил, что его можно найти в пятницу вечером в одном из двух пабов Килберна, выглядел, мягко говоря, подозрительно.

Но Томми и Нед не желали ничего слышать. Что им терять? Если через неделю выяснится, что им не выплачивают жалованье в полном объеме, они пойдут в любое из этих агентств, о которых говорит папа. Они же не привязаны к этому человеку. Таинственный малый не требовал ничего подписывать, сказав, что лишние сложности ни к чему. Следует радоваться удачному знакомству и шансу получить

дружескую поддержку, вместо того чтобы поднимать шум по любому поводу.

Томми бросил школу. Он не сдавал экзамены и не получил никакого свидетельства об образовании. Спустя годы учебы у Братьев едва умел читать и писать. Клэр с тоской вспомнила Дэвида Пауэра и книгу, которую он подарил мисс О'Харе тем вечером. Томми отшвырнул бы такой подарок в сторону. Он не смог бы разобрать, что написано на этикетке товара, если бы его попросили. Он не читал газет и ни разу не открыл никакую книгу с тех пор, как покинул класс. Предполагалось, что Томми поможет отцу навести порядок в лавке, прежде чем отправится в Лондон на поиски счастья. Однако большую часть времени Томми просто слонялся без дела.

Отец Клэр перестраивал магазин, а это было трудно делать в присутствии покупателей, поэтому основные работы проводились вечером после закрытия. Разумеется, такое заведение, как лавка семьи О'Брайен, никогда не закрывалось в указанное время: если миссис Конуэй приходила за фунтом сахара или мисс О'Флаэрти хотелось печенья к вечернему чаю, им никто не отказывал.

Но после шести часов поток посетителей сокращался и звонок, возвещавший, что кто-то открыл дверь и стоит на пороге, впуская холодный морской ветер, звучал реже.

Прошлым летом лавка страдала от сутолоки, вызванной тем, что мороженым торговали наряду с прочим товаром. Витрину с мороженым решили передвинуть в другой угол, разместив высоко над ней полку с шоколадом и сладостями, а рядом выложить фрукты, чтобы обслуживать пляжников отдельно, предоставив арендаторам домов на Клифф-роуд возможность спокойно выбрать себе кусок ветчины и помидоры. В теории идея была блестящей, но осуществить ее, продолжая отслеживать перемещение товара по лавке, оказалось непросто. Каждый вечер здесь драили полки и наклеивали новую клеенку. Пол неизменно приводил хозяев магазина в отчаяние: требовалось заменить линолеум, но денег, конечно же, не хватало, поэтому возле двери, где износ сразу бросался в глаза, прибили новые куски. Полупустые коробки опустошали окончательно и предусмотрительно относили на склад. Летом коробки пользовались бешеным спросом, и многие поставщики распродавали все до единой. Разумно было всегда иметь стопку коробок наготове.

Это была достойная работа, но она отнимала время, отведенное на домашнее задание. Недавно мисс О'Хара нарисовала для учениц чистую карту Ирландии. Девочкам велели перечертить карту в рабочую тетрадь по истории, воспроизведя ее на каждой четвертой странице. Предполагалось, что, узнавая о битвах, заключенных договорах, военных походах и появлении новых колоний, они будут делать соответствующие пометы на собственных картах, запоминая, что и где произошло.

Клэр с головой ушла в изучение битвы при Кинсейле и как раз наносила на карту крошечные изображения испанских кораблей и наступавших с севера солдат Рыжего Хью^[10], когда ее позвали. Может быть, притвориться, что не слышит? Это оказалось ошибкой.

Дверь распахнулась. На пороге стояла мать, которую трясло от негодования.

– Госпожа изволит валяться в постели, когда ее зовут?

– Я не валяюсь, а заполняю карту по истории, вот смотри.

– Я вдоволь насмотрелась на эту детскую чушь. Ты уже взрослая девочка, немедленно спускайся и помоги отцу. Мы тебя звали, звали, а от тебя ни слова.

– Это мое домашнее задание.

– Не говори ерунды, никому не задают на дом рисовать кораблики и человечков. Хватит валять дурака и немедленно спускайся! Поможешь отцу убрать грязь с верхних полок, перед тем как расставить там товар.

– А как потом доставать оттуда? Зачем туда вообще что-то ставить?

– Ты хочешь поспорить об этом здесь или спустишься, как тебе говорят?!

– Куда это ты собралась, Кресси? Сегодня вечером мы будем отдирать с окон старые объявления...

– Я не могу остаться, мам, я иду к Пегги... Она научит меня шить платье.

– Платье?

– Да, у Пегги есть выкройка. Пегги говорит, по ней легко обрезать ткань. Мы сможем сами шить себе одежду.

– Ну хорошо, только не опаздывай домой.

– Не опоздаю. Пока, мама.

– Клэр, что ты делаешь?

– Разбираюсь с пассатами. Мы должны узнать, откуда они дуют и почему флотилии сбиваются с...

– Ясно, принеси-ка миску горячей воды с мылом и пойдём со мной. Эти окна просто позорище, сквозь них ничего не разглядеть – ни изнутри, ни снаружи.

– Клэр, дочка, вижу, что занимаешься, но, может быть, ты сможешь матери со стиркой? Она у нас совсем исхудала.

– Со стиркой?

– Стиркой одежды. Я предложил матери присесть и выпить чашечку чая, а она ответила, что ей нужно перестирать кучу белья. Тебе тоже придется стирать, когда у тебя появится собственный дом. Не пора ли учиться делать это правильно? Будь хорошей девочкой.

– Как насчет Крисси, папа? Она бы помогла маме сегодня, а я – в следующий раз. Мне нужно выучить сюжет мифа. В нем полно сложных имен.

– Крисси ушла делать домашнее задание с Кэт.

– Э-э, – протянула Клэр.

– Ты можешь повторять эти имена про себя во время стирки, – посоветовал отец.

– Нет, книга намокнет. Я правда должна это делать, папа?

– Не должна. Но я думал, ты будешь рада помочь матери.

– А как же Томми или Нед? – напомнила Клэр без особой надежды.

– Что ж, если ты собираешься продолжать в том же духе...

Отец недовольно отвернулся. Предложить парням возиться со стиркой?! До чего же трудно с этой Клэр!

– Ну ладно!

Она захлопнула книгу с легендой о Ясоне и золотом руне, хотя успела запомнить только имена Ясона, его отца, двух злых сводных дядюшек и название корабля. Предстояло выучить еще огромный список действующих лиц; придется утром встать пораньше... снова.

– Клэр, иди сюда, научу тебя штопать.

– Спасибо, мамочка, но я не хочу учиться штопать.

– Но ты же хочешь научиться всему? Смотри, это очень просто. Видишь дырку? Нужно всего лишь сделать шов крест-накрест...

– Нет, мама, я не хочу учиться штопать. Ни за что.

– Почему? Когда у тебя появится собственный дом, тебе придется.

– Но если я выучусь сейчас, меня заставят штопать носки Томми, Неда, папы, Джима, Бена и, наверное, даже Крисси.

Агнес обняла худенькую фигурку и улыбнулась:

– До чего же ты забавная малышка!

– Нет, мама, я умная малышка. Я никогда не научусь штопать, никогда.

Миссис О’Брайен была раздосадована тем, что дочь не оценила ее заботу.

– Будь по-твоему. Можешь пойти и вымыть посуду, если не хочешь учиться.

– Но...

– Крисси нет дома, у нее сегодня дополнительное занятие.

– Ну конечно, – мрачно согласилась Клэр. – Кто бы сомневался!

– Ты не простыла, Клэр?

– Нет, просто закашлялась. Пыль в горло попала.

– Выпей воды.

– Спасибо.

– Клэр, не торчи весь день на кухне, вернись и помоги мне с коробками. Закрой рот шарфом или еще чем-нибудь, если тебе плохо от пыли.

– Мам, когда мы закончим с этим, можно я пойду делать...

– Домашнее задание, домашнее задание! Почему только ты в этой семье прикрываешься домашним заданием? Посмотри на остальных.

– Точно. Посмотри на них, мам.

– Что ты имеешь в виду?

– Ничего.

Клэр часто приходилось делать домашнюю работу в постели, другого места и времени в буквальном смысле не было. Это очень злило Крисси. Она громко ворчала, если Клэр включала ночью фонарик.

– Ты мешаешь мне спать и портишь себе глаза. Ты скоро ослепнешь и будешь ходить с белой палочкой, а нам придется водить

тебя за руку, – с удовлетворением констатировала Крисси.

– Заткнись, я пытаюсь кое-что выучить. Я не смогу ничего запомнить, пока ты меня отвлекаешь.

Жесткий отпор сестры удивил Крисси.

– Я все расскажу родителям, если ты не прекратишь зубрить и включать фонарик по ночам. Хватит!

Ответа не последовало. Заткнув уши и закрыв глаза, Клэр бубнила себе под нос снова и снова: «Do Ghealadh mo chroí nuair chinn Loch Greinne»^[11].

– Как горох об стену, – съязвила Крисси. – Ты столько раз повторила эту строчку и до сих пор ее не помнишь?

– Я не знаю, что значит *Ghealadh*. Трудно запомнить слова, когда не понимаешь их смысла.

– Прекрати! Ты все равно не знаешь, что значат остальные слова. Ирландскую поэзию не понять. Это набор звуков.

– Речь о том, что случилось с моим сердцем, когда я увидела озеро Лох-Грейни, но я не знаю, что именно. Что значит *Ghealadh*?

– Это значит: «Остановись». Мое сердце остановилось, когда я увидела Лох-Грейни, – ответила Крисси и рассмеялась собственной шутке.

– Разве ты не учила это в классе?

Крисси пожала плечами:

– Наверное, учила, но забыла. Зачем это помнить?

Клэр снова уткнулась в книгу.

– Я серьезно, – прошипела Крисси. – Я все расскажу, и тебе придется плохо. Я расскажу, что ты не давала мне спать своим кошачьим воем, притворяясь, что понимаешь эти дурацкие стихи. Подожди, ты увидишь. Ты еще пожалеешь.

– Нет, – отрезала Клэр. – Я не пожалею. Жалеть будешь ты. Родители спросят, почему ты не делаешь домашние задания и ничего не знаешь. А еще спросят, чем тогда вы занимаетесь с Кэт и Пегги. Вот поэтому ты ничего им не скажешь. А теперь заткнись и дай мне это выучить, чтобы я могла лечь спать.

Анджела ожидала в приемной. Кроме нее, здесь была только одна пациентка – старая миссис Диллон из отеля. Анджела предположила, что доктор мог бы осмотреть старушку на дому, но миссис Диллон

шепнула, что ее визит к врачу – это тайна. Дома она сделала вид, что отправилась в церковь прочесть тридцатидневную молитву, а на самом деле пришла рассказать, что ее травит невестка. Анджела вздохнула. Бедный доктор Пауэр. Вероятно, ему приходится выслушивать не меньше, чем отцу О’Двайеру на исповеди.

Мисс О’Хара устроилась поудобнее со старым экземпляром «Татлера» и «Скетча» в руках и погрузилась в чтение о том, что происходило в Дублине. Похоже, ей предстояло долгое ожидание. Однако через несколько мгновений доктор Пауэр уже выпроваживал старую миссис Диллон за дверь, и старушка улыбалась от уха до уха.

– У вас еще осталось время, чтобы вознести тридцатидневную молитву и несколько раз исполнить «Радуйся, Мария» в мою честь, – крикнул доктор ей вслед.

– Вам молитвы точно не нужны. Вы самый настоящий святой, – откликнулась миссис Диллон.

– Она говорит правду, – сказала Анджела, вставая и подходя к доктору Пауэру.

– Нет. Я самый настоящий лжец, вот и все.

– Что вы ей сказали?

– Я сказал, что провел у них целую неделю, проверяя санитарное состояние комнат, и что у меня есть приборы, способные обнаружить яд за милю. Но в отеле Диллона ничего такого не нашлось. Я объяснил, что с наступлением холодов людям часто кажется, будто у еды изменился вкус. Потом я дал ей бутылочку сиропа шиповника, и она осталась крайне довольна собой.

Анджела рассмеялась: доктор выглядел как лихой выдумщик, которого уличили в мелкой лжи.

– А кто травит тебя, Анджела? Матушка Иммакулата из монастыря?

– Не исключено. Думаю, ее часто преследуют подобные мысли. Впрочем, яд тут ни при чем. У меня проблемы со сном.

– Ты спишь слишком много или слишком мало?

– Почти совсем не сплю.

– Как долго?

– Уже три недели.

– Тебя что-то тревожит? У тебя неприятности? Знаешь, в чем причина?

– Да, знаю.

– Этому можно помочь?

Анджела молча покачала головой. Доктор Пауэр подождал, но продолжения не последовало. Он со вздохом потянулся за рецептурными бланками.

– Нет нужды лежать без сна ночи напролет. Разумеется, лучше что-нибудь принять. Но, Анджела, послушай, незачем попусту себя изводить.

– Я знаю. Спасибо, доктор.

– Кстати, я далеко не всегда разглашаю секреты пациентов, как в случае со старой миссис Диллон. Если разговор пойдет тебе на пользу, я готов держать язык за зубами. Обычно я так и делаю.

– Вы не обязаны мне это объяснять, доктор Пауэр. Я же помню, как хорошо вы относились к моему отцу.

Тем не менее Анджела была непреклонна. Она поблагодарила доктора и сообщила, что отправится напрямик в аптеку, пока та не закрылась. Мисс О'Хара устало улыбнулась, и Пэдди заметил у нее под глазами темные круги от бессонницы. Насколько он знал, Анджела изводила себя не из-за мужчины. В их маленьком поселке об этом давно бы прознали. Еще менее вероятной представлялась версия о случайном сексуальном контакте и нежелательной беременности. Анджела О'Хара не лишилась бы сна из-за чего-то подобного. Когда выяснилось, что одна из воспитанниц монастыря забеременела, Анджела повела себя решительно и смело. Все вокруг витали в облаках, тогда как Анджела действовала практично и трезво. Именно она додумалась объяснить девочке, что происходит при родах. Именно Анджела предложила отправить дядю девочки в Англию, сопроводив напутствием из уст достаточно суровых людей никогда не возвращаться в Каслбей, если ему дорога его жизнь. Это случилось около четырех лет назад. Не могла же Анджела сама попасть в такую беду?

Доктор Пауэр вздохнул и прошел в гостиную. Молли читала у камина.

– Ничего не меняется и не становится лучше, – посетовал он.

Жена подняла на него удивленный взгляд. Обычно Пэдди был настроен оптимистично, видя надежду в любом проявлении жизни.

– Кто-нибудь умирает? – спросила Молли.

– Нет, ничего подобного. Правда жаль, что я не стал судебным врачом?

– Пэдди, не говори ерунды. Для судебного врача ты слишком плохо танцуешь, а ничем другим они не занимаются. Судовые врачи не имеют никакого отношения к медицине.

Доктор Пауэр подумал, что Молли очень хорошо и молодо выглядит, когда проявляет жизнелюбие и подбадривает его. Когда же она была чем-то недовольна, ее лицо сразу обретало хмурый вид и обзаводилось двойным подбородком совсем как у ее матери – женщины, которая родилась неприятной и жила ради того, чтобы доставить окружающим как можно больше неприятностей. Так было вплоть до прошлого года, пока с ней не случился сердечный приступ в тот момент, когда она выражала недовольство по поводу слишком скромных подарков на ее семидесятилетие.

– Да уж, тут я действительно полный профан, – признал Пэдди и подошел к буфету, где стояли напитки.

Его рука на мгновение зависла над шерри, но взялась за бутылку ирландского виски. Что стряслось? Почему Анджела О’Хара не могла поведать ему о своих тревогах?

Анджела купила снотворное в аптеке и не стала поправлять мистера Мерфи, уверенного, что таблетки предназначались для ее матери.

– Этот артрит – истинное проклятие, от него нет лекарства. Когда-то давно никто не знал, что это такое. Теперь все знают, но вылечить не могут. Прогресс невелик, если вдуматься... Но она хотя бы поспит ночью, – сказал аптекарь.

– О да, – согласилась мисс О’Хара.

– Ты и сама неважно выглядишь, Анджела. Тебе тоже надо бы немного отдохнуть. Весь день торчать в школе среди детского гвалта – как ты это выносишь? Мы были на концерте Анны и Нэн и чуть не оглохли там от воплей. А у тебя к тому же бедная мама...

– Я сильна, как лошадь, мистер Мерфи, – заверила аптекаря Анджела и побрела на почту, с трудом переставляя ноги.

На пороге почтового отделения она поняла, что не вынесет общения с миссис Конуэй – бодрого искусственного голоса, расспросов о том, как дела у Берни, очередного упоминания о награде

по истории. Самой Анджеле не удавалось добиться ответа ни на один свой вопрос, и сегодня у нее не было сил противостоять лобовой атаке миссис Конуэй. Когда-то она могла справиться с десятью миссис Конуэй еще до завтрака. Но это было до того, как она получила письмо.

Письмо пришло три недели назад, обклеенное красивыми марками, которые Анджела обычно срезала и клала в конверт на каминную полку. Они с матерью собирали марки для миссии; иностранные хранились в одном конверте, ирландские – в другом. Раз в году школа получала письмо с благодарностью за великие миссионерские усилия. Анджела всегда вешала письмо на стену, зная, что Иммакулату это почему-то раздражает, но повода придраться у нее нет. Анджела не заметила, что письмо отличается от других и что оно адресовано ей одной, без упоминания матери. Она не обратила внимания на крупный штампель «конфиденциально» поверх конверта и вполне могла открыть письмо, сидя рядом с матерью.

Начиналось оно так: «Анджела, я прошу тебя прочесть это в одиночестве. Я хотел отправить письмо на адрес школы, но подумал, что так оно вызовет еще больше шума. Ты придумаешь, как объяснить штампель на конверте. Ты что-нибудь придумаешь, Анджела. Пожалуйста».

Далее сообщалось о том, что брат покинул миссию три года назад, женился на японке и что теперь у отца Шона есть ребенок четырнадцати месяцев и второй на подходе.

Шон О'Хара с раннего детства говорил братьям, что собирается стать священником-миссионером. Братья были довольны: устремления Шона были гораздо предпочтительнее амбиций остальных учеников, которые мечтали лишь о том, чтобы водить дублинский поезд или владеть кондитерской. Время от времени братья пытались переманить Шона в свой орден, но он твердо заявлял, что не хочет учить маленьких католиков в Каслбее. Он хотел уехать, чтобы встретиться с дикарями и обратить их в христианство.

Шон вовсе не был святым, и никто из его школьных приятелей не видел в его призвании ни намек на благочестие. Они завидовали Шону, которому суждено было отправиться в разные экзотические места: Африку, Индию или Китай – точно никто не знал. Священник,

преподававший географию, был очень благодарен юному Шону, так как мальчик постоянно писал в ордена, занятые миссионерской деятельностью, интересуясь подробностями их работы. В обмен на журналы и брошюры Шон организовал для них сбор серебряной фольги.

В возрасте около тринадцати лет ему даже удалось уговорить священника-миссионера приехать и прочесть в его школе лекцию. Священник посоветовал мальчику усердно учиться, и тогда, возможно, его примут в семинарию – образование в этой жизни могло пригодиться везде.

Хотя Шон был на три года старше Анджелы, он нашел в ее лице надежного друга и союзника. Она брала для брата книги в монастыре и каждый вечер помогала ему отыскать отца и найти соседа, готового отнести домой бесчувственное тело. Именно она настояла на том, чтобы превратить уголок кухни в подобие кабинета и закрепить на полке масляную лампу, чтобы кое-кто ее не унес. Их сестры Джеральдина и Мария строили планы, как покинуть родное гнездо. Джеральдина вела переписку с больницей в Уэльсе, где могла выучиться на медсестру, а у Марии была подруга, работавшая в хорошем лондонском магазине, настолько шикарном, что работа в нем мало походила на труд продавщицы. Одной исполнилось пятнадцать, другой – шестнадцать, они определились со своим будущим и упорхнули через несколько месяцев. Они очень редко приезжали домой. Время от времени писали, присылали фотографии никому не знакомых внуков, напоминавших маленьких англичан, и обещали когда-нибудь вернуться в Каслбей.

Джеральдина и Мария присутствовали на похоронах отца. Взрослые, отстраненные, в черных пальто и шляпах, они поражались тому, что все вокруг носят плащи и косынки. Свои наряды они позаимствовали специально для похорон. Сестры окинули тревожным взглядом мокрое холодное кладбище и жителей Каслбея, склонивших головы на ветру. После тринадцати лет, проведенных в другой стране, зрелище показалось им непривычным. Они с жалостью осмотрели маленький коттедж, который служил им домом более половины их жизни, и печально покивали. Анджела разозлилась. Сестры не знали, как усердно она трудилась во время болезни отца, пытаясь придать жилищу респектабельный вид. Она делала это, чтобы мать не

растеряла чувство собственного достоинства и могла угощать соседей чаем, кексами и виски, не испытывая стыда за дом.

Разумеется, истинной отрадой на похоронах был приезд преподобного отца Шона. Ему полагалось вернуться позже весной, но Анджела написала брату и настоятелю ордена сдержанное письмо, объяснив, что до весны старик О'Хара не протянет из-за необратимого повреждения печени, – и орден отреагировал быстро и чутко. Конечно, молодому отцу О'Харе позволили завершить работу в миссии чуть раньше.

Брат вернулся. Вышел из автобуса под восторженный гул толпы. Дети помчались к коттеджу О'Хары с радостной вестью. Чтобы не испачкать длинное одеяние, Шон приподнял полы, как привык делать, шагая по болотам Дальнего Востока. Преподобный О'Хара приехал домой, чтобы соборовать отца и отслужить по нему заупокойную мессу.

У отца Шона нашлось что сказать каждому жителю Каслбея. Его глаза не туманились от жалости к людям. Он не смотрел с грустью на свой старый дом и согбенную мать, не пытался отмежеваться от жизни, которую вел старик О'Хара. «Он был несчастлив в этом мире, давайте помолимся о том, чтобы в ином мире он обрел счастье, к которому всегда стремился». По всеобщему убеждению, отец Шон произнес эти слова с милосердием и любовью. Годы, когда на долю отца выпали самые суровые тяготы, Шон провел вдали от дома, обучаясь в семинарии, проходя послушничество и, наконец, трудясь в миссии. Но это ничего не меняло. Жители Каслбея сочли, что, если Шон смог простить отцу пренебрежительное отношение и беды, которые претерпела семья О'Хара, это было на редкость великодушно с его стороны.

У миссис О'Хары меньше болели кости, когда отец Шон находился рядом. В самое последнее утро, перед тем как снова покинуть родных на пять лет, Шон отслужил небольшую мессу в приделе церкви только для матери и сестры. Он даже не позвал служку; Анджела зачитывала ответы на вопросы по латыни, заглядывая в молитвенник. Джеральдина и Мария вернулись в Англию к своим семьям, пообещав регулярно навещать домашних в Каслбее.

Когда месса закончилась, миссис О'Хара вложила в руки сына восемьдесят фунтов в качестве пожертвования миссии. Старушка

копила и прятала деньги долгие годы в ожидании сына.

Шон уехал в тот же день. Слезы прощания были пролиты дома, и на автобусной остановке напротив почтового отделения Конуэя домашние держались стойко. Они махали вслед Шону О'Харе носовыми платками, а вдову переполняла гордость за прекрасного сына, чьи достоинства высоко оценили жители Каслбея.

Он исправно писал домой: благодарил за вырезки из местной газеты и за известие о том, что школьное собрание марок признано крупнейшим в графстве. Соболезновал Диллонам в связи с кончиной старого мистера Диллона и просил передать скорбящей семье святой образ со словами благословения, которые начертал лично. Шон все меньше сообщал о своей повседневной жизни, в основном отвечая на новости, поступавшие из дома раз в две недели, когда Анджела писала брату письмо вместо матери, поскольку артрит добрался и до рук пожилой женщины.

Не так давно Анджела изложила в очередном послании небольшую просьбу от своего имени: «Шон, ты очень добр, интересуешься нашими мелкими делами, но, пожалуйста, пиши побольше о себе. Раньше ты рассказывал нам о миссии, о братьях, живущих там, о школах, которые вы основали. Я помню историю о том, как приехал епископ, чтобы помазать всех миром, но из-за муссона туземцы попрятались в хижинах, и в тот год никто не был помазан. Нам хочется знать, чем ты живешь и чем занимаешься. Если бы ты служил здесь, вместе с отцом О'Двайером, мы бы и так о тебе все знали, но там все настолько по-другому, что нам трудно представить...»

Зачем она это написала? Если бы она сдержалась, то, возможно, никогда бы не получила письмо, которое прожгло дыру в ее сумке. В нем говорилось об отказе отца Шона от служения Господу. Это могло бесповоротно разрушить жизнь их престарелой матери.

По словам Шона, он устал обманывать, а письма из дома превратились для него и Сюи в пытку, потому что пытались воскресить далекое прошлое. Деньги, которые мать с Анджелой посылали на мессы, уходили на оплату жилья и еды. Шон преподавал английский язык в Токио, где никогда не было обители его ордена. По адресу, на который приходили письма из Каслбея, жил брат Сюи. Шон забирал у него всю почту.

В его новой семье знали английский и удивлялись, почему к имени Шона на конверте по-прежнему приписывают обращение «отец», а их дом считают обителью Господа.

Уход Шона потряс братьев, даже настоятель ордена пришел в ужас. Шона старались переубедить, уверяя, что, несмотря на беременность Сюи, отец О'Хара может вернуться в орден и заботиться о ребенке. Никто не понимал, что Шон любит Сюю, хочет создать с ней семью, а христианизация Дальнего Востока утратила для него всякий смысл задолго до того, как он встретил свою земную любовь. Шон осознал, что туземцы счастливы следовать собственным верованиям, а Господь, возможно, вовсе не желает обрести новую паству.

В будущем, когда все более-менее утрясется, Шон собирался направить в Рим прошение освободить его от сана и монашеских обетов. Такое случалось гораздо чаще, чем думали люди. Тогда он бы смог снова жениться на Сюе, обвенчавшись по католическому обряду, и окрестить детей.

Сюя сказала, что не возражает против обращения детей в католицизм.

Решение Шона выглядело окончательным и безоговорочным, и это пугало. Письмо не оставляло надежды на то, что связь с Сюей окажется интрижкой – постыдным проступком, о котором часто судачили шепотом, если священник уезжал за границу. Что-то вроде дурной привычки выпивать по две бутылки местного спиртного в день. Шон считал эту женщину своей женой. Братья Шона по ордену знали об этой связи, проявляли понимание и оказывали поддержку. Даже настоятель знал о Сюе. А Шон называл письма из дома невыносимыми, потому что они относились к жизни, которой больше не существовало.

«В пекло его, – в ярости думала Анджела. – Он, черт возьми, будет читать наши письма до тех пор, пока мы их отправляем. Я никогда не расскажу матери о японке по имени Сюя и внуке-полукровке, названном Денисом в честь деда».

Как могла бедная мамочка принять эту новость и свыкнуться с ней, если даже Анджела, которая была молода, образованна и придерживалась передовых взглядов, не могла смириться с выбором брата? А потом в голову лезли другие мысли: «Бедный, бедный Шон,

его охватит отчаяние, когда он поймет, что у него всего одна жизнь и она пуста. Его сбила с пути и соблазнила какая-то японка без морали и веры. Для нее священник ничем не отличается от прочих мужчин, она понятия не имеет, какой грех совершил Шон и какое ужасное решение он принял». Порой Анджели охватывало спокойствие. «Все не так уж плохо, мы ничего никому не скажем, мама не читает мои письма, я буду писать Шону обычные письма про его новую жизнь, а его попрошу писать нам про его прежнюю жизнь. И никто в результате не пострадает».

Однако ночью, проспав около часа и проснувшись от толчка, который, как она знала, означал, что уснуть до рассвета не получится, Анджела понимала, что обманывает себя. Многие уже пострадали. Упиваясь жалостью к себе, она вставала, дымила сигаретой и смотрела в окно. Она пострадала больше других. Все это время она боролась изо всех сил. Даже обучаясь в педагогическом колледже, когда у нее не было лишнего гроша и от долгой ходьбы ныли ноги, потому что денег не хватало ни на велосипед, ни на автобусный билет, она экономила, чтобы посылать деньги брату.

Когда отец был при смерти, Анджела вернулась в Каслбей и устроилась на год в местный монастырь на работу. Она решила, что обязана оказать поддержку матери. Должен же кто-то из детей находиться рядом со старушкой в предстоящие тяжелые месяцы. Анджеле очень не хотелось покидать большую веселую школу в Дублине, но мать настоятельница обещала сохранить за ней место в течение года – мисс О'Хара была слишком ценным кадром, чтобы ее потерять. Анджела гуляла по утесу вместе с Шоном, когда тот вернулся домой на похороны отца. Брат с сестрой разговаривали легко и непринужденно, как это было всегда, их связь несколько не пострадала. Они остановились у ступеней и присели на поросший травой склон, глядя на море, над которым кружили и кричали чайки. Шон мягко заговорил об узах, долге и необходимости делать то, что подсказывает сердце. После беседы с братом Анджела поняла, что не вернется на работу в Дублин, а останется ухаживать за матерью. Она не чувствовала обиды – ни тогда, ни потом. Она не испытывала ненависти ни к Джеральдине – за то, что та не перевезла мужа-англичанина и детей в Каслбей, ни к Марии. Как они могли решиться на что-то подобное? А Шон был священником-миссионером, который

уже посвятил свою жизнь добру. И разве парень будет помогать по хозяйству, даже если вернется домой?

Но по ночам, когда ее терзала бессонница, а сердце сжималось от постоянной тревоги и страха, Андже́ла не питала к брату особой любви. Как он посмел говорить с ней о долге? Как он посмел? В чем состоял его долг, могла бы она спросить. Первое искушение – и брат отказывается от сана, забывая о том, что знал с тех пор, как достиг нужного возраста, чтобы выучить катехизис: тот, кто однажды принял сан, остается священником навсегда. Он спал с японкой, и не один раз, у него вот-вот родится второй ребенок. Андже́ла никогда ни с кем не спала, и у нее было больше прав на личную жизнь, чем у служителя божьего. В своем письме Шон сообщил, что рассказал Сюе об Андже́ле и та предположила, что Андже́ла достаточно сильна, чтобы понять брата.

«Большое тебе спасибо, Сюя, – думала Андже́ла по ночам. – Спасибо тебе, милая, отзывчивая сестра-японка. Сваливай все на Андже́лу, как обычно. Ты ведешь себя в лучших традициях семьи О’Хара, даже не сомневайся».

Клэр получила письмо от монахини из средней школы, к нему прилагалась программа открытого конкурса на стипендию тысяча девятьсот пятидесятого года. Оно пришло вместе с обычным набором счетов, квитанций и рекламных объявлений от поставщиков, привозивших почту семье О’Брайен.

Агнес сидела у плиты и, наблюдая за движением ложки, раскладывала по тарелкам кашу. Старшие братья и Крисси расположились по одну сторону большого кухонного стола, покрытого рваной клеенкой; Клэр и младшие братья сидели спиной к двери. Зимой семья могла спокойно поесть только за завтраком. Никто не трезвонил в дверь лавки до того, как дети уходили в школу.

На теплой кухне могло быть уютно, если бы не груды хлама; при попытке встать из-за стола некуда было ступить. На обшарпанном диване валялись учебники и одежда. У стены громоздились сумки с товаром, которые не успели разобрать. С потолка угрожающе свисало белье, а комод был забит таким количеством вещей, положенных туда «на время», что не было видно посуды.

Том О'Брайен, как обычно, охал и вздыхал над коричневыми конвертами. На одних были прозрачные окна, а значит, внутри лежали счета, на других окон не было.

Внезапно отец вздрогнул:

– Клэр, здесь письмо для тебя.

Она никогда раньше не получала писем, и это событие вызвало переполох в семье.

– Думаю, у нее завелся какой-нибудь жуткий, уродливый, паршивый любовник, – предположила Крисси.

– Не говори так и не лезь не в свое дело, – сердито прикрикнула Агнес О'Брайен на непокорную старшую дочь.

– Ну и от кого же письмо? Почему ты ее не спросишь? Меня ты всегда спрашиваешь: где я была, с кем болтала. Почему нашу святую Клэр нельзя ни о чем спросить?

– Не смей так разговаривать с матерью! – рявкнул Том О'Брайен, и без того пребывавший в дурном настроении. – Ладно, Клэр. Скажи, от кого письмо, и положим конец этой тайне.

– Это список книг для экзаменов, – простодушно ответила Клэр, доставая исписанный лист, который приложила монахиня.

Само письмо осталось в конверте.

– Зачем тебе этот список? – усмехнулась Крисси.

– Чтобы не перепутать, что именно я буду изучать.

Крисси посмотрела на список.

– Мы прошли это в прошлом году, – уверенно заявила она.

– Хорошо. – Клэр сохраняла спокойствие. – Может, у тебя найдутся книги, которые пригодятся мне позже?

Она знала, что учебники Крисси давно порваны, исписаны каракулями или потеряны. Сестра явно не горела желанием обсуждать эту тему.

Агнес О'Брайен беспокоило нечто поважнее учебного списка. Она собиралась отправить обоих старших сыновей в Англию, где они будут жить в доме у незнакомой женщины и каждый день ходить на работу со взрослыми мужчинами самых разных наций. Будущее вселяло тревогу. Но что ждало детей здесь, в Каслбее? Будь у них несколько участков земли, все было бы иначе, но в этой маленькой лавке всем вместе не прожить.

После школы Клэр решила показать письмо мисс О'Харе. Она не хотела выставлять дружбу с учительницей напоказ, чтобы никто не заподозрил, что Клэр ходит у мисс О'Хары в любимчиках, получая дополнительную помощь и советы. По этой причине Клэр отправилась к мисс О'Харе домой. Анджела не возражала против визитов Клэр, и, конечно же, ей будет интересно взглянуть на письмо.

Дверь открыла миссис О'Хара – медленно и с трудом. Клэр так и подмывало сбежать, когда она услышала скрежет отодвигаемого стула, означавший, что старушка начала долгий, мучительный путь в сторону двери, – но так бы вышло еще хуже.

– Извините, что заставила вас подняться.

– Ерунда, – ответила пожилая женщина. – Я и так, похоже, скоро буду открывать дверь сама.

– Вы чувствуете себя лучше? – обрадовалась Клэр.

– Нет. Просто я могу остаться одна. Уж я-то способна распознать, куда ветер дует.

– Мисс О'Хара собирается уехать из дома?

Это было невероятно!

– Да, и судя по всему, из Каслбея.

– Она не может!

Несправедливость происходящего уязвила Клэр: мисс О'Хара должна была оставаться в Каслбее, пока Клэр не получит стипендию. Мисс О'Хара не могла уехать сейчас.

– Она выходит замуж? – спросила Клэр, питая неприязнь к одной только мысли о подобной возможности.

– Замуж? Кто захочет обрекать себя на долгую вереницу страданий? Разумеется, она не выходит замуж. Ей не сидится на месте – вот что с ней, неутомомной, происходит. Это ее собственные слова. Всю ночь напролет бродит по дому, рядом с ней даже глаз не сомкнуть. Спрашиваешь: «Что случилось?» Отвечает: «Не сидится». Что ж, ни у кого нет времени на стариков. Запомни это, Клэр.

В этот момент вернулась мисс О'Хара. Она выглядела очень усталой. На занятиях она в последнее время вела себя вспыльчиво, но не по отношению к Клэр, поэтому девочка не ожидала резких слов.

– Боже всемогущий! И так нет покоя ни в школе, ни на улице, а теперь еще и дома?

Клэр была потрясена.

– Дашь людям палец – отхватят руку. Что у нас сегодня, Клэр? Деление столбиком или Большой катехизис? Говори скорее, и покончим с этим.

Клэр положила письмо из далекого монастыря на кухонный стол.

– Я подумала, раз вы помогли мне с письмом, то захотите увидеть ответ, который мне прислали.

Лицо Клэр покраснело от возмущения.

– Спокойной ночи, миссис О’Хара! – крикнула она в дверях и ушла.

Она шагала по длинной дороге, ведущей к полю для гольфа. Летом все больше людей предлагали здесь туристам ночлег и завтрак. Клэр спустилась вниз, к началу Черч-стрит, и вошла напрямик в поселок. Она не заметила, что Крисси и Кэт сидят на каменной ограде, болтая ногами, и разговаривают с Джерри Дойлом и парой его приятелей. Она не обратила внимания на переполох в мясной лавке Двайера, откуда выскочил шальной пес доктора Пауэра с бараньей ногой в зубах.

Дома паковали чемоданы, хотя до отъезда братьев оставалось еще несколько дней. Поездки случались нечасто, поэтому к сбору вещей относились очень серьезно.

Отец Клэр нашел хороший кожаный ремешок, чтобы обвязать тот чемодан, замки на котором давно заржавели и не защелкивались. Второй чемодан решили несколько раз обмотать толстой веревкой.

На кухне маму почти не было видно за развешанным бельем. Оно сушилось на пяти подвижных перекладах – длинных деревянных брусках, закрепленных над плитой с помощью громоздкой системы шкивов. Разбиралась в ней только мама. Всем остальным приходилось вставать на стул, чтобы снять высохшие вещи. Но сегодня разразилась катастрофа невиданных масштабов. Мама стояла на выключенной плите и чинила крепление перекладки, с которой, вероятно, упало белье, судя по ярости на лице Агнес и куче покрытой пеплом одежды, сваленной в углу.

Мама выглядела так, словно ничто на свете уже не может ее обрадовать. Так оно и было.

– Чем помочь? – поинтересовалась Клэр спустя мгновение, решив, что такой вопрос более уместен, чем разговоры о том, что случилось.

– Было бы прекрасно, если бы кто-нибудь мне помог, – воскликнула мама. – Было бы очень приятно, если бы хоть кто-то в этом доме помог хотя бы чем-то. Это было бы очень мило. И очень неожиданно.

– Хорошо, скажи, что ты хочешь, и я сделаю. Давай приготовлю ужин, – предложила Клэр.

– Не говори глупости. Ты не сможешь приготовить на восьмерых.

– Тогда что ты хочешь, чтобы я сделала?

В голосе Клэр прозвучали недовольные нотки. Зачем проявлять заботу о маме, если та в ответ только срывает на тебе раздражение? Клэр пожалела, что зашла на кухню, вместо того чтобы подняться наверх в спальню.

– Почему бы тебе не пойти и не уткнуться носом в книгу, разве ты не об этом мечтаешь? – крикнула мама.

И в этот миг висевшая под потолком одежда, с которой капала вода, рухнула Клэр на голову.

Наступила тишина. Агнес спрыгнула с плиты и принялась срывать с Клэр рубашки и простыни, швыряя их на пол как попало.

– С тобой все в порядке, тебя не ушибло?

Агнес едва не плакала от потрясения. Она разбрасывала одежду до тех пор, пока не увидела лицо Клэр. Девочка рассмеялась – скорее всего, от испуга. Агнес обнимала дочку снова и снова, не обращая внимания на груды мокрой одежды, разделявшую их. Обычно при первой мысли о необходимости отжимать мокрое белье мама приходила в ужас и принималась объяснять, чем страшен ревматизм. Но не сейчас.

– Бедняжка, с тобой все хорошо, ты цела? Это Господь наказал меня за то, что я злилась на тебя из-за ерунды.

Клэр растерялась и обрадовалась: происшествие вернуло маме хорошее настроение.

– Давай сниму с тебя эти мокрые тряпки... или нас обеих прихватит ревматизм. Я поставлю чайник, и мы с тобой выпьем по чашке чая с печеньем – только вдвоем. А потом уже бросим эту чертову кучу белья в корыто, все равно ее придется перестирывать заново, и попросим кого-нибудь из наших лодырей починить сушилку.

Мама давно не выглядела такой счастливой.

Тем временем Дэвид Пауэр попал в большую беду, а по его вине и вся школа. Отец Келли зачитал злосчастное письмо перед лицом собрания не один, а целых три раза как живой пример того, какими лживыми могут быть мальчики.

Письмо пришло от девушки по имени Анджела О'Хара, которая, по-видимому, проживала в родном поселке Пауэра. Теперь письмо, адресованное Дэвиду, школа знала почти наизусть.

Дорогой Дэвид, я не против выполнить твою просьбу и прислать тебе генеалогическое древо династии Тюдоров, указав, как каждый из этих монархов относился к Ирландии. Правда, в моем понимании ты бы мог попросить об этом любого священника из вашего огромного уродливого замка, где вас обучают за немалую плату, при этом твоим учителям даже не нужно застилать себе постель и готовить завтрак. Но я не собираюсь участвовать в глупых играх, подписываться именем Эндрю и сочинять подробности о выдуманных матчах по регби. Если твоя школа напоминает теплицу, где поощряется подобная чепуха, мне жаль тебя и тех, кто отвечает за твое воспитание.

Желаю тебе и твоему другу Джеймсу Нолану всяческих успехов.

С уважением,

Анджела О'Хара

Никто из членов ордена не мог припомнить более грубого письма. Только представьте: ученик обращается к постороннему за учебным пособием! Всем известно, что их школа лучшая в Ирландии и одна из лучших в Европе. Мало того, ученик описывает школу так, что окружающие отзываются о ней как об «огромном уродливом замке».

Ученик допускает и даже поощряет оскорбления в адрес помазанных слугителей Господа. Он позволяет попрекать священников тем, что они не готовят себе завтрак, – как будто в этом состоит их предназначение! Что еще хуже – ученик призывает девочку лгать, просит ее притворяться мальчиком, подписываться

вымышленным именем и выдумывать истории о спортивных матчах, чтобы обмануть невинных школьных опекунов, которые о нем заботятся. Не исключено, что подобное поведение – обычная практика, а учителя не знали о ней, пока это отвратительное письмо не предали огласке. Учащимся пообещали провести тщательное расследование и велели тем, кто что-нибудь об этом знает, заявить о себе.

Дэвид извинялся перед всеми, как только мог. Он не предполагал, что мисс О'Хара способна на такое, ведь прежде она вела себя восхитительно. Дэвид обратился за поддержкой к Нолану, и тот, положив руку на сердце, признал правоту приятеля.

– Наверное, она сошла с ума. Это единственное объяснение, – оправдывался Дэвид.

– Да, похоже на то, – согласился Нолан, знакомый с проявлениями безумия и крайне раздосадованный тем, что его имя упомянули в скандальном письме.

Снотворное действовало очень странно. Сначала тяжелели ноги, потом руки, голова не отрывалась от подушки – и вдруг наступало восемь утра. Только к полудню Анджела понимала, что проснулась окончательно, и потом весь день чувствовала себя прекрасно. Таблетки дарили ей по меньшей мере несколько часов, в течение которых она могла проверить упражнения и тесты, а также попытаться частично исправить вред, причиненный себе в первые недели после письма от Шона, когда почти не смыкала глаз.

Матушка Иммакулата сообщила, что Анджела стала опять похожа на себя прежнюю, вызвав у нее своими словами неопишное раздражение. Сержант Маккормак, экономка священника, выразила удовлетворение по поводу того, что Анджела явно преодолела свой тяжелый характер. Миссис Конуэй поинтересовалась, что именно ищет Анджела, если то и дело заходит на почту и снова уходит, так ничего и купив. Мать обрадовалась, что Анджела перестала бродить ночью по дому, и с загадочным видом попросила сразу честно сообщить ей о новых планах на будущее, если такие появятся.

Однако вернуть доверие Клэр О'Брайен оказалось не так-то просто – по крайней мере, за те часы послеполуденной бодрости. Всего несколько месяцев тому назад белое личико Клэр обрамляли ярко-желтые ленты, а большие темные глаза сияли надеждой на победу

в конкурсе на лучшее сочинение по истории. Ничего этого Анджела больше не видела. Клэр настороженно смотрела на нее глазами собаки, которую однажды ударили, и та не допустит, чтобы это повторилось.

Анджела попыталась все исправить.

– Держи письмо от сестры Консуэло. Ее ответ обнадеживает.

Клэр взяла конверт и поблагодарила.

– ...Я повела себя резко в тот день, когда ты пришла ко мне домой. У меня было много забот.

– Да, мисс О'Хара.

– Извини, что я вспылила. Ты же знаешь, что разозлила меня вовсе не ты.

– Да, разумеется.

– Тогда заходи снова, и мы позанимаемся. Выбирай любой вечер, какой захочешь.

– Нет, спасибо, мисс О'Хара.

– Черт возьми, Клэр О'Брайен, что ты хочешь, чтобы я сделала? Встала перед тобой на колени?

Воцарилось молчание.

– Сейчас я кое-что скажу для твоего же блага. Ты одаренный ребенок. Я бы очень хотела, чтобы ты получила эту чертову стипендию. Я не против заниматься с тобой каждый вечер до полуночи, чтобы помочь тебе добиться этого. Разве я могу провести время с большей пользой? Но твоя привычка обижаться просто отвратительна. Да, это так. Я помню, ты вела себя точно так же, когда не выиграла конкурс по истории. Тех, кто дуется, Клэр, никто не любит, потому что это форма шантажа: я не получила того, что хочу, и не буду ни с кем разговаривать. Это, пожалуй, самый предосудительный порок из всех возможных. Мой тебе совет: избавься от этой привычки, если хочешь иметь друзей.

– У меня не так уж много друзей, – ответила Клэр.

– Подумай, возможно, причина как раз в этом.

– Как бы то ни было, – не сдавалась Клэр, – если вы уезжаете, зачем предлагать помощь?

– Я, оказывается, уезжаю? Впервые об этом слышу. Куда же я направляюсь?

– Ваша мать сказала...

– Моя мать не знает, утро сейчас или вечер.

– Она сказала, что вы по ночам бродите по дому и хотите уехать из Каслбея.

– О господи, так вот что она обо мне болтает!

– Значит, это неправда? – повеселела Клэр.

– Это неправда. Но если я не увижу перемен в твоём поведении, я с таким же успехом могу уехать, для тебя это ничего не изменит. Приходи сегодня вечером, и мы приступим к занятиям. Если честно, мне самой нужно немного отвлечься от разных мыслей.

– Скоро установится ясная погода, и долгие ночи останутся позади.

– Почему ты вспомнила об этом? – удивилась Анджела.

– Моя мама всегда так говорит, когда хочет подбодрить. По-моему, звучит очень мило.

– Да, так и есть.

Анджела решила не посылать брату телеграмму. Минуло пять недель с того дня, как пришло письмо, прежде чем она смогла ответить. Только мысль о том, что брат ждет весточки, провожая взглядом почтальона-японца, заставила ее взяться за ручку. Она начинала письмо дюжину раз, но оно выглядело неправдоподобным. Анджела не могла радостно поблагодарить брата за доверие, потому что предпочла бы ничего не знать. Она не могла выразить брату сочувствие, потому что не испытывала жалости. Она не хотела ни приветствовать невестку Сюю и племянника Дениса, ни восторгаться скорым появлением у Шона второго ребенка. В голове Анджелы по-прежнему извивались и ползали тревожные мысли. Случился бы у матери удар, узнай она эту новость? Не придется ли семье компенсировать часть денег, потраченных на обучение Шона, если он отказался от сана? Могут ли Шона отлучить от церкви за его проступок и станет ли отлучение достоянием общественности? Узнают ли об этом ирландские священники? Не прочтет ли об этом отец О’Двайер в каком-нибудь церковном бюллетене? Анджела знала, что должна быть добрее и относиться к брату как к одинокому и хрупкому человеческому существу – именно так называл себя Шон. Однако в следующем предложении он сообщал, что наконец познал совершенное счастье и впервые понял, зачем мужчина и женщина оказались на этой земле.

Несколько раз Анджела переступала порог почтового отделения миссис Конуэй, собираясь отправить брату телеграмму с уведомлением о том, что его письмо получено, и просьбой больше домой не писать. Но как отреагируют в поселке, когда узнают о содержании телеграммы? Дома и лавки вверх и вниз по Черч-стрит, по дороге к полю для гольфа и на Фар-Клифф-роуд по ту сторону бухты загудят от догадок и сплетен. Чтобы сохранить происшествие в тайне, телеграмму пришлось бы отправить из соседнего города. К тому же жесткий ответ мог толкнуть Шона на какой-нибудь действительно глупый поступок. Брат с безумной нежностью толковал в письме о том, что хочет вернуться в Каслбей, чтобы показать жене и детям свою родину. Преподобный Шон О'Хара показывает родину жене и детям! Он, должно быть, сошел с ума! Не просто рехнулся, а окончательно лишился рассудка!

Анджела пыталась представить, что бы она посоветовала, окажись на месте Шона кто-то другой. В Дублине Анджела дружила с Эмер, они вместе учились и рыскали по разным подходящим местам в поисках жениха. Предположим, что речь идет о брате подруги. Что сказала бы Анджела? Она, вероятно, убедила бы Эмер написать ни к чему не обязывающее, уклончивое письмо, чтобы все уладить. Прекрасно. Но когда пишешь о чем-то подобном родному брату, сложно сохранять беспристрастность. Нелепо ожидать, что у тебя получится остаться в стороне. И Анджела написала ответ от чистого сердца.

Она призналась, что шокирована тем, что брат отказался от сана. Шон должен понимать, что все ирландцы будут шокированы не меньше, пусть даже священники миссии отнеслись к собрату с пониманием и оказали ему поддержку. Если Шон не сомневается в том, что навсегда утратил веру, то она рада счастью, которое он обрел в отношениях с подругой-японкой, и тому, что рождение сына доставило им обоим столько отрады. Анджела просила Шона осознать, что в тысяча девятьсот пятидесятом году ни один житель Каслбея не смог бы легко и непринужденно смириться с мыслью о священнике, вступившем в брак.

Она писала ответ, сидя в темной комнате. За окном шел дождь, а мать тыкала в открытую дверцу духовки грубой старой кочергой, держа ее обеими руками. Было очевидно, что миссис О'Хара не

должна узнать о грехопадении сына. Когда матери не станет, можно будет еще раз все обсудить. Но сейчас подобная весть разрушит жизнь старой женщины, а ведь никто не поспорит с тем, что, когда раздавали судьбы, матери досталась очень плохая. Анджела соглашалась с братом, что это тяжело, но все же просила проявить высшую доброту и писать письма, как будто он все еще состоит в ордене. Поскольку миссис Конуэй просматривала каждый конверт, проходивший через ее почтовое отделение, Анджела решила, что будет указывать адрес Шона, как раньше. Что бы чувствовал Шон, окажись на его месте Анджела? Она допускала, что брат надеялся получить более теплое и исчерпывающее письмо, но при этом подчеркивала, что ее ответ был честным и практичным и ничего лучшего она пока предложить не может.

Письмо пролежало на комодe два дня, прежде чем опустилось в почтовый ящик. Анджела запечатала конверт, и можно было не опасаться, что мать его вскрыет. Старушка думала, что внутри обычное письмо и сложенные вчетверо фунтовые банкноты – на оплату мессы. Анджела почти надеялась, что письмо унесет ветер или что оно упадет и потеряется, поэтому его никогда не отправят.

Клэр О’Брайен, которая всегда пытливо оглядывалась по сторонам, заметила конверт.

– Можно я отнесу письмо отцу О’Харе на почту? – нетерпеливо спросила она. – Когда отправляешь письмо в Японию, чувствуешь себя кем-то очень важным.

– Хорошо, отнеси, – откликнулась мисс О’Хара странным голосом.

– Давайте посмотрим на глобус, чтобы узнать, сколько стран облетит письмо, прежде чем попадет к адресату, – предложила Клэр.

Ей нравилось доставать старый глобус, который скрипел, когда вращался.

– Давай, – сказала мисс О’Хара, но не сделала ни малейшего движения, чтобы передать девочке глобус, стоявший рядом.

– Можно мне? – смутилась Клэр.

– Что? Ах да. Давай посмотрим.

Анджела поставила глобус на стол, но не спешила его повернуть.

– Итак, письмо покинет Каслбей... – подсказала Клэр.

Мисс О’Хара встряхнулась.

– Это самая трудная часть его путешествия, – заметила она, приходя в себя. – Если оно вырвется из цепких рук миссис Конуэй и его не вскрыют с помощью пара, значит худшее позади.

Клэр пришла в восторг оттого, что выслушала скандальные обвинения в адрес ужасной миссис Конуэй, ужасной матери воистину ужасной Берни Конуэй. Клэр выбрала для доставки письма в Японию западный маршрут через Атлантику в Новую Шотландию, где, как известно, приземлялись все ирландские самолеты. Она медленно перевезла письмо через все Соединенные Штаты, направляясь на Гавайи, а затем в Японию.

«Наверное, так его и доставят, – думала Клэр. – Чем меньше земли, тем меньше остановок».

Она поинтересовалась, может ли отправитель выбрать маршрут для письма? Мисс О'Хара покачала головой. Возможно, маршрут зависит от того, в какую сторону раньше вылетит самолет? Клэр посмотрела на мисс О'Хару, ожидая подтверждения своей гипотезы, и, к удивлению, заметила в глазах Анджелы слезы.

– Он скоро вернется домой? – сочувственно спросила девочка.

Клэр поняла, что бедная мисс О'Хара, должно быть, скучает по Шону и, возможно, при ней не следует без конца твердить о том, как далеко ее брат и как огромен мир вокруг. Вероятно, это было бестактно.

Крисси сказала, что Клэр ненормальная, потому что большой палец на ее ноге больше второго. Это обнаружилось, когда Крисси красила ногти на ногах и в спальне так сильно пахло лаком, что Клэр захотела открыть дверь.

– Нельзя этого сделать, – прошипела Крисси. – Все почувствуют запах.

– Но никто не увидит лак у тебя под носками. Какой в этом смысл? – недоумевала Клэр.

– Смысл в том, что я – взрослая, а не тупая дура, как ты, – объяснила Крисси.

Клэр пожалала плечами. Разговаривать было бесполезно. Диалог всегда заканчивался утверждением, что Клэр – зануда, и это, казалось, служило первопричиной всего. Крисси насмеялась над младшей сестрой по любому поводу.

– У тебя ужасные волосы. Гладкие, как бумажный пакет.

– Я же не втираю в них средство для прочистки труб, как ты, – парировала Клэр.

– Вот видишь. Ты такая дура, что даже не можешь накрутить себе бигуди.

Тут же, без паузы, Крисси атаковала с другой стороны:

– У тебя даже нет подруг. Я вижу, как ты сидишь на игровой площадке, как ходишь в школу и обратно совсем одна. Даже у твоих гадких глупых одноклассниц есть хоть капля ума, они понимают, что с тобой дружить нельзя.

– У меня есть подруги! – крикнула Клэр.

– Кто? Назови хотя бы одну. К кому ты ходишь домой по вечерам? Ответь! Нет у тебя никого!

Клэр искренне желала, чтобы Кэт и Пегги приходили к Крисси не так часто. При них Клэр не могла войти в спальню, а внизу ее постоянно просили что-нибудь сделать.

– У меня много разных подруг. На уроке домоводства я дружу с Мариан, потому что мы занимаемся за одним столом, а еще я дружу с Джози Диллон, мы сидим с ней рядом в классе.

– Фу, Джози Диллон – толстая и противная.

– Она не виновата в этом.

– Ну конечно, она же вечно таскается с едой в своей толстой руке и что-то жует.

Сама Клэр считала Джози скучной – та, казалось, ничем не интересовалась, однако была безобидной, доброй и одинокой.

Ругая Джози, сестра корчила бесившие Клэр гримасы:

– Брр, Джози Диллон! Хотя с кем еще ты могла подружиться, кроме как с этой бледной жирной размазней.

– Она не размазня! А у твоей Кэт вообще в волосах гниды, об этом все в школе знают.

– Ну разве ты не мерзкая? – закричала Крисси. – Зачем говорить о людях такие гнусности? К тому же о Кэт, которая всегда хорошо к тебе относится.

– Она никогда не относилась ко мне хорошо. Все, что я от нее слышала, – это «Заткнись и проваливай!». Ты говоришь точно так же.

Крисси посмотрела на ноги Клэр:

– Выставь ступню вперед.

– Зачем? Не буду!

– Давай, всего на минутку.

– Ты намажешь мне ногти этой ужасной красной краской.

– Нет, я не стану переводить на тебя лак. Просто покажи ногу.

Клэр с подозрением свесила ступню с кровати, и Крисси осмотрела ее.

– Покажи другую, – велела старшая сестра, и младшая нервно выполнила просьбу.

Тогда Крисси заявила, что Клэр настоящий урод. Второй палец на ноге должен быть длиннее большого. Так было у Кэт и Пегги, так было у Крисси, у всех на пляже были такие ноги. Клэр пыталась возразить. Почему палец назвали большим, если он не самый большой?

– Ну-ну, – покачав головой, протянула Крисси.

Клэр испугалась.

– Я пойду спрошу у мамы, – сказала она, слезая с кровати, но Крисси толкнула сестру обратно.

– Ты не будешь ни о чем спрашивать. Мама захочет узнать, почему мы говорили о пальцах на ногах. Может быть, вздумает посмотреть на мои. Держи свои гадкие жалобы при себе и не показывайся на людях босиком.

Клэр снова заползла на свою кровать. Крисси посмотрела на сестру и решила проявить сочувствие. Обвинение в уродстве было хуже всего остального, что Крисси делала прежде.

– Послушай, никто ничего не заметит, а я тебя не выдам.

Но Клэр по-прежнему выглядела несчастной.

– ...И Джози Диллон не так уж плоха. Уж лучше дружить с ней, чем совсем не иметь подруг.

– Мисс О'Хара, а у вас в школе была подруга? – поинтересовалась Клэр.

– Да, даже несколько. Почему ты спрашиваешь?

– Просто интересно, что с ними случилось?

– Ну, Нелли Берк работает в доме доктора Пауэра. Мы дружили, когда я была примерно в твоём возрасте. Маргарет Руни уехала в Англию и вышла замуж, она живет рядом с моей сестрой. А Сисси

О'Коннор стала монахиней, благослови ее Бог, и молится за всех нас в монастыре на севере.

– Они не вкалывали как проклятые вместе с вами?

– Нет, не вкалывали, они считали меня сумасшедшей.

Клэр успокоилась. Оказывается, она была не одинока в своем чудачестве.

– Но когда я попала в среднюю школу при большом монастыре, все изменилось, потому что там было много людей с общими интересами и свою работу не нужно было скрывать. А когда я училась в педагогическом колледже, у меня были замечательные подруги. В некотором смысле мы дружим до сих пор, но, разумеется, сейчас, когда я живу здесь, все уже не то. Большинство моих подруг по колледжу преподают в Дублине... Не волнуйся, у тебя будет достаточно времени, чтобы завести друзей.

Анджела старалась обнадежить Клэр. Похоже, девочку кто-то допекал. Вряд ли все вокруг испытают восторг, видя, как один из них выбился в люди. Клэр требовались ободрение и поддержка, но никому такая мысль даже в голову не приходила.

– Я правда волнуюсь. Не хочу быть ненормальной, – печально призналась Клэр.

– Что ж, надеюсь, ты не зазнайка, которая думает, что она какая-то особенная. Гордыня – это грех, насколько тебе известно.

– Полагаю, вы правы.

– Такие вещи следует знать, а не предполагать. Это написано черным по белому в катехизисе. Два великих греха, враждебных надежде, – гордыня и отчаяние. Не следует предаваться ни одному из них.

– А вас когда-нибудь тянуло к одному из них?

Характер Клэр представлял собой странную смесь. Иногда она вела себя довольно бесцеремонно и пытливо, словно равная учительнице, сидящей напротив. Но в то же время она могла быть в высшей степени уважительной и в монастыре не позволяла себе ни малейшего намека на близкие отношения с мисс О'Харой и вечерние встречи в ее коттедже.

– Если тянуло, то скорее к отчаянию, – ответила Анджела. – Иногда я думала, что у меня ничего не получится и вообще зачем все это нужно? Но я справилась, и вот я здесь – учу второго великого

гения, который выйдет из Каслбея. Что ж, может быть, ты откроешь книги и на время оставишь разговоры о врагах надежды и о давних подругах?

Клэр хихикнула и достала особые тетради, купленные в магазине мисс О'Флаэрти. Они отличались по цвету от школьных, чтобы не перепутать. И Клэр, и Анджела знали, что никто в школе не обрадуется, узнав, что мисс О'Хара часами бесплатно обучает десятилетнего ребенка в частном порядке. Об этом никому не говорили. Мама Клэр думала, что дочь ходит на дополнительные уроки, потому что немного отстала. Чтобы получить в Каслбее достойное образование, приходилось хитрить.

Когда наступило лето, Дэвид от души пожалел, что семья Нолана решила снять дом на утесе. Сначала из Дублина полетели письма с пожеланием арендовать самый лучший дом и просьбами прислать список жилья. В Каслбее практиковали иной подход. На Клифф-роуд стояло двадцать зданий. Летом владельцы сдавали их – обычно сроком на месяц. Ближе к полю для гольфа были дома другого типа – может быть, поменьше, но идеальные для заядлых игроков в гольф. На другой стороне бухты громоздилось еще одно скопление домов. Некоторые из них принадлежали людям, жившим в двадцати милях отсюда и приезжавшим погостить на лето. Арендаторы знали дома и понимали, чего хотят. Растолковать это Ноланам оказалось очень трудно. Молли Пауэр устала от попыток.

Она остановила свой выбор на Крест-Вью и договорилась об аренде с сестрой миссис Конуэй, владелицей дома. Молли поведала о высокообразованной семье из Дублина с тремя детьми и горничной, между делом оскорбив семейство Конуэй предложением обновить облупившуюся краску на крыльце, пострадавшем от вечного ветра и брызг. Проглотив обиду, хозяева распорядились покрасить крыльцо. Они не желали, чтобы какая-то высоколобая семья из Дублина дурно отзывалась об их доме.

Дэвид выбился из сил, осматривая вместе с матерью дом в Крест-Вью и поневоле сталкиваясь с неразрешимыми вопросами о том, где будут спать родители Нолана – в этой комнате с окнами на улицу или в той. Кэролайн Нолан согласится делить комнату с подругой, которую пригласила? Комната наверху достаточно хороша для горничной, по

мнению Дэвида? У дублинских горничных могут быть особые запросы.

Накануне приезда Ноланов миссис Пауэр договорилась о доставке продуктов на кухню в Крест-Вью в качестве приветствия. Дэвид наблюдал за матерью, пока она лихорадочно проверяла список.

– Не думаю, что она оценит твой добрый жест, – услужливо подсказал он. – Нолан говорит, его мать большую часть времени не в себе.

– Дэвид, прекрати, пожалуйста, эти глупости! – в ярости крикнула миссис Пауэр. – Я из кожи вон лезу, чтобы ты провел лето с друзьями и чтобы им было здесь комфортно. И вся твоя помощь – это оклеветать бедную женщину, которую ты никогда не встречал. Честное слово, это невыносимо.

– Я ее видел, когда она приезжала к Нолану на каникулах, – уточнил Дэвид.

– И?..

– Вроде в тот день она чувствовала себя лучше, – невозмутимо сообщил он.

«Лавка семьи О’Брайен выглядит хорошо», – подумал Дэвид.

Магазинчик обновил вывеску, а еще одну большую жестяную вывеску повесил рядом поставщик мороженого, так что лавка смотрелась более современно, чем в прошлом году. Наверное, за прилавком будет трудиться вся семья: взвешивать мороженое, отсчитывать леденцы, раскладывать апельсины по белым бумажным пакетам, давать сдачу, заворачивать в жиростойкую бумагу ломтики вареной ветчины и бекона. Томми и Неду будет чем заняться летом, чтобы заработать деньги на карманные расходы.

Однако ни того ни другого не было видно. Дэвид спросил о братьях у Крисси и узнал, что они уехали в Англию несколько месяцев назад. Зачем? Чтобы работать на стройке, разумеется. Новость заставила Дэвида вздрогнуть.

Крисси не знала, нравится братьям в Англии или нет. По пятницам они пишут домой. Пишут ли они каждую пятницу? Нет, зато присылают кое-что другое. Конечно. Он совсем забыл.

Миссис О’Брайен обслуживала другую семью покупателей, юная Клэр аккуратно накладывала мороженое, и за ее действиями

внимательно следил клиент. Если в магазине покупатель за два пенса получит чуть меньше мороженого, случится настоящая катастрофа. Только у Крисси было время поболтать.

– Джеймс Нолан и его семья приезжают на лето в Крест-Вью.

– Тот парень, что обжег себе рот? – хихикнула Крисси.

– Он самый.

– Что ж, отлично, он как раз успеет на пикник, который Джерри устраивает на песчаных холмах рядом с полем для гольфа. Джерри все тебе расскажет, – заговорщицки шепнула Крисси.

Это была хорошая новость. Дэвид задавался вопросом, не окажется ли этот визит Нолана последним. Тайный пикник в дюнах выглядел заманчиво.

– У него есть сестры? Джерри жаловался, что девушек не хватает. А по-моему, вполне достаточно, – сказала Крисси.

– Да, сестра Кэролайн, и она приедет с подругой, но не думаю...

Дэвид внезапно замолчал. Признаться, что сестра Нолана не из тех девушек, кого можно пригласить на подобную вечеринку, показалось ему невежливым.

Молли давно не испытывала столь радостного волнения. Подумать только, известная дублинская семья приедет в Каслбей по слову мальчика, который гостил в ее доме. Молли чувствовала себя польщенной. Она надеялась, что юный Джеймс Нолан не приукрасил их стиль жизни.

Письма Шейлы Нолан были вежливыми и теплыми, но, к сожалению, свидетельствовали об убеждении, что Каслбей чем-то сродни Монте-Карло. Миссис Нолан писала, что с нетерпением ждет возможности каждый день ходить вместе с Молли в спа-салон. Спа-салон? Должно быть, Шейла имела в виду ванны с морскими водорослями, но они были старыми, обшарпанными и ржавыми, в них купались только священники и всякая эксцентричная публика. Молли вряд ли смогла бы преобразить их, покрыв слоем краски, как в случае с домом.

Но разве не здорово было бы пообщаться с жителями Дублина, посмеяться над заведением «У Роберта», в начале Графтон-стрит, поинтересоваться, работает ли по-прежнему милая мисс такая-то у Свитцера и обновил ли Томас Браун витрину? Жаль, что Молли мало

кого могла познакомить с Ноланами. Диллоны из отеля были неоднозначной семейкой, а кого еще можно было позвать – даже в голову не приходило. Ноланы сочли бы их скучными и недалекими.

Доктор Пауэр посоветовал жене расслабиться, но мужчины ничего не смыслили в светской жизни. Пэдди сказал, что на протяжении многих лет наблюдал, как со всей страны в Каслбей приезжали на отдых сильные мира сего, что смотрелось забавно, но они как будто вовсе не стремились к привычному комфорту и стилю жизни. Здесь, посреди большой бухты и скал, пронизанных солнечным светом, было нечто, что восполняло все остальное. Пэдди был уверен, что с Ноланами произойдет то же самое.

Возможно, он был прав, но Молли хотелось, чтобы к ним порой заходили друзья на бокал шерри и чтобы у них был свой круг общения – компания, с которой приятно встретиться в отеле. Выходить куда-либо вместе с Пэдди было опасно, потому что все отпетые пьяницы и местные горемыки стремились тут же в подробностях поведать доктору о симптомах своих болезней. Еще Молли жалела, что у них нет оранжереи. Разве не чудесно было бы предложить Ноланам: «Приходите к нам в зимний сад на чашечку кофе, мы вечерами всегда там сидим». Почему она в прошлом не проявила настойчивость и не убедила Пэдди? Бампер Бирн, занимавшийся в Каслбее строительством, утверждал, что соорудить нечто подобное нетрудно. Но Молли хотела подыскать кого-то более изысканного и стильного, чем Бампер. В итоге осталась без оранжереи.

У Молли упало сердце, когда она вспомнила, как Шейла Нолан поинтересовалась, где делать покупки. Покупки? В Каслбее? Представьте себе даму из Дублина, которая привыкла ходить в «Смитс» возле сквера Стивенс-Грин, а теперь вынуждена толкаться в тесной лавке О’Брайена и ждать, пока вокруг смеются и резвятся дети. А эта грубоватая Крисси с кудряшками и худенькая, отрешенная Клэр, которая в минуты затишья тут же хваталась за книгу? В их лавке не было ничего для покупателей с взыскательным вкусом, абсолютно ничего.

Вспомнив без всякого удовольствия о лавке О’Брайена, Молли сообразила, что не включила в список продуктов ни муки, ни других ингредиентов для выпечки. Ноланы везли с собой горничную, которая могла захотеть испечь булочки или хлеб в первый же вечер, а они не

знают, где и что приобрести. Молли следовало докупить пачку цельнозерновой муки, белой муки и соды. Она же понимает, что Ноланам нет нужды питаться магазинной едой, как другим людям, не привыкшим к хорошей жизни.

Лучше решить этот вопрос прямо сейчас. Завтра, когда приедут Ноланы, у нее будет столько всего на уме: нужно будет уложить волосы и сделать последние приготовления. Прогулка пошла бы ей на пользу, день был чудесный.

Она направилась вниз по Клифф-роуд, бросая быстрые взгляды по сторонам, словно видела Крест-Вью впервые. Будущий дом Ноланов, безусловно, казался на улице самым нарядным благодаря свежей покраске. Молли распорядилась, чтобы на лужайке постригли траву, поэтому дом выгодно отличался от других. Внизу на пляже уже царило заметное оживление, сезон начался. Пэдди, несомненно, прав: Ноланам здесь понравится.

У О'Брайена в лавке было затишье, поэтому работала только Клэр. Девочка сидела за прилавком, уткнувшись в книгу.

– Я подожду, пока ты будешь готова, – съязвила Молли.

Клэр подняла глаза, еще не осознав, что следует обслужить покупательницу.

– Миссис Пауэр, вы изучали в школе облака? – спросила она.

– Облака?

– Облака. Мама с папой этого не проходили, а меня заинтересовали кучевые облака. Оказывается, они бывают самые разные, а я думала, это название только для одного вида.

– У меня сейчас нет времени говорить об облаках. Я должна купить муки, если ты можешь мне ее отпустить. Наверное, лучше подождать твою маму...

– Нет-нет. – Клэр виновато отложила книгу. – Что вы хотели, миссис Пауэр?

Девочка достала муку и соду для хлеба и даже предложила кулинарный жир, а затем аккуратно вывела общую сумму на обратной стороне белого бумажного пакета. Она выглядела такой напряженной, что Молли почувствовала укол вины за то, что так резко осадил ребенка. Клэр была совсем юной, и, конечно, было приятно смотреть, как девочка старается учиться. Но у нее был такой уличный вид в этом выцветшем платье – слишком коротком и широком в плечах. Почему

Агнес О'Брайен не могла прилично одеть ребенка, когда была на летней выставке, ведь это бросало тень на весь Каслбей? Раздражение вернулось к Молли.

– Всего один фунт четыре шиллинга, миссис Пауэр, – сказала Клэр, протягивая список, но Молли отмахнулась и полезла в сумочку за купюрами.

В лавку вошла группа англичан. Том О'Брайен, услышав стук двери и голоса, выглянул, чтобы обслужить их самому. Это были приятно изъяснявшиеся люди, которые остановились в отеле Диллона. Молли с интересом посмотрела на них, размышляя, не смогли бы они составить компанию ей и Ноланам.

Том О'Брайен по-хозяйски стоял посреди лавки, с удовольствием прислушиваясь к светской беседе между миссис Пауэр и покупателями. Только когда вновь раздался дверной звонок и вошли новые посетители, он сообразил, что следует ускорить обслуживание и встать за прилавок.

– Надеюсь, еще увидимся, пока вы здесь, – произнесла Молли.

Она была рада узнать, что две английские пары приехали в отпуск каждая на своей машине и с собакой. Одно это сразу повышало их статус.

Молли повернулась к Клэр:

– Я беру сдачу и бегу домой.

– С вас двадцать четыре шиллинга, миссис Пауэр.

– Знаю, я же дала тебе пять фунтов, – нетерпеливо сказала Молли.

– Быстрее, Клэр, отдай миссис Пауэр сдачу. Давай же.

Клэр колебалась.

– Вы... э-э... не дали... Вы еще не дали мне денег, – в отчаянии выпалила девочка.

– Клэр! – пришел в ужас Том О'Брайен. – Миссис Пауэр сказала, что дала тебе пять фунтов. Выдай ей сдачу сию же минуту. Что на тебя нашло? Двадцать четыре шиллинга. Отсчитай миссис Пауэр три фунта шестнадцать шиллингов. Хватит витать в облаках.

– Миссис Пауэр убрала пять фунтов обратно в сумочку, – возразила Клэр.

– Мне очень жаль, миссис Пауэр, – сказал Том, оттолкнув дочь от ящика, где хранились деньги, и начал рыться в поисках сдачи.

– Папа, смотри, там нет купюры в пять фунтов. Миссис Пауэр достала ее, но положила обратно в сумочку, когда заговорила с теми людьми...

Все в магазине с интересом наблюдали за происходящим. На лице Молли выступили красные пятна.

– За всю мою жизнь... – начала она.

– Пожалуйста, простите, миссис Пауэр...

Сгорая от стыда, Том О’Брайен пинком распахнул заднюю дверь, чтобы позвать Агнес, которая помогла бы справиться с притоком новых зрителей.

Молли открыла сумочку, выставив на всеобщее обозрение пятифунтовую банкноту, наспех засунутую обратно.

«Я все равно не стала бы это скрывать», – попыталась успокоить себя Молли.

К тому же теперь скрыть что-либо не представлялось возможным. Промак Молли был слишком очевиден для всех. Румянец на ее лице заалел еще ярче.

– Все в полном порядке, мистер О’Брайен. Ваша дочь совершенно права: я действительно по ошибке положила пять фунтов обратно в сумку. Как хорошо, что у вас такой бдительный кассир.

Молли любезно протянула купюру, отмахнувшись от Тома и намеренно вручив ее Клэр.

Девочка спокойно приняла деньги и выдала сдачу. Она не присоединилась к бормотанию отца и заверениям в том, что такое могло случиться с кем угодно.

– Спасибо, миссис Пауэр, – сдержанно поблагодарила Клэр.

– Спасибо тебе, Клэр, – ответила Молли Пауэр.

За ее спиной звякнул дверной звонок.

– Она больше никогда не придет сюда за покупками, – сказал Том О’Брайен жене.

День выдался долгим. Клэр так и не дочитала главу об облаках в учебнике географии. Родители не смогли выкроить время, чтобы поговорить с дочерью наедине, а она не успела сообщить им свою точку зрения на недоразумение с миссис Пауэр. С каждым следующим часом она все меньше раскаивалась и все больше злилась на Молли Пауэр. В конце концов, это была вина покупательницы, а она даже не

извинилась. Клэр ненавидела сейчас отца и готова была просто убить его за то, что он унижался перед миссис Пауэр и огорченно извинялся за промах, в котором была виновата та женщина, а не он и его дочь.

На пару приятных мгновений магазин оказался пуст. Клэр протянула руку к учебнику географии и тут же отдернула ее при взгляде на мать.

– Все в порядке, он забудет об этом. К завтрашнему дню все простит, – ласково успокоила ее Агнес.

– Тут нечего прощать! Она не дала мне денег. Я должна была отдать ей три фунта шестнадцать шиллингов и продукты, так, что ли?

– Тише, Клэр, не упрямясь. До чего же трудно с тобой!

– Со мной не так уж трудно. Я просто хочу знать. Если я должна так делать, скажите мне, и я буду так делать. Я же не знала об этом раньше.

Агнес с нежностью посмотрела на младшую дочь:

– Не понимаю, откуда ты такая взялась. Ты умнее всех нас, вместе взятых.

Клэр эти слова не успокоили, она по-прежнему выглядела возмущенной.

– Порой случается так, что нет ни правых, ни виноватых. Не для всего можно установить правила. Так тебе понятно?

– Да, – немедленно согласилась Клэр, – теперь мне понятно. Как со Святым Духом.

– С чем?

– Со Святым Духом. Мы должны верить в Него, не понимая Его. Он не птица и не ветер. Чем-то Он все же является, и нам достаточно это знать, а понимать необязательно.

– Не думаю, что это совсем одно и то же, – озадаченно ответила Агнес. – Но если этот пример поможет тебе уяснить, как вести торговлю в маленьком поселке вроде нашего, тогда, ради всего святого, воспользуйся им.

Лавка закрылась в одиннадцать вечера. У Тома О’Брайена ныла спина от наклонов и подъема тяжестей. Он уже забыл о летних тяготах и усталости. Шла первая неделя лета. Впереди с божьей помощью маячило еще десять таких же, благодаря которым они могли бы хоть как-то заработать на жизнь. Том задолжал маслобойне, а беконная

фабрика выдавала немного товара в кредит до первой летней прибыли. Том глубоко вздохнул: было так трудно предугадать спрос. В прошлом году покупатели сметали готовые торты в твердой глазури, а в этом году Том продал только два, а остальные засыхали у него на глазах.

Современная жизнь была так непредсказуемо сурова, что человеку с женой и шестью детьми не доставалось ничего, кроме круглосуточных тревог и забот.

Том беспокоился о сыновьях, уехавших в Англию, особенно о старшем Томми – парень медленно соображал, его было легко провести. Как он вообще мог выжить в Англии, где такой ушлый народ, у которого все схвачено? А более смысленный Нед был еще очень молод, ему не исполнилось даже шестнадцати. Том О’Брайен жалел, что у него нет крупной фирмы, где его сыновья могли бы работать вместе с отцом, ездить в другие города, учиться торговому ремеслу в крупных бакалейных лавках, чтобы затем вернуться домой в Каслбей. Это были всего лишь мечты. Лавка служила семье последним оплотом. Они бы давно погорели и увязли в долгах, если бы не ежегодный наплыв посетителей, который начинался в первую неделю июня и резко заканчивался первого сентября. Ежегодно одиннадцать недель тяжелого труда окупали сорок одну неделю простоя.

Том позвал Агнес, чтобы узнать, есть ли в доме горячая вода.

– Зачем тебе ночью горячая вода?

– Мы продаем соли для ванн. На лицевой стороне упаковки нарисован человек с больной спиной и написано, что боль отпустит, если принять солевую ванну, – простодушно ответил Том.

Агнес изучила упаковку.

– Сейчас вскипятим. Клэр, прежде чем ляжешь спать, наполни, пожалуйста, пару кастрюль вместе с Крисси. А где Крисси?

– По-моему, она с Кэт и Пегги выполняет задание на каникулы, – машинально соврала Клэр.

Она знала, что пришла пора летних развлечений и разодетая в пух и прах тройца, сняв носки и щеголяя покрашенными ногтями на ногах, шагает по улицам.

– Эта девица возглавит страну, раз выполняет столько домашней работы даже на каникулах, – проворчал Том О’Брайен. – Можно узнать, почему у нее каждый семестр плохие оценки?

– У нас в монастыре очень строгие требования, не как у Братьев. Монахини ко всем придираются, – ответила Клэр и загрохотала кастрюлями.

Чтобы хоть немного облегчить себе жизнь, она была вынуждена прикрывать старшую сестру. Когда Крисси пропадала на улице, она меньше мучила Клэр.

Мать открыла упаковку соли для ванн.

– Трудно поверить, что это поможет, – усомнилась она. – Иди в ванную, Том. Посмотрим, что из этого выйдет.

Клэр была еще на ногах. Младшие братья давно уснули. Крисси должна была вернуться домой после закрытия аттракционов, где она, наверное, что-нибудь выиграла в лотерею за полпенни и покаталась на автодроме. Томми и Нед крепко спали в своей берлоге в далеком Килберне.

– Ступай в постель, дочка. Ты сегодня очень помогла мне, – сказала мать. – Я должна поставить на ноги твоего отца. Мы не можем допустить, чтобы у него разболелась спина в первую неделю лета.

Готовясь ко сну, Клэр услышала, как родители смеются в ванной. Это подействовало на нее успокаивающе. Она выглянула в окно и увидела Джерри Дойла. Он шагал в сторону пляжа вместе с хорошенькой девушкой из числа приезжих. Если Крисси узнает об этом, то разозлится. Клэр увидела компанию, которая побывала в пабе у Крейга и направлялась на другую сторону залива по Фар-Клифф-роуд, унося с собой бутылки в крафтовых пакетах. Вероятно, они сняли там дом. Вдали шумела танцевальная музыка, собрав народ со всего побережья. Крисси до смерти хотелось туда пойти, но для этого ей должно было исполниться шестнадцать. Ждать оставалось два года и пять месяцев. Луна прочертила над морем остроконечную дорожку. Каслбей оживал в предвкушении лета.

Ноланы прибыли из Дублина поездом, и Пауэры приехали за ними на станцию в город, который находился в двадцати милях от побережья. Когда доктор Пауэр увидел количество багажа рядом с ними, он немедленно вызвал носильщика. Предполагалось задействовать две машины: «форд» Пауэров и такси. Шейла и Джим Нолан с интересом огляделись по сторонам и заметили бегущего к ним

Дэвида. Встреча сопровождалась множеством рукопожатий, а Кэролайн Нолан и ее школьная подруга Хилари без усталости хихикали.

На миссис Нолан было струящееся платье с огромными красными и зелеными цветами, будто она собралась на светский прием в саду. Шейла осмотрелась вокруг и принялась к воздуху, словно подозревая, что он заражен микробами.

Доктор Пауэр, широко и радушно улыбаясь, взял ее руки в свои, а затем пожал руку Джиму и рассказал, как приятно было видеть их сына в гостях и как жители Каслбея ждали возможности приветствовать их семью. Пэдди сообщил, что его жена устраивает чаепитие в арендованном для гостей доме, иначе она тоже была бы здесь.

Худощавый светловолосый Джим Нолан имел слегка рассеянный вид. Ему приходилось присматривать за женой, способной на весьма эксцентричные выходки. Шейла в молодости, должно быть, блистала красотой. Даже сейчас, приближаясь к сорокалетию, она была очаровательна, а пронзительный взгляд ее светлых глаз мог привести в замешательство кого угодно. Она долго и пристально смотрела на Пэдди Пауэра.

– Вы хороший человек и достойны доверия, – сообщила Шейла после паузы.

Доктор Пауэр давно привык к подобным взглядам, регулярно сталкиваясь с ними на работе.

– Очень на это надеюсь, потому что вам придется положиться на меня и всех нас, пока вы не приносите к необычным традициям здешних мест.

С этими словами Пэдди мягко усадил чету Нолан в свою машину, куда также поместилась большая часть багажа. Дэвиду поручили нанять такси для детей и горничной Бриды. Все долго махали друг другу руками и бурно прощались, чтобы через двадцать миль снова встретиться в Каслбее.

Дэвиду показалось, что Кэролайн и Хилари относились ко всему, что видели, с легким презрением. Они спросили, где находится ближайший крупный город, и захихикали, узнав, что находятся в нем. Они поинтересовались, далеко ли до главной дороги, и захихикали еще громче, услышав, что проехали по ней уже три мили. Они осведомились о теннисе и явно разочаровались, выяснив, что клуба

как такового здесь нет, но можно поиграть в теннис в отеле. «Где же вы встречаетесь, если у вас нет клуба?» – удивились они, и Дэвид поймал себя на мысли, что почти извиняется. В конце концов таксист, который подрабатывал на катафалке и владел половиной доли в пабе, пришел Дэвиду на подмогу. Он описал Каслбей в гораздо более привлекательных выражениях, напирая на неизменное повышение качества услуг и популярность поселка, куда приезжали английские пары – как правило, люди средних лет, с машиной, собакой и клюшками для гольфа. Только представьте, что они проделывают весь этот путь до Каслбея и выбирают поселок в Ирландии, а не в собственной стране, Шотландии или Уэльсе. Дэвид понял, что подход таксиста более удачен, чем его манера искать всему оправдание. Парнишка оживился и рассказал гостям о гольф-клубе и о том, что в этом году они с Ноланом подумывают об обучении гольфу, а клюшки можно взять в аренду прямо на месте. Кэролайн и Хилари опять захихикали и признали, что идея прекрасная и они тоже не против поучиться игре в гольф.

Дэвид предупредил, что по-настоящему прекрасный вид на море открывается за холмом Беннетта, и нетерпеливо уставился на девочек, чтобы понять их реакцию. Их лица говорили сами за себя, поэтому Дэвид радостно откинулся на спинку кресла и заговорщицки подмигнул таксисту.

Перед ними раскинулось все побережье, девочки притихли... Начался отлив, и пляж расстилался огромным серебристым ковром, а скалистые мысы по краям бухты казались ярко-фиолетовыми. Когда автомобиль подъехал к развилке, больше не было нужды ничего объяснять, Каслбей говорил сам за себя. Они ехали по главной улице. Справа высилась большая церковь, а прибранные к лету магазины блистали свежей краской. За белой каменной оградой некоторых лавок сидели и болтали на солнышке отдыхающие. Люди ели мороженое и несли пляжные мячи, а дети сжимали в руках резиновые кольца и рыболовные снасти. В воздухе витал запах моря. Это было похоже на рай.

Такси медленно следовало по Черч-стрит, чтобы пассажиры могли насладиться окружающим видом. Девочки переводили взволнованные взгляды с фасада большого танцевального зала на вход в отель Диллона. Они заметили мясную лавку Двайера с крупной вывеской,

которая гласила: «Приобретайте здесь мясо для праздничного стола». Казалось, все встречные друг с другом разговаривают и обмениваются приветствиями, словно прохожие на улице, ведущей к морю, хорошо знакомы.

Такси торжественно свернуло направо, на Клифф-роуд, чтобы полюбоваться видом на пляж.

– А вот и Джерри Дойл! – воскликнул Нолан, обрадованный, что узнал парня. – С кем это он?

– Это его сестра Фиона, я тебе о ней рассказывал, – ответил Дэвид.

Дойлы помахали рукой, и Джеймс Нолан шумно выдохнул:

– Она великолепна.

Девочки на заднем сиденье рассердились. Им не нужно было ничего произносить вслух, их настроение можно было понять по тому, как они заерзали на месте.

– И как же мы станем великими гольфистами, если ты будешь вздыхать при виде первой девушки, которую встретил в Каслбее? – съязвил Дэвид.

– Вот именно, – поддакнула Кэролайн. – Мы не хотим, чтобы отдых оказался испорчен из-за всяких глупостей и любовных историй.

– Конечно не хотим, – горячо поддержала подругу Хилари.

Все эти доводы не убедили Нолана, но времени на споры не осталось – пора было выходить из такси, чтобы радостно воссоединиться со взрослыми на лужайке у дома. Дэвид заметил, что мать сделала прическу и надела лучшее платье. Бонса с собой не взяли. Должно быть, его оставили дома на привязи, исходя из здравого предположения, что пес не придаст собранию изысканности. Сад купался в лучах солнечного света. Молли привела с собой Нелли, чтобы та помогла подать приветственный чай. В саду расставили стулья и парусиновые кресла. На веранду вынесли на подносах чашки, бутерброды и булочки, разрезанные пополам, с яйцом на одних половинках и ломтиком ветчины на других. Гостей угощали яблочным пирогом, разложенным на двух больших тарелках. Нелли щеголяла в маленьком белом чепце и фартуке. Джеймс познакомил ее с Бридой, которая тут же сняла шляпу и плащ и отправилась на кухню помогать.

Миссис Нолан откинулась на спинку кресла, закрыв глаза от удовольствия.

– Какой чудесный прием! – восхитилась она. – Какое красивое место! Джеймс, нам повезло, что у тебя такие замечательные друзья, они сделали все это возможным.

Молли Пауэр покраснела от удовольствия.

– Господи, после Дублина здесь все кажется таким скромным и непритязательным, – сказала она дрожащим голосом, который Дэвид слышал нечасто.

– Здесь божественно, – возразила миссис Нолан. – И я уверена, что с мухами можно легко справиться.

– С мухами? – поразилась Молли.

– Да, но этого следовало ожидать. Я прикинула, что на восемь обычных мух здесь приходится одна трупная, не так уж плохо.

– Да, наверное, это неплохо, – недоуменно произнесла Молли.

– Конечно, мы привезли с собой довольно много муслина. Но надо же понимать, что это отпуск, нам следует больше находиться на свежем воздухе и... Они же не могут убить нас?

– Э-э... Кто?

– Мухи. Они не могут нас убить, так что, по-моему, это райское место.

Мнение гостей по поводу будущего лета в Каслбее сложилось окончательно. Доктор Пауэр сообщил Шейле, что это одно из самых здоровых мест в мире благодаря морю, озону и Гольфстриму. Бог знает что еще Пэдди добавил для пущей убедительности, чтобы мать Нолана перестала бояться блох, сырости или инфекции.

К ним пожаловала сестра миссис Конуэй, чтобы поглядеть на высокообразованное семейство из Дублина, и опешила, увидев на лужайке Крест-Вью восьмерых человек, которым две горничные подавали чай. Но любопытство взяло верх, и она вошла. Ей вынесли стул, чашку чая, а миссис Нолан выразила хозяйке дома благодарность за то, что она предоставила гостям лучшее жилье в Каслбее. Сестра миссис Конуэй все выслушала, задала около восьми уточняющих вопросов и удалилась на почту, чтобы заполнить анкету и зарегистрировать новых гостей. Доктор Пауэр прочел лекцию о несчастных случаях на воде. По его словам, каждый год на протяжении последних четырнадцати лет летом кто-нибудь тонул. Все погибшие, за одним исключением, были из числа приезжих. Несчастный случай, как правило, происходил в первые несколько дней – до того, как люди

успевали приноровиться к сильному подводному течению, которое следовало за большой волной и утягивало в открытое море. По всему пляжу висели предупреждения, но никто им не верил. Там дежурил спасатель, только он мало что мог сделать. К тому же, если купальщика уносила волна, зов о помощи часто поступал слишком поздно.

Доктор Пауэр говорил очень серьезно. Кэролайн пришла в ярость от нравоучений и заявила, что брала уроки плавания в купальнях Дун-Лэаре. Доктор Пауэр парировал, что некоторые утопленники, чьи посиневшие тела ему довелось осматривать, плавали в других местах в течение тридцати лет. В Каслбее было очень-очень сильное течение, настаивал Пэдди, и он был бы плохим человеком, пригласив сюда друзей и не сообщив им об опасности. Слова доктора прозвучали внушительно, и все ненадолго притихли. Этого было достаточно, чтобы произвести впечатление. Тогда доктор Пауэр заговорил о гольф-клубе, упомянул о желании поиграть с мистером Ноланом и намекнул, что мальчикам стоит на лето присоединиться к младшим членам клуба и брать уроки у Джимми – настоящего профессионала. Миссис Нолан поинтересовалась, есть ли в поселке хороший парикмахер. Если миссис Пауэр выглядела так элегантно, хороший парикмахер здесь, несомненно, был. Нелли и Брида болтали на кухне о танцах, развлечениях и фотоснимках.

Кэролайн потянулась, пожаловалась, что чувствует себя грязной после поездки, и попросила разрешения переодеться. Они с Хилари затащили чемоданы наверх и расположились в своей комнате. Вскоре девочки вернулись. Кэролайн распустила стянутые на затылке волосы. Они слегка вились, как у Фионы Дойл, но были не такими пышными. Кэролайн надела желтую рубашку с белыми шортами и выглядела просто сногшибательно.

– Покажешь мне Каслбей? – спросила она Дэвида.

Было заманчиво покрасоваться на публике с такой стильной штучкой в белых шортах и желтых туфлях в тон рубашке. Дэвиду захотелось провести для нее экскурсию у всех на виду. Но это было бы дурным тоном.

– Конечно, – откликнулся он, делая вид, что не понял намека. – Давайте захватим купальники, встретимся здесь через десять минут, и я покажу вам пляж.

Дэвиду показалось, что Кэролайн расстроилась.
«Отлично, – подумал он. – Я ей понравился».

Тем летом выдалось несколько дождливых дней. Небо порой затягивало облаками, а во время прилива обязательно поднимался ветер. Но никто не запомнил этих мелочей. Хилари заявила, что провела в Каслбее лучшие каникулы в своей жизни. В следующем полугодии она поссорилась с Кэролайн, что положило конец их дружбе, и это был первый и последний приезд Хилари в Каслбей. Миссис Нолан окрепла и загорела. Она сдружилась с Молли Пауэр и даже брала вместе с ней в отеле уроки тенниса ранним утром, когда вокруг было мало народу. Они обе жалели, что в юности не занимались теннисом, и теперь наверстывали упущенное. Отец Нолана пробыл в Каслбее две недели, потом ему пришлось вернуться на работу, но он приезжал на выходные.

Почти каждый день они выбирались куда-нибудь на обед, и Дэвид обычно был с ними. По воскресеньям Ноланы ходили к Пауэрам. Молли устраивала настоящее застолье с ростбифом или двумя цыплятами, на первое – суп, в завершение – пудинг. И пока туристы жевали апельсины и пытались вскипятить на пляже чай, Пауэры и Ноланы поднимались по скалистой тропе либо к дому доктора, либо в Крест-Вью, где Нелли или Брида готовили чай с бутербродами, печеньем и яблочным пирогом. Это и правда был рай.

А еще они любили пикники и, поскольку у Ноланов был примус, часто готовили сосиски, которые были гораздо вкуснее на свежем воздухе. Никто не говорил миссис Нолан, что дети жарили сосиски самостоятельно, потому что Шейла боялась пожаров. Примус они держали в гараже Пауэров, чтобы избежать лишнего шума.

Тем летом – впервые за долгое время – в Каслбее никто не утонул. Один ребенок чуть не попал в беду, но доктор Пауэр оказал ему помощь, бедолагу вырвало морской водой, и через час о происшествии почти забыли. А еще женщина упала и сломала бедро на тропинке, ведущей к пляжу, после чего доктор Пауэр вышел к обрыву в рубашке без рукавов и вбил в землю палку с табличкой и надписью: «Очень-очень опасно». Поселковому комитету инициатива не понравилась, и доктору Пауэру велели убрать предупреждение. Однако Пэдди ответил, что именно ему приходится собирать людей по частям после

травм и что он вызовет гвардию, если кто-нибудь снимет табличку. В конце концов поселковый комитет установил более аккуратный знак, покрасил его и пообещал выделить в следующем году немного денег, чтобы обезопасить и тропу, и ступени лестницы.

Клэр наблюдала летнюю жизнь из магазина. Для нее это был другой мир, населенный беззаботными людьми, которые каждый день меняли одежду. У Кэролайн Нолан с загорелыми ногами помимо белых шорт было семь блузок разного цвета. Она напоминала радугу, как и ее подруга Хилари. Обе они вечно смеялись, вокруг них собирались мальчики и тоже смеялись. Это были братья Диллон из отеля, брат Берни Конуэй Фрэнк, Дэвид Пауэр, Джеймс Нолан и, конечно же, Джерри Дойл. Джерри никогда не присоединялся ни к чьей компании. Он обычно останавливался и непринужденно болтал со всеми, опершись о стену, когда проходил или проезжал на велосипеде.

Клэр заметила, что у этих ребят никогда не заканчивались деньги. Хилари уплетала три или четыре порции мороженого в день, а беспечная Кэролайн сначала купила флакон шампуня, на другой день – крем «Нивея», а на следующий – три модные заколки для волос. Только вообразите: у кого-то может быть так много карманных денег, что он даже не задумывается, прежде чем потратить их на подобную ерунду.

Дэвид Пауэр казался самым милым из всех, но он был таким всегда и к тому же считался местным. Он не изменился, обретя новых друзей.

– Можешь оказать мне услугу? – спросил однажды Дэвид.

– Конечно, – кивнула Клэр.

– Нам с Ноланом нужно купить кое-что, но мы... э-э... не хотим уносить это домой. Можно заплатить и оставить покупки здесь?

– Вы хотите заказать доставку? – с готовностью спросила она.

Отец не ошибся: миссис Пауэр больше не появлялась в лавке. Это был шанс разрядить обстановку.

– О боже, нет, – сказал Дэвид. – Видишь ли, мы не хотим, чтобы дома у меня или у Нолана узнали о покупках. Понимаешь, о чем я?

Клэр отпустила ему сосиски, апельсиновый и ирландский красный лимонад, хлеб, масло и печенье. Вдобавок ко всему предложила кетчуп, а когда Дэвид поинтересовался насчет торта в

твердой глазури, пообещала положить в пакет с покупками нож для торта.

– Еще один пикник в пещере? – прошептала она с круглыми от волнения глазами.

– Не в пещере. На песчаных холмах, – тихо поправил Дэвид.

– Здорово. А когда ты заберешь покупки?

– Я как раз хотел попросить тебя спрятать пакет на улице – там, где никто, кроме нас, не смог бы найти. Мы заберем его около двух часов ночи.

Они заспорили, можно ли оставить пакет у порога за большой пальмой в кадке. А если до еды доберется собака? А вдруг отец Клэр решит, что в лавку пришли грабители, и поднимет тревогу, если они спрячут пакет поблизости?

– Крисси собирается на пикник? – уточнила Клэр.

– Ну... да, собирается.

– Тогда все в порядке, я скажу Крисси, что пакет в шкафу под лестницей, и она захватит его с собой.

Клэр была довольна тем, что так ловко все уладила.

Она взяла у Дэвида деньги, отсчитала сдачу и вручила ему список покупок, чтобы он знал, на что потратился.

– Мне жаль, что ты... Я имею в виду, что будет немного...

– Я еще мала для пикников, – простодушно ответила Клэр. – И со мной скучно. Надеюсь, через несколько лет я повзрелею.

Дэвид почувствовал облегчение оттого, что Клэр отнеслась к истории с пикником философски.

– Конечно. Так и будет, – подхватил он, полный воодушевления.

На пороге лавки замаячило легкое, развевающееся платье миссис Нолан, покрытое цветочным принтом.

– Давай возьмем по мороженому, Молли. В Дублине ты не можешь идти и лизать мороженое за четыре пенса у всех на виду. К тому же там полно микробов. Ну разве здесь не чудесно?

Теперь Молли никак не могла отказаться войти. Клэр отреагировала быстро.

– К сожалению, у нас не осталось карамели в шоколадной глазури, – звонко отчеканила она, обращаясь к Дэвиду. – Но сегодня днем мы ожидаем новую поставку... Могу я предложить вам мороженое? – вежливо обратилась она к двум дамам.

– Оно свежее? Вы правильно его храните? – поинтересовалась миссис Нолан.

– Разумеется. Можете проверить. Или давайте я открою новую упаковку прямо у вас на глазах.

Миссис Нолан была довольна. Дэвид незаметно выскользнул наружу. Клэр сходила на кухню и принесла кувшин с горячей водой и чистый острый нож. Она обмакнула нож в воду и вскрыла упаковку мороженого. Аккуратно проделав в брикете углубления, она отрезала две четырехпенсовых порции и с серьезным видом протянула лакомство дамам.

– Это хороший магазин, Молли, – заявила миссис Нолан.

– Да-да, конечно, – смущенно поддакнула миссис Пауэр.

– По-моему, эта лавка лучше тех мест, куда ты советовала ходить за покупками.

– Да, здесь очень хорошо, – согласилась Молли, глядя в потолок.

Клэр молилась, чтобы не вошел отец и не начал заискивать перед покупательницами. Она попрощалась с ними.

– Милая маленькая девочка, – донеслись до нее слова выходящей из лавки миссис Нолан. – Смышленная малышка, хотя и выглядит истощенной.

Кресси сказала, что на злорадную ухмылку Клэр страшно смотреть и что сестра стала невыносимой с тех пор, как узнала о пикнике в дюнах. Клэр вздохнула. Она сообщила, что пакет Дэвида спрятан в шкафу за пальто и там же лежит нож.

– Он не сказал, Кэролайн и Хилари придут или нет?

Дэвид ничего об этом не говорил, но Клэр предположила, что они придут. Разве Кэролайн и Хилари недостаточно взрослые?

– Они достаточно взрослые, но Джерри Дойл думает, что это не так.

Кресси очень надеялась, что это не так. Джерри Дойл вообще не сводил глаз с Кэролайн Нолан. Кресси замечала, что он слишком много смеялся рядом с сестрой Джеймса по любым пустякам. Она не объясняла этого Клэр, но та каким-то образом догадалась сама.

– Они уедут в конце лета, а ты все еще будешь здесь, – успокоила Клэр сестру.

– Я знаю это, глупышка, – ответила Крисси, разглядывая в зеркале свое лицо. – Это и хорошо и плохо одновременно.

Нолан был очень разочарован тем, что Фионы Дойл не оказалось в числе девушек, которые, хихикая, поднимались в лунном свете по дюнам. Он позволил Кэролайн и Хилари прийти, чтобы придать вечеринке добропорядочный вид, и злился на Джерри за то, что тот оградил от участия собственную сестру.

– Вряд ли там случится такой же бардак, как в пещере, – проворчал Нолан.

– Знаю, просто она никуда не пойдет с нами ночью. Тем более в дюны.

– Ты как будто о монахине говоришь, а не о сестре, – буркнул Джеймс.

Джерри одарил его обезоруживающей улыбкой:

– Слушай, я понимаю, о чем ты. Но Фиона живет здесь, ты ведь знаешь. Это не просто вечеринка, как для твоей сестры и Хилари. Если ты местный, все выглядит иначе. В Дублине есть места, куда ты бы не пустил Кэролайн, хотя, возможно, там нет ничего плохого.

Слова Джерри произвели на Нолана впечатление.

Компания взяла с собой заводной граммофон и ушла так далеко, чтобы никто, кроме чаек, их не услышал.

Они разожгли примус и приготовили ужин. Дэвид обнимал Кэролайн, а Крисси льнула к Джерри Дойлу. Однако ему приходилось то и дело отстраняться, чтобы открывать консервные банки, следить за огнем и переворачивать сосиски. Нолан сидел рядом с Кэт, которая показалась ему гораздо привлекательней, чем в прошлую зиму. Ни один не исчез в темноте, прихватив с собой пару. Но когда огонек примуса мигнул и погас, а завести граммофон никто не потрудился, стало очевидно, что вечеринка удалась.

Именно Джерри Дойл, а не Крисси, решил, что вечеринка подошла к концу, и с небрежным смешком поднял всех на ноги. Девушки, хихикая, поспешно поправили блузки. Компания двинулась обратно по серебристому волшебному пляжу. У подножия лестницы все перестали болтать и отправились по домам, перешептываясь и посмеиваясь.

На этот раз никто не был пьян. Кэт и Крисси прыскали со смеху, но выглядели более искусственными. Хилари и Кэролайн мчались в лунном свете по пляжу, прикладывая пальцы к губам и хихикая. За Хилари увивался один из братьев Диллон, который был вполне себе неплох, несмотря на кривые зубы.

Джеймс и Дэвид шли неторопливо. Джеймс сказал Дэвиду, что засунул язык в рот Кэт и ужаснулся. Ее рот был полон слюны. Наверное, это следует делать как-то иначе. Дэвид с интересом кивнул и согласился, что другой способ, несомненно, есть. Он не стал сообщать, что рот Кэролайн Нолан вовсе не полон слюны, а, напротив, очень приятен и мил.

На следующий день Кэролайн и Хилари лежали на вершине утеса, когда мимо проходил Джерри.

– Вы не попались?

– Конечно нет. Мама принимает так много снотворного, что не заметила бы, устрой мы пикник прямо в саду, – ответила Кэролайн.

– Моя мама тоже глотает кучу таблеток: одни снимают сонливость, а другие успокаивают.

– Неплохо придумано, – усмехнулась Кэролайн.

– Вечеринка удалась, – произнесла Хилари.

– Да, но могло быть и лучше, – сказал Джерри, не сводя глаз с Кэролайн.

– Ну что ж, – смутилась она.

– Я пришел, чтобы сделать ваши фотографии для своей стены, – заявил Джерри.

– У нас уже много фотографий – почти целый альбом, – отмахнулась Кэролайн.

– Нет, я говорю не о снимках на продажу. Это для меня – на память о самых великолепных девушках, которые приезжали в Каслбей. За всю мою жизнь.

Кэролайн и Хилари запротестовали: они плохо одеты, без макияжа и вообще не готовы. Джерри их успокоил, и они согласились. Начали с Хилари. Она дурачилась, строила гримасы, манерно позировала, улыбалась и смотрела прямо в камеру.

– У тебя там, наверное, уже сотня снимков, – предположила она.

– По меньшей мере. Теперь очередь Кэролайн.

Сестра Джеймса почти не ломалась и, похоже, сразу расслабилась.

– Я чувствую себя очень глупо, – внезапно призналась она. – Обычно я такого не делаю.

– Ты и сейчас ничего не делаешь, – возразил Джерри. – Просто остаешься сама собой. Все в порядке. По-моему, ты прекрасно выглядишь.

Наслаждаясь комплиментами, Кэролайн улыбнулась и подалась вперед. Не сознавая, что делает, она провела языком по нижней губе и широко распахнула глаза. Казалось вполне естественным смотреть в камеру, словно находясь под гипнозом, пока Джерри щелкал затвором и непринужденно болтал. Он восхищался ее кожей – нежной и загорелой, выражая надежду, что черно-белая пленка запечатлеет ее красоту благодаря игре света и тени.

Кэролайн не испытывала смущения от комплиментов в присутствии подруги. Хилари перестала хихикать. Она жалела, что не позировала, как Кэролайн, – тогда Джерри Дойл, возможно, тоже похвалил бы ее кожу и волосы.

Он убрал фотоаппарат.

– Мое любимое занятие – фотографировать красивых женщин. Я бы хотел заниматься этим весь день, а не снимать потные пары на танцах и образцовые семьи на пляже.

В голосе Джерри прозвучала горечь. Это было необычно для юного Дойла, который всегда выглядел беззаботным.

– Тогда почему ты этим не занимаешься? Ты же всегда делаешь то, что хочешь.

Кэролайн встретила с Джерри взглядом, и ее глаза сказали больше, чем слова.

– Именно так я и поступаю, – ухмыльнулся он.

Анджеле показалось, что тем летом ее спрашивали о Шоне больше, чем когда-либо прежде. Даже те, кто никогда раньше не вспоминал о нем. Матушка Иммакулата поинтересовалась, поедет ли Шон в Рим на святой год, ведь туда съедутся преподобные отцы со всего мира. Анджела предположила, что брата не отпустят из миссии. Молодая миссис Диллон из отеля взволнованно поведала ей, что двое постояльцев собираются в Японию в сентябре. Они могли бы передать что-нибудь отцу Шону или повидаться с ним. Анджела ответила, что

по злой случайности как раз в сентябре Шон вроде бы, по его словам, отправлялся в короткую поездку на Филиппины.

Порой Анджела удивлялась тому, как легко ей удавалось говорить о служении и миссии, хотя она знала ужасную правду. О чем думал Господь, когда давным-давно пролетал над коттеджем О'Хары и выбрал Шона? Разве Бог не знал, что произойдет в будущем? Почему Он позволил насмеяться над собой и навлек на всех такое несчастье?

Анджела прислонила велосипед к стене магазина О'Брайена и внезапно осознала, что несчастье постигло не всех, а очень немногих. Вполне вероятно, что досадовала на случившееся только она. Ее брат был доволен жизнью, впервые познав, по его словам, суть истинного удовольствия. Джеральдина и Мария тоже ни на что не жаловались. Они посылали Шону письма на Рождество и день рождения, а их дети добавляли от себя пару неразборчивых каракуль. Их мать тем временем сидела в кресле перед коттеджем, смотрела, как люди идут на поле для гольфа и возвращаются обратно, здоровалась, улыбалась, кивала каждому, кто проходил мимо, и тоже была счастлива. Она не сомневалась в том, что ее сын-священник ходатайствует за нее перед самим Господом и готовит ей место на небесах.

Мисс О'Хара не знала, радоваться или возмущаться тому, что она оказалась единственной, кто пострадал из-за двусмысленного положения Шона. Должно быть, ей следовало утешиться тем, что сумма человеческих страданий приуменьшилась. Но явная несправедливость казалась невероятной, стоило лишь задуматься.

Плотно сжав губы, Анджела вошла в лавку и увидела, что юная Клэр усердно трудится у прилавка. Ее кожу не покрывал золотистый загар, как у девушек, сидевших на изгороди вдоль Клифф-роуд. Она не носила ярко-розовых блузок, которые могли придать лицу больше живости и выразительности. В платье с поблекшими желтыми и розовыми цветами, должно быть доставшемся от старшей сестры, Клэр выглядела потрепанной и изможденной. Она сосредоточенно хмурилась, отсчитывая деньги.

– Обычно я достаточно быстро выдаю сдачу, – сообщила Клэр покупательнице. – Но когда магазин переполнен и мы все работаем у кассы, можно сбиться со счета – вот почему я предпочитаю не спешить.

Женщина улыбнулась старательной девочке, у которой даже не было времени разглядеть Анджелу в другом конце магазина. Миссис О'Брайен осведомилась, хороша ли нынче погода для костей матери Анджелы, навестят ли Джеральдина или Мария этим летом родных и как скоро вернется преподобный отец. Как жаль, что ему не удалось приехать в этом году, ведь тогда он смог бы отправиться в Рим на святой год. Диллоны собирались туда в октябре после закрытия летнего сезона. Представьте себе: в Риме можно увидеть самого папу римского. Ходили разговоры о том, чтобы организовать сбор средств и отправить в Рим отца О'Двайера, но из этого ничего не вышло. Идея пришла слишком поздно, люди трудились в поте лица, не имея времени встретиться и все обсудить. Анджела в ответ несколько раз машинально хмыкнула и отпустила ряд шаблонных реплик. Ей часто казалось, что даже немой мог успешно общаться с большинством жителей Каслбея. Нужно было молча кивать, улыбаться, качать головой и издавать хоть какие-то звуки. Анджела поняла, что ее догадка верна. Укладывая покупки в корзину велосипеда, она краем уха услышала, как миссис О'Брайен говорила мисс О'Флаэрти, что Анджела О'Хара – очень милая девушка. Неудивительно, что дети без ума от учительницы. Анджела довольно улыбнулась. Правда, ее покорило, когда мисс О'Флаэрти, видевшая мир в мрачных красках, посоветовала, что все прекрасно, но когда уже мисс О'Хара выйдет замуж?

«Хороший вопрос», – усмехнулась в глубине души Анджела.

Предположим, просто предположим, что она приведет себя в порядок, пойдет на танцы и встретит симпатичного парня, приехавшего в Каслбей на летний отдых из Дублина, Корка, Лимерика или Дагенема, как тот парень, с которым она познакомилась три года назад. Что тогда? Думать об этом бессмысленно. Если она прожила с матерью так долго, нужно держаться до конца. Пять лет назад она еще могла уехать, но теперь такой возможности не было. Анджела не доверяла брату, готовому разнести мир матери вдребезги. Мисс О'Флаэрти, которой, к слову сказать, не пристало швырять камни в чужой огород, придется долго ждать, когда Анджела О'Хара подыщет себе мужа.

Несколько недель спустя Анджела встретила доктора Пауэра, который ехал на машине по дороге, ведущей к полю для гольфа. Пэдди притормозил и поравнялся с учительницей.

– Я хотел проведать твою мать.

– Разумеется, но, ради бога, дайте мне пять минут форы, чтобы надеть на нее чистую блузку. Иначе она весь вечер будет жаловаться, что вы застали ее в неподобающем виде.

– Сначала я должен осмотреть кое-кого в клубе. Заеду на обратном пути.

«Было бы чудесно выйти замуж за доктора Пауэра», – подумала Анджела.

Он, конечно, староват, зато спокоен и добр. Его жене, тоскующей по городской суете, очень повезло. Анджела задавалась вопросом: знает ли Молли о своей удаче или продолжает грезить о более изысканной жизни, без конца разглядывая кольца на руках и покрашенные ногти? Благодарна ли Молли судьбе за умного сына и большой белый дом, с двух сторон выходящий на море? Радует ли она по утрам, просыпаясь и слыша, как Нелли в камине убирает золу и готовит завтрак? Милая хохотушка Нелли Берк, мечтавшая стать кинозвездой, когда они учились в школе. Доктор Пауэр не походил на святого в полном смысле этого слова. Он бывал вспыльчив и нетерпим, однако славился добротой, а мистер Мерфи из аптеки утверждал, что такого хорошего врача нужно еще поискать. Если бы Пэдди жил в Дублине и принимал пациентов за дверью с медной табличкой где-нибудь на Фицуильям-сквер, он бы назывался врачом-консультантом и сколотил целое состояние. Анджела надеялась, что миссис Молли Пауэр никогда не узнает об этом, потому что в глубине души Пэдди Пауэр был таким же, как Анджела. Он бы не уехал из Каслбея. Пэдди Пауэр родился на крупной ферме и трудился во имя всеобщего блага, с тех пор как себя помнил. Ему не нужны были ни столичный кабинет, ни табличка на двери, ни круглые суммы на банковском счете.

Анджела привела мать в порядок, быстро умыв ее и присыпав кожу тальком. Она надела на старушку чистую сорочку и, конечно, чистые чулки, на случай если доктор Пауэр решит пощупать ее больные колени.

Принаряженная, миссис О'Хара выглядела недурно. У нее были мягкие вьющиеся волосы. Именно от матери преподобный отец Шон

О'Хара унаследовал красивое тонкое лицо с точеными скулами.

«Уход за собой всем идет на пользу», – решительно сказала себе Анджела, сменила платье и подкрасила губы.

– Теперь мы как две шлюшки на гулянке, – объявила она матери.

Миссис О'Хара нервно оглядела комнату, опасаясь, что кто-нибудь мог услышать эти слова.

– Иногда ты говоришь ужасные глупости. Я уверена, что у людей складывается о тебе неверное впечатление.

– Держу пари, так оно и есть, дорогая мама, – успела ответить Анджела, и на пороге появился доктор Пауэр.

В гольф-клуб Пэдди вызывали к приезжему, который играл слишком усердно. Не занимаясь в повседневной жизни спортом и проводя дома пятьдесят недель в году, он прибыл в Каслбей, где пять дней подряд ходил по холмистому полю с тридцатью шестью лунками. Неудивительно, что он потерял сознание. На поле для гольфа следует повесить такие же уведомления об опасности, как на пляже.

– С ним все будет в порядке? – спросила Анджела.

– Самое худшее, что его постигло, – это оскорбления с моей стороны. В остальном с ним полный порядок. Я оказал ему добрую услугу, предупредив о вреде подобного образа жизни. Он может дожить до ста лет и благодарить меня каждый день. Хватит о нем. Как вы поживаете, миссис О'Хара?

Анджела наблюдала за тем, как доктор ощупывал опухшие суставы на ногах ее матери. После осмотра Пэдди взял скрюченные, бугристые руки старушки в свои.

– На вид хуже не стало, – бодро заверил он, – но я понимаю, что, когда все болит, от этого знания мало толку.

Доктор Пауэр всегда давал пациентам возможность пожаловаться. Его подопечным не нужно было самостоятельно бороться со страхами и скрывать историю болезни. У Пэдди всегда находилось время, чтобы их выслушать.

Анджела проводила доктора к машине.

– Похоже, ради меня ты тоже сменила блузку и умылась, – поддразнил Анджелу мистер Пауэр. – Мне и тебя осмотреть?

– Нет, я здорова, – рассмеялась она.

– Будь ты здорова, ты бы спала по ночам, – парировал Пэдди.

– Бессонница почти отпустила. Я теперь принимаю только половину таблетки, а не целую, как вначале.

– Трудности позади, о чем бы ни шла речь?

Доктор Пауэр стоял у противоположного борта автомобиля.

Анджела положила локти на крышу машины и ответила:

– В некотором смысле. Они никуда не делись, но я к ним привыкла.

– Дело ведь не в болезни и не в тревоге из-за здоровья? Необязательно говорить мне. Я могу порекомендовать очень хорошего доктора, он тебе незнаком.

– Нет. Дело не в этом, но все равно спасибо.

– А если причина в мужчине, то мы этого не достойны. Ни один из нас не стоит того, чтобы лишать женщину сна хотя бы на час.

– Хватит закидывать удочку, – рассмеялась Анджела. – Вы выпытываете информацию и напрашиваетесь на комплименты. Добрая половина поселка и так не спит из-за вас, доктор Пауэр. Я ужасно жалею, что не подсуетилась лет десять назад и не подцепила вас на крючок.

– Ты должна была подсуетиться намного раньше, я ведь старый пес. Скучный старый пес.

Доктор сел в машину и опустил стекло.

– Если ты встретишь человека, с которым захочешь уехать, уезжай сейчас. Слышишь? Не думай, что тебе придется состариться в этом доме. Я разберусь с твоей матерью и прослежу, чтобы за ней присмотрели. Тебе следует жить собственной жизнью.

– Нет, дело не в этом, честное слово, – ласково улыбнулась Анджела.

– Можешь стать монахиней или кем-то еще, – внезапно предложил Пэдди.

– Ни за что.

Она залилась смехом.

– Действительно, одного священника в семье вполне достаточно, – согласился доктор Пауэр и уехал.

«Одного даже более чем достаточно», – подумала Анджела, возвращаясь в дом.

Джерри Дойл сделал за лето две потрясающие фотографии. На одной Дэвид и Кэролайн играли с пляжным мячом на фоне высоких волн. Дэвид считал, что снимок великолепен и похож на рекламу английских морских курортов. На другой фотографии Нолан ел мороженое, сидя на изгороди перед магазином О'Брайена в окружении девушек: Хилари пристроилась с одной стороны, Фиона, сестра Джерри, – с другой, а у ног Джеймса примостилась Крисси О'Брайен с верными подругами Кэт и Пегги. Нолан выглядел как загорелый и могущественный султан среди гарема – не хватало только чалмы. Снимки оченьгодились Нолану и Пауэру в школе.

Дэвид задумался, не зайвится ли следующим летом добрая половина учеников и их родителей в Каслбей. Тюленья пещера вошла в легенду после ночной вечеринки, пикник в дюнах подарил еще более яркие впечатления, а пещера Бригитты обрела известность благодаря эху, которое отвечало на вопросы. Теннис в отеле, посиделки за лимонадом на высоких стульях в баре, уроки в гольф-клубе и юношеские турниры – Нолан и Дэвид могли не только рассказать об этом, но и предъявить доказательства в виде фотографий.

У Дэвида был фотопортрет Кэролайн, который он хранил, прикрыв листком бумаги, между последними страницами атласа. Роман с сестрой друга предполагал целый ряд затруднений, потому что с другом нельзя было свободно говорить о чувствах. Ты не мог рассказать другу, что целовал его сестру, а она не требовала остановиться. Дэвид молчал о том, что целовался с Кэролайн в море и в пещере Эха. Он признался, что Кэролайн обещала писать ему в школу под именем Чарльза, однако Нолан не проявил к этой новости большого интереса. Фиона Дойл, сестра Джерри, собиралась писать Нолану, называясь Фредом, а Хилари – слать письма от имени Генри. Если бы Крисси О'Брайен владела грамотой, она, вероятно, тоже писала бы, прикидываясь Кристофером. Правда, имелись серьезные основания полагать, что Крисси неграмотна, поэтому никто с ней о письмах не заговаривал. К тому же Дэвид Пауэр и Джеймс Нолан решили, что раз Крисси встречается в Каслбее с Джерри Дойлом, времени для писем в школу-пансион у нее не окажется. Джерри покорял девичьи сердца, не прикладывая ни малейших усилий.

Дэвид и Нолан не догадывались, что Крисси с каждым днем убеждалась: Джерри Дойл не любит ее так сильно, как прежде. Она

подробно обсудила это с Кэт и Пегги, но не выяснила причину. Крисси зашла так далеко, как только могла, не пройдя весь путь до конца и не совершив ничего такого, о чем стоило краснеть среди бела дня. Что еще ей следовало сделать? У нее исчезли прыщи, а волосы, вьющиеся благодаря средству для прочистки труб, посветлели. Она щеголяла пышным бюстом и перехватывала талию тугим красным поясом. Она не досаждала Джерри, не докучала ему и не требовала от него постоянства. И все же Джерри от нее ускользал. Это было загадкой. Кэт и Пегги согласились, что все парни загадочны.

– Мы должны научиться фотографировать. Это прямой путь к успеху, – предложил Нолан.

– Мне кажется, дело не только в этом, – усомнился Дэвид.

Джерри ему нравился, но он бы хотел, чтобы Кэролайн меньше восхищалась юным Дойлом. Дэвида раздражало, когда посреди разговора с Кэролайн ее лицо расцветало и она принималась махать кому-то рукой. Дэвид понимал, что это означало только одно: на горизонте появился Дойл. Джерри обычно махал в ответ с дружелюбной улыбкой. Он никогда не подбегал, как Бонс, задыхаясь от радостного нетерпения и дрожа от восторга, что его заметили. Не будь как Бонс, будь как Джерри Дойл – таков, видимо, был рецепт успеха у женщин.

Добиться успеха в школе было легче. Дэвид лучше всех в классе сдал рождественские тесты, Нолан показал второй результат. Джеймс терпеть не мог приходить вторым, поэтому на Пасху он занял первое место, а Пауэр – второе. Друзья договорились между собой не слишком усердствовать летом во время учебы, посвятив себя игре в теннис. Теннис был чуть ли не единственным занятием, в котором Джерри Дойл не блистал – наверное, потому, что просто не пробовал в него играть.

Крисси объявила, что хочет бросить школу и научиться чему-нибудь полезному.

«Чему, например?» – уточнили дома.

Она пожалала плечами: чему угодно, лишь бы не ходить на скучные школьные уроки. По словам Крисси, в монастыре она впустую тратила время – монахини не занимались ученицами, а те просто сидели и

целыми днями ничего не делали. Старшей дочери поставили на вид, что Клэр почему-то все устраивает. Кресси возразила, что это не аргумент. Клэр явно странная, у нее нет друзей, она штудирует книги от отчаяния, чтобы хоть как-то скрасить свою ужасную жизнь. Доводы Кресси сработали не так хорошо, как она ожидала. Родители не желали ничего слышать о том, чтобы дочь бросила школу в четырнадцать лет. Кресси сообщили, что она останется в школе еще на год и поработает над своими манерами. Утверждение, что у Клэр нет друзей, не выдерживало критики. Разве она не дружит с Джози Диллон?

Мисс О'Хара была очень довольна успехами Клэр за последние месяцы и заявила, что по всем критериям ее подопечная, несомненно, выиграет конкурс на стипендию. Клэр была близка к тому, чтобы получить стипендию уже в этом году – в возрасте одиннадцати лет. В следующем году у нее не должно быть проблем.

– Иногда я чувствую себя виноватой, занимаясь с тобой, Клэр, – призналась мисс О'Хара однажды вечером. – Ты можешь читать сама, и тебе это нравится. Все, что я делаю, – это сижу рядом и хвалю тебя.

Клэр пришла в ужас:

– Вы же меня не бросите?

– Нет, разумеется, нет. Я просто имела в виду, что девочки вроде Джози Диллон или юной Мерфи могли бы извлечь больше пользы из занятий со мной. По крайней мере, они бы окончили школу, умея читать. Им бы это не помешало.

– Джози умеет читать, – возмутилась Клэр. – Конечно умеет.

– Но не читает, так ведь? На уроке я не могу попросить ее почитать вслух учебник истории или английского языка. Она не участвует в постановке пьес, которые мы зачитываем вслух, иначе мы бы застряли в классе на весь день и всю ночь. Ты это знаешь.

– Просто ей не очень интересно.

– А чем она интересуется? С ее сестрами все было понятно. Талантами они не блистали, но соображали неплохо. У Джози нет никаких шансов сменить школу, как у сестер. Оно того не стоит.

– Да, она знает.

– Это уже решено? Я всего лишь высказала предположение. Джози не против?

– Нет. Наоборот, она очень рада и не хочет уезжать из дома. Боится. Ей не по душе перемены.

– Помоги ей, если вы подруги. Позанимайтесь вместе. Для тебя это послужит хорошей практикой.

– Какой практикой?

– Преподавания. Ты что, забыла, ради чего мы все это затеяли? Мы делаем из тебя учительницу, Клэр О’Брайен.

– Да-да, конечно.

Клэр не понимала, что именно мисс О’Хара полагала для нее конечной целью. Работать с детьми в городском монастыре или в Каслбее? Каждый день возвращаться домой на велосипеде? Анджела не догадывалась, что Клэр хотела повидать мир, стать послом, главой крупной компании или переводчиком, а не рядовым учителем. Разумеется, упоминать об этом было бы бестактно, ведь тогда получалось, что мисс О’Хара недостаточно старалась и преуспела в жизни.

– Ну так что? Поможешь Джози? Ты и сама понимаешь, но я все же уточню: это нужно не только ей.

– Она спросит, какой в этом смысл.

– Ну, если она хочет остаться в Каслбее, почему бы не сказать, что ей следует потрудиться, чтобы поступить в какой-нибудь финансовый колледж, научиться вести бухгалтерию, печатать на машинке и стенографировать. Тогда она смогла бы работать в администрации отеля, когда эта древняя гаргулья, их бабка, отдаст концы и дело перейдет к ее детям и внукам.

Ничто не доставляло Клэр столько радости, как слушать злословие из уст взрослых и ощущать себя частицей мира взрослых. В такие моменты она чувствовала себя значимой персоной.

– Я подумаю, что можно сделать.

– Будет лучше, если Джози услышит это от тебя, – пояснила мисс О’Хара. – Многие уверены, что любой совет, данный учителем, звучит как приговор.

Джози отметила свой двенадцатый день рождения, в то время как ее сестры и братья находились в школе-пансионе. Мать, которую всегда называли молодой миссис Диллон, хотела отложить празднование до тех пор, пока остальные члены семьи не вернуться

домой на каникулы. Удивительно, но Джози не согласилась. Именно это она слышала, когда ей исполнялось десять и одиннадцать, поэтому решила, что в этом году такое не повторится. Она хотела пригласить Клэр О'Брайен на чай, а потом сходить с ней в кино. В кино! Вечером в будний день! Это было неслыханно.

Клэр О'Брайен сказала, что ее мать не будет возражать, если родители Джози одобряют затею. Молодая миссис Диллон посмотрела на полное, одутловатое лицо младшей дочери и растрогалась.

«Хорошо. Ступайте», – разрешила она.

Судя по всему, юная Клэр не была такой оторвой, как ее сестрица Крисси. Все же хорошо, что у бедняжки Джози есть такая подруга, пусть даже она дочь мелкого лавочника.

В ожидании киносеанса Клэр сказала Джози, что той очень повезло, ведь у нее была собственная спальня. Клэр мечтала о подобной роскоши больше всего на свете.

– У тебя и так все хорошо, – ответила Джози. – Тебе нравится учиться.

– На самом деле не очень. Никому не нравится зубрежка, деление в столбик, дроби и задачи. Я учусь, чтобы потом получить то, чего хочу.

Джози уныло посмотрела на подругу и спросила:

– А чего ты хочешь?

Клэр задумалась, стоит ли рисковать.

– Ну, я вроде как надеюсь, что, раз у нас нет денег – по крайней мере, на оплату средней школы, – может быть, если я буду старательно учиться, меня возьмут бесплатно, чтобы побудить остальных заниматься усерднее.

– Куда тебя возьмут?

– В какую-нибудь среднюю школу.

– Почему бы и нет? В школе должны быть рады трудолюбивым ученикам, как ты, а не лентяям, которые платят.

Клэр оживилась:

– Вот поэтому я и стараюсь. Ты бы тоже могла.

– Но у нас есть деньги, чтобы отправить меня в школу, просто в этом нет смысла. Я не хочу туда.

– А чего ты хочешь?

– Остаться здесь.

– При отеле?

– Конечно. Где же еще?

– Тогда тебе стоит научиться что-нибудь делать, Джози, иначе будешь застилать постели и прислуживать у стола. Мальчики ведь станут отельерами?

– Скорее всего.

Джози прежде не думала об этом.

– А Роза и Эмили, держу пари, поступят на какие-нибудь курсы гостиничного дела.

– Да, вполне возможно.

– Так вот. Нужно что-то делать, чтобы тебя не оттеснили в сторону.

– Что я могу сделать, Клэр? – жалобно посмотрела на подругу Джози.

Клэр не хотела предлагать подсказку слишком быстро.

– Ты могла бы научиться чему-то, чего они не умеют, чтобы быть полезной.

– Чему, например?

– Ну, ты бы могла окончить финансовые курсы. У тебя же есть в городе родственники, у которых ты могла бы жить и приезжать домой на выходные?

Клэр знала, что у Диллонов в городе было по меньшей мере трое двоюродных братьев и сестер. Джози вспомнила о них не сразу. Да, такое было возможно.

– Но там я была бы совсем одна.

– Разве средняя школа не прикреплена к монастырю?

Оказалось, что так и есть, и, если планы Клэр увенчаются успехом, она тоже попадет в среднюю школу. Подруги едва могли сосредоточиться на фильме – планы на будущее поглотили их целиком.

– Я стану посмешищем, – сказала Джози, – я ведь не сильна в правописании и вообще... никогда не научусь всему этому.

– Но я могу помочь, если хочешь.

– С чего бы это?

Недоверие Джози почти граничило с грубостью.

– Ты же моя подруга, – неловко ответила Клэр, и Джози улыбнулась во весь рот.

С тех пор Клэр занималась уроками в отеле Диллона, а не дома. Это было намного проще, и, главное, никто не возражал. Клэр была не из тех, у кого на уме сплошные проделки, как у старшей Крисси. Проходя мимо отеля, можно было увидеть в верхнем окне обеих подруг, склонивших головы над раскрытыми книгами. Клэр начала помогать Джози с правописанием, и та подивилась чудесному совпадению: мисс О'Хара как раз объявила конкурс на знание орфографии. Почерк Джози стал аккуратнее, тетради – чище и опрятнее, а сама Джози меньше сутулилась и казалась более внимательной. Однажды она даже о чем-то спросила в классе, и матушка Брендан чуть не упала в обморок. Клэр насупила брови. Подруги согласились, что прогресс должен выглядеть постепенным. Джози не следует демонстрировать ум, чтобы ее не отправили в пансион, испортив все дело.

Монахиням не полагалось выходить за пределы монастыря в одиночку, поэтому они обычно просили учительницу-мирянку или девочку постарше сходить вместе с ними на почту, в магазин канцтоваров мисс О'Флаэрти или куда-нибудь еще. Анджела не удивилась, когда матушка Иммакулата спросила, не хочет ли мисс О'Хара прогуляться с ней по поселку.

Они вместе вышли из ворот монастыря и спустились с холма. Даже в лучшие времена Анджеле было непросто поддерживать непринужденный разговор с матушкой Иммакулатой, а теперь и подавно. Она плохо спала этой ночью, хотя приняла полтаблетки снотворного, запив ее теплым молоком. Эмер прислала из Дублина письмо с прекрасной новостью о том, что в следующую субботу ей купят обручальное кольцо, и с вопросом, приедет ли Анджела в Дублин, чтобы выступить в роли подружки невесты. У миссис О'Хары утром плохо двигались руки и ноги – натянуть на нее чулки и надеть платье было так же трудно, как пытаться согнуть ноющее от боли деревце. Дети в монастыре кричали сегодня слишком пронзительно, одну девочку из первого класса стошнило во время урока Закона Божьего, и, несмотря на открытые окна и антибактериальный «Деттол», запах рвоты, казалось, пропитал всю школу. Анджела хотела покурить и пробежать глазами газету, но вместо этого ей пришлось тащиться в поселок вместе со вздорной монахиней, которой приспичило купить открытку или еще какую-нибудь безделицу.

– Почему вам не разрешается выходить одной, матушка? Я всегда рада составить вам компанию, но часто задаю себе этот вопрос.

– Так прописано в нашем уставе, – чопорно ответила Иммакулата. Анджела подавила желание влечь ей пощечину и спросила:

– Кто-то боится, что вы можете сбежать?

– Вряд ли, мисс О’Хара.

– Должна же быть какая-то причина. Но, кажется, мы о ней никогда не узнаем.

– Мы редко подвергаем сомнению устав.

– Разумеется. Поэтому я искренне вами восхищаюсь. Я бы подвергала его сомнению с утра до вечера.

Монахиня издала тихий скрипучий смешок:

– О, я уверена, что вы бы так и поступали, мисс О’Хара.

Анджела попыталась прикинуть, сколько монахине лет. Возможно, Иммакулата старше ее самой всего лет на десять. Этой белокожей надменной женщине, скорее всего, было меньше сорока. Разве это не странно? Ученики, вероятно, думали, что матушке под девяносто. Но с другой стороны, дети обычно считают, что всем учительницам не меньше девяносто, и не стоит на них равняться.

– Мисс О’Хара, я хотела с вами побеседовать при первой же возможности.

– Правда? – насторожилась Анджела.

Что за безотлагательный вопрос, который нельзя обсудить в школьных стенах? Может быть, Иммакулата слышала замечание Анджелы о том, что вонь в школе невыносима и без детской рвоты?

– Речь о вашем брате, отце О’Харе.

Горячая желчь прихлынула к горлу, а в груди зачесалось, словно от прикосновения куриных перьев.

– Правда? – повторила Анджела, стараясь не перемениться в лице и напоминая себе о том, что эта глупая манерная монахиня делает эффектную паузу после каждой фразы – даже если не собирается сообщить ничего зловещего.

– Тут кроется какая-то загадка, – сказала Иммакулата.

– Загадка, матушка?

Анджела играла по правилам: чем скорее она задавала уточняющий вопрос, тем быстрее следовал ответ.

– Да. Мне любопытно, с вашим братом... с ним все хорошо, не знаете? У него все в порядке?

– Я искренне надеюсь, что да. Он ни на что не жаловался в последнем письме. Почему вы спрашиваете?

Анджела восхитилась, услышав свой бодрый голос. Как прекрасно, что она могла выдавать правильные ответы, даже оцепенев от ужаса и почти не владея собой.

– Видите ли, у нас в общине есть сестра, которая не живет здесь постоянно. Она гостила у нас в прошлом году. Возможно, вы с ней не встречались – она почти не бывала в школе и не покидала монашеской кельи. Она приехала к нам вроде как в отпуск.

Анджела хранила на лице выражение живого интереса, сдерживая крик, призывающий монахиню поторопиться.

– У этой сестры есть брат. Он учится в семинарии, хочет стать монахом и мечтает служить в зарубежной миссии, поэтому сестра обратилась ко мне.

Иммакулата сделала паузу. Улыбка мисс О'Хары была учтивой, как у ребенка, который думает, что вежливость располагает к себе.

– Сестра находится в затруднительном положении. Увы, ее семья не желает посвятить Господу второго ребенка и стоит у мальчика на пути. Родители интересуются, что ждет на чужбине их сына, и хотят поговорить с кем-нибудь из священников, вернувшихся из миссии. Они хотят знать, чем будет заниматься их мальчик в новой жизни. – Матушка Иммакулата замолчала и недовольно усмехнулась. – Как будто кто-то из нас мог знать заранее, на что похоже пребывание в Господе.

Анджела сглотнула и кивнула.

– Я рассказала сестре о нашем преподобном отце О'Харе и дала его адрес. Сестра получила от него в ответ очень странное письмо. Очень странное.

– Она просила Шона описать ее родителям свою повседневную жизнь? – Голос Анджелы звучал на удивление твердо и невозмутимо.

– Да, верно, и сестра утверждает, что ее письмо было четким и ясным, в чем я уверена, потому что она действительно умеет хорошо изъясняться. Конечно, нелегко объяснить рукоположенному священнику, что родители не вполне одобряют выбор своего отпрыска, но я посоветовала сестре не стесняться и написать все как есть. Я

намекнула ей, что, хотя меня в то время здесь не было, по моим ощущениям, путь отца О'Хары к принятию сана не был сплошь усыпан розами. Он ведь тоже испытал немало трудностей.

Монахиня улыбнулась.

«Стерва! – подумала Анджела с яростью, которой сама испугалась. – Ты рассказала болтливой монашке о пьянице Динни О'Харе и его загулах».

– Верно, – сообщил кто-то голосом Анджелы. – Могу подтвердить, что путь Шона вовсе не был усыпан розами.

– Как бы то ни было, сестра получила от вашего брата очень странное письмо.

– Шон не смог ей помочь?

– Не совсем. Он дал подробный отчет о повседневной жизни миссионера и о том, как им пришлось перегруппироваться после изгнания из Китая. Он написал о христианстве на Формозе, в Макао и на Филиппинах, а также о надеждах, возлагаемых на тех местных жителей, кто выучится на священников и поможет миссии...

– И?..

– Кое-что выглядело странным, а именно два момента: отец О'Хара ни словом не обмолвился о Японии, где находился, и не рассказал о работе миссии, а еще он написал... По-моему, это его точные слова: «Уверен, моя сестра рассказала сообществу о моих проблемах, поэтому я вряд ли тот человек, к которому стоит обращаться по поводу вашего брата». Что-то вроде этого он и написал.

«О, – подумала Анджела, – не сомневаюсь, что это его точные слова. Ты наверняка выучила их наизусть, как и остальную часть письма. Но нет смысла цитировать те фрагменты, которые не кажутся странными и не содержат намека на скандал или неприятности. Нет-нет, не заучивай их наизусть, забудь о том, как Шон пытался помочь болтливой дурочке-монахине и ее нерешительному брату. Помни лишь то, что может породить сплетни».

– Но... что же он имел в виду?

– Нам самим любопытно, мисс О'Хара.

– Семья сестры желает, чтобы Шон растолковал им свои слова? – Анджела держалась в рамках приличий, но только с виду.

– Нет, разумеется, просто это вызывает беспокойство.

– Что именно?

– Его собственные проблемы, о которых он рассказал вам, чтобы вы поведали о них сообществу. И почему он не годится на роль того, кто поможет нашей сестре?

– Потому что Шон не умеет писать письма. – Анджела изобразила изумление по поводу того, что подобная мысль не пришла матушке Иммакулате в голову.

– Но остальная часть письма предельно ясна.

– Вот именно. Шон замечательно описывает климат и почвы. Я говорила брату, что его стоит пригласить к нам на урок географии. Но он не способен излагать свои мысли и передавать чувства. Наверное, дело не только в Шоне. Я уверена, ни один мужчина не сможет рассказать вам то, что вы хотите знать. Мы с мамой часто упрекаем Шона за то, что он не делится с нами своими переживаниями...

– Должно же быть что-то еще.

– Именно, матушка. Я тоже так считаю, и наша мать твердит то же самое. Непременно должно быть что-то еще. Что чувствует брат, когда очередной день в Токио подходит к концу? Каково это – брести домой по переполненным улицам, смотреть на лица людей и думать о том, чего он и другие отцы сегодня добились, распространяя среди людей слово Господа? Понимают ли японские малыши, что произошло в Вифлееме? Это и нам нелегко осознать, а как насчет них?

Анджела кипела от возмущения на брата, который не мог рассказать о повседневной работе миссионера, удовлетворив всеобщее любопытство.

Дошагав до начала Черч-стрит, Иммакулата сдалась.

– Куда вы хотели пойти? – невинно поинтересовалась Анджела.

– Никуда...

Рот Иммакулаты захлопнулся, как мышеловка.

– Я просто хотела поговорить с вами.

Анджела отнеслась к признанию монахини с пониманием:

– Все в порядке, матушка, я как раз хотела купить сигарет, так что мы можем вместе зайти в магазин. Я бы дошла до конца улицы и заглянула к О’Брайену, чтобы поддержать торговлю, но тогда мы можем опоздать на урок.

Она улыбнулась, как ангел, эффектно обмотала вокруг шеи шарф и вошла в магазин, в котором также находился паб и пахло портером, из-за чего Иммакулате пришлось в ярости топтаться на улице у дверей.

Вечером Анджела написала брату письмо – резкое, как никогда прежде. Шон поступил низко, нарушив соглашение. Как он мог не поставить ее в известность? Шон обрек ее на мучительную жизнь, вынудив гадать, где обнаружится очередное слабое звено и прозвучит намек на нечто странное и необычное. Анджела заявила, что лучше бы Шон вернулся домой и попросил у отца О’Двайера позволения признаться во всем со ступеней алтаря, а не продолжал в том же духе. Они десятки раз обсуждали сложившуюся ситуацию в письмах, и Шон неохотно соглашался с сестрой. Теперь же брат действовал у нее за спиной, разжигая и подпитывая самое худшее из того, что могло случиться в Каслбее, – слухи, домыслы и подозрения. Анджела потребовала дать слово, что подобное больше не повторится. Почему он не мог закончить письмо к безумной монахине так, как закончил бы его любой нормальный человек? Зачем ему понадобилось бестолково бить себя в грудь и каяться в таинственных грехах перед монахинями, выделив их среди прочих жителей этой земли?

Анджела признавала, что брату, должно быть, тяжело дается обман. Она действительно хорошо понимала Шона, который пытался действовать честно. Ей удалось прекратить сбор серебряной фольги и благотворительные распродажи в пользу Шона, сказав, что у семьи достаточно средств, чтобы его поддержать. Она знала, что брат чистосердечен, благороден и ненавидит лицемерие, но, разумеется, сознает, что сердца местных жителей расколуются надвое, если всплывет хоть капля правды. Шону следует чтить обычаи родного поселка, поэтому будет справедливо сохранить верность и не причинить вреда людям, которых, по его же словам, он так сильно любит.

Анджела наклеила на конверт дополнительные марки и впервые не вписала в строку адресата слово «отец». Она посмеялась над своей оплошностью, покупая марку у миссис Конуэй.

– Святые небеса! Я забыла назвать брата отцом. Наверное, лучше оставить как есть, чем дописывать другими чернилами. Трудно упомянуть все тонкости, когда пишешь родному брату.

Тактика оказалась верной.

Миссис Конуэй расхохоталась:

– Только представьте, каково быть сестрой папы римского. Наверное, его тоже не всегда называют «ваше святейшество».

Она поинтересовалась, когда Шон вернется домой, и Анджеला выразила надежду, что скоро.

Три недели спустя от Шона пришло письмо. Брат прочел ее возмущенное послание и сообщил, что теперь все это не имеет значения, ведь у него замечательные новости. Оказывается, он отправил отчет о своем положении в Рим, и они с Сюей собирались поехать туда вместе с Денисом и маленькой Лаки – прелестной малышкой, как две капли воды похожей на мать. Они все отправлялись в Рим, где Шон намеревался отстаивать свое честное имя. Были основания полагать, что его выслушают благосклонно, освободят от обетов и сана. Подобный исход представлялся Шону идеальным. Тогда он мог бы вернуться домой в Каслбей вместе с семьей.

Мельницы Рима мелют не спеша. Пришло и ушло еще одно лето, и Анджеला научилась спать по ночам без таблеток. Тем летом она иногда уходила с книгой далеко в горы, но не читала, а смотрела на море.

В начале учебного года Фиона Дойл застенчиво вручила мисс О'Харе конверт: внутри была фотография Анджелы, которая сидела на камне и глядела в морскую даль, не подозревая, что попала в объектив камеры.

– Джерри очень доволен снимком. Говорит, это почти искусство, – сказала Фиона.

– Передай брату, что это действительно настоящее искусство. Я очень благодарна Джерри за портрет и повешу его дома на стене, – ответила Анджеला.

Она снова посмотрела на снимок; он был похож на картинку, иллюстрирующую одиночество, безумие или изгнание.

Как-то раз тем летом отец О'Двайер направлялся вечером к больному и, к несчастью, заметил скопление машин, припаркованных вдоль Фар-Клифф-роуд на другом конце поселка. Преподобный отец удивился, заметив, что во всех автомобилях сидели люди, а точнее – пары: мужчина и женщина. Священник пришел в ужас от того, что увидел. Он понадеялся, что это всего лишь туристы – жители крупных городов, чья мораль, вероятно, уже пострадала. Однако имелось

немало свидетельств в пользу того, что в грехопадении мог быть замешан кто-то из местной паствы.

В начале сентября, когда туристы разъехались по домам, отец О'Двайер выступил с проповедью, в которой передал ужас, предостережения и угрозы о том, что произойдет, если нечто подобное повторится зимой. Он призвал родителей и опекунов к бдительности: молодежь балансировала на краю пропасти, а современный мир, увы, понизил стандарты и ниспроверг былые ценности. В следующем году, возможно, стоит ожидать радикальных перемен в сфере досуга, придется заново пересмотреть дух танцевальных вечеров. Отец О'Двайер три недели проходил с багровым от гнева лицом, а его экономка, Сержант Маккормак, кружила по поселку с губами, сжатыми в тонкую линию, и неодобрительной гримасой на лице из-за того, что местные жители посмели прогневать священника.

Тем летом Джози Диллон и Клэр О'Брайен учились играть в теннис. Они приходили на корты отеля ранним утром, когда занимались миссис Пауэр и миссис Нолан. Девочки собирали для них мячики, чтобы потом – в качестве благодарности за помощь, а также из-за того, что Джози была дочерью хозяина, – тоже получить короткий урок игры. Крисси всячески возмущалась по этому поводу – особенно после того, как молодая миссис Диллон потребовала, чтобы она, Кэт и Пегги больше не появлялись в баре. Это было несправедливо. Крисси запретили заходить в отель в четырнадцать лет, а паинька Клэр в свои жалкие одиннадцать и размазня Джози продолжали играть в теннис, словно пользовались особыми правами. Клэр носила белые шорты, которые мисс О'Хара нашла для нее у себя дома, а еще Клэр откопала старую пару теннисных туфель Неда и чистила их вечерами с отбеливателем. Джози раздобыла для подруги в отеле старую ракетку, и в белой школьной блузке Клэр смотрелась не хуже, чем любая другая девочка из числа постояльцев. Анджела заметила ее однажды утром, когда Клэр с серьезным видом подбегала к сетке, чтобы отразить сложный удар, и порадовалась тому, что купила ученице пару носков в магазине мисс Даффи. Анджела простирала носки пару раз и подвернула на них борты, чтобы Клэр не догадалась, что носки новые. Усилия того стоили. Было приятно видеть, что девочка выглядит уверенной в себе, как и Джози Диллон. Анджеле показалось или та и впрямь постройнела? Вне всяких

сомнений, Джози бегала по корту намного быстрее, чем ожидала Анджела.

Тем летом Дэвид Пауэр был безутешен. Анджела раз или два встречала его одного. Он слонялся без дела, сунув руки в карманы. Нолан наслаждался обществом Фионы Дойл утром, днем и вечером, а сестра Нолана всерьез увлеклась фотографией. Ха-ха! Дэвид горько рассмеялся над собственной жалкой шуткой и плачевной ситуацией. Похоже, дело шло к двойной свадьбе – были же случаи, когда брат и сестра сочетались браком с сестрой и братом? Анджела ответила, что подобные случаи редко имели место, а молодые Дойлы напоминают ей всполох зарницы, который привлекает всеобщее внимание. Фиона и Джерри отличались от остальных, ни во что не вмешивались и наблюдали за жизнью со стороны. Дэвид не согласился. По его мнению, Дойлы крепко сдружились с Ноланами. Анджела возразила, что Фиона просто идет своей дорогой, а Джеймс следует за ней, таская бидоны с молоком, поднося покупки, оплачивая походы на автодром и что-то еще. Джерри ходит с фотоаппаратом по пляжу, а Кэролайн хвостиком трусит за ним. Много лет назад их отец Джонни Дойл, похожий на цыгана, точно так же очаровал жителей Каслбея. Дэвид заявил, что мисс О'Хара не уловила сути. Анджела готова была побиться с Пауэром об заклад, но отказалась от этой идеи, так как нехорошо отнимать деньги у несовершеннолетних.

Тем летом Томми и Нед О'Брайены перестали присылать из Англии деньги. Естественно, миссис Конуэй заметила это едва ли не раньше, чем Агнес и Том.

– Дети вам больше не помогают? – озабоченно спросила она.

– Мы сказали им оставить деньги себе, чтобы обустроиться с бо`льшим комфортом, ну и, знаете ли, пустить корни, – ответила Агнес О'Брайен с широкой улыбкой, за которой не удалось скрыть ни боль, ни тревогу.

Также тем летом Анджела каждую неделю получала по письму от Эмер. Подруга почти простила Анджелу за отказ в свои двадцать девять лет выступить в роли подружки невесты под предлогом старости. Эмер готова была закрыть глаза на проявленную бестактность: разве отказ не намекал на то, что тридцатилетняя Эмер старовата для роли невесты? Но Эмер не могла ни простить, ни

стерпеть отсутствия Анджелы на свадьбе. Молодые хотели пожениться на следующую Пасху. Она и Кевин работали учителями, поэтому время было выбрано как нельзя лучше. Проблема заключалась в том, что все родственники пытались внести собственную лепту в организацию свадьбы. Мать Эмер не разговаривала с дочерью четыре недели. Две замужние сестры Эмер то и дело вламывались в дом с никому не нужными советами. Отец Эмер не раз заявлял в присутствии Кевина, что не собирается в третий раз оплачивать пышное дорогостоящее мероприятие. Отец решил, что эта шумиха его не касается, ведь Эмер перешагнула порог первой юности и свадьбу следует сыграть тихо. Семья Кевина состояла из религиозных фанатиков. Там были старые монахини, которые добивались разрешения покинуть монастырь на время церемонии, а между кузенами-священниками шла война не на жизнь, а на смерть по поводу того, кто обвенчает молодых. Эмер писала, что это похоже на цирк с тремя аренами, а за кулисами разыгрывается греческая трагедия. Анджела могла пропустить значимое событие исключительно на свой страх и риск.

Письма несколько скрашивали жизнь на фоне всего остального. Анджела обещала приехать на свадьбу во что бы то ни было. Ей приходилось напоминать себе, что подготовка к торжеству выглядела сущим бедствием в глазах Эмер. Шутливые письма подруги были проникнуты болью и унижением. Возможно, они напоминали письма самой Анджелы – ироничные рассказы о жизни в поселке с одной лошадью, зловещей Иммакулатой и ужасной миссис Конуэй, хозяйничающей на почте. Ни слова о том, каково это – оказаться запертой здесь, когда на горизонте маячит тень безумного брата, который отказался от сана, спутался с японкой и произвел на свет двоих детей.

В старосты старшего класса прочили Данна. Дэвид и Джеймс отказались бороться за эту честь, потому что их занимали романы по переписке и подготовка к экзаменам. Они объяснили это Данну в начале учебного года, чтобы у того не сложилось ложного представления о своем превосходстве. Однако Данн повел себя на редкость авторитарно. Он заявил, что приятели несут чушь: никому бы и в голову не пришло назначить Нолана или Пауэра на ответственный

пост, поскольку оба они ненадежны, нечисты на руку и, как известно, поддерживают незаконные связи с противоположным полом. Нолан заявил, что Данн явно тяготеет к тому, чтобы стать гомосексуалистом. Всем известно, что тот, кто приходит в ярость и покрывается краской при мысли о незаконных или дозволенных отношениях с противоположным полом, является гомосексуалистом. Дэвид добавил, что, по его сведениям, Данна в детстве называли Дейзи. Возможно, стоит возродить это имя.

Данн вел с приятелями войну, следил за ними, тщательно изучал их письма, а если они пытались выкурить по-быстрому сигарету, их непременно ловили и составляли донос. В каком-то смысле в этом противостоянии не было ничего дурного, друзья занимались учебой, а что еще оставалось делать? Для Нолана вражда с Данном была особенно полезна, потому что отвлекала его от мыслей о неверности Фионы. Дэвид приятно удивился, узнав, что Кэролайн в своей школе тоже чувствует себя покинутой. Она ждала писем от Джерри Дойла, но их связь оборвалась. Нолан признался, что Кэролайн была на взводе, вернувшись домой в середине учебного года. Джеймс сам тогда пребывал в дурном настроении. Он позвонил Дойлам в Каслбей и побеседовал с Джерри. Когда Нолан попросил разрешения поговорить с Фионой, ему сказали, что она занимается. Где? Наверху. Не могла бы она спуститься? Нет, не во время учебного года. Ей необходимо работать. Джерри был спокоен как удав. Вдобавок ко всему этот крысеныш ни разу не вспомнил о Кэролайн. Нолан упомянул, что сестра приехала домой на каникулы, а Джерри лишь заметил, что это мило.

Несколько недель спустя Дэвид получил весточку от некоего Чарльза. В тщательно зашифрованном письме вроде бы говорилось о том, что Кэролайн сожалеет о летних перипетиях и теперь лучше разбирается в людях. Дэвид перечитал послание несколько раз. Вне всяких сомнений, речь шла о примирении. Он сочинил короткий ответ, сообщив, что в данный момент слишком занят, чтобы вступать в переписку, потому что скоро выпускные экзамены, но с нетерпением ждет встречи следующим летом. Письму предстояло проделать неблизкий путь. Пауэр подписался Дэвидом, а не Дейрдре, чтобы обеспечить Кэролайн неприятности в ее монастыре. Сестру Нолана следовало наказать за пренебрежение.

Отца Джерри и Фионы Дойл отвезли в городскую больницу и сообщили, что он не вернется. Какое-то время ходило много разговоров о том, что миссис Дойл не пошла навестить мужа, как все ожидали. Доктор Пауэр дал понять, что несчастная женщина приболела – что-то, связанное с кровяным давлением, – поэтому ей тяжело выходить из дома. Он также предположил, что бедного Джонни Дойла лучше не утруждать избытком посетителей, ведь ему трудно говорить. Джерри теперь повсюду ездил на фургоне отца, неофициально предоставляя услуги такси для всех, кто хотел отправиться в город. Медсестры утверждали, что Джерри – необычный посетитель. Его присутствие успокаивало не только отца, но и трех соседей Джонни Дойла по палате.

Огражденный со всех сторон ширмами, Джонни Дойл шипел, напрягая остатки голоса, запрещая Джерри расширять дело и уговаривая сына не слушать тех, кто называл Каслбей золотой жилой. Поселок сулил заработок – скромный заработок, и ничего больше. Фотомастерская – это не танцевальный зал, не отель и даже не киоск по продаже мороженого, который можно расширить. Просто некая толпа людей готова покупать собственные снимки. Джерри соглашался, кивал и давал слово.

Старик умер в спокойствии, потому что рядом с ним находился Джерри, способный развеять тревоги. Джерри заверил отца, что дела идут хорошо, и сказал правду. Он пообещал не расширяться, зная, что нарушит обещание. Он солгал, что маме намного лучше. Но ее агорафобия только усилилась – миссис Дойл теперь не открывала никому дверь. Джерри помог матери справиться с чувством вины за то, что она не пошла повидаться с мужем. По его словам, папа слишком устал, чтобы разговаривать. Даже Фиону Джерри брал с собой только три раза, потому что посещения слишком утомляли больного.

Джерри был в палате, когда отцу закрыли глаза. Он не плакал. Он спросил, всегда ли здесь так спокойно.

«Отнюдь, – ответила монахиня. – Мистеру Дойлу повезло, ведь он умер без особых забот. На его сына можно положиться, его жена поправилась, а его дело в надежных руках. Далекое не всем удастся перед смертью обрести подобный покой».

В палате один из стариков попросил Джерри Дойла навещать их, пусть даже его отца уже не было в живых. Джерри обещал приходить примерно раз в неделю, но не постоянно, потому что не хотел, чтобы его ждали. Юная медсестра, которая находила молодого Дойла на редкость привлекательным, сказала, что Джерри совершенно прав, и горячо поздравила его, когда другой старик попросил его сфотографировать. Джерри посмотрел на изможденное лицо и тонкую шею, торчавшую из пижамного ворота, и воспротивился этой затее под предлогом, что фотография в помещении с белыми стенами сопряжена с рядом трудностей и стоит дожидаться хорошей погоды. Погода улучшилась, однако никого из тех, кто желал фото на память, не осталось в живых.

Джерри вкладывал в работу все силы. Матери становилось то лучше, то хуже. Он не позволял Фионе возвращаться из кинотеатра одной в темноте и помогал сестре по хозяйству. Особенно охотно он мыл окна и полировал медный дверной молоток, чтобы дом хорошо выглядел снаружи. Внутри почти никто не заходил, поэтому интерьеры были не так уж важны.

Если бы вы повстречали Фиону Дойл, с блестящими локонами, одетую в безупречно выглаженное платье, или Джерри Дойла, с улыбкой эльфа и непринужденными манерами, вы бы никогда не догадались, что в их доме не все в порядке: отец скончался от рака, а мать страдает от нервного истощения. Управляющий банком предложил парню крупный кредит на расширение дела. Джерри сказал матери, что папа разрешил претворять в жизнь любые планы. Миссис Дойл разволновалась, но, поскольку она беспокоилась по любому поводу, ее тревоги не имели значения.

Фиона понимала, что отец не желал расширения, но промолчала. Она улыбалась спокойно и ласково, но говорила очень мало. Джерри считал, что именно так должна вести себя идеальная девушка. В противном случае твое имя окажется на слуху, о тебе заговорят, твои поступки будут неверно истолкованы. Он хотел, чтобы сестра избежала подобной участи.

На письме Шона красовалась итальянская марка. По его словам, он провел в Риме пять недель и хотел освоиться, прежде чем писать домой. Дела продвигались, но очень медленно. Он не представлял, что

ему придется без конца заполнять анкеты, долго ждать, двадцать раз отвечать мелким чиновникам на одни и те же вопросы и сорок раз безуспешно пытаться увидеть служащего рангом повыше. Тем не менее процесс шел полным ходом.

Долгое путешествие изрядно вымотало и его, и Сюю, зато теперь Шон работал наставником в очень древней и знатной семье, которая жила на огромной вилле в Остии – в устье Тибра на берегу моря. Шон учил мальчиков по три часа в день и располагал свободным временем, чтобы ездить в Ватикан и следить за тем, как идут дела. Сюя помогала в бельевой, потому что прекрасно умела шить. Детям нравилось на новом месте, у них был собственный домик, где они хорошо обустроились.

Было мучительно находиться так близко и в то же время так далеко от родных мест. На прошлой неделе Шон видел группу ирландских паломников. Они несли сумки авиакомпании «Аэр Лингус» с названием турагентства. Шону до смерти хотелось поговорить с ними, но он сдержал слово. Раз уж Анджела сказала, что никто не должен ничего знать до окончания процедуры лишения сана, значит у нее имелись веские причины, поэтому Шон воздержался от общения с соотечественниками. Иногда, когда маленький Денис говорил, что море прекрасное, у Шона возникало желание показать сыну пляж Каслбея. Брат очень ждал писем от Анджелы, ведь почта должна доходить до Италии гораздо быстрее, чем до Японии.

И почта действительно доходила быстрее. Анджела адресовала письма мистеру и миссис О'Хара и изменила почерк, чтобы миссис Конуэй ни о чем не догадалась. Должны же быть в мире другие О'Хара! Господь всемогущий, неужели она, Анджела О'Хара, страдает паранойей?

Клэр сказала, что в отеле есть пишущая машинка, а Джози раздобыла «Самоучитель машинописи». Обучение выглядело не слишком сложным, основную трудность представляли движения мизинцем: сочетания QS, AS и ZS следовало набирать до тех пор, пока пальцы не запоминали расположение клавиш. Джози поверила в себя. Она села на диету, постриглась и принялась уговаривать родителей отправить ее на курсы финансовой грамотности. Анджеле удалось внушить Иммакулате мысль, что идея позаботиться о будущем Джози

исходила от настоятельницы, так что теперь Джози могла всецело рассчитывать на поддержку монахинь.

Следовало позаботиться о стипендии Клэр. Конкурс проходил на пасхальных каникулах. Анджела собиралась в Дублин на свадьбу Эмер, но это не имело значения. Клэр могла справиться сама. В феврале девочка спросила матушку Иммакулату, стоит ли ей, по мнению настоятельницы, принять участие в конкурсе. Монахиня принялась разрабатывать собственный план подготовки Клэр к конкурсу, и дела пошли на лад. Анджела заметила, что почти за два десятка лет ничего не изменилось. Монахини по-прежнему радовались тому, что их ученица готова бороться за шанс получить стипендию, и предлагали дополнительные уроки по самым разным предметам. Клэр с благодарностью принимала любую помощь. В монастыре удивлялись тому, как много она уже знала.

«Забавная темная лошадка, – говорили о Клэр в общей комнате. – Даже не верится, что она сестра Крисси О’Брайен. А какое милое личико: глаза большие и темные, а волосы светлые. Такое сочетание редко встречается».

Монахини были добры. Они вручили девочке подарки: кружевной носовой платок и множество святых образов на кусочках атласа с блестками и украшениями. Одна пожилая монахиня подарила Клэр авторучку, которую прислали в монастырь по случаю праздника, а другая отдала девочке яркий резной пенал для карандашей. Иммакулата приписывала успехи подопечной исключительно себе и купалась в лучах славы, а Анджела О’Хара наблюдала за происходящим со стороны.

- Что сказали дома? – спросила Анджела у Клэр.
- Я им ничего не говорила. Вы ведь просили молчать.
- Пора им сказать, иначе они подумают, что ты от них что-то скрываешь.
- Хорошо, – согласилась Клэр. – Скажу сегодня вечером.

Агнес О’Брайен недовольно рассматривала содержимое большой кастрюли.

– Возможность покупать по дешевке мясо у Двайера, где работает Крисси, – палка о двух концах, – заявила она. – В итоге мы получаем грудку костей.

– Из костей получится суп, – предположил Том О’Брайен, заглядывая в кастрюлю.

– Да. В какой уже раз! – воскликнула Агнес. – С другой стороны, в последнее время мы получаем не так много милостей, за которые благодарим Господа. Наверное, не стоит воротить нос от мяса, доставшегося почти даром.

Клэр вынула книги из школьной сумки и поспешно накрыла их бумажным пакетом. Учебник, небрежно оставленный на кухне, могли тут же заляпать супом, маслом, грязью с плиты или поставить на него любое другое пятно.

– У меня хорошие новости, – призналась Клэр.

Ее учеба вызывала дома слабый интерес, поэтому девочка редко упоминала о школе. Неожиданное объявление привлекло всеобщее внимание.

– Какие же? – спросила Агнес, отводя взгляд от кастрюли.

– Матушка Иммакулата и монахини предложили мне участвовать в конкурсе на стипендию в среднюю школу. Он состоится на пасхальных каникулах.

– В среднюю школу? – поразился Том О’Брайен.

– Папа, я знаю, что могу проиграть. В конкурсе примут участие дети из самых разных мест. Но разве не здорово, что, по мнению монахинь, мне стоит попробовать?

– Стипендия? То есть тебя возьмут без оплаты? На полный пансион? – уточнила Агнес.

– Да, если я выиграю.

– А что нужно выиграть? Это как соревнование? – заинтересовался Бен.

– Вроде того, – ответила Клэр. – Ну да, это конкурс. На него приходит много девочек, они сдают экзамен, и лучшую берут в школу.

– Навсегда? – подал голос Джим.

– Да. Пока она не окончит школу. В шестнадцать или семнадцать лет.

– Ты так долго будешь учиться в школе? – не поверил Бен, округляя от любопытства глаза.

– Это очень хорошо, – медленно произнесла Агнес. – Представляешь, Том? Наша Клэр пойдет в среднюю школу.

– Вместе с дочками всех остальных, – ликовал он.

– Я еще не выиграла конкурс, – напомнила Клэр.

– Они бы не предложили тебе участие, если бы не верили в тебя, – радостно потер руки Том О’Брайен. – Матушка Иммакулата очень умная женщина. Она знает, что делает.

Клэр улыбнулась про себя: она почти два года готовилась к конкурсу тайком от умной матушки Иммакулаты.

– Мне нужно будет много заниматься в ближайшие несколько недель. Я говорю так не потому, что хочу увильнуть от работы по дому. Вы же это понимаете? – сказала Клэр, переводя взгляд с одного родителя на другого.

– Конечно понимаем, дочь. Мы ведь всегда заботились о том, чтобы ты сидела за книгами. – Мать Клэр, казалось, действительно верила в то, что говорила.

– Подожди, скоро все узнают об этом, – веселился Том О’Брайен. – Тогда мало кто посмеет глядеть на нас косо.

– Если я получу стипендию.

– Ты ее получишь. Агнес, проследи, чтобы девочка не работала по дому, слышишь меня?

– Я как раз хотела попросить, чтобы ты не заставлял ее выкладывать на полки товар и разносить твои сообщения.

Родители радостно препиралась у кастрюли с бараньими костями, а Джим и Бен наблюдали за происходящим.

Дверь открылась, и вошла Криси в забрызганном кровью фартуке.

– Боже, на улице мороз, а в лавке дверь нараспашку. Я чуть не откромсала себе руку, когда рубила мясо для мисс Маккормак и приходского священника.

– Клэр пойдет в среднюю школу! – крикнул Джим.

– Она будет учиться много лет, и это бесплатно, – подхватил Бен.

– Я никуда не иду, – запротестовала Клэр. – Я участвую в конкурсе на стипендию. Если ты разгадаешь в газете кроссворд, ты же не скажешь, что выиграл конкурс кроссвордов?

Но Клэр никто не услышал.

– Представь себе, твою младшую сестру выбрали для участия в конкурсе на стипендию, – торжествовала Агнес.

– Кто бы мог подумать! – воскликнул Том О’Брайен.

Для Крисси это был перебор. Она провела долгий тяжелый день, работая в холодной лавке, вернулась домой к чаю и должна слушать, как все превозносят Клэр, мерзкую проныру Клэр, которая вечно плетет интриги исподтишка.

– Ты будешь жить в пансионе? – спросила Крисси.

– Если выиграю конкурс. Но если мне не повезет, я никогда туда не попаду.

– О, ты добьешься своего. Ты всегда получаешь то, чего хочешь, – с горечью заметила Крисси.

– Вовсе нет! – крикнула Клэр. – Я никогда ничего не получаю.

– Ну конечно. Все только и говорят о святоше Клэр. Что ж, надеюсь, ты поступишь в пансион. Тогда у меня на время появится своя комната, а святая Клэр перестанет шпионить за мной и превращать мою жизнь в кошмар.

– Крисси, прекрати немедленно! – велела мать, глядя на красную от злости дочь в грязной мясницкой куртке. – Порадуйся за сестру!

– У Двайера к тебе будут лучше относиться, если твоя сестра поступит в среднюю школу, – с энтузиазмом предположил Том.

– О, им все равно, сиди она хоть в окружной тюрьме, – усмехнулась Крисси. – Но я рада, правда рада, что в доме наконец-то наступит покой.

Она хлопнула дверью и поднялась по лестнице, так что надежда Клэр сделать домашнее задание в спальне испарилась.

– Не обращай на нее внимания, – сказала мать. – На самом деле Крисси в восторге.

Наверху Крисси бросилась на кровать. Это было слишком. Особенно сегодня, когда Джерри зашел в лавку купить полфунта фарша. Крисси, как всегда, пошутила: мол, как так вышло, что он, парень с двумя женщинами в доме, сам ходит по магазинам? Джерри улыбнулся и ничего не ответил. Тогда Крисси, пытаясь проявить любезность, учтиво поинтересовалась, как поживает мать Джерри. Она по-прежнему боится выходить из дома? Джерри внезапно рассвирепел. Тихим голосом, чтобы его не услышали покупатели, он назвал Крисси болтуньей. Он произнес это слово несколько раз. У болтуньи Крисси язык без костей, никому от нее покоя нет, она не понимает, что иногда лучше промолчать. Настоящее трепло. Крисси опешила. Что она такого сказала? Она ведь только поинтересовалась у Джерри

здоровьем матери. Но Джерри не улыбался. Он заявил, что Крисси следует держать свой длинный язык за зубами и не обсуждать чужие дела публично.

Крисси испуганно спросила, увидит ли она Джерри вечером в кино, куда они обычно ходили по пятницам всей гурьбой. «Может, увидишь, а может, и нет», – ответил Джерри. Он больше не злился, но вел себя холодно. Крисси поняла, что из-за вежливого вопроса о глупой старой миссис Дойл, которую, если вдуматься, Крисси не встречала уже несколько месяцев, она навсегда потеряла Джерри Дойла.

А теперь, Господь всемогущий, приходится терпеть переполох из-за Клэр. Почему беда не приходит одна? Сперва поднялся шум из-за того, что Томми и Нед бросили жилье, которое снимали в Лондоне. Это выяснилось, когда мама написала домовладелице и поинтересовалась, почему сыновья ей не отвечают. Хозяйка прислала слезливое письмо, где говорилось, что парни исчезли, не заплатив за три недели. Папа очень расстроился и чуть не плакал. Родители отправили домовладелице почтовый перевод вместе с извинениями.

Оказалось, что старшие братья семейства О'Брайен уволились и работали с другой бригадой. Домовладелица подобрела, получив плату, с которой давным-давно распрощалась, и рассказала родителям, что их сыновья примкнули к каким-то грубым парням, не внушавшим симпатии. Она сообщила, что в пятницу вечером в пабе выдают зарплату и, если написать туда, Том и Нед получат письмо. Вскоре пришли известия от братьев. Нед сожалел, что они не написали раньше, и ссылался на трудные времена. Братья сменили работу и жилье. У них было мало денег, и они надеялись, что мама с папой их поймут правильно. Родители не хотели никаких денег. Они умоляли детей оставаться на связи. Тогда Том и Нед прислали странную открытку. Никому в Каслбее не нравилось получать открытки, ведь миссис Конуэй имела полное право комментировать их содержание. Агнес О'Брайен отправила Неду фунтовую банкноту в конверте на адрес паба с просьбой купить конверты и марки. Мать не желала, чтобы весь Каслбей знал о том, что происходит в семействе О'Брайен. Кстати, почему Томми до сих пор не написал ни строчки? Что ж, Томми, как известно, был не силен в грамоте, но он в полном порядке и отлично справляется.

Том О'Брайен поинтересовался, все ли расходы покрывает стипендия, если Клэр действительно выиграет конкурс.

– Да, – решительно подтвердила Клэр.

Она не знала наверняка, но не собиралась пока ничего обсуждать. Мисс О'Хара советовала исходить из того, что она выиграет конкурс и уедет из дома, иначе ей придется потратить драгоценное время, беспокоясь о том, на что она не может повлиять.

Доктор Пауэр обещал отвезти Клэр в город в день конкурса. Он заявил, что все равно должен появляться в городе раз в месяц, так что день конкурса ему вполне подойдет. Нет, конечно, для него это не слишком рано. Анджела попросила его помочь, поскольку автобус приходил в город слишком поздно. Доктор Пауэр сказал, что почтет за честь забрать девочку вечером. Он надеялся сыграть свою роль в судьбе ребенка, который прославит Каслбей. Родителей Клэр слова доктора обескуражили. Они не воспринимали участие дочери в конкурсе как честь и видели в нем очередную проблему.

До конкурса оставалось еще шесть недель. Клэр по-прежнему приходила к мисс О'Харе домой дважды в неделю. Иногда мисс О'Хара просто давала ей тему эссе, а сама готовила еду для матери или наводила порядок на кухне. Затем она просматривала работу, не скупясь на похвалу и замечания, обсуждая спорные моменты и полемизируя. Клэр ни разу не показалось, что она написала плохое эссе, однако она поняла, как написать сочинение, достойное наивысших похвал. Ей следовало относиться к предстоящему конкурсу как к пробе на роль. Это был ее единственный шанс. Другого не представится.

Клэр писала эссе на тему «Сельская жизнь в сравнении с городской», которая несколько лет назад упоминалась среди тем конкурса на стипендию, когда мисс О'Хара в волнении встрепенулась. Клэр подняла глаза и увидела, что учительница читает письмо. Старая миссис О'Хара тоже вскинула голову, ожидая вместе с Клэр объяснений.

– Это Эмер, – воскликнула Анджела. – Они с Кевином устали от суеты вокруг свадьбы. Знаете, что они собираются сделать? Они хотят пожениться в Риме и уже обо всем договорились. Венчание состоится

в приделе собора Святого Петра в Светлый понедельник. У Кевина есть друг – священник, он учится в аспирантуре...

Анджела зачитала отрывок из письма:

– «Он сказал, что проблем нет. Мы выслали документы и поженимся в Святом городе. Теперь нам никто не помешает. Даже ужасные кузены Кевина лишились дара речи, потому что осуждать нас все равно что критиковать папу римского. Ехать в Рим слишком дорого и далеко, поэтому родня останется дома. Я надена на свадьбу то, что нравится мне, а не сестрам, и мы сможем совершить свадебное путешествие по Италии. Не понимаю, почему мы не подумали об этом раньше».

От удовольствия Анджела обхватила себя руками за плечи.

– Разве это не великолепно? – спросила она у старушки и девочки, которые потрясенно на нее смотрели.

– Но ведь ты не сможешь поехать, – заметила мать.

– Почему? Я собиралась в Дублин, а вместо этого поеду в Рим.

Анджела откинулась на спинку кресла и улыбнулась, глядя в потолок:

– Теперь я не сомневаюсь, что чудеса случаются.

Эмер не верила собственным ушам.

– И ты будешь подружкой невесты?

– Почему бы и нет? Римляне видели, как львы поедают христиан. Наверное, престарелых подружек невесты они также видели.

Анджела позвонила подруге из отеля Диллона – миссис Конуэй пришлось бы устанавливать прослушку, чтобы быть в курсе.

– Мы отлично проведем время. Ты же останешься с нами на несколько дней? Тебе не придется спешить домой сразу после свадьбы?

– Нет, я возьму свои лучшие ночные рубашки и халат с рюшами и заберусь к вам с Кевином в постель. Это будет здорово.

– Анджела, это самая лучшая новость. Подумать только – ты готова проделать весь этот путь до Рима! Ты замечательная подруга. Даже не знаю, как отблагодарить тебя.

– Когда я соберусь замуж, то устрою венчание в Иерусалиме. Тогда и проверим, на что готова ты.

Эмер рассмеялась:

– Не думаю, что у тебя много шансов закрутить роман с шафером, но кто знает!

– Кто знает! Итальянская музыка и вино настраивают на романтический лад.

– Анджела, это чудесно! Я снова чувствую себя юной девушкой.

– Говоря по правде, я тоже.

Вскоре все узнали, что она едет в Рим. Дик Диллон, который бросил пить и поэтому ходил злой как собака, пригласил ее в отель и показал множество рекламных проспектов.

По словам Дика, из-за обилия паломников выгоднее всего было отправиться в Рим, приобретя тур системы «все включено». Ей забронируют место в гостинице, и с ней рядом всегда кто-то будет. Анджела была благодарна Дику за дельный совет. Она боялась, что самолет обойдется слишком дорого. Разумеется, Дик Диллон был прав. Оказалось, что все гости Эмер едут в Рим по этой же схеме.

Дик Диллон сказал, что бывал в Риме и бросил монету в фонтан, чтобы снова вернуться туда, но так и не вернулся. Он мрачно покачал головой.

Анджела заявила, что ничто не мешает поехать в любое время. Дик возразил, что она его не понимает: теперь, когда он бросил пить, нет смысла куда-либо ехать. Быть в Италии и не выпить вина? А граппа? О боже, граппа – изумительный напиток, он прямо-таки обжигал глотку. Нет, ехать в Рим и пить молоко – бессмысленно.

Они перешли к менее душераздирающим темам. Анджела порадовалась, что Джози в следующем году поступает в финансовый колледж, в последнее время она явно делает успехи. Дик Диллон согласился: Джози была когда-то откровенной и жалкой тупицей, но взялась за ум. Это хорошо для нее, она не останется в стороне, когда ее ловкие братья и сестры приберут отель к рукам. Ей не придется прозябать без должности и статуса, просаживая печень, как это случилось с Диком.

– Но теперь с тобой все в порядке, Дик, – нетерпеливо заспорила Анджела. – Почему ты не можешь вернуть себе свою долю, взять ситуацию под контроль, побороться за свои права – или чего бы ты хотел?

– Наверное, я сам не знаю, чего бы я хотел. В этом-то и проблема, – помрачнел Дик Диллон.

– Поезжай со мной в Рим, – предложила Анджела.

– Я мог бы, но компаньон из меня неважный. Мы не смогли бы пойти туда, где подают выпивку, – ответил Дик, восприняв приглашение всерьез.

– Тогда оставайся дома, а я пришлю тебе открытку с твоим фонтаном.

Дэвид Пауэр пришел в ярость, узнав, что Анджела едет в Рим.

– Я хотел предложить вам оплату и еще раз пройтись вместе по курсу истории. Ваша версия событий звучит более разумно, как будто все эти деятели были нормальными людьми.

– Они в большинстве своем нормальными не были, так что, похоже, я ошибаюсь.

Дэвид испытывал сильную тревогу за себя и свое будущее.

– Все будет в порядке, Дэвид, ты очень умный и много работал. После стольких лет усердной учебы это всего лишь нервы. У тебя впереди еще несколько недель, чтобы разобраться с тем, в чем ты не уверен. Посмотри на Клэр О’Брайен. Ее действительно стоит пожалеть. У нее один-единственный шанс получить достойное образование. Твой отец очень добрый человек, он обещал отвезти ее на конкурс на будущей неделе. Если Клэр не получит стипендию – на образовании придется поставить крест, а ведь она безумно хочет учиться.

– Держу пари, она в бешенстве из-за того, что вы уезжаете в Рим, когда вы так ей нужны, – не сдавался Дэвид.

Ему даже в голову не приходило, что у мисс О’Хары могут быть иные интересы, помимо преподавания.

– Как ни странно, Клэр очень рада за меня, но, как известно, женщины более отзывчивы и великодушны, чем мужчины.

Дэвид улыбнулся, к нему вернулось хорошее настроение.

– Надеюсь, она получит стипендию.

– Я тоже очень на это надеюсь. Помню, как семнадцать лет тому назад – наверное, в тот самый год, когда ты родился, – я тоже поехала в город, чтобы участвовать в конкурсе, и понятия не имела, сколько фермерских дочерей составит мне конкуренцию. Недостаточно было

оказаться самой умной в Каслбее, на конкурс съехались девочки со всего графства.

– Наверное, когда вы получили стипендию, это было здорово?

– Не совсем. Мой отец напился и вел себя грубо. Не из-за стипендии. По крайней мере, сначала он о стипендии не вспоминал. А потом расстроился и заявил, что дочь Динни О’Хары живет на чужие подачки. Нет, тот день был не из приятных, – рассказала Анджела и оживилась. – Зато потом все было здорово... Как поживает Джеймс Нолан?

– Тоскует по Фионе Дойл. Боюсь, не он в этом виноват.

– А его сестра? Тоже тоскует?

– Она справилась со своим горем. Женщины более непостоянны, чем мужчины.

Анджела проигнорировала колкость и спросила:

– Кэролайн снова переключилась на тебя?

– Она попыталась, но я пресек все попытки, сославшись на экзамены, – загордился собой Дэвид. – Меня непросто прибрать к рукам.

– Хорошо, что мы с тобой не ровесники. Ты бы разбил мое сердце вдребезги.

– Вы помолитесь за меня в Риме, мисс О’Хара?

– Конечно, Клэр. В соборе Святого Петра в Пасхальное воскресенье и на венчании в понедельник, а во вторник – в день конкурса – я пойду куда-нибудь на мессу и тоже помолюсь за тебя.

– Это должно сработать. – Клэр прикидывала что-то в уме. – Ни за кого не будут столько молиться. Но все же жалко, что вы уезжаете.

– Будь я рядом, тебе могло быть только хуже. Ты бы слишком волновалась. Наверное, в такое время лучше быть одному.

Клэр засомневалась:

– Мне не с кем поговорить.

– Почему же? Доктор Пауэр заедет за тобой на машине. А еще Джози – ей до смерти захочется все разузнать. И твои родители. Непременно расскажи им. Тебе может показаться, что они не проявляют интереса, но это не так.

Анджела пыталась припомнить побольше людей, с которыми Клэр могла бы поговорить. Задача была не из легких. Клэр стоило

держаться подальше от монастыря: матушка Иммакулата ввергла бы девочку в отчаяние нотациями о том, как она должна была ответить и что сказать.

– И ты всегда можешь поговорить с Дэвидом Пауэром.

– Я бы не стала, мисс О’Хара. Он немного заносчив.

– Нет, это не так. Его мать – да, но Дэвид – нет, вовсе нет. Хотя поступай как знаешь. Подожди, пока я не вернусь. Я приеду в субботу поздно вечером – слишком поздно для тебя. Оставь у меня дома записку и приходи после утренней мессы. Мы позавтракаем, и ты подробно расскажешь мне, как выиграла конкурс, размахивая флажками в честь Каслбея.

Клэр внезапно обняла мисс О’Хару прямо на обочине дороги, которая разбегалась в трех направлениях: в сторону гольф-клуба, Клифф-роуд и Черч-стрит. Вокруг не было никого, кроме проезжавшего мимо велосипедиста и его бегущей собаки.

– Вы так добры. Никто бы не смог подготовить меня лучше. Даже не знаю, как вас благодарить.

Анджела смутилась. Она быстро обняла девочку и сразу отпустила:

– Все в порядке. Впереди самое трудное – долгие недели ожидания.

«Кевин очень мил», – подумала Анджела.

Он встретил ее вместе с Эмер на вокзале Кингсбридж, когда она приехала вечером в Дублин. Кевин подбежал, подхватил чемодан и поздоровался. Его лицо в обрамлении рыжеватых волос покрывали веснушки. Он так радовался обществу Эмер, словно она была подарком, который для него сняли с рождественской елки.

Подруга совсем не изменилась за семь лет, прошедших с тех пор, как Анджела с ней познакомилась. На Эмер был коричневый вельветовый сарафан и белая блузка; с сумкой через плечо она вполне могла сойти за студентку. Анджела невольно прикоснулась к своему лицу, задаваясь вопросом, как сказались на ней годы жизни на ветру, под дождем и морскими брызгами, уход за матерью-калекой и преподавание в бедной сельской школе? Она, должно быть, выглядела намного старше Эмер, хотя на самом деле была моложе больше чем на год. Ее одежда была бесцветной и старой. Анджела переглядила и

аккуратно упаковала свой лучший гардероб, но теперь ей хотелось потерять чемодан, который нес Кевин, пока они шли по платформе к автобусу. Эмер взяла ее за руку, и лишние годы унеслись прочь.

– Знаешь, я никогда не смогу отблагодарить тебя за то, что ты согласилась, – сказала Эмер с сияющими глазами. – С тобой все выглядит более правильным. Не таким чудаковатым, если ты понимаешь, о чем я.

Кевин с жаром кивал:

– Ты замечательная подруга, Анджела. Словами не передать, как мы обрадовались. После твоего звонка Эмер пустилась в пляс. Это бесподобно с твоей стороны.

– Письма идут слишком медленно, я решила не ждать и позвонила, – призналась Анджела.

– Мать тоже довольна, а ведь она, господи боже, уже давно ничему не радуется. Она помнит, как ты приходила к нам в гости, и уверена, что ты гораздо надежнее и солиднее всех моих подруг.

– С какой стати она считает меня надежной? Я бы ни за что на свете не захотела быть солидной, – возмутилась Анджела.

– Ну, ты же осталась в Каслбее ухаживать за больной матерью. Кто теперь сравнится с тобой в глазах чужой матери? Ты, безусловно, превзошла всех дочерей в мире.

Они рассмеялись так, словно никогда не расставались и обе с рождения знали Кевина. Когда они вскочили в автобус, а затем легко взбежали по лестнице, чтобы покурить, Анджела впервые ощутила укол зависти к Эмер. Разве не прекрасно предвкушать будущую жизнь бок о бок с этим добродушным, веселым парнем? В автобусе молодые рассказывали о купленном ими доме. В нем многое придется переделать, зато в результате дом будет потрясающим. Друзья повели Анджелу в ресторан, которого не существовало в те времена, когда она жила в Дублине. Там были свечи в винных бутылках, а за столиком прислуживал иностранец, словно они уже оказались за границей.

Миссис Келли ждала их у дверей.

– Наконец-то ты здесь, Анджела, – сурово сказала она. – О чем она думала, продержав тебя так долго на улице? Почему, черт возьми, тебя не привезли домой прямо с вокзала? Я приготовила сэндвичи.

– Новость о свадьбе просто чудесная! Венчание в Риме! Кто бы мог поверить?

Анджела виртуозно владела искусством переводить разговор с пожилыми женщинами на более приятные темы. Мало кому удавалось повернуть подобную операцию за один прием.

– Ну да, конечно, но Рим так далеко, к тому же семья... Я не уверена, стоит ли...

Анджела захлопала в ладоши, как веселая школьница:

– Вы все просто замечательные, миссис Келли. Я бы поступила точно так же и дала собственной дочери шанс увидеть его святейшество и встретить Пасху в Риме. Обвенчаться в Дублине может любой. Будь это мой выбор, я бы предпочла, чтобы мой ребенок испытал нечто необыкновенное. К тому же на память останутся фотографии.

Анджела подобрала правильные слова. Она ввела в игру новый козырь: возможность превзойти остальных. Миссис Келли оценила ее слова так высоко, что даже предложила подругам по стаканчику шерри на ночь.

Эмер хотела отказаться, но Анджела прошипела:

– Последняя ночь под этой крышей.

Они сели и поговорили о том, какое впечатление произведут на знакомых фотографии из Рима. Миссис Келли спросила Анджелу, какую шляпку она наденет. Анджела сроду не носила шляпок и замешкалась с ответом.

Эмер пришла подруге на помощь:

– Мы выберем завтра утром.

Поднимаясь в спальню, Эмер заявила, что выбор шляпки – отличный предлог смыться из дома на час или два, пока сюда не заявится родня, чтобы помахать рукой на прощание и вывести их из себя.

В комнате Эмер стоял раскладной диван, на котором сидели, когда в доме никто не гостил, однако в случае надобности диван легко раскладывался в запасную кровать. Именно на нем предстояло спать Анджеле. Но подруги просидели на диване два часа, болтая обо всем подряд. Потом они сообразили, что у них впереди еще долгие дни в Риме и что Анджела отныне может ежегодно приезжать в Дублин к Эмер и Кевину домой, где никто не устроит ей с порога допрос.

– Я никогда не говорила с тобой о деньгах, – сказала Эмер, забираясь в постель. – Кевин просил рассказать тебе, что жених дарит

подружке невесты подарок. Он хотел, чтобы я тактично выяснила, не лучше ли вручить подарок деньгами, чтобы оплатить тебе дорогу. Он советовал не спрашивать в лоб, но я не знаю, как еще об этом спросить.

– Кевин очень добр. Тебе так повезло, Эмер.

– Я знаю, – кивнула Эмер и обхватила колени, как школьница. – Я сама с трудом верю своей удаче. Так что ему передать?

– Скажи, что я тронута до глубины души, но предпочитаю подарок. Ты же знаешь, в Каслбее я живу дома и траты у меня небольшие. Я почти никуда не хожу. Каждую неделю откладываю немного на почте и столько же прячу в коробку под кроватью, как сумасшедшая старуха.

– Почему, ради всего святого, ты не относишь все на почту? – удивилась Эмер.

– Потому что я не хочу, чтобы эта чертова миссис Конуэй знала, сколько мне удалось скопить за эти годы. Честное слово, Эмер, у меня правда есть деньги. Большое спасибо тебе и Кевину, но я не трачусь на одежду, поэтому все в порядке. Я всегда надеялась, что у меня будет шанс куда-нибудь выбраться.

Эмер моргнула, стряхивая слезы с ресниц. Было так грустно смотреть на Анджелу, которая лежала на диван-кровати, опершись на локоть. Ее длинные каштановые волосы были расчесаны и прихвачены сзади резинкой, на бледном лице читалась тревога. Эмер чувствовала себя виноватой: жизнь подруги была несладкой, а теперь она тратила свои сбережения на поездку в Рим. Но Анджела с самого начала не сомневалась в своем решении. Казалось, она искала предлог, чтобы оказаться в Риме, и ей подвернулся хороший шанс. Энтузиазм Анджелы вдохновлял, особенно когда все вокруг постоянно хандрили и жаловались. Эмер счастливо заснула, не догадываясь, что Анджела выкурила пять сигарет, в надежде, что к ней придет сон, а когда этого не произошло, она приняла полтаблетки снотворного, запив глотком воды.

Молодые встречались с шафером в Риме, поэтому самолетом летели Мария, кузина Кевина, сотрудница авиакомпании «Аэр Лингус», имевшая право на льготный билет, и Дэвид, дядя Эмер. Он вроде был художником и раз в год ездил на континент рисовать. Баланс

был рассчитан очень тонко. По одному родственнику с каждой стороны, но при этом ни матерей, ни отцов, ни сестер, ни братьев, никаких священников и монахинь. От Эмер в церемонии принимала участие подружка невесты, а шафер, который ехал в Рим поездом, был другом Кевина и преподавал в той же школе.

Прения о том, стоит ли родителям приезжать на венчание, длились целый день. Кевин и Эмер, для вида поддержав идею, старательно перечислили все мыслимые контраргументы. Это сработало. Молодые прошли через турникеты в Дублинском аэропорту в компании Анджелы, дяди Дэвида и кузины Марии. Их свадебное путешествие началось.

Он ждал ее у входа в отель. Анджела запретила ему приходить, потому что в гостинице жили ирландские паломники. Он должен был передать записку с указанием места встречи.

Такси, которое отец Флинн вызвал для дяди Дэвида, кузины Марии и Анджелы, притормозило у дверей. Шон нетерпеливо подскочил к автомобилю, но Анджела сердитым жестом отослала его прочь. В первую очередь ее шокировал синий костюм брата в сочетании с бледно-голубой рубашкой, расстегнутой у ворота. Ей не приходило в голову, что Шон больше не одевается как священник.

Анджела потратила целую вечность, уверяя Дэвида и Марию, что она справится, что паспорт, который вскоре понадобится, у нее при себе и что ее ждут на стойке регистрации. Потом они несколько раз повторили друг другу, где именно встретятся завтра перед ланчем: у подножия Испанской лестницы, на нижней ступеньке, чтобы никто не заблудился.

Заметив, что Шон жадно прислушивается к разговору, Анджела напряглась. Она хотела отгородиться от брата, чтобы их жизни не пересекались. Она ненавидела Шона за то, что он молча стоял в стороне, горя желанием присоединиться к их компании. И ненавидела себя за то, что удержала брата на расстоянии одним взмахом руки.

Наконец Дэвид и Мария снова уселись в такси и отправились в отель, куда уехали отец Флинн и счастливая пара. Туда тем же вечером должен был приехать шафер. Эмер расстроилась, узнав, что Анджела не может и даже не попыталась изменить свои планы и перебраться к ним в отель. Но Анджела настояла на том, чтобы остаться в

забронированной гостинице. Они и так будут часто видеться, ведь отели находились всего в десяти минутах ходьбы друг от друга.

Анджеле выдали ключ от номера и указали на опасный с виду лифт.

Шон подошел к сестре.

– Они уехали? – боязливо спросил он.

– Да.

– Ох, Анджела. Анджела! Спасибо тебе, и благослови тебя Бог! Спасибо, что ты здесь. Я признателен тебе всем сердцем. Сюя просила поблагодарить тебя от ее имени, она хотела, чтобы ты знала об этом.

Шон положил руки на плечи сестры, и его лицо искажилось помимо воли.

– Не надо... – начала она.

– Ты не представляешь, что это значит для меня.

Шон покачал головой из стороны в сторону. В его глазах действительно стояли слезы, Анджела не ошиблась.

– Пожалуйста... я просто пойду и...

Она хотела дать брату время, чтобы он взял себя в руки, прекратил заискивать и проливать слезы. Это поведение было так не похоже на уверенного в себе священника, который всегда был безукоризненно прав, знал, что следует и чего не следует делать, чтил долг и не сомневался в том, что кто-то обязан остаться в Каслбее и всю жизнь ухаживать за матерью.

– Я пойду с тобой, – сказал Шон, поднимая чемодан.

– Нет, ни за что. Что о нас подумают? – яростно прошипела Анджела ему в лицо.

На простом итальянском Шон объяснился с низкорослым толстяком за стойкой. Коротышка кивнул: «Да-да».

«Отец Шон по-прежнему умеет очаровать», – с горечью отметила про себя Анджела.

В опасном лифте едва хватало места, чтобы сделать вдох. Анджела затаила дыхание, пока лифт со стоном полз вверх, минуя пролеты. Шон открыл дверь крошечной комнаты. Внутри стояли односпальная кровать, туалетный столик и стул. На стене висело пять крючков с вешалками. Такая роскошь, как шкаф или умывальник, в одноместных номерах отсутствовала. В коридоре брат и сестра прошли мимо комнат с табличками «I Bagno» и «I Gabinetto»^[12].

Анджела огляделась вокруг. Она хотела встретиться с братом иначе. Она собиралась войти в номер, прилечь и собраться с мыслями, а затем принять ванну и переодеться, развесив и разложив праздничный наряд и новую шляпку, купленную утром у Клери. Неужели еще утром они блуждали в толпе по О'Коннелл-стрит? Анджела надеялась, что Шон оставит записку с предложением встретиться в ближайшем кафе. Она бы прогулялась, наслаждаясь вечерней прохладой, и они бы поговорили за уединенным столиком. Анджела была готова говорить часами, если потребуется. Патетическая, нервная и неловкая встреча ей совсем не понравилась.

Шон поставил чемодан на пол и аккуратно разместил объемную сумку со свадебной шляпкой на туалетном столике рядом с большим ключом от номера. Анджела стояла, полностью утратив контроль над ситуацией и гадая, что произойдет дальше. Она впервые в жизни покинула пределы Ирландии, оказалась в отеле и встретила с единственным братом, который отказался от сана. В этот миг Шон обнял сестру, положил голову ей на плечо и расплакался, как младенец. Анджела стояла с сухими глазами, гадая, бывает ли что-то хуже, чем это. Шон не бубнил о том, как ему жаль, и не винил себя за то, что испортил всем жизнь. Вместо этого он сбивчиво рассказывал о процедуре лишения сана и о том, сколько времени она занимает. Шон бормотал, что рад видеть Анджелу, потому что, прочтя ее письма, испугался, поверив, будто сестра запрещает ему возвращаться в Каслбей.

Все легко отыскали Испанскую лестницу. Мария, сотрудница «Аэр Лингус», бывала в Риме несколько раз, а Дэвид, художник среднего возраста, приезжал сюда много лет назад. Эмер и Кевин нашли бы планету Марс, будь она местом встречи, – их переполняли энтузиазм и энергия. Отец Флинн тоже испытывал радостное волнение. Это был его праздник и его город, поэтому он наслаждался каждой минутой, исполняя роль организатора. Анджела пришла последней, но опоздала всего на пару минут. Она хотела купить темные очки, однако ей попадались магазины, где очки стоили целое состояние. В конце концов она и выложила за покупку целое состояние, а продавщица восхищенно заявила, что теперь у нее *bella figura*.

Компания рассмеялась, увидев Анджелу в новом образе. Друзья заявили, что она быстро освоилась, и в шутку предположили, что подруга накануне вечером перебрала местного вина. Пока все обсуждали, где бы перекусить, Эмер с беспокойством спросила ее, что она делала накануне.

– Заблудилась, – ответила Анджела. – Ты меня знаешь: люблю бродить, почти не соображая, где нахожусь и что творю. Это такой прекрасный город.

Эмер успокоилась. Много лет назад в Дублине Анджела любила подолгу гулять вдоль канала или в Дублинских горах, преодолевая милю за милей. Видимо, в Риме она делала то же самое. Эмер вернулась к спору о ланче. Идею отправиться в чайную «Бабингтон» – заведение в английском стиле, расположенное поблизости, – зарубили на корню. Они не пробыли в Риме и суток – явно недостаточно, чтобы затосковать по привычному чаю с булочками. Все дружно направились к месту, которое посоветовал отец Флинн.

– Я не тратил здесь попусту время только на молитвы и учебу, – радостно поведал он. – Я сделал кое-что полезное – например, выяснил, где можно поесть и выпить.

В ресторане мужчина в кремовом пиджаке с эффектным носовым платком в нагрудном кармане заигрывал с Анджелой, вскакивая из-за столика, чтобы проверить, есть ли у нее пепельница, и испробовав на ней свой жалкий запас английских слов.

– Эти очки мне идут. Я носила бы их постоянно, – сказала Анджела, когда мужчина, пятясь, вышел из ресторана, попутно кланяясь, улыбаясь и строя глазки.

Ее уже много лет не баловали таким пристальным вниманием.

Вскоре Анджелу оставили в покое. После ее непринужденной шутки все решили, что она в полном порядке, поэтому она смогла на время уклониться от беседы и прокрутить в голове прошлый вечер, словно фильм. Ей удалось выпроводить Шона из комнаты, и он записал название кафе. Анджела заявила, что ей нужен час, чтобы успокоиться и распаковать вещи. Но в результате она не сделала ни того ни другого: ее одежда осталась в чемодане, а беспокойство усилилось. Она нервно поглядывала на дорожные часы и недоумевала, почему отослала прочь заплаканного брата. Ей все равно придется поговорить с ним. Почему она не ушла вместе с Шоном из этой

унылой комнаты, чтобы пройтись по любой из живописных площадей по соседству?

В итоге они оказались на Пьяцца Навона. Площадь окружали рестораны, а в центре толпились торговцы и фокусники, как будто проходил карнавал. Анджела подумала, что никто, кроме О'Хары, не испытывал здесь ни тревог, ни забот.

Они сели и заказали по крошечной чашечке кофе. Шон окончательно пришел в себя.

– Давай я расскажу тебе о моей семье, – начал он.

Анджела слушала. Она узнала о Сюе и о том, как брат познакомился с будущей женой почти сразу по приезде в Японию, куда их направили после изгнания из Китая. Анджела узнала о трехлетнем Денисе, самом смышленном ребенке на свете, а также о полуторагодовалой Лаки, чудесной малышке, от чьей красоты щиплет глаза. Она узнала о том, как семья Шона жила в Японии в доме брата Сюи, о том, что они делали на удивительной вилле в Остии, и о том, как Шон и Сюя обвенчаются в Риме после завершения процедуры лишения сана. Шон говорил как одержимый. Он всегда блистал как оратор, однако дома у него не было конкурентов. Шон учился в семинарии, работал в миссии и являлся служителем Господа, который имел больше прав рассказывать истории и требовать внимания к себе, чем тот, кто знал истории получше. Анджела слушала. Ничего не изменилось, кроме содержания. Брат был уверен в своей аудитории, не сомневаясь, что Анджела рада узнать подробности появления на свет Лаки, чьи роды нелегко дались Сюе. Шон был убежден, что сестра так же, как и он, интересуется тонкостями процесса лишения сана и отношениями бывшего священника с Конгрегацией по делам духовенства.

Раз или два Анджела пыталась перебить брата, но он вскидывал руку в привычном жесте священника, который на первый взгляд вежливо просит разрешения продолжить, но на самом деле категорично заявляет, что будет говорить дальше.

Шон не планировал возвращаться в Остию сегодня вечером. Путь неблизкий, он приедет слишком поздно. Шон останется в Риме. Сюя убедила его в том, что это менее утомительно, ведь утром он наверняка захочет снова поговорить с Анджелой. Слушая монолог брата, Анджела благодарила судьбу за то, что Шон решил остаться в Риме.

Было очевидно, что сегодня она не сможет вставить ни слова, поэтому ей понадобится утро, чтобы указать брату на обстоятельства, которые портят картину будущего, столь радужную в его описании. Но где же он остановится на ночлег? Шон то и дело упоминал о нехватке денег и необходимости принимать в расчет стоимость проезда. Однако с местом для ночлега у Шона проблем не было. Его друг, английский священник, преподавал в Английском колледже, сказал, что там всегда найдется кровать для Шона. Это неподалеку.

Шон говорил о знакомых священниках, о бывших священниках, а также о духе перемен, вопрошаний и сомнений, витавшем в современной церкви. Он был готов говорить об этом вечно. Анджела кивала и издавала необходимые для поддержания беседы звуки, однако ее мысли беспорядочно метались. Разговор с братом напоминал переписку с ним: Шон игнорировал все замечания сестры, словно она не пыталась донести до него собственные мысли, просьбы или слова. Анджела написала, что встретится с ним лицом к лицу, чтобы объяснить: он никогда не сможет вернуться в Каслбей с японкой или другой женой и двумя детьми – ни до окончания процедуры лишения сана, ни после. Похоже, Шон проигнорировал основную часть письма и принял к сведению только первую фразу о том, что сестра приезжает в Рим, чтобы повидаться с ним.

Анджела понадеялась, что перемена места изменит направление беседы, и предложила перекусить. Шон заколебался. Анджела сказала, что с радостью оплатит ужин. Шон согласился. Оказывается, он чувствовал себя виноватым, если тратил что-то на себя, а не на Сюю с детьми. Перемена места не помогла. Шон сделал заказ на безупречном итальянском, не забыв про минеральную воду и вино. Он сообщил сестре, что научился готовить спагетти тридцатью четырьмя разными способами и каждый вечер делает дома салат – обычно из листьев, которые срывает в саду. Ведь есть можно все, что угодно, например листья цветов. «Ты знала об этом, Анджела?»

Этого Анджела не знала, но вскоре узнала много подобных вещей. Теперь она могла отправиться на Ирландское радио и выступить экспертом в программе «Информация обо всем». На площади зажигались огни, играли музыканты, а люди вокруг наслаждались прекрасным римским вечером.

Анджела достала из сумочки лист бумаги, написала четыре слова и протянула список брату.

– Что это? – спросил Шон, удивляясь и даже слегка веселясь.

– Это повестка на утро. Когда мы встретимся снова при свете дня. Я хочу обсудить темы, которые здесь перечислены, и ничего больше.

Анджела мило улыбнулась, вынула пачку огромных итальянских банкнот разного достоинства и жестом попросила счет.

Шон прочел вслух:

– «Лицемерие и предательство. Семья и общество». Что это, Анджела? Это напоминает название проповеди. Или заголовок брошюры Католического общества истины.

Анджела по-прежнему держалась уверенно и выглядела расслабленной.

– Поговорим об этом завтра, хорошо? Мы провели прекрасный вечер. Сейчас уже поздно начинать об этом.

Шон искренне не понимал сестру. Он ни капельки не притворялся.

– Да, конечно, как скажешь. Мы приглашаем тебя в гости к нам в Остию, – примирительно сообщил брат.

Анджела вздрогнула. На ее плечах и спине медленно выступил пот. Мысль о встрече с японкой, которая делит постель с ее братом-священником, и двумя их детьми внушала страх.

– После свадьбы Эмер. Не раньше следующего вторника.

Анджела была непреклонна.

Шон расстроился:

– Мы думали, ты приедешь на Пасху.

– Завтра я иду на празднование Страстной недели и хочу провести выходные с друзьями. Потом приеду в Остию.

«Если это окажется невыносимым, – подумала она, – притворюсь больной. Скажу, что поднялась температура».

Шон сник:

– Я думал, что...

– Все решено.

– Нет, я не об этом. Я думал, что ты пригласишь нас на свадьбу. На свадьбу Эмер.

Анджела ошеломленно уставилась на брата.

– Я встречался с Эмер, помнишь? Я познакомился с ней, когда ты жила в Дублине. А потом она приезжала на папины похороны.

– Да, она знает, что ты священник.

– Но ты же наверняка сказала ей?

Шон не верил своим ушам.

Голову Анджелы сковала резкая боль.

– Не смей меня, Шон! Конечно, я не сказала ей. Я никому не сказала.

– Дело гораздо сложнее, чем я ожидал, – покачал головой брат. – Я думал, ты скрыла это только от мамы и ждешь, когда наступит подходящий момент, чтобы ей сообщить. Я не знал, что у тебя такие старомодные взгляды и непримиримое отношение. Ради всего святого, Анджела, я по-прежнему католик, я не отрекался от веры. Я хожу на мессу и причастие.

Было слишком поздно завязывать спор. Анджела оплатила счет, и они мирно отправились обратно в отель. По пути Шон показывал сестре город, словно она приехала в Рим к брату обычной туристкой. Шон поцеловал Анджелу в обе щеки и ушел ночевать к другу, который все еще был священником и явно не собирался проводить ночь без сна, терзаясь мыслями о том, что случилось с преподобным Шоном О'Харой и каким курсом теперь пойдет его жизнь.

Утром Анджела настроилась по-деловому. Она объявила Шону, что просит выслушать ее и говорить только тогда, когда она спросит его мнение: иначе встреча не принесет результата. Брат был ошарашен, но согласился. Анджела интересовалась, не сможет ли Шон вернуться в Каслбей еще один раз, всего один раз, в прежнем обличье священника. Брат в ужасе вскочил из-за стола. Однако Анджела настаивала на ответе. Это возможно технически? В чем заключается основная трудность? Осталось ли у Шона платье священника? Сойдет ли ему с рук обман, или кто-нибудь из обители ордена непременно услышит об этом? Нет смысла спрашивать, зачем это нужно. Вопрос в том, можно ли это сделать. По словам Шона, даже если бы он захотел совершить столь безумный поступок, он бы не смог. Его разоблачат через несколько дней. Отказ служить мессу в церкви отца О'Двайера сразу вызовет подозрения.

Нельзя ли сказать, что после изгнания ордена из Китая в устав внесли изменения и священники превратились в рабочих и учителей, которые трудились наравне с общиной? Нельзя ли косвенно намекнуть, что все священники были понижены в сане, а не только отец Шон? Нет, это нелепица. Стоит открыть газету, чтобы понять, что это неправда. Ложь не продержится и пяти минут.

Нельзя ли сделать вид, что Шон умер или его похитили? Шон посмотрел на Анджелу как на пустое место. Зачем, ради бога, кому-то нужно плести эту паутину лжи, лицемерия и сумбура?

Глаза Анджелы вспыхнули. Она объяснила зачем. Затем, что, если открыть матери правду, это сломает ее, буквально сломает. Единственное, что мать сделала ценного, – это воспитала для Бога священника. Это утверждение было аксиомой, внушало матери надежду и поддерживало ее репутацию в обществе. Вот о чем говорила Анджела, упоминая предательство. Признаться старухе с распухшими суставами и скрюченными ногами, что ее священник отрекся от сана, – это предательство высшего порядка. Анджела приехала в Рим, чтобы умолять брата не делать этого.

Шон начал терпеливо объяснять, что, как только процесс обращения его в мирянина будет завершен, он обретет такое же право жениться, не гневая Господа, каким обладает любой другой человек. Шон предвидел затруднения, но уладит их, так сказать, постфактум. Анджела велела ему замолчать. Прошлый вечер принадлежал брату, теперь настало ее время. Шону предстоял выбор между лицемерием и предательством. Анджела больше не желала слушать о потоках свежего воздуха, пронесившихся по пыльным коридорам Ватикана, о новом мышлении и Конгрегации по делам духовенства. В церковь отца О'Двайера в Каслбее не проникал свежий воздух, за исключением восточного ветра, который задувал в окна. В коттедже О'Хары никто не поддерживал радикально новые взгляды. Такие люди, как Сержант Маккормак, ничего не смыслили в братской любви и понимании. Шон должен выбрать путь лицемерия или предательства. Он обязан принять решение, руководствуясь старым принципом наибольшего счастья для наибольшего числа людей. Тогда пострадавших будет меньше.

Шон запротестовал. Об этом не могло быть и речи. Правда есть правда, она абсолютна. С ней нельзя играть, как с пластилином, решая, кто во что должен верить.

Кофейные чашки наполнялись снова и снова. Андже́ла стукнула кулаком по столу, чтобы заставить брата замолчать и выслушать ее рассказ о повседневной жизни в Каслбее. Она не хотела, чтобы рассказ прозвучал шутливо, но порой говорила вещи, которые вызывали у брата улыбку. Андже́ла сама улыбалась, признавая, что кое-где и правда перегнула палку. Однако в целом дела обстояли именно так.

Андже́ла поклялась, что история с братом не повлияет на ее судьбу. По правде говоря, терпеть жалость и покровительственный тон от Иммакулаты до конца трудовой жизни Андже́ла вовсе не хотела. В знании, что все вокруг умолкают, стоит тебе появиться, приятного мало. Но Андже́ла могла с этим смириться, как смирилась с репутацией отца. Она выживет, но будет бороться до последнего вздоха за то, чтобы избавить мать от подобных испытаний.

– Когда мама умрет, я прогуляюсь с тобой по Черч-стрит. Не приезжай на ее похороны. Ты сможешь вернуться через шесть месяцев, и я буду рядом с тобой.

– Это неправильно, – возразил Шон. – Ждать, пока кто-то умрет, чтобы привезти домой собственных детей. Как объяснить сыну и дочери, что нужно подождать, пока не похоронят их бабушку, чтобы они смогли вернуться домой – туда, где их место?

Сердце Андже́лы снова дрогнуло. Брат действительно считал, что его детям-полукровкам и их матери в Каслбее самое место. Она посмотрела на часы и встала, чтобы потребовать счет. Подошло время ланча с друзьями Эмер. Брат выглядел смущенным и выбитым из колеи.

– Ты приедешь? Ты все еще согласна приехать к нам в гости?

– Да, – пообещала Андже́ла.

– Во вторник. Погостишь у нас несколько дней.

– Нет, на ночь я не останусь. Я могу приехать опять, но только на день. Но спасибо за приглашение.

– Почему нет? У нас есть кровать.

– В отеле тоже есть кровать, я лучше вернусь.

– Сюя спросит, передала ты ей приветы или нет.

– Да-да, конечно.

– Разве так передают приветы?

– Скажи, что я буду рада с ней познакомиться.

– Звучит не слишком тепло, – проворчал Шон.

– На большее я не способна. Подумай о том, что я сказала, потому что мы должны разобраться с этим. Ты обсудишь с Сюей мои слова?

– Думаю, да, но это тяжело. Ее семья проявила такое радушие и гостеприимство. Я не хочу, чтобы Сюя подумала, будто у моей родни каменное сердце.

– Что ж, понимаю.

– Спасибо, Анджела. Ты делаешь все, что в твоих силах, – сказал Шон.

Вот что ее добило, из глаз хлынули слезы. Анджела бросила на стол деньги и, спотыкаясь, ушла. Оказывается, она делает все, что в ее силах! Господи, да разве она не лезла из кожи вон? Сносить неблагодарность и непонимание было невозможно. Анджела бежала прочь почти вслепую. Она услышала, как Шон крикнул, что заедет за ней в отель во вторник, и кивнула, не в силах оглянуться. Она убежала достаточно далеко, а затем начала спрашивать дорогу. По обеспокоенным взглядам прохожих Анджела поняла, что ей нужны темные очки или даже вуаль, чтобы спрятать лицо, покрытое красными пятнами.

Отец Флинн оказался настоящим сокровищем, он знал ответы абсолютно на все. Он заявил, что когда вернется в Дублин из этого великолепного города, то заскучает в местном болоте. Дублин был слишком серым и неприветливым. Дядя Кевина Дэвид, которого добропорядочная родня считала слегка эксцентричным, не жаловал священников. По словам Дэвида, от общения с ними у него начинались боли в верхней части живота. Но этот маленький, похожий на друида преподобный отец был исключением. Отец Флинн носил сутану, но она плохо сочеталась с его низкорослой округлой фигурой. Когда компания проходила мимо магазина нижнего белья, где продавались корсеты с оборками для осиной талии, он спросил Эмер и Анджелу, не купить ли ему нечто подобное, чтобы хорошо выглядеть на свадебных фотографиях. Отец Флинн был полон смешных и беззлобных историй обо всем на свете и – самое главное – умел посмеяться над собой. Складывалось впечатление, что его хорошо знали везде, куда бы друзья ни пошли. Итальянские лавочники, выставляющие сыры на витрину, выкрикивали на ломаном английском приветствия преподобному Флинну.

Он также умел быть серьезным, заверив молодых, что обвенчаться в соборе Святого Петра – великая честь и что они непременно запомнят событие на всю жизнь. Вряд ли кто-то мог забыть место, где сочетался браком, однако свадьба в соборе Святого Петра – это нечто особенное. В Страстной четверг отец Флинн повел друзей в крипту. Они с благоговением осмотрели ее, пока в огромном соборе шли приготовления к обрядам Страстной недели. В то, что Эмер и Кевин здесь обвенчаются, было почти невозможно поверить.

Вдобавок ко всему отец Флинн разбирался в одежде – редкий талант для мужчины. Его очаровали наряды, которые друзья приготовили для свадьбы. Великолепную картину портила обувь. Ирландская обувь выглядела в Риме слегка неуместно. В четверг поздним вечером по Виа Кондотти прогуливалась странная компания. Анджела и Эмер примеряли туфли и показывали их отцу Флинну, Кевину, Марии и Дэвиду. Мария пришла в такое волнение, что тоже присоединилась к подругам, а отец Флинн признался, что, если бы длинная сутана не скрывала ног, он бы не устоял перед искушением приобрести пару серых замшевых туфель. Вскоре все в магазине балансировало на грани истерики. Когда три девушки наконец остановили свой выбор на одинаковых, невероятно элегантных туфлях, отец Флинн заспорил с продавцами о цене, как базарная торговка рыбой, и сэкономил немалую сумму.

Потом он остановился у цветочного киоска, где его хорошо знали. Энергично жестикулируя, он перечислял цвета платьев: у Эмер – белое платье с голубой отделкой и голубая шляпка с белой лентой; у Анджелы – бежевое платье и белая шляпка с бежевыми и коричневыми бутонами. Семья, которая держала цветочный киоск, разволновалась, узнав о свадьбе; между родственниками разгорелся спор о том, какими должны быть букеты. Вскоре итальянцы уже кричали друг на друга, в то время как ирландцы изумленно наблюдали за происходящим. Сначала цветы подносили Эмер, затем – Анджеле. Продавцы отчаянно размахивали руками и качали головой. В конце концов все пришли к согласию по поводу цветов, времени доставки букетов в отель и цены. Владелец киоска подарил каждому по бутоньерке в качестве комплимента. Дамам поцеловали руки, а молодым адресовали самые добрые пожелания. Семья цветочника выглядела такой довольной, словно венчался кто-то из их родни.

– Можешь представить себе, чтобы моя мать так радовалась чужой свадьбе? – задумчиво произнесла Эмер. – Неудивительно, что многие едут сюда, чтобы пожениться. Здесь совсем незнакомые люди от тебя в восторге, а дома не ждет ничего, кроме суеты.

– В наш дом уже съехалась бы толпа престарелых священников и монахинь, они бы без конца причитали и жаловались, – подхватил Кевин.

– Будьте снисходительны, – потребовал отец Флинн. – Когда-нибудь я сам стану престарелым священником. Лет через тридцать – тридцать пять, когда ваши дети будут играть свадьбу, я хочу, чтобы кто-нибудь прикатил меня на вечеринку в инвалидном кресле.

«До чего же он мил», – подумала Анджела в приливе нежности.

Несмотря на шутливые манеры, отец Флинн был добрейшим из всех, кого она когда-либо встречала. А также чутким и деликатным. Из него бы вышел замечательный приходской священник – намного лучше скучного старика О’Двайера и тех, кому сан оказался не по плечу. Стоп. Она не будет вспоминать о Шоне до вторника – она обещала себе этот скромный подарок. Анджела надеялась, что сдержит обещание и сумеет получить удовольствие от поездки в Рим.

Возникла небольшая заминка с шафером. Он до сих пор не приехал. Но отец Флинн разобрался и с этим. Разве Дэвид не может исполнить роль шафера? Дэвид сомневался. По его словам, он не ощущал на себе благодати и не был тем, кто вправе участвовать в подобной церемонии в качестве одного из главных действующих лиц. Однако отец Флинн воспринял публичное заявление о том, что кто-то живет во грехе, как нечто само собой разумеющееся.

– Никто не заставляет вас быть главным действующим лицом, – заверил он Дэвида. – Вы всего лишь свидетель. Даже если вы совершили смертный грех или скрыли грехи на исповеди, это никак не повлияет на обряд. Разумеется, если вы захотите должным образом исповедаться, находясь в Риме, я знаю многих, кто способен вам помочь.

– Но я не думаю, что...

– В этом нет необходимости. Я просто сообщаю, что такая возможность есть, было бы желание. Я знаю священника, который глух как пень, у его кабинки выстраивается очередь длиной в милю, но

я могу выбить вам местечко в передних рядах, бесстыдно воспользовавшись своим положением.

Было трудно понять, шутит отец Флинн или нет. Когда они вернулись в отель после чудесной послеполуденной прогулки по Риму, шафер оказался на месте. Его звали Мартин Уолш. Рост – примерно шесть футов два дюйма, возраст – около сорока. Он страдал от болезненной застенчивости и сел не на тот поезд. Казалось, он вот-вот расплачется. Отец Флинн взял ситуацию под контроль за считанные минуты.

Маленький священник убедительно заявил, что Мартин явился в самое лучшее время, потому что сейчас все собирались разойтись и снова встретиться в девять часов. За это время Мартин мог оправиться от шока, принять ванну, выпить пару кружек холодного пива и поболтать с Кевином. Остальные позаботятся о себе сами. Отец Флинн произнес эту речь, потому что Мартин бормотал извинения за то, что его не было рядом, чтобы позаботиться о цветах и подружках невесты. Он купил справочник обязанностей шафера и впал в уныние.

Отец Флинн велел Мартину выбросить справочник в урну. В Риме все намного проще. Большое скорбное лицо Мартина обрело человеческий вид. Прежде оно походило на тощую морду загнанной гончей собаки.

Скромная свадебная процессия неуверенно вошла в огромный собор, который друзья посещали каждый день, с тех пор как приехали в Рим. Сегодня все было иначе. Сухой формализм смешался с повседневностью. Люди желали молодым удачи на разных языках, а группа немцев их сфотографировала. Путь казался бесконечным. Наконец молодые в сопровождении гостей спустились по мраморной лестнице в маленькую часовню. Отец Флинн исчез, чтобы надеть облачение, а остальные молча опустились на колени, склонив головы.

Анджела усердно молилась. Она с усилием подбирала нужные слова и беззвучно произносила их одними губами. Анджела просила Господа быть добрым к Эмер и Кевину и сделать их жизнь приятной. Она объяснила Богу, что Эмер всегда следовала правилам и было бы неплохо ее вознаградить. Эмер заслуживала счастья. Рука, затянутая в перчатку, сжала лежавшую рядом руку в белой перчатке, и Эмер благодарно улыбнулась подруге.

Отец Флинн блистал в бело-золотом облачении и всем улыбался. Зазвучали слова, и Анджела почувствовала, как на глаза навернулись слезы, когда она услышала неуверенные голоса жениха и невесты. Вскоре все было сделано. Кевина и Эмер провозгласили мужем и женой. Они целомудренно поцеловались и расписались в огромной книге регистрации. Фотографу не терпелось вывести их на улицу. Сначала они позировали на ступеньках, а затем остановились в центре площади у большой колонны – отличное место для снимка с собором Святого Петра на заднем плане.

Когда Анджела спустилась, Шон ожидал в холле.

– Предупреди, что ты можешь не вернуться сегодня вечером, на случай если о тебе будут беспокоиться.

– Я вернусь сегодня вечером, – ответила Анджела.

– Неужели тебе приятно мотаться туда-сюда на поезде? – взмолился брат.

– Так мы идем или нет?

Шон пожал плечами, но вскоре пришел в отличное расположение духа. Юный Денис знал, что к ним едет тетя Анджела. Анджела вздрогнула и понадеялась, что мальчик не заметил неприязни, которую невольно вызвал. Она спросила, на каком языке говорит малыш. Он, очевидно, владел японским и английским, а теперь, находясь в Италии, использовал в речи много итальянских слов.

– *Mia Zia*, – с нежностью повторил Шон.

– Что?

– «*Zia*» по-итальянски «тетя». «*Zio*» значит «дядя». «*Mia Zia*» – «моя тетя».

Анджела спрашивала себя: неужели это все происходит на самом деле? Она приехала сюда за уроком иностранного языка? Окружающее походило на сон, в котором странные люди оказываются в неправильном месте и говорят idiotские вещи. Но это продолжалось слишком долго для обычного сна. Анджела не сможет проснуться и обнаружить, что отец Шон по-прежнему отправляет с Дальнего Востока письма с просьбой прислать марки и фольгу. Это время осталось в далеком прошлом.

Анджела пыталась рассказать о свадьбе – о чем угодно, лишь бы не погружаться в подробности повседневной жизни брата. Она не желала знать, что на этой платформе он обычно сидел в ожидании дешевого поезда. Она не хотела становиться частью его нелепой привычки ездить в город из нового дома, где жила его новая семья, чтобы добиться аудиенции или слушания и ускорить решение своего вопроса Конгрегацией по делам духовенства. Анджела мечтала, чтобы это поскорее закончилось. Она посмотрела на вокзал и на памятник Муссолини, который в первый и единственный раз за всю историю Италии заставил поезда придерживаться расписания. Когда она сегодня вечером вернется на станцию, то уже будет знакома с семьей Шона. Она понимала, что это ничего не изменит.

– Чего бы ты хотела больше всего? Что для этого должно произойти? – внезапно спросил Шон, когда брат и сестра сидели в поезде друг напротив друга.

– Не знаю.

– Какой расклад событий, по-твоему, был бы самым лучшим? Лучшим для всех.

Анджела смотрела на дома, из окон которых торчали палки и шесты с развешанным бельем.

– Не знаю, Шон, я действительно не знаю. Наверное, я бы хотела, чтобы ты передумал и попросил разрешения вернуться в орден. Чтобы Сюя поняла, что твое призвание – служить Господу, и уехала с детьми в Японию. Я знаю, что это невозможно и ничего подобного не произойдет, но ты ведь спросил, чего бы я хотела.

– Сюя, похоже, умеет читать мысли, – обрадовался Шон. – Она сказала, что ты хочешь именно этого.

– Я еду на встречу с ними. Я стараюсь изо всех сил. Хватит меня допекать!

– Анджела, я так рад, что ты скоро их узнаешь. И мы все вернемся к нормальной жизни.

Шон напоминал ребенка, который уверен, что получит на день рождения велосипед. Анджела закрыла глаза и не открывала их, чтобы помешать продолжению разговора.

Они стояли в хвосте разгоряченной шумной очереди, ожидая автобуса, и им не хватило свободного места. Шон с улыбкой щурился

от солнечного света и наклонялся вперед, выискивая за окном ориентиры, на которые мог указать сестре.

После автобуса они минут десять шли пешком. Ворота виллы были высокими и широкими, как гигантские ворота разрушенного Каслбей-хауса. Сама вилла ничем не отличалась от остальных: желтые стены, покрытые вьющимися цветами, и белые ставни. Шон с гордостью смотрел сквозь ворота. Разве здесь не прекрасно? Итальянцы знают, как со вкусом обустроить жилье. Конечно, синьор и синьора проводят здесь не так уж много времени, но с учетом всех обстоятельств они содержат дом в хорошем состоянии. Анджела недоумевала, почему они не заходят внутрь. Неужели в последний момент у брата сдали нервы и он усомнился в своей безумной затее? Было всего одиннадцать часов утра, но Анджеле казалось, что она потратила на поездку в Остию целый день.

К удивлению Анджелы, Шон двинулся дальше, минуя ворота. Должно быть, изумление отразилось на ее лице слишком явно.

– Наш вход здесь рядом, – непринужденно сообщил Шон.

Они вошли в узкую калитку, которая находилась дальше на несколько сотен ярдов. Не было нужды объяснять, что это вход для прислуги, это было и так очевидно. Клумбы здесь заросли, а стены построек облупились на солнце. Но вокруг благоухали цветы, а в дверях играли темноглазые итальянские малыши. Для детей место было хорошим. Пусть они росли в тени господского дома, зато тут было безопасно, царил дружелюбная атмосфера, а вокруг сновали другие ребяташки, с которыми можно было бы поиграть. Анджела продвигалась вперед с опаской, ей следовало держать себя в руках.

– Вот они... Мы дома... Сюя! Сюя, она здесь! Денис, иди сюда!

Застенчивый маленький мальчик, робко держась в стороне, поднес руку к лицу, не желая первым сделать шаг навстречу. За ним вразвалочку просеменила крохотная толстая девчушка, под ее вязаными штанишками угадывался подгузник. Сюя стояла, прислонившись к двери. Ни японской одежды, которую ожидала увидеть Анджела, ни прически в виде пучка с двумя палочками, ни широкого пояса, украшенного розой, ни крошечных остроконечных ножек.

Сюя выглядела очень-очень старой. Ее восточное лицо напоминало лицо бедной китайки или филиппинки, которая

протягивает прохожим чашу для подаяний. Подобные лица встречаются в миссионерских летописях. У Сюи была землисто-серая кожа и прямые волосы, стянутые в хвост, как у Анджелы. Она носила бесформенное платье и длинный выцветший кардиган. Анджела не поверила, что перед ней Сюя. Должно быть, Сюя ждет внутри и скоро выйдет, а за детьми тем временем присматривает ее старшая подруга.

Худая усталая женщина улыбнулась:

– Добро пожаловать, Ан-дже-ла... Добро пожаловать. Очень любезно с твоей стороны проделать долгий путь, чтобы повидать свою семью.

Сюя вышла из тени на солнечный свет, улыбнулась брату, потом сестре. Благодаря яркой, бодрой улыбке старое худое лицо выглядело не таким измученным и обреченным. Шон смотрел на жену с восхищением. В этот миг Анджеле показалось, что она все поняла. Шон не вынес одиночества. Бедный глупый дурачок страдал от одиночества на чужбине, а Сюя была к нему добра. Она была первой, кто проявил доброту и сердечность. Вот в чем дело. Легче от этого не стало, но теперь у Анджелы появилось хоть какое-то объяснение.

– Привет, Сюя, – поздоровалась Анджела.

Каждое слово давалось ей с трудом, но она заставляла себя говорить.

– Рада с тобой познакомиться. Ты представишь меня детям?

Повисла пауза. От Анджелы ожидали более теплых слов. Шон, вероятно, превознес сестру до небес, описав как красивую, великодушную и блистательную, точно так же как он превозносил в разговоре с Анджелой это унылое создание.

– Это Лаки, – сказала Сюя.

Малышка вертела полными ручонками, как ветряная мельница, пытаясь удержаться в вертикальном положении.

– Привет, Лаки О'Хара.

Когда все перестали обращать на Дениса внимание, он понял, что ему ничего не грозит, и подошел ближе.

– Я Денис, – признался мальчик.

– Я так и знала. Поняла это, как только тебя увидела.

Того, что случилось, уже не изменишь. Лучше прогнать мечту о том, что отец Шон вновь обратится к Богу, а его семья в одночасье

окажется в далекой Японии. Жена и дети останутся с Шоном навсегда.

Анджела каждый день возвращалась на поезде в Рим. Шон был прав, гораздо проще было остаться на ночь, но Анджела решила придерживаться собственных слов, чтобы ее первый визит не выглядел как проверка. Иначе семья Шона могла подумать, будто им надо пройти некое испытание, чтобы гостя не уезжала. Анджела привозила игрушки и нелепо разукрашенные коробки со сладостями. Лаки сидела у нее на коленях, а Денис спрашивал, почему она не говорит по-японски или хотя бы по-итальянски. Сюя обычно молчала.

В четверг у Шона была назначена встреча с двумя священниками, знавшими иные, более эффективные способы добиться решения по его делу. Шон всерьез надеялся, что священники подскажут ему, в каком направлении двигаться. Анджела сказала, что приедет в Остию как обычно. Это был всего лишь третий визит, но уже сейчас ее пребывание на вилле казалось естественным. Анджела даже обрадовалась, что Шона не будет дома. Возможно, Сюя разговорится и выразит те мысли, которые Шон ей приписывал. Японка вела себя очень тихо, и Анджела с трудом верила в то, что она была автором философских заявлений, пересказанных Шоном. Сюя не произносила ни слова в присутствии Анжелы, подавала на стол скромные салаты и пасту, словно служила горничной, и сидела чуть в стороне, пока все ели. Но без Шона Сюя поневоле заговорит.

Сначала Сюя покорно позволила юному Денису поболтать с тетей, но Анджела положила этому конец. Она попросила Дениса найти для нее в саду листья десяти разных видов – по одному листу для каждого вида – и разложить их на бумаге, чтобы затем подписать их названия. Довольный Денис ушел выполнять задание. Лаки играла с толстым итальянским малышом примерно ее возраста. Женщины были предоставлены сами себе. Сюя, казалось, поняла это и сидела, сложив на груди руки, ожидая, пока Анджела заговорит.

Это было трудно, потому что Анджеле пришлось долго обо всем расспрашивать. Сюя послушно отвечала. У нее было три брата и две сестры. Ее мать умерла, а отец снова женился. Да, им нравилась его новая жена, но теперь отец жил с родственниками новой жены, и дети редко его видели. Шон нравился ее семье. Нет, они не задумывались о

том, что он был священником. И по-прежнему остается священником, по словам Анджелы. Нет, они относились к его сану как к работе: к примеру, Шон преподавал, когда был священником, и он все еще преподает. Раньше он был холост, а теперь женат на Сюе. Это было так просто.

При тщательном допросе выяснилось, что Сюя знает о ряде осложнений. Она сказала, что служение Богу – это великое дело, которое похоже на брак с церковью. Церковь освободит тебя, если ты обретишь высшее счастье. Но этот путь сопряжен со множеством формальностей. Вот почему они здесь, вот почему Шон снова отправился в Ватикан, куда ездил изо дня в день.

Нет, разумеется, для Сюи процедура лишения сана не имела ни малейшего значения. Но это важно для Шона и поэтому стало важным для нее тоже. Она хотела, чтобы это произошло, на радость Шону. Тогда они бы смогли жить дальше.

Анджела ступила на минное поле и продвигалась вперед очень осторожно. Где бы они хотели провести остаток жизни? Сюя толком не знала. Разумеется, они любили Италию. Любой, у кого есть дети, был бы рад побывать здесь, ведь итальянцы обожают детей. А потом? Наверное, Шон захочет преподавать в школе. Он очень умный и хорошо преподает. Он бы предпочел преподавать и жить при школе. Тогда в ту же школу пошел бы Денис, а для Лаки они бы нашли школу по соседству.

И где должна находиться эта школа? В Италии, Японии или где-то еще? Сюя не знала, где именно, но, безусловно, где-то в Ирландии. Она не была уверена, понимает ли это Шон, но, конечно, это должна быть Ирландия.

Тогда Анджела рассказала Сюе об Ирландии и Каслбее. Сюя ни разу ее не перебила, как Шон. Сюя не выдвигала громогласных опровержений и утверждений о том, что мир изменился. Она словно слушала сказку о далекой стране и безоговорочно верила Анджеле, потому что та говорила о своей земле. Сюя молчала во время рассказа о поиске денег на рукоположение Шона, о триумфе на его первой мессе, а затем на его первой мессе в Каслбее, а также о возвращении Шона семь лет назад на похороны отца. Сюя выглядела такой безучастной, что Анджела задалась вопросом, поняла ли японка хоть что-нибудь из ее рассказа. Анджела пыталась объяснить, что мнение и

слова римского духовенства ничего не значат дома в Ирландии – вне зависимости от того, лишен священник сана или нет. Даже если в глазах Бога и государства его брак будет белым и чистым, как выпавший снег, общество никогда его не примет.

Анджела призывала Сюю задавать вопросы, чтобы оспорить ее слова. Сюя возразила, что нет смысла что-либо оспаривать. Анджела, очевидно, говорила правду, но это значит, что Шон никогда не сможет вернуться в Ирландию? Не это ли пыталась объяснить Анджела?

Да. Совершенно верно. Именно это Анджела пыталась донести до Шона в письмах и во время их встречи в Риме. Разве Шон не рассказывал Сюе об этом? Конечно рассказывал, но потом, когда Анджела согласилась приехать во вторник, а затем вернулась в среду и сегодня, Шон решил, что его простили и что все будет хорошо. Он надеялся, что это произойдет, и это произошло.

К женщинам подошел Денис с охапкой листьев. Он хотел разложить свою коллекцию, чтобы обсудить и установить происхождение каждого листа. Анджела устало провела рукой по лбу. Теперь она увязла в истории брата глубже, чем когда-либо. Ее приезд послужил позитивным сигналом, которого ждал Шон. Сможет ли она когда-нибудь выбраться из этой трясины непонимания или продолжит затягивать в нее всех и каждого?

Сюя впервые проявила инициативу. Она предложила Денису и Лаки пообедать и провести сиесту в доме напротив. Денис обиделся, чувствуя, что его обделили вниманием.

– Когда вы вернетесь, тетя Анджела еще будет здесь, – успокоила Сюя детей, пока вела их по булыжной мостовой, вручив им конфеты от Анджелы в качестве компенсации.

Сюя отправила детей в дом садовника, чья жена тоже работала в бельевой. Когда садовник уходил на рынок, к его жене навевался молодой любовник, и в таких случаях Сюя забирала детей садовника к себе, так что обмен был честным и взаимовыгодным. Анджела поразились бурной жизни прислуги и невозмутимому отношению Сюи. Однако обстоятельства сработали в ее пользу, и Анджела не собиралась никого осуждать.

Сюя выглядела моложе и энергичнее, когда вернулась. Беседа с ней вышла на новый уровень. Сюя почувствовала проблему там, где не ожидала, и теперь хотела услышать, узнать и понять, что можно

сделать. Теперь говорила она, задавая вопросы – в основном те, на которые не было ответов. Например, почему истинно верующие могут не признать документ за подписью папы римского, даже если в нем будет сказано, что Шона освободили от всех обетов? Почему те, кто якобы следует заповедям, основанным на любви к ближнему, скупы на любовь? Анджела была беспомощна. Но она не кипятилась, не защищалась и не придумывала оправданий, поэтому разговор не превратился в гневную перепалку. Анджела спросила о Японии: разве у японцев не было своеобразного кодекса чести, который постороннему мог показаться странным? Сюя помолчала. У них было ко – принцип сыновней почтительности, но это было не то же самое, о чем просили здесь. Согласно ко, дети должны слушаться родителей, а женщина – уважать свекровь. Однако в Японии не было ни учения, предполагавшего сокрытие правды, ни идеи лжи во спасение.

Солнце проникло сквозь щели в ставнях, и Анджела почувствовала сильную печаль и усталость. В Риме Шон склонился над еще более объемной стопкой документов в окружении еще большего числа священников. В Каслбее соседи убрали со стола в коттедже ее матери остатки ланча. На улице завывал холодный ветер. Матушка Иммакулата в монастыре готовила расписание занятий на летние месяцы. В Амальфи Кевин и Эмер держались за руки после обеда в прибрежном ресторанчике или плыли на лодке в сторону Капри. В лавке О'Брайена Клэр рассказывала об экзамене, признаваясь, что ждет не дождется возвращения мисс О'Хары, чтобы посвятить ее во все подробности. А она сидит здесь, с этой женщиной, обсуждая, что такое честность, правда и лицемерие. Анджела захотела свернуться калачиком и проспять целый месяц, проснувшись тогда, когда все уладится. Она подумала об этом с такой тоской, что чуть не пропустила мимо ушей слова Сюи:

– Тогда, я думаю, нам лучше пока не ехать в Ирландию. Наверное, будет лучше, если Шон изменит кое-что в своих мечтах?

– Что?

– Если он на время оставит надежду вернуться в Ирландию.

– Ты думаешь, он это сделает? Он твердо верит, что все будет хорошо. Я наизнанку вывернулась, а его мнение ни капельки не изменилось.

– Хорошо, я ему объясню.

– Сюя, как ты можешь что-то ему объяснить? Он подумает, что я пыталась тебя запугать или плела интриги за его спиной.

– Но это не так.

– Я знаю, что это не так. Я готова повторить при нем каждое свое слово, но он тысячу раз меня перебьет, утверждая, что я не понимаю того и этого, не имею представлений о моральном законе, каноническом праве...

– Я знаю.

Анджела не смела поверить, что эта странная некрасивая женщина с морщинистым лицом в одежде нищенки сможет в чем-либо убедить ее статного красавца-брата.

– У тебя получится? Я думаю, это сделает всех счастливее. Не только нашу мать. Других людей тоже. Будет лучше, если им не придется сталкиваться с этим лицом к лицу. Мне трудно в этом признаться, особенно с учетом того, что я знаю тебя и ваших детей. Я не думаю, что это справедливо или правильно, но я понимаю, как обстоят дела.

– По-моему, ты права, – кивнула Сюя.

Воцарилось молчание. Неужели Анджела добилась своего?

– Что вы будете делать, если не вернетесь в Ирландию? – робко уточнила она.

– Наверное, останемся здесь до конца процедуры лишения сана, а потом... – Сюя пожала плечами. – Процесс в любом случае займет много времени, если вообще увенчается успехом.

– Думаю, Шон продолжит попытки.

– По его словам, это похоже на официальный контракт с Богом. Его официально заключили, а теперь нужно официально расторгнуть. Как деловое соглашение. Ни Бог, ни Шон не должны уваливать от исполнения своих обязательств.

– Ну, в каком-то смысле Бог выкрутился, если отнял у Шона веру в свое призвание. – Анджела отчаянно пыталась быть справедливой.

– Самое большое испытание – это письма вашей матери.

– Я знаю. Знаю. Но что мне делать? Не отправлять их или вообще не писать? Или писать что-то вроде сухих отчетов от ее имени?

– Это тяжело, – признала Сюя. – А тебе тяжелее всех.

Анджела подняла глаза, удивленная и тронутая неожиданным сочувствием. Брат никогда не разговаривал с ней таким мягким и

понимающим голосом.

– Я справлюсь, – ответила она со слабой улыбкой.

– Да, но ты совсем одна, твои сестры в Англии тебе не помогают. Никто даже не упоминает о них. Очевидно, что они не могут или не хотят помочь. У себя на родине ты ни у кого не ищешь поддержки – ни у друзей, ни у священника. И ты не жалуешься. Ты даже тратишь свою зарплату, чтобы нас навестить, хотя считаешь, что нам не место рядом с твоим братом и что Шону следовало оставаться священником.

Анджела не могла подобрать слов.

– Тебе... Тебе тоже непросто, ведь у тебя тоже ничего нет, – запинаясь, пробормотала она.

Недоверчивая улыбка осветила некрасивое лицо Сюи.

– Но у меня все есть. У меня есть все на свете.

Словно по сигналу, на другой стороне двора показались две детские фигурки и заковыляли вперед: Денис, придавленный еще большим ворохом листьев, и Лаки, чье довольное личико было после ланча густо измазано томатным соусом для спагетти.

В пятницу Анджела приехала снова. Шон был по-прежнему полон надежд – два священника, с которыми он познакомился накануне, очень ему помогли, показав, как можно все упростить. «Всегда выбирай прямой путь, – посоветовали они. – Не позволяй ввести себя в заблуждение, не блуждай боковыми аллеями». Сердце Анджелы упало, пока она слушала брата. С ее стороны было глупо тешить себя надеждой, что Сюя заставит его передумать.

Затем Шон сказал:

– Мы с Сюей разговаривали прошлой ночью. Она сказала кое-что очень интересное. Знаешь, она умеет проникнуть в самую суть.

Сюя в это время находилась в бельевой комнате синьоры, где постигала суть идеальной штопки, нанося мелкие стежки на потертые шелковые наволочки.

– Что же она сказала?

– Мы обсуждали, чем город отличается от деревни. В Японии то же, что и здесь. В сельской местности люди медленнее воспринимают то, что происходит в мире, и сопротивляются переменам. Требуется гораздо больше времени, чтобы убедить в чем-либо сельских жителей. Разумеется, это не их вина.

Анджела, набравшись терпения, слушала брата. Возможно, она немного напоминала Сюю: сложив руки на груди, ожидала, когда Шон перейдет к делу.

– Конечно, все изменится, но в свое время. Нельзя торопить людей, требуя, чтобы они придерживались твоего темпа. Принимая во внимание абсолютные ценности, возможно, разумнее не спешить до тех пор, пока рост признания не достигнет нужного уровня. Пока общественная поддержка не станет настолько широкой, что любые сомнения и разночтения исчезнут. Таким образом можно минимизировать ущерб, сгладить острые углы в спорах и выстроить отношения между людьми на основе любви, а не буквы закона...

Анджела с облегчением закрыла глаза. Шон в своей обычной витиеватой манере сообщал сестре, что не собирается возвращаться в Каслбей.

В субботу друзья с грустью покидали Рим. Отец Флинн приехал в аэропорт, чтобы их проводить, – точно так же он приветствовал их компанию десять дней назад.

– Все прошло хорошо? – спросил он у Анджелы, пока остальные разбирались с багажом.

– Что?

– Тебе было нужно в чем-то разобраться?

Анджела пристально посмотрела на отца Флинна. Еще один ирландский священник в Риме. Шон бездумно болтал о своих делах на каждом углу. Возможно, отец Флинн все знал с самого начала. Но Анджела не собиралась ни в чем признаваться.

– О да, за эти несколько дней я прекрасно разобралась в себе. Я очень люблю Италию. Я уезжаю с разбитым сердцем, как и все остальные.

– Может быть, ты еще вернешься?

– Это обойдется в целое состояние.

– Я уверен, что это оценят по достоинству, – ответил отец Флинн и переключился на другую тему.

Он смеялся, улыбался и задавался вопросом, что будет делать в следующий вторник, на который у него не назначено ни одной важной свадьбы.

Путь домой стерся из памяти Анджелы. Наверное, она поговорила с друзьями, попрощалась и пошла на станцию, чтобы успеть на обратный поезд. Потом она пересела на автобус до Каслбея. Клэр ждала на остановке. Еще за добрую сотню ярдов Анджела поняла, что девочка выиграла конкурс на стипендию, и расплакалась. Она плакала, выходя из автобуса, но Клэр приложила палец к губам.

– Ничего не говорите, мисс О’Хара, ничего не говорите, об этом знаем только мы с вами. Ни мать Иммакулата, ни мама с папой. Я хотела сначала рассказать вам.

– Ты не представляешь себе, как я счастлива. У меня нет слов объяснить, как я рада.

Клэр подняла учительскую сумку.

– Я провожу вас домой. Мы сможем поговорить, когда на нас никто не смотрит.

Девочка была права. Иначе спустя полчаса вся округа узнает, что мисс О’Хара и Клэр О’Брайен плачут и обнимаются на автобусной остановке.

Они шли по дороге, ведущей к полю для гольфа. Клэр захлеб рассказывала о том, как монахиня – очень милая монахиня из городского монастыря – попросила ее позвонить за день до оглашения официальных результатов, просто на случай, если будут какие-нибудь новости. И Клэр позвонила сегодня утром – и да, монахиня подтвердила, сомнений нет, мать настоятельница позвонит завтра матери Иммакулате. Это абсолютно точно.

Они добрались до дома О’Хары, и Анджела переступила порог.

– Вас лучше оставить одну... на какое-то время? – замялась Клэр.

– Конечно же нет. Мама! Мама, я вернулась.

Пожилая женщина сидела в кресле; ее лицо просветлело.

– Я надеялась, ты поедешь на автобусе. В самолете было очень страшно? У тебя была с собой святая вода?

– Полные чемоданы. Мама, у меня отличная новость. Лучшая.

Анджела опустила руки на плечи матери и внезапно вспомнила, что лучшей новостью для старушки было бы скорое возвращение отца Шона.

Она поспешила выпалить:

– Клэр сделала это, мама, она выиграла! Разве это, черт возьми, не чудесно?

Анджела бросилась к столу и заплакала так, словно у нее вот-вот разорвется сердце. Слезы, которые не успели пролиться в Риме, потоком хлынули из глаз. Плечи тряслись.

Клэр и миссис О'Хара встревоженно переглянулись. Анджела молча рыдала. Миссис О'Хара протянула руку, но сидела слишком далеко, чтобы утешить дочь. Клэр не знала, подойти к учительнице или не стоит. Она неуверенно коснулась руки мисс О'Хары и неловко похлопала по ней.

– Не плачьте, – попросила она. – Пожалуйста.

Из кресла неслись слова поддержки:

– Анджела, пожалуйста, перестань плакать, мы должны радоваться за Клэр. В этом доме никто не рыдал, когда ты получила стипендию.

Она подняла голову и увидела перед собой два потрясенных лица. Ее собственное лицо пошло красными пятнами. Но она нашла то, что требовалось, – силы и хорошее настроение.

– Это из-за поездки. Такое потрясение и радость, одна сплошная радость. Молодец, Клэр, молодец, пусть это будет твоей первой победой. Впереди тебя ждет много других.

Анджела улыбнулась сквозь слезы, и внезапно Клэр тоже захотелось заплакать. Но это было бы нелепо. Вместо этого она сделала нечто гораздо более нелепое: бросилась в объятия мисс О'Хары, и они вдвоем с веселыми криками закружились по комнате. Миссис О'Хара хлопала в своем кресле в ладоши, и они смеялись, как люди, которые давно позабыли, над чем смеются.

Часть II

1957–1960

Делить комнату с Крисси, когда Клэр возвращалась на каникулы домой, было невыносимо. Крисси засовывала скомканные чулки в ботинки, от ее одежды разило потом, а туалетный столик был густо покрыт пудрой, россыпью заколок и расчесок с зубьями, в которых застряли спутанные пряди кудрявых волос. На кровать младшей сестры Крисси сваливала свою одежду и очень неохотно ее убирала, когда из пансиона приезжала соседка по комнате.

Клэр с тоской вспоминала общежитие, маленькую чистую белую кровать и стул с аккуратно сложенной в ожидании нового дня формой, поверх которой крест-накрест лежали чулки. Общежитие всегда хорошо проветривалось. Иногда в нем было холодно, зато в комнатах никогда не стоял, как в спальне Крисси, удушливый запах человеческих тел. Хуже всего были забрызганные кровью белые халаты. Дома никак не могли договориться, кто обязан стирать эти халаты и где надлежит это делать, и, пока длился спор, пара-тройка халатов обычно мокла на полу. Клэр прятала их под грудой другой одежды, чтобы не гадать, из какой части тела неизвестного мертвого животного на живот Крисси брызнула кровь. Клэр с отвращением оглядывалась по сторонам.

Она знала, что должна пожалеть Крисси, но легче от этого не становилось. В жизни сестры не было ни малейшего просвета – она стояла в мясной лавке Двайера и разрубала на куски туши мертвых овец и коров. В ее работе не было ни капли гламура, упоминание о ней не прибавляло Крисси очков на танцах, когда парни спрашивали, где она работает. Клэр не раз предлагала сестре сменить работу. Может быть, перебраться в аптеку? И ежедневно терпеть занудство старого мистера Мерфи, который держал собственных дочерей взаперти? Нет, благодарю покорно. Или в отель? Разносить тарелки с ужином или мыть посуду для молодой миссис Диллон и ее сумасшедшей старой свекрови? Нет, спасибо, даже если Клэр с ними ладит. Крисси предпочитала сама зарабатывать себе на жизнь и забывать о работе, уходя вечером домой.

Клэр надеялась, что ей выделят так называемую комнату мальчиков на первом этаже, где спали Томми и Нед, когда много лет назад жили дома. Но мама с папой сказали, что эту комнату придется использовать как кладовую. Торговля шла лучше, чем когда-либо прежде, и дополнительная кладовая была необходима. Новая стоянка для туристических фургонов на Фар-Клифф-роуд сулила рост прибыли. Люди из кемпинга сметали все подряд; они почти не готовили, поэтому в основном покупали холодную ветчину и консервы. Когда они выходили за пределы стоянки, первым магазином у них на пути была лавка О'Брайена на самом верху лестницы, спускавшейся к морю. Мало кто заходил дальше. Туристы запасались продуктами на целый день, который проводили на пляже, а на обратной дороге покупали что-нибудь к чаю. Это было прекрасно, но подразумевало, что комната мальчиков перестала быть спальней. Клэр понимала, что должна свести ссоры с сестрой к минимуму и спорить только по действительно важным причинам.

У мисс О'Хары и Клэр был еще один секрет: очередной конкурс на стипендию и новый сверхамбициозный проект. Клэр О'Браиен решила подать заявку на стипендию графства. Одному-единственному студенту в целом графстве предлагали место бакалавра в Университетском колледже Дублина для изучения гуманитарных наук. Это была так называемая премия Мюррея. Некто мистер Мюррей, давно покойный, выделил для нее деньги. Конкуренция была очень жесткой. Обычно премию выигрывал способный мальчик из семинарии. Но три года назад победила девочка – очень умная девочка, дочь профессора. Клэр и мисс О'Хара решили вступить в игру.

Премию присуждали на основании оценок в аттестате об окончании средней школы и результатов личного собеседования.

Обладатели достаточного числа оценок с отличием объявляли о желании участвовать в конкурсе, и их вызывали выступить перед комитетом. Получить от комитета Мюррея приглашение на собеседование уже было честью, о которой становилось известно только в конце августа. Сначала должны были прийти результаты экзаменов. Мисс О'Хара умоляла Клэр наслаждаться летом, ведь это могло быть ее последнее лето свободы. Если Клэр поступит в университет, она будет учиться и подрабатывать, ведь стипендия Мюррея не покрывала всех расходов. Если же Клэр не поступит, то

будет трудиться летом до конца своих дней, так что стоит провести последнее лето без лишних забот.

«Заведи легкий роман», – посоветовала мисс О'Хара и смущенно добавила, что Клэр превратилась в красивую девушку и следует извлечь из этого максимум пользы.

Клэр посмотрела на себя в зеркало. Она хотела осветлить волосы и пользовалась шампунем, производители которого обещали подчеркнуть светлые пряди. Однако заметных перемен в цвете волос не произошло; возможно, подчеркивать было нечего. Клэр могла добавить немного перекиси в воду, когда мыла голову, по примеру девочек в школе. Но одного взгляда на выжженные перекисью пушистые волосы Крисси было достаточно, чтобы настроить ее против этого средства, даже если бы оно не пахло. Клэр резко вытянулась в четырнадцать лет. Никто этого не ожидал, и меньше всех – сама Клэр. Ее очень раздражала прибавка в росте. Школьную форму пришлось расшивать и использовать накладной подол. Клэр собирала волосы в хвост красивой пластиковой заколкой. Крисси говорила, что сестра похожа на лошадь, но Клэр не обращала внимания на колкости. Одним из преимуществ учебы в пансионе было знакомство с новыми людьми, которых можно было сравнить с Крисси. Клэр больше не верила старшей сестре и не чувствовала себя подавленной, хотя Крисси постоянно осыпала ее едкими оскорблениями.

Клэр хотела, чтобы у нее были голубые глаза. Она считала, что карие плохо сочетаются с цветом ее кожи. Если бы она была похожа на Аву Гарднер или будь у нее смуглое-пресмуглое лицо, тогда большие карие глаза ее бы украсили. Клэр полагала, что карие глаза плохо смотрятся на фоне светлых волос и кожи, но ничего не могла с этим поделать. Джози утверждала, что с ее глазами все в порядке, более того, они выглядели необычными – так-то вот! По мнению Джози, Клэр должна радоваться, а вовсе не жаловаться.

К тому времени Джози добилась больших успехов. Она работала в администрации отеля и носила белую блузку с оборками и брошь камео. За те два года, что она прожила в доме тети, пока училась в финансовом колледже, Джози сильно похудела. Ее тетя была самой злой женщиной в Ирландии и кормила племянницу очень скудно. Но все было к лучшему. Роза и Эмили потрясенно оглядывали сестру, когда возвращались домой сначала из школы-пансиона, а потом из

колледжей гостиничного бизнеса и общественного питания. Медлительная, толстая Джози научилась печатать на машинке с ураганной скоростью, разбиралась в счетоводстве и овладела основами бухгалтерского дела. Она помогала отцу, дяде Дику и матери более уверенно, чем они могли себе представить. Роза и Эмили очень завидовали сестре, которую привыкли называть бедняжкой Джози. Они даже пожаловались родителям, когда увидели, как Джози, переодевшись в белое, играет в теннис с Клэр О'Брайен из магазина. Джози отреагировала спокойно. Они с Клэр занимались теннисом по утрам с восьми до девяти, а потом шли трудиться на благо семейного бизнеса, Джози – в отель, а Клэр – в магазин. Снова на корт они приходили уже в семь вечера. В распоряжении Розы и Эмили был целый день, чтобы поиграть, было бы желание. Возразить было нечего, поэтому Роза и Эмили только скрипели зубами от раздражения, ведь вдобавок ко всему Джози и Клэр хорошо владели ракеткой и часто играли пара на пару с гостями отеля.

Клэр и Джози перепало больше веселья на танцах, чем Розе и Эмили, ошибочно полагавшим, что, вернувшись домой, они будут выглядеть лакомой экзотикой, как приезжие из Дублина. Но туристы не вникали, кто откуда приехал, а местные парни хорошо знали двух девушек, которые все время были рядом, поэтому Клэр и Джози никогда не оставались без партнеров.

Перегнувшись через перила балкона и наблюдая, как Джози лихо отплясывает под песню Билла Хейли «See You Later, Alligator», Эмили как-то вечером громко посетовала, что мелюзге слишком легко все дается. Их ждет теплое место в отеле без необходимости изучать гостиничный менеджмент. У них все просто, их жизнь – сплошные каникулы. Крисси О'Брайен, еще одна девушка, вечно подпиравшая на танцах стенку, тоже следила за младшей сестрой с непримиримой яростью. Она заявила, что в жизни нет справедливости. Розе и Эмили пришлось отойти в сторону. Сестры Диллон, конечно, злились, но вовсе не собирались вступать в союз с ужасной Крисси О'Брайен.

Ноланы по-прежнему приезжали в Каслбей. Они стали неотъемлемой частью прибрежного поселка – по крайней мере, мистер и миссис Нолан.

– О Джеймсе так ничего и не слышно, – вздохнула Джози.

– Может быть, он приедет этим летом и ослепнет от твоей красоты, – предположила Клэр.

– Нет, я расспросила его мать. Он во Франции. Собирает виноград с Дэвидом Пауэром. Можешь представить себе затею глупее? Эта парочка на сборе винограда! Им не нужны деньги. Почему они не в Каслбее – там, где их ждут?

– Странное время года для сбора винограда, – задумчиво произнесла Клэр. – Я думала, виноград созревает намного позже.

– Может быть, они замышляют что-то нехорошее. Наверное, завели себе любовниц-француженок. – Джози вознамерилась довести себя до отчаяния.

– Лучше бы они готовились к экзаменам, – чопорно заметила Клэр.

Дэвид Пауэр к этому времени был на четвертом курсе медицинского колледжа, а Джеймс Нолан получил степень бакалавра экономики, но ему еще предстояло сдать выпускной экзамен в адвокатуре. Джози была права: они были слишком взрослыми и утонченными, чтобы собирать виноград во Франции. Но они также были слишком взрослыми и утонченными, чтобы приезжать в Каслбей.

Письмо привело Молли Пауэр в восторг. Помимо всего прочего, оно содержало просьбу уведомить Ноланов. Дэвид и Джеймс собирались приехать в следующий четверг. Во Франции все сложилось не так, как они надеялись, подробности последуют позже, а пока они хотят вернуться в Каслбей. Размахивая письмом, Молли выбежала на подъездную дорожку, услышав, как шуршат по гравию колеса машины. Это приехал Пэдди.

– Отличные новости! Дэвид возвращается домой на следующей неделе.

Лицо Пэдди просияло от удовольствия.

– Бонс, Дэвид едет домой, – сказал он, и пес трижды обежал вокруг машины с радостным лаем.

Пэдди Пауэр взял жену за руку, и они присели на садовую скамейку, любуясь морем. День выдался поистине райским.

Из кухонного окна выглянула Нелли:

– Вы уютно устроились, оставайтесь на месте. Я вынесу ужин на улицу.

Прозвучал вежливый протест.

– Ну конечно, это же не подобает аристократам, – ответила Нелли и закрыла окно.

Супруги улыбнулись друг другу, очень довольные тем, что их сын возвращается домой.

– Я сегодня договорился, чтобы старую миссис О’Хару отправили в больницу графства на пару недель. Под наблюдение.

– Почему? Что стряслось?

– Ничего, насколько я могу судить. Ничего нового. Она болеет уже долгие годы. Я просто хочу устроить Анджеке небольшой отпуск. У нее почти не бывает передышки. Пусть она насладится этим летом. Господи, она живет в месте, куда рвется половина Ирландии и почти половина Англии... но она никогда не выходит на улицу, чтобы получить удовольствие от курортной жизни.

– Ты очень заботливый, – сказала Молли, нежно коснувшись его колена.

– Она всегда мне нравилась. Не лыком шита. Это смешное выражение, оно не подходит для таких людей, как мы, но очень точное. Мне кажется, юная Клэр О’Брайен тоже не робкого десятка. По-моему, она похожа на отражение Анджели О’Хары.

– Правда? – нахмурилась Молли.

– Они одинаково вскидывают подбородок и делают свое дело, несмотря ни на что.

Доктор Пауэр улыбнулся при этой мысли.

– Я так не думаю, – покачала головой Молли. – Анджека, безусловно, обладает сильным духом, и это замечательно, что она добилась успеха, с учетом...

Молли не выразила вслух осуждения в адрес Динни О’Хары и попыталась скрыть, что жизнь, сопряженная с уходом за пожилой женщиной, не вызывает у нее сочувствия. Доктор Пауэр проглотил свое раздражение. Он ненавидел, когда Молли строила из себя великосветскую даму.

– Что ж, Клэр О’Брайен не за что извиняться. Только за то, что она родилась бедной и преодолела все трудности.

– Она родилась хитрой. Пэдди, ты слишком добрый и не видишь сути, которую способна разглядеть женщина. У Клэр О’Брайен лживые глаза.

– Молли!

– Ты же говоришь то, что думаешь, а я говорю то, что думаю я.

– Но это глупо. Глупо говорить такое о ребенке.

– Кое-что из того, что ты делаешь и говоришь, мне тоже кажется глупым, но я не отпускаю замечаний по этому поводу.

– Хорошо, Молли, хорошо. Жизнь коротка, давай оставим этот разговор.

Почему-то этот день больше не казался доктору Пауэру светлым и ясным.

Джерри Дойл подъехал к коттеджу О’Хары ближе к вечеру. Он должен был подвезти мать с дочерью до больницы.

– У вас столько времени, сколько потребуется, – сказал он им. – Я никуда не спешу, можете не торопиться.

Но женщины уже собрались: миссис О’Хара дрожала, опасаясь тряски в фургоне этого разухабистого сорванца, Анджела была бледна и встревожена. С ними был маленький, тщательно упакованный чемоданчик.

– Ну что же, тогда поехали?

Джерри отлично подходил на роль водителя. Его не слишком беспокоило состояние миссис О’Хары, поэтому он не интересовался ее самочувствием, зато у него было припасено много тем для легкой, непринужденной беседы, чтобы отвлечь Анджелу. Доктор Пауэр сказал, что Джерри по вторникам ездит в город за оборудованием и расходными материалами и ему не составит труда подбросить женщин до больницы. Доктор Пауэр даже сам сходил в фотоателье Дойла, чтобы избавить Анджелу от необходимости лично просить парня об услуге.

Усаживая пожилую женщину в фургон, Джерри проявил заботу и смекалку:

– Сперва объясните, какие движения причиняют вам боль, чтобы я не заставлял вас их совершать.

Миссис О’Хара задумалась. Хуже всего у нее гнулись ноги. Джерри понял, как решить проблему. Он принес коробку, на которую

старушка смогла встать, чтобы затем сесть на переднее сиденье фургона. Анджела вытянула ей ноги прямо, насколько это было возможно. Миссис О'Хара выглядела довольно бодрой. Анджела забралась на заднее сиденье.

– Вы очень проворны для женщины вашего возраста, – сказал Джерри, улыбаясь ей в зеркало заднего вида.

– Пожалуйста, хватит нести эту чушь, я легко обойду тебя на длинной дистанции. Твоему поколению не хватает выносливости, – улыбнулась в ответ Анджела.

Джерри был красивым парнем. Он всегда ей нравился. Гораздо больше, чем его сестра. Анджела часто спрашивала себя, чем ее не устроила Фиона Дойл, но так и не пришла к удовлетворительному выводу. Юные Дойлы были хорошими ребятами. После смерти отца они не только сохранили семейное дело, но и добились процветания. Значительный рост числа туристов означал повышение спроса на снимки. Летом Дойлы наняли в помощь еще одного фотографа. Они выкрасили свою маленькую будку на утесе в яркий цвет и отлично поработали, обходя дома вдоль Клифф-роуд и Фар-Клифф-роуд. Они делали семейные снимки, которые увеличивали и помещали в маленькую картонную рамку. Почти каждая семья хотела получить подобный сувенир – что-то, что можно показать дома родне, вернувшись из отпуска. Ради снимка малыша Джимми срочно забирали из парка аттракционов, малыша Эдди возвращали с пляжа, а мама переодевалась в нарядное платье, пряча подальше бутылочку с молоком.

– Твоя лучшая ученица вернулась из школы домой, – сказал Джерри.

– Да, она действительно лучшая, – с гордостью подтвердила Анджела. – Я возлагаю на нее большие надежды. Это правда.

– Я тоже, – лукаво улыбнулся Джерри. – Очень большие надежды.

– Перестань вести себя как злодей пантомимы, – сердито буркнула Анджела.

«Нельзя допустить, чтобы Джерри Дойл отвлекал Клэр перед собеседованием, – подумала она. – Только бы он не добрался до Клэр до того, как она выиграет премию Мюррея».

Сотрудники больницы Святой Терезы были очень добры к миссис О'Харе. Смена обстановки ее устраивала. Все было новым и интересным. Старушку поместили в маленькую палату, украшенную высокой статуей святой Терезы с букетом роз и распятием в руках. Миссис О'Хара питала к этой святой особую привязанность. Пациентка на соседней койке состояла с миссис О'Харой в дальнем родстве по браку, поэтому женщины часами перебирали в памяти имена давно умерших людей и, понизив голос, обсуждали тех, чья карьера сложилась не слишком блестяще. Анджела испытала огромное облегчение, убедившись, что о матери хорошо заботятся. Доктор Пауэр был прав: перемена пошла старушке на пользу.

Первые несколько дней после отъезда матери Анджела провела в большой весенней уборке. Она предпочитала не красить стены, пока в доме находилась прикованная к креслу женщина, вынужденная терпеть едкий запах краски. Анджела сдвинула мебель на середину комнаты и начала убирать книги и украшения. На работу ушло намного больше времени, чем она ожидала, но занятие было спокойным и мирным. Она сидела на стремянке, вытирая пыль с книг и между делом читая их, полируя украшения и вспоминая, кто их подарил и откуда они взялись. Прошло несколько дней, прежде чем Анджела приступила к покраске.

Она дважды заходила в больницу, где ее заверили, что миссис О'Хара счастлива под хорошим присмотром. Для Анджелы это был настоящий отдых. Покраска дома по утрам, прогулка до отеля, иногда сэндвич с Диком Диллоном, который по-прежнему оплакивал вынужденный отказ от выпивки и отстранение от управления отелем. Потом она спускалась на пляж и купалась. Здесь ей встречалось по меньшей мере двадцать знакомых, нынешних и бывших учеников, жителей Каслбея, гревшихся на солнце. Обычно она брала книгу и садилась у поросшего травой подножия утеса. Потом, когда становилось очень жарко, бежала к морю и сражалась с волнами.

Однажды Анджела наткнулась на маленькую девочку, которую волны сбивали с ног всякий раз, когда она поднималась. Анджела подхватила малышку на руки и вынесла из воды. Именно с такими детьми случались несчастья, об этом рассказывал доктор Пауэр. Пэдди всегда переживал из-за туристов, не знавших о мощных подводных течениях и опасности волн. Анджела неожиданно для себя

обнаружила, что со слезами на глазах убеждает семью уделять больше внимания маленькому ребенку, иначе его унесет в море. Удивленные родители были полны благодарности. Перед тем как уйти, Анджела случайно услышала обрывок их разговора. Они предположили, что у нее самой, вероятно, когда-то утонул ребенок, поэтому происшествие так сильно ее расстроило. Но Анджела не чувствовала себя расстроенной. Она чувствовала себя прекрасно. Она поняла, что это было первое лето, когда она загорела, регулярно ходила в кино и на танцы.

На танцы Анджела идти не собиралась. Она считала, что тридцатипятилетние женщины в летних платьях и белых кардиганах, с блестящей от лака прической, которые выстраиваются в очередь за билетами в надежде на звездную ночь, выглядят жалко. Даже когда Анджела узнала, что поселковый комитет Каслбея устраивает благотворительный танцевальный вечер, она вовсе не думала туда идти. Комитет установил высокую цену на билет, обещая участникам роскошные призы. Каждое местное предприятие предоставляло собственный приз: бесплатный семейный или групповой портрет от фотоателье Джерри Дойла; дюжина открыток с видами Каслбея в маленькой рамке от миссис Конуэй; баранья нога от мясной лавки Двайера; письменный прибор с блокнотом и конвертами от мисс О'Флаэрти; две большие банки лучшего печенья к послеобеденному чаю от семьи О'Брайен. Собранные средства хотели направить на благоустройство. К примеру, на строительство просторной автостоянки, которая предотвратит загромождение дороги автомобилями, из-за чего невозможно ни въехать в Каслбей, ни выехать из него. Кто-то предлагал разбить большую клумбу на развилке трех улиц при въезде в поселок. Кто-то хотел развесить на Черч-стрит гирлянды, а кто-то ратовал за оборудование пляжа общественными туалетами. Все предложения обсудят зимой в ходе длительных и бурных прений, а пока деньги могут лежать на почте миссис Конуэй хоть целую вечность. Анджела входила в комитет Каслбея как учительница и уважаемый член общины, но ей никогда не приходило в голову, что от нее ожидают участия в танцевальном вечере. Дик Диллон заявил, что так всегда происходит, когда делами заправляют старые зануды и назойливые доброхоты, а теперь – ничего

не попишешь – надо тащиться на эти жуткие танцы, иначе тебя поедом съедят.

– Составишь мне компанию? – спросил он Анджелу таким обреченным голосом, словно просил ее поучаствовать в двойном самоубийстве, спрыгнув с обрыва.

– Конечно, – согласилась она.

Дик подозрительно уставился на нее и буркнул:

– Тогда встретимся у отеля.

– Нет, Дик, джентльмен встречает леди у ее дома, – возразила Анджела, пародируя сразу все фильмы с Дорис Дэй, которые видела.

Даже если Дик и смотрел эти фильмы, он не узнал цитаты.

– Отлично, – сказал он. – Раз я больше не пью, то вполне могу воспользоваться машиной и сесть за руль.

Анджела почти не вспоминала о танцах, пока красила дом. Она решила, что лучше всего разделить большую комнату внизу на две части. Когда одна половина будет покрашена, она расставит книги и безделушки по местам, прежде чем приступить к другой половине. Комната выглядела намного ярче и веселее. Анджела стояла в забрызганном краской халате и со старым шарфом на голове, любуясь проделанной работой, когда к дому подъехала машина. Ее решили навестить Джеймс Нолан и Дэвид Пауэр. Более того, они прихватили с собой бутылку игристого сидра.

Мисс О'Хара была рада их видеть. Она с восторгом следила за их карьерой. Когда никто не мог вспомнить, какие экзамены сдавали Джеймс и Дэвид, Анджела помнила все. Она знала их преподавателей по именам и никогда не задавала неловких вопросов о девушках, тратах на выпивку и цели поездок во Францию.

Парни извлекли из груды мебели стулья и табуретки и уселись, радостно рассказывая обо всем. У высокого светловолосого Дэвида обгорел нос, а низкорослый смуглый Джеймс походил на маленького итальянца благодаря сильному загару, которым друзей наградило французское солнце. У них была куча планов на лето. Два часа занятий по утрам, а затем полная свобода на протяжении дня и ночи. Парни хотели знать, есть ли в поселке перспективные кадры. Их интересовали роскошные блондинки и рыжеволосые красотки с осиной талией и пышной грудью. Анджела ответила, что она бы не заметила ни одной, будь поселок ими переполнен, но советовала

друзьям держать ухо востро, пока Джерри Дойл не прибрал к рукам все, что движется.

– Этот тип все еще в деле? – удивился Джеймс Нолан. – Я знаю, что и сам коротышка, но он-то вообще карлик. Что они в нем находят?

– Не могу поверить, что он по-прежнему строит из себя Ромео, – пожаловался Дэвид. – Он всегда получал девушек, даже пальцем не пошевелив. Я надеялся, его давно раскусили.

– Каждый год урожай, конечно, разный, – уклончиво ответила Анджела.

– Ну а если серьезно, мисс О’Хара?

Дэвид выглядел очаровательно, когда пытался важничать. Он откинул со лба длинную прядь, и волосы встопорщились веером.

– Не могли бы вы как дама... ну, как женщина... рассказать нам, что в нем привлекательного.

– Как женщине мне очень трудно это объяснить. Джерри хороший собеседник, у него приятная улыбка, и улыбается он много. Он не слишком старается угодить, но ему действительно нравятся женщины, даже когда он не флиртует с ними. Это вам поможет?

Анджела переводила взгляд с одного красавца-студента на другого, пока они сидели в ее доме посреди полного хаоса. Оба пребывали в задумчивости.

– Очень даже поможет, – искренне произнес Дэвид. – Он не слишком старается угодить. Думаю, в этом я ему уступаю.

– Не думаю, что мне нравятся женщины так же, как ему. Мне нравятся женщины на уровне идеи, а не как люди, – заявил Джеймс Нолан.

– Жаль, что у меня нет свободной кушетки, – рассмеялась Анджела. – Вы бы легли здесь рядышком, а я бы провела вам сеанс психоанализа. Пожалуй, я могла бы проконсультировать половину жителей Каслбея и сколотить целое состояние. Отец Дэвида присылал бы мне пациентов, отец О’Двайер, возможно, тоже. О! И вся эта бесноватая толпа заходила бы ко мне после танцев на полуночный сеанс, а я бы приводила их в чувство.

У Анджелы отлично получалось сбивать лишний пафос. Дэвид обрадовался, узнав от отца, что миссис О’Хару взяли на лето в больницу. Ему не нравилось навещать мисс О’Хару в присутствии матери, ведь он чувствовал, что обязан говорить с ними обеими.

Дэвид внезапно вспомнил о цели визита:

– Вообще-то, мы заехали узнать, не хотите ли вы пойти с нами на танцы, которые устраивает комитет Каслбея на будущей неделе. Родители идут, и Ноланы тоже. Мы собирались сначала выпить у нас дома, а потом пойти все вместе.

Анджела ответила, что польщена приглашением, но, к сожалению, у нее уже есть кавалер. Новость о том, что это Дик Диллон, взволновала парней. Это роман? Местная любовная история? Размеренная дружба, которая впоследствии перерастет в крепкий союз? Неужели в церкви скоро зазвонят свадебные колокола?

Мисс О'Хара заявила, что негоже так жестоко дразнить старую деву, перезрелую девицу на выданье. Дэвид парировал, что они могут дразнить ее сколько угодно, потому что она вовсе не старая дева. Это был лучший комплимент, который когда-либо получала Анджела, пусть даже никто другой не смог бы его оценить.

Клэр приходила дважды в неделю, чтобы отрепетировать ответы для собеседования и участия в конкурсе на премию Мюррея. Выяснилось, кто будет в составе комитета. Одним из членов жюри стал дядя Джози Диллон по материнской линии. Он работал управляющим в банке, где хранились деньги Мюррея, – это давало ему некое право присутствовать при их выдаче. По словам Джози, дядя был полоумным снобом, который считал отель Диллона в Каслбее низкопробным заведением. Анджела и Клэр все еще ломали голову над тем, как себя с ним вести.

Вскоре после ухода парней появилась Клэр и, втянув воздух носом, с осуждением заявила:

– Здесь воняет выпивкой.

– Что ж, годы дают о себе знать. Когда мы, женщины, достигаем критического возраста, мы становимся такими забавными: двигаем мебель туда-сюда и пьем в одиночестве.

– Но, мисс О'Хара, вы ведь не достигли критического возраста? – рассмеялась Клэр.

– Конечно же нет! Боже, напомни мне никогда не шутить в разговоре с детьми. Господи, обещаю, что больше не буду иронизировать. Выпивку мне преподнесли два юных джентльмена. Они пришли в гости, принесли игристый сидр и пригласили меня на

танцы от комитета Каслбея. Эдакая честь для бедной, дряхлой, одинокой старухи!

– Кто приходил?

– Дэвид Пауэр и Джеймс Нолан.

– Так вы пойдете с ними?

– Нет, я решила оставить поляну свободной для девушек помоложе и попроще. Я иду с дядей Джози. Он действительно первым меня пригласил. А ты идешь?

– Думаю, да. Мы с Джози пойдем вместе. Вам кавалер не нужен. А Джози была бы рада, окажись с ней рядом Джеймс Нолан, он ей очень нравится.

– Скажи ей, пусть притворится, что даже не замечает его. Это сработает. Ну же, давай помоги мне, приподними один конец этой доски, я хочу покрасить стену позади нее. Если я этого не сделаю, то буду с неприязнью вспоминать об этом каждый раз, проходя мимо. По радио сказали, что дождя не будет, – стало быть, мы проведем приятный вечер...

Анджела внезапно замолчала. Клэр не двинулась с места. Она сидела на стуле с расстроенным видом и даже не слушала.

– Что случилось? – спросила Анджела. – Результаты ведь еще не пришли?

Клэр могла впасть в уныние только из-за оценок в аттестате, но их ожидали через две недели.

– Томми в тюрьме, – просто ответила Клэр.

– Томми. Томми?

Анджела так давно не видела старших братьев О’Брайен, что забыла их имена. Она осознала услышанное спустя пару секунд.

– В тюрьме? В Англии? Что он натворил?

– Кража со взломом.

Анджела села.

– Когда ты узнала? Кто тебе сказал?

– Только что. Доставили дневную почту. Кажется, я сразу пошла к вам. Было невыносимо стоять в магазине и думать об этом. Мама будет в отчаянии. Но я справлюсь с этим.

– Боже всемогущий, неужели все так безнадежно? Откуда ты узнала?

– Нед написал. Он не хочет волновать маму и папу, но просит меня предупредить их на случай, если они сами узнают. Что я должна сделать? Сказать им или ничего не говорить? По словам Неда, новость может попасть в газеты, а может и не попасть. Людей по имени Томас О’Брайен много, но Томас О’Брайен из Каслбея всего один. Вот, прочтите письмо... Может быть, вы поймете, чего он хочет. Что я должна делать?

Анджела не протянула руку, чтобы взять исписанные линованные страницы. Она сидела, опершись на колени локтями и обхватив руками голову. Воцарилось молчание.

– Мне не нужно читать письмо. Я и так знаю, чего он хочет, – ответила Анджела. – Он хочет, чтобы решения принимала ты. Он хочет, чтобы ты взяла на себя всю ответственность.

– Почему? – удивилась Клэр.

– Потому что ты не Крисси, которая не знает, какой сегодня день. Ты не твоя мать, которая выплачет все глаза, не отец, который придет в ярость, не Бен и не Джим, которые слишком молоды, чтобы на них рассчитывать. Ты умна и выиграла стипендию, так что это тебе по плечу. Испытание подготовит тебя к любым нагрузкам.

Клэр была поражена тоном учительницы.

– Мисс О’Хара... – начала она.

– Какой срок он получил? – перебила Анджела.

– Нед говорит, два года.

– Тогда это не просто кража со взломом. Наверное, у него было оружие. Вот же дурак.

– Неудивительно, что он никогда не писал домой.

– Если память мне не изменяет, Томми вряд ли умел писать. Что ты думаешь делать?

– Я не знаю. У меня нет информации. Если бы я знала, что это попадет в местные газеты, я бы сказала маме и папе. Но если нет, зачем причинять им боль?

– Правильно, нам нужна информация, как ты и сказала.

– Но у меня нет возможности выяснить...

– У меня есть. Посмотри, нет ли там под газетами блокнота. Я кое-кому напишу, а ты отнесешь письмо на почту до шестичасовой отправки.

– Кому? Что вы напишете?

– У меня есть в Лондоне друг. Он священник, но не такой, как наш отец О’Двайер. Он все для нас выяснит.

– Но разве можно просить об этом священника? Неужели он не...

– Нет, он не будет шокирован. Он один из лучших людей в мире и умеет хранить секреты. Ты нашла бумагу? Я начну прямо сейчас.

Глаза Клэр наполнились слезами благодарности, когда мисс О’Хара написала свой адрес в верхней части листа, и быстро застрочила: «Дорогой отец Флинн, я прошу Вас о помощи. Уже в который раз...»

Отец Флинн оказался на высоте. Его ответ пришел через восемь дней. Священник встретился с Недом, который работал в пабе мойщиком посуды. Это было мрачное место, поэтому отец Флинн подыскал для него новую работу с проживанием. Домовладелец присмотрит за парнем. Священник разузнал все подробности. Томми связался с бандой. Они провернули несколько дел, и шесть месяцев назад Томми получил условный срок за участие в краже строительных материалов. В этот раз они вломились в небольшой ювелирный магазин. Они разбили ломом окно и вынесли товар, не зная, что владелец находится внутри. Ювелир совершил ошибку, поднявшись на ноги. Один из грабителей ударил его сбоку по голове. Ювелир не смог опознать в нападавшем Томми. Когда полиция приступила к поискам, члены банды сбежали и залегли на дно. Попался только Томми с парой безделушек на руках.

Томми заявил, что не знает, кто остальные, и не может их описать. Он настаивал на том, что познакомился с подельниками в тот вечер и они не представились. По словам Неда, банда была довольна стойкостью Томми, он получит свою долю, когда выйдет на свободу через восемнадцать месяцев. Отец Флинн навестил Томми в тюрьме Вормвуд-Скрабс и сообщил, что парень очень ему обрадовался. Поскольку отца Флинна просили о предельной откровенности, он вынужден сообщить, что Томми О’Брайен находится в плохом состоянии, у него не хватает большей части зубов, он не просит ничего, кроме комиксов из тюремной библиотеки, и у него вид законченного неудачника. Поскольку вряд ли было полезно преподносить столько дурных новостей, не предлагая выхода из ситуации, отец Флинн интересовался, можно ли каким-нибудь образом

вернуть Томми в Каслбей после освобождения. Парень не выглядел достаточно сильным, чтобы выжить на том пути, который он избрал, оказавшись в Лондоне. Если возвращение в Каслбей невозможно, отец Флинн попытается присмотреть за Томми, но это будет трудно. Как только Томми выйдет на свободу, ему дадут денег в качестве платы за молчание; и через три месяца он снова угодит за решетку, потому что послушно согласится на новое дело и опять сыграет роль козла отпущения. Что касается огласки, то ее опасаться не стоило. Имя Т. О'Брайена мелькнуло в лондонской вечерней газете, но ирландские газеты его не подхватили. К сожалению, аресты и тюремное заключение людей с ирландскими фамилиями стали обыденным делом и не тянули на сенсацию.

Анджела и Клэр мрачно прочитали письмо. Они не сомневались, что отец Флинн ничего от них не скрыл, как они и просили. Он был именно тем человеком, который должен был выяснить, что происходит. Он никого не осуждал, не ужасался и не делал выводов.

– Интересно, как Томми лишился зубов? Может быть, в драке? – сказала Анджела.

– Может быть, они просто сгнили, – предположила Клэр. – Томми нервничал по любому поводу. Он бы ни за что не пошел к дантисту. Не могу понять, как у него хватило храбрости связаться с бандой. Я была уверена, что он скорее умчится прочь за сотню миль.

Ее лицо было печальным, но голос звучал спокойно. Она не плакала и не выглядела потрясенной, пока читала письмо священника, а тихо сидела, поставив локти на стол и подперев подбородок руками. Анджела заметила, что Клэр обладала способностью вести себя очень апатично. Когда она читала, понять, что она не уснула, можно было только по шелесту страниц. Слушая, она тоже хранила спокойствие. Теперь, узнав о позоре брата, она не упрекала Томми и не оправдывала.

– Не думаю, что ему потребовалась храбрость, чтобы вступить в банду. Наверное, нужно быть смелым, чтобы не связываться с ней. Ты напишешь ему в тюрьму?

Клэр об этом не подумала.

– А какой в этом смысл, если он не умеет читать? Может, лучше притвориться, будто мы вообще не знаем, что он в тюрьме? Думаю,

ему бы хотелось этого больше всего, – сказала она не очень уверенно.

– Слишком поздно. Нед написал тебе, помнишь? Ты не можешь сделать вид, что не знаешь. Ты можешь скрывать правду от родителей и всех остальных, но ты не можешь отрицать того, что знаешь.

– Верно.

– Так ты напишешь ему?

– За шесть лет он ни разу не написал ни мне, ни кому-то еще. Зачем проявлять лицемерие? Или даже хвастаться. Мол, погляди на меня, я добилась успеха, я мечтаю поступить в колледж, а где оказался ты, тюремная пташка?

– Ты бы вряд ли написала такое письмо.

Спокойствие Клэр исчезло, ее глаза вспыхнули.

– По-вашему, я обязана ему написать? Вы бы на моем месте излучали свет, всепрощение и святость. Вы всегда так делаете. Но в мире мало святых, в нем полно простых эгоистичных людей вроде Томми, который занимается воровством, и меня, которая не хочет писать ему благочестивые письма...

Анджела ничего не ответила.

– Мне, конечно, не следует говорить, что у вас все в порядке. Я знаю, что много лет назад у вас была ужасная жизнь, когда ваш отец... Но это все в далеком прошлом, люди забыли об этом, вам нечего скрывать и нечего стыдиться. Вы там, где вы хотите быть, у вас хорошая стабильная работа, уважаемая семья и, ради всего святого, даже брат-священник. А мой беззубый неграмотный брат сидит в Вормвуд-Скрабс.

– Клэр, – резко произнесла Анджела.

Девушка вскинула глаза. Анджела замолчала. Нет, не сейчас. Все не настолько плохо. Это всего лишь приступ раздражения и жалости к себе. Не стоит ей говорить.

– Ничего.

Клэр посмотрела удивленно.

– Если не получишь премию Мюррея, напомни, что я собиралась кое-что рассказать, но передумала.

– Почему вы передумали?

– Просто передумала, и все. Потратим еще время, слушая, как ты жалеешь себя? Ты просила меня разузнать о Томми, я разузнала. Он твой брат, напиши ему, если хочешь, или не пиши, если не хочешь. Я

не собираюсь это обсуждать. Если тебе не хватает чуткости, чтобы внушить бедному идиоту надежду и оптимизм, этого не изменить. Сделать из тебя хорошего человека – не моя задача, никто не может сделать это за тебя. Я всего лишь помогаю тебе с учебой. Давай посмотрим, на чем мы остановились?

Анджела достала блокнот и проверила пункты, которые они рассмотрели в прошлый раз.

– Итак, мы обсудили множество актуальных проблем, разобрались с Эйзенхауэром, Ближним Востоком, отставкой Энтони Идена и королем Иордании Хусейном, но высока вероятность, что никто из членов комитета никогда о них не слышал. Может быть, нам следует сосредоточиться на том, что они действительно знают: на папе римском и революционере Имоне де Валере. Когда Пий Двенадцатый был посвящен в сан папы римского?

– Простите меня. Конечно же, я напишу ему.

– Пиши кому хочешь. Пий Двенадцатый. Как его зовут?

– Пачелли. Эудженио Пачелли. Ему восемьдесят один год. Его избрали в тысяча девятьсот тридцать девятом году, в год начала войны, он был представителем Святого престола в Германии.

– Нунцием. Он был нунцием. Повтори.

– Нунцием.

– И не важничай, когда отвечаешь. Не делай вид, будто знаешь все. Это никому не понравится.

Они рассмеялись. Клэр хотела что-то сказать о Томми, но Анджела ее перебила:

– Де Валера... Это неоднозначная фигура. Кто-то его любит, кто-то ненавидит, но тебе не нужно излагать свое мнение, только факты. Время и место рождения?

– Нью-Йорк, тысяча восемьсот восемьдесят второй год, отец – испанец, мать – ирландка, выросла в Брури, в графстве Лимерик... Но у меня есть свое мнение...

– Разумеется, оно у тебя есть. Но когда ты участвуешь в конкурсе на премию Мюррея, лучше оставить его при себе. Если в комитете кому-то за пятьдесят или больше, значит они помнят гражданскую войну. И не просто помнят, потому что им кто-то рассказывал. Они, черт возьми, были ее очевидцами. Так что будь осторожна и не испорти все. Мы могли бы сосредоточиться на том, что делал Дев^[13]

во время последней войны, это вряд ли многих оскорбит. Но если там будет кто-то с британским акцентом, учти, что англичане так и не простили Деву нейтралитета во Второй мировой. Незачем трясти перед быком красной тряпкой.

– Спасибо, мисс О'Хара.

– Хватит кокетничать, занимайся делом. Кстати, о кокетстве. Джерри Дойл пригласил тебя на танцы от комитета Каслбея?

– Да, пригласил. Я отказалась. Сказала, что мы с Джози пойдем одни и увидимся с ним уже там.

– Это тебе следовало давать мне уроки, – вздохнула Анджела.

Дик Диллон выглядел очень сердитым, когда заехал за Анджелой. Она пригласила его в дом и предложила чашку чая или стакан апельсинового сока. Дик удивленно огляделся по сторонам.

– У тебя очень мило, если подумать.

– Подумать о чем?

– Не знаю. Если просто подумать, – огрызнулся Дик.

Анджела недоумевала: почему она не сказала Дик Диллону, что встретится с ним на танцах? Почему она должна терпеть его нытье и ворчанье?

– Я перекрасила стены, пока мама в больнице. Доктор Пауэр назначил ей пройти обследование. Она скоро вернется, – услышала Анджела собственный голос.

Зачем она болтает со стариком о скучных пустяках? О чем думала юная Клэр, утверждая на днях, что Анджела получила все, чего хотела? Она совсем не хотела поддерживать беседу с бывшим алкоголиком, который снисходительно разглядывал ее маленький домик. Копируя грубые манеры Дика, она плеснула ему апельсинового сока и демонстративно достала из буфета бутылку джина.

– Раз я пока не передумала, я хочу выпить за то, чтобы мы оба пережили эту ночь, Дик Диллон. Почти все вокруг делают то же самое, так что тебе лучше смириться с этим прямо сейчас.

Улыбка восхищения медленно расползлась по лицу Дика.

С сияющим видом он поднял свой бокал:

– Впервые за семь лет кто-то отнесся ко мне как к нормальному человеку. Удачи нам всем!

Молли Пауэр разложила на маленьких тарелочках сырное и яичное печенье. Яичное было ошибкой. Молли забыла, как быстро оно размокает. Она насыпала в мисочки орехи, а днем пошла и набрала несколько охапок дрока, который великолепно смотрелся в вазах и кувшинах, расставленных по всей комнате. В гостиной висели желтые занавески. Мебельный ситец тоже имел желтые вкрапления. Дрок однажды принесла Нелли, и Молли чуть его не выбросила, но миссис Нолан цветы понравились. И теперь Молли делала вид, что дрок – ее личная находка.

Дэвид смазывал нос кремом «Нивея».

– Вроде обгоревшая кожа наконец-то сошла, – сказал он, разглядывая себя в зеркало над каминной полкой.

– Я говорила тебе, хватит ее срывать. Это прошло бы гораздо раньше, если бы ты оставил свой нос в покое, – проворчала мать.

Дэвид вздохнул. Мать разбиралась во всем на свете и всегда была права.

– Да знаю я, – устало признал он.

– Это же очевидно. У тебя светлая кожа. Ты обгорел. Нужно подождать, пока омертвевший слой не отвалится. Не надо срывать.

– Я и не собираюсь, – раздраженно буркнул Дэвид.

– Не понимаю, почему ты злишься, – рассердилась Молли. – Мы пригласили твоих друзей в гости перед танцами. У тебя будет чудесный вечер. А ты только и делаешь, что огрызаешься на каждого, кто хочет тебе помочь.

В ее голосе звучала обида. Дэвид промолчал.

– Разве мы с отцом когда-нибудь вмешивались в твою жизнь или спрашивали, чем ты занимаешься? Разве мы требуем, чтобы после танцев ты сразу шел домой? Вовсе нет. Мы позволяем тебе жить собственной жизнью.

– Ах, да ладно, – натянуто рассмеялся Дэвид, безуспешно пытаясь скрыть гнев. – Хватит, мама, я взрослый мужчина, а не маленький мальчик с рыболовной сетью. Я живу своей собственной жизнью в Дублине. Разумеется, я живу так и здесь.

– Разумеется, – повторила Молли, поджимая губы.

Дэвид пропустил ее недовольство мимо ушей.

– Отлично. Значит, мы сошлись во мнениях.

Он расправил плечи, в очередной раз оглядев новый пиджак.

– Что ж, посмотрим. Если я не уведу милую Кэролайн у Джерри Дойла сегодня вечером, то уже никогда этого не сделаю.

– Джерри Дойл? Не говори ерунды. Он будет работать фотографом.

– Нет, для этого у него есть помощник. Джерри придет сам по себе. Ему не нужно напрягаться, все девчонки и так приползут к нему на коленях.

– Что за гадкие мысли у тебя в голове!

– Увидишь сегодня вечером. Кэролайн далеко не одна в очереди его поклонниц.

– Какая-то несусветная чушь... О, вот и ты, Пэдди! Какой милый и опрятный!

– Опрятный? – взревел доктор Пауэр. – Это все, что ты можешь мне сказать?

– Я хотела сказать, что ты великолепно выглядишь в этом костюме, – рассмеялась Молли.

– То-то же, – фыркнул Пэдди. – О какой чепухе вы говорили, когда я вошел?

– О том, что Джерри Дойл якобы сердцеед и гроза местных девушек. Даже для Кэролайн Нолан. Кэролайн! Можно выбрать любую из университета...

– Кэролайн здесь, – перебил сына доктор Пауэр. – Я услышал громкий клаксон и увидел, как она подъезжает к перекрестку. У нее собственный «моррис-минор». В общем, она заявила, что ей вдруг взбрело в голову приехать в Каслбей, а я ответил, что она удачно выбрала вечер и ей следует сначала зайти к нам выпить. Она разволновалась и сказала, что ей нужно вымыть голову. Не понимаю, почему женщины уделяют прическе столько внимания. Они постоянно моют голову или делают укладку в парикмахерской, а потом жалуется, если ты не замечаешь никаких перемен.

– Что ж, посмотрим, заинтересует ли ее этот ваш Джерри Дойл, – заметила Молли Дэвиду. – Хватит есть сырное печенье. Если проголодался, возьми вон то, яичное.

Кресси много думала о предстоящих танцах. В какой-то момент она решила никуда не ходить. Зачем ей это сборище снобов и стариков? Кресси О'Брайен лучше сдохнет, чем пойдет туда. Однако

потом она обнаружила, что в поселке витали совсем другие настроения. В мясной лавке Двайера без конца обсуждали, что выставить в качестве приза: баранину, говядину или свинину, а Кэт и Пегги даже купили новые платья. Крисси не хотела чувствовать себя униженной, наблюдая, как Джерри Дойл игнорирует ее. В последнее время он только холодно кивал ей. Было невыносимо подпирать стенку на глазах у Джерри и смотреть, как он кружится в танце с новой гламурной штучкой, приехавшей на лето к морю. Если бы он потанцевал с Крисси раз или два, как раньше, ее бы это устроило, но он потерял к ней всякий интерес. Крисси была ему не нужна.

Она глубоко вздыхала, когда ее спрашивали, пойдет ли она на танцы от комитета.

«Только если меня пригласят, – отвечала она. – Я слишком стара, чтобы ходить одной на танцы».

Кэт и Пегги не понимали подругу: на танцы идут без партнера, чтобы найти его там. Но Крисси была непреклонна.

Строительный подрядчик Бампер Бирн, покупая мясо, услышал ее слова и пересказал младшему брату Морису, или Могси, как его называли с незапамятных времен. Могси наведался в лавку.

– Будешь моей партнершей на танцах от комитета? – спросил он через прилавок.

Мистер Двайер, мясник, с облегчением выдохнул.

– Что это значит – быть твоей партнершей?

– Это значит, что я оплачу твой билет и буду с тобой танцевать, если тебя не пригласит кто-то еще. Если появится другой парень, с которым ты захочешь сделать круг по танцполу, я мешать не стану. А еще я куплю тебе минералки в баре, – ответил Могси.

Он носил шляпу задом наперед и был не слишком сообразителен.

Крисси обдумала предложение.

– А что ты с этого получишь? – нелюбезно поинтересовалась она.

– Не знаю. – Могси не рассматривал это в таком ключе. – Наверное, я получу право потанцевать с тобой, обнять тебя и сказать, что этим вечером ты моя девушка. Разве ты не первая красотка Каслбея?

Крисси просияла, стоя за мраморной столешницей.

– Большое спасибо, Могси, я с радостью пойду на танцы и буду твоей партнершей, – согласилась она.

Первая красотка Каслбея. Так-то вот! Могси Бирн, конечно, тугодум и не хватает звезд с неба, но вполне ничего себе. Крисси не обречена сегодня прозябать в одиночестве, она придет под руку с кавалером. Она докажет Джерри Дойлу, что не собирается сидеть и ждать его.

– Хорошо, тогда договорились, – кивнул Могси и направился к выходу.

– У тебя есть костюм? – спросила вдогонку Крисси.

– У меня шикарный костюм.

– Мы им покажем, Могси, – пообещала она.

Джози и Клэр красились перед зеркалом.

– Наверное, это как-то связано с цветом твоих губ, – сказала Джози. – Персиковый цвет на тебе смотрится совсем не так, как на мне.

Они купили одну губную помаду на двоих в аптеке Мерфи. Миссис Мерфи предупредила их, что пользоваться общей губной помадой негигиенично, потому что через нее могут передаваться микробы. Подруги смеялись по пути домой, вспоминая, как, бывало, вся школа пользовалась одной губной помадой и никто потом не ходил с сыпью.

Клэр надела красную вельветовую юбку, белую блузку с оборками и повязала волосы красной бархатной лентой. Она переодевалась в комнате Джози, потому что Крисси полностью оккупировала их общую спальню. Джози надела платье лимонного цвета с вырезом каре сзади и спереди, отделанное белой английской вышивкой.

– Ты уверена, что я не похожа на танк? – спросила она в десятый раз.

– Ну что с тобой делать? – причитала Клэр. – Ты не похожа на танк. Ты не похожа на танк с двенадцати лет, а сейчас тебе почти восемнадцать. Вот уже треть своей жизни ты не похожа на танк, но по-прежнему думаешь, что похожа!

Джози рассмеялась:

– Я стройнее, чем Эмили и Роза. Они меня за это ненавидят.

– Они ненавидят всех подряд. Эмили и Роза прямо как Крисси, которой добавили лоска. Сестра говорит, что я худая из-за гнилой

сердцевины, поедающей меня изнутри, а ты худая, потому что у тебя глисты.

Девушки покатались со смеху. Что хуже: глисты или гнилая сердцевина?

– Не думаю, что у него сейчас есть кто-то, ну, я про серьезные отношения, – сказала Джози, недовольно разглядывая себя в зеркало.

– У Джеймса?

– У кого же еще.

– Ни намек на серьезные отношения. Они с Дэвидом много играют в гольф. Мне мисс О’Хара сказала. Иногда они заезжают к ней по пути туда или обратно. Вообще никаких признаков присутствия женщин. Приехала его сестра. Леди Кэролайн. Я видела, как она примчалась на стойку регистрации вниз и попросила фен.

– Ей выдали? – спросила Джози.

Она была бы не против подружиться с сестрой возлюбленного.

– Думаю, да. Там все переполошились. Ты же знаешь манеры леди Кэролайн. Она не просит, а требует.

– Надеюсь, фен для нее нашли.

– А я нет. Я бы хотела, чтобы она разок походила с крысиными хвостами на голове. Вечно она выглядит как картинка в журнале.

– По-моему, ей нравится Джерри Дойл.

– Скажи ей, чтобы встала в очередь, – посоветовала Клэр, нанося вазелин на ресницы, чтобы они завивались.

– Я тут подумала, – сказала Джози. – Вдруг я выиграю приз, который мы подготовили, ну, тот, что предоставил отель?

– И что в этом забавного?

– Это выходные в отеле, все оплачено. Я могла бы снять номер с видом на море и попросить Эмили принести мне завтрак в постель.

В очереди за билетами Крисси оказалась прямо перед ними. Она опиралась на руку Могси Бирна, который работал на маслобойне, куда фермеры свозили молоко. Он нарядился в костюм и, похоже, был слегка навеселе.

– Вот уж не думала, что утонченная мисс Клэр О’Брайен и ее подруга мисс Джози Диллон сами покупают себе билеты на танцы, – громко заявила Крисси.

Клэр подумала, что у сестры ужасный вид. А ведь Крисси приложила столько усилий, попутно расшвыряв по спальне одежду и косметику. Розовое атласное платье было слишком тесным, белый кардиган – неопрятным, а украшения со стразами, алая помада и толстый слой белой пудры на лице – вызывающими. Тем не менее парни бросали на Крисси восхищенные взгляды. Возможно, она оделась более подходящим образом, чем младшая сестра. Вероятно, в юбке и блузке Клэр выглядела слишком неброско и напоминала школьницу.

Музыканты играли американскую народную песню о любви «Желтая роза Техаса». В зале царил атмосфера праздника: повсюду были воздушные шары и украшения, а большой баннер гласил, что комитет Каслбея всех приветствует и благодарит за поддержку. Рядом с музыкантами на сцене огромный стол ломился от призов. По залу кружил луч прожектора, выбирая счастливые пары, которым тут же вручали подарок. План состоял в том, чтобы не раздавать слишком много призов сразу и начать с тех, что похуже. Когда вошли Клэр и Джози, они увидели пару в луче прожектора, получившую маленький флакон талька и кубики для ванны в красивой упаковке. Лучшие подарки были еще впереди.

Подруги направились в угол, откуда, по их мнению, открывался хороший обзор. И сразу их обоих одновременно пригласили на танец.

«Хороший знак», – подумали они, закружив по танцполу.

Дик Диллон заявил, что он великолепен в вальсе, но не собирается у всех на глазах танцевать джайв или рок-н-ролл. Анджела ответила, что тоже сильна в вальсе, лишь бы они не кружились слишком быстро. По счастливой случайности, когда они вошли, музыканты объявили «Сказки Венского леса».

– Я думал, ты захочешь пройти к зеркалу, – проворчал Дик.

– С чего бы это? – удивилась Анджела, и они стремительно понеслись по кругу, слегка изогнувшись.

Дик повернул голову к своему левому плечу, Анджела – к своему. Партнер крепко держал ее за талию и ни разу не поскользнулся, хотя пол был начищен до блеска. Бежевое шелковое платье – то самое, которое Анджела купила на свадьбу Эмер, – обвивало фигуру. Если бы Эмер могла это видеть!

«Это нелепо, – подумала Анджела. – Я выгляжу нелепо».

Она улыбнулась, поймав на себе восхищенные взгляды без тени насмешки, и заметила, как доктор Пауэр указывает на нее мистеру Нолану. Он мог бы составить Анджеле пару, если бы она не согласилась пойти вот с этим сумасшедшим стариком.

Между тем безумец тихо прошипел краешком рта:

– Мы еще дадим жару.

– Для нас мигом расчистят танцпол, если мы пообещаем показательное выступление, – ответила Анджела.

В этот момент на них упал луч прожектора, а со сцены объявили, что они выиграли баранью ногу, которую любезно предоставил мистер Двайер, лучший мясник Каслбея.

Все пребывали в хорошем настроении, радостно щеголяя загаром. Саймон, статный спасатель с местного пляжа, в пуловере, небрежно повязанном вокруг плеч, разговаривал с Фрэнком Конуэем, высоким парнем с прямой, как шомпол, спиной, который работал охранником. За ними с интересом наблюдали девушки. Фрэнк Конуэй поглядывал на дверь.

– Я жду, не появится ли Фиона Дойл, – пояснил он.

Саймон улыбнулся:

– Держу пари, ее многие ждут. Но я не удивлюсь, если сторожевой пес ее не выпустил.

– Ты о ком?

– О брате Фионы. Он похож на сторожевого пса, который лает, если кто-нибудь подходит слишком близко. Он считает себя вправе делать то, что ему нравится, а сестре не дает получать удовольствие.

Фрэнк был разочарован, но решил вступить за Фиону:

– В каком-то смысле Джерри прав. Нельзя разрешать девушкам творить все, что им вздумается, это было бы неправильно.

– Со своей сестрой ты ведешь себя иначе. Берни сама себе хозяйка.

Саймон метнул взгляд в сторону Берни Конуэй. Она целовалась с каким-то приезжим.

– Так-так, – процедил Фрэнк, с досадой поняв, что проиграл по всем статьям.

Когда танец закончился, он подошел к Берни и пригласил ее на следующий вальс.

– Вот это сюрприз, – недовольно сказала сестра.

– По-моему, тебе следует вести себя на публике, как подобает леди.

– По-моему, тебе следует засунуть свою дурную голову в ведро, – посоветовала Берни, покидая танцпол.

Саймон увидел, что она свободна, и пригласил ее танцевать.

– Мой брат сумасшедший. Совсем ненормальный, – пожаловалась она.

– Давай забудем о твоём брате, – предложил Саймон, крепко прижимая девушку к себе и глядя ее по спине.

Джерри Дойл никогда не приглашал никого на танец. Он просто всегда находился рядом с девушкой, с которой хотел танцевать. Когда начиналась музыка, он улыбался и протягивал ей руку. Сначала Джерри танцевал с Джози Диллон, и та была рада, что Джеймс Нолан только что вошел и увидел ее на танцполе. Джози заметила, что темные волосы Кэролайн красиво уложены, значит в отеле для нее нашли фен. Разумеется, Джерри прекрасно танцевал, и Джози порадовалась, что в начале лета они с Клэр потратили время на изучение твиста. Мир раскололся на две половины: тех, кто умел танцевать твист, и тех, кто не умел. Джерри, вероятно, родился с этим навыком.

Он восхитился ее платьем чудесного солнечного цвета и сообщил, что она и Клэр О’Брайен – самые шикарные девушки в танцевальном зале. Джози спросила, придет ли Фиона, но Джерри ответил, что у сестры летний грипп. Они оба сошлись на том, что дядя Дик дьявольски хорошо танцует. Старик не покидал танцпола с тех пор, как вошел, и настоял на том, чтобы рок-н-ролл чередовали с квикстепом.

В зал вошли Джеймс и Кэролайн Нолан, и Джерри их заметил.

Он проводил Джози к месту, где нашел ее, и широко улыбнулся:

– Я бы хотел, чтобы все танцевали так, как ты, Джози Диллон, настоящая Джинджер Роджерс из Каслбея.

Джози залилась краской от восторга. Она хотела рассказать о комплименте Клэр, но дядя Дик утащил ее подружку танцевать. Джози готова была сгореть со стыда. Почему дядя Дик не мог просто сесть, как другие старики, или тихонько сплясать фокстрот? Зачем он выставил племянницу дурой, пригласив на танец ее подружку?

Музыканты анонсировали серию латиноамериканских танцев и начали с «Голубого танго».

– Я в этом не сильна, как вы. Вы-то почти профессионал, – призналась Клэр.

– Просто послушай, ты же умная девочка. Шаг назад, два шага назад, три шага назад. Попробуй.

Они еще не начали танцевать. Клэр попробовала.

– Правильно. Теперь держись крепче и повторяй за мной. Это тебе не фанданго в одиночку танцевать.

Дик встал рядом с ней, но повернулся лицом в другую сторону и вытянул руки, словно притворяясь огородным пугалом. Он дождался такта и сделал первый шаг. Этот человек был волшебником. Клэр нравилось с ним танцевать. Когда дело дошло до поворотов, она расслабилась. Девушка заметила, что все вокруг смотрят на нее с восхищением, а мисс О'Хара, неумело исполняя в паре с доктором Пауэром тот же танец, с гордостью наблюдает за ней и улыбается... Джерри Дойл, танцующий с Берни Конуэй, бросал на нее восторженные взгляды. Дэвид Пауэр обратил внимание Кэролайн Нолан на эффектную пару. Клэр подумала, что на месте Дика мог бы оказаться более молодой и привлекательный парень, но вскоре выбросила эти мысли из головы. Особенно когда они начали танцевать ча-ча-ча...

– Вперед, назад, встань сбоку... – подсказал Дик, и после нескольких тактов Клэр обрела полную уверенность в себе.

Они тоже выиграли специальный приз. Бутылку виски «Джемисон» десятилетней выдержки.

– Можешь забрать себе, я бросил пить, – отказался от подарка Дик Диллон.

– Но танцевать вы явно не бросили, – ответила окрыленная успехом Клэр и отнесла бутылку в дамскую раздевалку, чтобы обменять ее потом на билет.

Члены комитета были очень довольны. Они назначили высокую цену за входной билет, оправдав ее множеством призов и подарков. Дорогие билеты преградили путь всякому сброду. Правда, кое-кто все же сумел просочиться. Многие видели, как Могси Бирн подбрасывает в воздух Крисси О'Брайен с таким расчетом, чтобы показать толпе ее трусики. И тем не менее.

В баре шла бойкая торговля. Бутылки имбирного пива и лимонада стремительно перелетали через прилавок. Процент от продажи напитков тоже попадал в копилку комитета. В танцевальном зале – ни в этот вечер, ни в любой другой – не подавали крепкий алкоголь. Тем, кто желал выйти, чтобы посетить соседний паб, выдавали пропуска. Многие приносили с собой в заднем кармане брюк маленькие бутылочки.

Музыканты, которые играли на сцене на протяжении сезона, приделались, чтобы подчеркнуть особый характер вечера. Мужчины вдели в петлицы розочки, а прекрасная Хелена, вокалистка, прикрепила пышную розу к поясу фатинового платья.

На улице толпились подростки, еще не достигшие допустимого возраста, и заглядывали внутрь. Каждый раз, когда распахивалась дверь, они жадно ловили отблески царившего внутри веселья. Сквозь вентиляционные отверстия наружу поочередно просачивались отголоски песен, взрывы аплодисментов, когда вручали очередной приз, и оркестровая музыка. За лето люди привыкли к шуму танцевального зала, как привыкали к грохоту волн, налетающих на прибрежные скалы.

Иногда жители Каслбея изумленно качали головой, поражаясь исключительной дальновидности Лайонела Донелли. Он занял денег и выстроил это чудовищное сооружение, которое тут же окрестили «белым слоном», утверждая, что оно никогда не окупится. Оказывается, Лайонел, никогда в жизни не сдавший ни одного экзамена, ездил в Англию учиться строительному делу и узнал, что на свете бывают танцевальные клубы. И теперь в танцевальный зал Каслбея люди съезжались отовсюду...

Клэр вернулась на танцпол. Ей показалось, что Дэвид Пауэр направляется в ее сторону, но, прежде чем он подошел достаточно близко, ей протянул руку Джерри Дойл. Это был медленный чувственный танец. Джерри не заботился о соблюдении приличий и не стал удерживать партнершу на расстоянии вытянутой руки в течение первых тактов. Он сразу же обнял Клэр, и девушка прижалась щекой к его щеке. Они были одного роста, а Клэр надела туфли на плоской подошве.

На время этого танца в зале приглушили свет, и зеркальный шар под потолком отбрасывал на публику тысячи крошечных бликов.

«Однажды у меня была тайная любовь», – пела у микрофона девушка в длинном фатиновом платье.

В зале ей тихо подпевали случайным образом подобранные пары. Дэвид Пауэр напевал эти слова на ухо Джози, потому что Ромео добрался до Клэр О’Брайен раньше, чем он. Джеймс Нолан спел их на ухо Берни Конуэй, потому что решил, что в девушке явно что-то есть, раз ее приглашал на танец сам Джерри Дойл. Дик Диллон и Анджела ничего не пели, потому что сосредоточились на танцевальных фигурах и скольжении. Джерри не пел, потому что ему было незачем, а Клэр крепко зажмурила глаза.

Джози улыбнулась удача во время последнего танца, когда Джеймс наконец-то ее заметил и станцевал с ней под зажигательную песню «Калифорния, вот он я». И еще очень многие обрели счастье в тот вечер. Комитет заработал кучу денег, публика высоко оценила мероприятие, а все те, кто предоставил призы, были довольны рекламой.

– У меня есть автофургон, – сообщил Джерри Дойл.

Он трижды пригласил Клэр на танец, а для Джерри Дойла это почти равнялось обещанию хранить верность до гроба.

– Что? – переспросила Клэр.

– Автофургон. В моем полном распоряжении. Я за ним присматриваю. Владельцы приезжают в кемпинг только на выходные.

– Повезло тебе, – невинно заметила Клэр.

– Ну так и?

– Ну так и что?

– Пойдем туда? Ты и я?

– Сейчас? – поразились Клэр, и ее сердце забилось быстрее.

– Конечно.

Повисла пауза. Он смотрел прямо на нее. Она должна ответить «да» или «нет». Клэр не собиралась придумывать затейливых оправданий.

– Нет, – отказалась она. – Но все равно спасибо.

Его глаза ничего не выражали. В них не было ни намека на желание ее переубедить.

– Ладно, – ответил он. – Спокойной ночи, милая.

У нее на виду Джерри подошел к Кэролайн Нолан. Клэр услышала, как он изобразил удивление, будто только сейчас заметил сестру Джеймса в танцевальном зале. Клэр наблюдала, как Кэролайн радостно улыбнулась, когда Джерри ей что-то предложил. Было слишком далеко, чтобы слышать слова Джерри. Но когда он обнял Кэролайн за плечи и они вместе удалились, Клэр поняла, что это как-то связано с наличием фургона.

Доктор Пауэр сказал, что подбросит Анджелу до больницы, чтобы она забрала мать. Он никогда не ездил в город один и вечно подвозил кого-то по пути туда или обратно, потому что был самым добрым человеком на земле.

– Я видел, как ты лихо отплясывала с Диком Диллоном, – поддразнил он Анджелу.

– Кто бы мог подумать? Он мог бы успешно участвовать в соревнованиях по бальным танцам. Еще никто не преподносил мне таких сюрпризов.

– Дик очень славный парень. В отеле у него не было шансов выбиться в люди. Старуха-мать всегда предпочитала его брата. И Дик знатно утешал себя в течение дня.

Анджела улыбнулась тактичному способу описать заядлого пьяницу – такого же, как ее отец. Конечно, у Дика Диллона были деньги, чтобы пить с комфортом, а потом ездить на лечение в Дублин, но теперь он завязал с выпивкой.

После танцев Дик проводил Анджелу домой, она приготовила чай и бутерброды с беконом, и они проговорили до поздней ночи.

– Ему очень нужна крепкая рука и поддержка, Анджела, – сообщил доктор Пауэр.

– Неужели я буду это слышать всю оставшуюся жизнь?

– Может быть. Ты еще услышишь, что тебе повезло. Дик – неплохая добыча, к тому же он образумился и оставил разгульную жизнь позади. Именно это ты и услышишь.

– Но ведь муж не добыча, за которой охотятся? По-моему, пара образуется, когда два человека понимают, что их тянет друг к другу больше, чем к кому-нибудь еще. Это не охота.

– Так и должно быть, – подтвердил доктор Пауэр, прокладывая путь сквозь стадо.

Коров без всякого энтузиазма гнал по дороге мальчик.

– А как насчет вас? – спросила Андже́ла.

Она чувствовала, что лезет не в свое дело, но доктор Пауэр всегда мог отшутиться, если бы не захотел отвечать.

– Я познакомился с Молли на танцах в Дублине в свой двадцать пятый день рождения. На ней было красное платье. Она откинула голову назад и рассмеялась, а я подумал, что было бы хорошо, если бы она вот так смеялась над моими шутками. Так это и случилось. Я неутомимо за ней ухаживал. Никто из нас не был добычей.

– Она по-прежнему смеется над вашими шутками?

– Как правило, да. Иногда зимой здесь бывает тихо и скучновато, и я бы хотел, чтобы у Молли было больше знакомых, которые могли бы ее развлечь. Или чтобы у нас было больше детей. Если в семье только один ребенок, вы слишком много о нем думаете. Я расспрашиваю его о занятиях медициной, а Молли вечно беспокоится из-за его еды, промокшей одежды и того, чем он занимается в Дублине. Будь у нас полдюжины детей, мы бы вели себя иначе.

– Но Дэвид – толковый парень. И умный как черт.

– Это да. Но как удачно мы отклонились от обсуждения твоих отношений с Диком Диллоном.

– Он старик, у которого на уме воспоминания о пьянстве, а иногда – о старом добром вальсе.

– Дик старше тебя самое большее лет на десять. Он прекрасный человек, и он одинок. Андже́ла, девочка моя, не сбрасывай его со счетов слишком быстро.

Пэдди говорил серьезно, и она решила больше не шутить.

– Странно, что Фиона Дойл отправилась в Лондон на курсы фотографии в самый разгар сезона.

– Время неподходящее, но, наверное, она уехала, как только представилась такая возможность.

Доктор Пауэр смотрел на дорогу прямо перед собой и на маленькие белые домики, нарушавшие монотонные ряды изгородей. Работать сельским врачом, который знал, чем живет и дышит каждый местный житель, было непросто. Пэдди слишком хорошо понимал, как не вовремя Фионе Дойл пришлось отправиться в Лондон.

Когда Клэр встала в половине седьмого, над морем висела дымка. Впереди ее ждал еще один жаркий день. Настоящее пекло. Что ж, они этого хотели: восемьдесят жарких дней с небольшим дождем по ночам, на радость фермерам. Клэр убрала мусор, который скопился на углу магазина, где они освободили место, чтобы после танцев люди могли постоять, перехватить сэндвич с ветчиной, съесть шоколадное печенье, выпить лимонада или апельсиновой газировки. Идея себя оправдала: больше податься было некуда, кроме фургона, который торговал чипсами. Но убирать по утрам мусор было утомительно. Клэр поставила бутылки, подлежащие возврату, в ящик, а остальные выбросила в мусорное ведро. Она открыла двери, чтобы впустить в лавку свежий воздух, и обвела глазами улицу. Жители белых и разноцветных домов еще крепко спали. Лучшее всего Каслбей выглядел ранним летним утром: он казался чистым, как засахаренный миндаль. Почтовое отделение миссис Конуэй, выкрашенное в розовый цвет, и лимонно-зеленые стены магазина мисс О'Флаэрти смотрелись как нельзя кстати.

Клэр вернулась в лавку, чтобы вскипятить чайник. Скоро встанет мать, а следом спустится и отец. Он начнет перетаскивать коробки, беспокоясь о запасах товара, а потом внезапно вспомнит о необходимости сделать перерыв и побриться, перед тем как в лавку заявятся туристы из кемпинга, чтобы купить продукты для завтрака.

Чайник уже закипал, когда на кухне появилась Агнес. Она потянулась за рабочим халатом, висевшим на кухонной двери, и Клэр с удивлением заметила, как мать похудела и какой у нее усталый вид.

– Может быть, отдохнешь сегодня? Я сама здесь управлюсь.

– Отдохну? Сегодня? В день, когда будет больше всего работы? Ты с ума сошла? – сказала Агнес.

– Просто ты выглядишь очень усталой, только и всего.

– Конечно, я выгляжу усталой, и Томми Крейг в своем пабе выглядит усталым, и молодая миссис Диллон тоже. Господи, Клэр, мы все выйдем усталыми в разгар сезона!

– Тише-тише, я не хотела тебя обидеть, мама. Я предложила тебе отдохнуть еще пару часов, вот и все.

– Спасибо, – смягчилась Агнес, – со мной все будет в порядке, как только я выпью чашку чая. Люди обычно сами на себя не похожи, пока не выпьют чая.

На худом лице матери появилась легкая улыбка, но Агнес даже не присела, чтобы выпить свой чай. Она поспешила в магазин, и, разумеется, как только оказалась за прилавком, в дверь позвонили и вошел первый покупатель.

Они трудились весь день не разгибая спины. Многие решили воспользоваться ясной погодой и голубым небом, чтобы выбраться на пикник. Клэр без конца нарезала сэндвичи и заворачивала мороженое в несколько слоев газет.

Кэролайн Нолан пришла с утра пораньше. Она выскочила из своего маленького автомобиля, который отчаянно фыркал и урчал.

– Все для пикника, – заказала Кэролайн.

Назвать ее тон вежливым можно было с большой натяжкой.

– На сколько человек? – уточнила Клэр.

– Не знаю. Я могу купить продукты с запасом, а потом вернуть то, что мне не понадобится?

– Нет, – отрезала Клэр.

– Что?

– Нет, не можешь. Если ты захочешь вернуть помидоры или бананы, которые весь день пролежали на солнце, кому я потом их продам?

– Я имела в виду консервы или что-то такое, что не испортится.

– Почему ты просто не можешь прикинуть, сколько вас будет? – раздраженно спросила Клэр у этой сияющей девочки, такой свежей и летней в белом платье в крупный красный горошек.

Кэролайн выглядела такой чистой, бодрой и энергичной по сравнению с Клэр, в выцветшем платье, и ее усталой худой матерью, в желтом рабочем халате.

– Может быть, ты мне поможешь? – Кэролайн пустила в ход все свое очарование. – Видишь ли, мой друг предложил съездить туда, куда приплывают тюлени. С меня продукты для пикника. Мой друг захватит бутылку вина. Но я не поняла, кого он позвал: меня, моего брата и Дэвида или только меня. Понимаешь теперь, в чем моя проблема?

– Нет, – ответила Клэр. – Просто спроси, кого твой друг пригласил: тебя с друзьями или тебя одну.

Кэролайн вышла из магазина. Через полчаса вернулась.

– Он сказал, что пригласил меня с друзьями, – объявила она.

– Не повезло, – буркнула Клэр и, не дожидаясь указаний, положила в пакет свежие сэндвичи с ветчиной и сыром, яблоки, бананы, апельсины, пачку шоколадного печенья и четыре бутылки апельсиновой газировки.

Кэролайн молча взяла покупки и сунула их в багажник.

Вскоре появился Джерри, зашел за сигаретами.

– Я думала, ты уехал на пикник, – сказала Клэр.

– Присоединюсь к ним попозже. Как добраться до тюленей, я им объяснил. Поехали с нами?

– Не могу. Я должна работать. К тому же меня никто не приглашал.

– Разве? Я тебя только что пригласил.

– Нет, спасибо, – улыбнулась Клэр. – Мы не можем позволить себе выходной в такой день, как сегодня. А почему, кстати, ты не работаешь?

– А за что, по-твоему, я плачу помощнику? Поехали, устрой себе праздник!

– Прекрати, ты знаешь, что я не могу.

Джерри действовал ей на нервы. Клэр хотела, чтобы он ушел.

– Всего лишь один летний день, – настаивал он и был настроен серьезно. – Один солнечный день.

– Проваливай, Джерри, – засмеялась Клэр, но в ее голосе звенела сталь. – Мы трепетно относимся к семейному бизнесу, даже если кое-кто – не будем называть его по имени – пускает свои дела на самотек.

«Нет смысла связываться с этой компанией без надлежащей амуниции», – сказала себе Клэр.

У нее не было накрахмаленного хлопчатобумажного платья в крупный красный горошек и золотистого загара. В распоряжении Клэр был выцветший лиловый сарафан, длинные белые ноги и старомодные сандалии. Черт возьми, она не собиралась соперничать с Кэролайн, пока у нее не появится шанс на победу. Сейчас было не время искать внимания Джерри Дойла.

Прекрасная погода установилась на долгий срок. Через несколько дней после приглашения на пикник Клэр поняла, что ненавидит солнечный свет. У всех вокруг сбывались мечты об отпуске, здоровом образе жизни и отдыхе на природе. Для молодых пар, которые жили в

палатках, ясное небо было подарком судьбы. Ноланам с друзьями оно сулило еще несколько долгих дней, проведенных среди песчаных холмов, на пляже с тюленями, на поле для гольфа или в окружении морских волн. Дети в яркий солнечный день мчались в магазин и просили бутылку апельсиновой газировки: открытую и с тремя соломинками. Но для Клэр солнце означало, что пора убрать с витрины пирожные и все, что могло растаять, и проверить, не иссякнут ли запасы мороженого, которым торговали Джим и Бен.

В лавку вошел Джерри:

– У меня для тебя сообщение. Бегом на почту, прямо сейчас! Мамаша Конуэй сказала, что тебе звонили и обещали перезвонить через пятнадцать минут, ну, уже через десять, поторопись.

Сердце Клэр бешено колотилось, пока она бежала по Черч-стрит вместе с Джерри. Гостиница, аптека, танцевальный зал и скобяная лавка промелькнули как в тумане. А потом они оказались у заведения миссис Конуэй.

Хозяйка неодобрительно взглянула на них поверх очков:

– О, ты нашел ее?

«Пожалуйста, только не из-за Томми. О Боже, пожалуйста, я прочту тридцатидневную молитву, пожалуйста, Пресвятая Богородица, я начну читать тридцатидневную молитву прямо сегодня, если с Томми ничего не случилось».

– Ты, наверное, очень нервничаешь, – посочувствовал Джерри.

Сердце Клэр снова подпрыгнуло.

– Откуда ты знаешь? То есть что ты имеешь в виду?

– Твои результаты, – просто сказал он. – Речь ведь о них?

Да, речь шла о них. Звонили из монастыря, где все обезумели от восторга, – за долгие годы монахини еще ни разу не были так горды. В аттестате Клэр значилось девять дисциплин. Она получила оценки с отличием по всем предметам, кроме математики, хотя благополучно сдала и ее. Разве это не означало, что комитет премии Мюррея точно пригласит ее на собеседование? Сегодня три сестры приступали к чтению особой девятидневной молитвы, и Клэр могла быть уверена, что вся община будет ежедневно вспоминать ее имя во время мессы. Она почти не видела сморщенного лица миссис Конуэй, которая слышала каждое слово и пыталась выдавить из себя поздравления. Джерри оторвал Клэр от земли и трижды покружил.

– Восемь оценок с отличием, восемь, мать честная! Это же обалденно! – вопил он.

– Восемь! – ликовала Клэр. – Восемь!

– Следует признать, что, по моему мнению, поздравления уместны... – сказала миссис Конуэй, скривившись при виде столь бурного веселья.

– Нужно немедленно сообщить мисс О’Харе, – воскликнула Клэр. – Сейчас, сию же минуту.

– Я подвезу тебя на фургоне.

Клэр на мгновение заколебалась.

– Я не пойду в дом. Я знаю, ты хочешь сказать ей сама.

Мисс О’Хара стояла перед домом и поливала алую герань. Солнце светило ей прямо в глаза, и Анджела заслонила их рукой, когда у входа с визгом затормозил фургон. Клэр выскочила из него еще до того, как машина успела остановиться.

– Восемь, мисс О’Хара, восемь! – взволнованно закричала она.

Анджела поставила кувшин с водой, подбежала к девушке и в неловком порыве восторга прижала к груди худенькое тельце, подрагивавшее от возбуждения. Они обе забыли о Джерри, который неподвижно сидел в кабине фургона, не сводя с них темных красивых глаз.

К вечеру о триумфе Клэр знал весь поселок. Джози так разволновалась, услышав новость, что захлопнула крышку пишущей машинки и заявила, что берет выходной, чтобы отпраздновать великое событие. Агнес и Том О’Брайен в радостном смущении устало пожимали через прилавок руки посетителей и принимали поздравления от имени своей умной и трудолюбивой дочери. Доктор Пауэр зашел в лавку по пути к кемпингу, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Вскоре вести долетели до Сержанта Маккормак, и перед магазином семейства О’Брайен показалась маленькая машина отца О’Двайера. Было чудом, что в этом магазине что-то покупалось или продавалось, брались деньги или выдавалась мелочь в течение всего дня, когда кто-то приходил и уходил.

– Придешь сегодня вечером на танцы, чтобы отпраздновать победу? – спросил Джерри.

– Там будет слишком много народа вроде Кэролайн Нолан, – улыбнулась Клэр.

– Можно пойти куда-нибудь, где никого нет, – ухмыльнулся Джерри.

– Нет, не стоит менять свои планы.

– У меня восемьдесят летних ночей, – сказал Джерри. – Не придешь сегодня – придешь в другой раз.

Клэр провела чудесный вечер. Дик Диллон научил ее готовить коктейль «Кискины лапки». В нем не было ни капли алкоголя, но казалось, что он там есть. Джози подарила ей желтую блузку и желтую ленту в тон. Подруга давно подготовила для Клэр этот сюрприз. Джози шла на свидание с Джеймсом Ноланом и была на седьмом небе от счастья. Они собирались в кино и договорились встретиться в очереди за билетами. Джози поклялась рассказать Клэр обо всем, что произойдет, и надела платье с высоким воротником на случай, если Джеймс полезет обниматься и ей придется решать, позволять ему это или нет.

Клэр шла по Клифф-роуд. Солнце клонилось к горизонту, и люди завершали ужин или просто сидели за столом, перед тем как отправиться на ночные развлечения. Клэр долго ждала этот день и хотела насладиться каждой минутой. Уже стемнело, и она ежилась в новой желтой блузке. Джози и Джеймс Нолан в кинотеатре были поглощены просмотром фильма и еще неизвестно чем. Крисси и Могси Бирн отправились в дюны. Клэр знала об этом, потому что видела, как Крисси надела свое лучшее белье – с кружевами. Джерри Дойл ждал в фургоне. Нет, Клэр не собиралась идти к нему на стоянку. Она решила сходить на аттракционы, пару раз прокатиться на автодроме, а потом, если никого не встретит, вернуться домой, перенести вещи Крисси в другой угол и лечь спать. Сегодня вечером она не пойдет на стоянку.

Тем летом в Каслбее образовался небывалый спрос на жилье. Непостижимым образом повсюду расползлись слухи о том, что в прибрежном поселке царит вечное веселье. Разумеется, в Каслбее были рады не всем гостям – зимой поселковый комитет еще обсудит эту тему. Туристы с палатками производили много шума, а посетители кемпинга оставляли после себя целые горы мусора – вы бы только их видели! Доктор Пауэр заявил, что путешественников нельзя винить до

тех пор, пока кто-нибудь не установит для них туалеты и умывальники, не оборудует стоянку мусорными баками и не наладит систему вывоза мусора.

Не проходило и дня, чтобы к Анджеле и ее матери не обратились приезжие с просьбой о ночлеге. К удивлению Анджелы, мать заявила, что вовсе не против. Остальные жители Каслбея получали летом неплохую прибыль. Что им мешает поступать так же?

Анджела постирала простыни и прибралась в задней комнате. Действительно, почему бы и нет? Она возьмет всего несколько фунтов, и люди будут ей благодарны. Она предупредит, что у нее больная мать и шум недопустим.

Все сложилось самым удачным образом. Сначала Анджела приютила пару девушек. После танцев они крались к себе тихо, как мышки. Девушки провели в Каслбее четыре дня и сказали, что Джерри Дойл – настоящий красавчик. До сих пор они видели таких только на экране. Девушек сменила тихая скучная супружеская пара лет сорока. Им нечего было сказать ни друг другу, ни кому-то еще. Анджела их искренне жалела и была озадачена, когда супруги заявили, что поездка удалась, и пообещали вернуться через год. Затем в заднюю комнату заселились два парня с непередаваемым дублинским акцентом. Они оглушительно хохотали по любому поводу и повторяли, что никогда в жизни так не развлекались. В ту ночь, когда они сильно напились, им хватило такта переночевать в сарае, а не пытаться найти свою комнату. Анджела сказала им, что они великолепны, и отказалась брать плату за ночлег.

– Вы не будете в убытке, хозяйка, – заверил Анджелу один из парней. – Мы направим к вам друзей.

И действительно, из Дублина хлынул нескончаемый поток постояльцев: рабочих парней со строительных площадок и фабрик. В их числе были два маляра, Пэдди и Кон. Они обливались потом после поезда и автобуса, а море выглядело восхитительно. Боже, Пэдди и Кон никогда не видели подобной красоты и собирались немедленно искупаться.

– Будьте осторожны, – машинально предупредила Анджела. – Здесь высокие приливы, в конце августа они очень коварны. Их называют сизигийными.

– Не переживайте, мы не утонем, – ответили Пэдди и Кон.

Примерно через полчаса Анджела услышала крик. Это было похоже на вой, который то нарастал, то затихал. Кто-то тонул на отмели. Анджела покупала бекон и яйца в лавке О'Брайена. Ее велосипед с корзиной для покупок стоял на улице. Она обнаружила, что ноги сами несут ее к краю обрыва, где уже собралась толпа. Люди указывали в сторону пещер и скал, на которых обычно стояли рыбаки. Гигантские волны разбивались о берег. У кромки воды происходила какая-то возня. Пятеро или шестеро мужчин пытались удержать на берегу Саймона, а он отчаянно сопротивлялся. Веревки и спасательные круги были брошены в воду, но безрезультатно. Желудок Анджелы сжался, когда она разглядела вдали руку, в отчаянии воздетую к небу, а рядом – чью-то голову. Их было двое. Анджела выронила бекон, осознав, что это ее жильцы – Пэдди и Кон.

С пляжа раздавались крики:

– Ты дважды пытался, тебя сильно потрепало, ты больше ничего не можешь сделать, это самоубийство. Ты сделал все, что мог. Саймон, одумайся!

Разбитый бок Саймона кровоточил.

– Пустите меня! Пустите!

Лицо Саймона исказилось, а глаза наполнились слезами.

Джерри Дойл скрутил ему руки за спину:

– Зачем идти на верную смерть? Посмотри на свою спину, тебя дважды бросало на камни. Что ты пытаешься доказать? Ради всего святого, ты сделал все, что мог. Ты их предупредил. Ты даже один раз сплавал за ними и заставил вернуться.

– Они тут первый день, совсем белокожие, – причитал Саймон. – Пустите меня!

Вдруг люди, разглядев утопавших, закричали:

– Один схватился за камень, он выживет. Смотрите! Смотрите!

Но через несколько секунд огромная волна утащила маленькую фигурку, которая размахивала белыми руками, обратно в море.

Толпа беспомощно наблюдала за происходящим. Ни лодка, ни пловец, ни спасательный круг не могли помочь Пэдди и Кону. Им суждено было погибнуть на глазах у тысячи людей.

Послали за отцом О'Двайером. Когда пришел священник, люди, стоявшие рядом, словно по команде, опустили на колени. Отец

О'Двайер призвал прочесть молитву Розария, и поток славословий в адрес Девы Марии усилился. Саймон перестал вырываться и сел, обхватив голову руками и всхлипывая. Джерри Дойл тоже опустился на песок и положил руку ему на плечо в знак поддержки.

Фигурки бесследно исчезли, волны продолжали разбиваться о скалы, словно не понимая, что натворили. Мужчины расходились, чтобы промочить горло и успокоить нервы, а женщины звали детей и сердитым голосом требовали от них оставаться на мелководье, как будто в этом был какой-то смысл.

Клэр тоже вышла к обрыву. Она почувствовала, как кто-то взял ее за руку. К ее удивлению, это был Дэвид Пауэр.

– Как думаешь, это случилось быстро? – спросила она.

Дэвид покачал головой.

– Ох, – тихо произнесла Клэр.

– Я не знаю. Они ушли под воду не сразу. Они понимали, что происходит.

– Похоже на то.

– Я должен буду спуститься туда, – сказал Дэвид. – Вместе с отцом.

– Когда?

– Ближе к вечеру начнется прилив, их прибьет к берегу.

Клэр сжала его руку с теплым сочувствием.

– Я не обязан, но я это сделаю. Он сказал, что хотел бы, чтобы я это сделал. И я сам скоро стану врачом. Тогда мне придется это делать. Это правильно... правильно...

– Конечно правильно, если это твой собственный пляж.

Дэвид благодарно улыбнулся в ответ.

– Их может прибить к берегу раньше, – сказал он в ужасе.

– Это значит, их искалечит еще сильнее?

– Не знаю.

С пляжа снова донеслись крики, люди показывали пальцами в сторону пещер. На той стороне пляжа, где море было спокойнее, всплыло нечто, напоминающее тело человека. А рядом с ним – еще одно. Никакого намека на движение: ни взмаха рукой, ни попытки доплыть до берега. Обращенные лицом вниз тела покачивались на поверхности, как надувные матрасы, которые продавались в начале

Черч-стрит. Они не были похожи на людей, скорее – на их жалкую пародию.

Клэр отвернулась, внезапно почувствовав легкую слабость. Вот каково это – быть мертвым. Она почти забыла, что все еще держит Дэвида Пауэра за руку, и снова вспомнила о нем, когда повернулась. Клэр положила голову ему на грудь, и он обнял ее за плечи.

– Тебе нужно идти туда, – сказала она, чуть отстранившись.

Джерри Дойл и двое парней прошли мимо. Они помогали Саймону подняться по ступенькам. Доктор Пауэр осмотрел спасателя и попросил Джерри увести его как можно скорее. Он не хотел, чтобы Саймон находился на пляже, когда к берегу прибьет тела. Море вернет их в последние минуты прилива, который уже начинался.

Джерри Дойл спокойно взглянул на Клэр:

– Если вы закончили обниматься, можешь подойти к своей подруге – мисс О’Харе. Ей предстоит разобраться со всем этим и копаться в их вещах.

– Почему? – воскликнула потрясенная Клэр. – С какой стати она должна это делать?

– Потому что они остановились у нее. Они из ее дома, вот почему.

Джерри взял Саймона под руку и повел дальше по улице.

Клэр увидела Анджелу. Она одиноко стояла, зажав ладонями рот, не в силах поверить в случившееся. Волосы развевались у нее за спиной. Она смотрела вниз, на пляж, где люди заходили на мелководье, чтобы вытащить тела Пэдди и Кона на песок. Рядом стоял отец О’Двайер со святой водой, полы его длинной черной сутаны развевались на ветру. Доктор Пауэр уговаривал людей увести детей подальше. Затем он склонился к груди мертвецов в тщетной надежде, что в них еще теплилась жизнь. Через минуту рядом с ним показался его высокий светловолосый сын и начал ему помогать. Дэвид выглядел спокойным и уверенным; это был не тот дрожащий мальчик, который недавно держал Клэр за руку.

Клэр отвернулась. Джерри был совершенно прав. Если она и должна кому-то помочь, то только мисс О’Харе.

Несколько дней в поселке ни о чем другом не говорили. В тот вечер танцы и кино отменили в знак траура. Что делать с аттракционами, было непонятно, поэтому их владельцы пошли на

компромисс и выключили музыку. Клэр и Анджела отыскивали адрес среди потрепанных вещей Пэдди и Кона. Они известили дублинскую гвардию и попросили сотрудников сообщить семьям погибших о трагедии.

Недавние события казались дурным сном. Больше всего жители Каслбея сочувствовали Саймону. Никто не знал родственников Пэдди и Кона и не успел познакомиться с парнями: они только вышли из автобуса, как уже через пару часов их бездыханные тела вытаскивали из моря. Непринужденный смех Саймона остался в прошлом, парень стал на редкость серьезным. Он не ходил вечерами на танцы и больше не дурачился на пляже. Он нервно сидел на высоком табурете, который смастерил из ящиков, и сердито покрикивал на детей, игравших в мяч у него на виду. Однажды вечером в пабе у Крейга Саймон вышел из себя и заявил, что комитет Каслбея ведет себя безответственно, поощряя планы по установке гирлянд и обустройству автомобильных парковок. Они должны сначала построить пирс с волнорезом и огородить безопасную зону для плавания, пределы которой смогут покидать только сильные, опытные пловцы.

«Вы же не разрешаете кому попало играть со спичками и прыгать через костры?» – в раздражении спрашивал Саймон.

Ему прощали дерзкие слова, напоминали о спасенных им детях, о парне, которого он вытащил, когда того прихватила судорога, о девочке, которая наглоталась воды и выжила благодаря тому, что Саймон сделал ей искусственное дыхание. Его хвалили за то, что он уберег от гибели множество людей, ежедневно обходя пляж с дозором. Но в ответ у Саймона только темнели глаза, и все понимали, что больше не увидят парня, когда лето закончится.

Анджела и Клэр не вспоминали о происшествии, с тех пор как в первый же вечер нашли адрес и аккуратно сложили одежду погибших в две потрепанные сумки. Разговоры только усугубили бы ситуацию. Вместо этого они лихорадочно репетировали ответы на вопросы, с которыми Клэр могла столкнуться в первый четверг сентября, когда ей предстояло выступить перед комитетом, присуждавшим премию Мюррея.

Они спланировали ее образ до мельчайших деталей. Клэр должна сделать вид, что премия ей очень нужна, однако она не бедствует. Она должна выглядеть тихой и прилежной, но не слишком тихой, чтобы не

показаться скучной. Одеться следует опрятно, чтобы произвести впечатление благовоспитанной девушки, но не переборщить, чтобы ее не приняли за серую мышку. У Клэр отличные оценки, она в курсе текущих событий. Если она прямо скажет, что происходит из семьи, которая следит за ее успехами, но далека от академических кругов, ее откровенность поможет завоевать сердца жюри. К тому же Клэр никак нельзя назвать легкомысленной, она всегда была честолюбивой и целеустремленной. Разве она не получила стипендию для обучения в средней школе в возрасте двенадцати лет?

Мисс О'Хара сказала, что довольна ученицей. Больше ничего нельзя было сделать, чтобы лучше подготовиться к важному событию. Она не хотела слишком давить на Клэр, опасаясь, что на нервной почве девушка не сможет выговорить ни слова.

Анджела одолжила Клэр темно-синий кардиган и красивый шелковый платок, который мать Джеймса Нолана подарила ей много лет назад. Платок пролежал все эти годы в ящике стола, и теперь была прекрасная возможность устроить ему прогулку. Клэр надела добротную синюю юбку и туфли Джоши. Она собрала блестящие волосы в конский хвост и нанесла легкий макияж – едва заметный, полустертый мазок персиковой помады.

Мисс О'Хара хотела поехать в город и подождать поблизости, пока Клэр не выйдет. Им обоим так было бы спокойнее.

Но в школе уже начинались занятия. Шел двенадцатый год пребывания Анджелы в монастыре – явный перебор для женщины, планировавшей задержаться в Каслбее на двенадцать месяцев. Она больше не чувствовала горечи и досады на Шона. Это было ее решение, и она не меняла его на протяжении очень долгого времени. Она даже не возмущалась, вспоминая проникновенный тон, которым брат наставлял ее на истинный путь. Она не испытывала ненависти к Шону, чьи слова не соответствовали поступкам. Анджела провела слишком много времени, работая под началом матери Иммакулаты. Но Шон тоже натерпелся, ожидая разрешения сложить с себя сан, которого так и не получил.

Джерри Дойл заехал в дом О'Брайенов накануне вечером.
– Завтра у меня работа в городе, могу тебя подвезти.

– Очень мило с твоей стороны, но я поеду на автобусе. В этот раз расписание мне подходит. Даже если я приеду чуть позже, все будет в порядке.

– Я еду прямо туда, – сказал он. – Меня попросили сфотографировать членов комитета и кандидатов на стипендию. Поезжай на автобусе, если хочешь. Я буду там.

На собеседование пригласили двух девочек и пятерых мальчиков. Джерри расставил их по росту и сделал несколько снимков. Он умел заставить людей расслабиться, не кривляясь и не валяя дурака.

«У него настоящий дар», – думала Клэр, наблюдая за Джерри.

Он не обращался к ней по имени. Он был профессионалом. Знакомство с фотографом могло привлечь к ней лишнее внимание. Джерри старался никак не выделять Клэр. Он вел себя так, словно в ней не было ничего особенного. И он не мешал, так что Клэр могла сосредоточиться на собеседовании и остальных конкурсантах. Вторая девочка была выше ростом, выглядела старше и казалась очень прилежной. У нее были густые, небрежно причесанные волосы и очки. Она могла произвести приятное впечатление, но не приложила к этому никаких усилий. Ее туфли были стоптаны на каблуках, а на платье зияла прореха – ради всего святого, она надела школьную форму. Клэр с тревогой посмотрела на изящные туфли Джози и аккуратные манжеты добротного кардигана мисс О’Хары. Может быть, у нее самой слишком дешевый и легкомысленный вид?

«Такое чувство, будто мы домашний скот», – заметил маленький мальчик, который выглядел недостаточно взрослым, чтобы получить промежуточный аттестат^[14], не говоря уже об аттестате зрелости.

Но Клэр не позволила себя обмануть. Она была уверена, что перед ней – самый опасный соперник. Два мальчика в черных свитерах окончили семинарию. Они вели себя более сдержанно. Четвертый мальчик пребывал в нервном возбуждении – он явно вызовет раздражение у членов комитета, а пятый мальчик делал в речи такие долгие паузы, что имел мало шансов ответить хотя бы на один вопрос до конца собеседования.

Девочка была милой. Она окончила школу при монастыре примерно в пятидесяти милях от здешних мест. Девочка поинтересовалась, сколько у Клэр оценок с отличием. Анджела

подготовила Клэр к этому вопросу, посоветовав не хвастаться и по возможности не выдавать свои козыри.

– Не думаю, что оценки повлияют на решение, – сказала Клэр. – Во всяком случае, мне так сказали. В наши дни важно не количество баллов, а то, что о тебе подумают.

Мальчик, барабанивший пальцами по столу, удивленно поднял голову:

– Правда? Тогда я пропал. У меня шесть оценок с отличием, я думал, они помогут мне выплыть.

Он нервно рассмеялся, обнажив несколько сломанных зубов.

Клэр снова и снова мысленно благодарила мисс О'Хару, которая давным-давно отучила ее от привычки нервно посмеиваться.

Они непринужденно болтали, пока к ним не подошла дама, исполнявшая роль председателя, и не обратилась с речью. Это была напыщенная женщина в твидовом костюме и с огромной грудью. Она так походила на голубя, что Клэр несколько не испугалась ее звучного голоса. Их будут вызывать в алфавитном порядке. Клэр поняла, что ее пригласят предпоследней. Нервный мальчик носил фамилию О'Салливан и значился в конце списка. Клэр старалась сохранять спокойствие. Она отказалась от идеи сходить в уборную, даже когда все остальные внезапно решили ее посетить. Клэр помнила, что не съела и не выпила ничего такого, из-за чего ей пришлось бы выйти. Она ела леденцы из ячменного сахара – такие же, как перед экзаменом на стипендию в среднюю школу. В тот раз ничего ужасного не случилось, не случится и теперь. В ее аттестате об окончании средней школы было восемь оценок с отличием. У нее были такие же права, как у любого ирландского ребенка.

Джерри Дойлу сказали, что он понадобится через два часа. К этому времени комитет примет решение. Джерри удивился. Он не ожидал, что результаты огласят прямо на месте. Хорошо, что Клэр узнает их уже сегодня. Джерри не верил в ее победу. Беглого взгляда было достаточно, чтобы понять: скорее всего, выиграет высокая неопрятная девочка или маленький мальчик, похожий на вундеркинда. Их лица по типуажу напоминали портреты победителей разных конкурсов, которые иногда мелькали в газетах.

В назначенное время Джерри вернулся и сидел в фургоне, читая местную газету. На этой неделе напечатали три его фотографии: со

свадьбы, с конкурса по строительству песочных замков и с церемонии установки закладного камня в фундамент нового крыла школы Конгрегации христианских братьев.

Жуткая властная женщина с необъятным бюстом постучала в окно кабины, как будто перед ней был садовник, и позвала его сфотографировать обладательницу премии Мюррея, дающей право на обучение в Университетском колледже Дублина, – Клэр О’Брайен.

Анджела О’Хара спросила доктора Пауэра, не может ли она поговорить с ним в машине. Он был почти на пороге дома и предложил ей зайти в смотровую. Анджела отказалась. Тогда Пэдди пригласил ее в дом на стаканчик шерри. Снова отказ. У нее была не совсем этичная просьба, которую Анджела предпочла бы произнести на нейтральной территории.

– Неэтичная?

Широкие кустистые брови доктора Пауэра поползли вверх.

– Ничего выходящего за рамки, – заверила она. – Поддельное медицинское заключение, только и всего.

– Марш в машину, – сказал Пэдди. – Это серьезно. Если я лишусь работы, лучше убедиться, что оно того стоило.

Анджела рассмеялась, увидев его доброе, встревоженное лицо, и объяснила, что ей нужно. Она хотела съездить на несколько дней в Дублин. Ее лучшая подруга Эмер только что родила ребенка и просила Анджелу выступить в роли крестной матери. Юная Клэр отправлялась в Дублин, чтобы приступить к учебе в университете. Было бы неплохо показать ей город. Не изображать из себя наездку, а просто объяснить девочке, что к чему, чтобы в начале семестра Клэр не чувствовала себя полной дурой. К сожалению, Анджела не могла взять в школе отгул. Она не смела даже просить об этом. Это было неслыханно. Иммакулата посинеет с головы до пят. Не мог бы доктор Пауэр придумать для Анджелы какую-нибудь болезнь, чтобы оправдать ее поездку в Дублин?

Пэдди с сомнением посмотрел на нее поверх очков.

– Я никогда не просила вас ни о чем подобном. Ни разу за все годы, проведенные в Каслбее, я не взяла ни одного отгула.

– Ты неправильно меня поняла. Конечно, я тебе помогу. Думаю, тебе стоит провести в Дублине две недели... Я просто пытаюсь

сообразить, чем ты больна.

Анджела бросила на Пэдди благодарный взгляд:

– Может, сказать, что у меня заболевание матки? Это наверняка смутит Иммакулату, и она сразу отстанет.

– Да, но простой кюретаж делают в местной городской больнице. Нужно придумать что-то, из-за чего тебе понадобилось обратиться к специалисту или в специализированную клинику, – возразил доктор Пауэр и тут же внес предложение: – Кожное заболевание?

Анджела засомневалась:

– Иммакулата будет от меня шарахаться и говорить всем вокруг, чтобы они не пользовались теми же чашками, что и я, во время перерыва на чай.

– Тогда мне не нравятся твои анализы крови. У тебя небольшая анемия, я рекомендую дополнительное обследование.

– С вами приятно иметь дело, – сказала Анджела. – Я верила, что смогу на вас положиться.

– Я делаю это не потому, что я славный малый. Я делаю это, потому что тебе действительно нужен отдых. Я считаю себя в полном праве выдать заключение о том, что ты испытываешь сильный стресс и нуждаешься в отдыхе и смене обстановки. Но если я напишу что-нибудь подобное, красотки в твоём монастыре решат, что у тебя нервный срыв, и не пустят тебя обратно. Так что это будут анализы крови.

Эмер и Кевин очень обрадовались гостям.

Счастливым родителям пришлось отбиваться от монахинь и медсестер, чтобы забрать малыша Дэниела из родильного дома, не окрестив. Они объяснили, что будущая крестная мать живет в сельской местности и скоро приедет. В ответ они выслушали немало опасений, ведь промедление ставило под угрозу бессмертную душу младенца. Но теперь вопрос был улажен. Мартин, в прошлом тот самый застенчивый шафер, согласился стать крестным отцом, и – главный сюрприз! – обряд крещения совершит отец Флинн. Разве это не чудо! Собраться в полном составе в другом городе спустя пять лет после свадьбы!

Никто не заметил, как побледнела Клэр при упоминании имени священника. Она сидела молча. Ей было приятно получить приглашение в этот теплый, гостеприимный дом и познакомиться с

веселыми и непритязательными друзьями мисс О'Хары. Она была рада, что ее позвали на крестины, но она не хотела встречаться со священником, который знал всю подноготную ее семьи и навещал Томми в тюрьме. Она бы предпочла уклониться от присутствия на крестинах, а значит, придется просить помощи у мисс О'Хары.

Пока все совершали последние приготовления и убирали дом вечером перед крестинами, Анджела вдруг загрустила, как это часто бывало с ней в присутствии Эмер и Кевина. Они выглядели такой цельной парой, будто им вообще не нужен был остальной мир.

Восторг, который вызывал у них этот забавный, сморщенный, краснолицый малыш, был таким трогательным, на глаза наворачивались слезы. Пока они любовались сыном в его кроватке, Анджела подумала, что никогда не видела более счастливых лиц.

Она желала им всего наилучшего, и ей не нравилось легкое чувство зависти, невольно возникавшее у нее, когда она находилась рядом. Ни при каких других обстоятельствах она так сильно не желала, чтобы у нее тоже был свой Кевин – кто-то, с кем можно всем поделиться. Кто-то, кому она могла бы с улыбкой поведать о добром докторе Пауэре. Кто-то, с кем она могла бы ночью поговорить о Шоне и Сюе. Она вспомнила, как вернулась в дом Эмер после последнего визита к брату: ей очень хотелось снять туфли, сесть у камина и рассказать обо всем Эмер и Кевину. Но она не решилась открыться перед супружеской парой. После беседы они бы отправились спать: она – в опрятную гостевую спальню с ситцевыми занавесками и покрывалом, они – в большую двуспальную кровать. Они бы лежали, сжимая друг друга в объятиях, и тихо шептались о том, сколько тягот выпало на долю Анджелы. Она не хотела сочувствия, каким бы любящим и великодушным оно ни было. Она хотела, чтобы в ее сети попал одинокий слушатель. Было тоскливо хранить тайну Шона в течение семи лет.

Анджела посмотрела на Клэр, которая стояла в гостиной на стуле, помогая развешивать серебряные и белые украшения. Она была накоротке с девушкой, но считала, что не имеет права нагружать ее своими проблемами. И она сама отказалась говорить с отцом Флинном о Шоне, хотя именно отец Флинн нашел в Англии школу, где Шон смог устроиться на работу.

Она и Клэр – они обе вели себя по-страусиному, прятали голову в песок, отказывались принимать помощь и выражать благодарность честным и открытым способом. Удивительно, насколько похожими оказались их судьбы. Они обе получили по две стипендии – сначала для поступления в школу при монастыре, затем в колледж. Обе происходили из простых, малообразованных семей. У обеих были братья, попавшие в беду. И отец Флинн протянул руку помощи их братьям – один постепенно терял надежду, преподавая в английской школе и ожидая ответа из Рима, а второй читал комиксы в английской тюрьме.

День близился к завершению, и Клэр обнаружила, что находится рядом с отцом Флинном.

– Большое спасибо за все, что вы делаете для моего брата Томми, – сказала она, с трудом выговаривая слова. – И для Неда тоже. Вы нашли для него работу и следите, чтобы он писал домой. Это очень любезно с вашей стороны.

Отец Флинн посмотрел на нее:

– О, значит, ты и есть та самая Клэр О’Брайен, которая пишет письма Томми? Он с нетерпением их ждет, иногда я их ему читаю. Так что не пиши обо мне ничего плохого в следующем письме, иначе мне придется прочесть это вслух!

Клэр прониклась к священнику симпатией. Мисс О’Хара оказалась права. Отец Флинн не тряс головой и не говорил, что ситуация поистине ужасна.

– Знаете, отец, на самом деле в Каслбее у Томми нет будущего. Я много об этом думала. Он будет просто слоняться без дела.

– Впереди еще много времени, чтобы решить. Может быть, лучше слоняться без дела дома, чем там, где он слонялся раньше.

– Да, вероятно, вы правы. Возможно, я просто хочу держаться от него подальше: с глаз долой – из сердца вон.

– Ну, к тебе это не относится, – улыбнулся священник. – Ты не выбросила его из своего сердца. Ты очень отзывчивая девушка. Я желаю тебе успехов в университете и надеюсь, что ты встретишь там много интересных людей, прочтешь много книг и проведешь годы, которые запомнятся тебе навсегда.

Еще никто не желал ей добра в таких выражениях. Никто не высказывал вслух ее собственных надежд и мечтаний. Она действительно хотела прочесть много книг и чтобы у нее было время для чтения. Она надеялась встретить людей, с которыми сможет поговорить и которые расскажут о том, что читают. Этот забавный толстый маленький священник с глазами-бусинками видел ее насквозь.

Клэр проводила мисс О'Хару на вокзал. Они осмотрели общежитие Клэр, и Анджела заверила подопечную, что ей там будет совсем не плохо. Через неделю сюда съедутся девушки со всей страны, объединенные ненавистью к монахиням, которые руководят общежитием. Все новоиспеченные студентки будут нервничать точь-в-точь как Клэр, но ни одна из них не сравнится с ней умом. Мисс О'Хара и Клэр обошли город пешком, и теперь Клэр знала, что находится на каждой из четырех сторон сквера Стивенс-Грин и где искать Физический театр, который, как ни странно, был местом проведения первых лекций. Клэр прошла регистрацию и получила студенческий билет.

Клэр чувствовала себя умудренной опытом. Возвращаясь на автобусе от вокзала к мосту О'Коннелла, она с жадностью разглядывала город, в котором ей предстояло прожить три года. Труднее всего было привыкнуть к яркому свету. В Каслбее на Черч-стрит зимой зажигали редкие фонари, а на Клифф-роуд и дороге, ведущей к полю для гольфа, фонарей попросту не было. Зато в Дублине свет горел даже на боковых улицах и в переулках, а в магазинных витринах его не выключали вовсе. В любое время суток можно было пойти и посмотреть, что там продается. Автобус ехал вдоль набережной к центру Дублина, и в темной воде реки Лиффи отражались и мерцали огнями монументальные церкви, Здание четырех судов и ряды высоких домов. После Каслбея это казалось чем-то невероятным.

Вместе с Анджелой О'Харой Клэр прогулялась по роскошным магазинам, любуясь кольцами и браслетами в ювелирных витринах. Они наведались в букинистический магазин и купили книги, необходимые на первом году обучения. Анджела без устали карабкалась по приставным лестницам, чтобы достать для Клэр издания получше или подешевле. Клэр сообщила о своем приезде руководству большого общежития из красного кирпича, где ей

выделили место. Анджела пришла вместе с ней и предупредила монахинь, что перед ними не обычная студентка, а лауреат премии Мюррея и за нее платит комитет. Это произвело впечатление на монахинь. Общежитие напомнило Клэр среднюю школу. Девушка была разочарована тем, что в нем не было ни сада, ни внутреннего двора. Монастырь занимал четыре объединенных здания из длинного ряда георгианских домов, построенных вплотную друг к другу. Анджела сказала, что Клэр вряд ли выкроит время на прогулки в саду. Летом в ее распоряжении всегда будет сквер Стивенс-Грин, а близость общежития к университету означала, что место в нем ценилось на вес золота. Клэр могла встать с постели буквально за несколько минут до начала лекций, тогда как другим студентам приходилось пересекать весь город.

Клэр вышла из автобуса на мосту О'Коннелла, перегнулась через парапет и посмотрела вниз. По реке плыли два лебедя. Они выглядели очень уверенными в себе, даже высокомерными. Они не испытывали ни малейшего беспокойства из-за того, что оказались в городе, в окружении людей, а не себе подобных. Клэр улыбнулась при этой мысли. Она была стольким обязана мисс О'Харе – или Анджеле, как она теперь должна была называть учительницу. Клэр была обязана Анджеле всем, включая последние дни, знакомство с Дублином и введение в курс дел.

Она знала, какой автобус идет до общежития, но решила устроить себе небольшую прогулку. Ей все равно придется почти везде ходить пешком, почему бы не начать прямо сейчас? Она пошла вверх по Графтон-стрит, останавливаясь, чтобы поглазеть на меховые шубы, бытовую технику, картины в роскошных рамах и на витрины аптек, полные духов, мыла и талька. Она разглядывала книги и глубокие кожаные кресла, выставленные на продажу. Она ознакомилась с расценками парикмахерских и обратила внимание на указатель, который вел к маленькой церкви на Кларендон-стрит. Клэр не остановилась в замешательстве в начале Графтон-стрит, как большинство новичков. Она знала, что ей нужно пересечь Стивенс-Грин и пройти чуть дальше – туда, где находилось ее общежитие. Клэр заранее оставила там багаж. Ее предупредили, что юные леди придут после шести вечера. Она также выяснила, что ужин не предусмотрен, поэтому оказалась более осведомленной, чем

остальные, которые рассчитывали на ужин. Клэр оглядела неприветливое с виду здание, глубоко вздохнула и вошла в свой новый дом.

Комната была рассчитана на троих. Клэр заселилась первой, поэтому смогла выбрать себе место. Она заметила, что маленькое, скупо освещенное помещение не слишком пригодно для занятий, – видимо, для учебы предназначались библиотеки. Клэр заняла кровать у окна. Здесь она могла подышать свежим воздухом. Разумеется, она заранее проверила, что из окна не тянет сквозняком. Клэр вспомнила о Крисси, которая, должно быть, сидела в одиночестве дома в спальне и пыталась разобраться в своих отношениях с Могси Бирном.

В комнату вошла первая соседка. Мэри Кэтрин была американкой, отец хотел, чтобы она получила образование в Ирландии, ей никогда в жизни не было так холодно, она не могла поверить, что в комнате нет ванной, не понимала, почему внизу нет стойки регистрации и почему их никто не приветствует, она собиралась изучать английский и специализировалась на английской литературе в своем колледже, она пребывала в полном замешательстве и недоумевала, где встроенный шкаф.

Клэр сидела на кровати, гадая, сможет ли продержаться целый год под звуки этого голоса, когда дверь открылась и на пороге показалась еще одна девушка. У нее были короткие вьющиеся волосы, а по лицу струились потоки слез.

– Разве это не ужасно? – всхлипнула она. – Здесь пахнет прямо как в школе, сегодня вечером не будет ни праздничного ужина, ни просто ужина, ни любой другой еды. Я видела список правил длиной с мою руку. Как мы здесь выживем?

Она бросилась на пустую кровать и зарыдала в подушку. Ее чемоданы были подписаны именем Валери.

Клэр решила взять ситуацию под контроль.

– Послушай, Валери, если так тебя зовут, место и впрямь выглядит ужасно. Пахнет даже хуже, чем в школе. Я Клэр, а это Мэри Кэтрин, она из Америки и тоже не в восторге, потому что здесь холодно, нет ванной и каких-то встроенных шкафов. Нам не организуют ни ужина, ни приветственной вечеринки, потому что никому даже в голову не пришло, что мы рассчитывали на праздник. Ради бога, давайте не будем ныть и стонать еще до начала учебы!

Почему бы нам не выйти, чтобы перекусить и подумать, как сделать это место лучше?

Слыша свой голос, она с трудом могла поверить, что он принадлежит ей, Клэр О'Брайен, стипендиатке из Каслбея. Она никогда раньше не пыталась прикрикнуть на двух незнакомых девиц. Однако ее слова возымели магическое действие.

Жареная картошка так взбудрила соседок, что они съели по порции яблочного пирога с мороженым. Клэр рассказала о стипендии Мюррея. Мэри Кэтрин призналась, что ее отец служил в Штатах почтальоном, но велел дочери говорить всем в Ирландии, что он работает на правительство. В этом была доля правды. Еще отец мечтал о том, чтобы его единственная дочь вышла замуж за кого-нибудь, кто владел бы в Ирландии замком. Родители Валери развелись. Отец жил с любовницей в Англии и платил за обучение дочери. Валери не хотела поступать в университет, но мать заявила, что она должна поступить и учиться долгие годы, чтобы «выжать из этой крысы как можно больше».

Узнав жизненные истории друг друга, девушки развеселились еще больше. Они выяснили то, что ожидали услышать: ни одна из них не имела опыта общения с мужчинами. Мэри Кэтрин знала в Штатах девочку, которая еще в школе прошла весь путь с четырьмя парнями. Удивительно, но у нее не было ребенка, правда постоянного друга у нее тоже не было. Девочка из школы, где училась Валери, внезапно исчезла в середине пятого класса, но в этом крылась какая-то тайна, потому что у девочки не было парня. По школе ходили слухи, что в деле замешан кто-то из ее семьи: отец или брат. Клэр поведала несколько историй из Каслбея о том, что происходило среди песчаных холмов, но ее рассказы были заимствованы из вторых и третьих рук. Она хотела поделиться своими сомнениями по поводу Крисси и Могси, но они не тянули на роль гламурной парочки, поэтому Клэр решила о них не упоминать.

Насытившись ужином, проникшись взаимным доверием и симпатией, девушки встали из-за стола, чтобы вернуться в комнату, которую решили преобразить. Они хотели купить на набережной подержанную книжную полку и ввинтить в стену крючки для одежды. Еще они хотели выяснить, сколько стоит дешевая лампа для чтения, и приобрести хотя бы одну на всех.

Когда они выходили из кафе, кто-то окликнул их из-за переполненного столика:

– Эй, это Клэр, Клэр О’Брайен!

Клэр застыла в изумлении. Все, что она видела, – это море молодых людей в прямых пальто с капюшоном и шарфах. Один из них махал ей рукой. Это был Джеймс Нолан. Он поднялся и подошел к девушкам.

– Так-так-так, – протянул он, не зная, что еще сказать, хотя пересек ради этого зал.

Клэр представила его соседкам по комнате. Она вежливо улыбалась, словно желая заверить Нолана, что не претендует на дружбу с ним.

– Так-так, – повторил Джеймс. – А остальные жители Каслбея тоже перебрались в Дублин?

Его оценивающий взгляд скользнул по Мэри Кэтрин и Валери.

– Возможно, Джози Диллон приедет на несколько дней, – с готовностью ответила Клэр.

Джози умоляла ее выяснить, где живет Джеймс Нолан, и сказала, что с удовольствием приедет в Дублин, если Клэр сможет его разыскать. Подумать только, Клэр столкнулась с Ноланом в первый же вечер!

– Джози? – переспросил Джеймс.

Выглядел он озадаченным.

– Джози Диллон из отеля.

Джеймс Нолан рассеянно покачал головой.

– Ты должен ее помнить, ты встречался с ней этим летом, – выпалила Клэр и едва не укусила себя за локти.

– Не понимаю, о ком ты.

Джеймс был вежлив, но тема ему явно наскучила. Клэр с удовольствием ударила бы его как следует.

– Это моя ошибка. Уверена, что она тебя тоже не помнит.

Глаза Клэр блеснули, и Джеймс посмотрел на нее с удивлением.

– Так, ладно, послушайте, девочки, приятно было вас повидать. Кстати, в субботу у нас вечеринка. Я приглашаю всех троих. Сейчас запишу.

Он нацарапал адрес и время на листке бумаги.

– Десять вечера! Мы должны вернуться в общежитие к одиннадцати, – разочарованно протянула Валери.

– Поздний пропуск, попросите у них поздний пропуск. Скажите, что кузина пригласила вас всех на свое совершеннолетие. Монахини любят двоюродных братьев и сестер, думают, что с ними вы в безопасности и что у вас большая дружная семья. Они любят совершеннолетних и верят в преемственность.

Девушки пообещали прийти. Взявшись за руки и хихикая, они шли по темным незнакомым улицам и говорили, что пропали бы, если бы не Клэр, которая знала дорогу и к тому же раздобыла им приглашение на вечеринку в их самый первый день в Дублине.

Это был великий союз. Другие девушки страдали от одиночества и неуверенности в себе. Они кидали завистливые взгляды на трех студенток: высокую кареглазую и светловолосую красотку из ирландской глубинки, американку в диковинной одежде и Валери, кудрявую бестию. Именно Валери подружилась со строителем, который выполнял какие-то работы на стенах общежития, и попросила его вбить в стену через равные промежутки три прочные скобы, чтобы девушки могли ночью незаметно вернуться в комнату. Строитель очень нервничал.

«К вам могут забраться парни и напасть на вас», – протестовал он.

Чепуха! Валери объяснила, что их в комнате трое и любой парень, заглянувший без приглашения, встретит достойный отпор. Валери тщательно проследила за монтажом и маскировкой скоб. Ни одна монахиня, проходя мимо, не могла догадаться, что девушки проложили себе тайный путь на свободу. Коварная Валери попросила вбить пару дополнительных скоб, ведущих в никуда, запутав таким образом следы и скрыв истинное назначение секретной лестницы. План сработал, монахини так и не узнали об этом. Девушки рассказали о лазейке надежным друзьям, и с тех пор в их комнате регулярно раздавались легкие девичьи шаги: кто-нибудь спрыгивал с подоконника и крался к двери, зажав в руках туфли, шепча извинения, выражая благодарность и не вдаваясь в подробности.

Клэр и Мэри Кэтрин не так уж часто пользовались запасным выходом. Чтобы оставаться в здравом уме, им достаточно было знать, что он существует. Зато Валери извлекла из своей гениальной задумки

максимум выгоды. Она ходила на танцы и вечеринки и возвращалась по тайной лестнице по меньшей мере три или четыре раза в неделю. Когда Клэр и Мэри Кэтрин бежали на лекции, Валери еще нежилась в постели, укутавшись в одеяло так, что ее кудряшки были едва видны. Монахинь и других девушек кормили отговорками, что Валери – редкая счастливица, у которой лекции начинаются позже. В любом случае Валери редко посещала занятия, независимо от времени их проведения. По ее словам, мать ничего не говорила ей о сдаче экзаменов, речь шла только о трате денег на учебу в университете.

На Рождество Валери поехала домой к матери, где ей предстояло выслушать множество проклятий в адрес отца, Мэри Кэтрин отправилась погостить к американским друзьям, а Клэр села на поезд до Каслбея. Ее мать попросила Джерри Дойла заехать за Клэр.

Джерри прислал открытку, где говорилось: «Фургон страсти будет ждать тебя в самой темной части двора за вокзалом. Увидимся. С любовью, Джерри».

Девушки были заинтригованы. Они заинтересовались еще больше, когда узнали, что Джерри – первый сердцеед графства и дважды зазывал Клэр в свой фургон.

Клэр возвращалась домой с радостным чувством. Ее совесть была чиста – она исправно писала матери и Томми каждую пятницу. Анджеле она писала гораздо реже. Клэр думала, что будет писать мисс О’Харе больше, чем кому бы то ни было, но почему-то не могла рассказать ей о своей жизни и регулярных походах в Национальную библиотеку, спокойная атмосфера которой так хорошо настраивала на учебу. Чувствовалось, что там занимались настоящей наукой, а не просто заучивали что-то наспех перед экзаменом, заткнув уши руками. Клэр перечитала все книги, предусмотренные курсом, а также много дополнительной литературы. Она могла встретиться с комитетом, присуждавшим премию Мюррея, посмотреть в глаза каждому члену жюри и честно заявить, что их деньги не были потрачены впустую. Было странно, что Клэр не могла написать об этом Анджеле.

В поезде Клэр увидела Дэвида Пауэра и снова уткнулась в книгу, чтобы он не заметил ее, идя по проходу. Клэр не избегала общения с Дэвидом, просто это выглядело глупо: они прожили три месяца в одном городе, ни разу не встретились и столкнулись нос к носу по

дороге домой. Клэр опасалась, что разговор получится слишком натянутым.

Дэвид увидел ее только на выходе из поезда, и его лицо расплылось в широкой улыбке. Он подумал, что Клэр выглядит очень мило. На ней было темно-синее прямое пальто с капюшоном и вязаный сине-белый шарф. Она собрала волосы в игривый конский хвостик, украшенный белым бантом. Совсем недавно Клэр была ребенком. С другой стороны, мать неоднократно утверждала, что не успела и глазом моргнуть, как ее сын вырос из ползунков.

Заметив, что отец стоит у ворот и машет рукой, Дэвид предложил Клэр:

– Мы можем отвезти тебя домой. Хорошо, что я вовремя тебя увидел.

– Меня подвезут, но большое тебе спасибо.

Джерри Дойл стоял, небрежно прислонившись к автомату, который мог отчеканить на металле любое имя. Он не двинулся с места, не помахал рукой и не попытался обратить на себя внимание, как это делали все остальные и отец Дэвида. Джерри знал, что его заметят в нужное время. Клэр подняла руку в знак приветствия.

– История всей моей жизни. Вторая скрипка после Джерри Дойла зимой и летом, – буркнул Дэвид, подходя к отцу.

– Мама в машине, сегодня холодно. Я не хотел, чтобы она стояла на ветру.

– Ты абсолютно прав, – согласился Дэвид.

По необъяснимой причине он был рад, что Клэр отказалась ехать с ними. Его мать недолго любила девушку. По мнению Дэвида, с Клэр все было в порядке. Но миссис Пауэр считала, что юной дочери Тома О'Брайена самое место за прилавком в магазине родителей, а вовсе не в стенах университета и уж точно не на сиденье автомобиля доктора Пауэра.

Она не ожидала, что здесь будет так тихо. Она совсем забыла, что здесь всегда тихо в это время года. Ни гирлянд, ни рождественских елок в окнах, ни оживленного движения на улицах. Она забыла, как мало здесь людей и как мокрые брызги обжигают лицо, стоит только выйти за дверь.

А еще она забыла, как красив Джерри Дойл. Он был одет в кожаную куртку, у него были длинные блестящие волосы. Стоя на вокзале, он выглядел как кинозвезда. Он захватил плед, чтобы Клэр могла накинуть его на колени.

– Что-то случилось? – внезапно спросила Клэр.

– Твоя мать упала. Но с ней все в порядке. В полном порядке, – заверил Джерри.

– А поточнее? – Ее голос звучал отрывисто.

– Она так хорошо себя чувствует, что даже хотела поехать со мной на вокзал.

– Почему мне не сказали? Почему мне никто не сказал? Где она упала?

– На тропе среди скал. Она сломала лодыжку. Ее продержали в больнице всего одну ночь.

Глаза Клэр наполнились слезами.

– Прекрати, все не так уж плохо. Честно говоря, она прихрамывает, вот и все. Твой папа очень мил, он даже приносит ей чай по утрам.

– Значит, дело плохо. Когда это случилось?

– Где-то три недели назад. Послушай, Клэр, хватит переживать. Я хотел рассказать тебе на въезде в Каслбей, чтобы у тебя не осталось времени на всю эту чушь. Ты бы через пять минут увидела мать и поняла бы, что с ней все в порядке.

– Она могла разбиться.

– Нет, не могла. Не драматизируй. Для нее все позади, будет только хуже, если ты начнешь нападать на родных за то, что тебя не предупредили.

Клэр неохотно признала, что Джерри прав.

– Ладно, расскажи, что здесь еще происходит. Маму я скоро увижу.

Джерри сообщил, что бизнес меняется в полном соответствии с его прогнозами. Все больше людей приносят на пляж свои дешевые фотоаппараты, в аптеке Мерфи ажиотаж: толпы клиентов хотят проявить и напечатать свои отпускные снимки. Спрос на пляжные фотографии падает. С другой стороны, Джерри заранее это предвидел и понимал, что нужно менять приоритеты и расширяться. Теперь он занимался портретной фотографией и выполнял специальные заказы

для отелей и новостроек, владельцы которых хотели получить престижные снимки помещений. Это означало, что Джерри приходилось благоустраивать собственное помещение. Солидные заказы идут тебе в руки, только если ты сам выглядишь солидно.

– Разве это не рискованно? – спросила Клэр.

– Нет, так устроен бизнес, – заверил ее Джерри.

За это время Джози Диллон удалось привлечь в отель публику, устроив выходные, посвященные бриджу. Идея имела такой успех, что любители бриджа со всего мира теперь готовы приезжать в Каслбей регулярно. Когда Дик Диллон отказался от выпивки, он научился играть в бридж и годами предлагал устроить нечто подобное, но дальше слов дело не шло. Теперь Дика и Джози распирает от гордости, сестры Джози сходят с ума от зависти, а старуха Диллон утверждает, что с самого начала это была ее задумка.

Клэр описала Джерри размеры университета и флигеля, где студенты пьют по утрам кофе, и рассказала, что бок о бок с ней учатся сотни монахинь и священников, чего она никак не ожидала.

Еще Клэр хотела знать, вернулась ли на Рождество Фиона. Было любопытно выслушать ее рассказ о политехническом институте и сравнить ее впечатления от учебы со своими собственными. Оказалось, Фиона не собирается приезжать, это Джерри хотел ее навестить.

– Фиона не приедет на Рождество?

Это было неслыханно!

Джерри упорно смотрел на дорогу.

– Чем она так занята, что не вернется домой?

Джерри глубоко вздохнул, задействовав при этом почти все тело целиком.

– Господи, Клэр, ты же не какая-нибудь старая гримза, откуда этот удивленный тон? Она хочет там остаться, вот и все. Или я должен сочинить для тебя историю, выдумать объяснение? Неужели все в Каслбее захотят получить подробный отчет о том, чем остальные жители Каслбея планируют заниматься до конца своих дней?

– Ты прав, извини, – раскаялась в своей настойчивости Клэр. – Я не веду себя так в Дублине. Наверное, это возвращение домой на меня повлияло.

– Не забывай, что некоторые из нас никогда отсюда не уезжали, но мы тоже по-своему вырастем.

Клэр не совсем поняла, что Джерри имел в виду, но его слова прозвучали как упрек. Она виновато кивнула, и они поехали молча.

– Вообще-то, я уезжаю завтра, – помолчав, признался Джерри. – Я никому еще не говорил. Просто уеду.

– Да, – согласилась она, – это хорошая идея.

– Я могу навестить Томми и Неда, пока буду в Лондоне, – неожиданно предложил он. – Давно их не видел.

Клэр даже подскочила на месте, но, возможно, Джерри не заметил этого.

– Дашь мне их адрес?

– Нет, – ответила она. – Я его не знаю.

– Может быть, твоя мать...

– Думаю, она тоже не знает.

Ее рот захлопнулся, как капкан. Теперь и она смотрела на дорогу прямо перед собой.

– Ладно, – смирился Джерри. – Если ты вырос в Каслбее, это не означает, что ты обязан быть у всех на побегушках.

Клэр улыбнулась, прикусив губу. Она ведь почти выдала себя. С таким же успехом она могла открыть Джерри всю правду. В будущем это бы многое упростило.

На Рождество Крисси получила кольцо. Они с Могси, которого она теперь предпочитала называть Морисом, хотели пожениться в июне следующего года. Могси – или Морис – строил для них небольшой дом рядом с маслобойней. В мясной лавке Двайера сказали, что Крисси может работать до тех пор, пока скорое появление малыша Бирна не станет совсем очевидным. Лучше и быть не могло.

Мать Клэр выглядела усталой.

– Разве ты не хочешь повидаться со своей подругой мисс О'Харой, прежде чем сесть и поговорить с нами? – спросила она в первый же вечер.

– Не надо на меня злиться. Я только что вернулась домой.

– Домой! Сомневаюсь, что мы будем часто тебя видеть. Как засядешь наверху со своими книгами, так и слова родным не скажешь.

– Мама, зачем ты это говоришь? Я едва порог переступила! Я не пойду к мисс О’Харе, я навещу ее завтра или, может быть, послезавтра. Но ты ведь никогда не имела ничего против, ты всегда была благодарна ей.

– Я знаю, не обращай на меня внимания, это просто нервы.

– Что случилось?

Рядом больше никого не было.

– Всего понемногу.

– Это не из-за свадьбы Крисси? Ты не из-за этого расстроена?

– Конечно нет, для каждого башмака Бог сотворил свой чулок. Эти двое созданы друг для друга.

– Что тогда?

– Я беспокоюсь, как там Томми.

У Клэр екнуло сердце.

– ...Со временем ты и сама поймешь. Есть в нем что-то такое, я не знаю, как объяснить. Он не пишет писем и не приезжает. Было бы чудесно, если бы он приехал на это Рождество, вот о чем я думаю.

– Томми за всю жизнь не написал ничего, кроме своего имени, ты же знаешь.

– Да, но письма Неда какие-то странные, он что-то скрывает. Я хочу попросить Джерри Дойла повидаться с парнями, он завтра уезжает в Англию.

– Когда он успел тебе рассказать? Он никому не хотел говорить о поездке.

– Я спросила, не поможет ли он с доставкой товара перед Рождеством, а он ответил, что уезжает. Он сказал мне об этом только сейчас, пару минут назад, когда ты доставала вещи из фургона и удивлялась, как шумит море.

– У Джерри не будет времени искать Томми и Неда.

– Ах, он найдет время, он хороший мальчик, хотя о нем здесь дурно отзываются. Я поговорю с ним завтра.

Этим же вечером Клэр отправилась домой к Джерри Дойлу и оставила для него записку. Она сказала матери, что хочет погулять и посмотреть на скалы. Агнес ответила, что Клэр окончательно рехнулась, но ведь ни ее, ни сестру с братьями не переубедишь – с таким же успехом можно разговаривать с каменной стеной.

На следующее утро Джерри сидел на ограде, как она и просила. Темно-серое небо грозило дождем, но на землю пока не упало ни капли. Они оба оделись тепло.

– У Томми небольшие проблемы, – призналась Клэр.

– Я так и подумал, когда услышал твой голос.

В его тоне не было ни торжества, ни любопытства.

– Проблема называется Вормвуд-Скрабс, если быть точным, – сказала Клэр.

– Да, тут есть небольшая проблема, – ободряюще улыбнулся Джерри. – Твоя мама не знает?

– Никто не знает, кроме Неда и меня.

– Тяжело вам.

– Ну, Томми в тюрьме еще хуже, как и старику, которого избили при ограблении, – вот кому тяжело.

– Ясно, так что же мне делать? Сказать, что я не смог его найти?

– Нет, не мог бы ты позвонить Неду, у меня есть его номер телефона, поговорить с ним, а потом сказать маме, что Томми в порядке? Тебя не слишком затруднит?

В холодном утреннем воздухе Клэр выглядела совсем юной и очень встревоженной.

– Все в порядке, я позабочусь об этом.

– Спасибо, Джерри.

Она не просила его держать рот на замке, в этом не было необходимости.

– Насчет Фионы, – сказал Джерри.

– Это не мое дело, – перебила Клэр.

– Не твое, но тем не менее на этой неделе у нее родится ребенок.

Подарок к Рождеству, черт меня дер.

Потрясенная Клэр едва не свалилась с каменной ограды, но ради Джерри скрыла свое удивление.

– Фионе повезло, что у нее есть ты, – заметила она.

– Мы отличная пара, – подтвердил Джерри, легко спрыгнул с ограды и помог Клэр спуститься. – Счастливого Рождества!

Клэр с благодарностью посмотрела на Джерри. В свете раннего промозглого утра его маленькое заостренное лицо выглядело холодным и безучастным. Он сказал так мало, как только можно было сказать, и почти не выразил сочувствия, когда сказать было нечего. Он

раскрыл секрет Фионы, чтобы дать что-то взамен, уравновесив боль и стыд, который испытала Клэр, когда делилась своей тайной.

– Счастливого Рождества, Джерри, – пожелала она. – Ты очень-очень славный.

– А я всегда тебе об этом говорил. Ты единственная, кто не понимал этого, – пошутил он.

– Я другое имела в виду, – возразила Клэр и усомнилась в собственной искренности.

Джерри был красивым и добрым, у него было редкое чувство ответственности. Все будет хорошо, если довериться Джерри. Фионе очень повезло с братом. Он прикроет бедных Неда и Томми, которые иначе попали бы в затруднительное положение. Клэр пожалела, что на рождественских каникулах Джерри не будет рядом. Она ощутила странное желание прижаться к нему и не отпускать.

– Пожалуй, мне пора отправляться в дальние края, – сказал Джерри, все еще держа ее за руки после того, как помог спуститься с ограды.

– Счастливого пути. Надеюсь... Я надеюсь, с Фионой все будет в порядке.

– Я уверен, так и будет. Она хочет отдать ребенка на усыновление, а потом мне, наверное, придется обучить ее основам фотосъемки.

– Основам чего?

– Фотосъемки. – Джерри одарил Клэр своей фирменной кривой ухмылкой. – Тому, чем, по мнению всего поселка, Фиона занимается последние шесть месяцев.

Анджела обрадовалась при виде Клэр:

– Разумеется, ты не слишком рано, заходи и позавтракай, как в старые добрые времена.

– Когда я совсем вырасту и заведу собственное жилье, то буду завтракать так же, как ты, – заявила Клэр, накладывая еду на тарелку.

– Что же я ем такого особенного?

– Ты покупаешь в магазине вкусный джем и белый хлеб, который можно нарезать тонкими ломтиками. Ты не ешь рыхлый домашний хлеб и ужасный самодельный джем, что люди покупают на ярмарках.

– И это все, чему ты научилась в университете? Хныкать из-за магазинного хлеба? Расскажи мне все об учебе, расскажи об Эмер и

Кевине. Почему ты не пишешь мне большие длинные письма, как ты делала, когда училась в школе?

– Не знаю. Я правда не знаю.

– Это очень честно с твоей стороны, – улыбнулась Анджела, ничуть не смутившись. – В любом случае ты очень занята.

– Дело не в этом. – Клэр изо всех сил старалась быть честной. – Я пишу маме, Джози и Томми. И я могу выкроить время.

– Возможно, потом тебе станет легче, – произнесла Анджела так, будто ее ничуть не смутили слова Клэр. – Давай расскажу, что происходит у нас. Ты не поверишь, но Иммакулата совсем свихнулась, санитары в белых халатах приедут за ней до наступления Пасхи, запомни мои слова.

Миссис О'Хара нахмурилась:

– Анджела, ты ведешь себя глупо и непорядочно в присутствии ребенка. Несмотря на все свои заслуги, Клэр еще ребенок.

– Все в порядке, миссис О'Хара, – успокоила Клэр старушку. – Я уже все услышала и никому ничего не скажу, я умею держать рот на замке.

– Похоже, ты такая одна во всем графстве, – проворчала мать Анджелы.

Последовала длинная и безумная история о том, как матушка Иммакулата устраивала рождественское представление, на которое каждый должен был принести по игрушке для бедного ребенка и положить ее у вертепа. Одна девочка спросила, кому потом отдадут игрушки.

– Бедным, – взвизгнула мать Иммакулата.

– А мы разве не бедные? – удивилась девочка. – Беднее нас никого нет.

Клэр рассмеялась и, пока Анджела подливала всем чай, написала записку: «Нужно поговорить о Томми наедине».

Анджела предложила Клэр пройти наверх, чтобы посмотреть новые книги, которые она купила. Клэр впервые оказалась в спальне мисс О'Хары и поразились, какой скудной была обстановка. Кровать с белоснежным покрывалом и распятие на стене в изголовье. Небольшой стеллаж. Отсутствие встроенных шкафов до слез огорчило бы Мэри Кэтрин. Белый стул. Вместо ковра – скромный милый

половик. По непонятной причине комната выглядела немного грустной.

– Мне пришлось рассказать Джерри Дойлу про Томми, – пояснила Клэр.

Она изложила, как было дело, умолчав о секрете Фионы.

– Я должна была ему рассказать, – подытожила Клэр, заметив встревоженное лицо Анджелы. – Что еще я могла сделать?

– Ты могла надеяться, что он узнает правду и не расскажет матери.

– Слишком долго пришлось бы ходить вокруг да около.

– Наверное, ты права. Скорее всего, так и есть. Просто теперь, когда ты сказала ему, ты вроде как в его власти.

– Как драматично! – попыталась рассмеяться Клэр.

– Джерри Дойл – драматическая личность. Я давно подозревала об этом. Он слишком красив и умен для Каслбея. И поэтому почти опасен.

– Я не окажусь в его власти, честное слово, – сказала Клэр, посмотрев Анджеле прямо в глаза. – Я уверена в этом, насколько вообще могу быть в чем-то уверена. Он никогда не будет мной распоряжаться.

Дэвид заглянул в лавку О’Брайена в канун Рождества. Бонс послушно ждал у порога.

– Он может войти, никто не оставляет собак за дверью, – сказал отец Клэр. – А Могси Бирн в прошлом месяце привел с собой пару коров.

– Папа, я буду благодарна, если ты запомнишь, что его зовут Морис. И он их не приводил. Они вошли, потому что парня, который должен был за ними присматривать, не оказалось на месте.

– Поздравляю, Кресси, я слышал о твоей помолвке, – вежливо сказал Дэвид.

Кресси жеманно улыбнулась и показала кольцо. Дэвид признал, что оно потрясающее.

– А как твои успехи в этом направлении? – поинтересовалась Кресси, строя из себя многоопытную женщину, способную подбодрить тех, кто медлит.

– Думаю, мне лучше подождать, пока я пройду аттестацию. Предлагать девушке выйти замуж за врача плохо само по себе, а со студентом-медиком тем более никто связываться не станет. Нам будет не на что жить.

– Ты оставил свое сердце в Дублине? – не успокаивалась Крисси.

– Прекрати всюду совать свой нос, – прикрикнула на нее Агнес.

– Да просто я слишком занят, у меня нет времени на романтику, – ответил Дэвид, одарив всех беззаботной улыбкой. – А Клэр дома?

– Нет, никаких следов присутствия Клэр. Где ей еще быть, кроме как у мисс О’Хары или в отеле с Джози Диллон. Здесь ее нет, могу тебя в этом заверить, – обиженно заявила Крисси и ехидно добавила: – Сожалею, что твой визит оказался напрасным.

– Все нет, я пришел за сигаретами, – непринужденно ответил Дэвид. – И еще за банкой вашего чудесного печенья для Нелли и кровяной колбасой.

– Сегодня утром твоя мама уже покупала кровяную колбасу, – предупредил Том О’Брайен, не желая портить отношения с клиентом, продавая дважды одно и то же.

– Уверен, что вы правы, но держу пари: мама купила слишком мало колбасы. Я хочу, чтобы завтра утром, когда мы вернемся домой после мессы, на моей тарелке лежало шесть кусочков. Вы даже не представляете, как я скучаю по кровяной колбасе в Дублине. Ее там подают крошечными ломтиками, и вкус у нее совсем другой.

Дэвид пожелал всем счастливого Рождества, и ему дали кусочек вареной ветчины для Бонса. Пес проглотил угощение и поднял переднюю лапу, хотя его об этом никто не просил.

Клэр лежала на кровати Джози и рассказывала подруге про общежитие, потайную лестницу и о том, как они веселятся с Мэри Кэтрин и Валери. Еще она рассказывала о лекциях и дискуссионном клубе по субботам, о танцах и о том, как общественные организации зарабатывают, устраивая танцевальные вечера.

Джози расстроилась, узнав, что Клэр видела Джеймса Нолана всего два раза – в кафе и на очень жаркой многолюдной вечеринке в чьей-то квартире. Клэр сообщила, что Джеймс дважды танцевал с Мэри Кэтрин, если это можно было назвать танцами; но он не приглашал Мэри Кэтрин на свидание или не делал ничего подобного.

Клэр не призналась Джози, что Джеймс Нолан забыл ее. Она решила, это лишняя информация. Но намекнула, что Джеймс показался ей ветреным и непостоянным. Джози возразила, что Клэр просто плохо его знает.

Джози была в восторге от того, как ей удалось наладить зимний бизнес в отеле; дядя Дик вел себя на редкость мило и перестал злобно ворчать, как раньше. Бабушка окончательно выжила из ума; она пожаловалась Джози, что ее мать уже много лет добавляет в их еду мышьяк и даже отравила пару гостей, из-за чего они больше не приезжали. Ее сестры Роза и Эмили приехали домой на Рождество и совсем не обрадовались, узнав о затее с бриджем; они чуть было не сказали Джози в лицо, чтобы она не вмешивалась. О, Клэр и не подозревает, как тихо в Каслбее зимой. В детстве они не обращали на это внимания, но здесь на самом деле невероятно тихо. Джози научилась играть в бридж с дядей Диком, и иногда они вдвоем ходили к Пауэрам и играли на пару с миссис Пауэр и мистером Харрисом, аукционистом, который жил в большом доме на полпути между городом и Каслбеем. Дядя Дик советовал Джози присмотреться к мистеру Харрису, называя его достойной партией, хотя тому сто десять лет. «Ну и что?» – недоумевал дядя Дик. На самом деле аукционисту было тридцать семь – на восемнадцать с половиной лет старше Джози, то есть в два раза старше их обеих. Дядя Дик, должно быть, сошел с ума, предположила Клэр. Она не стала спорить и предупредила Джози, чтобы та даже не мечтала заманить мистера Харриса в свои сети.

Еще подруги обсуждали Крисси и Могси, размышляя над тем, что эта парочка друг в друге нашла и какими будут их дети: такими же ужасными, как родители, или в два раза хуже?

Отец О'Двайер обходил дома больных в ночь на сочельник и совершал Святое причастие. Он приехал в коттедж О'Хары уже под конец. Анджела подготовила для него место и зажгла небольшую свечу перед кроватью.

Пока мать исповедовалась, Анджела поднялась к себе, а затем, когда священник позвал ее, спустилась, чтобы преклонить колени во время причастия. Несколько минут все молчали, а потом отец О'Двайер выпил чашку чая и съел сэндвич с помидорами.

– Очень жаль, что отец Шон не смог приехать повидаться с вами на это Рождество, – сказал он, чтобы поддержать беседу.

– Ну вы же знаете, как это бывает, – глубокомысленно заметила Анджела.

– Видите ли, сейчас он находится там, где даже нет нормальной почтовой связи, – пожаловалась миссис О’Хара. – Нам приходится писать на адрес их дома в Англии, чтобы местные священники могли переслать наши письма с оказией или доставить по назначению, когда уедут сами.

– Да-да, – понимающе кивал отец О’Двайер, по своему обыкновению не слишком вникая в то, что говорят ему пожилые люди. – Может быть, он вернется в следующем году.

– Я молю об этом Бога, святой отец. И все же, по моему мнению, пусть лучше он остается там, приобщая к Господу дикарей и тех, кто никогда не слышал о Боге, чем приезжает сюда ради встречи со мной.

Лицо старушки сияло в свете камина, а также благодаря совершенному таинству. Анджела прикусила губу.

Отец О’Двайер похлопал миссис О’Хару по руке и сказал:

– Вы поступаете верно. Виноградарь, который посылал работников в свой виноградник, обладал такой же силой духа.

Доктор Пауэр спросил Нелли, не хотела бы она встретить Рождество у себя дома.

– Вы спрашиваете меня об этом каждый год, а я каждый год отвечаю «нет», сэр, большое вам спасибо, мне приятнее встречать Рождество в вашем доме. Здесь еда вкуснее и покоя больше. А своих родных я могу повидать вечером.

– Если ты в этом уверена... – начал мистер Пауэр.

– Но, сэр, хозяйке не понравится, что вы так безответственно относитесь к приготовлениям. Представляю себе ее лицо, если сказать ей, что я собралась домой.

– Хватит мутить воду, Нелли, – ласково сказал Пэдди. – В этом доме все должны быть счастливы, ты меня слышишь?

– Так и есть, сэр, – добродушно ответила Нелли. – Я здесь с шестнадцати лет. В следующем году исполнится двадцать лет, как я у вас работаю, и за все это время я ни разу не слышала ни одного грубого слова.

– Нелли, ты пробыла здесь слишком долго. Почему бы тебе не выйти замуж?

– И тогда какой-то мужлан будет требовать, чтобы я бесплатно готовила для него ужин и чистила ему ботинки? Здесь я чувствую себя королевой: у меня собственный радиоприемник, который я могу включить наверху в спальне, и большое кресло рядом с плитой. А чего мне ждать от брака?

– Ты посидишь с нами завтра за праздничным ужином?

– Храни вас Бог, сэр, об этом вы тоже спрашиваете каждый год. Спасибо, но нет. Во-первых, хозяйка рассердится, а во-вторых, я уроню еду с вилки.

– Ты очень упрямая женщина.

– У меня нет мозгов, но я не дура, только и всего.

Клэр купила в Дублине яркие рождественские украшения. Было чудесно гулять по Мур-стрит и Генри-стрит с Мэри Кэтрин и Валери, слушая, как торговки громко нахваливают свой товар, сообщая, что он последний, и доводя людей до иступления от мысли, что на исходе абсолютно все. Клэр купила последнюю сверкающую гирлянду и тут же увидела, как из-под прилавка появилась еще одна. Потом она купила «последние» бенгальские огни, которые испускали блестящие искры, напоминая маленький фейерверк. Джиму и Бену бенгальские огни нравились, в Каслбее они были редкостью, и Клэр сочла покупку удачной. Ради подарков она три недели обходилась без обеда, запасаясь на завтрак хлебом и маслом, чтобы продержаться весь день.

Рождественское утро выдалось холодным и ясным. О’Брайены по привычке отправились на раннюю мессу. Спешить домой на случай, если в лавку заглянет покупатель, необходимости не было. Никто не рискнул бы признаться, что забыл что-то купить к Рождеству, поэтому семья могла спокойно поужинать.

Клэр завернула подарки в оберточную бумагу. Кресси уставилась на груды свертков с подозрением.

– Надеюсь, ты понимаешь, что я помолвлена и должна вкладывать все сбережения в наше будущее, – сообщила она. – Я не могу тратить деньги на дурацкие подарки.

– Само собой, – согласилась Клэр, поборов искушение выдернуть из головы Кресси кудрявые после перманентной завивки волосы.

После завтрака началась подготовка к праздничному застолью.

Агнес, по-прежнему не в силах передвигаться, сидела, положив ногу на табурет, и давала указания: «Достаньте ветчину из воды, где она вымачивалась. Осторожно, не залейте всю кухню. Накройте на стол. Верно, Крисси, сегодня Рождество, поэтому снимите эту грязную скатерть и достаньте чистую. Бен, картошку чистят не пальцем, а ножом, Джим, убери остролист, пока никто не укололся».

Том О'Брайен сидел рядом с женой, нетерпеливо повторял ее распоряжения и отпускал собственные замечания о том, как все вокруг обязаны с радостью помогать несчастной матери, которая покалечилась при падении.

Клэр выполнила большую часть работы и к тому моменту, когда была готова еда, почти выбилась из сил. Она не понимала, почему нельзя было разделить работу на части и выполнить накануне вечером. Она знала, что слово критики положит начало перепалке, и держала свои мысли при себе.

После рождественского пудинга Клэр раздала подарки. Маме шарф показался очень милым, немного легким для зимней погоды, но как только потеплеет, он будет в самый раз, если, конечно, вы привыкли носить шарф, когда на дворе тепло. Отец с интересом посмотрел на карту графства, которую Клэр с таким трудом отыскала в букинистическом магазине и вставила в рамку. Том О'Брайен признал, что подарок очень щедрый; конечно, едва ли в округе найдется бедолага, не знающий собственного графства, но, возможно, карта будет полезна туристам. Джим и Бен искренне обрадовались головоломкам и играм, подаренным Клэр. Крисси бросила хмурый взгляд на маникюрный набор.

Клэр была уверена, что Крисси оценит подарок. Она помнила, что старшая сестра вечно подпиливала и красила ногти на руках и ногах, поэтому набор в маленькой красной коробочке наверняка был тем, о чем Крисси мечтала. Однако память Клэр запечатлела слишком далекое прошлое. Пока Крисси разворачивала сверток, Клэр обратила внимание на ее мозолистые руки, грубые пальцы и обкусанные ногти.

«И все же, – подумала она с надеждой. – А вдруг?»

Крисси повертела набор в руках и сказала, что это очень мило, особенно если ты студентка и у тебя есть время возиться с ногтями.

Она отложила подарок в сторону и ни разу не взглянула на него в течение дня.

Клэр получила от матери коробку конфет, которую та достала с полки, и блестящую открытку от Джима и Бена. Отец дал ей фунт стерлингов, вытащив банкноту из кармана. Клэр боролась со слезами, подступившими к глазам. Ради всего святого, это была ее семья, в соблюдении множества традиций и ритуалов они не слишком нуждались. Было глупо расстраиваться из-за отсутствия внешних атрибутов праздника.

Анджела давным-давно предупредила Клэр о рисках. Когда ты уезжаешь из дома на учебу, то, вернувшись, питаешь завышенные ожидания и неизбежно испытываешь разочарование. Так было, когда Клэр возвращалась домой из безукоризненно чистой монастырской школы и делила комнату с Крисси. Сейчас все было точно так же. После знакомства с Эмер и Кевином, которые относились друг к другу и ко всем окружающим с уважением и чуткой заботой, день в кругу семьи показался скучным и тягостным.

Клэр вспомнила, как Мэри Кэтрин где-то вычитала, что на Рождество больше людей подумывает о самоубийстве, чем в любой другой день. Клэр не собиралась к ним присоединиться. Положив локти на стол, заваленный грязной посудой и обертками от подарков, которые вручала только она, Клэр изобразила на лице широкую улыбку.

– Давайте расскажем историю о привидениях, – предложила она.

– Кто знает хотя бы одну? – спросил отец.

– Мы можем ее сочинить по ходу дела, каждый добавит по чуть-чуть. Начинай ты, Крисси.

Но Крисси не собиралась в этом участвовать и запротестовала:

– Я не умею сочинять истории о привидениях.

– Умеешь. Просто начни.

Остальным не терпелось приступить к рассказу.

– Давным-давно жил-был призрак, у которого была отвратительная сестра, – начала Крисси. – Еще у него было четыре брата, с ними все было в порядке, но сестра была просто ужасна...

У доктора Пауэра в окне всегда стояла рождественская елка. С той стороны, где ее было видно с дороги. Под ней лежали подарки от

Ноланов, присланные по почте из Дублина, а также от кузенов, кузин и друзей из разных уголков страны. Дэвид положил туда же свои подарки, завернутые в красную гофрированную бумагу с силуэтом Санта-Клауса.

Дэвид посмотрел на аккуратно подписанные свертки, а потом окинул взглядом столовую, уставленную сверкающим стеклом и серебром, украшенную остролистом и рождественскими хлопушками. Комната казалась холодной и пустой. Дэвиду не нравилось, что Нелли сидит на кухне, хотя он знал, что горничная никогда не присоединится к его семье по собственной воле. Он ненавидел игры, возню с хлопушками, анекдоты и восклицания по поводу подарков. Если бы они знали, какие дома ему приходилось посещать в Дублине во время практики, то сочли бы подобные развлечения убогими. Отец не мог этого не понимать.

Они сходили на мессу, дыша прохладным рождественским воздухом. У всех было хорошее настроение, несмотря на ветер. Доктору Пауэру пришлось осмотреть молодую женщину, упавшую в обморок после трехмильной прогулки натошак холодным утром.

– Но разве я не должна была поститься и поспеть к причастию рождественским утром? – сказала женщина, уловив в голосе доктора упрек.

– Конечно должны. Это именно то, что нравится видеть Господу в день рождения – как люди готовы угробить себя ради Него, – пробормотал доктор Пауэр.

Весь день Дэвид находился в центре внимания. Всем не терпелось узнать, что думает Дэвид и чего хочет. Не пора ли поесть, по мнению Дэвида? А выпить по бокалу шерри? Не хочет ли Дэвид открыть подарки? Ему точно понравился свитер? Если свитер маловат или не того цвета, его можно поменять.

Сначала они съели суп и маленькие гренки, а потом нарезали индейку. Дэвид уверен, что не хочет ножку? Спасибо, грудки вполне достаточно.

Они захлопали в ладоши, когда на праздничном пудинге вспыхнуло пламя, и подняли бокалы за хороший год, оставшийся позади, и за год, который вот-вот начнется. Молли Пауэр задалась вопросом, сидят ли сейчас Ноланы за рождественским столом в Дублине, и они подняли тост за Ноланов.

– Мать Джеймса становится очень странной на Рождество, – сказал Дэвид, чтобы поддержать разговор. – Кажется, в прошлом году она не снимала с головы косынку во время праздничного ужина.

Доктор Пауэр расхохотался:

– Она объяснила почему?

– Ну, когда Кэролайн спросила ее, она ответила, что с потолком может случиться все, что угодно. Думаю, они больше не спрашивали.

Вспоминая этот случай, Дэвид улыбнулся, а отец сказал:

– Мне не нравится, что ты рассказываешь о Шейле подобные истории. Она не такая, как все, необычная, только и всего, а ты выставляешь ее чокнутой, когда так говоришь.

– По-моему, она все же слегка не в себе, – извиняющимся тоном сказал Дэвид. – Я хочу сказать, что она не опасна, но голова у нее работает плохо.

Доктор Пауэр нахмурился, и Дэвид понял намек.

– Извини, я просто пошутил. «Необычная» – это слово ей больше подходит.

Молли довольно улыбнулась. Ей не нравилось, когда ее подругу называли сумасшедшей.

Она передавала по кругу шоколадные конфеты с ликером, восторженно восклицая всякий раз, когда звучало название новой начинки. Выбрать ту, которая с киршем, или попробовать шерри-бренди? Какой напиток крепче? Дэвид подавил желание сказать, что в каждой конфете алкоголя не больше, чем в половине ложечки для яйца, поэтому крепость не имеет значения.

– Ты часто встречаешься с Кэролайн? – нарочито небрежным голосом поинтересовалась Молли.

– Не слишком, но я много занимаюсь, правда много. Обычно никто не верит, когда студенты говорят о себе такое. Мы с Кэролайн виделись на вечеринке как раз перед моим отъездом, она передавала привет вам обоим.

– Думаю, ей здесь нравится. По-моему, в душе она уроженка Каслбея. В рождественской открытке она написала, что зимой здесь, должно быть, чудесно. Очень мило с ее стороны, – снова закинула удочку миссис Пауэр.

– Наверное, ей нравится приезжать сюда на каникулы, – предположил Дэвид.

– Кто знает? Многие думали, что приедут сюда на каникулы, а в итоге остались здесь. – С этими словами доктор Пауэр похлопал жену по руке.

Дэвид ощутил острый приступ клаустрофобии. Родители словно заворачивали его в вату, стоило ему оказаться дома. Они планировали распорядок его дня, обсуждая, как он вернется полноценным врачом и будет помогать отцу; а теперь они подбирали для него жену.

– Пойду, пожалуй, прогуляюсь... вся эта еда... – пробормотал он.

Он поднялся, стремясь поскорее убраться из теплой комнаты, сбежать от запаха пирогов и пристального родительского внимания.

Бесполезно. Родители признали, что это отличная идея. Доктор Пауэр пошел за своей тростью, а Молли побежала наверх за пальто и перчатками. Дэвид отнес поднос с кофейными чашками на кухню. Там работало радио. Нелли клевала носом, примостившись возле большой плиты, а Бонс крепко спал, объевшись индейки.

Дэвид тихо поставил поднос на кухонный стол и обмотал шею шарфом.

Он корил себя за черствость и эгоизм, но ему очень хотелось иметь четырнадцать братьев и сестер, чтобы они разделили с ним обязательства перед родителями. Или пусть бы у него вообще не было отца с матерью, как у одного студента с его курса, который уехал на праздники в Бельгию с большой компанией англичан. Все знали, что английские девушки умеют веселиться на полную катушку, так что этот парень наверняка отлично проведет время.

– Дэвид, мы готовы, – позвала Молли, заставив всех в замешательстве встрепенуться: Дэвид очнулся от грез о путешествии в обществе попутчиц без строгих моральных принципов, а Нелли и Бонс – от снов, навеянных ароматами теплой кухни.

Родители с сыном отправились на прогулку. Скоро их ждет семейное чаепитие, а завтра они все вместе отпразднуют день святого Стефана. Дэвид тяжело вздохнул и возненавидел себя за этот вздох.

В день Нового года Клэр отправилась прогуляться по пляжу, чтобы пособирать ракушки и дать себе обещания, наметив цели на будущий год.

«Я не буду ожидать от семьи слишком многого.

Я разработаю более удобную систему повторения материала, пометки карандашом „перечитать позже“ явно не годятся.

Я устроюсь в Дублине на работу в кафе на один вечер в неделю.

Я сделаю себе необычную стрижку.

Я встречу парня, который пригласит меня на свидание.

Я буду писать подробные письма Анджеле О’Харе каждую неделю».

Клэр нашла несколько красивых ракушек каури и положила их в коробочку в кармане.

Она услышала оклик и увидела Дэвида.

– Я надеялся встретить тебя здесь. Наверное, только мы с тобой пользуемся пляжем вне сезона.

– Даже в сезон все обычно слишком заняты, чтобы спуститься на пляж. Мой отец так и не научился плавать.

– В любом случае хорошо, что ты здесь.

Дэвид очень обрадовался, увидев ее, и Клэр неожиданно для себя смутилась.

– Где Бонс? Без него тебе как будто не хватает чего-то.

– У бедняги кашель. Ты не поверишь, но он кашляет, как старик. Мой отец накачал его лекарствами и возится с ним, как с президентом, но Бонс все равно кашляет как проклятый. Нелли повязала больному на шею старый свитер, Бонс от него ни клочка не оставил.

Клэр расхохоталась, но потом оговорила, что нехорошо смеяться над простуженным псом.

– Можешь мне помочь? – спросил Дэвид.

– Конечно.

– Я хочу уехать послезавтра...

– Но семестр начнется только...

– Вот именно. В этом загвоздка. Мне придется сказать, что он начинается раньше. Прикроешь меня?

– Конечно, но я не смогу уехать послезавтра.

Он помрачнел:

– Что ж, видимо, ты не можешь.

– Дело не в том, что я не могу уехать раньше. Дома никто возражать не будет. Просто мне негде остановиться. Общежитие откроется только в первый день семестра.

– Ого!

– Можно сказать, что в медицинском колледже учеба начинается раньше. Я повторю это кому угодно, но, с другой стороны, какая разница, что я скажу? Я не общаюсь с твоими родителями.

– Да, но, если ты тоже уедешь раньше, они об этом узнают, – сказал Дэвид. – Здесь ничего не утаишь.

В его голосе мелькнуло раздражение.

– Мне жаль, – вздохнула Клэр. – Я знаю, что ты чувствуешь, и я сама была бы не против вернуться раньше, но сам понимаешь...

– Ты можешь остановиться в нашей квартире. В моей квартире, – предложил Дэвид.

– Нет, я не могу.

– Не подумай ничего плохого. У тебя будет своя комната, один парень не вернется до начала семестра.

– Если меня поймают, нас убьют. А я, черт возьми, не собираюсь рисковать всем ради того, чего не совершала, без пользы для себя, – убежденно заявила Клэр, совершенно не сознавая, как запальчиво прозвучали ее слова.

– Ладно, успокойся. Я понимаю, о чем ты.

– Как ты провел Рождество? – внезапно спросила она.

– Так себе. А ты?

– Тоже так себе.

– Скучаешь по красавчику Джерри Дойлу? Я слышал, его сманили яркие огни Лондона.

– Нет, не скучаю. Даже не вспоминала о нем. Наверное, я единственная женщина в Западном полушарии, которая не мечтает о Джерри Дойле.

– Ага, тогда он будет преследовать тебя еще упорнее, – заметил Дэвид.

– А ты так спешишь в Дублин, чтобы встретиться там с какой-то красоткой? – спросила Клэр.

– И да и нет. Девушка у меня есть, но дело не в этом. Дома я чувствую себя слишком важной персоной. Я – все, что у них есть. Понимаешь, что я имею в виду? По-моему, родители уделяют мне слишком много внимания.

– В моем доме все наоборот. Никому до меня нет дела. Я не представляю для родных никакой ценности.

Дэвид рассмеялся:

– Никто не получает того, чего хочет. Давай увидимся в Дублине. Я могу как-нибудь вечером позвонить тебе в общежитие.

– Прекрасно, – откликнулась Клэр.

Он так и не позвонил, но в этом не было ничего удивительного.

Клэр подумала и пришла к выводу, что Дэвид не утверждал ничего конкретного, просто у Пауэров был такой способ прощаться. Возможно, им не нравилось произносить слова прощания, звучащие слишком категорично. Они предпочитали сказать что-нибудь неискреннее – например, предложить встречу и пообещать звонок.

Возможно, это к лучшему, утешила себя Клэр, пытаюсь представить ситуацию в максимально выгодном свете. В Университетском колледже Дублина огромный выбор парней; незачем искать встречи с парнем из Каслбея, который живет, так сказать, по другую сторону утеса.

Учитывая все обстоятельства, Валери провела рождественские каникулы без происшествий. Она правда чуть не подралась с матерью во время игры в скребл. Мать настаивала, что «куорн» – это слово, означающее заменитель мяса, а Валери утверждала, что это имя собственное и название каких-то охотничьих угодий. Тогда мать сбросила все со стола и заявила, что не потерпит нравоучений. Зато они весело провели время, развлекаясь с кулинарной книгой: каждая по очереди готовила блюдо, одно экзотичнее другого. Судя по всему, отец Валери отказался присылать из Англии деньги, но оплачивал счета в местном продуктовом магазине, поэтому мать с дочерью выбирали рецепты с самыми дорогими ингредиентами.

Рождество Мэри Кэтрин было полно приключений. Джеймс Нолан трижды приглашал ее к себе домой. Мэри Кэтрин пришла к выводу, что сестра Джеймса – настоящая заноза в заднице. Кэролайн дописывала магистерскую диссертацию о Спенсере в Ирландии и считала всех вокруг полными невеждами, при этом американцев – в первую очередь. Джеймс Нолан высказал нездоровое желание поехать летом в Штаты. Он обещал навестить семью Мэри Кэтрин и спрашивал разрешения у них погостить. Мэри Кэтрин согласилась, но проследила, чтобы Джеймс не узнал ее домашний адрес. Отец-почтальон велел дочери не раскрывать подробности своей жизни в Америке, пока она не выйдет замуж за владельца замка. Джеймс

Нолан, конечно, не владел замком, но был без пяти минут адвокатом, что тоже неплохо. Разумеется, Мэри Кэтрин его не любила. Но она пока не собиралась сбрасывать Нолана со счетов. Клэр со вздохом вспомнила о Джози, которая печатала на машинке, устраивала с дядей Диком встречи игроков в бридж по выходным и отбивалась от двух завистливых сестер. Было неразумно уговаривать Мэри Кэтрин придержать лошадей, потому что Джеймс Нолан начисто забыл Джози Диллон.

Мэри Кэтрин взбежала по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки.

– Клэр, там внизу тебя ищет какой-то парень. Он выглядит как бог. Я сказала, что попробую тебя найти.

– Ну ты и подлая! Почему ты не сказала, что я спущусь через две секунды?

– Потому что я твоя подруга. Я хотела, чтобы ты надела что-нибудь приличное, причесалась и накрутилась. Я лучшая подруга, вот кто я такая.

– Это, наверное, Джерри Дойл. Он умеет произвести впечатление.

Клэр все же подкрасила губы и надела прямое пальто с капюшоном.

– Уверена, что он пригласит тебя на свидание, – заявила Мэри Кэтрин.

– Поиграй в недотрогу, – предложила Валери. – Он подумает, что ты на все согласна, если спустишься одетой, как на свидание.

– Этому парню попадалось много девушек, согласных на все. К этому он привык. Мы просто ходим куда-нибудь выпить кофе.

– Наверное, лучше оставить окно незапертым. Судя по всему, сегодня вечером тебе придется карабкаться по скобам в стене, – веселилась Валери.

– Он не то чтобы красив. У него особая аура, – заметила Мэри Кэтрин.

– Тебя послушать, так у всего есть аура. Ты выучила это слово неделю назад, – сказала Клэр и исчезла прежде, чем подруги успели ответить.

Она легко сбежала вниз по лестнице.

Джерри непринужденно стоял в холле с таким видом, словно заходил сюда постоянно.

– Какой приятный сюрприз, – сказала Клэр с искренним и неподдельным удовольствием. – Я не знала, что ты в Дублине.

– А я не в Дублине. Я имею в виду, что я не собирался в Дублин, я здесь проездом из Лондона. Мне очень захотелось поговорить с тобой.

Клэр думала сказать что-нибудь шутливое, но лицо Джерри выглядело слишком усталым.

– Отлично, – кивнула она. – Тогда пойдем отсюда, пока тебя здесь не сожрали.

Клэр по-дружески протянула Джерри руку, и они вышли из общежития.

– Кофе или что-нибудь покрепче?

– Я бы предпочел что-нибудь покрепче. Знаешь какой-нибудь паб?

– Есть целых два, прямо за углом. Правда, я веду добродетельную жизнь и не знаю, как там внутри. Загляни в первый и скажи, что думаешь.

Джерри вернулся через несколько секунд, ухмыляясь:

– Сколько людей живет в Дублине? Где-то полмиллиона?

– По-моему, больше, гораздо больше. Почему ты спрашиваешь?

– В этом пабе сидят Дэвид Пауэр и Кэролайн Нолан, глядя друг другу в глаза.

– Да ну! Что ж, можно устроить встречу уроженцев Каслбея, если хочешь.

– Нет, я этого не хочу. Я искал тебя, чтобы поговорить.

Они зашли во второй паб. Там собралась разношерстная компания выпивох: студенты в фирменных шарфах колледжа, рабочие со стройки неподалеку и несколько красноносых завсегдааев.

– Настоящий рай, – восхитился Джерри. – Из дома ни души. Тебе по-прежнему горький лимон или отважишься на что-то еще?

– По-прежнему горький лимон, – ответила Клэр, довольная, что Джерри помнит ее привычки.

Он заговорил о Фионе. Она родила мальчика на следующий день после Рождества и назвала сына Стивенем. Старые монахини были очень добры. Конечно, они порицали внебрачные связи и считали Фиону великой грешницей, но относились к ней по-доброму. Они подыскали малышу приемную семью, когда тому исполнилось три

недели. У Фионы случилось что-то вроде депрессии. Он приехал снова, чтобы подбодрить ее и заверить в том, что она поступила правильно. У нее не было другого выхода, если она хотела жить в Каслбее. Ей следовало притвориться, что никакого ребенка не было, и хранить свой секрет.

Клэр не хотела знать об отце ребенка, но Джерри все равно рассказал. Он был женат. Разве Клэр не знала? Один из тех, кто приезжал поиграть в гольф в прошлом году. Он солгал Фионе, что холост. Когда Фиона написала ему о беременности, он заявил, что не желает участвовать в судьбе ребенка. Он предупредил, что, если Фиона доставит ему неприятности, все его друзья скажут, что тоже с ней спали. Какие тут могут быть варианты? Если бы история получила огласку, Фиону признали бы шлюхой и дурой – прекрасное сочетание...

Потом Джерри заговорил о бизнесе. Наступили тяжелые времена, трудности возрастали и множились. Жизнь оказалась не так проста, как Джерри ожидал. Расходы удручали. Если бы Клэр только знала, сколько ему пришлось потратить на оборудование. Современные технологии стоили денег. Все вложения, безусловно, окупятся, но, к сожалению, неизвестно когда. Чтобы просто привести семейное заведение в порядок, потребовалась куча денег. Он получил несколько хороших заказов, но их было недостаточно.

– Что ты собираешься делать? – сочувственно спросила Клэр.

– Выживать. Что еще остается? То, что мы с тобой всегда делали.

Он выглядел так, словно выживание стоило немалых усилий. Бледное лицо, под глазами тени. Внезапно Клэр захотелось оградить его от невзгод, обнять за плечи, притянуть к себе, успокоить и утешить. Никогда раньше она не испытывала к Джерри Дойлу ничего подобного, и это ее успокаивало. Как будто она была единственной девочкой в поселке, которая не подхватила корь. Но сейчас все было иначе. Она не чувствовала влечения к Джерри, как Крисси и все остальные. Она ощущала желание окружить его заботой. Он выглядел беззащитным и уязвимым, сидя с пивным бокалом. Клэр подалась вперед и взяла его за руку.

– Вот я и подумал, что должен прийти и обо всем тебе рассказать. Если кто-то меня и поймет, так это ты.

Она спросила, приятно удивленная:

– Почему я?

– Господи, ты с таким трудом всего добила. Тебе никто не помогал. Наоборот. «Клэр, сделай то, Клэр, сделай это, погладь рубашку, перебери картошку». Вместо того, чтобы гордиться тобой и дать возможность учиться.

Джерри все видел на протяжении долгих лет. Он понимал. Клэр захотела, чтобы его взгляд смягчился. Казалось, глаза Джерри сейчас пробуравят ее насквозь.

– Ты другая, Клэр. Я всегда тебе это говорил. Мы с тобой одного поля ягоды. Мы единственные из Каслбея чего-то стоим. Мы созданы друг для друга. Мы – одно целое.

Клэр пришла в замешательство. Она не понимала, как себя вести.

– Посмотри на ту пару, – внезапно отвернулась она, указывая на подвыпившую студентку, которая пыталась забраться на колени к своему спутнику. – Кажется, они хотят составить одно целое прямо на публике. Интересно, как скоро их отсюда вышвырнут?

Клэр одарила его ослепительной улыбкой, но взгляд Джерри не изменился.

Он схватил ее за руку:

– Хватит говорить о всякой ерунде. Это правда. Мы похожи. И я знаю, о чем думаешь ты, а ты считаешь все мои мысли.

– Я не знаю, о чем ты думаешь, Джерри. На самом деле не знаю.

– Значит, узнаешь.

– Но когда? У меня все время уходит на учебу, мне некогда читать чужие мысли.

– Я говорю не про чужие мысли, а про свои. Я буду ждать тебя.

– Ждать придется долго. Ты ведь знаешь, я хочу, чтобы за моим именем следовало еще несколько букв – обозначение ученой степени.

– Не уходи от ответа. Мне все равно, сколько придется ждать. В глубине души ты это знаешь.

Клэр посмотрела на его измученное лицо, которое еще никогда не казалось ей таким красивым. Она не понимала, что он хотел сказать. Его слова прозвучали торжественно, как клятва.

Клэр так и не встретила с Дэвидом Пауэром во время семестра и перестала досадовать на него за то, что он не сдержал обещание позвонить. Она сходила на свидание. Серьезный студент-историк

пригласил ее в Театр Аббатства, уточнив, согласна ли она сидеть поближе к богам. Когда они наконец добрались до своих мест на самой верхотуре, то скорее готовы были отправиться на больничную койку.

Студент сообщил ей, что не признает бессмысленной траты денег. Когда они выпили по чашечке кофе, он вслух предположил, что Клэр, наверное, не голодна. Девушка пришла к выводу, что этот парень действительно не из тех, кто тратит деньги по глупости. Если он вообще их тратит. Студент пригласил ее в Национальную галерею в субботу днем. Однако Клэр была от него не в восторге и предпочла посетить музей в одиночестве. Честно говоря, она подумала, что приглашать девушку на свидание в бесплатный музей не слишком красиво. Она написала об этом Джози, намеренно сгустив краски. Она не хотела, чтобы Джози догадалась, как весело было в Дублине. А еще она не хотела, чтобы Джози узнала о ее встрече с Джеймсом Ноланом.

Джеймс вечно щеголял в нарочито дорогих костюмах, словно изображая эlegantного любителя скачек.

– Скажи-ка, твоя милая подруга Мэри Кэтрин из Америки заряжена? – неожиданно спросил Джеймс, когда она пила во флигеле утренний кофе, читая статью в журнале «История сегодня».

– «Заряжена»? – Клэр притворилась, что не поняла вопроса.

– Заряжена деньгами, нагружена богатством.

– Понятия не имею, – сказала Клэр, невинно глядя на Джеймса большими темными глазами. – Что за странный вопрос!

– Ну, я вряд ли могу спросить у нее лично, – посоветовал Нолан.

– Почему бы и нет? Если тебе интересно, разве не проще спросить у нее?

– Это прозвучит странно. К тому же женщины обычно все понимают превратно.

– Да уж, – сочувственно согласилась Клэр. – До чего же это утомляет.

– Ты смеешься надо мной.

– Вовсе нет. Ты меня пугаешь, если хочешь знать.

– Просто я уже почти решил отправиться в Штаты этим летом. Я теперь больше похож на американца? Я не говорю, что «поеду в Америку», я говорю, что «поеду в Штаты». Так вот. Если бы я смог немного пожить у Мэри Кэтрин, то сократил бы расходы.

– Это понятно, но какая тебе разница, заряжена она или нет? Почему ты не можешь остановиться у Мэри Кэтрин, если она тебя пригласит, пусть даже ее семья окажется простой и небогатой? Тебе же всего-навсего нужна кровать, где бы она ни стояла.

Джеймс опустил взгляд в кофейную чашку.

– Да, но это мои последние летние каникулы, перед тем как я приступлю к работе. Я бы хотел поехать в какое-нибудь стильное место. Бассейн, ранчо, большая квартира на Пятой авеню... Твоя подруга не рассказывает, где живет. Поэтому я спросил тебя.

– Почему бы тебе не поехать в Каслбей, как обычно? По-моему, сложности, связанные с Америкой, тебя изматывают.

– Ты ничего не понимаешь, Клэр, в этом твоя проблема.

– Я знаю, – улыбнулась Клэр. – Это всегда было моей проблемой. Я непрошибаема, как стена.

Они расстались друзьями, и все же Клэр чувствовала себя виноватой. Этот самодовольный пижон обращался с ее подругами как настоящий подонок. Сидеть во флигеле и хихикать с ним на пару было предательством.

Эмер и Кевин сказали, что будут рады, если Клэр погостит у них на Пасху. Клэр предложила сделку: она будет присматривать за ребенком, мыть всю посуду, которую обнаружит в раковине, и по два часа в день копаться в саду. Взамен она просила место для ночлега и немного еды. Клэр написала Анджеле, что ей невыносимо возвращаться в Каслбей. Ей как раз нужно было повторить материал и подготовиться к первым экзаменам. Она попыталась договориться с Дэвидом Пауэром и оставила ему записку в медицинском колледже.

Дэвид позвонил ей в общежитие в тот же вечер.

– Почему я должен тебе помогать? – спросил он с притворным раздражением. – Ты не помогла мне на Рождество.

– Твой роман от этого не пострадал, – отрезала Клэр.

– Ты наняла детективов? – поинтересовался он.

– Пожалуйста, Дэвид, мне действительно нужно заниматься, я на стипендии. Не забывай, у меня только один шанс. А дома совсем не будет времени. Мой дом не похож на твой.

– Ладно. Я повторю твою ложь.

Эти слова покоробили ее.

– Большое спасибо, Дэвид. Уверена, что мы увидимся летом, – коротко попрощалась Клэр.

– Уверен, что к лету ты придумаешь что-нибудь еще.

Клэр бросила трубку, пока он не вывел ее из себя. Все-таки Дэвид Пауэр – избалованная, самонадеянная свинья.

– Их это не задевает.

– Задевает, Клэр. Возможно, они этого не понимают, но ты стала совсем другой. Ты говоришь лучше, чем они, и даже лучше, чем сама говорила раньше. Ты лучше выглядишь. Дело не только в образовании.

Клэр покрутила в руке бокал. Они с Анджелой расположились в уголке холла в отеле Диллона. Отсюда открывался прекрасный вид на пляж. Скоро Джози накроет пишущую машинку чехлом и выйдет, чтобы поиграть в теннис. Кое-что за эти годы осталось неизменным. Но Клэр понимала, что Анджела права. У нее действительно появилась уверенность в себе. Ее матери и в голову не пришло бы прийти в отель и сесть в мягкое кресло, откуда открывается вид на Каслбей. Она бы сказала, что это не для таких, как она. Ее отец тоже не подошел бы к барной стойке отеля, чтобы выпить пинту пива, он бы отправился в паб Крейга или предпочел бы остаться дома. Джим и Бен молча толкали бы друг друга в бок. А Крисси не раз говорила, что их с Могси силком не затащишь в такое душное место, как отель Диллона. Клэр вздохнула. Господь свидетель, отель Диллона вряд ли можно назвать воплощением утонченного вкуса. Но разве не ужасно, что Клэр – единственная в семье, кто чувствует себя там комфортно за бокалом шанди?

– На свадьбе я буду вести себя очень мило. Целый день, – улыбнулась Клэр Анджеле.

– Хорошо. Я не хочу, чтобы мои слова прозвучали как проповедь о милосердии, но тебе было дано гораздо больше, чем Крисси, и этого никто не изменит. Сделай этот день для нее приятным, насколько это возможно.

– Все, что я получу за свои старания, – это нападки Крисси на протяжении всего дня, а если я буду вести себя хорошо, мне это тоже поставят в вину.

– Ты обещала.

– Да. А как посвящали в сан твоего брата? Тяжелый выдался день?

– Нет...

Голос Анджелы доносился откуда-то издалека, а глаза смотрели на море.

– Отец не брал в рот ни капли. Доктор Пауэр выписал ему какие-то таблетки и предупредил, что их опасно мешать с алкоголем. Не знаю, было ли это правдой. Бедная мама надела шляпку с вуалью. Я никогда этого не забуду. Еще у нее были перчатки. Нет, в тот день все прошло гладко.

– Ты теперь редко говоришь о брате.

– Когда-нибудь я тебе о нем расскажу.

– Конечно. Мне очень жаль.

– А вот и Джози с Диком, – радостно воскликнула Анджела, подняв взгляд. – Прекрасно выглядишь, Джози. Ты очень хорошенькая.

– Спасибо. Я сменила диету. Летние посетители придут в конце недели. Я хочу заманить в свои сети одного из них.

– Кого-то конкретно или первого встречного?

– Ну, я заметила одного. Но заполучить его будет трудно.

Клэр старалась не смотреть Анджеле в глаза. Она рассказала мисс О'Харе о Джози и о том, что Джеймс Нолан собрался на лето в Штаты, а потом поделилась своими сомнениями, стоит ли ставить подругу в известность.

Анджела ответила, что ей давным-давно следовало оставить все как есть. Но Клэр возразила, что очень трудно оставить все как есть, глядя, как Джози сидит на кровати, обхватив колени руками, и строит планы на лето.

– Это последняя ночь, когда мы будем спать в одной комнате, – сказала Клэр Крисси.

– И никто из нас об этом не сожалеет, – фыркнула старшая сестра.

Она недовольно рассматривала себя в зеркале. На ее подбородке виднелось заметное пятнышко.

– Ну, это конец первого этапа твоей жизни. Это, наверное, очень волнительно, – не сдавалась Клэр.

– Мне двадцать один. Пора выходить замуж, – заняла оборонительную позицию Крисси.

– Это будет чудесный день.

– Да. Он будет чудесным и без твоих попыток погладить меня по головке.

– Я не глажу тебя по головке. Я просто пытаюсь сказать, что мне приятно. Что это здорово. Что это первая свадьба в нашей семье. Вот и все.

Клэр заметно рассердилась.

Крисси ослабила сопротивление:

– Да, все в порядке. Извини. Наверное, я немного нервничаю.

– Ты будешь выглядеть потрясающе. У тебя шикарное платье.

Платье висело на дверце шкафа, прикрытое старой простыней, чтобы не запачкалось. Крисси печально на него посмотрела.

– А твои волосы просто супер. Я еще никогда не видела их такими красивыми.

– Да, Пег зайдет утром, поможет их расчесать, чтобы я могла прикрепить фату.

– Морис будет от тебя в восторге.

– Не знаю. Посмотри сюда. Утром на подбородке будет ужас.

– Послушай. Давай капнем «Деттола». Только не трогай прыщик, поняла? «Деттол» не сработает, если все время проверять руками. А утром, если пятно не исчезнет, мы нанесем на лицо чуть больше макияжа. Но припухлость все равно уйдет, только не трогай.

– Почему ты не была такой раньше? – подозрительно спросила Крисси.

– Какой такой?

– Ты никогда раньше не интересовалась прыщами и обычной жизнью.

– Я всегда была такой, но ты называла меня ненормальной, помнишь?

Фиона Дойл сказала, что с радостью присмотрит за магазином, пока хозяева будут на свадьбе. Она уточнила, какой толщины следует нарезать бекон и кому можно, а кому нельзя отпускать товары в кредит. Том заявил, что Фиона – образцовая продавщица, и если фотоателье вдруг закроется, то уже через десять минут для нее найдется работа в лавке О’Брайена. Агнес добавила, что Фиона – молодец, потому что догадалась прийти пораньше, чтобы дать им время спокойно собраться

без необходимости выбегать к прилавку всякий раз, когда открывалась дверь.

Томми прислал розовую открытку с «наилучшими пожеланиями в день свадьбы», а Нед – скатерть в красивой упаковке и маленькую поздравительную открытку, в которой желал молодым всех благ и сожалел, что не сможет присутствовать. Клэр догадалась, что здесь не обошлось без участия отца Флинна.

Крисси была довольна. Она ничуть не удивилась, что ни один из старших братьев не приехал ради знаменательного события. Агнес тоже была удовлетворена. Она смирилась с мыслью, что мальчики больше не вернутся домой. Джерри Дойл заверил миссис О’Брайен, что Томми и Нед неплохо устроились. Теперь, когда полстраны отправилось в Англию на почтовом судне в поисках работы, мысль, что двое ее сыновей добрались туда первыми и успешно обосновались, не могла не радовать.

Агнес О’Брайен пребывала в бодром настроении, чем уже долгое время не могла похвастаться. Лодыжка ее больше не беспокоила. Все вокруг говорили, что из-за ее травмы комитет в конце концов установил новые ступени и перила, так что Агнес считали чуть ли не героиней.

Она неловко припудрила нос и с нежностью посмотрела на Тома. Муж с трудом натягивал новый костюм. Костюм был нужен ему в любом случае, свадьба дочери послужила прекрасным поводом для покупки. Том боролся с непривычной одеждой, которая казалась жесткой и колючей от острых ворсинок.

– У меня просто камень с души свалился, – сказала Агнес. – Я так рада, что Крисси остепенилась.

– Думаю, Могси Бирн не худший вариант, – неохотно признал Том О’Брайен.

– Да уж, особенно если представить, что еще могла учудить Крисси.

Супруги О’Брайен не говорили об этом, но тревожные мысли посещали обоих. Крисси решила сменить фамилию, потому что слишком поторопилась? Была ли она одной из тех девушек, которые, как известно, посещали кемпинг для туристов, преследуя не очень-то благие цели? Им повезло, что бедняга Могси – пусть и не самый умный парень в Каслбее, зато брат Бампера Бирна, человека,

безусловно, более чем смышленного, – собирался связать свою жизнь с Крисси.

Одно время Крисси склонялась к тому, чтобы сыграть свадьбу в отеле Диллона, но, ознакомившись с меню, ценами и прочими деталями, она прислушалась к словам будущего шурина. Бампер и его жена Бид уговаривали Крисси не выбрасывать деньги на ветер, обогащая семейство Диллон. Зачем тратиться на то, чтобы у молодой миссис Диллон появилась новая шуба? Крисси мечтала о великолепной свадьбе, но они с Могси послушно вняли совету и согласились, что можно устроить великолепную свадьбу, не спуская целое состояние. Тогда они смогут пригласить больше людей, а это полезно для бизнеса, никого не оскорбит и не вызовет недовольства.

В конце концов Крисси и Могси пришли к выводу, что в отеле Диллона слишком душливая атмосфера для свадьбы.

Они собирали гостей в большом амбаре за домом отца О’Двайера. Когда-то это была кладовая, но доктору Пауэру и мисс О’Харе удалось убедить мисс Маккормак передать помещение на нужды прихожан. Отец О’Двайер внимательно выслушал предложение экономки. Теперь бывшую кладовую использовали для проведения праздников и ярмарок. Еще там устраивали конкурсы ирландского танца, а с недавних пор – свадьбы и крестины. Внутри находились длинные столы на козлах, накрытые скатертями, и большой фарфоровый чайник для кипятка. В качестве угощения приготовили сэндвичи, сдобные булочки, сосиски в тесте, желе со сливками и, конечно же, свадебный торт. Джерри Дойл отвечал за фотосъемку. Ради участия в радостном событии двоюродные братья и сестры приехали в Каслбей из трех разных городов.

Крисси и Могси обещали не звать много гостей, но их все равно набралось сорок пять человек. Ровно столько, чтобы, по мнению Агнес, свадьба выглядела респектабельно. Никаких намеков на излишнюю спешку. Никто не посмеет сказать, что семья пытается что-то замять.

Агнес с удивлением заметила, что Клэр активно помогает Крисси и прекрасно справляется. Утром она изо всех сил успокаивала невесту и даже купила масло для ванн в аптеке Мерфи. Клэр убедила домашних в необходимости быстро ополоснуться или просто умыться в кухонной раковине, чтобы освободить для Крисси ванную комнату

хотя бы на полчаса. Агнес не ожидала такой заботы от Клэр. Обычно они с Крисси только цапались.

Молодая пара отправлялась на неделю в свадебное путешествие в Брей – еще один прибрежный курортный поселок, который находился за много миль от Каслбея, и это было главное. Они рассчитывали вернуться в новый дом супружеской парой: Могси будет работать на маслобойне и собирать молоко, а Крисси – трудиться в мясной лавке в уважаемом статусе замужней женщины. Ее палец украсят два кольца, она станет полноправной миссис Бирн и сможет отзывать о Могси как о своем муже. Агнес почувствовала прилив симпатии к рослой, дерзкой и речистой дочери.

Она слышала смех, доносившийся из ванной. Это Клэр терла невесте спину.

– Ты следующая, Фиона, – сказала Агнес красивой темноволосой девушке, тихо стоявшей у прилавка.

– Не знаю, миссис О’Брайен. Кому я нужна?

– Ну-ну, детка, разве ты не самая красивая девушка в Каслбее?

– Во мне мало энергии. Парням нравятся энергичные девушки. Я похожа на женщину из рекламы, которая просыпается усталой. Кажется, я тоже все время просыпаюсь усталой.

Агнес О’Брайен никогда в жизни не слышала, чтобы юная Дойл произносила такую длинную фразу. Она не знала, что отвечать, и мысленно пожалела, что Фиона выбрала не лучшее время для доверительной беседы.

– На твоём месте я бы поговорила с доктором Пауэром: возможно, тебе нужны таблетки. А еще у доктора есть отличные микстуры с железом, придающие сил. Может быть, у тебя недостаток железа.

Худое доброе лицо Агнес О’Брайен выглядело непривычно из-за слоя пудры и новой шляпки и казалось встревоженным.

Фиона встрепелась:

– Так я и сделаю, миссис О’Брайен. Я схожу к доктору при первой возможности. Это действительно может быть недостаток железа.

Агнес просияла и пошла поторопить невесту и ее сестру.

На пороге появилась Пегги в платье подружки невесты с расческой и баночкой лака в руках. Она тяжело протопала вверх по лестнице.

– Твоя комната выглядит как-то иначе, – заметила Пегги, озираясь по сторонам.

Клэр ничего не ответила. Она не стала уточнять, что отправила в стирку всю одежду Крисси, которую та не брала с собой в свадебное путешествие, и хотела лично доставить вещи сестры в ее новый дом. Привычка Крисси говорить, что «это пока побудет здесь», вселяла тревогу. Сестра не могла осознать, что, по сути, переезжала в новый дом. Клэр собрала всю старую обувь и сложила ее в коробку с надписью: «Обувь Крисси». Впервые за многие годы в спальне освободилось немного места.

Пегги занялась прической невесты. Она умело и быстро взбила и зачесала назад волосы Крисси.

– Ты правда не сердишься, что я попросила Пегги быть подружкой невесты вместо тебя? – спросила Крисси в двадцатый раз.

– Нет. Это правильно. Я же тебе говорила, – сказала Клэр.

Крисси осмотрела в отражении свой подбородок, откуда чудесным образом пропал прыщик.

– Мы просто не знали, приедешь ты или нет. Понимаешь?

Клэр сдержала порыв гнева. Никто никогда не сомневался в том, что она приедет.

– Понимаю, – добродушно откликнулась она и, подмигнув, добавила: – Я постараюсь не слишком ревновать тебя к Пег.

Крисси рассмеялась, а Пегги пожала плечами. Крисси ненавидела Клэр! С какой стати они хохотали, как давние подруги? Не важно. Сегодня Крисси выходит замуж. Она имеет право смеяться с кем угодно.

«Хотя в браке с Могси Бирном веселого мало», – кисло подумала Пегги.

Она бы скорее осталась двадцатидвухлетней старой девой, чем вышла замуж за Могси.

Субботним утром отец О’Двайер встретил свадебную процессию у ворот церкви. Родственники жениха заняли свои места. О’Брайены пришли все вместе – путь от магазина на Черч-стрит длился не более пяти минут, но это было воистину триумфальное шествие.

Крисси опиралась на руку отца. На ней было белое платье, которое, по словам портнихи, больше подходило для танцев. Крисси в

ответ захихикала. Почему бы и нет? Когда-нибудь это будет платье для танцев. Ее короткая фата крепилась к свадебному венку из восковых цветов.

Ярко светило июньское солнце. Сезон еще не начался; наплыв туристов ожидался в ближайшие несколько дней. Тем не менее весь поселок видел, как Крисси О'Брайен шла под венец. Соседи махали руками и приветствовали невесту, выглядывая из домов и уличных лавок. Джози Диллон помахала рукой из окна отеля, мисс О'Флаэрти – из канцелярского магазина, семья Мерфи – с порога аптеки. На двери мясной лавки Двайера красовался большой лист бумаги с пожеланием удачи для Крисси. Невеста пришла в восторг, когда увидела надпись, и привлекла к ней всеобщее внимание.

Позади Тома О'Брайена и его старшей дочери вышагивала Пегги в ослепительно-желтом платье, подобранном не слишком удачно.

Следом шли Клэр с матерью, Джим и Бен. Клэр задавалась вопросом, отправится ли она когда-нибудь в церковь под руку с отцом, как это на ее глазах делали многие девушки. Это была удобная традиция, потому что каждый получал возможность поглядеть на свадебное торжество без необходимости являться в церковь без приглашения и пялиться по сторонам.

Но Клэр не могла себе представить, что согласится участвовать в подобном параде ради кого бы то ни было. Выступить в этой пантомиме она была готова только для кого-то необыкновенного.

Она задумалась, что бы это мог быть за человек, как вдруг рядом появился Джерри Дойл.

– Перестань мечтать обо мне и послушай, – сказал он.

– Какая самонадеянность! – рассмеялась Клэр.

– Я забегу вперед. Проследи, чтобы Крисси перестала трещать как сорока. Тогда я смогу сделать хороший снимок, как вы входите в церковь. Ты меня поняла?

– Кого ты хочешь сфотографировать? Только Крисси и папу? Или всех нас?

– Я бы хотел и так, и так. Но Крисси сейчас в таком настроении, что на снимке окажется половина поселка. Надеюсь, ты ее успокоишь.

Клэр ласково улыбнулась ему. Джерри Дойл понимал, что этот альбом будут любовно разглядывать на протяжении многих лет, ведь вряд ли на долю Крисси и Могси выпадет много разных торжеств.

Она утихомирит Криси, если об этом просит Джерри. Даже если для этого ей снова придется использовать начальственный тон.

В церкви Криси притихла, ее ответы были еле слышны. Морис Бирн, блиставший в синем костюме, тоже почти онемел. Только неизменно твердый голос отца О'Двайера звучал громко и уверенно.

Церемония подошла к концу, и все оказались в комнате, которая была слишком мала, чтобы назвать ее залом. Криси разрезала свадебный торт, позируя перед фотокамерой. Под конец Джерри сделал снимок убегающей невесты. Криси стояла одной ногой на земле, а другой – на подножке автомобиля, громоздкого «форда-кортина». Брат Могси разрешил молодым доехать на машине до вокзала. Не обошлось без конфетти. Подразумевалось, что семья все уберет до наступления темноты. После этого мистер и миссис Морис Бирн удалились.

На втором курсе бакалавриата гуманитарных наук никто не утруждал себя учебой. В некотором смысле это был год отдыха, потому что в его конце не ожидалось важных экзаменов.

Валери провела насыщенное событиями лето. Ее отец попал в Англии в больницу и написал с больничной койки длинное покаянное письмо. И что же сделала мать Валери? Вместо того чтобы истерически рассмеяться, откупорить еще одну бутылку и отправить в адрес бывшего мужа очередную порцию проклятий, мать собралась и поехала в Англию! Отцу стало лучше, он пообещал бросить любовницу и вернуться домой. Но не сразу. Ему требовалось время. Однако мать Валери словно преобразилась. Она отказалась от утренних коктейлей. На самом деле она вообще отказалась от алкоголя. Она не требовала от дочери тратить как можно больше денег, чтобы заставить негодяя платить. Теперь все было иначе. Валери обязали усердно учиться в Университетском колледже, чтобы в полной мере отработать щедрую плату за обучение, которую предоставил отец. Валери напомнили, что деньги не растут на деревьях. Более того, мать с дочерью потратили целое лето на то, чтобы привести в порядок дом и подготовиться к возвращению блудного отца. Поскольку Валери с превеликим трудом смогла окончить первый курс, второй год обещал быть для нее трудным. Она пребывала в унынии.

Мэри Кэтрин ожидал неприятный сюрприз: Джеймс Нолан спросил, может ли он заглянуть в гости по приезду в Штаты. Она ответила, что ее семья будет часто переезжать этим летом. И в любом случае идея не очень хорошая, потому что они наверняка будут отдыхать в компании друзей, когда бы он ни приехал. Джеймс пытался прижать ее к стенке, называя конкретные даты, но она была непреклонна. В этом году Джеймс, казалось, проявлял к ней более активный интерес; он пригласил девушку на костюмированные танцы. Мэри Кэтрин все лето проработала в киоске, торгуя газировкой и взбивая молочные коктейли. Расспросы об Ирландии очень ее утомляли, все вокруг думали, что это страна деревенских домиков и лепреконов. Ее мать трудилась в швейном квартале, а два младших брата развозили газеты. Мэри Кэтрин почти не видела родных до большого пикника для прихожан по случаю Дня труда. Мэри Кэтрин признала, что описать ирландцам Америку почти так же трудно, как американцам – Ирландию. Она заявила, что у нее нет ни малейшего шанса стать послом, карьеру которого прочил дочери отец-почтальон после окончания университета. Зачем тогда нужно высшее образование, если оно не поможет занять высокий пост? Очевидно, отец смирился с тем, что Мэри Кэтрин не выйдет замуж за ирландского аристократа с замком, если она не смогла подыскать себе выгодную партию в первый же год обучения. Теперь он возлагал надежды на будущий карьерный рост дочери.

Клэр сказала, что терпеть не может, когда кто-то скрывает, но рассказать ей почти нечего. Это лето в Каслбее ничем не отличалось от предыдущих. У Кресси была отличная свадьба. Погода выдалась хорошая – и это прекрасно, потому что бизнес процветал и все были счастливы. Да, она несколько раз видела Джерри Дойла. Но его повсюду преследовала одна гламурная особа, приехавшая в Каслбей на три недели. Ее звали Сандра. Когда заявленные три недели истекли, Сандра решила, что в Каслбее невообразимо хорошо, и осталась на все лето. Джерри Дойл нашел для нее фургон, которым никто не пользовался. О парочке судачил весь Каслбей, но Джерри не обращал на это ни малейшего внимания. Кажется, Сандра была студенткой Университета Королевы в Белфасте. Она проходила все лето в красном купальнике, набросив сверху рубашку розового, фиолетового или оранжевого цвета, чтобы сочеталось с красным. Еще у Сандры была

пышная грива. Волосы она обычно мыла шампунем у всех на виду под душем, который комитет установил по требованию доктора Пауэра у подножия лестницы, ведущей на пляж. Валери и Мэри Кэтрин сожалели, что красавец Джерри оказался занят на протяжении всего лета.

– А у тебя не было каких-нибудь приключений, романов на танцах или чего-нибудь в этом роде? – поинтересовалась Валери.

– Нет. Я редко ходила на танцы. Я ходила на танцы комитета, потому что должна была, как и все остальные, но я не заводила романов. Работала в магазине с утра до ночи, это было чертовски утомительно. Знаете, я ловлю себя на мысли, что извиняюсь перед Джози за то, что у меня нет романов в Дублине, а потом перед вами – за то, что у меня нет романов в Каслбее.

Дэвиду предстоял нелегкий год: сдача выпускных экзаменов. Он сказал Джеймсу, что хочет с головой погрузиться в учебу и воздержаться от любого общения. Джеймс оскорбился: он тоже заканчивал в этом году обучение и настаивал, что закон не менее свят, чем медицина. Неужели Дэвид не придет на танцы и не составит компанию другу? А ведь он пригласил на вечеринку богатую наследницу из Штатов, которую не смог заполучить летом.

Но Дэвид был полон решимости посвятить себя учебе.

В последние дни он встречал мало понимания со стороны Кэролайн. Летом в Каслбее она вечно пребывала в дурном настроении и ссорилась с матерью по любому поводу. Кэролайн не давала покоя смазливая девица по имени Сандра из Северной Ирландии, с которой Джерри Дойл демонстративно разгуливал по улицам. Кэролайн стала тоже носить рубашки поверх купальника и чуть не откусила голову собственной матери, когда миссис Нолан мягко посетовала, что дочь, похоже, забыла дома юбку.

– Тебе по-прежнему нравится Джерри? – раздраженно спросил Дэвид. – Я думал, ты переросла это увлечение.

– Оставь свой высокомерный тон, – огрызнулась Кэролайн. – Никто не сможет забыть Джерри Дойла. Он будет вечно сводить всех с ума.

Кэролайн сказала это так, словно изрекла очевидную истину, например, о том, что за днем следует ночь. Дэвид окончательно

разозлился.

Может быть, он разучился обращаться с девушками. Вероятно, все дело в этом. Дэвид подолгу гулял с Бонсом по Фар-Клифф-роуд. Бонс был милым и простым. Он любил гулять, а еще ему нравилось, когда люди кидали вещи, которые он приносил обратно. Бонс представлял себе, что перед ним кролик, и радостно бросался в бесполезную погоню. Собачья жизнь казалась такой легкой. Бонс не страдал ни из-за чувства вины, ни из-за неуверенности в себе. Если он не получал то, что хотел, то ложился, тяжело дыша, и разевал пасть в глупой улыбке. Рано или поздно кто-нибудь выводил пса на прогулку, бросал ему палку или давал кость. Бонс не сидел по ночам с сигаретой в своей конуре, размышляя над тем, что ему делать, в отличие от Дэвида. Тот, правда, сидел в спальне, но это ничего не меняло.

Впервые в жизни лето в Каслбее не доставило Дэвиду радости. Он так отдалился от Кэролайн, что почти не испытывал удовольствия от общения с ней. Кажется, Кэролайн считала его унылым занудой, но и сама не знала, чего хочет от жизни. Она была неугомонной и нетерпеливой, не желала говорить о карьере и собственном будущем. По мнению Кэролайн, в этом не было смысла. Она получила степень магистра, но так и не смогла найти работу. Ей пришлось осваивать стенографию и машинопись, как тупице Джози Диллон из отеля, которая лезла к ней со своими советами.

«Просто замечательный курс финансовой грамотности!» – кривлялась Кэролайн, передразнивая акцент Джози.

Дэвиду всегда нравилась Джози: она была гораздо приятнее своих старших сестер. Дэвид помнил, что в детстве Джози была гадким утенком, но Кэролайн об этом даже не догадывалась. Он понимал, что девушка пытается помочь Кэролайн, потому что всерьез увлеклась ее братом. Это было очевидно. Как и то, что старания Джози напрасны.

Но главная проблема лета заключалась не в этом. Главная проблема поджидала Дэвида дома.

Мать радостно рассуждала о его возвращении в Каслбей, где он будет помогать отцу в его практике. Дэвид вспомнил, что точно так же мать рассказывала о том, как в детстве он помогал Нелли печь песочное печенье, а старому Мартину – ухаживать за садом. Молли не понимала, что ее сын стал довольно компетентным врачом, который почти прошел аттестацию. Квалифицированный врач не ходит по

домам, он занимается медициной. Чтобы получить разрешение открыть практику, ему следовало пройти годичную стажировку в больнице; он хотел посвятить один год педиатрии и еще один год акушерству... Однако мать категорично заявила, что в этом нет никакой необходимости. Лучшая практика – это работа с пациентами, а его отцу пригодится любая помощь. Пэдди даже нанял на лето молодого врача, чтобы тот заменял его в смотровой. С туристами вечно что-то случалось, а мистеру Пауэру едва хватало времени на заботу о местных жителях...

Нелли рассказала Дэвиду о выкидышах и двух младенцах, умерших в утробе его матери. Благодаря непрошеным откровениям людей вроде миссис Конуэй и мисс Маккормак Дэвид знал, как сильно им дорожили родители. Он родился живым и в срок, вырос красивым и сильным. Почти выучился на врача. Мечта, ставшая явью, по словам очевидцев. Порой Дэвида охватывало раздражение, и тогда он задавался вопросом, как вырваться из чужой мечты и осуществить свою собственную.

Клэр была довольна своими успехами на втором году обучения. Она установила для себя четкий и рациональный план работы, которого строго придерживалась. Поскольку, кроме Клэр, больше никто особо и не учился, ее усилия привлекли внимание преподавателей – именно этого она и добивалась. Ее план состоял в том, чтобы написать магистерскую диссертацию по истории, поэтому ей были крайне необходимы энтузиазм и поддержка сотрудников исторического факультета, а также их советы, как добыть деньги, чтобы выжить. Премия Мюррея покрывала расходы только на начальном уровне высшего образования. Как только Клэр получит степень бакалавра, она будет предоставлена самой себе.

Но она была также полна решимости вести светскую жизнь. Каждый пятничный вечер плавно перетекал в ночь, и Клэр использовала это время по максимуму.

Ютясь втроем в тесной спальне, где могла с комфортом разместиться только одна девушка, три соседки оказались вынужденно вовлечены в жизнь друг друга. Все они носили одежду примерно одного размера – в этом были свои плюсы и минусы. Плюс состоял в том, что в случае крайней необходимости одна из них всегда могла

рассчитывать на хорошую блузку. Подруги даже купили одну черную водолазку на троих. Ее разрешалось надевать только с подмышниками и надлежало стирать после каждой третьей носки.

Минус заключался в том, что порой они не могли отыскать в гардеробе любимый предмет туалета и понимали, что, должно быть, в нем щеголяет другая. Они научились одеваться для выходов в свет и танцев, сидя на кровати. Стоило им встать на ноги, комната начинала походить на медвежью клетку в зоопарке.

Туалетный столик был местом вечных баталий. Валери не покупала косметику. Она утверждала, что не использует макияж, однако на ее глазах чернели следы подводки из запасов Мэри Кэтрин, а на губах лежал толстый слой персиковой помады из арсенала Клэр. Вдобавок Валери вечно во всеуслышание жаловалась, что рассыпала пудру для лица, при этом ее нос никогда не блестел, намекая на регулярное применение пудры.

У Мэри Кэтрин была привычка раскидывать по спальне кусочки ваты, с помощью которой она удаляла макияж с глаз, помаду с губ и прессованную пудру с лица, шеи и плеч.

Клэр обвиняли в том, что она разбрасывала везде расчески с волосами. Ей неоднократно заявляли, что длинные волосы – не повод разносить их по комнате.

Все размолвки, как правило, длились не дольше нескольких минут – за исключением случая, когда Мэри Кэтрин обнаружила, что Клэр вышла на улицу в единственных приличных туфлях Мэри Кэтрин, а Валери не просто разбила ее коробочку с тушью, но вдобавок ко всему залила следы преступления водой, оставив на месте туши отвратительную серую лужу. Эта ссора полыхала долго, в течение этого времени Мэри Кэтрин успела трижды пригрозить, что вернется в Соединенные Штаты, где живут нормальные люди.

Подруги ходили в «Бектив», «Палмерстон», «Бельведер» и «Лэнсдаун»; так назывались регбийные клубы, где устраивали танцы по выходным. Это было забавно, в Каслбее сроду не водилось ни одного игрока в регби. Возможно, в пансионе Дэвида Пауэра кто-то играл в регби, но даже в школе, куда ходили братья Диллон, играли в нормальный футбол и хоккей на траве. Все жители Каслбея, которые когда-либо приезжали в Дублин ради спортивного матча, шли на финальные игры Всеирландского чемпионата по футболу на стадионе

«Кроук-парк». Никому бы и в голову не пришло пойти вместо этого на Международный турнир по регби на «Лэнсдаун-роуд».

Как-то раз холодным днем Клэр отправилась на матч по регби на стадионе «Лэнсдаун-роуд», чтобы поболеть за Университетский колледж Дублина. Игра называлась «Битвой красок» и проводилась каждый год между командами Тринити-колледжа и Университетского колледжа. Студенты Тринити были выходцами из высших слоев общества. Чтобы подчеркнуть разницу в социальном статусе, болельщики Университетского колледжа скандировали: «Давай, КОЛЛИДЖ, К-О-Л-Л-И-Д-Ж-Ж, поднажми». Это всякий раз вызывало смех.

Клэр пришла на матч с парнем – студентом юридического факультета по имени Иэн. Они познакомились на одной из пятничных вечеринок. Иэн дважды водил Клэр в кино, а один раз – в «Бона фиде», так назывался паб в трех милях от города, где можно было сидеть и пить допоздна. На самом деле Иэн не очень-то нравился Клэр, потому что казался напыщенным и высокомерным. Он не говорил о нормальных вещах. Его слишком заботило, какое впечатление он производит, как звучат его слова и как он выглядит. Однако, когда Клэр обсудила ситуацию с девушками, обе подруги единогласно заявили, что ей чертовски трудно угодить. По их мнению, студент юридического факультета был обязан держать фасон и выставлять себя в выгодном свете. Ради всего святого, это то, чему их обучали, то, чем они будут заниматься всю оставшуюся жизнь в зале суда.

Иэн одолжил у родителей машину, и после «Битвы красок» они с Клэр отправились в паб. Потом Иэн повел ее в крупный кинотеатр, чтобы перекусить и посмотреть фильм. Во время сеанса Иэн пытался ее приобнять, но Клэр все время отворачивалась, что сильно раздражало парня.

– Тогда позже? – спросил он.

– Позже, – ответила Клэр, глядя на экран.

Они возвращались в общежитие окольными путями по множеству глухих улочек. Иэн вырулил на небольшой пустырь, где днем иногда парковались автомобили, и остановил машину.

Произошла крайне неловкая сцена. Клэр вернулась в общежитие и расплакалась. Валери раздобыла для всех вермута, чтобы успокоить нервы. Жизнь оказалась совсем не похожей на фильмы, где девушка

могла сказать «нет», никого не обидев. Это было ужасно. Почти так же жестко, как игра в регби, которую Клэр недавно смотрела. Хуже всего было то, что виноватой выставили Клэр. По словам Иэна, она обещала, что все случится «позже». Иэн ругал ее последними словами. Он заявил, что Клэр динамщица и что для мужского здоровья вредно испытывать возбуждение, не имея возможности его унять. Эти обвинения расстроили Клэр еще больше. Всему виной была ее собственная глупость. Говорили же ей, не следует обниматься с парнями, позволяя им тискать и лапать тебя. Это поощряло парней идти до конца и могло стать причиной «недомогания», если девушка отвечала отказом.

Валери сказала, что это нелепо. Почему ты не можешь сказать «да» или «нет» в зависимости от настроения? Ты же можешь выбрать, класть тебе сахар в чай или нет. Но Мэри Кэтрин возразила, что это дело гораздо серьезнее, чем наличие сахара в чае, и что вопрос запутанный и сложный, потому что в отношениях с парнями есть определенные границы. До определенного момента все прекрасно, ты выглядишь чуткой, милой и отзывчивой, но если ты переступаешь некую грань, то тем самым даешь согласие идти до конца. Если ты этого не делаешь, твой отказ причиняет парням боль.

Девушки углубились в обсуждение мельчайших технических деталей, однако их собственный опыт был слишком ограничен, чтобы прийти к единому мнению по поводу того, где именно проходит роковая грань и как ее можно ненароком пересечь. Все они давали разные ответы. Свой взгляд был у каждой, поэтому вокруг этого было столько суеты и шума.

Клэр сказала, что случившееся послужит ей уроком. Она была стипендиаткой. Комитет Мюррея хотел, чтобы она училась, а не разъезжала в чужих машинах в обнимку с парнями, которые сначала распускают руки, а потом везут тебя домой, осыпая градом проклятий.

Клэр составила план своей будущей жизни. Осенью тысяча девятьсот шестидесятого года она получит степень бакалавра и в течение двух лет будет учиться в магистратуре, которую окончит в шестьдесят втором. Прекрасно. Затем она переберется в Оксфорд или Кембридж, чтобы получить степень доктора философии. Разумеется, в течение этих двух лет она будет давать уроки. В тысяча девятьсот шестидесятом году она защитит докторскую диссертацию и

поедет на три года в Америку в Вассарский колледж или Брин-Мор в качестве приглашенного научного сотрудника. В шестьдесят седьмом вернется в Ирландию и займет должность профессора современной истории в Тринити-колледже или Университетском колледже Дублина – там, где профессор истории раньше отправится на тот свет и освободит для нее место. Чтобы заработать себе соответствующую репутацию, ей придется в течение семи лет заниматься научной деятельностью и публиковать статьи. Затем, в возрасте тридцати четырех лет, она выйдет замуж. Как раз вовремя, чтобы произвести на свет двоих детей – не больше. Она хотела бы выйти замуж за профессора, чьи научные интересы лежат в какой-нибудь другой области. Они поселятся в маленьком скромном домике, увитом плющом и уставленном книгами. Почти каждый вечер они будут ужинать в кафе по соседству – все вместе, включая младенцев, как только те достигнут возраста, в котором дети способны удержать в руке ломтик жареной картошки.

Валери и Мэри Кэтрин покатывались со смеху, пока Клэр делилась с подругами своим долгосрочным планом, включавшим такие подробности, как названия самых престижных мировых университетов, возрастные ограничения и обязательное наличие жареной картошки.

– Я не шучу.

Карие глаза Клэр были полны решимости.

– Я не буду работать в школе и учить детей. Я не собираюсь отказываться от будущего, чтобы возиться с тупыми, гадкими детьми, не желающими учиться. Я не хочу быть учительницей. И я не выйду замуж, пока не добьюсь всего и не буду готова. Если бы я мечтала выйти замуж, то могла остаться в Каслбее и ковырять в носу, как Крисси.

– Она очень серьезно относится к своему будущему, – сказала Валери так, будто Клэр не было в комнате.

– Говорю тебе, когда она найдет себе хорошую работу и приятного парня, то вспомнит об этом и посмеется, – изрекла Мэри Кэтрин.

– Вы обе ничуть не умнее парней, – подытожила Клэр и отпила еще глоток вермута.

На следующее утро позвонил доктор Пауэр. У Клэр от страха перехватило горло, но доктор быстро перешел к делу:

– Миссис О’Хара скончалась, упокой Господь ее душу. Вы были так дружны с Анджелой, я подумал, ты захочешь узнать.

– Спасибо, доктор. Когда похороны?

– В воскресенье, но не стоит тратить все свои деньги на билет до Каслбея. Я позвонил на случай, если ты захочешь заказать мессу и отправить открытку.

Клэр позвонила Эмер, которая обещала немедленно отправить Анджеле телеграмму, и пошла в Университетскую церковь. Священник записал имя миссис О’Хары в блокнот, чтобы упомянуть его в молитве во время мессы. Клэр протянула две полукроны. Священник покачал головой.

– Разве для студентов это не стоит пять шиллингов? – спросила Клэр.

– Это бесплатно, дитя мое. Я буду рад отслужить мессу за упокой души этой женщины. Она была твоей подругой? Или родственницей?

– Нет, ни то ни другое. Это мать моей учительницы, она обычно сидела рядом, пока ее дочь занималась со мной дополнительно. Еще у нее был сын-священник, и это приносило ей много счастья, хотя она была в своем роде калекой.

Священнику было приятно это слышать.

– Что ж, ее сын отслужит много месс за упокой ее души, но ты не волнуйся, я тоже отслужу за нее мессу.

Он написал свое имя на открытке для мессы – там, где рядом со словами «священник, отправляющий службу», начиналась пунктирная линия, и Клэр поблагодарила его за великодушие. Она была готова потратить пять шиллингов на мессу за упокой матери Анджелы, но теперь, когда необходимость в этом отпала, все стало намного проще. Терзаемая легким чувством вины, Клэр купила марку и, не выходя из почтового отделения, написала письмо с выражением соболезнования. Ей было интересно, что сейчас делает Анджела.

Потребовалось много времени, чтобы ответить на все письма со словами сочувствия и отправить записки с благодарностью за цветы и заупокойные мессы. Анджела делала это методично каждую ночь. Она

переставила в коттедже мебель и убрала кресло матери наверх, чтобы не видеть его, спускаясь по лестнице.

Люди были так щедры – даже Иммакулата проявила человеколюбие и предоставила Анджеле больше выходных, чем полагалось. Анджела вежливо поблагодарила хозяйку и сказала, что предпочла бы отдохнуть пару лишних дней в конце полугодия. Иммакулате это не понравилось. А как же Рождество, концерт и все остальное?

«В этом-то и дело», – призналась Анджела.

В нынешнем году ей будет трудно вложить душу в рождественский концерт. Иммакулате пришлось согласиться.

Во время похорон Джеральдина и Мария помогли сестре больше, чем она могла надеяться. Вдобавок ко всему их черные пальто, английский акцент, а также искреннее и неподдельное беспокойство по поводу того, что отец Шон не смог приехать на похороны матери, отвлекали людей от желания задавать лишние вопросы. Они виновато признались друг другу, что почти не писали брату и что в последнее время получали от него только рождественские открытки. Джеральдина даже рискнула задаться вопросом, счастлив ли Шон, пребывая в сане священника; в первые дни после рукоположения он лучился от радости.

Анджеле не пришлось отвечать на прямые вопросы о брате. Людям хватало невнятных сожалений о том, что Шона нет рядом, чтобы отслужить мессу.

Слишком многое предстояло сделать: приготовить еду для гостей и кровати для сестер, а еще разобрать и поделить между собой мамини вещи, чтобы у сестер осталось что-то на память. Речь зашла даже о коттедже. Было трудно сидеть рядом с сестрами, которые были для Анджелы почти чужими, и слушать их разговоры об английских магазинах, городах и морских курортах – она ничего об этом не знала, но ей пришлось через это пройти. Сестры тоже имели право на долю из небольшой суммы, которую оставила мать.

Анджела показала им сберегательную книжку матери: там числилось чуть больше ста фунтов стерлингов. Еще у нее был полис ритуального страхования, так что похороны оплачивала страховая компания. Анджела предложила разделить сто фунтов на четверых. Мария поинтересовалась, не следует ли отправить Шону всю сумму на

благо миссии. Именно миссионерская деятельность сына занимала все мысли их матери.

На короткий миг Анджела испытала искушение открыть сестрам правду. Время было позднее: уже никто не придет и не помешает разговору. Она могла бы переложить часть тяжести со своих плеч на плечи сестер. Джеральдина и Мария жили в Англии. Ради бога, никто не мешал им встретиться с братом, оценить его положение и решить, как относиться к священнику, отказавшемуся от сана. Но что-то в характере Шона и Сюи казалось слишком уязвимым, чтобы впустить в их жизнь Марию и Джеральдину, обитавших в странных, замкнутых мирах. Анджела поняла, что пока ничего не скажет сестрам.

Правильно ли она поступила, не уведомив Шона о смерти матери? Одобрит ли душа миссис О'Хары поступок дочери? Насколько благими были ее мотивы? Анджела опасалась, что многие слова, которые она адресовала брату, были неискренними. Почему она не позволила Шону вернуться домой и признаться в содеянном? Матери больше не было рядом, чтобы почувствовать стыд и боль. Не превратилась ли Анджела в степенную школьную учительницу, не желавшую нарушать размеренный ход собственной жизни?

Она недоумевала, почему утаила от Клэр историю Шона. В некотором смысле Анджела сблизилась с Клэр больше, чем с кем бы то ни было. Клэр хранила позорную тайну бедного Томми, прозябавшего в лондонской тюрьме. Для откровенной беседы не нашлось подходящего момента, а теперь было почти слишком поздно.

Анджела посмотрела на письмо Клэр с выражением соболезнований и на открытку о заказе заупокойной мессы с подписью священника Университетской церкви. Девушка была очень добра: откликнулась почти сразу и потратила на мессу карманные деньги, хотя ей самой вечно их недоставало. Конечно же, Анджела по достоинству оценила эту жертву. В письме Клэр напоминала, что Анджела всегда находилась рядом с матерью, радела о ее благополучии и счастье, не испытывала обиды, относилась к своей участи с юмором, – это ли не лучший подарок для родителя и не повод обрести утешение для дочери? Клэр признавалась, что не ощущает в себе сил совершить нечто подобное. Наверное, это было единственное письмо, автор которого не упоминал о молитвах Шона, несущих

утешение, и не скорбел о том, что сын не смог приехать на похороны матери.

Анджела уехала в Англию на последней неделе учебного полугодия. Она предупредила детей, что в этом году не стоит дарить ей рождественские открытки и что она встретит Рождество с сестрами или в компании дублинских друзей. Кажется, все признали ее поступок разумным. Нет смысла праздновать Рождество в пустом доме, пусть даже немало жителей Каслбея были готовы пригласить мисс О'Хару к себе.

На почтовом судне было холодно и сыро, а в поезде, следующем в Лондон, – душно и неуютно. К тому моменту, когда Анджела садилась в очередной поезд, чтобы добраться до школы Шона, ее глаза опухли от недостатка сна. Сойдя с поезда, она прошагала целую милю и вспомнила день, когда она с братом приехала в Остию и увидела большой дом, во дворе которого ждали жена и дети Шона. Анджела вспомнила страх, испытанный при встрече с ними, и грусть, сменившую этот страх.

Она уже бывала здесь, в этой школе, когда отец Флинн устраивал Шона на работу. В те дни битва с римским духовенством еще не считалась проигранной. Шон был по-прежнему полон энтузиазма и писал в Ватикан так же часто, как прежде ездил туда.

В последнее время брат почти не упоминал о Ватикане в своих письмах. Он сообщал, что Сюя взяла много работы, Денис делает успехи в школе, Лаки учится в соседнем монастыре и оба ребенка завели много друзей. На самом деле их положение вовсе не было стабильным, но, к счастью, Денису выпал шанс получить хорошее, дорогое образование, которое в других обстоятельствах им было бы не по карману.

Анджела терялась в догадках, какую работу выполняет Сюя. Разумеется, в такой школе, как эта, ее бы не наняли заниматься починкой одежды и шитьем, как в Риме. Хотя кто знает, англичане вполне могли придерживаться более широких взглядов и позволить жене учителя латыни подрабатывать швеей и даже прачкой.

Анджела подошла к маленькому домику привратника. За садом ухаживали гораздо лучше, чем во время ее прошлого визита, хотя на дворе стояла зима. За оградой росли красивые серебристые деревья и

золотистые кусты, придававшие цвет зимнему пейзажу. Дверь сияла яркой, солнечно-желтой краской. Домик имел более жизнерадостный вид, чем тогда, когда Анджеला увидела его впервые.

Она знала, что Шон будет в школе, и хотела встретиться с братом после занятий, когда он вернется домой к обеду. Шон говорил, что больше всего радости он получает от получасовой прогулки по пустой спортивной площадке в полной тишине по пути домой. Анджеला слишком хорошо знала, как нужна эта передышка от пронзительных детских голосов. Она сама была лишена подобной роскоши, об этом позаботилась Иммакулата.

Анджеला постучала в желтую дверь. Ее встретила Сюя. На лице – улыбка, в глазах – восторг, руки распростерты в желании обнять.

– Я заметила тебя со второго этажа и побежала вниз. С приездом, милости просим! Я с трудом могу в это поверить. Я счастлива. Мы все счастливы. У тебя чемодан, на этот раз ты останешься с нами.

– Да, Сюя, на этот раз я останусь.

Они выпили чаю, и Анджеला осмотрелась. Сюя изменилась: помолодела и выглядела более элегантно. Теперь она убирала волосы в пучок, носила светло-зеленый джемпер и юбку, а широкий белый воротник украшала брошь из коннемарского мрамора.

Анджеला подарила Сюе брошь, когда в прошлый раз приезжала в гости. Мысль о том, что это, возможно, единственное украшение Сюи, растрогала Анджелу до глубины души. Сюя рассказала о работе. Теперь она занималась вовсе не стиркой и шитьем. Сюя набирала тексты дипломных работ, выполняла переводы для японских компаний в Лондоне и делала копии документов. Больше всего заказов Сюя получала от школы. В администрации сочли, что лучше платить миссис О'Харе за аккуратно оформленные опросные листы, экзаменационные билеты, уведомления и брошюры, чем самим печатать на машинке, переводя пачки бумаги. Сюя с гордостью сообщила Анджеле, что неплохо освоила надомное производство и даже наняла девушку, приходившую помогать ей трижды в неделю после обеда.

На пианино стояли фотографии детей, которые так выросли, что Анджеला едва их узнала. Денису исполнилось больше десяти, Лаки – восемь. В другой рамке была фотография матери – ее единственный

красивый портрет. Юные Дэвид Пауэр и Джеймс Нолан сделали снимок много лет назад, когда купили первую камеру и фотографировали всех подряд, пытаясь соперничать с Джерри Дойлом. Им удалось поймать и запечатлеть редкий момент, когда миссис О'Хара улыбалась, а не морщилась от невыносимой боли.

Взгляд Анджелы остановился на портрете. Сюя заметила это.

– Ты приехала рассказать Шону о его матери? – очень тихо спросила она.

– Да, – прошептала Анджела.

– Она очень больна? Она спрашивала о Шоне?

– Нет. Дело не в этом.

– Если это поможет, Шон должен поехать к ней, поехать один, в облачении священника. Если так будет лучше. Я уговорю его, если нужно.

– Нет, Сюя, нет. Ее больше нет с нами. Она умерла месяц назад.

– Месяц назад?

– Я знаю. Знаю. Мне пришлось решать самостоятельно. Так казалось лучше всего.

Воцарилось молчание.

– Пожалуйста, Сюя, разве это не лучше всего? Я оградила его от тягот, Шону не пришлось принимать тяжелое решение самому.

– Может быть, ему следовало принять решение. Может быть, не нужно постоянно защищать его от необходимости делать выбор.

– Я больше ни в чем не уверена, – печально призналась Анджела.

– Прости меня. Что я такое говорю? У тебя мать умерла, а я даже не выразила своего сочувствия. Это жестоко и эгоистично с моей стороны. Как она умерла? Это было внезапно?

– Да. У нее был сердечный приступ. Если бы все произошло не так быстро, я бы дала Шону знать. А так – он бы все равно не успел приехать, а я не хотела...

– Пожалуйста, не волнуйся. Я думаю, ты сделала все, чтобы Шон не испытал лишней боли. Как всегда, ты действовала ему во благо, – сказала Сюя.

Она встала и обняла Анджелу за плечи:

– Ты поступила как лучше. Спасибо тебе за то, что ты не заставила Шона проходить через это. Все эти муки. Спасибо за то, что ты подарила нам мир и покой. Он смирится со смертью матери. С тех

пор как Шон видел ее в последний раз тринадцать лет назад, мать превратилась для него в мечту. Он будет оплакивать ее образ, а не настоящего человека.

– Ты очень мудра, Сюя.

– Я хочу быть учителем. Я сдаю экзамены, которые дадут мне право преподавать машинопись и стенографию. Надеюсь, в Ирландии признают результаты экзаменов.

– Да, вероятно. Вы собираетесь в Ирландию?

– Шон почти ни о чем другом не говорит.

Сюя указала, куда идти, чтобы встретить Шона. Она обещала оставить их в доме одних, чтобы брат с сестрой могли поговорить. Обед был уже готов.

На нем было тяжелое пальто с поднятым воротником, он держал руки в карманах. Брат выглядел моложе своих сорока лет. Его лицо расплылось в нелепой улыбке. Он бросился навстречу, но потом резко остановился.

– Плохие новости? – спросил он.

– Мама умерла очень мирно. Без страха. Все кончено.

Шон перекрестился:

– Господь, помилуй ее душу.

– Я приехала, чтобы сказать тебе.

– Ты очень добра к нам.

Шон обнял сестру и крепко прижал к груди.

– Надеюсь, я поступила правильно. Это случилось так быстро и неожиданно. Я могла позвонить тебе. Я сообщила Джеральдине и Марии. Но я решила не говорить тебе, Шон. Я подумала, что если мама тебя увидит, то догадается, а это будет слишком тяжело для тебя и, честно говоря, для нас тоже.

Анджела почувствовала себя лучше, признавшись в собственном эгоизме. Шон обнял сестру за плечи, когда они шли обратно к сторожке привратника.

– А Сюя знает? Ты ей сказала?

– Да.

– И что она думает? Неужели она считает, что мне не следовало приезжать на похороны матери?

В этот миг Андже́ла поняла, что имела в виду Сюя. Люди действительно оберегали Шона, оградив его от мира вокруг. Если Андже́ла подтвердит, что Сюя одобрила ее действия, на лице брата мелькнет улыбка облегчения, и он успокоится.

– Да. Сюя сказала, что так было правильно. Она поблагодарила меня за то, что я подарила вам покой. Так она выразилась.

Шон улыбнулся, как Андже́ла и предполагала.

– Я бы хотел находиться рядом и держать маму за руку. Но если это произошло так внезапно, еще раз спасибо тебе за то, что ты взвалила все на себя, Андже́ла. – Шон по-дружески обнимал ее. – Это было горестно и мучительно?

– Нет. Говорят, смерть пришла к ней как благословение. Это правда, Шон. Она очень мучилась в последние годы. Каждое движение причиняло ей острую боль. Она не могла ни одеться сама, ни передвигаться без посторонней помощи.

Лицо Шона страдальчески исказилось. Он не хотел, чтобы эти детали сплелись в его сознании с образом матери.

– Доктор Пауэр сказал, что у нее была самая тяжелая форма артрита, которую он видел за всю свою практику. А еще у нее было недержание. Не потому что она не могла терпеть, она просто не успевала вовремя встать.

Шон в отчаянии закрыл глаза.

– Это мало напоминало нормальную жизнь. Сплошное страдание с самого утра. Теперь все муки для матери позади. Когда я смотрю в угол комнаты, где она раньше сидела, все время думаю об этом.

– Как давно это случилось?

– Месяц назад. Я не могла приехать раньше из-за занятий в школе. Ты же знаешь, как это бывает.

Андже́ла изобразила на лице обреченную улыбку, которой часто обмениваются учителя, видя в коллеге собрата по несчастью.

Они подошли к дому. Шон встревожился из-за того, что Сюя их не встретила.

– Она вышла в город, сказала, что оставит нас наедине. Я говорила ей, что в этом нет необходимости.

Андже́ла поймала себя на том, что наливает брату суп, находясь у него же в гостях. Она поставила чайник, чтобы заварить чай, и

нарезала хлеб. Она едва переступила порог, а уже по-матерински заботилась о Шоне.

– Жаль, что дети так и не увидели свою бабушку. У них не было бабушки, – посетовал он.

– Ну, у нас бабушек тоже не было, и никто не переживал по этому поводу. Папина мать умерла до нашего рождения, а мамина мать умерла, когда я была совсем маленькой. Ты ее не помнишь, наверное?

– Нет. Но у Дениса и Лаки жизнь будет лучше нашей. Сейчас многое изменилось. Они знают, что однажды отправятся в Ирландию. У меня есть книги, вот, посмотри... Много книг об Ирландии, чтобы они знали свои корни. Книги о Японии у нас тоже есть. Денис и Лаки не вырастут потерянными, не зная, кто они такие. Они не будут такими, как мы.

– Значит, вы хотите приехать в Ирландию?

– Я всегда говорил об этом.

– Это я знаю. Знаю.

Шон вспомнил, что его мать умерла, и обхватил голову руками. По его словам, он с трудом верил в случившееся. Его память запечатлела образ веселой, разговорчивой женщины, которая всегда была в курсе последних новостей и в эпицентре событий. Возможно, мать отдаленно соответствовала этому образу в тысяча девятьсот сорок пятом году, когда Шон в последний раз приезжал домой. Тогда слава сына-священника, явившегося в Каслбей при всех регалиях, компенсировала матери потерю склочного мужа-пьяницы, висевшего на ее шее камнем на протяжении всей супружеской жизни. Тогда мать была светла духом, хотя у нее уже болели суставы. С тех пор Шон ее не видел. Его следовало простить за то, что он думал о матери как о женщине с ясным взглядом, которая улыбалась с фотографии в рамке, стоявшей на пианино.

Анджела задумчиво помешивала в тарелке сырный салат, пока брат предавался воспоминаниям.

– Сегодня вечером мы прочитаем за нее молитву Розария, – сказал он. – Чтобы дети осознали важность того, что произошло.

Анджела не могла избавиться от мысли о том, что ее брат живет в смертном грехе и не имеет права призывать к чтению Розария. Шон тем не менее не видел в этом ничего странного.

– Как ты думаешь, новый папа что-нибудь изменит? – внезапно спросила она, касаясь руки брата. – Он выглядит добрым.

– Дело не в доброте. Это такой же сложный и утомительный процесс, как любой гражданский иск, – печально сказал Шон. – Если бы я смог доставить бумаги лично Иоанну Двадцать Третьему, я бы уладил вопрос за несколько дней. Но если бы я доставил их Пию Двенадцатому, было бы то же самое.

– Они тянут с принятием решения. Это значит, что надежды стало больше или меньше?

– Честно говоря, не знаю. Думаю, это значит, что бюрократической волокиты прибавилось. Если кто-то просмотрел твои документы, остальные не спешат браться за дело.

– А здесь знают? – кивнула Анджела в сторону школы.

– На самом верху знают. Рядовые сотрудники – нет. Мне очень повезло, что я попал сюда.

Шон был гораздо менее уверен в себе, чем прежде. Раньше он бы ни за что не признался, что его успех обусловлен удачей. Когда-то Шон считал, что в этом мире ему открыта любая дорога и он волен сам выбирать себе жизнь. История с Римом изменила его мышление.

Но до того как Денис и Лаки вернутся домой, прежде чем семья преклонит колени и прочтет молитву Розария, которую дети не поймут, за упокой бабушки, которую они не знали, Анджела хотела выяснить планы Шона по поводу Ирландии.

– Значит, решил вернуться в Каслбей?

– Ты не против?

– Нет. Конечно нет, – солгала Анджела.

– Я помню, ты говорила об этом давным-давно в Риме. Ты сказала, что единственная причина, почему я должен держаться подальше, – то, что новость разобьет мамино сердце.

– Именно так я и сказала и не отрекаюсь от этого, – произнесла Анджела, стараясь, чтобы слова прозвучали как можно теплее.

Она не могла не проявить радушия. Отказ от собственных слов был бы безумием. Кто сможет вынести чудовищный обман, длившийся долгие годы? Денис – большой мальчик, ему десять лет. Разве он не поймет, что их предали?

– Да-да, я знаю, ты всегда отвечаешь за свои слова. Ты никогда не подводила меня, Анджела. Ты лучшая сестра и лучший друг.

Она заварила чай и наполнила свою чашку. Ее руки дрожали.

– Ты столько вытерпела. Что ты теперь будешь делать? Жить в этом доме одна? – спросил Шон голосом, полным тревоги.

– Не знаю. Пока я именно это и делаю.

– Да-да.

– Может быть, ты предъявишь права на дом? Если вернешься.

Наконец-то она это сказала. Высказала в открытую вздорную идею священника, пожелавшего вернуться в родной поселок вместе с женой-японкой и подростками детьми.

К ее облегчению, Шон не думал, что все случится именно так.

– Вряд ли мы захотим остаться в Каслбее. Где я буду работать? В какую школу отправятся дети?

На мгновение Анджела внутренне вскипела. Чем Шону не угодил монастырь, где она преподавала? Или Конгрегация братьев, которой Шон О’Хара был обязан своим образованием? Тем не менее все складывалось как нельзя лучше.

– Ты вправе задавать эти вопросы. Но ты действительно хочешь вернуться и со всеми встретиться? С миссис Конуэй на почте, с Сержантом Маккормак, с Мерфи и Диллонами?

Анджела нарочно упомянула имена как неприятных людей, так и вполне обычных; ей приходилось действовать осторожно.

– Это мой дом, моя родина.

Шон занял оборонительную позицию, чего Анджела хотела избежать любой ценой.

– Разве я спорю? – сказала она. – Я предлагаю тебе поселиться в мамином доме. Разумеется, это твоя родина. Я просто спросила, каким ты представляешь себе свое возвращение. Это случится летом? Ты хочешь, чтобы я предупредила всех о твоём приезде, или ты все объяснишь сам, когда приедешь?

– Я думал, что ты... Я не знаю. Об этом можно договориться позже.

– Конечно можно.

На обратном пути Анджела навестила в Лондоне отца Флинна, и тот сказал, что они непременно должны пойти куда-нибудь поужинать.

– Теперь я знаю, зачем люди становятся священниками. Ради права обедать в ресторанах до конца своих дней. Ни до поездки в Рим,

ни после я не бывала в таком количестве ресторанов.

– Да, славные были деньки. Но тут дело не только в этом. Молодой Нед О’Брайен пригласил меня в заведение, где он работает. Его домовладелец недавно открыл столовую рядом с пабом, и управляет ею не кто иной, как бравый Нед. Интересно, что он запоем, когда я заявлюсь на порог с его бывшей школьной учительницей.

– Не думаю, что он будет в восторге. Я ведь ничему его не учила. Так что пробелы в его образовании – не моя вина. А как дела у Томми, он на свободе?

– На данный момент. Я хотел справиться о нем сегодня вечером.

– Я постараюсь скрыться, чтобы вам не мешать.

– В этом нет необходимости. Нед знает, что вы посвящены в курс дела.

– Отец Флинн, вы великолепны и легко относитесь ко всему. Это особенность обусловлена вашей профессией? Как глухота, которой страдают преподаватели?

Нед пытался выглядеть солидно и очень нервничал. Отец Флинн притворялся, что ничего не знает, и обо всем спрашивал у Неда. Отвечая на вопросы, Нед сильно робел. Он объяснил, что на выбор предлагается три блюда: стейк, курица и рыба. И к нему вы получаете суп и мороженое, независимо от того, какое блюдо вы выбрали. Общая цена зависит от основного блюда. Нед сказал, что может угостить отца Флинна бесплатным обедом, но, честно говоря, не уверен насчет бесплатного обеда для мисс О’Хары. Анджела заявила, что о бесплатном обеде не может быть и речи, она закажет самый дорогой стейк и сполна им насладится.

– Слышал о вашей матери, мисс О’Хара, мне очень жаль, – сообщил метрдотель заведения, обращаясь к своим единственным гостям.

– Как ты узнал об этом?

– Клэр пишет Томми каждую неделю. Она упоминала об этом в письме. А я... ну, я читаю ему письма вслух. Примите мои соболезнования.

– Спасибо, Нед. Она была старой и страдала от боли, так что все к лучшему.

– Не думаю, что Томми надолго задержится у ваших друзей, отец, – шепнул Нед краешком рта.

– Очень жаль. Почему?

– Он вбил себе в голову, что те парни будут его искать. Я не думаю, что они хотят его видеть. Но он получил сообщение, что на следующей неделе ему оставят немного денег – вроде как его долю.

– Но если они не хотят брать его к себе, может быть, Томми останется с Кэрроллами?

Отец Флинн нашел для Томми работу с проживанием в ирландской семье, владевшей небольшой овощной лавкой. Предполагалось, что сначала Томми будет подметать пол и выполнять подсобную работу, а за ним будут присматривать. Если Томми окажется хоть чем-то полезен, ему выдадут рабочий халат и позволят обслуживать покупателей.

– Вы же знаете Томми, отец. Он просто большой ребенок.

Анджела вздохнула и задумалась, все ли братья были большими детьми.

– Что я буду делать, если Шон вернется в Каслбей? – позже спросила она.

– Ты переживешь это, как пережила все остальное, – успокоил ее отец Флинн.

Анджела вернулась в Дублин как раз вовремя, чтобы встретить Рождество с Эмер и Кевином. Судно было полно ирландцев, которые уезжали на заработки, а теперь возвращались на родину. Они пели и были рады снова увидеть свои маленькие деревушки и городки, разбросанные по всей Ирландии.

В комнатах было много остролиста и плюща, через коридор тянулись длинные бумажные гирлянды. Эмер надеялась, что их дом выглядит не чересчур весело, все же подруга недавно понесла тяжелую утрату. Однако Анджела заверила Эмер, что картина полностью соответствует ее ожиданиям. Клэр собиралась заехать вечером по пути на вокзал. Она приготовила для Дэниела рождественский подарок, и Эмер пригласила девушку на ужин.

Анджеле показалось, что Клэр похудела и у нее усталый вид, тем не менее настроение у девушки было бодрое. Клэр призналась, что совершенно не понимает, как строить отношения с парнями. Как

только она разберется с академической работой, то непременно возьмет несколько уроков у того, кто в этом преуспел. Очевидно, это похоже на бридж и вождение автомобиля: даже глупцы способны многого достичь, если освоят основные приемы.

Клэр пожалела, что не может остаться в этом приятном беззаботном доме на Рождество, но тут же отбросила эту мысль. Ей не терпелось снова оказаться с семьей. Крисси не будет, а Клэр еще летом покрасила в спальне стены. Анджела привезла из Лондона хорошие новости о Неде и ни одной плохой – о Томми. Она пересказала встречу с Недом во всех подробностях и даже отправила письмо матери Клэр. В нем она рассказала, как солидно выглядит Нед на новой работе.

На фоне всех остальных Рождество Клэр обещало быть просто прекрасным. Валери предстояла встреча с отцом, с которым она давно распрощалась, а Мэри Кэтрин получила приглашение от Ноланов и жалела, что ответила отказом. Ожидая поезд на холодной платформе вокзала Кингсбридж, Клэр думала о подругах.

Повинуясь внезапному порыву, она подошла к телефонной будке и позвонила Валери. Девушка еще не уехала из общежития.

– Я очень спешу. Поезд скоро отправится. Скажи ему все, что ты думаешь, не потакай матери с ее телячьими нежностями. Ты его не любишь. Он твой отец, и он тебя бросил. Скажи ему, что была очень расстроена и что, возможно, тебе потребуется время. Тебе нужно убедиться, что он вернулся навсегда.

– Что? – опешила Валери.

– Незачем притворяться, что ничего не произошло. Делать вид, что у него был приступ безумия. Он ушел, когда тебе было тринадцать и ты нуждалась в отце. Не молчи об этом, иначе он подумает, что имел полное право так поступить.

– Тогда мы все перессоримся под Рождество, и мать будет гоняться за мной с тесаком, – возразила Валери.

– Чепуха, ссориться совершенно необязательно. Счастливого Рождества.

Клэр отыскала в справочнике фамилию Ноланов и набрала номер. Джеймс удивился, услышав ее голос по телефону.

– Ничего не случилось? – спросил он.

– Боже мой, Джеймс, нет. Ты слишком молод, чтобы думать, будто телефонный звонок означает плохие новости.

Ее слова раздосадовали Джеймса – этого она и добивалась. Нолан отправился на поиски Мэри Кэтрин.

– Признайся, что твой отец – почтальон. Немедленно, – велела Клэр.

– Что?

– Ты не сможешь насладиться Рождеством только потому, что по уши увязла в притворстве. Скажи им, ради всего святого. Просто ответь честно на их вопрос или сама заведи разговор. Они же не выбросят тебя на улицу.

Мэри Кэтрин рассмеялась.

– Ну так что, ты расскажешь? – нетерпеливо спросила Клэр. – Через минуту мне нужно садиться в поезд.

– Думаю, что расскажу, – ответила Мэри Кэтрин. – Когда ты так ставишь вопрос, нет смысла спорить.

Носильщики оживились и закричали, что поезд подъезжает задним ходом к платформе и скоро начнется посадка.

Клэр задумалась, какой совет могла получить она, если бы кто-то решил последовать ее примеру и дать ей хороший совет на Рождество. Она пришла к выводу, что самым лучшим был давний совет Анджелы: мыслить позитивно, радоваться жизни и не давать близким повода думать, что ее образование и надежды на будущее представляют для них угрозу.

Клэр четко следовала совету Анджелы, словно это было ее домашнее задание на Рождество. Она помогла матери испечь рождественский пирог в самую последнюю минуту. Она съездила и посмотрела новый дом замужней сестры. Она, Джим и Бен отправились верхом на телеге на ферму, где росло так много остролиста и плюща, что их требовалось проредить. После поездки на ферму они украсили магазин и дом.

Клэр подолгу гуляла с отцом по Фар-Клифф-роуд, всерьез обсуждая покупку автомата для приготовления мягкого мороженого. На самом деле обсуждать было нечего. Вопрос заключался в том, хватит у отца смелости занять денег на покупку или нет. Очевидно, что это была грандиозная лотерея. Рано или поздно кто-нибудь в Каслбее купит автомат, и покупатели устремятся туда, где продаются вкусные рожки со взбитыми сливками. Но отец Клэр горбил спину, снова и снова задаваясь вопросом, разумно ли влезать в долги ради того, чем

можно пользоваться одиннадцать недель в году. Клэр заметила, что в Дублине люди покупают мягкое мороженое даже зимой. Его часто едят, стоя в очереди в кинотеатр. Но отец сомневался и никак не мог решиться...

Папа постарел и выглядел усталым. Он утверждал, что ему нравится гулять на свежем воздухе в компании Клэр, но ветер резал ему глаза и насквозь пронизывал слабое тело. Клэр подумывала, не рассказать ли отцу о Томми, но внутренний спор не занял много времени. Человек, который не мог решить, покупать ли ему фризер для мягкого мороженого, вряд ли справится с новостью, что его сын – преступник.

Джози была бодра, весела, но занята работой. Она решила выяснить, будет ли в отеле спрос на так называемую рождественскую программу. Спрос был; на Рождество они ожидали двадцать девять гостей и пребывали в лихорадочном возбуждении. В семье из-за этого возникла размолвка. Старшая сестра Роза, устроившаяся в отеле на полный рабочий день, заявила, что, поскольку все решения теперь принимает Джози, она не видит смысла в своем присутствии и перебирается в другой отель.

В тот вечер Дэвид Пауэр зашел в отель, чтобы выпить и пожелать владельцам удачи с рождественской программой. Прибывали гости, и Диллоны сбились с ног. Оказалось, они не догадались заранее найти пианиста. Летом они просто предоставляли бесплатный ночлег и завтрак любому студенту, который по вечерам играл на пианино в комнате отдыха.

Мать Джози умоляюще посмотрела на Дэвида:

– Всего на один час, Дэвид! Ты бы очень нас выручил.

– Но я плохо играю, – запротестовал Дэвид и взмолился: – Клэр, ты не можешь сыграть?

– Нет. У меня никогда не было на это времени. Но такой разносторонне одаренный человек, как ты, безусловно, обладает всеми социальными навыками...

– Я ненавижу тебя, Клэр О’Брайен, – добродушно признался Дэвид.

Джози горячо поблагодарила его и подвела к пианино. Запинаясь, он приступил к исполнению старинной композиции «Есть таверна в

городке». Дик Диллон, которого усадили среди гостей, начал петь, и в мгновение ока все подхватили песню. Где-то после трех песен стало ясно, что Дэвид пробудет в отеле всю ночь. Дик принес ему пинту пива и поставил на пианино. Бонса, который терпеливо ждал в холле, надеясь, что с музыкой скоро будет покончено, отвели на кухню и накормили супом. Он уснул рядом с хозяином, и ему снились песчаные холмы, кишачие кроликами, и широкий пляж с твердым, мокрым песком после отлива, где люди непрерывно бросают ему палки.

Летом тысяча девятьсот пятьдесят девятого года многие поговаривали, что близится конец света: такой жары мир еще не видывал. Том О'Брайен проклял свою трусость, увидев, как толпы людей проходят мимо его дверей, направляясь к автомату с мягким мороженым Фергуса Мерфи. Фергус поставил дело на широкую ногу: в очереди за мороженым люди покупали сладости, журналы и бакалейные товары.

Комитет Каслбея поздравил себя за предусмотрительность и создание реестра бронирования: теперь туристы быстро находили свободные комнаты, а не обивали пороги в поисках ночлега. На пляже постоянно дежурили двое спасателей, а во время высокого прилива отдыхающие купались в пространстве, огороженном двумя флажками. Тем летом в Каслбее никто не утонул. Никто не упал и не ушибся на тропинках, ведущих вверх по скалам, потому что их наконец оборудовали перилами, за которые можно было держаться. Люди по-прежнему заходили в пещеру Эха и задавали вопросы.

Диллоны очень огорчились, услышав о планах строительства нового огромного отеля, однако потом, к своей превеликой радости, выяснили, что двое из пяти бизнесменов, участвовавших в проекте, скрывали банкротство, поэтому план не сдвинулся с мертвой точки.

Доктор Пауэр ворчал, что становится старым и медлительным. Он очень гордился тем, что его взрослый сын-красавец блестяще сдал выпускные экзамены. По словам мистера Пауэра, Дэвид останется в Дублине на год, чтобы пройти интернатуру, а потом кто знает, что произойдет.

Джеймса Нолана приняли в коллегиию адвокатов. Он вел свое первое дело в суде и опасался, что оно окажется его последним делом.

Тем не менее теперь Джеймс не расставался с толстой кипой бумаг, перевязанных розовой лентой.

Фиона Дойл объявила о помолвке с Фрэнком Конуэем, гордостью и отрадой миссис Конуэй. Миссис Конуэй никогда не торопила сына со свадьбой, к тому же она с предубеждением относилась к семейству Дойл. Джерри был необузданным дикарем, которого следовало поместить в зоопарк, если хотя бы половина слухов о нем была правдой. Их мать вела себя странно. Поговаривали, у нее какая-то фобия и она не выходит из дома. Но никто не мог сказать ни одного дурного слова о Фионе – милой девушке с чувством собственного достоинства. Она не подпускала к себе мужчин даже теперь, когда девицы поглупели и теряли голову при первой возможности. Миссис Конуэй вздыхала. Фрэнк мог выбрать кого-то намного хуже Фионы, предполагала она. Миссис Конуэй благословила молодых. А потом этот щенок Джерри Дойл имел наглость сказать, что хочет побеседовать с Фрэнком, поскольку у Фионы нет отца. Миссис Конуэй так и не узнала, о чем был этот разговор, но на Фрэнка он произвел неизгладимое впечатление.

Во время второго визита к доктору Пауэру Крисси Бирн выяснила, что и впрямь ожидает ребенка, и купила халат для беременных, возвращаясь из смотровой обратно в мясную лавку. Нед О'Брайен ненадолго приехал в Каслбей с невестой по имени Дороти. Дороти заявила, что в Каслбее просто потрясно. Когда она и Недди состарятся, то есть где-то на пороге тридцатилетия, они вернутся сюда и откроют ресторан. Дороти посчитала, что дом О'Брайенов просто потрясный. Мать Дороти была ирландкой, и дочь пожалела, что мама не брала ее с собой в Ирландию раньше. Здесь было потрясающе шикарно.

Тем летом Агнес О'Брайен получила заказное письмо. В конверте лежало двадцать пять десятифунтовых банкнот и записка с каракулями Томми, где говорилось, что он годами копил деньги, чтобы сделать маме подарок, и вот у него наконец получилось. Том сразу сказал, что никто за пределами дома не должен узнать о деньгах. Тайное обсуждение, как мама потратит деньги, длилось все лето. Крисси лишили права голоса, потому что она была членом семейства Бирн, а если Бампер, Бид и Могси услышат про деньги, банкноты разлетятся в мгновение ока. В конце концов деньги потратили на новое пальто для Агнес и сооружение длинной пристройки к магазину, о чем давно шла

речь. Это было единственное улучшение, на которое согласился Том О'Брайен, с учетом великолепного расположения лавки. Он мечтал разместить под крышей из плексигласа пару столов и стульев, чтобы обслуживать тех, кто хотел выпить стакан лимонада или съесть мороженое, сидя за столиком. К лету они даже собирались добавить в меню сэндвичи и чай. Подарок Томми сделал это возможным.

Летом тысяча девятьсот пятьдесят девятого года мать Иммакулата спросила Анджелу О'Хару, что она собирается делать: остаться в школе или отправиться в путешествие. Как-никак теперь она свободна и может посмотреть мир. Анджела, видя, что Иммакулата не против отправить ее в путешествие по миру, твердо заявила, что останется в Каслбее. Тем же летом Дик Диллон сделал Анджеле О'Харе предложение. Она мягко ответила, что, по ее расчетам, они сведут друг друга с ума за несколько месяцев, из города приедет «скорая помощь», и санитары запрут их в психиатрической лечебнице на холме. Дик бодро улыбнулся, и тогда Анджела похлопала его по колену и пригласила на танцы комитета, чтобы показать, как сильно ей нравится Дик Диллон.

Преподаватели сообщили Клэр, что она получит диплом с отличием. Они все были с этим согласны.

«Клэр О'Брайен с отличием окончит университет», – сказала она себе, не смея поверить.

Обладатель диплома с отличием привлекал к себе заслуженное внимание. Клэр больше никогда не придется ни за что оправдываться. Сидя в Национальной библиотеке, она погрузилась в мечты, которые редко посещали ее наяву. Подумать только: больше не нужно говорить, что она стипендиатка или что должна стараться ради какого-то комитета. Отныне она обретет самостоятельность. Будет заниматься наукой. Клэр решила написать Анджеле О'Харе прямо сейчас и вырвала страницу из блокнота на кольцах. Она написала так, как никогда не писала раньше: что она впервые каким-то чудом поверила в реальность происходящего. Только теперь она осознала, что план сработал и все усилия – молитвы в церкви, крики в пещере Эха, занятия с Анджелой – окупались с лихвой.

Анджела откликнулась незамедлительно. Она сказала, что это было самое замечательное письмо в ее жизни. Ради этого стоило

стараться. В том числе – терпеть Иммакулату с физиономией морской чайки. Анджела добавила, что Клэр написала письмо, находясь на гребне успеха. Именно с этой вершины, откуда открываются пьянящие перспективы, следует покорять мир. Анджела надеялась, что это состояние продлится вечно.

Письмо было теплым и добрым. Клэр сложила его вчетверо и убрала в кармашек на обороте большого блокнота в черной кожаной обложке. Блокнот, который она повсюду носила с собой, ей подарили монахини из средней школы, когда она выиграла премию Мюррея. Иммакулата прислала ей изображение Марии Горетти^[15] в бархатной розовой рамке. К счастью, оно понравилось матери и годами висело в дальнем углу магазина, темнея и покрываясь пылью. Джерри Дойл подарил Клэр авторучку. Он настоял. Он сказал, что получил заказ на фотосъемку только потому, что премию выиграла девушка из Каслбея. Клэр знала, что это неправда, но ей было приятно услышать такое от Джерри.

Ручка все еще была у нее. Клэр никому ее не одалживала, всегда аккуратно надевала колпачок, цепляла ручку к блокноту, а затем перехватывала блокнот резинкой. У Клэр было мало вещей, поэтому она их ценила. Она подумала о Джерри. Она бы никогда не смогла написать ему так, как написала Анджеле, но почему-то ей захотелось поговорить с ним. Было бы здорово, если бы он снова приехал в Дублин. Они бы прошлись вдоль канала, и, может быть, она бы покрасовалась с ним перед девочками. Клэр вздохнула. Она бы не смогла окончить университет, витая в облаках и тратя время на пустые мечты.

Тем не менее она купила открытку с изображением О’Коннелл-стрит и отправила Джерри. Веселую открытку, в которой написала, что будет рада повидаться с ним, если он когда-нибудь окажется в Дублине проездом.

Открытка осталась без ответа.

Клэр ощутила досаду.

Слава богу, она не была влюблена в Джерри.

Отношение к интернам было неоднозначным. Дэвид обнаружил это очень рано. Кто-то считал его настоящим врачом, светилом науки; другие думали, что перед ними школьник, нацепивший белый халат и

не способный правильно ответить, который час. Нагрузка была чудовищной! Растерянные молодые интерны, сплоченные, как узники лагеря для военнопленных, ежедневно сталкивались с пугающим и неведомым в условиях хронического недостатка сна. Они жаловались друг другу, что выспаться им уже не судьба, что обмен веществ не восстановится после вечных перекусов на бегу и необходимости глотать пищу с невероятной скоростью. И наконец, самой насущной и злободневной проблемой было полное отсутствие личной жизни.

Джеймс Нолан, красивый, хорошо одетый молодой барристер, с небрежно перекинутой через плечо черной сумкой, в которой лежали парик и мантия, говорил, что отчаялся снова увидеть друга.

Дэвида срочно вызвали к телефону, и он выскочил из смотровой как ошпаренный.

– Говорит доктор Пауэр.

– Доктор Пауэр, это мистер Нолан, барристер. Я бы хотел пригласить вас на обед. С долгими и обильными возлияниями. Я получил чек на семь гиней.

– Обед? – недоверчиво переспросил Дэвид.

– Вы наверняка слышали о чем-то подобном. В середине дня люди обедают. Едят и пьют вино. Сидят за столиками.

– Черт возьми, хватит, только не сейчас, – сказал Дэвид.

– Ладно, ты сможешь прийти? Сегодня прекрасный осенний день, сделай шаг мне навстречу, и я тоже сделаю ответный шаг.

Дэвида захлестнула волна нетерпения. Почему Джеймс такой бесчувственный? Он понятия не имеет, на что похожа жизнь Дэвида. Он не спал всю ночь, но это никак не влияло на распорядок рабочего дня. Обход палаты прошел как обычно. Анализы крови для одного пациента, капельница – для другого, направление на рентген – для третьего. Старшая медсестра – крайне злобедная дама – не предоставляла информации о больных, доверяя ее только врачам-специалистам^[16]. В результате врачи-стажеры выглядели круглыми дураками.

Сегодня утром у тяжелобольного пациента трижды по ошибке вынимали капельницу, и ее пришлось трижды устанавливать заново. Затем настало время обучения у врача-специалиста, а сейчас шел амбулаторный прием. Когда раздался звонок, Дэвид осматривал распухшую ногу очередного пациента.

Дэвид как можно вежливее посоветовал Джеймсу поискать кого-то другого, чтобы отпраздновать за обедом чек на семь гиней. Дэвид обедал на скорую руку, и его еда не отличалась изысканным вкусом. Если он вообще успевал что-нибудь съесть, а не занимался оформлением пациентов в стационар, их осмотром и предварительным сбором анамнеза, готовя почву для серьезных людей, которые потом приступят к лечению. А после этого он уходил на дежурство. Обеды? Гинеи? Барристеры? Чертовы тунеядцы.

Дэвид вернулся к мужчине с распухшей ногой.

– Даже не знаю, – честно признался он. – Нужно посмотреть на другую ногу. Вы бы не могли снять ботинок и носок?

Мужчина колебался.

– Чтобы я мог сравнить, – объяснил Дэвид.

Мужчина неохотно снял второй ботинок и носок. Ступня, которую, как он знал, предстояло осмотреть, была красивой и чистой. Вторая ступня, которую его неожиданно попросили обнажить, была грязной и давно не мытой. Дэвид подался назад, чтобы понять, нет ли похожей припухлости, и встретился с пациентом глазами.

– Я как-то не подумал... – промямлил мужчина.

– В этом-то вся беда, – печально сказал Дэвид. – Мы почти никогда этого не делаем.

Он был сам по себе. Во время учебы в медицинском колледже он никогда не чувствовал себя в Дублине одиноким, но теперь, запертый в стенах больницы, он оказался в новых для себя условиях. Это была его жизнь. Бежать от нее было некуда, а если бы он даже и смог, бежать было не с кем.

Полный жалости к себе, Дэвид брел темным вечером по Килдар-стрит. У дверей Национальной библиотеки и художественного колледжа сновали люди. У входа в палату представителей стоял караул, казалось, там тоже царило оживление. Всем, кроме Дэвида Пауэра, было чем заняться.

Вдруг он заметил Клэр, которая вышла из библиотеки с охапкой книг. В вечернем свете она выглядела прелестно.

– Клэр! Я надеялся тебя здесь увидеть, – солгал Дэвид.

Она обрадовалась встрече.

Дэвид взял ее под руку:

– Может, пойдём выпьем кофе?

– Конечно. Зачем ты меня искал?

– Хотел пригласить тебя куда-нибудь сегодня вечером. Понимаю, что свалился как снег на голову. Это выглядит нелепо. Но в больнице мы не знаем заранее, когда сможем освободиться.

Клэр, казалось, совсем не расстроилась из-за того, что приглашение поступило внезапно. Она готова была с удовольствием его принять. Но сначала ей нужно зайти в общежитие и проверить, нет ли там сообщений. Кое-кто говорил, что, возможно, окажется в Дублине сегодня вечером. Если знакомый не подведёт, то Клэр с подругами собирались куда-нибудь с ним сходить. Если нет, то Клэр составит компанию Дэвиду.

– Я тебе честно во всем призналась, честнее и быть не может, – сказала она.

Дэвид ворчал, пока они шли к общежитию: почему три девушки и один мужчина? Это какой-то супермен?

– Это Джерри Дойл, – просто ответила Клэр, как будто это все объясняло.

Дэвид испытал резкий прилив раздражения. Джерри – дешёвка, а его тактика примитивна. В детстве Дэвид думал, что Джерри – хорошая компания, с ним можно было почувствовать привкус опасности, он был отчаянным сорвиголовой. Теперь Дэвид изменил свое мнение. Джерри – скользкий тип. Его присутствие утомляло.

– Я думал, ты переросла это увлечение, – высокомерно заявил он.

Клэр удивилась. Обычно Дэвид Пауэр так не разговаривал.

– Никто не может забыть Джерри, – сказала она.

То же самое говорила Кэролайн Нолан. Дэвид ощутил вспышку гнева.

– Что в нем такого замечательного? Ему нет равных в постели?

– Понятия не имею, – невозмутимо ответила Клэр.

– В чем тогда дело? – скривился Дэвид. – Он ведь не блещет интеллектом. Или Джерри – грубый алмаз с тонкой душой поэта?

Клэр никогда не видела его таким.

– Почему ты злишься?

– Я не злюсь. Я просто разочарован тем, что ты купилась на эту дешёвку. Ты всегда была другой. Зачем, черт возьми, вести себя так предсказуемо? Мчатся на встречу, стоило Джерри поманить

мизинцем. Дойл – пустышка, дрянной человек. Ты заслуживаешь лучшего.

Клэр перестала обращать внимание на толпы людей, снующих по улице. Она не замечала прохожих, которым пришлось сойти с тротуара, чтобы обогнуть молодую пару в разгаре ссоры.

– Подавись своим разочарованием, Дэвид Пауэр. Не надо сочинять, что ты расстроен. Убирайся прочь со своими оскорблениями и насмешками. Это ты дешевка, а не я. Я проработала здесь целый день, и теперь я закончила. Я возвращаюсь к подругам, и, если Джерри окажется рядом, он нас развеселит и рассмешит. Он не скажет, что мы предсказуемы. Он будет мил и обходителен. Тебе этого не понять даже за тысячу лет. Джерри хорошо относится к людям. Ему приятно их видеть. Он улыбается, задает вопросы и умеет слушать. Ему нравятся люди. Я рада, что он приезжает в Дублин сегодня вечером, и Валери рада, и Мэри Кэтрин тоже.

– Я не имел в виду...

– Уходи и оставь меня в покое. Я устала.

– Я тоже устал. Я на дежурстве уже не знаю сколько времени. У меня глаза от усталости перекошило.

– Да, – коротко ответила она. – Это я вижу.

– Можно мне все-таки пойти с тобой? Если он там...

– Нет, нельзя. Я никуда не пойду с вами двумя, зная, что ты называл Джерри дешевкой и... Как ты сказал? Пустышкой. Я не буду сидеть с вами в пабе, помня, что ты насмеялся над его невежеством и интеллектом. Сам ищи себе компанию на этот вечер. И кто бы это ни был, я ей сочувствую.

Клэр развернулась. Дэвид наблюдал за ней, пока она решительно пересекала Стивенс-Грин.

Спустя неделю Клэр получила письмо от Дэвида.

Люди часто шутят, что медики неграмотны, и я теперь понимаю почему. Я так давно ничего не писал, кроме ответов на экзаменационные вопросы, отчетов о пациентах и конспектов, что не знаю, с чего начать. Я хочу сказать, что, когда мы встретились на днях, я был в очень плохом настроении и мне очень жаль, что я на тебе отыгрался. Приношу свои извинения. У тебя своя жизнь, ты

верна другу. Я вел себя по-хамски. Я не знаю, зачем наговорил гадостей про Джерри Дойла. Скрепя сердце я вынужден написать это на банальную, неприглядную ревность. Я всегда завидовал естественному обаянию Джерри и его успеху у женщин. И в тот вечер я особенно завидовал ему, потому что на свидание с тобой шел он, а не я. Мне трудно об этом говорить, и я уверен, что не слишком гладко изъясняюсь, но хочу, чтобы ты знала: я очень сожалею о случившемся. На Хеллоуин в больнице устраивают танцы. Я бы хотел тебя пригласить...

Клэр прислала в ответ открытку. Дэвид приехал за ней в хостел на машине Джеймса Нолана. Клэр надела то же желто-красное платье, в котором Мэри Кэтрин была на танцах с Джеймсом.

– Платье и машина те же, только состав участников изменился, – заметила Мэри Кэтрин, выглядывая в окно.

– У них в Каслбее что, разводят красавцев? – поинтересовалась Валери, наблюдая, как Дэвид в темном пальто и белом шелковом шарфе усаживает Клэр в машину.

Сотрудники больницы украсили общежитие фонариками, вырезав из репы забавные рожицы со свечами внутри. Они расклеили повсюду изображения ведьм и прикрыли лампы красной и черной бумагой. С потолка свисали яблоки, подвешенные на веревочке, а еще яблоки плавали в тазиках с водой, откуда их требовалось достать зубами без помощи рук. Все расхаживали в мокрой одежде, потому что слишком усердно старались поймать яблоко, хотя результат был не важен, превыше всего ценилось веселье. За музыку отвечала энергичная медсестра с гипсовой повязкой на ноге. В ее распоряжении был огромный выбор пластинок. Она должна была проигрывать подряд три пластинки, объявляя после каждой третьей: «Всем большое спасибо, танец окончен».

Дэвид пользовался у дам большим успехом и был нарасхват. Когда объявили белый танец, к нему устремилась целая толпа медсестер, которые чуть не сбили Клэр с ног. Было забавно слышать, как Дэвида называют доктором Пауэром. Клэр каждый раз невольно искала глазами Пауэра-старшего.

Пауэр-младший познакомил ее с сотрудниками больницы, интернами и даже ординаторами.

– А кто сегодня присматривает за больными? – спросила Клэр.

Треть больничного персонала находилась на дежурстве. Дежурные не притрагивались к алкоголю, так как вызов мог поступить в любой момент.

– С ними следует быть начеку, – предупредил бородатый врач. – Пить им нельзя, поэтому у них другие цели.

– Мне дорога моя добродетель, так что я лучше останусь с пьянчугами, – рассмеялась Клэр.

Было видно, что Дэвид ею гордится. Он предстал перед Клэр в новом свете. В своем мире он был раскованным и веселым. Клэр никогда не думала, что с Дэвидом Пауэром можно шутить и смеяться. На ее памяти Дэвид всегда был скорее серьезен: когда в детстве жил с родителями и когда гулял с Бонсом зимой по пляжу.

Конечно, когда летом в Каслбей приезжали Ноланы, Дэвид был весел, бодр и много смеялся, пока Клэр торчала за прилавком магазина...

– О чем ты думаешь? – спросил он, танцуя с ней.

– О тебе, – честно призналась Клэр.

– Хорошо. Это были светлые, приятные мысли?

– Пожалуй, да. Я думала о том, что тебе здесь хорошо. Ты выглядишь счастливым.

– Я о тебе думаю точно так же. В Каслбее я тебе не слишком нравился, – поддразнил ее Дэвид.

– Я тебе завидовала. У тебя было больше свободы. Ты мог развлекаться в свое удовольствие.

Дэвид улыбнулся:

– А я завидовал всем вам. В лавке родителей ты, твои сестра и братья могли приходить и уходить когда угодно, никто не сидел и не ждал вас, не ловил каждое слово...

– Никто не бывает доволен тем, что имеет. Я же тебе рассказывала. Помнишь?

– Помню. Приятно, что и ты помнишь об этом. Я тогда подумал, что, если такие мысли приходят в голову, это очень грустно.

Дэвид улыбнулся, желая ее подбодрить. Клэр улыбнулась в ответ, в этот миг зазвучала быстрая музыка, и желто-красное платье Мэри

Кэтрин закружилось под энергичную песню «На берегу реки». Настала очередь девушек приглашать кавалеров, но Дэвид и Клэр этого не заметили. Несколько медсестер поспешно ретировались.

Ужин был великолепен. К праздничному столу подали традиционное для Дня Всех Святых угощение – колканнон из картофельного пюре с мелко нарезанным луком и кудрявой капустой, там были спрятаны кольца и монеты в три пенса. Рядом стояли тарелки с сосисками и сладкими румяными булочками. В тесто булочек тоже добавили кольца, чтобы радостные восклицания при мысли о скорой свадьбе раздавались почаще.

Клэр досталось кольцо, которое она едва не проглотила.

– Господи, до чего же страшно! – ужаснулась Клэр.

– Да уж, ты чуть не подавилась, – заметил Дэвид.

– Нет, не поэтому. Я испугалась, что через год выйду замуж.

Они захватили бокалы с красным вином и присели у окна в уголке большой комнаты, сбежав от толпы, шумевшей где-то поодаль.

– Это что – конец света? – удивился Дэвид.

– Да. Конец всем моим планам.

Клэр расписала ему свое будущее: магистратура, степень доктора философии в Оксфорде или Кембридже, поездка в Соединенные Штаты и, наконец, должность профессора истории. Ей показалось, что Дэвид улыбается в глубине души.

– У меня получится. У меня правда получится. Я многого достигла и смогу добраться хоть до Луны.

– Я знаю, – мягко согласился Дэвид.

– Нет, не знаешь, Дэвид. Ты действительно не понимаешь. Ты вырос рядом со мной, но не представляешь, как трудно было попасть сюда. Я не хочу вдаваться в подробности, но, видишь ли, когда я говорю, что хочу быть профессором истории, это не то же самое, что сказать, будто я стану кинозвездой или папой римским. В десять лет я мечтала с отличием окончить университет. Кто бы тогда поверил, что я смогу?

– Ты меня недооцениваешь. Я все прекрасно понимаю. Это ты ничего обо мне не знаешь. Как думаешь, о какой карьере я мечтаю? Ну-ка, расскажи. Давай.

Клэр помолчала.

– Наверное, ты вернешься домой и будешь работать врачом вместе с отцом, – предположила она.

– Вот видишь, ты ничего не знаешь. Я не скоро вернусь в Каслбей. Если вообще вернусь. Работа врачом в маленьком прибрежном поселке... Свое будущее нужно выбирать самому. Никто не должен решать за тебя.

– Но все думают...

– Когда ты была маленькой и училась при монастыре, все думали, что ты бросишь школу и выйдешь замуж за соседского парня. Как Крисси. Но ты этого не сделала.

– Это не одно и то же. Если ты не хотел быть врачом, зачем ты им стал?

– Я хочу быть врачом. Но я им еще не стал. Впереди годы практики как минимум в четырех или пяти больницах, обучение у специалистов, знакомство с новыми методами... Быть врачом – это гораздо больше, чем цокать языком, говорить «ах ты, бедняжка» и знать, когда вызвать «скорую».

– Ты станешь специалистом?

– Сложно сказать. Не исключено, что я стану врачом общей практики вслед за отцом. Но не сейчас. И не в Каслбее. Что может быть глупее, чем сидеть с мамой и папой, как маленький мальчик, который вернулся из школы домой, и рассказывать, как прошел день?

– Звучит как полная чушь, – хихикнула Клэр. – Но ты можешь жениться, и тогда все будет иначе. Более нормально.

– Пока не собираюсь. К тому же когда тебе исполнится тридцать четыре, мне будет почти сорок.

– О, я не вернусь в Каслбей даже в тридцать четыре. Тебе лучше не брать меня в жены, – предупредила Клэр, чтобы избежать недоразумений. – Я просто сказала, что тогда буду готова к свадьбе. Я вовсе не хочу отказываться от места на кафедре истории.

– Думаю, с тобой будет непросто. Наверное, мне действительно стоит поискать себе другую жену.

– Кэролайн Нолан подойдет?

– Вряд ли.

– Почему нет?

– Не знаю. Моя мать думает, что она подойдет. Ее мать тоже с этим согласна. И ее брат. Наверное, поэтому.

– А что думает Кэролайн?

– Понятия не имею, – рассмеялся Дэвид. – Давай потанцуем.

Рыжеволосый доктор с акцентом жителя Корка попросил Дэвида одолжить ему прелестную девушку в желто-красном платье на один танец. Доктора звали Бар. Он сообщил, что большая часть мужского населения Корка носит ту или иную форму имени Финбарр, потому что этот святой считается покровителем города. Бар заявил, что он ординатор, который пользуется в больнице авторитетом, поэтому карьера Дэвида теперь зависит от того, будет ли Клэр милой, послушной и готовой выполнить все желания Бара. Клэр расхохоталась и уточнила, как часто подобная тактика приносит успех.

– Время от времени, – мрачно признался Бар. – Но реже, чем хотелось бы. Женщины в наши дни поумнели. У них появился разум.

Бар поинтересовался, встречается ли она с Дэвидом. Услышав отрицательный ответ, Бар заявил, что это хорошо. Просто соседская девушка из Каслбея – это мило. Клэр заметила, что соседство у них с Дэвидом весьма условное, но объяснить кому-то в Дублине, какая пропасть разделяла семьи О’Брайен и Пауэр, было невозможно. Слушатели обычно приходили к выводу, что им пересказывают историю Золушки.

Бар держал Клэр очень крепко. Он объяснил, что находится на дежурстве и пить ему нельзя, поэтому не может как следует повеселиться, но, с другой стороны, воздержание обострило его восприимчивость к женской красоте.

Клэр дипломатично высвободилась из цепких объятий, чтобы помочь Бару выбрать самых красивых девушек. Бар был раздосадован, но не нашел повода предъявить претензии к Клэр. Они обсуждали внешние данные девушек, стоявших в углу, когда Дэвид наконец-таки спас ее.

– Слава богу, – сказала Клэр, снова танцуя с Дэвидом. – Этот парень – вылитый осьминог.

– Жаль, что объятия под запретом, – посетовал Дэвид.

– Дэвид! Ты бы не полез к девушке с объятиями. Если тебе покажется, что чувства взаимны, ты будешь искусно подавать глубокомысленные знаки. Разве я не права?

– Конечно, ты права. Ты проницательна, как Господь.

Дэвид отвесил комплимент и прижал Клэр к себе, не распуская при этом рук, чтобы не уподобляться Бару Осьминогу, как теперь его начнут все называть.

По дороге домой Дэвид остановил машину. Клэр встревоженно вскинула голову.

– Все в порядке. Я не превратился в осьминога. Просто хотел поговорить. Сегодня та редкая ночь, когда я не падаю с ног от усталости. Джеймс считает, что я самый скучный друг. У меня нет свободного времени, а когда оно появляется, я тут же начинаю клевать носом.

Они болтали весело и непринужденно, как старые друзья.

– Надо куда-нибудь сходить вместе... В кино, например, или выпить кофе. Что думаешь?

В его голосе одновременно звучали энтузиазм и будничные нотки. Казалось, Дэвид не приглашает ее на свидание, не налагает на нее никаких обязательств, а просто предлагает свою дружбу.

– Конечно. Я бы с радостью, – ответила она.

– В Дублине нам никто не помешает, – добавил Дэвид.

Не было нужды упоминать, что в Каслбее им могли помешать многие. Дэвид поцеловал ее в щеку, чтобы подтвердить договоренности, и отвез обратно в общежитие. Он с тревогой наблюдал, как она взобралась по железным скобам в стене и нырнула в окно.

– Он был милым? – сонно спросила Мэри Кэтрин, когда Клэр спрыгнула с подоконника на пол.

– Очень.

– А руки распускал?

– Нет-нет. Ничего подобного.

– Но уже очень поздно. Чем вы занимались?

– Разговаривали. Просто болтали.

– Боже, да у вас все серьезно! – окончательно проснулась Мэри Кэтрин.

– Глупости! Ложись спать, я повесила твою платье, оно не сильно промокло от пота.

– Что случилось? – открыла глаза Валери.

– Клэр вернулась. Она проболтала со своим кавалером всю ночь. Они влюбились.

– Вот и прекрасно, – фыркнула Валери, снова сворачиваясь в постели калачиком.

– Я не влюбилась. Я бы все равно не смогла, даже если бы захотела. Хватит вам!

– Почему? Он на самом деле твой брат, с которым тебя давным-давно разлучили?

– Потому что его мать выставит вокруг их большого дома на утесе полицейский кордон, если заподозрит, что кто-то из торгашей О’Брайен заглядывается на ее сына. Вот почему.

Клэр залезла в постель и натянула простыню до самого подбородка. Мэри Кэтрин так разволновалась, что ей не спалось.

– Ты не можешь позволить такой ерунде стоять у тебя на пути! Ты же не хочешь сказать мне, что...

– До завтра я вообще не хочу ничего говорить. Спокойной ночи, Мэри Кэтрин.

Письмо Неда было коротким. Томми уволился из овощной лавки мистера Кэрролла в пятницу. Отказался от недельного заработка. Его взяли на другую работу, и он считал нечестным брать плату за последнюю неделю. Кэрроллы позвонили отцу Флинну, но никто не смог отыскать Томми. А в среду его обнаружила полиция. В угнанной машине, которая разбилась, уходя от полицейской погони. Машину преследовали, потому что она покинула место вооруженного ограбления. Томми отделался вывихом плеча, сломанной челюстью и девятилетним тюремным сроком. Нед спрашивал, следует ли поставить родителей в известность, или этот обман продлится вечно.

Бедный, глупый, бестолковый Томми. Клэр не могла думать о нем как о плохом и опасном Томми, который связался с бандой головорезов и участвовал в насилии. Она едва помнила Томми, но старший брат казался ей таким же милым, как Нед во время приезда домой прошлым летом.

Она расскажет родителям. Но не в письме. Только ради этого она в Каслбей не поедет. Она расскажет, когда вернется домой на Рождество.

Было трудно выбрать момент для начала. Они никак не могли собраться все вместе. Мама похудела и выглядела усталой, но

хлопотливо сновала туда-сюда: от плиты к столу, из кухни в магазин, из магазина в кладовку. Папа вечно с чем-то возился, а Джим с Беном входили в одну дверь и выходили из другой.

В первый же вечер после семейного чаепития Клэр подумала, что все наконец оказались в одной комнате.

– У меня плохие новости о Томми, – громко сказала она, чтобы привлечь их внимание. – Он не ранен, не болен – ничего такого. Но это плохие новости.

Все вокруг замерли. Она определенно заставила их прислушаться.

– Пожалуйста, сядьте, и я расскажу, – попросила Клэр.

– Хватит изображать из себя судью и присяжных. Что стряслось? Если хочешь что-то сказать, говори, – рассердился отец.

– Я хотела рассказать вам об этом с самого начала. Джим, лучше повесить табличку на дверь.

– Ради бога, неужели это надолго? – забеспокоился Том О’Брайен.

– Томми... Томми...

На глаза матери навернулись слезы.

Один за другим они уселись за стол, и Клэр больше не могла ходить вокруг да около.

– Я получила письмо от Неда. Томми в тюрьме. Его осудили на... надолго.

– Сколько он там пробудет? – Голос мамы почти не дрогнул.

Она не спросила, что Томми сделал и почему попал в тюрьму; ее интересовал только срок.

– Это тяжело, мама. Очень долго. Девять лет.

Клэр уставилась на стол. Смотреть на потрясенные лица было невыносимо. Двадцать секунд назад все думали, что Томми живет обычной жизнью. Теперь на них свалилось все разом. Ей следовало признаться давным-давно.

– Не может быть, – не поверила Агнес. – Ты же не можешь говорить про годы!

Клэр рассказала о том, что сделал Томми. И о том, чем он занимался раньше. Возникло ощущение, будто речь идет о чужом брате. Она взглянула матери в лицо и убедилась, что для нее это определенно звучит как история о чужом сыне.

Пока она говорила, вошел Джерри Дойл.

Мама плакала. Папа, запрокинув голову, уверял, что ничуть не удивлен. Джим и Бен с круглыми глазами невольно восхищались смелостью брата, вступившего в банду, и цепенели от ужаса в ожидании позора, который падет на семью.

– Я не подумал, что надпись «закрито» адресована мне, – улыбнулся Джерри из-за кухонной двери.

– Сегодня ее повесили для тебя тоже.

Клэр одарила Джерри натянутой улыбкой, и, к ее облегчению, он все понял.

– Конечно. Я только за сигаретами. Возьму одну пачку и побегу. Деньги занесу завтра. Хорошо?

Он исчез. На голову Клэр посыпались обвинения. Как она посмела строить из себя Господа Бога и скрывать от них правду? Во что, по их мнению, они с Недом играли, нагородив столько лжи? Кто поверит, что она рассказала все без утайки? И кто был этот никому не знакомый священник, который в курсе всех их дел? А невеста Неда об этом знает? Она тоже замешана в обмане?

Клэр держалась. Понемногу становилось легче. Чем больше они узнавали, тем меньше страха испытывали. Клэр искренне сожалела, что не призналась давным-давно. Она надеялась, что Томми просто вляпался в неприятную историю. Она не хотела навсегда опорочить брата в глазах семьи.

Мама спросила, знает ли об этом кто-нибудь еще в Каслбее. Клэр посмотрела ей прямо в глаза и ответила, что никто не знает. Она решила, что может доверять Анджеле и Джерри. До сих пор они держали язык за зубами; у них не было причин заговаривать об этом.

Под грузом новостей домашние словно состарились. Все они. Клэр пыталась вспомнить, не произошло ли с ней то же самое, когда она получила первое письмо от Неда. Худые плечи мамы еще больше ссутулились под темно-синим кардиганом. Лицо папы потускнело и застыло, с тех пор как он узнал, что новая пристройка, которую он красил, сооружена на краденые деньги и не принесет никому счастья. Джим и Бен подрастеряли свое вечно хорошее настроение. Клэр заметила, что братья теперь оставались дома, а не бродили со школьными друзьями по поселку в поисках развлечений.

Крисси, уже достигшая невероятных размеров, приехала в гости и заявила, что словно очутилась на кладбище, а не в кругу семьи в дни

светлого праздника. Если это унылое настроение привезла с собой Клэр, лучше бы она оставалась в Дублине.

Клэр сообщила, что хочет провести день с Анджелой. Они собирались обсудить объем работы, которую Клэр предстояло проделать перед выпускными экзаменами.

– Не посвящай ее в наши дела, – предупредила Агнес.

Клэр изобразила недоумение:

– Зачем мне заговаривать с ней об этом?

Клэр мысленно отвела на разговор о Томми несколько часов, при условии, что Анджела не занята. Дома у Анджелы она потеряла счет времени. Кажется, они выпили чаю или перекусили. Без выпивки не обошлось, на столе стояла бутылка портвейна.

Пришел Дик, и Анджела попросила его уйти.

В этот вечер за столом прозвучала не только история Томми.

Анджела поведала наконец, что приключилось с преподобным Шоном О'Харой. Брат уже давно отказался от сана, завел семью, у него почти взрослые дети. Они собирались приехать на лето в Каслбей и заказали фургон. Отец Шон О'Хара возвращался, чтобы показать подруге-японке свой дом и объяснить детям, где их семейные корни.

В Дублине Клэр могла встречаться с Дэвидом там, где ей заблагорассудится. Он мог заехать за ней в общежитие, или она могла добраться на автобусе до больницы, чтобы выпить с ним кофе в столовой. Они могли сходить в кино или в паб. Никто не обращал на это никакого внимания. В Каслбее сделать что-либо подобное было почти невозможно. Они без слов понимали, что на протяжении двух недель в Каслбее их будет разделять расстояние, сопоставимое с просторами Атлантики. Им не было нужды объяснять, что приглашать друг друга в гости неловко. Они и так это знали. Точно так же, как знали о высоких приливах и о нотациях отца О'Двайера. Клэр не могла заглянуть на ужин к Пауэрам. О'Брайены непринужденно болтали с юным Пауэром через прилавок, но на неопрятную, полную всякого барахла кухню, где стояла старая ржавая плита, а на рваном линолеуме высились груды коробок, потому что помещение выполняло роль кладовой, путь Дэвиду был заказан.

Они не могли отправиться в отель Диллона и провести там несколько часов – такие сплетни разлетались по поселку в считанные

минуты. Клэр не играла в гольф, в Каслбее ее бы подняли на смех, вздумай она научиться. Гольф был не для таких, как Клэр О'Брайен. Это означало, что поле для гольфа с его обширными холмами не годилось для встреч. Совместный поход в кино вызвал бы пересуды.

Они хотели избежать пересудов. Оно того не стоило. Они не были влюблены. Их объединяла дружба. Крепкая дружба. Но в Каслбее такого понятия не существовало, а если бы оно появилось, никто бы не поверил, что красивого, статного сына местного доктора и смышленную, бойкую девчущку из магазина связывает дружба.

Он отправился на долгую прогулку с Бонсом. Утром Дэвид повздорил с матерью и не желал извиняться ради мира в семье. Он заявил, что вечером идет в кино и подумывает, не пригласить ли Клэр. Молли мило заметила, что это плохая идея. Это некрасиво по отношению к девушке. Приглашение могло натолкнуть ее на странные мысли. Вселить в нее ложные надежды. Взбешенный Дэвид отрезал, что это чушь собачья. Он часто встречается с Клэр в Дублине, и никто из них не питает ложных надежд, они просто хорошие друзья. Молли вздернула брови и процедила, что, по ее мнению, Дэвид – как-никак профессиональный врач – мог подыскать себе занятие получше, чем общение с родней Могси Бирна и Крисси О'Брайен. Дэвид рассмеялся матери в лицо и предположил, что, видимо, ей не в чем обвинить Тома и Агнес, раз она не к месту приплела наименее уважаемого члена семьи и ее придурковатого мужа. Когда Молли Пауэр пулей вылетела из комнаты и взбежала вверх по лестнице, на ее лице полыхали два ярко-красных пятна. Отец уже отправился к пациентам, но вечером он неизбежно узнает о размолвке сына с матерью. Дэвид чуть было не рассказал обо всем Клэр, но вовремя осекся. Она могла болезненно отреагировать на слова миссис Пауэр, хотя сама часто шутила над тем, что они с Дэвидом ставят в тупик рядовых жителей Каслбея.

Клэр, в свою очередь, едва не рассказала о Томми. Дэвид был милым и чутким, держался твердо и невозмутимо. Казалось, он мог спокойно выслушать что угодно – даже новость о том, что родители его матери и отца томятся в тюрьме уже долгие годы. Но Клэр не хотела, чтобы Дэвид испытывал вину перед матерью. Нелли шепнула Клэр, что сегодня утром в доме разразился грандиозный скандал из-за встречи Дэвида с юной О'Брайен. Лучше не говорить Дэвиду, что

перед ним – сестра преступника, отбывающего срок в английской тюрьме, и да поможет нам Бог.

В отеле Диллона праздновали Новый год, но Клэр совсем не хотелось туда идти. Она предложила матери пригласить Анджелу О’Хару на ужин.

– Мы не из тех, кто зовет на ужин гостей, – возразила Агнес.

– Может быть, нам стоит попробовать, – настаивала Клэр.

Отец сказал, что не возражает, женские дела его не касаются.

Вечер на удивление удался. Анджела обучила их игре в рамми, которая понравилась даже Агнес, хотя она сперва колебалась и не хотела прикасаться к картам. Анджела несколько раз повторила, что рада провести новогоднюю ночь в кругу семьи.

– Семейей это не назовешь, – пренебрежительно отозвался Том.

– Почему же? Одна дочь вышла замуж и подарит вам внука этой весной. Вторая дочь – местная легенда. Двое парней в Англии – прокладывают собственный путь, двое здесь – дай бог им работу, когда они окончат школу. Торговля идет хорошо... Чего еще можно требовать от семьи?

Агнес признала, что если так посмотреть, то вроде все верно, им есть за что благодарить Господа. Но при этом она испустила глубокий вздох.

– Все не так, как кажется, – мрачно заявил Том О’Брайен, качая головой.

Анджела охотно кивнула. Том абсолютно прав. Все вокруг не то, чем кажется. У каждой семьи в Каслбее свои печали, заботы и тревоги. Анджела часто наблюдала за прихожанами, преклонившими колени во время воскресной мессы. У них такой спокойный вид, но только Господу известно, что у них на сердце. У каждого найдется повод для беспокойства. Анджела попала в точку. Эта мрачная расхожая фраза взбодрила семью О’Брайен. Они несли свой крест не в одиночестве. Отец Клэр так развеселился, что решил предложить всем выпить по бокалу, приветствуя наступление шестидесятих годов. Они поздравили друг друга с Новым годом, и Анджела вскоре ушла. Она обещала Дику Диллону заглянуть в отель и пожелать ему всего наилучшего в грядущем сезоне.

Клэр проводила ее до дороги. Спать не хотелось совершенно. Клэр подошла к скамейке, которую комитет установил прошлым летом, – большой зеленой скамейке на самом верху лестницы. В летний день отсюда открывался прекрасный вид на многолюдный пляж, а сегодня, в ясную новогоднюю ночь, здесь можно было присесть и полюбоваться яркими звездами. Море почему-то казалось темно-синим, а силуэты скалы – вырезанными из картона.

Джерри бесшумно подошел и сел рядом с ней.

– Подкрался, как леопард или кошка, – вздрогнула Клэр. – Ты до смерти меня напугал.

– С Новым годом, – сказал он, доставая из кармана кожаной куртки полбутылки бренди и два маленьких металлических стаканчика.

Клэр в восторге захлопала в ладоши:

– Ты, наверное, одно из чудес света! У тебя всегда припрятано в кармане угощение, чтобы устроить маленький пир, или только по праздникам?

– Только когда я вижу тебя одну. Я выходил из отеля, заметил, что ты спускаешься и рванул домой за припасами.

Они выпили друг за друга и посмотрели на море.

– Наступает тот самый год? Выпускные экзамены и долгожданный диплом?

– Да, господи, мне придется вкалывать, когда я вернусь в Дублин, здесь я ничего не делаю. Я думала, что успею много всего прочитывать, но еще не открыла ни одной книги.

– Прошу прощения за вторжение тем вечером. Я попал на семейное совещание?

– Это из-за Томми.

– Не рассказывай. Это не мое дело.

– Нет, все в порядке. Ты ведь и так знаешь. Томми снова совершил преступление, на этот раз они искалечили бедолагу так сильно, что тот оказался в инвалидном кресле, а Томми угодил в тюрьму на девять лет.

Джерри со свистом выдохнул:

– Девять лет. Господи...

– На этот раз я решила, что все расскажу домашним. Они имеют право знать. Сам понимаешь, они были подавлены. Сегодня вечером

Анджела подняла им настроение. Но они думают, что никто не знает о Томми, поэтому я поклялась, что никому ничего не скажу.

– Конечно.

С Джерри было легко, и ее беспокойство быстро рассеялось. Или, может быть, бренди сделало свое дело. Джерри накинул на них обоих свою куртку. Куртка защищала от ветра, под ней было уютно. Джерри прильнул к ее губам в долгом и нежном поцелуе. Она не отстранилась. Тогда Джерри просунул руки под ее пальто с капюшоном, прижал ее к себе и снова поцеловал.

Клэр почувствовала, как что-то коснулось ее ноги, и подпрыгнула.

На нее нетерпеливо смотрел Бонс, ожидая, когда Джерри ее отпустит. Позади Бонса, в дюжине ярдов, замер Дэвид.

– Я хотел поздравить вас с Новым годом, – сказал он. – Мне очень жаль. Я не хотел вас беспокоить.

Он быстро развернулся и направился по Клифф-роуд в сторону дома.

Бонс еще раз взглянул на Джерри и Клэр – в надежде, что те предложат ему поиграть. Сообразив, что веселой возни не предвидится, он припустил вслед за Дэвидом, который неестественно быстро шагал, рассекая яркую звездную ночь.

Родители были в отеле. Нелли ушла к семье. Дом был пуст. Дэвид чуть не сорвал дверь с петель, с силой захлопнув ее за собой.

Он хотел посидеть в гостиной рядом с теплым камином, выпить чего-нибудь и успокоиться, но риск, что скоро вернутся родители, с которыми придется разговаривать вежливо, был слишком велик. Он плеснул себе большую порцию виски и поднялся в спальню. Там он раздвинул занавески и посмотрел на море. Много лет назад Джерри Дойл, впервые попав в эту комнату, восхищенно заявил, что она похожа на корабль. Если не смотреть по сторонам и не высовываться из окна в сад, земли было не видно.

Спальня родителей находилась рядом – в точно такой же большой комнате с эркерным окном. В комнате Дэвида вдоль окна с видом на залив тянулась банкетка. Когда он был маленьким, под ее сиденьем хранились игрушки. Дэвид проверил, на месте ли они, и обнаружил набор для игры в крикет, грифельную доску, подставку для книг,

коробки с солдатиками и кубиками. Еще он нашел конструктор и коробку с надписью: «Рисунки Дэвида».

При виде старых игрушек Дэвид почувствовал досаду. С другой стороны, как должна была поступить мать? Раздать кому-то его вещи? Это все принадлежало Дэвиду, и, возможно, когда-нибудь игрушки понадобятся его детям...

Но сегодня он был готов злиться по любому поводу.

Вечер выдался очень тоскливым. Дэвид допустил бестактную ошибку в разговоре с Джози Диллон. Очевидно, Клэр не упоминала при Джози, что Джеймс Нолан время от времени встречается с Мэри Кэтрин и что их связь длится уже давно. Джози очень огорчилась. Больше всего ее расстроило, что Клэр ничего ей не сказала. Вся в слезах, она отправилась спать еще до того, как все затянули новогоднюю застольную песню «Старое доброе время». Это недоразумение ему придется как-то уладить.

Но он никак не ожидал, что испытает такой удар при виде Клэр в объятиях Джерри Дойла. Дэвид чувствовал себя совершенно разбитым, а когда недавняя картина снова встала у него перед глазами, его почти затрясло. Там, в темноте на скамейке, Джерри забрался к ней под пальто. Он обнимал, гладил и целовал ее, а на земле стояла полупустая бутылка дешевого бренди. Дэвид подошел к скамейке, потому что заметил в лучах луны знакомое пальто с капюшоном и светлые волосы. Он не сомневался, что перед ним Клэр. Он не видел Джерри, который сидел в темноте. Когда Дэвид направился в их сторону, они еще не начали целоваться. Он бы молча сбежал, если бы Бонс не рванул вперед.

У него сводило живот при мысли о том, что Джерри Дойл прижимался своим гнусным, маленьким, смуглым лицом к лицу Клэр. Этот мерзавец угостил ее бренди и пытался соблазнить. Кто мог подумать, что милая, бойкая, яркая Клэр окажется настолько глупа, что клюнет на уловку? Почему она позволила Джерри тискать себя?

Дэвиду стало так плохо, что он не смог допить виски. Он вылил остатки в умывальник и прилег на кровать.

За завтраком он был бледен, и мать спросила, не грипп ли это.

– В этом доме два врача, мама. Диагнозы будем ставить мы, – отрезал Дэвид.

Доктор Пауэр встревоженно поднял голову.

– Мама вежливо поинтересовалась, как твое здоровье, потому что беспокоится о тебе, – тихо заметил он.

– Да, ты совершенно прав. Мне очень жаль. Приношу свои извинения, мама.

– Все в порядке, – любезно ответила Молли.

По крайней мере, в этот раз сын хотя бы извинился. А ведь накануне, когда Молли отпустила безобидное замечание в адрес юной О’Брайен, он едва не вцепился ей в горло, а потом наотрез отказался просить прощения.

– Я весь день проведу в смотровой. Дэвид, не хочешь взять машину и куда-нибудь прокатиться? Это неплохой способ развеяться.

– Хорошая идея.

Дэвид сделал паузу; он понимал, что лучше предложить самому:

– Ты не хочешь составить мне компанию, мама?

К счастью, днем она играла в бридж, ей следовало подготовиться. Она выразила признательность за приглашение. Дэвид искупил свою вину перед матерью.

Люди болели даже в новогодние праздники, поэтому доктор Пауэр, шаркая, удалился в смотровую. Нелли дала Дэвиду термос с чаем и приготовила для него большой сэндвич с индейкой и щедрой порцией начинки. Дэвид не замечал, куда едет, пока не оказался у крутого скалистого берега, который раньше видел только с дороги. Он припарковался и вышел.

«Наверное, здесь веками ничего не менялось», – подумал он.

Где-то внизу раскинулось от края до края мрачное, неприветливое море, одинаково далекое зимой и летом. Дэвид продирался сквозь заросли колючего кустарника и брел по каменистым сыпучим тропам минут сорок. Кто еще потратил бы столько усилий, чтобы добраться до кромки воды, где не было даже песчаного пляжа?

Дэвид бросал в воду камешки – машинально, один за другим, спустя равные промежутки времени. Он вовсе не помешался на Клэр и не дрожал при мысли о том, что к ней прикасался Джерри. Прошлой ночью он не мог уснуть, потому что слишком много выпил, затеял глупую ссору с Джози Диллон и разволновался, представив свое вынужденное возвращение в Каслбей, где ему придется, как маленькому, жить под одной крышей с мамой, папой и медицинским халатом.

Потом он вспомнил ее лицо, яркую улыбку, плечи и волосы, ее любознательность и горячий интерес ко всему, широкий кругозор и способность высказать свое мнение по любому вопросу. Он вспомнил, как встретил ее возле библиотеки в Дублине и рассердился, узнав, зачем она спешит в общежитие: чтобы узнать, не заходил ли туда Джерри. Он вспомнил, какое облегчение испытал, обнаружив, что ее совершенно не интересует любвеобильный мистер Дойл. От ее амбициозных планов на будущее захватывало дух, но никто не сомневался, что она с отличием окончит бакалавриат и поступит в магистратуру. Тогда почему вчера ночью она вела себя как дешевая шляха? Это выглядело именно так. Он застал ее в публичном месте, с бутылкой бренди, в компании Джерри Дойла, через которого прошла целая вереница девушек – привлекательных и не очень.

Рука, бросавшая в море камни, замерла. Дэвид выронил камень и сжал кулаки. Джерри Дойл больше никогда к ней не прикоснется. Никогда. Он будет держать свои лапы при себе. Джерри и близко не подойдет к ней, не посмеет. Прошлой ночью Клэр совершила глупость – новогоднюю глупость, которую можно простить, потому что она никогда не повторится.

Дэвид объяснит это Клэр, и она поймет. Они вместе посмеются над этим.

Но как подобрать правильные слова?

Дэвид пожалел, что не взял с собой Бонса. От одного взгляда на дурашливую морду пса ему становилось легче, но он не знал, куда направится, и собака могла стать помехой.

Что он скажет Клэр?

Умный человек не стал бы ничего говорить. Он бы отпустил легкую шутку и забыл про случай на вершине утеса.

Но Дэвид склонялся к мысли, что умным он не был. У него не получалось ни выбросить ночную сцену из головы, ни избавиться от ощущения испарины, выступавшей на затылке всякий раз, когда он вспоминал поцелуй на скамейке.

Не мог же он так сильно нуждаться в Клэр? Конечно не мог. Во всем виновата проклятая зависть: в канун Нового года, пока Дэвид скучал под песню «Дорогая, ты стареешь» в исполнении стариков и слезы Джози Диллон, Джерри вытащил счастливый билет и разыграл на глазах у Дэвида романтическую сцену.

Нет. Тут было что-то еще. Он хотел увидеть Клэр. Немедленно. Прямо сейчас.

Он хотел сказать ей, что она особенная. Хотел признаться, что мечтает не только о дружбе, и попросить дать ему шанс.

Это было в высшей степени странно, но одно Дэвид знал совершенно точно, если он вообще мог что-то знать: он любит Клэр О'Брайен.

Клэр не понимала, почему злится. Она злилась с самого утра. Винить Дэвида она не могла. Он не был груб. С учетом обстоятельств он вел себя деликатно. Его голос не сочился сарказмом, как в тот раз, когда он разразился тирадой в адрес Джерри, назвав его дешевой пустышкой.

Но Клэр жалела, что Дэвид пришел на вершину утеса. Она позволила Джерри поцеловать себя пару раз, но не ожидала, что за этим что-то последует. Скамейка стояла у всех на виду, к тому же Клэр просто не собиралась позволять себе ничего лишнего.

Ей давно казалось, что дружба с Дэвидом может вот-вот перейти на новый уровень. Клэр никогда не признавалась в этом подругам. Она твердила, что роман с Дэвидом неуместен, а девушки в ответ отпускали шутки о силах правопорядка, которые привлечет миссис Пауэр, и давали советы, где их следует разместить. Но Клэр подозревала, что в шутках была доля правды.

Она ловила себя на мысли, что разговаривает с Дэвидом так, как больше ни с кем не могла. Они не просто обсуждали сплетни или строили планы на будущее. Клэр спрашивала, что он думает о разных вещах. Беседовать с ним никогда не надоедало. А еще у нее сложилось впечатление, что Дэвид восхищается ею. Но он никогда не прикасался к ней и не пытался поцеловать. Клэр могла только теряться в догадках, размышляя над тем, что же он чувствует. Ей хотелось быть ближе к нему, но она не смела торопить события, потому что понятия не имела, что у него на душе.

Он ведь мог поклоняться ей как кумиру, уважая за усердие и упорство. Это может быть просто поклонение герою. В детстве она стояла за прилавком в старом хлопковом платье, а Дэвид и Джеймс Нолан, словно боги, с важным видом расхаживали по Каслбею. Теперь она стала им ровней. Дэвид искал общения с ней, и больше ни с кем.

Как же не вовремя она вышла к утесу! Почему не осталась дома? Или почему сразу не вернулась домой? Почему не сказала «нет» Джерри Дойлу? Зачем глупый пес выследил их, как ищейка, и привел к скамейке хозяина?

Теперь она никогда не узнает, что чувствовал к ней Дэвид Пауэр, если он вообще что-то чувствовал. Вчера ее шанс растворился во мраке на вершине утеса. Чертов Джерри Дойл, в пекло его!

В первый день Нового года мало кто заходил в лавку. Это был церковный праздник, и жители Каслбея отправились на раннюю мессу. В церкви Клэр не искала глазами Дэвида. Ей показалось, что она заметила его отца, но ей не хотелось встречаться ни с кем из Пауэров. Потом Клэр поспешила домой по тихой холодной улице.

Она решила позвать Джози на ужин. Было бы лучше, если бы мать отказалась от самоуничтожения. Клэр не понимала, почему нельзя пригласить Джози на кухню и угостить сосисками, фасолью и черным хлебом с маслом. Джози бы это понравилось.

В церкви Клэр пыталась встретиться с Джози глазами, но та каждый раз отворачивалась. Возможно, она не видела Клэр.

Звякнул дверной звонок. Отец промывал малярные кисти в дальнем углу. Бен и Джим читали юмористические истории в газете. Крисси пришла побеседовать с матерью, как женщина с женщиной, и сидела на стуле с жесткой спинкой, пока мама гладила одежду. Клэр прочла половину очень подробной статьи о различиях между общим правом, правом справедливости и статутным правом, надеясь, что это поможет ей разобраться в истории английских судов.

– Я схожу, – сказала Крисси.

Ей очень нравилось обслуживать посетителей теперь, когда она чувствовала себя важной дамой. Ее величали миссис Морис Бирн, к тому же она находилась на седьмом месяце беременности.

– Молодой доктор Пауэр спрашивает мисс О’Брайен, – язвительно сообщила Крисси, вернувшись на кухню.

Клэр вышла и прикрыла за собой дверь.

– Пожалуйста, пойдем со мной. Очень тебя прошу, – сказал Дэвид, словно готовясь к долгим препирательствам по этому поводу.

– Хорошо, – ответила Клэр и сняла с крючка свое пальто с капюшоном.

Увидев на улице автомобиль, она удивилась. Дэвид открыл для нее дверцу, обежал машину и сел с другой стороны.

– Хотел кое-куда прокатиться с тобой, – сообщил он.

Его глаза блестели, но он не выглядел расстроенным.

– Да, конечно.

Они приехали в незнакомое скалистое место, мрачное и опасное, вышли из машины и посмотрели вниз с обрыва. Кроме чаек, вокруг не было ни одного живого существа.

– Я был здесь сегодня утром, – признался Дэвид.

Клэр промолчала.

– Я провел там внизу много времени. Бросал в море камни. И кое-что понял.

Клэр подняла на него глаза.

– Я понял, что люблю тебя, – пояснил Дэвид.

– Я тоже тебя люблю.

Она не знала, почему плачет. Плакать в такой момент было нелепо. Это было лучшее, что могло случиться. Почему на глазах выступила влага? Клэр чувствовала на языке вкус слез, смешанных с солеными брызгами и водной пылью, которая окутывала их, пока они целовались, прижавшись друг к другу холодным днем первого января тысяча девятьсот шестидесятого года.

Часть III

1960

Родители привезли Дэвида на вокзал. Дик Диллон и Анджела провожали Клэр.

– А вот и Дэвид, – обрадовалась Анджела, когда они вышли на платформу.

Клэр вела себя как ни в чем не бывало. В руках она держала книгу. Все знали, что она будет читать до самого Дублина. Дэвид весело помахал ей, а его мать сдержанно кивнула – так, словно у нее болела шея. Доктор Пауэр направился в газетный киоск купить Дэвиду журнал для долгой поездки.

Едва поезд отъехал на полмили от станции, они оказались в коридоре, где сжали друг друга в объятиях, снова и снова шепча милые сердцу имена. Они возвращались в Дублин – город свободы, где Клэр жила в общежитии под присмотром монахинь, а Дэвид – в общежитии для интернов и ординаторов при крупной городской больнице. По сравнению с местом, откуда они уехали, это выглядело как полное отсутствие ограничений.

Книга по истории права и журнал из газетного киоска лежали на сиденье нетронутыми. Пассажиров было немного. Большую часть пути Дэвид и Клэр проехали в купе совершенно одни, а потом к ним присоединился пожилой американец. Он заявил, что это самая холодная страна на его памяти, а он немало поездил по миру. Дэвид посоветовал ему укутать ноги: как известно, конечности замерзают в первую очередь. У американца был огромный шарф, который они обернули вокруг старческих лодыжек. Ворчливый сосед мгновенно заснул, и они целовались, держались за руки и счастливо прижимались друг к другу в углу без всяких помех.

У них было целых два дня в Дублине. Никто не знал, что они вернулись раньше. Был всего лишь вечер пятницы. Общежитие Клэр открывалось в воскресенье, а Дэвида ждали в больнице не раньше восьми утра в понедельник. Они не строили планов, как будто предвидели, что планы могут сорваться.

Зимним вечером они покинули вокзал Кингсбридж и прошли мимо вереницы такси к автобусу. Клэр несла маленький чемодан, а Дэвид – два огромных. Клэр уличила Дэвида в том, что он возил в Каслбей всю одежду, чтобы Нелли ее перестирала, и он удивленно распахнул глаза. Разве не все так поступали?

Она хотела спросить, что они собираются делать. Точнее, хотела перечислить все доступные варианты. Если бы Дэвид решил отправиться к Джеймсу, она могла остановиться у Кевина и Эмер. Или пойти в общежитие и отдаться на милость монахинь. Монахини считали Клэр одной из самых благонадежных девушек из всех, кого они когда-либо встречали. Поворчав, они бы впустили ее в комнату, которую не успели проветрить и где еще предстояло разложить грелки на узких железных кроватях.

У Клэр в кошельке было восемнадцать фунтов стерлингов. Она и Дэвид могли остановиться в гостевом доме. В районе Гласневин их было предостаточно, Клэр знала много студентов, которые недорого там обосновались.

Но она подумала, что лучше подождать. Нужно было понять, что на уме у Дэвида. Раз или два у нее перехватило горло от мысли: что, если Дэвид предложит разделить с ним постель? Она надеялась и молилась, чтобы он не просил об этом. Слишком рано. Ей нужно подумать. Все произошло чересчур неожиданно.

Когда они садились в автобус до моста О'Коннелла, Дэвид непринужденно спросил:

– Помнишь квартиру, где я жил до поступления в интернатуру?

– Да.

– Ключ еще у меня. Я всегда могу им воспользоваться. До понедельника никто не вернется. Там много комнат. Можешь занять мою бывшую спальню, она одна из самых красивых. А я могу занять... любую другую. Думаю выбрать ту, что подальше. Чтобы не выломать среди ночи дверь в твою комнату и не наброситься на тебя.

Клэр улыбнулась в ответ, испытывая облегчение оттого, что промолчала, польщенная тем, что он заявил о желании выломать дверь, и благодарная за то, что он не собирался этого делать. Дэвид выбрал правильные слова.

У них был медовый месяц без интимной близости. Они гуляли по городу, взявшись за руки, и Клэр показывала Дэвиду свой Дублин.

Дэвид никогда не был в Банке Ирландии, в здании которого некогда заседал ирландский парламент. Кажется, он об этом знал, но почему-то забыл. Клэр обещала отвести его туда в будний день. Они перешли через дорогу, и Клэр показала ему Келлскую книгу в библиотеке Тринити-колледжа. Дэвид слышал о книге и собирался однажды на нее посмотреть.

Они взобрались на колонну Нельсона, чтобы полюбоваться видом на город. Наверх вела длинная, темная, продуваемая всеми ветрами лестница. Они часто останавливались, чтобы перевести дыхание и обменяться поцелуем. Дэвид пустился в пространный рассказ о докторе, который был женат, но завел тайный роман с замужней дамой. Им было негде встречаться, потому что их слишком хорошо знали, поэтому дважды в неделю они посещали колонну Нельсона и целовались на лестнице. Если какой-нибудь турист проходил мимо и мог им помешать, они прижимались к стене.

– Вот поэтому я привела тебя именно сюда, – рассмеялась Клэр и легко взбежала вверх по лестнице, чтобы Дэвид понял: у нее даже в мыслях не было ничего подобного.

Она провела его по набережным к древней протестантской церкви Святого Михаила, в подвалах которой хранилась настоящая мумия.

Вечером они сами готовили ужин. Дэвид справлялся гораздо лучше, чем Клэр.

– Я думал, ты хозяйственная. У тебя же большая семья и куча братьев, которых нужно кормить, – подтрунивал Дэвид.

– Я с радостью накрою большой ужин на восьмерых: кусок бекона и полтонны картошки. Но я никогда не стряпала для одного или двоих. В общезжитии нам готовят еду, – оправдывалась она.

– Это не конец света, Клэр. Не делай из этого трагедии!

– Что у нас сегодня на ужин? Может, выйдем куда-нибудь перекусить?

Она надеялась, что он предложит перехватить жареной картошки в кафе по соседству.

– У нас много яиц. Просто сделай омлет, – не задумываясь, сказал Дэвид, сосредоточенно чистивший решетку на плите.

Просьба застигла ее врасплох.

– Там, кажется, есть кусочек сыра. Можно добавить его в омлет, – посоветовал он.

– Я разведу огонь, а ты приготовишь омлет.

– Только не говори, что ты не умеешь...

Увидев ее лицо, Дэвид осекся.

– У нас дома не делали омлетов, – сказала Клэр. – Если покажешь, я научусь.

– Мне все равно, сделай болтуню, что угодно...

– Покажи, как готовить омлет. Я хочу научиться.

Ее напряженный взгляд был полон решимости.

– Ладно, – добродушно согласился Дэвид. – Хотя мне плевать, умеешь ты готовить или нет. Это ни черта не значит. Ты ведь знаешь об этом?

Они поцеловались над сковородкой. Это действительно ни черта не значило.

– Что будем делать? – спросил он вечером в воскресенье.

– Не знаю.

Они сидели на полу, между ними стояла бутылка вина.

– Еще слишком рано? Мы встретились слишком рано.

– Мы встретились, когда были детьми, Дэвид.

– Ты знаешь, о чем я. Сейчас слишком рано.

– Я люблю тебя. Остальное не важно. Мне не нужна должность профессора истории, если рядом не будет тебя.

– Мне без тебя вообще ничего не нужно.

– Может быть, мы объедем весь мир, выбирая университеты, где будут подходящие условия для нас двоих, – нервно улыбнулась Клэр.

– В реальной жизни... – начал Дэвид.

– Да. Реальная жизнь. Которая начинается завтра, – потрясенно сказала она.

Дэвид поцеловал ее и нежно обнял:

– Ничего плохого случиться не может, я уверен в этом, как никогда в жизни. Я всегда был влюблен в тебя, но не знал об этом.

– Да, теперь ничего плохого случиться не может, – подтвердила Клэр.

Разумеется, они сразу все поняли. Мэри Кэтрин и Валери. Отпираться не было смысла.

– Я не буду ничего говорить, если вы не против, – заявила Клэр.

– Конечно мы против, черт возьми! – возмутилась Валери. – Что за чушь? Мы рассказывали тебе о каждом вздохе и стоне.

– Это нечестно с твоей стороны. Ты же никогда не была скрытной. Я не могу это понять, – расстроилась Мэри Кэтрин.

– Но мне нечего рассказывать. Ради всего святого, не было никаких особых вздохов и стонов, их вообще было гораздо меньше, чем с Иэном той ночью в машине. Теперь вы довольны? Таких подробностей вам достаточно?

– Нет, недостаточно. Как это произошло? Он признался, что любит тебя, и заиграли тысячи скрипок? Я должна знать, – сказала Валери.

Она сидела на кровати, скрестив ноги, как портной в старину.

Клэр заметила, что Валери выглядит очень юной. Они все были молоды, никому из них не исполнилось двадцати. Она слишком молода, чтобы испытывать чувства, которые ее захватили. На нее словно снизошло озарение.

– Я слишком молода, – глупо сказала она.

– Молода для чего? Боже, Клэр, хватит драматизировать, это очень раздражает. Он думает, ты слишком молода для него, или что?

– Нет, с ним как раз все нормально. Он старый, ему двадцать пять. Его жизнь почти закончилась. С точки зрения учебы – я об этом.

– Ну что за тягомотина, – пожаловалась Валери.

– Я же говорила, что ничего интересного не произошло, – обиженно напомнила Клэр.

– Это может пройти. Seriously. Если ты знакома с парнем всю свою жизнь и впервые обратила на него внимание десять дней назад, это обязательно пройдет.

– Нет, не пройдет. Вам придется терпеть эту тягомотину. Я не знаю, как лучше объяснить. Если я попытаюсь, вас стошнит.

– Что ж, попробуй, – уныло предложила Валери.

– У меня ощущение, будто я что-то искала – какую-то вещь, которую потеряла давным-давно. И наконец нашла. Я словно вернулась домой, только это гораздо приятнее, чем возвращение

домой. Это то, что люди должны чувствовать, когда возвращаются домой.

– Звучит немного слащаво, – заметила Валери, стараясь быть объективной.

– Наверное, так и есть.

– С тобой когда-нибудь снова будет весело, как думаешь? – поинтересовалась Мэри Кэтрин.

– Я очень надеюсь, что будет. Но вы же понимаете, о чем я. Нет смысла говорить об этом. Приходится использовать эти ужасные слова, от которых тошнит. – Клэр переводила взгляд с одной подруги на другую.

– Тяжелое время нас ожидает, – вздохнула Валери. – Как-нибудь, болтая о сексе или о том, кого мы хотим за кадрить на вечеринке, мы припомним тебе твое чувство возвращения домой из-за любви к соседскому парню.

– Будьте любезны вбить себе в голову, что он не соседский парень! Называйте его как угодно, но он не был моим соседом.

Дэвид жаждал узнать о ней все до мельчайших подробностей. Он признался, что раньше завидовал О’Брайенам, когда они детьми собирали ежевику в банки из-под джема или пытались поймать мелкую рыбешку в те же банки, привязав к ним веревочки. В их лавке зимой и летом бегали и кричали дети, а в его большом доме царил тишина и было слышно, как тикают часы в холле.

Клэр расписала в красках, как ее третировала Крисси. Вдвоем с Дэвидом ей как-то удалось мысленно превратить Крисси в героиню комиксов. Ее жестокие выходки, попытки посильнее дернуть Клэр за волосы и убедить младшую сестру в том, что она ненормальная, больше не имели значения.

Дэвид рассказал об отце и о том, как тот изо всех сил старался не принуждать Дэвида к занятиям общей практикой, хотя сам действительно нуждался в помощи сына. Уже с завтрашнего дня. Дэвид признался, что мать иногда сводит его с ума. Она порой вела себя как ребенок. Много лет назад, разговаривая с сыном как мужчина с женщиной, отец попросил его быть снисходительным к матери. По словам отца, Молли отказалась от развлечений и ярких городских огней ради того, чтобы выйти замуж за сельского врача и жить с ним в

захолустье. Дэвида очень раздражало, что отец считал себя в долгу перед матерью. В конце концов, это был ее выбор. Правда, потом с ней приключилась история с выкидышами и рождением мертвых детей, так что время от времени приходилось прощать ее за разные мелкие глупости.

Молли каждый год приезжала в Дублин, чтобы провести несколько дней в обществе Ноланов. Дэвиду приходилось сидеть с матерью в холле таких отелей, как «Шелбурн», «Хиберниан» или «Грэшем», за послеобеденным чаем, и он всегда стыдился ее манер. Слишком разодетая, Молли во весь голос спрашивала, кто остальные люди вокруг, а когда Дэвид в ответ шипел, что не знает, потому что ведет жизнь затворника, она заливалась нарочитым, неестественным смехом. Клэр с сочувствием отнеслась к причудам Молли. Наверное, миссис Пауэр хотела почувствовать себя важной персоной хотя бы на пару дней, чтобы потом вернуться домой и вспоминать, как мистер такой-то с ней поздоровался, а мистер такой-то обратил на нее пристальное внимание. Миссис Пауэр действительно вела себя по-детски, а отец Дэвида ей потакал. Некоторые люди всегда требуют особого отношения к себе.

Спустя время Клэр открыла Дэвиду правду о Томми. Она вовсе не собиралась этого делать. Дэвиду не следовало знать грустную тайну ее семьи. Клэр казалось, что разглашение стыдливого секрета в пылу любви граничит с предательством по отношению к домашним. Подобную откровенность можно было посчитать проявлением легкомыслия. А вдруг Дэвид и сам не хотел ничего знать о непутевом брате Клэр? Но когда Дэвид честно посвятил ее в подробности собственной жизни, она внезапно рассказала ему обо всем. Она говорила быстро и бесстрастно. Дэвид потянулся через стол и крепко сжал ее руки. Он расстроился, но не был шокирован. Если Томми вырос придурком и связался с подобной публикой, возможно, тюрьма – самое безопасное место для него. К тому же там его не избивали ни другие заключенные, ни надзиратели, ведь Томми был славным, покладистым парнем.

– Когда-нибудь мы с тобой поедem в Лондон... и навестим его, – великодушно предложил Дэвид. – Он поймет, что не отрезан от мира.

Пойти на свидание с Томми? В тюрьму? В день, отведенный для посещений? Клэр потрясенно кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

Дэвид погладил ее по щеке:

– По-моему, ты не понимаешь, как сильно я тебя люблю. Ты – часть моей души. Ради тебя я сделаю все, что угодно. Я буду счастлив встретиться с Томми, если ты этому обрадуешься и тебе станет легче. Я готов отправиться в Лондон сегодня вечером на почтовом судне.

Клэр закрыла глаза и поднесла его руку к своему лицу:

– Я тебя не заслуживаю. Я ограниченная и однобокая. Я вечно заиклена на себе. Почему ты так сильно меня любишь?

– Понятия не имею. Просто люблю. Заполняю пустоты, которые у меня образовались. Я больше ни в чем не сомневаюсь. Я хочу быть с тобой и чтобы тебе было хорошо.

Они сидели друг напротив друга в маленьком кафе. Клэр смотрела на усталое от недостатка сна лицо Дэвида, расстегнутый ворот его рубашки и широкую улыбку, озарявшую все вокруг.

– Ты похож на игрока, который сорвал куш на скачках, – восхищенно заметила Клэр.

– Кажется, ты подкидываешь мне реплики. Поэтому я скажу, что сорвал куш, когда покорила тебя, – сказал он.

На выходе из кафе Дэвид спросил, знает ли о Томми кто-нибудь еще.

– Анджела. Это она настояла, чтобы я писала ему каждую неделю. И Джерри Дойл, – ответила Клэр.

Он нахмурился:

– Почему Джерри?

Дэвид старался, чтобы его голос звучал непринужденно, но Клэр понимала: он раздосадован тем, что Джерри узнал семейную тайну раньше его.

– Это было очень давно. Джерри собирался в Лондон, и мама попросила его разыскать Томми. Мне пришлось объяснить ему, что произошло. Не могла же я допустить, чтобы он сбился с ног, все выяснил, а потом не знал, что говорить маме. Было проще сразу сказать ему правду. Само собой, он держал язык за зубами.

– Само собой.

– Почему ты занимаешься в постели? – возмутилась Валери.

– Потому что сегодня я ничего не успела сделать. Я провела два часа с Дэвидом, вернулась в библиотеку и написала ему письмо. На это

ушел еще один час. Потом я целый час мечтала о том, как было бы здорово поехать с Дэвидом в Лондон. Еще около получаса я потратила, пытаюсь придумать, как объяснить отцу Дэвида, почему его сын не сможет вернуться в Каслбей, пока не отработает по крайней мере три года в больницах Дублина. После этого я пошла в парикмахерскую, где днем делают недорогую укладку. Затем я отправилась в больницу со своей новой прической, выпила с Дэвидом чашку чая в столовой и отдала ему письмо. Вечером я вернулась домой. Вот работа, проделанная мной сегодня, и тот объем усилий, который приложила стипендиатка Мюррея, чтобы получить диплом с отличием.

Валери не ожидала встретить такой энергичный отпор и замахала руками:

– Хорошо, хорошо.

– Ничего хорошего. Я не ожидала, что так получится.

Клэр выглядела печальной.

– Господи, ты всего лишь немного развлеклась. Клэр О’Брайен провела один день со своим парнем. Ты не тратишь время на глупости, как я, когда, как овца, строю глазки придурку, которому даже неинтересно, жива ли я. Или как Мэри Кэтрин, когда она встречается с Джеймсом. У тебя есть что-то настоящее – то, чего мы все хотим. Поэтому хватит ныть.

– Я понимаю, что мое нытье очень утомляет...

– Так и есть, – сердито признала Валери.

– Если бы ты знала, как я злюсь из-за того, что ничего не сделала сегодня. Если бы ты только знала.

– Я об этом уже узнала. Ради бога, встань с постели, оденься, сядь за стол и поработай нормально. Хватит валяться в кровати и пытаться читать с лампой на полу. Занимайся по-человечески. Я буду спать. Не обращай на меня внимания.

– Перестань корчить из себя трагическую актрису, – посоветовала Клэр.

Валери рассмеялась в ответ на колкость и заметила, что профессора Клэр О’Брайен не мешает поставить на место, чтобы она не отзывалась о своей учебе как о каком-то священнодействии. Клэр невольно улыбнулась. Она вылезла из постели и оделась, чтобы не замерзнуть.

Незнакомая девушка постучала в окно, очевидно взобравшись по скобам в стене. Клэр впустила ее, и та рассыпалась в благодарностях.

– Вы трое – местная легенда, – призналась незнакомка, у которой перехватило дыхание. – Ну то есть вы тут уже давно, у вас все схвачено, вы живете по собственным правилам.

– А еще мы сумасшедшие, – добавила с кровати Валери. – По ночам мы по очереди встаем, одеваемся и охраняем остальных.

Девушка испуганно пробормотала, что ей пора уходить.

– С тебя чашка чая. Плата за проход по комнате, – пошутила Клэр, но через десять минут девушка крадучись вернулась с двумя чашками чая.

– Ваша подруга еще где-то бродит, – сказала она, нервно поглядывая на кровать Мэри Кэтрин.

– Ясное дело, – подтвердила Валери. – Сейчас только три часа ночи.

Клэр обвинила Валери в том, что по ее милости их будут считать чокнутыми. Валери в ответ поинтересовалась, чем, черт возьми, Мэри Кэтрин и Джеймс Нолан могут заниматься до трех часов ночи, если только они не в постели.

Примерно через десять минут Мэри Кэтрин влезла в окно. Они с Джеймсом Ноланом действительно побывали в постели, и все прошло хорошо. Не то чтобы великолепно, но в целом неплохо, и Мэри Кэтрин хотела, чтобы они сию же минуту приступили к чтению девятидневной молитвы, потому что месячные должны были начаться ровно через девять дней. Еще никогда призыв к девятидневной молитве не звучал так своевременно.

Дик Диллон сообщил Анджеке, что не передумал. Он признавал, что не был выгодной партией и прочел мало книг, но, по крайней мере, Анджека могла быть уверена, что со временем он не превратится в пьяного забулдыгу. Потом Дик вспомнил, что отец Анджели был пьяницей, и так долго извинялся за свою бестактность, что Анджека велела ему заткнуться, пригрозив, что иначе переедет его на велосипеде.

– Ну а если серьезно? – настаивал Дик. – Разве это плохая идея?

По его словам, Анджеке было одиноко в ее коттедже, а ему было одиноко в его уголке отеля, в спальне и гостиной. Он был заранее

согласен на любые условия: поселиться в ее коттедже или построить новый дом, потому что получить участок для него не составит труда. Анджела может преподавать, если захочет. Учителя теперь не обязаны соблюдать обет безбрачия. Или она может отдохнуть от работы. Дику очень нравилось ее общество. Он не был мастером произносить красивые речи, но в глубине души питал самые серьезные чувства.

Анджела задумалась. Ей по-прежнему казалось, что союз Дика Диллона и Анджелы О'Хары – это самая глупая идея со времен раздела страны, но сейчас она не в силах дать окончательный ответ. Пока что ее голова забита другими заботами. Но эти заботы так или иначе отступят в конце лета. И тогда они сядут и обсудят соображения Дика всерьез, не отпуская едких замечаний и не пытаясь блеснуть остроумием.

– Это не соображения. Это предложение руки и сердца, – с обидой заметил Дик. – Эти... летние заботы. Могу я как-то помочь?

Анджела посмотрела на его доброе лицо.

– Нет, Дик. Но все равно спасибо тебе.

– Это не связано с другим мужчиной? – с тревогой спросил он. – Ты же не хочешь за это время присмотреться к кому-то еще?

– Нет. В моей жизни нет другого мужчины.

– И ты не собираешься уйти в монастырь?

Дик пытался исключить все возможные препятствия на пути к счастью.

– Иммакулата скорее распустит монастырь, чем примет меня в общину, – ответила Анджела.

– И правильно. Одного служителя Господа на семью вполне достаточно, – заявил Дик Диллон, безошибочно определив причину, по которой у Анджелы трепетали все нервные окончания.

Отец Шон О'Хара. Он в радостном волнении продолжал строчить письма о том, с каким нетерпением вся его семья ждет наступления лета.

Пэдди Пауэр сообщил, что день очень ясный, скалы и крутые оконечности мыса просматриваются на много миль вперед. Нелли ответила, что доктор вернулся домой слишком рано, обед будет готов только через полчаса, картошка пока тверда, как пули. Молли

предложила пройтись вдоль обрыва, раз уж на улице так светло и свежо.

– Ты поедешь в Дублин повидать Шейлу? Тебе нравилось ездить туда в январе.

– Да. Я как раз думала об этом. Но когда я позвонила Дэвиду и сказала, что хочу приехать, он повел себя беспардонно.

– Беспардонно?

– Он заявил, что вряд ли сможет выкроить время для встречи со мной и предупреждает об этом заранее.

– Что ж, это честно с его стороны. У меня в его возрасте тоже не было ни одной свободной минуты.

– Свободные минуты у него как раз есть.

– Ты о чем?

– Он обмолвился, что слышал, будто в отель Диллона вызывали полицию. Я спросила, откуда он знает, ведь мы ему ничего не говорили. Он ответил, что Клэр О’Брайен рассказала ему при встрече. Наверное, Джози Диллон ей написала.

– Ну и что? – Доктор Пауэр не мог взять в толк, что из этого следует.

– Это значит, что у Дэвида есть время для встреч с этой Клэр О’Брайен.

– Молли, не надо злословить по поводу девочки. Ты всегда придирчиво к ней относилась.

– Ничего подобного. Я всего лишь обратила твое внимание на странное обстоятельство: наш сын встречается с юной О’Брайен, но у него нет времени для общения с собственной матерью.

– Погоди. Если они случайно столкнулись на улице, почему они не могли обсудить новости из Каслбея?

– Он не сказал, что столкнулся с ней, он сказал, что встретил ее. Это звучало так, словно они встречаются постоянно. И хватит разговаривать со мной таким тоном. Я знаю, что говорю.

– Даже если он встречается с ней, это что, конец света?

Молли смерила мужа торжествующим взглядом:

– Минуту назад я делала необоснованные выводы. Мне якобы померещилось. А теперь я вдруг оказалась права?

– Да, Молли...

Валери считала, что нельзя молить Бога о чем-то подобном. Господь просто не станет слушать. Клэр утверждала, что если что-то случилось, то этого уже не изменить и никакие молитвы тут не помогут. Мэри Кэтрин сокрушалась, что ирландки не понимают сути молитвы. В Штатах приходской священник объяснял пастве, как это работает. Бог заранее знает, что вы вознесете молитву. Это предвидение, а не предопределение. Казалось, спорам не будет конца. К счастью, другие события отвлекли девушек от тревожных мыслей. В назначенный день подруги получили радостное известие, и тогда из спальни трех великовозрастных чудачек донесся вздох облегчения.

Мэри Кэтрин сообщила, что больше не будет рисковать, хотя Джеймс торжественно обещал обо всем позаботиться. Она призналась, что на самом деле ей просто не хочется. Она не понимала, зачем вообще согласилась. Ей до смерти надоело, что Джеймс вечно приставал к ней по этому поводу, хотя она говорила «нет», находила основания для отказа и придумывала отговорки. По ее словам, Джеймс от потрясения едва не упал замертво, когда она сказала, что отправится с ним в эту квартиру. Ту самую, в которой когда-то жил Дэвид... Похоже, его соседи тоже приводили туда девушек.

Но Мэри Кэтрин подозревала, что парни преувеличивали число своих побед. Джеймс уверял, что у него достаточно опыта, но Мэри Кэтрин, не желая вдаваться в технические детали, предположила, что это не так. По правде говоря, она не хотела описывать все до мельчайших подробностей и отказалась давать уточнения. Еще она как бы невзначай спросила у Джеймса, считает ли он Дэвида Пауэра ловеласом. Джеймс пожаловался, что Дэвид ужасно скрытный. Наверное, в больнице у него шашни с какой-нибудь безотказной сестричкой. Иначе почему он забросил своих друзей?

Мэри Кэтрин не видела смысла хранить тайну Дэвида, но готова была с этим смириться, если Клэр и Дэвид так отчаянно настаивали. В любом случае это ее не касалось, у самой Мэри Кэтрин имелись дела поважнее: как вежливо отделаться от Джеймса. Добившись своего, он и не думал сбрасывать Мэри Кэтрин со счетов. Он названивал в общежитие утром, днем и вечером, вероятно надеясь получать свое снова и снова. Она не хотела резко рвать с ним и уж точно не хотела, чтобы он расписывал друзьям ее прелести.

При свете дня и в публичных местах Клэр и Дэвид говорили о сексе, ничем не рискуя. Дэвид признался в полном отсутствии опыта. Он намекал друзьям, что занимался сексом постоянно, но это было слишком далеко от правды. Как-то раз он почти приблизился к цели, но распространяться об этом случае не захотел. Все равно тогда дело было в выпивке, а вовсе не в любви.

Они отвлеченно обсуждали, что бы они сделали, имея возможность уединиться. Например, если бы у Клэр была своя квартира, где их никто не беспокоил. Или у Дэвида было собственное жилье. Смогли бы они устоять перед соблазном?

Клэр сказала, что не вынесет страха перед возможными последствиями. Ей не хотелось сплетничать о Мэри Кэтрин, но оказалось, что Дэвид и так все знает. Это настораживало, но они не могли винить Джеймса, потому что Валери и Клэр тоже все знали.

Дэвид предположил, что, вероятно, есть способы предотвратить неприятные последствия. Он все-таки врач и располагает большим арсеналом средств, чем кто бы то ни было. К тому же на севере Ирландии можно легально приобрести контрацептивы, так что возникнуть проблем не должно.

– В случае, если бы мы всерьез об этом задумались, – уточнила Клэр.

– Да, именно в этом случае, – согласился Дэвид.

Эмер позвонила Клэр в общежитие и попросила оказать ей огромную услугу. Кевина направили в Лондон, чтобы разузнать о новых учебных пособиях. На целых три дня. И только представьте себе – Эмер поедет вместе с мужем. За Дэниелом присмотрит ее мать, она возьмет внука к себе. Эмер очень хотела, чтобы за домом тоже кто-нибудь присмотрел. Не может ли Клэр ненадолго перебраться к ним? Клэр ответила, что будет рада помочь.

Она подумывала о том, чтобы не говорить Дэвиду. Продержалась два часа и сказала ему. Дэвид сразу же попросил в больнице трехдневный отпуск.

– Надеюсь, нам не придется читать девятидневную молитву, – проворчала Валери.

– А если я потом не захочу тебя видеть? – спросила Клэр, когда они шли в спальню.

– Почему это?

– Мэри Кэтрин теперь избегает Джеймса.

– Они не любят друг друга. Они только притворяются.

– Получается, если ты влюблен, то все по-другому?

– Так все говорят.

Дэвид погладил ее длинные светлые волосы, разметавшиеся по подушке. Он продолжал водить рукой по ее волосам от макушки до самых кончиков. Он не смел заговорить, опасаясь, что ей было больно или она чувствует себя несчастной.

Ее глаза были открыты, она лежала совсем близко, но Дэвид не мог прочесть ее мысли. Была ли она испугана? Или разочарована? Смогла ли испытать наслаждение, которое он пережил, и обрести покой, переполнявший его сердце?

– Дэвид, – произнесла она слабым голосом.

Он радостно вскрикнул, обнял ее за плечи и прижал к себе, не веря своему счастью.

Джеймс Нолан все же вышел на его след.

– Я думал, тебя убили, а труп закопали, – сказал он. – Никто не знал, где ты.

– Что-то случилось? – быстро спросил Дэвид.

– Зависит от того, с какой стороны посмотреть. Завтра твоя мать приезжает к моей матери в гости. Они обе очень рассержены, потому что ты куда-то запропастился. Думаю, тебе стоит позвонить своей матери, чтобы снизить накал страстей. Кстати, где ты пропадал?

– Она не должна была меня хватиться раньше выходных. Тебе ли, черт возьми, не знать.

Джеймс на другом конце провода пожал плечами:

– Я сделал все, что мог. Подумал, что ты упорхнул с какой-нибудь пташкой. Я сказал, что сейчас идет матч и что ты, наверное, отправился на него.

– Трехдневный матч?

– Я сказал, что он в Северной Ирландии.

– Ладно, это сойдет. Спасибо, Джеймс.

– Не вешай трубку, где ты был?
– Как ты и сказал. На матче.
– Я с тобой еще разберусь. В воскресенье ты идешь с нами на ланч.

Судя по голосу в трубке, Молли Пауэр перенесла адские муки.

– Пожалуйста, не думай, что я за тобой слежу. Мне все равно, как ты проводишь свободное время. Твой отец всегда говорил, что ты взрослый мужчина. Я полностью с ним согласна.

– Рад, что ты приезжаешь в Дублин.

Дэвид изо всех сил старался не скрипнуть зубами.

– Просто Ноланы удивились, что тебя нигде нет. Дэвид, никто не собирается устанавливать за тобой слежку, я уже говорила, но если что-то случится с твоим отцом – не дай бог, разумеется, – и мы будем тебя искать...

Дэвид держал трубку на расстоянии вытянутой руки. Он бы с удовольствием разбил ее о стену.

– Ты сможешь оторваться от своих важных дел и встретиться с нами, пока я в Дублине?

– С нетерпением жду воскресного ланча, – ответил Дэвид с подчеркнутым энтузиазмом в голосе.

– Я что, не увижу тебя до воскресенья?

– Нет... Я хотел сказать, что по сути... Конечно, мы увидимся раньше.

Когда три минуты истекли, Дэвид прислонился головой к стене.

– Клэр, – прошептал он сам себе. – Клэр, Клэр.

– С вами все в порядке, доктор?

На него смотрела молоденькая медсестра с веснушками на лице.

Ей говорили, что молодые стажеры слегка с приветом, и она решила, что это похоже на правду.

Анджела прочитала письмо с большим удивлением. Если бы Клэр вступила в политическую партию или проявила активность в каком-либо деле, она бы удивилась гораздо меньше. Почему Дэвид? Прекрасный, рослый, славный Дэвид Пауэр, который в следующем году возвращался в Каслбей, чтобы работать на пару с отцом! Как это случилось? И что будет делать Клэр, если выйдет за него замуж? Читая

между строк, можно было понять, что свадьба не за горами. Клэр писала, что их чувства сильны и взаимны и что они с трудом переносят даже короткую разлуку. По словам Клэр, Дэвид испытывал то же самое.

Эти откровения привели Анджелу в замешательство, потому что ответ на подобное письмо мог быть только один.

Анджела так и написала:

Полагаю, ты должна стараться изо всех сил получить диплом с отличием – тебе это по плечу, – немного отдохнуть и получить диплом магистра. А потом, кто знает? Возможно, меня уволят, а у тебя окажется слишком высокая квалификация, но я уверена, что тебя примут на работу в школу. Но как наша юная миссис Пауэр представляет себе свою работу? Хотела бы ты преподавать целый день?

Клэр в смятении прочла письмо. Она была глупа, глупа, глупа, что рассказала Анджеле. Эта женщина ничего не поняла. О возвращении в Каслбей не могло быть и речи. В этом заключалась причина всех этих тревог и терзаний. Дэвид не хотел назад, она – тоже. Суть проблемы состояла в том, что они не знали, как объяснить это отцу Дэвида, не разбив ему сердце. Анджела не поняла бы этого даже за миллион лет. Она слишком долго прожила в Каслбее – вот в чем беда.

– В воскресенье у меня встреча с твоей свекровью и твоим суженым, – объявила Мэри Кэтрин.

– Какими судьбами?

– Джеймс пригласил меня на ланч. Он сказал, что приедет миссис Пауэр и что Дэвид тоже будет там. Разве он тебе не сказал?

– Ах да. Из головы вылетело.

Дэвид ничего ей не сказал, и Клэр была в ярости.

– Я не хотел сообщать плохие новости, вот и все.

– Приезд твоей матери в Дублин не плохая новость.

– Нет, плохая. Это реальность, которая вторгается в нашу жизнь.

– Она приезжает каждый год. Вовсе не обязательно объявлять ей за обедом у Ноланов, что твои планы на будущее изменились.

– Да. Но я бы предпочел провести воскресенье с тобой. А не у Ноланов.

– Туда идет Мэри Кэтрин. Наверное, у них с Джеймсом что-то серьезное.

– А это мысль! Я же могу попросить Джеймса пригласить и тебя.

– Ты что, совсем рехнулся?

Идеальным вариантом было бы подыскать жилье рядом с больницей, но улицы по соседству были слишком шикарными, а арендная плата – заоблачной. Они могли позволить себе неплохую квартиру за городом, но в этом не было смысла. Дэвид не мог улизнуть из больницы надолго. Они просматривали короткие объявления в вечерних газетах и поражались, с какой скоростью улетало любое приличное жилье. Иногда они приходили по свежему объявлению и видели на пороге дома длинную очередь. Они знакомились со сверстниками и обменивались информацией. По слухам, район Ратмайнс был очень даже неплох. Он находился в двадцати минутах ходьбы от Университетского колледжа. Многие студенты снимали там комнаты. Дэвид и Клэр отправились на разведку, попросту стучась в каждую дверь, – этот способ был ничем не хуже остальных. Клэр огляделась по сторонам. Район пересекала главная улица, вдоль которой выстроились высокие здания. Когда-то каждый дом принадлежал одному семейству. Теперь в них проживало по несколько семей. Одни дома были в очень хорошем состоянии: стены холла недавно покрашены, на полукруглых столах аккуратно разложена почта. В других – на полу лежал рваный линолеум, стены нуждались в новых обоях, а вокруг витал неприятный запах. Именно здесь стоило искать комнату, которую Дэвид и Клэр могли себе позволить.

Они решили, что это хороший район. Он скорее походил на деревню или отдельный городок, а не на часть знакомого им Дублина. Однако автобусы ходили бесперебойно, до канала – отличного места для пеших прогулок – было недалеко. А еще здесь селилась молодежь, поэтому магазины работали допоздна. Клэр с удовольствием заметила, что до кафе с жареной картошкой было рукой подать. Кафе могло пригодиться.

Им предложили маленькую грязную комнату на третьем лестничном пролете в большом доме с запущенным садом и облупившейся краской. Дэвид и Клэр поглядели друг на друга и сказали «да». Они внесли арендную плату за первый месяц и въехали в субботу. Домовладелец признался, что терпеть не может студентов, но молодая супружеская пара – это совсем другое дело. Он выразил надежду, что о ребенке речи пока не идет, потому что в доме все соблюдали тишину. Дэвид и Клэр покачали головой. Нет, никаких детей в обозримом будущем, они полностью согласны с хозяином.

Дэвид подарил Клэр простое кольцо за пятнадцать шиллингов, пообещав, что когда-нибудь его сменит настоящее. Совсем как их комната, которую они обустраивают и сделают пригодной для жилья. От плиты несло керосином, матрас состоял из комков, а форму для выпечки испачкали последние жильцы. Ванная комната располагалась двумя этажами ниже. Зато это был их собственный угол. Здесь их никто не мог отыскать, кроме Валери и Мэри Кэтрин, которые всегда все знали.

Они вышли за беконом, сосисками и бутылкой красного вермута для своего первого ужина. В лавке старьевщика они купили книжную этажерку, потому что домовладелец запретил им уродовать стены – грубые, неровные, с потрескавшейся штукатуркой. Казалось, в этих стенах не удержится даже гвоздь, не говоря уже о полке. Клэр расставила книги по местам и почувствовала себя дома.

Дэвид поцеловал ее руки и посмотрел в лицо.

– Все будет хорошо, вот увидишь. Ты будешь учиться, а я – приходить к тебе, как только выпадет свободная минута. Ты получишь свой диплом с отличием, а я отучусь год в интернатуре и перейду в другое место – что может быть проще? Я больше не буду интерном, мы сможем жить вместе. Совсем как сейчас, только лучше. Я начну зарабатывать.

– Я тоже, – взволнованно сказала Клэр. – Если устроюсь репетитором.

– Нам не о чем беспокоиться. Если мы сделали это... – Дэвид широким жестом обвел маленькую обшарпанную комнату. – Если мы сделали это всего за несколько дней, остальное нам тоже по силам.

Воскресенье выдалось одиноким, но в Дублине любой воскресный день мог быть слегка унылым.

Клэр попыталась отчистить форму для выпечки, а потом вышла купить газету. Звонил колокол, и к большой церкви на главной улице тянулись толпы людей. Клэр поспешила дальше. Прошло пять воскресных дней с тех пор, как она погрязла в смертном грехе. В первое воскресенье она, как обычно, отправилась на мессу, но чувствовала себя глупо. Она не смогла произнести ни одной молитвы. Преклонить перед Богом колени, зная, что собираешься согрешить снова, значило проявить лицемерие. Несмотря на смелые слова, которые она наговорила Дэвиду, они совершили грех – и точка. Притворяться, что возносишь молитву, не было смысла. На месте Господа она бы предпочла, чтобы такие люди вообще не приходили в церковь.

Валери ушла на ланч, для которого шесть человек собирались приготовить карри. Это звучало ужасно, но Клэр была бы не против составить подруге компанию. Она не решалась беспокоить Эмер и Кевина. Частые визиты могли натолкнуть на мысль, что она их использует. Клэр стыдилась приходить к ним домой, хотя они даже не подозревали о причине. Мэри Кэтрин обедала у Ноланов вместе с Дэвидом. Возможно, ей следовало ответить согласием, когда Дэвид наивно предложил раздобыть для нее приглашение с помощью Джеймса. Обед мог стать тяжким испытанием. Остальные гости могли разделить гнев и презрение миссис Пауэр, а Клэр очень сомневалась, что Джеймс или Кэролайн окажут ей поддержку. Однако слоняться без дела и ждать было не менее тяжким испытанием.

Это походило на роман с женатым мужчиной – как у той вечно удрученной девушки из общежития в прошлом году, которая влюбилась в преподавателя и по выходным подумывала о самоубийстве.

«Не глупи, – громко сказала Клэр сама себе. – Ни о каком сравнении и речи быть не может. У нас с ним общая квартира. Он вернется. Ради бога, он встречается с матерью, а не с женой. Почему мне так холодно? Откуда это гадкое чувство обреченности?»

На подъездной дорожке перед домом Ноланов стояло пять машин: мистера Нолана, его жены, Кэролайн и Джеймса. Дэвид не знал, кому

принадлежала последняя. Он легко взбежал по ступенькам. Дверь открыла Брида. Она взяла его пальто и отнесла в комнату для завтраков, где уже висело множество других пальто.

Дэвид поднялся по лестнице в гостиную на втором этаже. Его мать стояла у камина, облокотившись о каминную полку.

«Обилие косметики, вычурный наряд, слишком много оборок на воротнике и манжетах», – подумал Дэвид.

Он не успел посмотреть, кто еще находился в комнате, потому что Молли испустила приветственный вопль:

– Блудный сын! Отрезанный ломоть!

Лучше бы она этого не делала. Ее слова вызвали переполох. Ему следовало тихо войти и поздороваться с родителями Джеймса. Но теперь, поскольку она привлекла к нему всеобщее внимание, он был вынужден подойти сразу к ней.

– Чудесно выглядишь, мама.

Он поцеловал Молли в щеку.

– О, ты еще худший льстец, чем твой отец, – сказала она глупость высоким голосом, который он ненавидел.

Дэвид осмотрелся вокруг. Миссис Нолан выглядела, как обычно, рассеянной и немного взволнованной. Он в очередной раз удивился, почему мать не замечает, что Шейла Нолан чудна́я или, скорее, чокнутая, если выразиться точнее.

– Рад быть у вас в гостях, миссис Нолан, – почтительно произнес он.

– О! Дэвид.

Она посмотрела на него так, словно никогда раньше его не видела, но выучила его имя, чтобы он почувствовал себя желанным гостем.

– Как хорошо, что ты пришел навестить нас. Твоя мать тоже здесь.

Шейла Нолан обвела гостиную потерянными взглядом.

– Да-да, я видел ее, – кивнул Дэвид.

Ему показалось, что он загнан в ловушку; миссис Нолан всегда умудрялась внушать окружающим чувство затравленности.

– Мне сказали, ты любишь шерри. Ты предпочитаешь сладкое или сухое?

Женщина пристально посмотрела ему в глаза, словно ожидала ответа на вопрос, в чем состоит смысл жизни.

– Сухое было бы очень кстати, миссис Нолан, – ответил Дэвид.

Он терпеть не мог шерри любого сорта и обратил внимание, что Джеймсу удалось достать джин с тоником. Но было слишком поздно – бокал с шерри оказался у него в руке. Кэролайн разговаривала с Мэри Кэтрин у окна. Два священника беседовали с мистером Ноланом. Один из них выглядел знакомым, хотя Дэвид никогда раньше его не встречал. Вошла Брида, неся блюдо с сырной соломкой и кусочками сельдерея с сырной начинкой.

Голоса матери и миссис Нолан, которые пытались втянуть его в лукавый диалог, отступили на задний план, и Дэвиду захотелось очутиться рядом с Клэр в их маленькой комнатке с банкой томатного супа на столе – за много миль от этой жарко натопленной комнаты и пустой болтовни. Он машинально отвечал на вопросы: да, работа довольно тяжелая, нет, он незнаком с этим специалистом, но, конечно, знает его по имени; как мило со стороны Ноланов, что они с ним переговаривают. Он расспросил мать о доме, об отце, а также о том, как поживает Бонс после ужасного инцидента с краской. Молли Пауэр сказала, что Бонс никогда не был красавцем, а теперь и вовсе был способен напугать любого. Пролитая краска затвердела и слиплась, поэтому с пса срезали очень много шерсти. Бонс выглядел очень странно, но, конечно, не подозревал, что выглядит иначе. Даже в старости он по-прежнему носился кругами с радостным лаем. Молли пожаловалась, что Бонса теперь не взять с собой на прогулку, потому что объяснять всем прохожим, что стряслось с собакой, было долго, а вспоминать, как его нашли на кухонном полу лапами кверху в луже красной краски, – невыносимо.

– Ты приедешь до Пасхи, чтобы повидаться с ним? И с нами, разумеется, – спросила она.

– Вряд ли... кстати, насчет Пасхи... – начал Дэвид, но Шейла Нолан захлопала в ладоши, сообщая, что обед готов.

Они перешли в другую натопленную комнату, где на столе, накрытом на девять персон, стояли две откупоренные бутылки вина, а на разделочном столике лежал огромный кусок говядины.

– Вот это жизнь, – задумчиво произнесла Молли Пауэр, когда они вошли в комнату с тяжелой темной мебелью и плотными шторами.

В ее голосе звучала зависть к тем, кто мог собрать людей за изысканным столом вдали от Каслбея.

Дэвид отвлекся от мыслей о грязноватой комнате менее чем в двух милях отсюда и заставил себя проникнуться симпатией к матери. Папа всегда говорил, что для счастья Молли нужно совсем немного. И это было правдой, мать наслаждалась эффектным обедом, который Шейла Нолан устроила в ее честь. Дэвид не хотел быть с матерью грубым и не собирался портить ей обед. Расскажет о Пасхе потом.

Он сидел между Кэролайн и священником. Девушка находилась в отличной форме, обладая изрядным запасом чужих секретов и желанием пошептаться.

– Как думаешь, Джеймс серьезно относится к этой янки? Давай, ну же, он должен был тебе сказать. Я не верю, что он способен сохранить это в тайне. Парни обо всем друг другу рассказывают. Я знаю, что это так.

– Ты ошибаешься, Кэролайн, мужчины слишком нежны и деликатны, чтобы делиться переживаниями. Была бы у нас сила женщин, которые легко вытаскивают свои чувства на всеобщее обозрение, чтобы проветрить их, изучить и стереть с них пыль...

Она рассмеялась:

– Думаешь, между ними что-то было, если ты понимаешь, что я имею в виду? Когда-то Джеймса интересовало, есть ли у нее деньги, а теперь он сгорает от любви.

Они посмотрели на Мэри Кэтрин, которая отбивалась от расспросов миссис Пауэр под враждебным взглядом миссис Нолан.

– Почему ты сама у нее не спросишь? Она тебе все расскажет, как это принято у женщин.

– Нет, она похожа на закрытую банку сардин. Я не доберусь даже до первой базы, говоря ее языком.

– Как насчет твоих романов? Ты любимица коллегии адвокатов?

– Ты спрашиваешь меня для того, чтобы разбить мне сердце. Ты же знаешь, я и думать не желаю о другом мужчине, – ответила Кэролайн, шутливо взмахнув ресницами.

– Разве у скромного деревенского жителя вроде меня есть шанс оказаться рядом с такой утонченной девушкой, как ты? – улыбнулся Дэвид.

Ему всегда нравилась Кэролайн. Конечно, она нравилась ему, когда он был совсем маленьким, их отношения развивались поэтапно. С ней было так легко разговаривать, она вечно шутила и ни к чему не

относилась слишком серьезно. Дэвид вздрогнул, вспомнив, что его мать всегда считала их подходящей парой, и с некоторой тревогой заметил, что миссис Пауэр и миссис Нолан с нежностью на них поглядывают.

Кэролайн об этом не подозревала.

– Я никогда всерьез не пыталась завоевать тебя, Дэвид, я ненавижу неудачи. Я чувствую, что с тобой не следует торопиться. Нужно подождать, пока ты не созреешь и не рухнешь в мои объятия, как спелая слива. Может быть, это случится, когда ты расстанешься с какой-нибудь другой женщиной.

Она откинула назад копну темных волос и рассмеялась. Клэр как-то сказала, что у Кэролайн Нолан слишком много крепких, белых, ровных зубов. Это признак больших денег и воспитания. Богатые люди не портят липкими сладостями зубы своим детям и регулярно водят их к стоматологу.

Кэролайн действительно имела на редкость здоровый и ухоженный вид. К тому же она выглядела очень привлекательно. На ней был джемпер лимонного цвета, зелено-золотистая юбка в клетку и большое янтарное ожерелье. Она сказала, что, должно быть, сошла с ума, если поверила монахиням, которые утверждали, что ученая степень – это решение. Это не решение, это задача: что ты потом будешь делать со своим дипломом? К счастью, теперь она бросила скучную секретарскую работу, ее пристроили ученицей солиситора в контору отца, где ей следовало оказаться много лет назад, пока она не состарилась и не поседела.

Она повернулась, чтобы передать тяжелую миску с овощами, и Дэвид обнаружил, что беседует с обладателем маленьких глаз-бусинок.

– Я где-то видел ваше лицо, отец. Вашу фотографию не печатали в газете или где-нибудь еще?

– Надеюсь, что нет. У меня и так плохие отношения с архиепископом. Нет, я не думаю, что встречал вас раньше, – я знаю, что вы из Каслбея. Ваша мать рассказывала мне о вас.

– Я вовсе не так гениален, как она думает, – предупредил Дэвид.

– Она вовсе не выставляла вас гением, – заверил священник.

– Даже не знаю, хорошо это или плохо.

– Но у нас есть общий друг. Анджела О'Хара. Мы с ней познакомились на свадьбе в Риме. О, это было, должно быть, лет

восемь назад. Довольно давно. Но мы все смогли остаться большими друзьями. Поженилась пара по фамилии Куинн...

Дэвид вспомнил, почему священник был ему знаком. Это был отец Флинн, чье круглое лицо сияло на свадебной фотографии в спальне Кевина и Эмер Куинн. Дэвид долго разглядывал снимок, пока Клэр спала в его объятиях на большой кровати, принадлежавшей Кевину и Эмер.

Мать Дэвида совершенно не нравилась Мэри Кэтрин. Она думала, что Клэр еще натерпится от этой дамы.

– Расскажите мне о Каслбее, – весело попросила она, расплываясь в безупречной улыбке и притворяясь, будто ей интересно. – Я слышала, это очень оживленный городок.

– Видимо, вы ослышались, – решительно заявила миссис Пауэр. – Это маленькая община, очень-очень маленькая, но летом она увеличивается примерно в двадцать раз. В последнее время туда приезжает много всякого шумного сброда. А когда-то это был замечательный семейный курорт. Помнишь, Шейла, когда вы все приехали?..

Молли поймала взгляд сына и поняла, что не следует пренебрежительно отзываться о месте, куда Дэвида уговаривали вернуться.

– Но, возможно, восприятие зависит от возраста. Для молодых специалистов – врачей, солиситоров или знатоков гостиничного дела – жизнь в Каслбее прекрасна. А в нескольких милях от побережья живут очень приятные люди. Действительно приятные. Они держат замечательные поместья. – Миссис Пауэр по-совиному клюнула носом.

В душе у Дэвида бушевала настоящая буря. Ни мать, ни ее знакомых ни разу не приглашали ни в одно из этих крупных поместий. Зачем она пыталась пустить пыль в глаза, произнося фразы, которые выставляли ее посмешищем?

– Я хотела этим летом провести там несколько дней. Когда я получу диплом, то вернусь в Штаты, поэтому было бы неплохо поездить по Ирландии, пока есть такая возможность.

Молли растерялась. С одной стороны, девушка говорила, что ее отец работает почтальоном, а мать трудится на швейной фабрике и

развешивает одежду. С другой стороны, Ноланы были уверены, что Джеймс питает к ней серьезные чувства. Какой тон лучше выбрать?

– Что ж, очень мило, дорогая, – уклончиво ответила она. – Обязательно дай нам знать, когда приедешь, и заглядывай в гости.

– Спасибо, миссис Пауэр.

– Ты остановишься у Диллона?

Мэри Кэтрин произнесла, не подумав:

– Думаю, Клэр подыщет для меня кровать.

– Клэр?!

Было слишком поздно. Клэр просила не упоминать ее имени, но оно уже слетело с языка.

– Клэр О’Брайен. Я живу с ней в одной комнате.

Молли Пауэр фыркнула:

– Сомневаюсь, что для тебя найдется место в скромном доме О’Брайенов. Возможно, Клэр толком не рассказывала, как живет ее семья. Их дом не предназначен для приема гостей.

Дэвид побагровел.

Мэри Кэтрин поспешила сменить тему:

– Я неточно выразилась. Я хотела сказать, что Клэр обещала снять для меня жилье. Но боже мой, кто знает, выберешь ли я когда-нибудь на море, ведь впереди так много работы... Кэролайн, твой последний учебный год тоже был одним непрерывным кошмаром?

– Последний год был ужасным. Я не знала, что ты живешь в одной комнате с Клэр О’Брайен.

– Ты никогда не спрашивала, – быстро ответила Мэри Кэтрин.

– Я знаю Клэр О’Брайен, – заявил маленький священник. – Очень умная девушка. Это же она выиграла трехгодичную стипендию вашего графства? Я всегда полагал, что молодежь испытывает колоссальное давление, когда получает такую стипендию...

Преподобный отец беззаботно болтал, ощущая, что в воздухе витает напряжение, но не понимая, откуда оно берется.

– Вы тоже знаете Клэр О’Брайен?! Господи, неужели она так популярна? – сказала Молли и повернулась к Шейле Нолан. – Помнишь их, Шейла? Большая разномастная семья – и ни пенни за душой.

– Не понимаю, о ком ты.

Пустые голубые глаза Шейлы Нолан подернулись дымкой больше обычного.

– Ты должна их помнить, мы часто ходили к ним за мороженым. Хотя мне никогда не нравилась эта лавка. Грязновато.

– Тогда зачем мы покупали там мороженое? – изумилась миссис Нолан.

– Их магазин недалеко от пляжа – вот почему.

– Я бы никогда не купила мороженое в грязной лавке.

Тонкая рука миссис Нолан потянулась к горлу, словно Шейла опасалась микробов, которые там притаились.

– Нет-нет. Речь не об этом. Я просто пыталась объяснить, что это за семья. Одна из дочерей занялась учебой и достигла больших успехов. С ней все в хороших отношениях, кроме нас с тобой...

В голосе Молли Пауэр звучали волнение и досада. Шейла Нолан выглядела растерянной, явно беспокоясь из-за мороженого, купленного и съеденного в антисанитарных условиях.

Отец Флинн, очевидно, разобрался, куда ветер дует, и попросил коллегу, отца Кеннеди, нового vicaria в приходе Ноланов, поведать гостям историю архиепископского сада. Этот безобидный короткий рассказ всех отвлек.

Отец Флинн спокойно посмотрел на Дэвида:

– Люди часто кажутся более жестокими, чем они есть на самом деле. В глубине души они, вероятно, очень добрые.

– Да уж, – пробормотал Дэвид.

– Ешь, не стесняйся. Говядина просто отменная. Держу пари, в больнице тебе такой не дают.

Дэвид промолчал.

– Еда способствует концентрации мысли лучше, чем все остальное.

Дэвиду пришлось улыбнуться:

– Я знал, что беседа со священником таит в себе риски.

– Так-то лучше. Передавай Клэр привет от меня.

– Вы тот, кто помог ее брату?

– Ты, наверное, хороший друг Клэр, если она тебе все рассказала.

Да. К сожалению, от моей помощи было мало толку.

– Клэр говорила, что вы потрясающий.

– Она получит свой диплом с отличием? Она очень хотела этого.

– Думаю, да. Я ее всячески поддерживаю.

Они разговаривали вполголоса и замолчали, когда Кэролайн повернулась, чтобы присоединиться к разговору.

На другом конце стола Молли, прикрыв рот рукой, прошептала Шейле:

– Не могу объяснить почему, но мне никогда не нравилась эта девушка. Она не сделала мне ничего дурного, но я ей не доверяю. Тебе знакомо это чувство?

– Да, – подтвердила Шейла с видом заговорщицы; ее взгляд остановился на Мэри Кэтрин. – Пусть эта американка катится к себе домой – туда, где ей самое место.

– Жаль только, никто не знает, где подходящее место для Клэр О’Брайен и куда ей следует катиться, – тихо посетовала Молли.

Клэр лежала на кровати и читала стихи в разделе некрологов.

– Только послушай, Дэвид, послушай вот это: «Ежегодно в этот день и час вопрошаем, почему ушла от нас». – Клэр покатила со смеху. – Они правда так делают? Каждый год в годовщину ее смерти они собираются вместе и спрашивают: «Что же могло с ней случиться?»

Дэвид сел рядом с ней.

– Почему ты не занимаешься? Ты сказала, что проведешь без меня целый день. Зачем ты читаешь эту чушь? Где твои книги?

Он огляделся вокруг и не заметил никаких признаков учебы.

– Не ругай меня. Как прошел обед? На что это было похоже?

– На обед у Ноланов, сама знаешь.

– Откуда мне знать?

– Мужчины не умеют рассказывать, ты сама говорила. Там было слишком много еды.

– Охотно верю. От тебя пахнет едой, – повела носом Клэр.

– И там был твой друг, отец Флинн. Он приехал в отпуск на несколько дней.

Она просияла, услышав приятную новость, но тут же пришла в замешательство:

– Как он понял, что мы с тобой знакомы?

– Мы говорили о Каслбее.

– Да, – посмотрела на него Клэр. – Дэвид. Что-то еще случилось?

– Мать едва не довела меня до белого каления, и я ушел...

– Расскажи обо всем.

В целом ничего плохого не произошло. Они не узнали ничего нового. Мать Дэвида не считала, что Клэр – само совершенство. Всего-навсего.

Ничего такого, чего бы они уже не знали: что мать Дэвида не думала, что солнце, луна и звезды исходят от Клэр. Вот и все. Почему Дэвид так расстроен?

– Я не хотел идти туда. Я хотел быть здесь с тобой.

– Теперь ты здесь.

Потом они совершили самый смелый поступок в своей жизни. Они ели консервированные груши прямо из банки, капли сока падали вниз, их приходилось слизывать с плеч – или с тех мест, куда они соскальзывали. Они вымазались в сладком грушевом сиропе и залили им кровать. Хохотали до колик в животе. Уронили на пол жестянку и обняли друг друга липкими от сока руками.

– Это и есть убожество? То, что нас окружает? – спросила Клэр.

– Как это ни называй, оно прекрасно, – ответил Дэвид.

Отец Флинн решил отправиться в Каслбей, чтобы посмотреть на все своими глазами. Он забронировал номер в отеле Диллона, нанес визит вежливости отцу О’Двайеру и сообщил Сержанту Маккормак, что слышал о ней много хорошего, вдохновив ее испечь булочки к чаю.

Выбрав подходящее время, он зашел в лавку О’Брайена и рассказал, что Томми поладил с дамой из службы общественного контроля за условиями тюремного содержания. Она приносит Томми книжки с картинками полевых цветов, а тот иногда их срисовывает. О’Брайены восхитились незнакомой англичанкой, которая находит время, чтобы навестить беззубого ирландского парня, сидящего в тюрьме за вооруженный грабеж. Отец Флинн заранее признал, что это должно быть тяжело, но, по его скромному мнению, самое обычное письмо без критики и оскорблений, с простым описанием домашнего быта, сотворило бы чудо. Письма от Клэр приходили бесперебойно. Агнес была горда это слышать. Она заметила отцу Флинну, что младшая дочь никогда не кичилась своими успехами и не проявляла высокомерия.

– Вы, вероятно, надеетесь, что она встретит хорошего человека, выйдет замуж и остепенится? – предположил маленький священник.

– Кто? Клэр? Выйдет замуж и остепенится? Она метит в профессора, не меньше. В детстве она не интересовалась мальчиками, и раньше я думала, что это большая удача. Крисси чересчур интересовалась ими. Но не Клэр. Думаю, через несколько лет она встретит какого-нибудь профессора, но к нам в Каслбей не вернется. Я осознала это в тот день, когда она поступила в среднюю школу.

– А если ей суждено выйти замуж за местного парня и вернуться в Каслбей?

– За кого она может здесь выйти замуж, отец? В приходе нет никого с ее уровнем образования.

Отец Флинн заглянул также к Пауэрам, потому что по характеру был человеком любопытным. Он увидел большой прямоугольный дом, добротный и достаточно крепкий, чтобы противостоять штормам и морским брызгам. Должно быть, его каждый год приходилось покрывать свежей краской. Рядом был разбит большой сад, откуда можно выйти на тропинку, ведущую к морю. Дом не отличался особым изяществом, но выглядел солидно и основательно.

Внутри царил уют. Ни антиквариата, ни старых вещей, хорошая мебель и приятные ковры, объемные композиции из цветов и зелени на подоконниках, столах и полках. Милая горничная с жидкой прической и широкой улыбкой проводила отца Флинна в гостиную, а сама отправилась за хозяйкой. Молли обрадовалась повторной встрече. Она была польщена тем, что священник пришел ее навестить.

Отцу Флинну очень понравился отец Дэвида: прямодушный, приветливый мужчина, который опекал пациентов, руководствуясь старыми добрыми обычаями.

«Вероятно, он выполняет за отца О’Двайера большую часть его работы», – с сожалением подумал отец Флинн.

Пропуская стаканчик за беседой с этим большим теплым человеком, священник восхитился великолепным видом на море и произнес несколько сочувственных слов в адрес немолодого шального пса, наполовину выбритого, наполовину измазанного в красной краске. Отец Флинн рассказал мистеру Пауэру о своей работе с выходцами из Ирландии, которые эмигрировали в Англию, остановился на светлых моментах, а также намекнул на неутешительный вывод: среди

эмигрантов преобладали люди слабые и наименее подготовленные к жизни на чужбине.

Доктор Пауэр описал гостю достоинства и недостатки Каслбея. Здесь никто не умирал от одиночества, как в крупном английском городе, но жители отличались суровым нравом, граничившим с нетерпимостью. За свою почти сорокалетнюю практику доктор повидал немало вопиющих случаев, когда семьи не могли вынести так называемого позора или бесчестья. Он был уверен, что отец Флинн хорошо понимает, о чем речь. Никто не пытался искоренить юношескую любовь и подростковую страсть, а потом люди отказывались мужественно принять закономерные последствия.

По словам Пэдди, он был счастлив, что пережил годы борьбы с туберкулезом, в итоге увенчавшейся успехом. Когда он только приступал к практике, люди скрывали случаи туберкулеза в семье. Болезнь отрицали, пятно на легком считалось позором, который в будущем помешает другим членам семьи заключить удачный брак.

Отец Флинн сообщил, что имел удовольствие познакомиться в Дублине с сыном доктора Пауэра, прекрасным мальчиком. Он поинтересовался у отца планами Дэвида.

Доктор Пауэр точно не знал. Если мальчик решит работать в родном поселке, то чем скорее он вернется, тем лучше. Он ведь захочет найти себе жену, было бы разумнее обосноваться в Каслбее и выбрать невесту здесь, а не вступать в отношения с девушкой из крупного города, где кипит жизнь, чтобы потом умолять несчастную ехать с ним в захолустье. В словах Пэдди сквозила легкая грусть, которая, по мнению отца Флинна, перекликалась с судьбой самого доктора.

– Вы полагаете, он уже встретил ту, кто ему подходит? – поинтересовался отец Флинн.

– Черт возьми, я этого боюсь. Он слишком хорошо проводит время с медсестрами у себя в больнице, – со смехом ответил доктор Пауэр.

Отец Флинн поговорил об этом с Анджелой.

– Вы похожи на жуткую старую сплетницу, – поддразнила она священника.

– Точно. Поэтому я хороший исповедник. Мне никогда не бывает скучно, а еще мне нравится вмешиваться в чужую жизнь.

– Вы вмешиваетесь в дела Дэвида Пауэра и Клэр О’Брайен? – уточнила Анджела.

– Их судьба меня беспокоит, и я знаю только самую малость, – сказал он. – Не знаю почему, но в них чувствуется какая-то обреченность. Это слово все время приходит мне на ум.

– Может быть, это первая любовь, и ничего больше.

– Может, и так, – с сомнением повторил отец Флинн. – Но мне следует сделать над собой усилие и перестать играть в Господа. Лучше расскажи, ты позволишь брату приехать и устроить в поселке переполох?

– Я обещала ему еще в Риме. Я дала слово. Откупилась от него много лет назад. Я не могу сейчас к этому возвращаться. Шон как ребенок. Нельзя отказаться от обещания, данного ребенку.

– Дети порой совершают опасные поступки. Иногда обещания лучше не выполнять.

– Разве Шону опасно возвращаться домой? Он мечтает об этом всем сердцем. Ни у вас, ни у меня детей нет. Мы не знаем, что чувствует отец, который хочет привезти детей к себе на родину. Мы оба считаем, что это блажь. А если Шон вкладывает в это особенный смысл? Вероятно, он должен совершить задуманное. Я переживу это, если придется.

Воцарилось молчание.

Отец Флинн допил чай, с восхищением оглядел уставленную книгами комнату и заговорил совершенно другим голосом, давая понять, что переключился на новую тему:

– Этот Дик Диллон, брат владельца отеля, надо полагать, производит прекрасное впечатление. В целом весьма приятный человек. Очень культурный. Думаю, он тот, на кого всегда можно положиться в трудную минуту.

– Не сомневаюсь, что ваша оценка верна, отец Флинн. Какая жалость, что вы преодолели себя и перестали играть в Господа! Вы упускаете такой случай проявить себя.

Перед отъездом из Каслбея отец Флинн решил купить несколько открыток с местными видами: не аляповатых и кричащих, которые

лежали на каждом углу, а красивых, черно-белых, с тщательно выстроенной композицией – вроде тех, что присылала Анджела. Он спросил Джози Диллон, где они продаются.

– Мы их давным-давно распродали. Раньше я их вывешивала, чтобы порадовать Джерри Дойла, фотографа, который их снял. Но гости предпочитали цветные, и Джерри больше не привозил новых работ. Вы можете зайти в фотоателье Дойла и спросить. У них большая яркая вывеска, вы не пройдете мимо.

Джози Диллон не ошиблась: пройти мимо вывески было невозможно.

Отца Флинна встретил невысокий темноволосый парень, симпатичный, с приятной улыбкой:

– Преподобный отец? Чем могу вам помочь?

– Прекрасное ателье, – с восхищением огляделся отец Флинн. – Не думал, что в Каслбее есть такое шикарное заведение.

– Надеюсь, моя мать, сестра и отец, упокой Господь его душу, вас не услышат. Они тоже считают, что для Каслбея заведение слишком шикарно.

– Простите, я не предприниматель и ничего в этом не смыслю. У меня очень скромная просьба. Я хотел узнать о тех красивых черно-белых уличных снимках. Они были очень хороши. Я сохранил все открытки, которые мне присылали отсюда.

Джерри покраснел от удовольствия:

– Приятно слышать, и в чем проблема?

– Их нет в магазинах.

– Я решил не утруждать себя. Подождите, я поищу.

Он поглядел в ящиках и позвал ассистента. Найти снимки оказалось непросто.

– Видите, я тоже никудышный предприниматель, – ухмыльнулся Джерри.

– Если поиски доставляют вам столько хлопот... – начал отец Флинн.

– Нет уж. Теперь это дело чести.

Джерри наконец-то нашел снимки:

– Вот они.

– Можно мне, пожалуйста... э-э, дюжину разных?

Отец Флинн хотел купить три открытки, но после стольких усилий посчитал себя не вправе ограничиться подобным пустяком.

Джерри взял стопку открыток и протянул их священнику:

– Здесь больше дюжины. Никто их раньше не хвалил. Пусть они будут у вас. Это подарок.

– Очень любезно с вашей стороны... мистер Дойл, – смущенно поблагодарил отец Флинн.

– Все нет. Вы будете рассылать их епископам и священникам и рекомендовать им меня для съемки памятных мероприятий по случаю интронизации и рукоположения.

– Вы очень хороший фотограф. Я с радостью постараюсь найти вам заказы, но уверен, что моя помощь вряд ли нужна.

Отец Флинн снова оглядел большую конторку, ковер на полу, фотографии в рамках на стене. Ателье напоминало крупную городскую студию. Отец Флинн заметил на стене фотографию Клэр. Снимок сделали несколько лет назад, но девушку было легко узнать.

– Это Клэр? – спросил отец Флинн.

– Вы знакомы? – обрадовался Джерри. – Она тогда выиграла премию Мюррея – стипендию в Университетский колледж Дублина. Меня наняли, чтобы сфотографировать победителя. Я не верил, что выберут Клэр. Не питал особых надежд. К счастью, у нее получилось.

– Конечно, она очень много работает. Я познакомился с ней у друзей в Дублине.

Взгляд Джерри, прикованный к фотографии, заставил священника насторожиться.

– Она ни на кого не похожа, – сказал Джерри. – По крайней мере, в Каслбее уж точно. Сомневаюсь, что она вообще родом отсюда. Наверное, ее подменили в детстве. Как и меня. – Он рассмеялся, чтобы обратить свои слова в шутку. – Поэтому я женюсь на ней. Когда она будет готова и выбросит из головы всю эту учебу.

– Хотите привезти ее обратно сюда?

В голосе отца Флинна звучало вежливое сомнение, но внутри он ощутил легкую дрожь беспокойства.

– Нет, – ответил Джерри. – Клэр давно переросла Каслбей. Как только я приведу дела в порядок, я тоже оставлю Каслбей позади.

– Расскажите мне о Джерри Дойле, фотографе, – обратился отец Флинн к Дику Диллону.

– всю жизнь был бедовым парнем. Но женщины не потерпят ни одного дурного слова о нем. Даже благоразумная Анджела О’Хара требует уважительного к нему отношения.

Дик Диллон фыркнул, и отец Флинн поежился на солнце.

Иногда работа в больнице заканчивалась около десяти вечера, и сотрудники шли пропустить пару стаканчиков до закрытия пабов. Но Дэвид никогда не присоединялся к компании. В такие дни он выбегал из больницы и мчался к автобусной остановке.

– Не понимаю, почему это место называется общежитием, – заметил как-то один из врачей. – Ты, например, здесь почти не живешь.

Дэвид ухмыльнулся:

– Я понятия не имел, что придется так часто дежурить. Думал, здесь будет гораздо вольготнее.

– Нет, наверное, дело не в этом. Ты заранее знал, что окажешься взаперти. Ты просто не надеялся встретить такую безотказную девушку.

Рыжеволосый ординатор улыбнулся собственной прозорливости.

Лицо Дэвида Пауэра окаменело.

– Прошу прощения?

– Это всего лишь шутка...

– Мне ни капли не смешно.

– Правда? Что ж, мне очень жаль. Я ведь ничего о тебе не знаю. Совсем ничего.

– Вот именно, ты ничего не знаешь и не имеешь права что-либо предполагать. Точка.

Швырнув халат на спинку стула в комнате отдыха, Дэвид вышел из общежития, белый от гнева.

– Что я такого сказал? – взмолился Бар, обращаясь к пустой комнате.

Было холодно и сыро. Дэвид прождал автобус целую вечность, а потом еще столько же ехал на нем до Ратмайнса. Он все еще пылал от ярости. «Безотказная девушка. Безотказная...» Клэр. Как он посмел?

Дэвид поднимался по лестнице. Он устал и был очень взвинчен. Клэр сидела за импровизированным столом, который они соорудили из досок и строительных кирпичей. На руках у нее были митенки. Она выглядела так мило, что Дэвид невольно залюбовался ею. А еще у нее был утомленный вид и круги под глазами.

– Господи, ты дома? Уже так поздно?

Дэвид обрадовался, когда она назвала их комнату домом, но испытал легкое разочарование, узнав, что Клэр не ждала его и не беспокоилась.

– Много успела сегодня сделать?

– Слава богу, я снова могу заниматься. Я совсем забыла про время и про все остальное. Мужчина внизу кричал, что продает керосин, я сбегала и купила немного.

Клэр с гордостью посмотрела на раскаленную маленькую печку.

– Теперь здесь мило и уютно, – сказал Дэвид. – Что будем есть?

Клэр опешила:

– У нас ничего нет. Я хотела выйти что-нибудь купить.

– Должно же быть хоть что-то. Хотя бы гренки.

– Нет. Ничего нет.

Она открыла маленький шкаф.

– Смотри, прямо как в буфете у старушки Хаббард^[17]. Пусто. Пойдем купим жареной картошки, – предложила Клэр, увидев, как Дэвид расстроен.

– Я только вошел, – буркнул он. – Я устал как собака.

Клэр встала и потянулась за пальто:

– Побудь дома, я схожу принесу картошки.

– Тогда я останусь здесь совсем один, – проворчал он.

Клэр испуганно на него посмотрела. Он никогда раньше так не разговаривал.

– Милая, прости. Я дико устал и едва соображаю, что говорю.

– За что ты просишь прощения? – участливо спросила она. – Отдохни десять минут. Я вернусь, и мы устроим пир.

Клэр наотрез отказалась выпускать его на улицу. Она сняла с него ботинки и подложила ему под спину две подушки. Она отказалась от денег, сказав, что ей хватит. Сегодня она угощает. Она спустилась по лестнице, и его охватило чувство вины.

Разве так следует возвращаться домой? Кричать с порога, как сварливый муж: «Где мой чай?» Это путь в никуда. Они оба так уставали, что едва могли говорить. Ни лишних денег, ни минимальных удобств. Будь у них побольше средств, Клэр могла бы жить в квартире рядом с больницей, в доме без вонючей плиты, грязи, велосипедов и запаха мочи в общем холле.

Ему не сиделось. Он встал, подошел к столу и посмотрел на страницы, исписанные крупным, твердым почерком. Забавно, что Клэр пользовалась старомодным вечным пером и чернилами, а не шариковой ручкой, как все остальные.

В последнее время она углубилась в историю экономики. Эта неделя была посвящена трудам Джона Мейнарда Кейнса... Клэр делала заметки в библиотеке, а дома пыталась упорядочить добытые сведения и представить их в виде схемы. Она была очень смышленной и любознательной. Дэвид вспомнил, что в школе тоже испытывал желание учиться. Как и Джеймс Нолан. Взрослый Джеймс выглядел таким апатичным, что распознать, чувствует ли он хоть что-нибудь, было решительно невозможно. А Дэвид так устал от привычки спать, прислушиваясь, не зовут ли его к больному в палату, что считал жажду познания роскошью.

На столе лежало письмо в коричневом деловом конверте. Дэвид удивился, что отправитель указал адрес их общей квартиры. Никто не знал, где они с Клэр живут. Самым неприятным было то, что в графе адресата значилось имя Клэр О'Брайен, а ведь они заверили домовладельца, что женаты. Судя по почтовому штемпелю, письмо пришло из Каслбея.

Дэвид никогда в жизни не читал чужих писем. В этот раз он нашел себе оправдание. Он хотел знать. Если он спросит прямо, Клэр ответит и все объяснит, но он за вечер уже успел вспылить и найти к чему придрататься, поэтому не доверял себе. Он просто глянет одним глазком, это поможет избежать лишних разговоров. Он вытащил короткое письмо из конверта. На листе красовался логотип «Фотоателье Дойла», а внизу стояла подпись: «С любовью, Джерри».

Клэр купила им по порции шоколадного мороженого на десерт. Продавец предположил, что они настоящие супермены, раз едят мороженое в такую погоду. Она развернула пакет с жареной картошкой

и нашла тарелки. Во время еды они всегда ставили на стол ужасный пластиковый цветок в горшке и шутили, что это цветочная композиция. У них был томатный соус, соль и уксус из магазина. Клэр радостно щебетала о преимуществах жизни в спальном районе, где в любое время дня и ночи можно раздобыть еду.

Дэвид молчал.

– Господи, ты и правда устал. Может быть, тебе стоит провести пару ночей в больнице, а не тащиться сюда?

– Может быть, – ответил он.

– Что-то случилось?

– Нет.

– Тебя что-то беспокоит?

– Письмо, – указал он на стол.

– Какое письмо?

Она встала.

На столе лежало два письма: одно из них – от ее матери на адрес Дамского читального зала Университетского колледжа. Клэр сказала дома, что, если писать туда, письма доходят быстрее.

– Вот это? – Она взяла в руки коричневый конверт.

– Да.

– Если ты его прочел, из-за чего беспокоиться?

Ее голос прозвучал холодно.

– Я не читал. Клянусь тебе. Но я знаю, от кого оно. Мне интересно, почему ты дала ему наш адрес и сказала, что живешь здесь. Это наш секрет. Предполагается, что мы – муж и жена. Какого черта ты впутываешь во все Джерри Дойла? Только не повторяй то, что звучит всякий раз, когда всплывает его имя: если рассказать Джерри, то это не в счет; Джерри и так все знает; все любят Джерри. По-моему, это отвратительно.

Клэр вынула из конверта письмо и прочла вслух:

– «Дорогая Клэр! Я выполнил твою просьбу и чертовски надеюсь, что почтовая служба ничего не потеряет, иначе меня обвинят в воровстве. Здесь вовсю кипит жизнь: Крисси вот-вот подарит тебе племянника или племянницу, Фиона выходит замуж за Фрэнка Конуэя, Джози встречается с достойным мужчиной постарше. Думаю, ты и так знаешь подробности. Из старой гвардии остались только мы с тобой.

Когда все получишь, пришли открытку или весточку, чтобы я был спокоен. С любовью, Джерри».

Она прочла письмо до конца, хотя он пытался протестовать, заявляя, что не желает ничего слышать. Она бросила письмо на кровать, достала из выдвижного ящика сберегательную книжку и швырнула ее вслед за письмом.

– Я попросила Джерри забрать сберегательную книжку из моей комнаты в Каслбее и прислать мне. Я не хотела, чтобы мама спрашивала, зачем мне понадобились деньги. А они мне понадобились, ты – мнительная, узколобая свинья! Потому что теперь, когда я живу здесь, я должна покупать то, чего не покупала, пока жила в общежитии: молоко, хлеб, чай, сахар, суп в пакетах и стиральный порошок. А еще я плачу часть аренды за жилье. На это нужны деньги, а у меня не осталось ни пенни. Я еще должна Валери три фунта. Поэтому, чтобы не выглядеть содержанкой или иждивенкой, чтобы не чувствовать себя нищей Клэр О’Брайен, связавшейся с богатым Дэвидом Пауэром, я попросила прислать мне сберегательную книжку.

Ее глаза пылали яростью.

– Я попросила Джерри прислать все сюда, потому что не хотела, чтобы такая ценная вещь, как сберегательная книжка, на которой лежат шестьдесят три фунта – эти деньги я копила три года, – потерялась в колледже или в общежитии. Джерри Дойлу наплевать, где я живу – здесь или на вершине Дублинских гор! Поэтому я дала ему этот адрес. И я не собиралась говорить ему, что притворяюсь твоей женой, поэтому письмо адресовано мне. А хозяин комнаты верит в то, что мы женаты, не больше, чем в то, что не берет с нас лишнего.

Пока Клэр говорила, ей на лицо упали волосы. Она взяла свою тарелку с картошкой и грубо ссыпала ее содержимое в тарелку Дэвида.

– У меня пропал аппетит. Я готова на что угодно, лишь бы не ужинать с таким подлецом, как ты.

– Прости... Пожалуйста! – взмолился он.

– Нет. Я ухожу. И не вернусь до завтра, пока ты не уйдешь.

Она схватила свои записи, положила их в спортивную сумку и вытащила ночную рубашку из-под подушки.

– Клэр, на улице дождь...

– Я уже выходила под дождь, чтобы принести тебе ужин, разве нет? Чтобы ты успел устроить обыск и выдвинуть обвинения. Пошел к

черту!

Она бежала быстрее, чем он, и запрыгнула в последний автобус в сторону центра.

Клэр вышла и, оглядываясь по сторонам, проскользнула на задний двор общежития. Она взобралась по скобам на стене, молясь о том, чтобы Валери и Мэри Кэтрин не было на месте. Но этим вечером никто не отвечал на ее молитвы.

Подруги читали журналы и слушали Криса Барбера на маленьком портативном проигрывателе. Когда разъяренная и промокшая Клэр влезла в окно, они покатались со смеху. Они хохотали, когда просили одну из самых юных и робких обитательниц общежития принести для них чай. Они заливались смехом, пока искали большое банное полотенце и готовили для Клэр ванну в большой и обшарпанной ванной комнате в конце коридора.

Они поняли, что одного чая окажется мало, поэтому достали из ящика стола бутылку бренди. Клэр тоже рассмеялась. Она вытерла волосы и вкратце рассказала им свою историю, потягивая чай с капелькой бренди. А потом она легла на третью кровать и уснула.

Валери и Мэри Кэтрин сражались, как две тигрицы, чтобы к ним не подселили третью соседку. Они напомнили монахиням, что Клэр заплатила за место в общежитии до Пасхи, и великодушно предположили, что сестры во Христе не пойдут на обман и не будут взимать двойную арендную плату, так ведь? Мэри Кэтрин втайне была уверена, что Клэр вернется: американка чувствовала, что роман с Дэвидом не продвинется дальше первой базы^[18]. Но когда Клэр с улыбкой устроилась на своей старой кровати, Мэри Кэтрин деликатно промолчала. Как и Валери.

– Мне правда жаль. Я выгляжу полной идиоткой, – призналась Клэр.

– Ерунда, сейчас ты выглядишь намного милее, – сказала Валери. – Теперь мы точно знаем, что ты нормальная и больше не проповедуешь мир и покой настоящей любви. От этого всех тошнило.

За утренним кофе Бар принес Дэвиду извинения:

– Вчера вечером я сболтнул лишнего. Я вовсе не хотел проявить неуважение.

– Разумеется. Все в порядке. Спасибо, – пробормотал Дэвид.

– Ты весь какой-то потрепанный. Не сочти за грубость, но с тобой все в порядке?

– Конечно, я в порядке.

Дэвид допил кофе и вернулся к пациентам.

Он потратил около трех часов на уборку квартиры. Вынес весь мусор, включая несъеденную картошку. Утром сходил в магазин и купил чай, кофе, молоко, сахар, кукурузные хлопья, сардины и апельсины. Покупки разложил так аккуратно, как только мог. А еще он купил вазу и оставил ее на столе вместе с запиской:

Это для цветов, которые я хочу подарить тебе сегодня вечером. Я пойму, если ты откажешься меня видеть. Но это разобьет мне сердце. Ты – все, о чем я когда-либо мечтал и на что надеялся. Ты – это гораздо, гораздо больше. Вчера вечером я не считал, что действую как узколобый кретин. Теперь я осознал, что вел себя именно так. Я не прошу, чтобы ты обняла меня, сказала, что все в порядке и ты меня прощаешь. Я хочу, чтобы ты правда простила меня и поверила, что я буду любить тебя, пока жив. Я не вижу ни просвета, ни способа обратить случившееся в шутку и развеселить тебя. Я просто надеюсь, что мы сможем снова смеяться, а серый мир вокруг опять обретет краски. Прости за то, что обидел тебя. Я могу причинить себе сколько угодно боли, но это не исцелит боль, которую я причинил тебе.

Дэвид переписывал записку снова и снова, стараясь не использовать избитые фразы. Он пытался выразить то, что чувствовал сам. Но он был подавлен, как никогда прежде, и в конце концов написал так, словно записку сочинял кто-то другой. Возможно, ему следовало просто нарисовать на открытке сердечко или зайти за ней в общежитие вчера ночью. Он позвонил из телефонной будки и попросил соединить его с Мэри Кэтрин. Дежурная монахиня осведомилась, знает ли он, который час, и отрезала, что все юные леди уже в постели. Она предложила оставить сообщение, если случай действительно экстренный. Дэвид повесил трубку. Наверное, он мог сказать больным, взять выходной и ждать у подножия тайной

лестницы, ведь Клэр не могла покинуть общежитие обычным путем. Или нужно было отправиться в холл Университетского колледжа и ждать, пока Клэр не придет на лекции.

Он размышлял об этом почти все утро, пока курсировал между кроватями.

Когда он проходил мимо регистратуры, сотрудник вручил ему записку:

– Только что передали для вас, доктор Пауэр.

Он узнал размашистый, твердый почерк.

Это была всего лишь наша первая ссора. Не более. Конечно же я люблю тебя. Я вспыхнула, вышла из себя и тоже очень жалею об этом. Мне стыдно, что я убежала и оставила тебя одного, усталого и подавленного. Я люблю тебя и с нетерпением жду цветов и всего остального, что придет тебе в голову сегодня вечером.

Они часто уставали так, что не могли разговаривать. У них не оставалось сил, чтобы заниматься любовью, когда они ложились в постель. Но эта усталость их не раздражала. Они с нетерпением ждали положенных Дэвиду выходных дней и планировали их распорядок до мельчайших деталей. Они ходили в зоопарк, который зимой был почти пуст от посетителей и потому прекрасен. А однажды они поехали в Брей на поезде и поднялись на холм Брей-Хед, чтобы увидеть все графство Уиклоу и графство Дублин.

Иногда они выходили куда-нибудь поужинать, а однажды вечером пошли в кино с Мэри Кэтрин и Валери. Но они мало общались с сотрудниками больницы и не искали встреч со старыми друзьями. Джеймс потерял интерес к Мэри Кэтрин и увлекся светской жизнью, вращаясь в высоких кругах. Но Дэвиду и Клэр он был не нужен. Им не нужен был никто, помимо друг друга.

Они решили пока не думать о будущем. Дэвид ходил на собеседования в больницы, чтобы определиться с местом работы после года интернатуры, который в июле подходил к концу. Клэр твердо решила получить диплом.

В сентябре следующего года они оба будут зарабатывать деньги и смогут позволить себе жилье получше. Они не заговаривали о свадьбе,

лишь вскользь упомянув эту тему: никто из них не спешил навлекать на себя бурю. Здесь, в Дублине, в их собственном маленьком мире, ничто не имело значения, никто их не беспокоил.

Все было бы просто великолепно, если бы ничего не случилось.

В преддверии Пасхи произошли два события.

Доктор Пауэр пережил легкий инсульт.

Клэр обнаружила, что беременна.

Его нашла Анджела. Он как раз садился в машину, которую припарковал в четверти мили от гольф-клуба, чтобы немного пройтись. Он перевязал бармену палец, прочитал убедительную лекцию об опасности острых ножей и объяснил, что не так уж важно, мелко нарезан лимон для коктейля или нет, важно держать режущие предметы подальше от мест, которые можно поранить.

Он бодро зашагал к машине, а потом вдруг заметил, что все вокруг потемнело. Он понял, что вот-вот упадет в обморок, и опустился на землю. Он пытался позвать на помощь, но тут у него зашумело в ушах, и он догадался, что теряет сознание.

Анджела развешивала на улице одежду и видела машину. Она уже собиралась обратно в дом, как вдруг заметила на земле знакомую черную сумку. Она быстро подбежала и оказалась рядом, когда доктор пришел в сознание.

– Вы что, упали? – спросила она.

– Не, Джанжелха, – сказал он. – Търял шешнанье...

Его голос звучал очень странно. Как будто он был пьян. Анджела повела себя практично, как он и ожидал.

– Подскажите, что делать. Отвечайте «да» или «нет». Вы сможете встать с моей помощью?

– Да.

– Мне открыть дверь и посадить вас в машину?

– Да.

Он снова попытался заговорить, но Анджела уже открыла дверь, и грузный мужчина уселся на пассажирское сиденье.

– Вы хотите, чтобы я позвала вашу жену или чтобы я позвонила в городскую больницу? Простите. Я забыла, что вы можете отвечать только «да» или «нет». Мне позвать миссис Пауэр?

– Не.

– Позвонить в больницу?

– Не. Шдись жа руль.

– Нет, доктор Пауэр. Я готова проклинать себя на все лады, но я не умею водить машину. Я попрошу кого-нибудь вас отвезти... Безопасно ли оставлять вас одного?

– Да. Бжпашн.

– Очень хорошо, я возьму велосипед и вернусь через пять минут.

– Анджеала...

Он казался взволнованным.

– Доверьтесь мне. Я найду нужного человека. Вам лучше остаться здесь или проводить вас ко мне домой?

– Шдеш.

Он видел размытые пятна велосипедных колес, а затем услышал звук подъезжавшей машины. К нему подошли Дик Диллон и Джерри Дойл. Те двое, кого бы он выбрал сам из всех жителей Каслбея.

В больнице с ним обращались крайне обходительно, тщательно скрывая потрясение при виде врача, который сам нуждается в госпитализации.

Вскоре рядом оказался один из его самых старых друзей – Тим Дейли.

– Удар был легким, Пэдди. Нужно гораздо больше, чтобы усадить тебя в инвалидное кресло, – успокоил он.

Именно этого хотел Пэдди Пауэр: ни модной болтовни, ни притворства, будто ничего не произошло. Он мог распознать инсульт, когда видел его, и уж тем более – когда пережил сам.

Он указал на свой рот:

– Рещщщ.

– Разумеется. Это длится день или два даже при легком инсульте, ты же знаешь.

– Бок.

– То же самое. Эта сторона не парализована в строгом смысле этого слова, она просто онемела.

– Да.

Лицо доктора Пауэра было печальным.

– Может, мне самому съездить к Молли и сказать ей, что ты пробудешь здесь несколько дней? Может, мне ее привезти? – спросил Тим Дейли.

– Давеко.

– Вовсе нет. Это не проблема. Ты хочешь, чтобы я рассказал Дэвиду? В этом нет необходимости, ты прекрасно знаешь. Ты можешь подлечиться и выйти, и он никогда не узнает. Ты этого хочешь?

– Да.

– Поспи немного, Пэдди. Я знаю, это трудно, но это пойдет тебе на пользу...

– Тим... Тим... замена. – Он напряг все свои силы.

– Я обо всем позаботился. Я говорил с ним три недели назад, так что тебе нечего опасаться. Я просил тебя подменить, чтобы ты мог нормально отдохнуть или, может быть, съездить куда-нибудь на недельку вместе с Молли.

Доктор Пауэр закрыл глаза, убедившись, что все под контролем.

Тим Дейли не ошибся. Удар был очень легким. Настолько легким, что его даже не называли инсультом. По глубокому убеждению доктора Пауэра, мысль о том, что врача, принимающего ее первые роды, может в любую минуту разбить паралич, никак не могла придать молодой матери сил и уверенности. Поэтому доктору Пауэру диагностировали небольшой нервный приступ, и никто в Каслбее в этом не усомнился. Его заместитель был милым человеком и ничуть не обижался, когда пациенты заявляли ему, что дождутся возвращения доктора Пауэра, прежде чем снимать швы или сдавать кровь на анализ. Если уважаемый врач, конечно, не против.

Доктор Макки долгое время жил в промышленных городах на севере Англии. Он считал, что Каслбей – это лекарство, которое следует разливать по бутылкам по всему миру и отпускать по рецепту тем, кто испытывал напряжение или тревогу.

«Вы можете в это не верить, но тем не менее здесь тоже немало напряженных и встревоженных людей», – сказал ему Пэдди Пауэр.

Он, доктор Макки и Тим Дейли обсуждали прогресс. Пэдди выписался из больницы неделю назад. Доктор Макки готов был его замещать еще десять дней. Речь полностью нормализовалась, онемение бесследно прошло. Но Пэдди согласился, что это был первый звонок. Он также не спорил с тем, что рекомендовал бы любому человеку в схожей ситуации резко сократить активность. Он больше не сможет принимать ночные вызовы. Ему придется отказаться

от длительных поездок по тряским дорогам для осмотра пациентов на дому. Пэдди был нужен помощник. Поскольку два врача не могли прожить на одно жалованье, Пэдди требовался ассистент помоложе. Тот, кто в будущем займет его место. Дэвид.

– Я написал ему. Такое легче написать, чем сказать.

– Вы не так уж о многом просите, – сказал доктор Макки. – Вы предлагаете готовую практику. Вы научите его всему, чего он еще не знает. Вы же не собака на сене, не будете изо всех сил поддерживать собственную репутацию. Идеальный расклад для молодого врача.

Доктор Пауэр вздохнул:

– Да, но этот молодой врач был полон решимости заниматься педиатрией, затем акушерством, а потом еще бог знает чем... у него и в мыслях не было возвращаться прямо сейчас. Именно это я ему и сказал. Сказал, что знаю: время очень неподходящее. Он приезжает завтра. Больница предоставила ему отпуск по семейным обстоятельствам. Ему пришлось сказать, что я был на пороге смерти.

Вошла Молли, а следом за ней – Нелли с чайным подносом. Молли всех удивила своим спокойствием. Они ожидали истерик, а вместо этого увидели деловитую, практичную женщину. Молли даже согласилась не ставить Дэвида в известность до тех пор, пока они не оценят масштаб проблемы.

Тим Дейли решил, что недооценивал миссис Пауэр. Он часто говорил собственной жене, что Пэдди заслуживает кого-то менее изнеженного и привыкшего к городской жизни, чем Молли. Возможно, он ошибался. Во всяком случае, в юном Пауэре – рослом, крепком, красивом, смышленном парне – он не сомневался никогда. Тим Дейли снова вздохнул, подумав о капризах судьбы, которая подарила ему пять дочерей и ни одного сына.

Дэвид узнал о болезни отца еще до того, как получил от него письмо. Анджела прислала ему весточку почти сразу. Она сетовала, что с возрастом разучилась заниматься собственными делами и не совать нос в чужие. На случай если Дэвиду понадобится больше времени для раздумий, чем ему собирались предоставить, Анджела предупреждала, что через несколько дней он получит письмо и узнает о, предположительно, легком инсульте. Приступ не угрожал жизни его отца, но означал, что Дэвид может понадобиться дома гораздо раньше,

чем ожидалось. Анджела сообщила, что не ждет ответа на письмо. Просто она понимает, что кое о чем лучше узнать заранее. Анджела отправила письмо на адрес больницы. И хотя она никак не упоминала об этом, Дэвид был уверен, что она не написала Клэр. Анджела просто дала ему время подумать. Новость была плохой, но в глубине души Дэвид поблагодарил мисс О'Хару.

Он размышлял. Трижды его упрекнули за невнимательность, а один пациент заявил, что Дэвид выглядит так, словно витает мыслями на другой планете.

Дэвид зашел в бокс отделения интенсивной терапии и сел на кровать. Предположим, он вернется домой. В июле, когда подойдет к концу его год в интернатуре. Предположим, Клэр продолжит учебу, мотаясь из Каслбея в Дублин и обратно. Предположим, она получит диплом бакалавра и поступит в магистратуру. Магистерскую диссертацию можно писать где угодно. Дэвид совершенно в этом не разбирался. Можно работать над диссертацией, находясь в Каслбее?

Он позвонил в приемную комиссию университета, но голос в трубке упрямо твердил, что ему следует подойти и обсудить это лично.

– Черт возьми! – вскричал Дэвид. – Должно же быть какое-то правило. Могут люди получить степень магистра, не посещая университет, или не могут? Да или нет? Неужели так трудно ответить?

Либо вопрос действительно оказался сложным, либо тон Дэвида был слишком резким, чтобы рассчитывать на ответ.

Он не мог больше прятаться в боксе, пора было возвращаться к работе.

До сих пор он ничего не скрывал от Клэр. Не было никакого смысла ходить вокруг да около и пытаться получить несуществующую информацию о магистратуре. В любом случае их будущее связано воедино. Клэр должна знать все, что знает он.

Он не будет ни умолять, ни упрашивать. Не будет уговаривать ее вернуться домой. Не станет извиняться за болезнь отца. Не будет кормить ее красивыми сказками о том, как сильно Клэр полюбит свою свекровь, если выйдет замуж за Дэвида. Он ни о чем не умолчит. Он должен сказать ей.

Автобуса не было, поэтому Дэвид решил пройтись. Вдруг он увидел Клэр. Она задумчиво брела по дороге, засунув руки в карманы.

– Ты вышла мне навстречу! – воскликнул он.

– Да. Я подумала, может, сходим куда-нибудь просто выпить?

– Отличная мысль.

Он взял ее за руку.

Ему предстояло сказать ей, что их жизни в Дублине, их свободе и учебе пришел конец. Было проще сделать это в пабе.

Он отнес напитки к угловому столику. Он хотел сказать ей сразу, без промедления.

– Дэвид. Тебе это не понравится. Но откладывать разговор бесполезно. Я беременна.

Повисло долгое молчание.

– Мне очень жаль. Но это подтвердилось. Я отправила анализы на Холлс-стрит. Ответ утвердительный, и я... Что ж, я знаю...

– Этого не может быть... мы принимали все меры.

– Значит, их оказалось недостаточно.

Клэр выглядела очень маленькой, юной и испуганной.

– Ох, Клэр, – протянул он. – Что будем делать?

– Не знаю. У меня было две недели, чтобы задавать себе этот вопрос и волноваться. Я до сих пор не знаю ответа.

– Ты должна была сказать мне.

– Зачем? Глупо пугать сразу двух человек до смерти, если не знаешь наверняка.

– И это наверняка? Точно-преточно?

– Да, Дэвид. Точнее некуда.

Он обхватил голову руками.

– Боже, – простонал он. – Господи боже, за что такая несправедливость? Отнимать все, что есть.

Ни он, ни она не прикоснулись к бокалу. Рядом не было никого, кто мог бы их услышать или догадаться о предмете их разговора.

Она сидела с безучастным видом, полностью замкнувшись в себе. Надеялась, что он прикоснется к ней, обнимет. Но почувствовала, что готова убить его, если он попытается.

Дэвид отнял голову от ладоней. Его лицо покраснелось, волосы были взъерошены.

– Прости меня, – попросил он.

– За что?

– За то, что это произошло. Я вроде как врач. Должен кое-что смыслить в медицине.

– Не беспокойся об этом. Это не экзамен. Никто не поставит тебе плохую оценку и не отнимет набранные баллы.

– Клэр!

– А что еще тут можно сказать?

– Не знаю. Наверное, нужно подумать, что делать дальше...

Она молчала.

– Строить планы... Просто это такой шок. И такой чертов стыд. И это случилось именно сейчас.

– Да, – согласилась она.

Ее лицо казалось маленьким, белым и обиженным. Он вдруг вспомнил, что не успел рассказать об отце. Она даже не подозревала об этом. Он понимал, что она оказалась в положении, которого больше всего боялась каждая девушка в каждом ирландском городе – не важно, большом или маленьком. Клэр попала в большую беду.

Он потянулся к ее руке.

– Мы справимся, – пообещал он.

Она отдернула руку.

– Ты не притронулась к своей пинте, – смущенно заметил Дэвид.

– Ты тоже.

Бокал выглядел слишком большим, у пива был кисловатый привкус.

– Я, пожалуй, возьму бренди. Ты не хочешь? Чтобы справиться с потрясением. Считаю, что это предписание врача.

Он натянуто улыбнулся.

– Нет, спасибо, – отказалась Клэр.

Когда он вернулся, она перегнулась через стол:

– Мне ужасно, ужасно жаль, Дэвид. Я больше ничего не могу сказать. Я знаю, как это, должно быть, страшно для тебя. Я пытаюсь сохранять спокойствие и думать о том, что, черт возьми, мы собираемся делать. Но ты, вероятно, еще не знаешь, что чувствуешь. Вероятно, для тебя это все еще нереально.

– Да. Верно, – сказал он, благодарный за то, что она это поняла.

Снова воцарилось молчание. Дэвид допил бренди.

– Пойдем домой?

Они встали и направились к выходу, стараясь держаться чуть порознь и боясь прикоснуться к друг к другу.

На улице в желтом свете фонарей их лица казались более напряженными. Они молча добрались до автобусной остановки, где меньше часа назад Дэвид решил не дожидаться автобуса. В автобусе они тоже не разговаривали. Раз или два они посмотрели друг на друга, будто желая что-то сказать, но слова не шли с языка.

Примерно за две остановки до той, которая была им нужна, Дэвид встал и робко спросил:

– Выйдем здесь?

– Да. Конечно, – прозвучал вежливый ответ.

При обычных обстоятельствах она бы потребовала объяснений, шутила и спорила.

Они стояли на берегу канала.

– Давай пройдемся, – предложил Дэвид.

Они шли молча и оба замедлили шаг, когда к ним подплыли два лебедя.

– У меня с собой только жевательная резинка, – сказала Клэр, и ее голос звучал почти как обычно. – Думаешь, она им понравится или у них слипнутся клювы?

– Ты выйдешь за меня?

– Что?

– Ты выйдешь за меня замуж? Пожалуйста.

– Дэвид...

Ее голос был тихим и неуверенным.

– Пожалуйста, – повторил он.

– Дэвид, тебе пока необязательно ничего говорить. Не говори сейчас ничего. Я не жду от тебя этого... Тебе не нужно этого делать. Честно. Мы все обсудим и выстроим план, это не конец света.

– Клэр... я люблю тебя, – просто сказал он.

– И я тебя люблю. Так было и будет всегда.

– Значит, – произнес он, и его глаза просияли, – мы поженимся. Лучше сейчас, чем позже. Правильно? Скажи «да». Скажи: «Да, Дэвид».

– Ты знаешь, я бы с удовольствием, но есть и другие возможности, другие варианты, которые следует рассмотреть.

– Нет, не с нашим ребенком. Только не с нашим собственным ребенком. Других вариантов у нас нет.

Клэр уставилась на него, и ее глаза наполнились слезами.

- Ты не дала мне ответа, как это бывает в сказках.
- Он сторгал от нетерпения, не зная, что она скажет.
- Она взяла его лицо в ладони:
- Если ты говоришь серьезно...
- Это не ответ, а предположение, – перебил он.
- Я с радостью выйду за тебя. Да. Конечно же да.

Они дошли пешком, купив по пути жареной картошки, вино и шоколадный торт. Ужинать уселись рядом с керосиновой плитой, чтобы думать о будущем и строить планы.

- Может, поженимся здесь? В Дублине? Дома я этого не вынесу.
- Моя жена не должна так отзываться о самом знаменательном дне в нашей жизни!
- Ты понимаешь, о чем я.
- Да. Конечно, мы поженимся здесь. Или в любом другом месте. Где захочешь. Лондон. Париж. Рим.

– А потом мы вернемся, купим квартиру побольше,ждемся экзаменов и рождения ребенка. Выпускные экзамены пройдут в конце сентября, а ребенок появится на свет на третьей неделе октября. У меня в запасе почти месяц.

- Дэвид сжал ее руку.
- Просто чудесно, – повторил он.
- Я так рада, что ты доволен. Я боялась, что, когда ты получишь работу в больнице, не захочешь возвращаться ночью домой к ребенку.
- Она улыбнулась, он промолчал.

– Это же не то, к чему мечтает вернуться молодой медик, младший больничный врач: квартира с подгузниками и студентка-жена...

Внезапное молчание Дэвида ее обеспокоило.

– К счастью, я могу работать дома, я обсуждала это с одной аспиранткой. Она заверила, что если тебя не теряют из вида, в университете знают, что ты занимаешься и ходишь на консультации примерно раз в неделю, то ты не обязан каждый день являться на занятия.

- Ох...
- Что с тобой?

И тогда Дэвид рассказал о болезни отца и необходимости вернуться в Каслбей.

Своим письмом Анджела подарила им пять дней. Пять ужасных дней. Они то злились друг на друга, то сливались в объятиях. Временами пытались спокойно рассмотреть варианты, но альтернативы не было. Иногда Клэр насмеялась над ним и говорила, что он маменькин сынок. Мужчина не должен отказываться от карьеры. Подчас Дэвид ранил ее, упрекая в том, что ее любовь ничтожна и неглубока, если зависит от адреса. Настоящая любовь выживет в любом месте.

Они знали врача, к которому Клэр могла обратиться. Его исключили из медицинского реестра, и тем не менее он практиковал аборт. Он имел квалификацию врача, поэтому Клэр ничем не рисковала. Тогда они смогут снова думать о будущем. Но они никогда не упоминали об этом всерьез. Рождение собственного ребенка казалось им чудом, единственным светлым моментом посреди слез и смятения. Вычеркнув ребенка из уравнения, они не решали ни одной проблемы. Беременность и непростая беседа с родителями были не самым важным событием.

Труднее всего было вернуться назад.

Ни один из них не хотел этого делать.

Дэвид возвращался в Каслбей.

Так обстояли дела, когда он получил письмо от отца.

Клэр плакала, когда читала письмо. Пожилой мистер Пауэр был великодушен и относился к чувствам сына с большим пониманием. Старик записал на бумаге все, о чем Дэвид и Клэр говорили целую неделю. Доктор Пауэр так сожалел о необходимости вызвать сына домой, что, по его словам, едва нашел в себе силы сесть за письмо. Он ясно дал понять, что не может просить о помощи другого врача, чтобы подарить Дэвиду три или четыре года свободы. Отец почти бесстрастно сочувствовал сыну.

*Нам обоим в тягость этот эмоциональный шантаж.
Мне невыносимо оттого, что я обращаюсь к тебе с
просьбой вернуться, а тебе трудно отказаться от планов*

на будущее. Но я должен тебя попросить, а ты должен ответить «да» или «нет». Если бы я умер, то упростил бы твою задачу. Если бы ты не захотел перенимать мою практику, то мог бы этого не делать. Твоя мать могла бы переехать в Дублин, никто бы сильно не пострадал и не разочаровался в жизни. Боюсь, тебе предстоит более сложный выбор, и я это прекрасно понимаю.

Все, что в моих силах, – это постараться как-то скрасить твою участь. Ты знаешь, что наш с матерью дом принадлежит тебе, но независимая жизнь отдельно от родителей принесет тебе больше радости. Мы можем обустроить для тебя садовый домик, чтобы обеспечить твое право на личную жизнь. Ты больше не будешь чувствовать себя маленьким ребенком. Правда, у доктора в нашем поселке личная жизнь вряд ли окажется чересчур бурной, если ты понимаешь, о чем я. Все это очень тяжело для тебя, мой мальчик. Я ненавижу себя за то, что мне пришлось тебе написать...

Точно. В родительском саду размером в пол-акра стоял маленький домик. Ему требовалась новая крыша. Внутри четыре комнаты. Нет кухни, все удобства на улице. Пауэры давно хотели привести домик в порядок, но пока хранили в нем лишнюю мебель. Теперь там поселятся Дэвид и Клэр.

Они ехали на поезде вместе.

На этот раз они вели себя тихо, глядя, как мелькают поля и телефонные провода. На одном полустанке, где поезд замедлил ход, они заметили детей, которые радостно махали пассажирам. Ребенок лет шести держал на руках пухлого младенца, тот изо всех сил размахивал полными ручонками и широко улыбался, обнажая свой первый молочный зуб. Дэвид и Клэр машинально взяли за руки. К Рождеству у них появится такой же малыш. Чуть поменьше, без зуба, но примерно такой. Они ободряюще улыбнулись друг другу. Они молчали не от досады или отчаяния. Просто они так подробно обсудили свой план, что больше не хотели даже упоминать о нем.

План был тщательно продуман. Клэр останется в поезде, а Дэвид выйдет одним из первых. Его встретит Молли, и Дэвид как можно быстрее уедет домой вместе с матерью. Клэр попросила Анджелу найти кого-нибудь, кто мог бы ее забрать с вокзала. Для этого она позвонила Анджеле в школу и почти видела перед собой неодобрительное лицо Иммакулаты, снявшей трубку.

Клэр сказала, что по причинам, которые она объяснит позже, ее не должен встречать Джерри Дойл. По причинам, которые она тоже огласит позже, она выйдет из поезда последней из пассажиров. И не раньше, чем миссис Пауэр покинет парковку. Анджела заверила Клэр, что прекрасно все поняла.

Ей стало дурно, когда Дэвид прошел через турникет. Он не оглянулся, как они и договаривались.

Проводник прошел по вагону и собрал все газеты. Только тогда Клэр вышла на перрон.

Контролер у турникета очень удивился:

– Ты вышла только сейчас? Я собирался уйти выпить чаю. Ты что, заснула в поезде?

Клэр улыбнулась счастливчику, которого беспокоил только собственный чай.

На автостоянке стоял Дик, с энтузиазмом махал рукой и подошел, чтобы взять ее сумку.

Молли Пауэр была в водительских перчатках. Ей сказали, что в них удобнее держать руль. Дэвид заметил, что мать очень хорошо выглядит: свежая прическа, симпатичный шерстяной костюм-двойка нежно-зеленого цвета. Это была совсем не та суетливая, неуверенная в себе дама с ярким макияжем, которую он встретил несколько месяцев назад в доме Ноланов.

К болезни мужа она относилась спокойно и деловито. Она понимала причины, вызвавшие инсульт, и соглашалась с тем, что Пэдди необходимо снизить рабочую нагрузку. Она не паниковала и не тревожилась понапрасну. Молли лестно отзывалась о докторе Макки, заместителе отца, радовалась тому, что Дэвид так быстро вернулся домой, и пересказывала беседу с Бампером Бирном по поводу ремонта садового домика.

Дэвид вглядывался в лицо матери, силясь угадать, как через пару часов она отреагирует на новость о том, что Клэр О'Брайен станет ее невесткой.

С Диком Диллоном было легко. Он говорил о вещах, а не о людях. Клэр спросила, как научиться водить машину, и Дик ответил, что это проще простого. Он указал на педали у себя под ногами и пообещал объяснить ей теорию еще до въезда в Каслбей. И действительно выполнил свое обещание. Справа налево: газ, тормоз, сцепление.

Дик сообщал, что делает, а она внимательно следила за каждым движением его больших ног в аккуратно зашнурованных блестящих коричневых ботинках.

– Сначала выжать сцепление и слегка надавить на газ. Потом, плавно отпуская сцепление, постепенно прибавить газу, – взволнованно повторила Клэр. – А теперь вы ставите ногу на педаль тормоза, чтобы снизить скорость на перекрестке?

– Я хочу остановиться перед этим перекрестком, мадам, потому что вижу большой знак с надписью «Стоп».

– Здорово. Я разобралась. Я получу права, как только смогу.

Она должна научиться водить машину. Если она поселится в саду Молли Пауэр, ей предстоят долгие поездки.

Пэдди внимательно выслушал сына. Дэвид сказал, что хотел поработать несколько лет в больницах Дублина, набраться опыта и жениться на Клэр. Но обстоятельства сложились иначе, поэтому он рад вернуться в Каслбей, чтобы приступить к семейной жизни и практике одновременно.

Отец выглядел задумчивым.

– Вы не слишком молоды, чтобы заводить семью? Клэр еще нет двадцати, ну или едва исполнилось двадцать. Она еще очень молода.

– Нет.

Дэвид был тверд: обстоятельства изменились, поэтому они поженятся сейчас, точнее, через несколько недель, в Дублине.

– Выходит, Клэр беременна.

– Мы очень-очень рады, – с вызовом заявил Дэвид.

– Я этого не исключаю. Но разве так следует начинать семейную жизнь? Разве это хорошо для такой молодой девушки, как Клэр, и для

ребенка?

– Папа, хорошо это или нет, но наша семейная жизнь уже началась. Мы ни на секунду не задумывались о том, чтобы ее прекратить.

– Нет-нет, я вовсе не об этом. Я рад за вас.

– В общем, я пытаюсь сказать, что, как только мы поговорим с мамой, а Клэр – со своими родителями, мы с ней просто сделаем то, что собирались.

– Клэр в Каслбее?

– Да.

– Ты не... Молли не упоминала, что она была с вами.

– Мы решили, что лучше появиться на вокзале порознь.

Доктор Пауэр глубоко вздохнул.

– Папа, мне жаль, что приходится вот так сообщать тебе об этом.

– Дэвид, ты очень безответственный.

– Надеюсь, ты понимаешь, что мы этого не хотели. Но, как ты знаешь, иногда это просто случается. Думаю, за годы, проведенные здесь, ты многое повидал.

– Да, но я не ожидал, что это случится с моим собственным сыном. Тебе не следовало использовать эту девушку в своих интересах. Просто потому, что ты знал ее с детства и знал, что она робкая по характеру. Это нечестно.

– Я не использовал ее в своих интересах. Ты не понимаешь. В Дублине никто не считает Клэр убогой бедняжкой из магазина. Так о ней думают только в Каслбее, причем далеко не все. Только мама и еще несколько человек. Неужели ты тоже из их числа?

– Я не из их числа, сынок, я сам по себе. И я понимаю, ты расстроен. Просто говорю, что мне очень жаль. Я не хотел, чтобы это случилось с тобой, ведь у тебя вся жизнь впереди.

– Вся жизнь впереди не у меня, а у нас, папа. Это то, что я пытаюсь тебе объяснить.

– Она еще ребенок. Сама не знает, чего хочет.

– Нет, она знает. Она прекрасно знает, чего хочет. Она собирается получить диплом бакалавра. Сдать выпускные экзамены за месяц до рождения ребенка. И мы хотим пожениться как можно скорее.

– По меркам Каслбея вы все равно уже опоздали.

– Мне плевать, что подумают в Каслбее.

Доктор Пауэр нацедил себе несколько капель бренди.

– Это лекарство. Я время от времени его себе прописываю.

– Хочешь выпить за мое здоровье? За наше здоровье? – уточнил Дэвид.

– Не прямо сейчас.

– Новость тебя не шокировала.

– Не совсем так. Не знаю. Ты очень молод, Дэвид. У тебя только одна жизнь. Тебе необязательно жениться на Клэр, если ты этого не хочешь. Ты можешь проявить благородство и честность другим способом. Признать ребенка и обеспечить его содержание. Никто не приставляет тебе к виску дробовик. На дворе тысяча девятьсот шестидесятый год.

– Папа, ты все перевернул с ног на голову. Беременность Клэр не главное, это только часть общей картины. Я очень люблю ее, папа. Я никогда не захочу видеть рядом с собой другую женщину. И я не могу себе представить, что на Клэр женится кто-то другой. Видимо, я недостаточно хорошо объяснил.

– Тогда я дам тебе еще один шанс. Объясни это матери. Тебе придется посвятить ее во все подробности. Нет смысла делать это дважды.

– Может, мне тоже выпить целебного бренди?

– Нет. Я думаю, для этого разговора спиртное не требуется.

– Если я буду работать вместе с тобой, то тоже смогу выписывать лекарства. Сейчас я назначаю себе двойную порцию бренди.

Доктор Пауэр рассмеялся и плеснул Дэвиду бренди.

– Ступай, сынок.

– Разве ты не идешь со мной?

– Нет. Мне нельзя волноваться. Я пойду к себе в кабинет.

Агнес О’Брайен заметила, что на Пасху к ним в лавку заглядывало больше туристов. Владельцы туристических фургонов постепенно склонялись к мысли, что можно извлечь из своей собственности больше пользы, если путешествовать чаще одного раза в год. Поэтому Агнес не удивилась, когда услышала стук в дверь. Но очень удивилась, увидев на пороге Клэр.

– Почему ты вернулась? Ты не говорила, что приедешь.

– У меня неожиданно появилась такая возможность. И я приехала, – ответила Клэр.

– Ты не упоминала об этом в письме.

Агнес недоумевала: в ее мире люди сначала писали письма, сообщая о том, что они собираются делать, а потом делали это.

– Не упоминала. Просто мне внезапно выпал такой шанс. Я же сказала. – Клэр изо всех сил старалась быть с матерью терпеливой. – Может, выпьем по чашечке чая?

– Конечно! О чем я только думаю? Просто я тебя не ждала. Заходи скорее, давай сюда сумку.

– Ты выглядишь намного лучше. Как твоя нога?

– Я давно забыла о ней. У меня полно других забот, чтобы не думать о старых недугах. Слава богу, теперь я хожу нормально, даже хромоты нет.

– Это здорово, мама.

– Заходи и не стой там. Хватит глазеть по сторонам, будто ты здесь впервые.

– Где все?

– Отец уехал с Беном, чтобы помочь ему устроиться на работу. Надеюсь, у них получится. На перекрестке открывается новая автомастерская. Они ищут двух молодых парней. Обещают обучить их всему к лету, когда дела пойдут в гору. Отец отправился с Беном, потому что сам Бен не сможет правильно себя подать.

– Когда они уехали?

– Они условились встретиться с нужным человеком в шесть. Почему ты спрашиваешь?

– Хочу поговорить с тобой.

Клэр повесила на дверь магазина табличку «Закрывается».

Агнес поставила чайник, не наполнив его.

– Мать Божья, ты беременна!..

Матери требовалось время, чтобы перестать плакать. Клэр успела наполнить чайник, вскипятить его, заварить чай, отрезать два ломтика фруктового кекса и найти пару бумажных салфеток, чтобы Агнес могла вытереть слезы.

– Как ты можешь сидеть здесь, такая бесстыжая, и говорить мне такое? Как ты смеешь? Это невероятно! – рыдала Агнес.

– Мама, я ничего тебе не говорила. Я просто кивнула, когда ты спросила про беременность. Ты сразу начала плакать. Дай мне сказать то, ради чего я на самом деле приехала...

– Ах вот как? Ты и не думала себя утруждать! Это, оказывается, вообще не новость. Мы должны были этого ожидать от такой заносчивой и высокомерной особы.

– Пожалуйста, мама. Дай мне сказать. Я выхожу замуж.

– Не поздновато ли?

– Нет. Послушай. Я собиралась выйти замуж в любом случае. Это просто означает, что мы поженимся немного раньше, вот и все. Честное слово. Я хотела рассказать тебе о свадьбе.

– Я тебе не мешаю, рассказывай.

Мать глядела на нее красными от слез глазами и не притронулась к чаю и кексу.

– Это Дэвид. Дэвид Пауэр. Мы поженимся через несколько недель в Дублине, а потом он вернется сюда. Ну то есть мы оба вернемся сюда. Его отцу стало нехорошо, и...

Агнес поднялась на ноги:

– Дэвид Пауэр! Сын доктора?! Это ему ты позволила лишиться себя чести? Это он сделал тебе ребенка? Я не верю собственным ушам.

Клэр хорошо знала словарный запас матери. Она предвидела, что в разговоре с ней прозвучат такие слова, как «бесчестье» и «сделать ребенка». Но от этого было не легче.

– Я прошу тебя не отзываться так о Дэвиде. Сейчас он у себя дома, объясняется с родителями. Мы все равно собирались пожениться, и не надо обвинять его в том, что он меня обесчестил или опозорил. Мы оба этого хотели.

– Не хвастайся этим, ты, маленькая шлюшка. Не надо стоять на моей кухне, как потаскуха, и рассказывать, чего ты хотела, а чего – нет. Ты нас всех погубила, всю свою семью. Мы станем всеобщим посмешищем! Ты решила породниться с Пауэрами? Ни больше ни меньше? Неужели ты думаешь, что миссис Пауэр пустит такую, как ты, на порог? Неужели ты думаешь, что эта женщина позволит сыну, с его прекрасным образованием, жениться на дочери лавочника из Каслбея? Которая к тому же оказалась распутной девкой?..

Агнес скрипуче рассмеялась и продолжила:

– Так вот. У меня нет высшего образования, как у тебя. Я не окончила даже начальную школу. Но для меня ясно как день, что никакой свадьбы не будет. Они найдут объяснение. Распрекрасному Дэвиду Пауэру придется уехать за границу, чтобы завершить обучение. Или сыщется другой предлог. Не обманывай себя, девочка. Забудь про свадьбу. Тебе достанутся позор и ребенок, и его еще нужно вырастить. А нам – ничего, кроме насмешек.

Агнес снова заплакала. Клэр поймала себя на том, что жалеет эту худенькую женщину, которая плачет за кухонным столом, комкая салфетки.

Она старалась говорить как можно мягче:

– Мама, послушай меня. Я знаю, в это трудно поверить. Но это правда. Дэвиду двадцать пять лет. Он взрослый мужчина. Ему не нужно просить у матери разрешения. Мы договорились о свадьбе и нашли священника. Свадьба состоится. Если его мать воспротивится – так тому и быть. В конце концов ей придется с этим смириться. У них в саду рядом с обрывом есть домик. Бампер Бирн его отремонтирует. Мы с Дэвидом будем там жить. Когда у Крисси родится ребенок, она прикатит его сюда на коляске, а я прикачу своего по Клифф-роуд. Не будет ни позора, ни насмешек. Все прекрасно. Как ты не понимаешь?

Мать подняла заплаканное лицо:

– У тебя все слишком просто, Клэр. Но жизнь, к сожалению, не такая.

– Да, мама. Но я не хуже и не лучше Дэвида. Во всех отношениях. Он это знает.

– Если ты тоже так думаешь, значит вас таких двое на весь Каслбей, – фыркнула Агнес.

– Мама, пей чай. Пожалуйста.

Агнес посмотрела на живот дочери и спросила:

– Когда родится ребенок?

– В конце октября. Сразу после экзаменов.

– Ты не сможешь их сдать.

– Но я должна. Я шла к этому целых три года. У меня в запасе несколько недель. Возможно, им придется обрезать край столешницы, чтобы я могла сесть за парту, но я все равно справлюсь.

– Не говори так.

Мать отхлебнула чай, она постепенно приходила в себя.

– В общем, вот что я предлагаю. Мы с Дэвидом говорим, что поженимся в Дублине, не устраивая большой шумной свадьбы, потому что оба еще учимся, и вернемся в Каслбей, как только садовый домик будет готов. Об остальном упоминать незачем.

– Люди не дураки, Клэр. Они умеют считать до девяти. Если девушка выйдет замуж в апреле и родит в октябре, люди все узнают.

– Что такого важного они узнают?

Клэр постепенно теряла терпение.

Мать глубоко вздохнула:

– Тебе не понять этого, Клэр. Если ты веришь, что они позволят тебе быть здесь счастливой, ты согласишься во что угодно.

Дэвид решил действовать быстро.

– Мама, я только что долго разговаривал с папой, и мы все обсудили. Я доучусь в интернатуре и вернусь в начале июля.

Молли просияла:

– Я знала, что проблем не возникнет. Пэдди все время повторял, как ему жаль вызывать тебя домой раньше времени, а я отвечала, что ты будешь только рад.

– Ты была права. И мне нравится идея с садовым домиком. Я завтра сам поговорю с Бампером Бирном.

– С домиком спешить некуда. Твоя комната...

– Ну... видишь ли... У меня другие планы, мама. Это моя главная новость. Я женюсь.

– Дэвид! Ты шутишь? Ты нам ни слова не... Мы даже не знали, что ты за кем-то ухаживаешь. Пэдди, Пэдди!

– Он ушел к себе в кабинет. Я хотел сказать тебе сам.

– Ты разве ему не сказал?

– Сказал. Он знает.

Молли заподозрила неладное.

– Я просто подумал, что должен сказать тебе сам, своими словами. Я женюсь на Клэр О'Брайен. Очень скоро. Через четыре недели. В Дублине. Как только Клэр получит диплом, она вернется сюда, и мы поселимся в садовом домике.

Краска сошла с лица Молли. Услышав радостную новость, она вскочила, но покачнулась и схватилась за спинку стула.

– Мы собирались пожениться позже и жить в Дублине. Но раз я нужен папе, мы поступим иначе.

– Клэр О’Брайен?!

– Мы не хотим ни пышных торжеств, ни суеты. Помнишь отца Флинна? Он возвращается в Дублин и будет там жить. Он нас обвенчает...

– Я в это не верю.

Дэвид притворился, что неверно понял ее слова.

– Но это так. Отец Флинн нам очень помог.

– Ты знаешь, что я имею в виду. Я не могу поверить, что тебя заставляют жениться на этой девушке. Что бы ты там ни сделал.

– Меня никто не заставляет. Мы оба этого хотим. Я объяснил. Мы давно это спланировали.

– Как только поняли, что дело труба?

Дэвид сглотнул. Они с Клэр отрепетировали, как себя вести, если родители начнут выдвигать обвинения и опустятся до оскорблений. Но он не ожидал, что его мать употребит такое грубое выражение.

– Звучит вульгарно.

– Потому что она – вульгарная.

Дэвид был очень спокоен.

– Это неправда. Клэр не вульгарная. Она добрая, чуткая, заботливая, умная и хорошо воспитанная. Да, она бедна. Она родилась в бедной, необразованной семье. Но я бы никогда не назвал Клэр вульгарной. Никогда. Хотя ее сестра Крисси определенно вульгарна, – сказал он без тени гнева.

– Дэвид, ты не должен этого делать.

– Я буду говорить очень осторожно. Пожалуйста, выслушай меня. Просто выслушай, а потом обсудим. Это очень важно. Что бы ты ни сказала, ничто не заставит меня передумать. Я люблю Клэр. Я женюсь на ней. И мы будем счастливы. А в октябре у нас родится ребенок. И любые резкие слова, которые ты сейчас скажешь, только усложнят наши с тобой отношения. Навсегда и бесповоротно. Я умоляю тебя ничего не говорить, пока не пройдет какое-то время и ты все не обдумаешь...

Молли не находила слов и просто смотрела на сына.

Дэвид подался вперед. Она напряглась, словно запрещая сыну прикасаться к себе.

– Мамочка, я не знаю, что делать, – сказал он, используя обращение, о котором не вспоминал уже много лет. – Я правда не знаю. Я хочу поговорить с тобой, объяснить, как я счастлив и как много Клэр значит для меня. Но я боюсь... Я боюсь, что ты скажешь что-нибудь настолько обидное, что мне будет трудно тебя простить.

Молли молча кивнула.

– Поэтому я выйду погулять с Бонсом. Я вернусь в половине девятого. В девять я встречаюсь в отеле с Клэр. К этому времени она уже обо всем расскажет домашним.

– Дэвид... – Это был горестный крик.

Он вышел из комнаты, притворившись, что не видит отца, который топтался в дверях кабинета, и позвал Бонса.

Дойдя до калитки, Дэвид оглянулся и увидел в окне два силуэта. Отец обнимал мать, а она наверняка плакала у него на плече.

Бена взяли на работу в автомастерскую, поэтому Том О’Брайен вернулся домой в прекрасном расположении духа.

– Что это значит? Откуда на двери табличка «Закрето»? – удивился он. – Зарплаты Бена на всех нас не хватит. Кто-нибудь мне объяснит, почему мы закрыты?

– Клэр дома. Она приехала без предупреждения. Мы беседовали.

– Клэр вернулась?

– Она помолвлена, Том. Помолвлена и выходит замуж.

– Клэр? Да ну?! За кого? За парня из колледжа?

– За Дэвида Пауэра.

– Нашего Дэвида Пауэра? Но я думал, они не общаются в Дублине.

– Похоже, дела обстоят иначе.

– Что ж, это превосходит все ожидания.

Том почесал затылок, не зная, как отнестись к новости, и посмотрел на лицо жены в поисках совета. У Агнес слишком блестели глаза, но она умело скрывала недавние слезы.

– Разве это не странно? – Том вглядывался в выражение ее лица, но не мог обнаружить подсказку. – Ты не видишь в этом ничего странного?

Клэр спустилась к ним по лестнице:

– Ты уже слышал новости?

– Я потрясен, – ответил Том.

– И это все? Где поздравления? Где восторг? Почему никто не восхищается моим кольцом?

Она выставила напоказ маленький бриллиант, купленный на остатки ее сбережений и деньги, который ростовщик дал Дэвиду за очень хороший полушубок.

Клэр подошла к отцу и неловко обняла его. Том посмотрел на Агнес и, увидев в ее взгляде одобрение, обнял младшую дочь. Потом Клэр обняла маму.

– Мама говорит, мне будет нелегко. Но кому сейчас легко?

– Наверное, никому, дочка. Но тебя ждет борьба с чемпионкой мира, если ты решила породниться с Молли Пауэр.

Клэр не упоминала при отце о ребенке, и хотя в глазах Тома читался немой вопрос, на него никто не ответил.

Она посмотрела на часы. До встречи с Дэвидом в отеле оставалось еще полчаса.

Ее внезапно охватил страх. Что, если родителям удалось его отговорить? Она с радостью согласилась вернуться в Каслбей, пошла на уступки, а тем временем мать убедила его передумать? И теперь он с поникшим видом стоит у отеля, готовясь сказать, что согласился отложить свадьбу? Подождать, пока не родится ребенок. Вдруг она проделала весь этот путь напрасно? Тогда она поймет, что ее предали, и впрямь почувствует себя дешевкой.

Они встретились в холле отеля без пяти минут девять, войдя через разные двери. Бонс следовал за Дэвидом, проигнорировав вежливую просьбу хозяина посидеть в коридоре.

Они кивнули друг другу. Худшее было позади.

– Что изволите пить, миссис Пауэр? – мягко спросил Дэвид.

Клэр улыбнулась в ответ.

За барной стойкой маячила Роза Диллон. В прошлом она без особого успеха зазывала Дэвида на свои вечеринки и пикники и сейчас по-прежнему кокетливо улыбалась ему.

– Чем обязаны такой честью? Ты редко бываешь в Каслбее.

Сидя в кресле у окна, Клэр зачарованно наблюдала за Розой, которая делала вид, что в упор не замечает спутницу собеседника. Она смотрела только на Дэвида.

– Скоро вернусь домой насовсем.
– Это вызовет настоящий переполох. От невест отбоя не будет, – подмигнула Роза.
– Я женюсь раньше, чем ты думаешь, – усмехнулся Дэвид.
Роза нахмурилась. Она посмотрела на Клэр О’Брайен и покачала головой. Не может быть. Это просто смешно.

Вместе они направились к коттеджу Анджелы, чтобы сообщить ей радостную новость. Мисс О’Хара была единственным человеком во всем поселке, которого, как они надеялись, известие об их скорой свадьбе приведет в восторг. Это читалось на их лицах. Анджела была тронута.

– Ты приедешь на свадьбу? Пожалуйста! Обстановка будет слегка напряженной.

– В таком случае я буду чувствовать себя как рыба в воде, – ответила Анджела.

– Нас обвенчает отец Флинн.

– Нам с преподобным пора основать фирму по сопровождению свадеб. Разряжать обстановку – это наш профиль.

– Так ты приедешь?

– Если Иммакулата меня отпустит. Я не хочу ее злить слишком сильно. В любом случае летом в ход пойдет тяжелая артиллерия. Когда в Каслбей вернется блудный сын.

– О чем это вы? – спросил Дэвид.

– Ты не рассказала ему о Шоне? Очень мило с твоей стороны, Клэр, но в любви и браке можно рассказывать все. Это вполне допустимо.

Он выглядел озадаченным.

– Послушай, Дэвид. Ваше желание вступить в брак многих обескуражит, а когда в скором времени у вас родится ребенок – очень вероятное событие, о котором вы умолчали, – почти у всех жителей Каслбея глаза полезут на лоб. Но я тебя уверяю, что вы забудете об этом, когда на улицах поднимется шум по новому поводу. Как только преподобный отец Шон О’Хара, глубокоуважаемый священник-миссионер, вернется домой и поселится в автофургоне вместе с женой-японкой и двумя детьми...

Анджела рассмеялась, увидев лицо Дэвида:

– Мне очень жаль, но нам предстоит отвлечь на себя внимание публики. Готовьтесь, вам грозит полное забвение...

Доктор Макки принял роды у Крисси Бирн и вручил ей здорового младенца весом в девять фунтов. Это был мальчик. Крисси с Могси сказали, что назовут сына Джоном Фитцджеральдом в честь президента Америки. Клэр навестила сестру, однако не получила за это никакой благодарности.

– Ты всегда завидовала чужой славе и тянула одеяло на себя. Ты объявила о своей помолвке, как только услышала о рождении Джона Фитцджеральда. Ты сделала это мне назло.

– Не будь дурой.

– Вечно одно и то же, – проворчала Крисси.

Клэр сгорала от нетерпения при виде племянника на руках у сестры:

– Дай посмотреть на него.

– Не трогай ребенка. Ты его уронишь.

– Я просто хочу посмотреть.

Клэр уставилась на маленький сверток, из которого торчала копна черных волос и выглядывало красное личико.

– Он прекрасен, – выдохнула она с таким восхищением, что сестра смягчилась.

Клэр решила, что ей следует пригласить Крисси на свадьбу. Иначе жизнь могла стать невыносимой.

– У нас с Дэвидом будет очень скромная свадьба. Две семьи и пара друзей. Ты и... э-э... Морис... Вы сможете приехать?

Крисси поколебалась и ответила:

– Это совсем скоро, мне бы пришлось взять Джона Фитцджеральда с собой. Мы с Морисом говорили об этом. Мне очень жаль, но мы вынуждены отказаться.

Клэр изобразила огорчение, но не слишком сильное, чтобы Крисси, не дай бог, не передумала.

– Я оставлю тебе кусок свадебного торта, – пообещала она.

– Подумать только! Ты выходишь замуж за богатея, – сказала Крисси. – Не могу понять, зачем тебе обратно в колледж. Ты ведь уже всего добилась и нашла себе богатого мужа. Разве ты не этого хотела?

Люди встречали новость по-разному, и многие – совсем не так, как рассчитывала Клэр. Миссис Конуэй обрадовалась. Она даже перешла улицу, чтобы пожелать Клэр всего хорошего.

– Я всегда считала, что моему Фрэнку следовало жениться на тебе, чтобы не выбрать кого похуже. – Это была наивысшая похвала в исполнении миссис Конуэй.

Джози, как ни странно, обрадовалась гораздо меньше, чем Клэр ожидала. Подруга встретила новость очень прохладно и небрежно поздравила молодых. Она встречалась с мистером Мартином Харрисом, аукционистом. Мартин был зрелым, то есть пожилым, и ответственным, то есть скучным. Джози, которая никогда не завидовала Клэр, испытала досаду, когда подруга вернулась домой и увела у всех из-под носа привлекательного парня и единственного завидного жениха на весь Каслбей.

Отец О’Двайер выдал Клэр разрешение на брак. Отказ от венчания в родном приходе неприятно удивил священника, но репутация отца Флинна говорила сама за себя, поэтому отец О’Двайер не сомневался, что его коллега все сделает правильно.

Анджела упросила Клэр навестить Иммакулату. Монахини изобразили радостное волнение при виде кольца, которым восхищалась вся община. Волнение по поводу того, как Молли Пауэр поладит с невесткой, изображать не пришлось, оно было настоящим.

Они старались, чтобы встречи с семьями были как можно более краткими.

Дэвид пожал Тому руку и поблагодарил его за разрешение жениться на Клэр.

– Как будто у меня был выбор, – ответил будущий тесть.

– Я знал, что вы обрадуетесь возвращению дочери в Каслбей, – мужественно сказал Дэвид, обращаясь к матери Клэр.

– Надеюсь, все будет хорошо, – произнесла Агнес О’Брайен.

В большом доме на другом конце поселка Молли застыла в нервном ожидании рядом с камином. Она дважды сменила платье, дюжину раз переложила в комнате вещи с места на место и накричала на Нелли, которая теперь дулась на кухне.

Молли увидела, как эта парочка шла по дорожке к дому. Они смеялись! Эта несносная девушка смеялась, вместо того чтобы ронять от волнения туфли.

Дэвид открыл дверь своим ключом.

– Мама, мы здесь, – окликнул он Молли.

Миссис Пауэр забыла, какой высокой была Клэр. Будущая невестка была худой и выглядела бледной.

– Ну что ж... – сказала Молли, смерив ее с головы до ног оценивающим взглядом, который почти мог сойти за намеренное оскорбление, но только почти.

– Здравствуйте, миссис Пауэр, – сказала Клэр ровным голосом.

– Так-так, – произнесла миссис Пауэр.

«Я не позволю ей разозлить меня. Я не клюну на эту удочку», – повторяла себе Клэр, сжав кулаки.

Дэвид молчал. Они заранее договорились об этом.

– Миссис Пауэр, я знаю, что Дэвид сообщил вам новости и посвятил вас в наши планы.

– О да.

– Я просто хотела добавить, что очень надеюсь сделать его счастливым. Я постараюсь, чтобы в конечном итоге вы и доктор Пауэр были довольны тем, что мы поженились.

Слова Клэр прозвучали не слишком уверенно. Это разозлило Молли больше, чем что-либо еще в ее жизни.

– Сомневаюсь, что это случится, – заявила Молли, стараясь сдерживать раздражение, которое грозило выплеснуться наружу. – Я здесь, чтобы вас поздравить. Мне распорядиться, чтобы принесли чай?

– Нет, миссис Пауэр, спасибо. Если позволите, я бы хотела выразить свое почтение вашему мужу. Мне нужно многое сделать перед возвращением в Дублин. Мы уедем завтра. Спасибо, что пригласили меня в ваш дом. Я с нетерпением жду вас на свадьбе.

«Прибью мерзавку, – подумала Молли. – Вот бы она сдохла».

Ее захлестнула волна жгучей ненависти, которая тут же схлынула, оставив после себя ощущение шока и чувство вины. Она смутилась и попрощалась не так, как собиралась.

– Что? Ах... да. На свадьбе. Да.

Клэр улыбнулась и вышла.

– Спасибо, мама, – поблагодарил Дэвид.

На его лице играла приятная улыбка, но глаза оставались холодными.

Уже вечерело, когда она увидела Джерри. Он сидел на каменной изгороди возле отеля.

– Ты хотела сбежать, не сказав мне ни слова.

Он был холоден и неулыбчив.

– Не говори глупостей, – отмахнулась Клэр, выдавив из себя легкий смешок. – Конечно, я собиралась сказать. Если бы я не встретила тебя, оставила бы записку.

– Ты лжешь.

– Прекрати.

Ее гнев нарастал. Джерри не может ее огорчить, она не позволит ему это сделать. Но никто, черт возьми, не давал ему права упрекать ее во лжи. Тем более что он не ошибся в своих подозрениях.

– Ты и не собиралась мне говорить, – повторил Джерри.

– С чего бы это? Не драматизируй. Я сказала всем друзьям, что выхожу замуж. Зачем избегать разговора с тобой?

– Потому что ты знала, что я скажу.

Он не улыбался в ответ.

– И что ты теперь скажешь?

– Что ты сошла с ума. Ты не должна этого делать.

«Еще одно, последнее усилие, – подумала Клэр. – Я попытаюсь перевести наши отношения в нормальное русло. Если у меня не получится, я больше не буду пытаться».

– Послушай, я не собираюсь жить в одиночестве только потому, что мы с тобой единственные, кто еще не нашел себе пару, и ты хочешь, чтобы я составила тебе в этом компанию. Я рада, что выхожу замуж. И не хочу слушать всю эту чушь.

– Не делай этого, Клэр.

– Хватит. Почему ты не можешь просто пожелать мне добра? Как другие люди.

– Я желаю тебе всяческого благополучия. Но не замужем за Дэвидом Пауэром. И ты не похожа на обычных людей, я всегда это говорил. Я тоже не похож.

– На великодушного и воспитанного человека ты точно не похож, – съязвила она.

– Ты не можешь выйти за него замуж. Ты должна выйти за меня. Ты всегда это знала.

Клэр с тревогой вглядывалась в заостренное лицо Джерри в поисках его фирменной кривой ухмылки, которая заставляла всех улыбаться в ответ. Ничего похожего, ни намека. Она потрясенно уставилась на Джерри.

– Мне больше нечего сказать, – произнесла она и направилась к воротам.

Джерри спрыгнул на землю, гибкий, как кошка.

– Подожди.

– Нет, я уйду. Я больше не буду с тобой разговаривать. Зачем ты пытаешься меня расстроить? Как ты смеешь говорить мне все это? Как ты смеешь? Если бы речь шла о твоей помолвке, я бы обрадовалась и пожелала тебе удачи.

– О помолвке? Помолвке? Вы с Дэвидом не помолвлены. Вы играете свадьбу через три недели. О чем это говорит? Ну? Что это значит?

– Иди к черту.

Она повернулась и побежала прочь от него. Он бежал рядом с ней то вприпрыжку, то рысцой.

– Это неправильно. Таких девушек, как ты и Фиона, нельзя выставлять на посмешище. Вы не шлюхи. Ты слишком доверчива. С неприятностями надо разбираться так, чтобы никто ничего не узнал.

Клэр остановилась и спокойно взглянула на Джерри:

– У меня нет никаких неприятностей. Слышишь? У меня все прекрасно, и я поступаю правильно, насколько это возможно. Наша свадьба состоится раньше, чем мы планировали, но мы оба этого хотели и по-прежнему хотим. Все будет идеально.

Джерри посмотрел ей прямо в глаза:

– Твой брак с Дэвидом Пауэром не будет идеальным. Глупая девчонка. Твой брак обречен.

Подруги проявили себя с лучшей стороны. Они обошли все общежитие в поисках одежды, и, поскольку все обожали Валери и Мэри Кэтрин, одежда нашлась. Клэр было из чего выбирать.

Она взяла красивый розовый костюм, который очень хорошо на ней сидел. У другой девушки позаимствовала шляпку винного цвета и

дорогую черную сумочку. Теперь ей были нужны перчатки в тон к шляпке и хорошие черные туфли. Подруги скинулись ей на перчатки, а туфли Клэр купила на свои деньги. Она была полностью экипирована.

В роли подружки невесты выступала Мэри Кэтрин, а Джеймса Нолана пригласили быть шафером. Дэвид вел себя холодно с Джеймсом. Клэр не знала почему. Но думать об этом было некогда: они были слишком заняты учебной, поиском одежды и переездом из Ратмайнса в квартиру получше, которую тоже следовало найти.

Клэр получила записку от Кэролайн Нолан. Та желала будущей невесте всех благ, выражала удивление по поводу спешки и сожалела о том, что предложение семьи Нолан сыграть свадьбу у них не было принято. Клэр была непреклонна. Свадьба не может состояться в доме у Ноланов. Скромное торжество пройдет на нейтральной территории – в отеле рядом с церковью.

Отец Флинн изучил меню и предложил те блюда, которые не казались слишком претенциозными. Дэвид и Клэр открыли счет в банке. Управляющему нравились молодые врачи, а Дэвид, не произнося этого вслух, всячески намекал, что планирует открыть практику на Фицуильям-сквер и верным путем движется навстречу своей мечте. Им предоставили небольшой кредит. Этого хватало на свадьбу. Ноланы лишились последнего шанса вмешаться в дела молодых и прибрать их праздник к рукам.

Дэвид и Клэр просмотрели список приглашенных на свадьбу. Среди них были те, кто будет чувствовать себя на свадьбе раскованно, и те, чьи нервы будут взвинчены до предела. Первых оказалось больше: отец Дэвида, Анджела, отец Флинн, Эмер и Кевин, Мэри Кэтрин и Валери. С Джеймсом и Кэролайн тоже не ожидалось проблем.

«Заносчивы немного, ну да ладно», – подумала Клэр.

– А Бен с Джимом?

– Будут на нервах, – ответила Клэр. – А если, на нашу голову, выяснится, что они давно раскрепостились, значит мои младшие братья стали обычной шпаной.

Что ж, спокойных людей все равно набиралось немало. На другом полюсе находились мать Дэвида в образе ангела-мстителя, пугливые родители Клэр, чей страх совершить ошибку мог довести до белого

каления, и Ноланы, которые видели в грядущей свадьбе катастрофу похлеще гибели «Титаника».

– Хорошо, что мы можем посмеяться над этим, – заметила Клэр.

– Только так я могу избавиться от ощущения, что вся затея не обречена на провал, – согласился Дэвид.

Клэр вздрогнула. Ей не нравилось, когда в речи мелькало слово «обреченность».

О’Брайены приехали поездом накануне вечером. Джим видел Дублин впервые; Бен однажды был здесь на школьной экскурсии. Клэр встретила их на вокзале, чтобы отвезти на такси в отель. Мистер Райан, владелец отеля, предложил за комнаты хорошую цену. Дэвид и Клэр забронировали три номера: для родителей Клэр, для ее братьев и для самой Клэр. Утром Клэр будет ждать у себя Валери и Мэри Кэтрин, которые придут, чтобы помочь ей одеться.

При виде родных, выходящих из поезда, сердце Клэр наполнилось жалостью и сочувствием. Она снова представила, через что заставила их пройти. Они моргали и устало щурились после долгого путешествия, нервничая из-за того, что их ждет впереди... Они взяли с собой огромный потрепанный чемодан, хотя дома наверняка была пара маленьких сумок. Правда, О’Брайены почти никуда не ездили.

Бен и Джим потрясенно разглядывали огромный вокзал Кингсбридж. Потом их втиснули на переднее сиденье такси. Родители Клэр нервно смотрели по сторонам, усевшись на заднем сиденье. Клэр болтала не умолкая: мистер Райан приготовит чай и бутерброды, бара в отеле нет, но для гостей добудут несколько бутылок стаута. Том О’Брайен просиял, Бен тоже, но Бену сказали, что ему никто стаут не обещал. В остальном говорить было не о чем. Все так устали, что после чая со стаутом мечтали поскорее добраться до кровати и закрыть глаза.

Агнес десять раз спросила Клэр, во сколько нужно выходить. Клэр десять раз терпеливо ответила, что они выйдут из отеля в одиннадцать часов, потому что до церкви всего пятьдесят ярдов.

День выдался солнечным. В отель, весело смеясь, пришли Мэри Кэтрин и Валери в своих лучших нарядах. Они принесли шляпку и

черную сумочку. Вещи одолжили на один день. Владелицы так опасались за свое имущество, что потребовали все вернуть до наступления темноты.

– Я захватила бренди. На всякий случай, – сообщила Валери.

– Не сейчас, – сказала Мэри Кэтрин. – Мы должны одеть невесту.

Клэр казалась немного бледной, поэтому подруги ее нарумянили. В остальном невеста выглядела очаровательно. Ее наряд был подобран на редкость умело, и Клэр благословила незнакомых девушек, одолживших ей свои сокровища. На ум пришло, что она перестаралась, следуя старой доброй традиции, которая требовала надеть на свадьбу «что-то, взятое взаймы»^[19]. Они долго смеялись над шуткой, пока в дверь не забарабанил отец Клэр. Том нервно сообщил, что осталось всего двадцать минут. Не пора ли на выход?

Клэр не ожидала, что внутри будет музыка, и удивилась, услышав тихие переливы церковного органа. Рука отца напряглась от испуга.

Ей почудилось, что до алтаря не меньше мили пути, но вскоре она уже видела лица гостей, которые оборачивались по мере того, как она приближалась. Сначала она заметила восхищенное лицо Анджелы, и на душе потеплело. Анджела обняла Эмер, и они обе радостно закивали невесте. Непривычно чистые и опрятные младшие братья в изумлении уставились на сестру. Польщенная, она двинулась дальше с высоко поднятой головой. Ей было приятно, когда брови Кэролайн медленно поползли вверх, а лицо доктора Пауэра расплылось в улыбке. Но поразительней всего была мимолетная перемена в облике свекрови. Надменное выражение, с которым миссис Пауэр не расставалась, на мгновение сошло с ее лица, пока она шепталась с миссис Нолан. Восторженные взгляды воодушевляли Клэр, и ее улыбка сияла все ярче.

Когда Дэвид обернулся, она светилась уверенностью и счастьем, полностью преобразившись с того момента, как сделала свой первый шаг к алтарю. Он даже не думал, что она может быть такой красивой. Дэвид улыбнулся Джеймсу, а тот ободряюще улыбнулся в ответ. Бестактные слова Джеймса были забыты. Дэвид вышел вперед, чтобы отвести свою прекрасную невесту к алтарю.

Пауэры не делали фотографий. Возможно, Ноланы взяли с собой фотоаппарат, но они ни разу его не достали. Фотоаппарат был у Кевина

Куинна. Когда отец Флинн понял, что Кевину приходится экономить кадры, он дал Джиму О'Брайену денег и послал его в ближайшую аптеку за тремя упаковками пленки.

– Продолжайте снимать, – прошипел отец Флинн Кевину. – Теперь вы официальный фотограф.

Свадебная процессия бодро направилась к отелю. Миссис Пауэр оглядела помещение с таким видом, словно попала в музей. Она с досадой услышала, как Ноланы удивились удачному выбору места и похвалили антиквариат, украшавший холл. Мистер Райан принял решение подавать напитки в оранжерее, которая выходила окнами в сад. Гостей окружали цветы, зеленая листва и лучи солнца, проникавшие сквозь цветное стекло.

– Здесь совсем не плохо, – процедила Валери сквозь стиснутые зубы. – Клэр вела себя так, будто зовет нас в забегаловку, где воняет капустой, а на столе стоят бутылки с соусом.

– Место хорошее, – согласилась Мэри Кэтрин. – Но разве свекровь не стерва?

– Она скоро поймет, что оказалась в меньшинстве, – заметила Анджела, и девушки, не ожидавшие, что их кто-то услышит, вздрогнули от испуга. – Да, сейчас она ведет себя как стерва, но ей не хватает уверенности в себе. Когда она сообразит, что все остальные считают свадьбу чудесной, то одумается.

– Пойду поболтаю с ней, – сказала Валери. – Слеплю ее рассказами о моем блестящем прошлом.

Мистер Райан позвал всех обедать. В томатном супе плавали сливки, сверху зеленела щепоть рубленой петрушки. Миссис О'Брайен медлила, размышляя над тем, что здесь украшение, а что – еда. Отец Флинн вывел ее из замешательства, шумно проглотив свою ложку, как только все закончили произносить молитву. Агнес поняла, что нужно делать, и семья последовала примеру матери.

Булочки были еще теплыми. Бутылки с напитками – красное и белое вино, апельсиновый лимонад и стаут – были красиво расставлены на столе небольшими группами через равные промежутки.

План рассадки являл собой чудо дипломатии. Для каждого члена семейства О'Брайен подобрали приветливого соседа. Клэр и Дэвид почувствовали, как у них постепенно выравнивается дыхание, которое

они с самого утра невольно сдерживали. Гостей было слишком много для поддержания общей беседы, тем не менее за столом раздавался оживленный гул. К тому времени, когда мистер Райан и две официантки убрали тарелки из-под цыпленка в сливочном соусе и протерли стол, чтобы подать мороженое и торт, атмосфера разрядилась и стала более дружелюбной, чем кто-либо смел себе представить.

Соседями Молли Пауэр были Кевин Куинн и отец Флинн. Молли явно не хотела, чтобы ее уличили в преднамеренной грубости, поэтому ей ничего не оставалось, кроме как поддерживать беседу. По другую сторону от отца Флинна сидела Агнес О'Брайен, рядом с которой также усадили Валери. Дэвид и Клэр отказались от традиционной рассадки, поскольку она вела к неминуемой катастрофе.

Отец Флинн объяснил Джеймсу, что входит в обязанности шафера, и попросил его непременно дать слово мисс О'Харе и отцу Дэвида.

– Это не соответствует традициям, отец, – пожаловался Джеймс.

– Ты на чьей стороне, мальчик? – резко осадил его отец Флинн.

Уловка сработала. Никто не заметил, что Том О'Брайен смущенно бубнил свою речь по бумажке. Если бы в паре с ним выступил только красноречивый молодой барристер, контраст был бы чересчур очевиден.

Доктор Пауэр был приветлив, бодр и весел. По его словам, врачи на свадьбах любят хвастаться тем, что способствовали появлению кого-то из молодых, полагая, что это придает им особый статус в глазах общественности. Что ж, Пэдди Пауэр помог произвести на свет и невесту, и жениха, а за жизнь и воспитание последнего нес особую ответственность. Он пожелал молодым долгой и счастливой жизни в Каслбее, который, как известно, является центром вселенной, и попросил тех, кто еще там не был, немедленно туда поспешить.

Анджела, более робкая и застенчивая, чем на школьных уроках, рассказала, какими сентиментальными становятся учителя, как только ученикам удастся выскользнуть из их цепких рук.

Джеймс поразил всех ораторским мастерством. Праздник шел к завершению. Дэвид встал, чтобы выступить последним.

Клэр пришлось сосредоточить взгляд на стопке поздравительных телеграмм, чтобы не расплакаться от его слов. Дэвид говорил просто и прямо. Он признался, что счастлив и полон надежд. Он поблагодарил

поименно всех присутствующих за все, что они сделали. Он был самым счастливым человеком на свете.

Все захлопали. Молодым аплодировали руки Молли в перчатках, тонкие костлявые руки Агнес, чисто вымытые руки Джима и Бена – их осмотрели, прежде чем выпустить братьев из комнаты, пухлые белые ладошки отца Флинна и артистичные руки Анджелы.

Клэр поднялась наверх переодеться. Она сняла розовый костюм, на который не уронила ни крошки, и завернула шляпку с сумочкой в оберточную бумагу. Надела красивое серое платье Валери и недорогие стеклянные бусы винного цвета в тон к перчаткам. Потом она взяла свою потрепанную сумку и была готова к отъезду. Джеймс пообещал, что преподнесет молодым супругам достойный подарок позже, когда они устроятся на новом месте. А пока он с радостью предлагал им свою машину, которая могла пригодиться. Дэвид взял ключи и еще раз тепло поблагодарил шафера.

– Очень мило с твоей стороны, Джеймс. И спасибо тебе за поддержку. За обедом. Ну, ты понял.

Они неловко переминались с ноги на ногу, ожидая, пока Клэр спустится к ним.

– Все было замечательно, – сказал Джеймс.

– Да-да, конечно.

– И все обязательно будет хорошо.

– Да, – сказал Дэвид.

Они вспомнили о тех днях, когда могли сказать друг другу все, что угодно. Эти дни остались в далеком прошлом.

Дэвид и Клэр сообщили, что отправляются в трехдневное свадебное путешествие в уединенный отель в Уиклоу. Гости глубокомысленно кивнули. На самом деле Дэвид и Клэр возвращались в свою новую квартиру, где царил полный хаос. Они больше ничего не хотели. Ни веселья, ни ужина при свечах. Они просто хотели побыть вместе и осознать, что день, которого они так сильно боялись, наконец-то закончился.

Джеймс Нолан заблаговременно поставил шампанское охлаждаться; и когда все прибыли в дом Ноланов, Брида встретила их с подносом бокалов.

– Как кстати, – одобрительно заметила Кэролайн.

– Славно придумано, – согласился ее отец.

Доктор Пауэр взял бокал и вышел в ухоженный сад, там стригли газон. Для всех остальных это был обычный рабочий день.

Молли увидела, что Пэдди стоит один, подошла и молча встала рядом с ним.

– Ты была великолепна, Молли, – сказал он.

– Великолепна?

– Ты всего этого не хотела, но не стала портить им праздник, хотя этот брак тебе не по душе.

– Клэр... – начала она и запнулась.

Пэдди молчал.

– ...по-моему, она очень хорошо выглядела. Такой элегантный наряд.

Внутри шампанское лилось рекой. Кэролайн хотела знать, почему Клэр не забрала с собой ту шикарную сумочку, когда уходила.

– А вы слышали, что Дэвид и Джеймс разругались и почти не разговаривали? И что Джеймса едва не заменили на другого шафера? – сказала Кэролайн и засмеялась с видом заговорщицы.

– Я ничего такого не слышала, – сказала Валери, давая понять, что Кэролайн может продолжать.

– Якобы Дэвид рассказал Джеймсу о свадьбе, спешке, семейных драмах и прочем, а Джеймс сказал – и я, кстати, тоже так считаю, – короче, он сказал, что Дэвиду не повезло. Тогда Дэвид спросил, что он имеет в виду, а Джеймс ответил, что Дэвид не обязан жениться на шлюхе. И Дэвид выплеснул Джеймсу в лицо свой бокал – они сидели в баре отеля – и вышел, а Джеймсу пришлось бежать за ним. Боже, это было ужасно.

– Еще как ужасно! – воскликнула Валери. – Более гадких слов невозможно даже представить.

– Нет, я не об этом... – Кэролайн сообразила, что попала впросак.

– Как Джеймсу вообще удалось стать адвокатом с таким складом ума? – удивилась Мэри Кэтрин.

В июне все страдали от духоты и не могли дождаться конца учебного года.

Анджела написала ответ на взволнованное письмо Шона и Сюи. Да, она будет дома, у себя в коттедже, как обычно. Как только они решат, что собираются делать, они смогут прийти и сказать ей. Она будет рада видеть их всех. Как всегда.

Шон уточнял, что еще никому в Каслбее не сообщал о переменах в своей жизни, и спрашивал, кому бы он мог написать. Но Анджела проявила в этом вопросе твердость: это дело Шона, а не ее. Он сам должен решить, с кем разговаривать и какие слова подобрать.

Писем об отказе от планов не приходило. Отсрочки неизбежной катастрофы не предвиделось.

Они приезжали в субботу.

В субботу утром Анджелу охватила паника, когда она покупала мясо в лавке Двайера. Крисси, которая уже вернулась к работе, поинтересовалась, не собирается ли мисс О'Хара закатить вечеринку.

– Нет, с чего бы? – встревожилась Анджела.

– Ну, вы покупаете мясо на целую армию.

Анджела в ужасе смотрела на огромные куски мяса. Она бессознательно купила еду для Шона и его семьи. У нее закружилась голова, и она прислонилась к стене.

– С вами все в порядке? – перепугалась Крисси. – Джимми! Помоги мисс О'Харе.

Анджела взяла себя в руки:

– Прошу прощения, наверное, у меня летний грипп, ничего серьезного.

Она заплатила за мясо, положила его в велосипедную корзину и отправилась домой. Она не осмелилась сесть на велосипед, опасаясь нового обморока. Хотя, с другой стороны, было бы неплохо умереть прямо сейчас. Она мрачно просидела дома весь день. Почему после смерти матери у нее не хватило смелости открыть людям правду? Почему она лгала им и согласно кивала в ответ на их сочувствие и просьбы помолиться? Она не взяла ни одного чужого пенни, посоветовав направить пожертвования в управление миссии. Но никто этого, конечно же, не помнил.

Она впервые задумалась о том, что водила за нос милых, честных людей, всегда спрашивавших ее о брате. И поняла, что ей наплевать на тех, кто взвывает от ужаса: на Сержанта Маккормак и мать Иммакулату. А когда вспомнила о Дике Диллоне, ее сердце ушло в пятки.

День был чудесным – один из тех, о которых со вздохом вспоминают довольные туристы, заглянувшие в Каслбей на пару часов или снявшие здесь домик на месяц, а еще владельцы магазинов, мечтающие, чтобы такая погода стояла круглый год.

Сюя и Шон тоже могли вздыхать от умиления, а Денис и Лаки – с восторгом носиться по длинному золотистому пляжу вдоль кромки ярко-синего моря. Анджела не помнила, чтобы ей когда-нибудь было так грустно. Она поняла, что у нее нет мужества. Ей не хватило смелости ни отговорить их от приезда, ни встретить их на вокзале с распростертыми объятиями. Она оказалась и никудышным другом, и бесхребетной сестрой.

Они должны были приехать по меньшей мере три часа назад. Отплыли ночным паромом из Англии и утренним поездом добрались до города. Их никто не встречал, поэтому им предстояло дожидаться автобуса, идущего в Каслбей. Они, должно быть, сидят в своем фургоне уже целый час... Они показали детям пляж? Зашли в магазин О'Брайена за продуктами? Неужели Шон радостно потянулся через стойку и пожал Тому О'Брайену руку?

– Вы не помните меня, мистер О'Брайен? Я Шон, сын Динни О'Хары. А это мои жена и дети. Поздоровайся с мистером О'Брайеном, Денис...

А сейчас они идут вверх по улице? Уж дошли до угла? Свернули на дорогу, ведущую к полю для гольфа?

Она сказала, что будет дома, в коттедже. Ей хотелось сбежать.

Она не помнила, чтобы часы тикали так громко, а сердце так странно билось в груди.

Она сидела и ждала.

Она ждала.

Поздним вечером, когда детям давно было пора в постель, раздался стук в дверь. Анджела собралась с духом и медленно приблизилась к двери. На улице не было слышно голосов. Возможно, они расстроились, не встретив ее на вокзале.

Она открыла дверь.

На пороге стоял Дик Диллон.

– Привет, – еле слышно произнесла Анджела и прислонилась к дверному косяку.

Она не сделала ни малейшего движения, чтобы пригласить его в дом.

– Могу я войти? Или это не обсуждается? Я, бывало, заходил сюда, знаешь ли.

– Прости, Дик. Входи, конечно.

– Я помню, ты просила не приезжать на этой неделе и обещала позже все объяснить.

– Похоже, от моих слов не было особой пользы?

– Я знал, что могу прийти.

– Это было очень самонадеянно с твоей стороны, – устало сказала Анджела.

– Нет, не было. Я знал, что все в порядке и что их здесь нет.

– Что?

– Я знал, что не встречу их здесь. Они сидят на скамейке на другом конце поселка и смотрят на море.

Дик наткнулся на них совершенно случайно. Он видел, как семья с детьми вышла из автобуса. Он обратил на них внимание из-за женщины-иностранки и детей – наполовину иностранцев.

– Шон меня не узнал. Когда он был здесь в последний раз, я был пьян. Наверное, он помнит меня очень смутно, как в тумане, точнее, это он для меня тогда был как в тумане.

– Как же ты его узнал?

– Мальчик спросил, когда они навещают тетю Анджелу, а женщина ответила, что сначала они отправятся в свой автофургон, устроятся, разберут вещи, а к тете Анджеле зайдут чуть попозже, сегодня или завтра.

– Прости меня, Дик. Мне очень, очень жаль, – заплакала Анджела. – Я такая трусиха, я чертовски слабая, я не смогла во всем тебе признаться.

Она положила голову ему на плечо и зарыдала, как ребенок. Дик обнял ее и погладил по спине, пытаясь утешить.

– Все будет хорошо.

Казалось, он успокаивает расстроенного малыша, который едва научился ходить.

– Дик здесь, Дик обо всем позаботится.

Они сидели и смотрели, как красный солнечный шар исчезает за бескрайним темно-синим горизонтом. Из парка аттракционов до них долетали музыка и взрывы смеха, вокруг оживленно болтали отдыхающие.

Денис и Лаки выбились из сил и крепко спали. Шон показал им школу Братьев, куда ходил каждый день, полные воды углубления в скалах, где он обычно играл, и пещеру Эха, чтобы они прокричали свои вопросы.

Шон вспомнил про лавку О'Брайена. Но прежде она была гораздо меньше, и Шон не знал мальчика, который стоял за прилавком, – должно быть, один из младших сыновей Тома. Шон заметил вдалеке миссис О'Брайен, но неожиданно смутился. Это было неподходящее место, чтобы сбрасывать маски и объявлять о своем возвращении на родину. Он купил книжку-раскраску и карандаши в магазине мисс О'Флаэрти, но хозяйка обслуживала другого покупателя, а с молодой продавщицей Шон был незнаком.

На улице девочка лет восьми с интересом посмотрела на Лаки.

– Ты откуда приехала? – спросила она.

– Я родилась в Японии, я наполовину ирландка, наполовину японка, – гордо ответила Лаки.

– Когда я была маленькой, у меня была японская кукла. Она ни капельки на тебя не похожа, – протянула удивленная девочка.

Они поели и обсудили, чем займутся завтра: обязательно искупаются и устроят пикник на пляже. Но сначала навестят тетю Анджелу. Дети сочли план родителей вполне приемлемым.

– Это хорошее место, чтобы стать вторым домом, – одобрительно заметила Лаки.

Шон отзывался о Каслбее как об их «втором доме» с тех пор, как дети себя помнили. Но в этот раз он промолчал.

– Я покажу тебе родные места, – предложил он Сюе.

Но когда они дошли до конца улицы, Шон замедлил шаг. Он не хотел идти на танцы и был староват, чтобы вести жену в парк аттракционов. Пара средних лет на автодроме? Это граничило с идиотизмом. Может, отправиться в отель и посидеть в баре, глаза на посетителей? Решится ли он подойти к кому-то из них? Если да, назовет ли свое имя? Шон смутно помнил Диллонов, владельцев отеля, но никого из них толком не знал.

Он заколебался, когда они приблизились к Черч-стрит. И тогда Сюя указала на симпатичную скамейку.

– При мне скамейки здесь не было, – заявил Шон. – Наверное, раньше боялись, что парочки будут сидеть здесь и заниматься чем-то из ряда вон.

Сюя обняла мужа, понимая, что он смущен и не узнает родных мест.

– Многое изменилось. Вообще все, – признался он.

– Это должно было случиться. А парк аттракционов всегда был здесь?

– Он был гораздо меньше и более обшарпанный. И мне кажется, что танцевальный зал выглядел иначе. Правда, в те годы я не ходил на танцы, так что не присматривался к нему.

– Забавно, – сказала Сюя. – Большинство людей, когда возвращаются, видят, что все стало меньше. А ты обнаружил, что все выросло в размерах.

– Это место совсем не узнать, – вздохнул он. – Всюду яркие вывески, товары предлагают прямо на улице: ведерки для песка, нарукавники для плавания, шляпы от солнца. В мое время ничего этого не было.

Повисло молчание.

– Хочешь дойти до своего дома и посмотреть на него? Можно пока не заглядывать внутрь.

Сюя очень старалась помочь. Это сработало.

– Да, неплохая идея. Лучше идти не по Черч-стрит. Можно пойти по Клифф-роуд, это длиннее, но там очень красиво.

– Пойдем по Клифф-роуд, – согласилась Сюя.

Они вышли на дорогу, ведущую к полю для гольфа. Припозднившиеся игроки возвращались к себе, успев промочить горло, после того как загнали мяч в последнюю лунку.

Теплый вечер благоухал. Они шли, пока не увидели скромный коттедж. Шторы были задернуты, в большой комнате горел свет. Анджела, должно быть, ждала их внутри.

– Это же нечестно – пройти мимо и не постучать в дверь? – забеспокоился Шон.

– Анджела сказала приходить в любое время, когда мы будем готовы. Я не думаю, что ты готов, – мягко возразила Сюя.

– Нет. Почему-то я пока не готов.

– Тогда все честно.

Он показал, где находилась его комната и через какое окно он обычно вылезал, если хотел искупаться ранним утром. Они восхитились энергией мальчика, пробежавшего полмили до моря и полмили обратно... Когда он бежал по дороге, там были коровы, которых вели на дойку... Он возвращался в свою комнату и занимался до тех пор, пока кто-то в семье не вставал.

Шон обратил внимание жены на маленькие герани, посаженные матерью в ящики на окне, и обрадовался, что они так хорошо сохранились. Он указал на дымоход, где птицы вили гнездо, и на крыльцо, которое приходилось чистить зимой от снега, чтобы под его тяжестью не треснуло стекло.

Сюя прошептала, что теперь хорошо представляет, как Шон жил раньше.

Они взяли за руки и пошли обратно к стоянке для автофургонов, снова выбрав тихую Клифф-роуд, а не шумную Черч-стрит, полную огней и веселья в разгар сезона.

Дик Диллон спустился вниз. Он подглядывал, притаившись у темного окна спальни.

– Ушли, – сообщил он.

Они услышали голоса, и Дик прокрался наверх, чтобы посмотреть. Анджела осталась на своем посту. Если они постучат, она их впустит, а Дик выйдет через черный ход. Если бы он вышел к гостям с радостным приветствием, Шон мог подумать, что весь Каслбей примет его с распростертыми объятиями. Шону следовало опираться на факты, а не делать скороспелые выводы после встречи с Диком.

– Как думаешь, зачем они приходили? – спросила Анджела.

– Мы, наверное, никогда этого не узнаем, – ответил Дик.

– Ты бы не мог остаться на ночь, Дик? – внезапно предложила она.

– Что?

– Не в постели со мной, разумеется, к этому я тебя не принуждаю. Просто остаться на ночь в доме.

– С удовольствием. И раз уж ты заговорила об этом, я нисколько не возражаю, если ты не будешь себя утруждать и готовить для меня отдельную постель.

– Мне не составит труда, Дик, – рассмеялась Анджела.

– Надеюсь, постельное белье не успело высохнуть после стирки.

– Белье сухое, на дворе середина лета. Тебя не будут искать, если ты не вернешься в отель?

– Анджела, девочка моя, им нет дела, дома я или вышел, жив или помер.

– Хватит взывать к моей жалости. У меня найдется лишняя кровать. Я сейчас застелю ее для тебя.

– К чему эти лишние хлопоты? У тебя там наверху стоит огромная кровать. Я смотрел на нее и размышлял.

– Размышляй дальше, но без меня... Дик?

– Да.

– Большое спасибо.

Анджела думала, что они пойдут в церковь на позднюю мессу, поэтому сама отправилась на утреннюю и очень удивилась, увидев среди прихожан всех четверых.

Когда Шон с детьми подошел к алтарю, чтобы получить святое причастие, Анджела закрыла глаза. Каслбей простил бы многое, но не это.

Анджела вышла из церкви перед чтением Святого Благовествования от Иоанна. Она стояла за воротами и покупала воскресную газету у Микки Мака, когда услышала, как фермер спросил у своей жены:

– Ты видела? На мессе была китаянка и два ребенка-метиса, их подвели к алтарю.

– Все знают, что в Китае полно католиков, – встрял в разговор Микки Мак.

Он не считал себя невеждой только потому, что не умел читать газеты, которые сам же продавал.

Для детей Анджела припасла много содовых булочек и кукурузные хлопья. Дик вернулся в отель. Они договорились, что он

пока не будет заглядывать в коттедж. Только если Анджела об этом его попросит. Если что-то случится, она позвонит из гольф-клуба.

Анджела села читать газету. Она почти успокоилась. Шона никто не узнал.

Должно быть, у Шона и Сюи возникли какие-то дополнительные соображения, если они приходили сюда накануне вечером, но не вошли.

Анджела ждала брата со страхом, который, по счастью, утратил былую остроту. И она больше не корила себя за все совершенные ошибки. Прошлой ночью Дик заверил ее, что она вела себя в высшей степени благородно. Она уже не чувствовала себя жалкой трусихой.

Сегодня она могла посмотреть в глаза Шону и его семье.

Они явились, взволнованно щебеча, как скворцы. Завтраку предшествовали восторги, объятия и подарок для тети Анджелы.

Сюя бродила по комнате, очарованная обилием книг и безделушек.

– Шон, ты никогда не говорил, что здесь так чудесно.

– Когда я здесь жил, всего этого не было, – признался он, опечаленный тем, что Сюя похвалила обстановку, не имевшую к нему никакого отношения.

– Ты уже встретил кого-нибудь из друзей, которых можно представить Сюе? – небрежно, как бы невзначай спросила Анджела.

Шон внезапно забеспокоился:

– Нет. Пока нет.

Сюя поняла, к чему клонит Анджела, и сказала:

– Это понятно. Друзья у Шона появились благодаря его матери и тебе, Анджела. Когда он возвращался домой, покойная миссис О’Хара созывала гостей, и многие с удовольствием приходили, чтобы побеседовать со священником.

– Кажется, после школы у меня не осталось друзей.

Анджела сжала кулаки. Школьные друзья? Ее брат спятил! Маленькие мальчики, которые тридцать лет назад бегали в школу Братьев? Кто из них, во имя всего святого, мог помнить о Шоне?

– Я полагаю, ты вырос. Как и они, – осторожно намекнула она.

– Все очень изменилось, Анджела. Тебе тоже так кажется? – спросил Шон.

Это было то, что надо. Она поняла, что эта мысль, если ее осторожно развить, сыграет роль спасательного круга. Возвращаться в новый, незнакомый Каслбей не имело смысла.

Анджела вздохнула:

– Я иногда вспоминаю старые времена: на улицах почти никого и всего пара-тройка семей на пляже... Мы здоровались с каждым прохожим.

Сюя ей подыграла:

– Шон заметил вчера вечером, что поселок слишком изменился, стал большим и... Как ты его назвал?

– Аляповатым. Ведь правда? Честно говоря, Анджела, Каслбей становится похож на английские городки – милые, но очень шумные и полные туристов.

– Что тут поделаешь? – воскликнула Анджела. – Я подумываю о том, чтобы самой уехать отсюда. Найти школу побольше и работу получше. Не знаю, почему я до сих пор здесь. Наверное, меня не отпускают корни. Как и тебя.

– Если уедешь, ты всегда сможешь вернуться. Повидаться с людьми. Здесь твои друзья, а у Шона их немного, – спокойно заметила Сюя.

– Я бы не сказал, что... – встрял Шон, не желавший выглядеть одиноким.

– Нет, Шон, ты, конечно, знаком со многими. Но Сюя права. Это мамины друзья, а не наши с тобой. Лучшие из наших разъехались. Так происходит во многих маленьких городках.

– Лучшие разъехались, – повторил Шон за сестрой. – Ты права, Анджела. Совершенно права.

Из сада прибежали дети. На улице очень жарко, можно пойти искупаться? Разумеется, можно. Не хочет ли тетя составить им компанию? Анджела ответила вежливым отказом, но обещала быть дома сегодня вечером. Она накупила мяса и готова устроить большой семейный ужин.

– А на пляже найдется тихий, безлюдный уголок... гм... для пикника? – поинтересовалась Сюя.

Анджела объяснила ей, как пройти туда, где Шону О'Харе меньше всего грозило разоблачение.

– Анджела, мы тут подумали, что было бы неплохо осмотреть окрестности, раз уж мы забрались так далеко.

Это должно было случиться. У нее перехватило дыхание.

– Идея хорошая. Размышляете об однодневных поездках?

– Нет. Хотим поехать по Ирландии, показать детям места, которые им запомнятся. Чтобы им было чем заполнить свои памятные альбомы для вырезок и о чем писать школьные сочинения.

– А я хочу увидеть Дублин. Мне обещали показать Дублин, – напомнила Сюя.

– Это было бы здорово. Но вы же оплатили аренду фургона.

– За этими фургонами люди выстраиваются в очереди, так что нам даже согласились вернуть остаток, что очень порядочно со стороны владельцев.

– Но вы же вернетесь в Каслбей? Перед тем как уехать из Ирландии?

– Нет. В этом нет смысла. Зачем возвращаться тем же путем?

– Понятно. Да, конечно, ты прав.

– Мы решили завтра отправиться в путь. Владельцы после обеда сдадут наш фургон новым жильцам, – сообщила Сюя.

Анджела ничего не сказала. Ее сердце было слишком переполнено.

Шон принял ее молчание за разочарование.

– Пожалуйста, не думай, что мы тебя бросаем. Я никогда не смогу отблагодарить тебя за прием. Это просто... просто...

– Я понимаю тебя. Многое сильно изменилось.

– А кое-что не изменилось вообще.

– Автобус уходит рано утром. Мы должны встать очень рано... – сказала Сюя.

– У меня есть друг – ты его, наверное, не помнишь – Дик Диллон. Он подбросит вас до города, вы можете начать оттуда...

– А он не будет против?

– Нет. Я поговорю с ним сегодня вечером.

– Анджела... есть только одна проблема... с этим Диллоном.

– Какая?

– Ты не скажешь ему, кто я такой? Видишь ли, я бы предпочел, чтобы люди думали...

– Я не скажу ему, кто ты. Я же оставила за тобой право решать: кому и что говорить, помнишь?

Она спустилась с ними по Клифф-роуд и у скамейки с видом на море поцеловала их на прощание. Они направились к стоянке для автофургонов. Анджела заверила их, что Дик Диллон заедет за ними в удобное для всех время, примерно в десять часов.

Вернувшись домой, Анджела опустилась на колени и, заливаясь слезами, возблагодарила Господа – того, кого недавно считала жестокосердным.

Дни обернулись рутинной, которая завораживала и словно усыпляла. Они вставали рано. На участке пляжа перед садовым домиком обычно никого не было, поэтому они спускались по ступенькам к морю, чтобы поплавать в утренние часы. Бонс об этом знал, и хотя пес так постарел, что не мог сам подняться обратно по лестнице, он всегда сбегал с ними вниз. Никто не видел, как вырос живот Клэр, кроме Дэвида, любовно гладившего его, когда они входили в море.

Они ели на завтрак свои любимые сэндвичи – с беконом и помидорами. Дэвид присоединялся к отцу, а Клэр спускалась по Клифф-роуд к своему старому дому. Она пила на кухне чай и делала необходимые покупки. Потом возвращалась по Клифф-роуд обратно в домик, по пути наблюдая за семьями, готовыми провести на пляже весь день. Так проходило утро. Днем Клэр занималась. Дэвид старался выкроить время, чтобы навестить в домик хотя бы дважды в течение дня. Вечером он возвращался. Они редко заглядывали в отель и почти не появлялись на публике, за исключением вечеров, когда комитет устраивал танцы. Тихими мирными вечерами они любовались закатом из собственного окна, поражаясь красотой картины, превосходившей всякую меру. Время от времени они красили стены в комнатах на втором этаже, потому что задача Бампера Бирна сводилась к тому, чтобы худо-бедно приспособить домик для жилья и отремонтировать первый этаж.

– Ну кто увидит верхний этаж, кроме вас двоих? – весело спрашивал он.

Дэвид и Клэр были так счастливы обрести собственный дом, что не спорили с ним.

Наверху было три комнаты: их спальня, комната, которую они собирались превратить в детскую, и кладовая. Клэр подумывала о том, чтобы обустроить в третьей комнате кабинет. Это же очень удобно – разложить все свои записи и книги и не перекладывать их каждый раз, когда нужно перекусить или сделать уборку.

– Но какой смысл устраивать кабинет наверху? – возразил Дэвид. – Разве это правильно: запереться там в одиночестве, а когда родится ребенок...

Клэр согласилась. С кабинетом она разберется потом.

Они выкрасили детскую в солнечно-желтый цвет, а когда Нелли услышала, как молодые супруги шепчутся о прибавке в семье к Рождеству, то очень обрадовалась и сшила для них занавески с героями детских стихов и песенок.

Дэвид таскал в домик игрушки из-под сиденья банкетки в своей старой спальне – незаметно, по одной, тайком от матери. Он не хотел их красть, просто старался лишний раз не упоминать о ребенке. Лицо Молли словно покрывалось коркой льда, когда кто-то упоминал о будущем малыше. Дэвид боялся думать о том, как она отнесется к внуку, когда тот родится.

– Думаю, она смягчится. Не ради меня, а ради ребенка.

– Нужно сделать так, чтобы она побыла наедине с малышом. Ну или с малышкой.

В глубине души Дэвид и Клэр верили, что родится мальчик. Ему уже выбрали имя – Патрик Томас.

Шли дни. Им становилось все труднее представить, что когда-то они жили совсем иначе. Суматошные, торопливые встречи в Дублине, грязная квартира с вонючим холлом и обшарпанной лестницей без ковра в Ратмайнсе казались частью чужой жизни. Дэвид признался, что еле помнит имя рыжеволосого ординатора, который вечно со всеми ссорился. Клэр сказала, что даже под пытками не смогла бы вспомнить, о чем они болтали с Мэри Кэтрин и Валери на протяжении двух с половиной лет.

В молодой семье появилась новая тема для разговоров: пациенты Дэвида. Тем летом он принял роды троих детей. По его словам, большую часть работы проделала миссис Бреннан, которая была замечательной акушеркой, уверенной, спокойной и деловой. Женщинам она очень нравилась. Это заинтересовало Клэр, она всегда

считала миссис Бреннан крикливой и властной, но теперь увидела ее в новом свете. Дэвид доверял Клэр местные секреты, зная, что она никому их не выдаст. У бабушки Джози Диллон развилось старческое слабоумие, и ее пристроили в дом престарелых. Миссис Конуэй собиралась ехать в город, чтобы сделать гистерэктомию. У отца О'Двайера были совсем больные легкие, поэтому отец Дэвида прямо заявил священнику, что в его случае курение – это акт самоубийства, явно неугодный Господу. Отец О'Двайер посоветовал доктору Пауэру не высказываться на религиозные темы и рассуждать с позиций медицины.

– Как раз таки с позиций медицины я и рассуждаю, глупый вы человек, – рявкнул в ответ доктор Пауэр, после чего отцу и сыну пришлось инициировать долгий процесс примирения, в котором Дэвиду выпала роль посредника.

Клэр узнала, что ее брат Джим страдал тугоухостью, а вовсе не был медлительным и туповатым, как они все думали. Ему собирались поставить слуховой аппарат, и Дэвид предупредил о риске полной потери слуха.

– После экзаменов ты могла бы научить его читать по губам.

– Чему-чему? – рассмеялась Клэр. – Я же не умею читать по губам.

– Но ты можешь научиться. Это могло бы все изменить. Иначе он просто закончит как Микки Мак или кто-то типа него.

Клэр испытала настоящее потрясение. Конечно, она может научиться. Должны же быть какие-то книги по теме. Да, конечно, она научится.

Дэвид все больше походил на отца, вникая в чужие заботы и в душе сопереживая пациентам. Через несколько недель люди перестали видеть в нем мальчика, который помогает отцу держать оборону до прибытия настоящего врача. И вот однажды очередная пациентка заявила отцу Дэвида, что ее начал лечить молодой доктор Пауэр и, если никто не против, пусть продолжает, ведь он так ей помог.

За обедом Пэдди достал бутылку шерри, а Молли рассмеялась от гордости и пересказала эту историю Нелли, пока та накрывала на стол. Родители улыбались и радовались тому, как быстро их сын освоился в новой роли. Но они ни разу не вспомнили о его жене, которая сидела с

чашкой супа в садовом домике в пятидесяти ярдах от них, склонившись над книгами.

В садовом домике пока не было телефона. Туда провели звонок из дома родителей, чтобы Дэвид мог принять ночной вызов. Это было не слишком удобно: перед каждым вызовом ему приходилось идти к родителям, чтобы услышать подробности. Молодой семье обещали в скором времени предоставить телефон, заверив, что они одни из первых в очереди.

Однажды утром Клэр с удивлением услышала звонок.

Дэвид давно уехал к пациентам, которые ждали его на дому. Все должны были знать, что она одна. Клэр покорно направилась к дому. Молли ждала ее в холле.

– Тебе звонят из Дублина, – сообщила она и протянула трубку так, словно боялась испачкаться.

– Извините, что побеспокоила вас, – сказала Клэр.

Это была Мэри Кэтрин. Они с Валери нашли чудесную квартиру и уже переехали. Они проведут в ней целый год. Валери собиралась учиться на педагога, а Мэри Кэтрин – на библиотекаря. Места у них предостаточно, Клэр может приехать и остаться в любое время.

Клэр охватило такое сильное желание вернуться в Дублин, что она едва не упала в обморок. Ей невыносимо захотелось уехать за много миль от мадам Дракулы, которая охала и вздыхала, словно ей срочно понадобился телефон. Молли ни на минуту не покидала пределы слышимости, поправляя цветы, хотя с ними все было в полном порядке.

Клэр тоже вздохнула.

– Ну так что? Ты сможешь приехать? Ты приедешь?

– Я напишу.

– Тебе неудобно говорить?

– Да.

– Ты уж постарайся. Мы будем рады, если ты приедешь. Вместе с Дэвидом, конечно, если он выкроит время. У нас есть большая двуспальная кровать в свободной комнате.

– Звучит заманчиво.

– Так ты попробуешь?

– Я уже сказала, что напишу.

Клэр повесила трубку и любезно сообщила миссис Пауэр, что подруги приглашают ее с Дэвидом в гости.

Миссис Пауэр звонко рассмеялась:

– Очень мило с их стороны, Клэр, дорогая. Но в Дублине Дэвид и так никогда не испытывал недостатка в жилье. Боже мой, никогда. У нас там много друзей, и дом Ноланов всегда для него открыт.

Клэр улыбнулась и поспешила вернуться в садовый домик, не дожидаясь, пока ее лицо треснет от напряжения. Там она сначала в сердцах колотила линейкой по всему, что подвернулось под руку, а потом попыталась погрузиться в учебу, но властный женский голос по-прежнему звенел у нее в ушах. Клэр была так зла, что ее трясло. Тогда она решила пройтись.

Она оставила на столе записку на случай, если Дэвид заглянет домой, и вышла, чуть не сорвав дверь с петель. Она направилась напрямик к сарайчику Бампера Бирна, который тот гордо называл своим офисом, и резко заговорила с ним об отдельном входе в сад Пауэров. Они просили сделать нормальный вход с калиткой и асфальтированной дорожкой. Почему вместо этого им проделали дыру в ограде? Нет, это неуместно даже в качестве временной меры. Она требовала, чтобы работу выполнили как полагается. На этой неделе. Хорошо бы уточнить, в какой именно день. Неужели уточнить невозможно? Что ж, Клэр была готова ждать до тех пор, пока это не станет возможным. Нет, она ничего не имела против ожидания. В отчаянии Бампер пообещал найти кого-нибудь к четвергу, и Клэр тепло поблагодарила его за понимание.

Потом Клэр пошла к Питеру О'Коннору. У него была пила, и он подрабатывал валкой деревьев. Это был едва ли не единственный человек в Каслбее, знавший, как соорудить живую изгородь.

– Я хочу посадить маленькую и скромную изгородь, которая быстро вырастет в большой лес, – заявила Клэр.

Питер О'Коннор догадался, зачем девушке понадобилась ограда.

– По-моему, то, что вам нужно, называется купрессоры, но я не уверен в произношении.

– Похоже на латинское название кипариса, вы об этом?

– Совершенно верно. Я могу приобрести для вас крепкие молодые саженцы...

– Мне не нужны слишком молодые, мистер О'Коннор.

- Когда вам доставить их?
- Сегодня днем. И я очень надеюсь, что к началу следующей недели они вырастут до двадцати футов.
- Да ладно вам. Не так уж она ужасна.
- Разумеется, нет, – рассмеялась Клэр. – Я готова потерпеть, пока растет изгородь. Лишь бы кипарисы не подвели.

Она зашла в лавку повидаться с матерью. Внутри было полно посетителей.

- Хочешь, встану за прилавком и помогу?
- Ты что, с ума сошла? Жена доктора? За прилавком? Головой подумай.

Тогда Клэр направилась в отель.

– Ты пообедаешь со мной, Джози? Закажем настоящий обед в ресторане? Я заплачу...

– Я не могу, Клэр, только не в разгар сезона. Мама сойдет с ума, а Роза устроит еще одну сцену. Эти столики для тех, кто платит.

– Я готова заплатить, – возмутилась Клэр.

– Нет, я про обычных людей. Не про нас. Я тебя сто лет не видела. Кстати, как ты?

– Зла как собака, – отрезала Клэр и ушла, помахав на прощание.

Она решила заглянуть в коттедж Анджелы. По пути купила бутылку шерри в лавке Костелло и в ярости набросилась на Тедди Костелло, который назвал ее миссис Пауэр.

– Господь всемогущий, Тедди, мы с тобой вместе ходили в ясли. Еще пару месяцев назад ты называл меня Клэр. Мне теперь называть тебя мистер Костелло?

Тедди, заикаясь, пояснил, что думал, будто ей и старшей миссис Пауэр по душе такое обращение. Он всячески сожалел.

– Как говорят в фильмах: «Вы прекрасны, когда сердитесь, мисс Джонс», – раздался голос.

Оказывается, все это время у нее за спиной стоял Джерри, а она не заметила.

Клэр невольно рассмеялась:

– Нет, правда, Джерри, обращение «миссис» – это последняя капля.

– Фионе оно нравится. Она говорит, что, когда его слышит, чувствует себя взрослой.

– На меня это не действует. Я словно участвую в школьном спектакле.

Джерри вздохнул.

– Видишь, я же тебе говорил. Не нужно было выходить за него замуж. Иди давай, срывай злость на остальных. Тедди успешно уничтожен, – беззлобно сказал Джерри и исчез.

На выходе из магазина Клэр увидела, как Анджела подходит к машине Дика Диллона с фруктами и большой бутылкой апельсинового сока в руках.

– Едете на пикник? – с завистью спросила Клэр.

– Хотим отъехать на несколько миль вдоль побережья. У Дика выходной, мы решили исследовать окрестности.

– Прекрасно.

– Кстати, почему ты не занимаешься?

– Я вышла, чтобы глотнуть свежего воздуха.

– И чего-нибудь покрепче, чтобы не сбрасывать темп? – спросила Анджела, посмотрев на пакет, внутри которого угадывалась бутылка.

– Ну да.

– Надеюсь, это поможет в учебе, – весело сказала Анджела и помахала на прощание.

Не сумев нигде найти утешения, Клэр вернулась в садовый домик. Она больше не злилась на Молли, но привычной бодрости тоже не чувствовала и надеялась, что Дэвид забежал домой, пока она бродила по улицам. Разговаривать с ним не хотелось. Клэр понимала, что не сможет скрыть нотки отчаяния в голосе.

На столе рядом с книгами лежала записка:

Рад, что ты вышла на прогулку, сегодня прекрасная погода. Давай оба возьмем выходной и погуляем по берегу? Меня вызвали к ребенку Питера О'Коннора, который получил ожоги, и мистер О'Коннор сообщил мне, что ты заказала маленькие саженцы для сада. Это отличная идея. Мистер О'Коннор обещал их завтра привезти – поразительная скорость для Каслбея! Я люблю тебя, дорогая. Увидимся сегодня вечером.

Внизу Дэвид нарисовал сердечко и вписал в него свое имя.

Клэр села за стол и плакала до тех пор, пока слезы не закапали на листы, сплошь исписанные ее размашистым почерком.

Ее муж был самым великодушным и любящим человеком на земле, а она разгуливает по поселку, пытаясь выстроить стену и выкопать ров между ним и его семьей. Клэр чувствовала себя жалкой и никчемной. Может быть, мадам Дракула не так уж ошибалась на ее счет? Она была недостаточно хороша для Дэвида.

Дэвид и Клэр устроили пикник на побережье. С ними были чайки и два маленьких тюленя, а в море плавал косяк морских свиной.

Они грелись на солнце, счастливые и полные новых сил. Они забежали в море и вернулись обратно, выпили бутылку вина и фляжку кофе, съели яйца вкрутую и черный хлеб с маслом. И мороженое, которое не растаяло, потому что его завернули в шесть газет.

Они целовались и смеялись. Дэвид обвинил ее в том, что она оказала Питеру О'Коннору непристойную услугу, чтобы так быстро получить свою изгородь, а Бамперу Бирну и его банде – целый пакет непристойных услуг, раз они наконец-то сделали им приличный вход, выполнив обещание, данное в конце апреля.

Клэр заявила, что все пациентки Дэвида просто в него влюблены, а Роза Диллон из отеля из кожи вон лезет, чтобы его заполучить, и ей совсем не важно – женат он или холост. Они пожалели, что не взяли с собой старину Бонса; ему бы понравился пляж, но в последнее время он совсем одряхлел, и прогулка по лестнице могла показаться ему чересчур утомительной.

Они были счастливы, как никогда.

Первого сентября она отправилась в Дублин на поезде. До экзаменов оставалось четырнадцать дней. Дэвид собирался навестить жену дважды, оба раза на выходных, а потом отвезти ее домой, когда экзамены закончатся.

Клэр заверила мужа, что ехать с ней сейчас – пустая трата времени.

– От всего сердца желаю тебе удачи, девочка моя, – сказал на прощание доктор Пауэр. – На экзаменах ты всегда попадала в высшую

лигу. Помнишь, как я возил тебя в город много лет назад, чтобы ты получила стипендию? Я помню эту поездку, словно это было вчера...

Доктор Пауэр ласково улыбнулся и вздохнул при мысли о том, как быстро летят годы.

Молли пустила в ход все свое очарование.

– Надеюсь, тебе попадутся именно те вопросы, к которым ты готова лучше всего, – сказала она. – Может быть, это не самый умный способ выразиться, но ты понимаешь, что я имею в виду...

Они заехали в лавку О'Брайена, и Клэр зашла поцеловать мать.

– Господи, дочка, ты же не на край света собралась, – удивилась Агнес.

– Я знаю, мама, но это очень важно для меня. Я получаю диплом бакалавра и первую ученую степень.

– Да-да, конечно, Клэр. Мы все надеемся, что у тебя получится, но разве теперь это важно?

Агнес подошла к двери и помахала рукой, озадаченная раздражением, которое промелькнуло на лице младшей дочери. Она ведь сказала чистую правду. Мало кто понимал, зачем утруждать себя возвращением в колледж и сдачей экзамена после замужества.

Это было похоже на глупую бравладу.

– Нам пора учиться оказывать первую помощь? – испуганно спросила Валери, когда Клэр сняла туфли и села, подложив под спину подушку.

– Что ты имеешь в виду?

– Что нам делать, если этот твой мужчина родится здесь? Я знаю, тебе нужны часы, чтобы засекают время между схватками.

– Нет. Это случится на неделе после пятнадцатого октября. Отец Дэвида надеется, что ребенок родится восемнадцатого числа, очевидно, на праздник святого Луки, который при жизни был врачом. Что ты делаешь? – внезапно спросила она, увидев, что Мэри Кэтрин заглядывает в дневник.

– О боже! Ты пропустишь вручение дипломов, – вздохнула Мэри Кэтрин.

– Черт возьми, я не пропущу вручение дипломов. Ни за что на свете. Когда Патрику Томасу исполнится три дня, я буду достаточно

здорова, чтобы передвигаться. Я не могу пропустить церемонию. Может быть, он родится пораньше...

Клэр обратилась к своему животу:

– Будь хорошим мальчиком и порадуй мамочку... Постарайся управиться к концу сентября. В идеале – до двадцать девятого числа, чтобы мамочка успела вернуться в Дублин и получить диплом.

Мэри Кэтрин снова посмотрела в дневник.

– Вообще-то, день неплохой. Праздник святого Михаила и всех ангелов.

– Точно! – захлопала в ладоши Клэр. – Ты слышал? Ты должен родиться двадцать девятого сентября, и мы дадим тебе третье имя – Майкл.

– Я думала, мамы начинают так мерзко сюсюкать с младенцами только после родов, – пожаловалась Валери.

Все было в точности, как она мечтала. Много свободного места, повсюду разбросаны книги, день и ночь варится кофе, заглядывают друзья. В Национальной библиотеке люди видели, что она в положении, и ободряюще улыбались. В Университетском колледже все не на шутку удивились. Клэр была тихой и незаметной, ее хорошо знали только те, кто учился с ней в одной группе.

Она оплатила экзамен и получила личный номер. Когда у нее появилась карточка с личным номером, она почувствовала, что близка к цели.

Клэр навестила Эмер и Кевина и по их лицам поняла: они не ожидали, что она приедет сдавать экзамены на таком позднем сроке. Вероятно, дома Клэр держалась слишком хорошо. Похоже, в Дублине все гораздо лучше осознавали возможные риски.

Клэр обсудила с наставником объем проделанной работы.

– Я думал, мы больше вас не увидим, – признался он.

– Почему вы так подумали? – яростно спросила Клэр.

– Ну, радости супружеской жизни, лето в Каслбее – целое лето, а не одна неделя. Я думал, вы уже не сядете за книги.

– Меня беспокоит только мой диплом бакалавра, – улыбнулась Клэр. – Наверное, многим кажется, что я слишком остро на все реагирую и слегка не в себе. Но когда на пути к диплому встречаешь

столько препятствий, начинаешь думать о нем как о чем-то вроде святого Грааля.

– Как бы я хотел, чтобы все студенты относились к учебе так же серьезно, как вы.

– Тогда пожелайте мне удачи.

– Вам не нужна удача, Клэр О’Брайен... простите, не знаю вашей новой фамилии. Вы справитесь, и об этом все знают.

Они знали. Ей нужно было доказать, что они не ошиблись. В ту ночь, ложась спать, она улыбалась.

Днем она позвонила Дэвиду. Он только что вернулся в Каслбей после второй поездки в Дублин. Без нее в садовом домике было пусто и одиноко, но меньше чем через десять дней она окажется дома, и они будут ждать. Вместе.

Он пожелал ей отваги, бодрости и уверенности в себе. Он не мог сказать, что любит ее, потому что телефон стоял в доме родителей. Он добавил: «И всего такого». Это были их кодовые слова.

Она вспомнила об этом, повернулась на другой бок и уснула, чувствуя себя абсолютно счастливой.

Посреди ночи Мэри Кэтрин вскочила в тревоге:

– Скорее сюда! Она стонет и кричит!

– Что? Кто?

– Клэр. Ее пополам согнуло. Иисус, Мария и Иосиф, она, наверное, рожает. После всех наших шуток про это.

– Чушь! Этого не может быть. Роды через несколько недель.

– Заткнись! А вдруг это выкидыш? Нет, для выкидыша слишком поздно... Я не знаю. Надо звать «скорую».

– Она отказывается от «скорой».

Лицо Клэр побелело, по лбу обильно струился пот.

– Все в порядке, – выдохнула она. – Это не оно. Я не могу рожать. Это не те боли, о которых мне говорили. Никакой тяжести внизу живота, или что там бывает при родах.

– Мы не знаем здесь ни одного врача, и нас тоже никто не знает. Мы вызываем «скорую», Валери звонит прямо сейчас, – сказала Мэри Кэтрин, пытаясь сохранять спокойствие.

– Пожалуйста, не надо. Мне нельзя в больницу! Какое обследование? Все в порядке!

– Пожалуйста, Клэр. Тебя осмотрят и подтвердят, что тревога ложная, хорошо? Ради нас! Пожалуйста. Ты выйдешь через двадцать минут, и мы все посмеемся. Пожалуйста!

Она пинком захлопнула дверь, чтобы Клэр не услышала, как Валери описывает по телефону критическое состояние роженицы.

– А потом мы пойдем и спокойно сдадим экзамены.

– Я не хочу, чтобы ты не спала полночи! – закричала Клэр.

Вошла бледная Валери:

– Одевайся. Мы поедем с ней.

– Нет! – закричала Клэр.

«Скорая» приехала через десять минут. Девушки тихо собрали вещи Клэр и оставили ее наедине с бригадой.

Сотрудники «скорой помощи» выглядели как ангелы утешения.

– Это ложная тревога, – рыдала Клэр. – Мне очень жаль! У нас у всех завтра выпускные экзамены.

Она согнулась от боли.

Медики переглянулись, водитель запрыгнул на водительское сиденье и включил сирену.

Боль была такой, что Клэр представить себе не могла. Не помогало ничего: ни дыхание собачкой, которому ее обучили, ни чтение стихов скороговоркой вполголоса, ни попытки сменить позу. Хмурая акушерка студенческого возраста время от времени советовала расслабиться. Клэр хотелось ее убить.

Спустя два часа непрерывных схваток ей сказали: что-то идет не так. И без того мрачная акушерка, в третий раз выслушав сердцебиение плода, выпрямилась с траурным видом:

– Ребенок в критическом состоянии.

– Боже мой! – испугалась Клэр. – Что случилось? Вы можете сказать, что с ним?

– Сердце не выдерживает схваток.

– Но все будет в порядке? С ребенком все будет в порядке?

– Я не знаю, – ответила акушерка. – Мне нужно сообщить об этом врачу.

Казалось, прошли часы. Клэр испытывала неподдельный ужас, ей очень не хватало Дэвида. Она не ожидала, что во время родов могут возникнуть осложнения. Ей казалось, что ребенка убивает ее собственное тело, и оно было ей неподвластно. Ее ребенок мог умереть, прежде чем она успеет взять его на руки, поцеловать или хотя бы взглянуть на милое личико. И она ничего не могла с этим поделать.

Она пыталась не дышать, как будто это могло облегчить страдания ребенка, но тут дверь распахнулась и вошел Бар, рыжеволосый врач, которого так недолюбливал Дэвид. Осмотр занял несколько секунд.

– Разрыв пуповины, – констатировал Бар. – Мне очень жаль. Я понимаю, что вас это очень расстроит, но единственный выход – это кесарево сечение. Мы просим вас подписать согласие.

– Кесарево сечение! – вскричала Клэр вне себя от радости. – Слава богу! Я совсем о нем забыла.

Позже она узнала, что разрыв пуповины был самым серьезным осложнением при родах после маточного кровотечения. Но тогда она видела только Бара в белой маске и зеленом костюме, отдававшего короткие и четкие распоряжения. Выражение его лица, прежде отрешенно-безучастное, теперь внушало доверие и вселяло уверенность в полном контроле над ситуацией. Сестра Маккласки, которую вызвали, потому что она была «экспертом по пуповинам», оказалась жизнерадостной женщиной необъятных размеров. Она просунула руку в святая святых и всю дорогу до операционной бегло информировала Клэр о том, как себя чувствует ребенок.

– Я люблю тебя, – сказала она, а потом ей дали наркоз.

Прежде чем анестезия подействовала, она ощутила острую боль от разреза скальпелем и услышала, как кто-то восхитился красотой девочки. Больше Клэр ничего не помнила.

Она очнулась в послеоперационной палате и увидела Дэвида с ребенком на руках.

– Она улыбнулась, – сказал Дэвид. – Я держал ее на руках целый час. Мы ждали, когда ты придешь в себя, и она улыбнулась мне так широко, что ты даже представить себе не можешь.

– С ней что-то не так? – спросила Клэр.

– Дорогая, она само совершенство.

- Ты лжешь, она вылитый монгол.
- Вот, посмотри сама, она прекрасна.
- Младенцы не улыбаются, пока им не исполнится шесть недель.

В этот миг малышка начала плакать, настойчиво и сердито, и Клэр, впервые взяв дочь на руки, сделала два поразительных открытия. Во-первых, при контакте с матерью малышка мгновенно переставала плакать; а во-вторых, она и впрямь безупречно прекрасна. Правда, нос у нее был приплюснут, зато глаза были большие и ясные, а еще у нее была густая копна волос. Ее пальцы выглядели так, словно их долго вымачивали в жидкости для мытья посуды, но они были тонкими и изящными, с длинными отточенными ногтями, словно малышка специально сделала маникюр для своего дебюта. На запястье и лодыжку ей надели пластиковые браслеты с указанием пола, фамилии, даты и времени рождения.

Клэр внезапно захотелось остаться в палате навсегда, чтобы ребенок был в безопасности у нее на руках и под защитой медиков. Потому что новая любовь делала Клэр уязвимой и навсегда лишала спокойствия.

«А вдруг малышка заболеет ветрянкой? Или залезет на дерево? И как теперь читать газеты, где пишут про детей, погибших в пожаре?» – думала она.

Жизнь представляла собой череду опасностей, и Клэр чувствовала страх.

Часть IV

1960–1962

Как им потом объяснили, никто не ошибся в расчетах. Скорее всего, чрезмерное напряжение и стресс накануне экзамена вызвали преждевременные роды; или же малышка оказалась слишком нетерпеливой и не пожелала ждать своего часа; или же Клэр питалась неправильно и пренебрегала отдыхом.

Крошечное личико девочки не было красным, как у других младенцев в больнице, а таких длинных ресниц ни Дэвид, ни Клэр ни у кого прежде не видели. Малышка выглядела такой изящной и хрупкой, что Джон Фитцджеральд Бирн в сравнении с ней казался огромным неповоротливым увальнем, а другие дети – крикливыми и уродливыми.

Молодые родители смотрели друг на друга и на бесподобное существо, созданное ими, и твердили, что не верят своему счастью. Они столько раз повторили эти слова в присутствии отца Флинна, что тот даже спросил, уж не хотят ли они прямо так и назвать свою дочь.

Дэвид и Клэр решили дать девочке имя, которое не встречалось в их окружении. Они исключили имена Молли, Агнес, Крисси, Кэролайн, Анджела, Эмер, Валери и Мэри Кэтрин. А также Фиона, Джози и Берни. Они хотели подобрать имя, которое никто раньше не использовал, и наполнить его новым смыслом и содержанием, как джемпер, когда его надевают.

Ни Дэвид, ни Клэр не знали ни одной Виктории и Марты, поэтому выбирать предстояло из двух вариантов. А потом Дэвид вспомнил об имени Оливия. Он несколько раз произнес это имя, и с каждым разом ему все больше казалось, что оно идеально подходит для их миниатюрной малышки. Оливия Пауэр. Это имя было создано для нее.

– Нужно выбрать второе имя – имя святой, – подсказала всезнающая медсестра.

– Мне все равно, любая святая сойдет, – бодро ответила Клэр.

– Мэри звучит неплохо, – предложила медсестра.

– Как зовут твою мать? – внезапно спросила Клэр у Дэвида.

– Молли, ты же знаешь.

– Да, а полностью?

– Маргарет.

– Точно. Мы назовем ее Оливия Мэри. Чтобы бедная святая Агнес не думала, что ее обошли вниманием. Честно говоря, папа сильно расстроился из-за Джона Фитцджеральда Бирна...

Оливию Мэри Пауэр выписали из больницы, когда ей исполнилось десять дней. Ее мать была по-прежнему бледна и не до конца оправилась от потрясения. Оливию требовалось кормить чаще, чем ребенка, родившегося в срок, но в остальном девочка была совершенно здорова. Когда в больнице узнали, что Клэр – жена врача, а не истеричная студентка, за которую ее приняли сначала, для нее сразу нашли отдельную палату. Молодые родители смогли устроить небольшой праздник и выпить по бокалу шампанского по случаю крестин. Там были цветы, открытки и целое море восхищения.

Никто не пытался выразить сожаление по поводу того, что ребенок родился недоношенным. В Каслбее молодые родители собирались делать вид, что роды были преждевременными, даже если бы они прошли с опозданием в шесть недель. И никто не посетовал, что Оливия Мэри Пауэр не смогла отложить свое появление на свет хотя бы десять дней, чтобы ее мать успела сдать экзамен на степень бакалавра, о которой так страстно мечтала.

Все так бурно восторгались малышкой, что упоминать о том, как несвоевременно она родилась, было неуместно.

– Как думаешь, она в отчаянии, но не говорит об этом? – спросила Валери у Мэри Кэтрин.

– Понятия не имею. Я хотела показать ей экзаменационные бланки, но что-то меня остановило. Я больше не пыталась заговорить об экзаменах.

– Забавно. Я всегда могла задать ей любой вопрос, а когда на днях оказалась с ней и ребенком наедине, то не решилась спросить.

– Я тоже. Мне звонил тот лохотный адвокат, хотел пригласить меня на свидание, я пыталась вежливо ему отказать, но он вдруг перебил меня и спросил, не рехнулась ли Клэр из-за своих экзаменов. По его словам, она с детства твердила о том, что обязательно получит ученую степень. А теперь даже не вспоминает о дипломе.

– Я не думаю, что она в отчаянии. Я думаю, она чертовски рада рождению ребенка. В Новом Завете сказано, что женщина радуется, когда в мир родится человек.

– Не пытайся толковать Библию, Валери. Судя по всему, никто в Ирландии ее не читал.

– Ей чертовски не повезло! Бедная Клэр.

Дик и Анджела учились готовить по кулинарной книге, и каждую неделю испытывали на кухне Анджелы новый рецепт.

Анджела согласилась:

– Я думала, она решит, что настал конец света и будет рыдать всю дорогу из Дублина. Но, похоже, она совсем не расстроилась.

– Наверное, теперь, когда у нее появился ребенок... – Дик замолчал и хмуро уставился в миску. – Как думаешь, я уже получил бледную и воздушную текстуру или мне взбивать дальше?

– Людей, которые пишут кулинарные книги, нужно повесить. По моему, смесь бледная и воздушная, но как это проверить? Они советуют «запекать до готовности». Тому, кто знает, когда наступает «готовность», не нужны эти дурацкие книги.

Анджела походила по кухне из стороны в сторону.

– Наверное, она может сдать экзамен в следующем году, – сказал Дик.

– Может. Но так обычно никто не делает. Она не сможет учиться с маленьким ребенком на руках. И как тогда она сдаст экзамен?

– Ты очень переживаешь за нее.

– Да, но не обращай на меня внимания. Я переживаю по любому поводу.

Агнес прочла Тому письмо. Про то, что волосы у ребенка свисали с макушки на лоб и торчали в разные стороны, словно лучи маленькой звездочки. Что на каждом крошечном пальчике на ногах был идеальный розовый ноготок. Что Дэвиду пришлось срочно везти в Дублин все вещи для малышки, а он в спешке не смог найти половину из них и по ошибке упаковал в сумку скатерти, простыни и детские полотенца вместо распашонок и маечек.

– Похоже, Клэр в восторге от ребенка, – обрадовалась Агнес.

– Не рановато ли он появился? Люди ведь об этом подумают? – Том О’Брайен посмотрел на жену поверх очков, наблюдая за ее реакцией.

– Всем и так понятно, что ребенок родился слишком рано. Разве не из-за этого она пропустила экзамен? – воскликнула Агнес.

– Но даже если...

– Том, прекрати, пожалуйста, все знают, что ребенок родился раньше срока. Клэр думала, что успеет получить диплом бакалавра.

– Да-да.

Том понял, что дома не будет ни ругани, ни жалоб, и счел это настоящим подарком судьбы и хорошим предзнаменованием.

– Странное ей дали имя, – проворчал он. – Это явно дело рук Пауэров. Молли решила выбрать что-нибудь эдакое. Думаю, так оно и было. Но я лучше промолчу.

Нелли хотела знать, когда они вернутся. Она отправилась в садовый домик в свой выходной, чтобы подготовить все, что нужно, к приезду молодой семьи. Сначала она не слишком обрадовалась появлению Клэр, ожидая, что девушка начнет важничать и строить из себя невесть что. Но шли месяцы, и Нелли прониклась сочувствием к девочке, которая целыми днями сидела за книгами. Когда Нелли проходила мимо окон садового домика, Клэр ни разу даже головы не подняла, она все время читала и занималась.

Скорое появление малыша не было для Нелли тайной, и она лучше всех понимала, как по этому поводу злится хозяйка. Беда была в том, что у хозяйки не было настоящих друзей, с которыми она могла бы поговорить, и это огорчало ее до глубины души. Она просыпалась и засыпала в одинаково плохом настроении.

Нелли жалела хозяйку. Молли была неплохой женщиной. Порой она вела себя вздорно, но у каждого свои недостатки. Разумеется, Молли хотела, чтобы Дэвид нашел себе девушку получше, чем дочь лавочника. Дэвид Пауэр мог рассчитывать на хорошую партию, но уж если он втянул дочь О’Брайена в неприятности, а потом смог обрести с ней семейное счастье, то, по мнению Нелли, этому следовало только радоваться. Вести войну в саду на поле боя длиной в пятьдесят ярдов было бессмысленно. Рождение ребенка могло разрядить обстановку, но было нетрудно понять, что преждевременное появление малышки на

свет разозлило хозяйку еще больше. Причину, по которой молодые так спешили со свадьбой, теперь было не скрыть.

Молли ответила, что Дэвид и Клэр приедут в субботу.

– Мне подать чай для всех вас в столовую? – спросила Нелли.

Молли собиралась сказать «нет», но передумала:

– Да, накрой стол на всех.

Нелли про себя улыбнулась. По крайней мере, она постаралась сделать так, чтобы молодым супругам не пришлось сидеть в садовом домике, дожидаясь звонка хозяйки.

Доктор Пауэр ждал на платформе, нетерпеливый, как ребенок.

Они сидели в одном из первых вагонов, поэтому проехали мимо него. Старик радостно моргал и заглядывал в окна поезда.

Клэр почувствовала, как к глазам подступают слезы, а Дэвид подскочил к окошку и помахал рукой:

– Отец, отец!

Родные настаивали, чтобы доктор Пауэр не ездил один, поэтому он взял с собой на вокзал миссис Бреннан. У нее были в городе дела. Теперь она ждала в машине. Молли предпочла остаться дома, сославшись на то, что готовит праздничный ужин. Пэдди с ней не спорил.

Он торопливо шагал по платформе, а под конец не выдержал и побежал им навстречу, чтобы заглянуть в белый сверток. Он снял очки, протер их и снова надел.

– Она идеальна, благослови ее Господь, идеальная маленькая девочка, – вздохнул он.

Клэр очень нервничала, когда кто-то прикасался к малышке, но без колебаний вложила сверток в руки свекра. Тот управлялся с ребенком очень умело и так восторгался новорожденной внучкой, что прохожие стали обращать на них внимание.

– Похоже, мы устроили цирк, – заметил доктор Пауэр. – Что ж, Клэр, девочка моя, поехали домой.

Они прошли через турникеты, и доктор Пауэр показал внучку сидевшей в машине миссис Бреннан, и та выразила восхищение.

– Подскажите, миссис Бреннан, я правильно ее держу? – спросила Клэр.

Это было очень кстати. Лицо миссис Бреннан смягчилось. Вопреки своим ожиданиям, она увидела перед собой юную неопытную девушку, а не чопорную госпожу. Всю дорогу до Каслбея миссис Бреннан показывала, как правильно поддерживать малышке голову, как кормить ее из бутылочки и как избежать искривления позвоночника. Доктор Пауэр скрыл довольную улыбку. Его приятно удивил искренний интерес, с которым Клэр и Дэвид слушали миссис Бреннан.

Шесть месяцев назад они оба перешли бы дорогу, чтобы избежать разговора с ней, а теперь ловили каждое ее слово.

Доктор Пауэр подъехал к дверям большого дома.

– Молли приготовила праздничный ужин. Мы пойдем прямо к ней и покажем ей ребенка или вы хотите сначала зайти к себе?

Не было никаких сомнений в том, чего он хотел. Дэвид быстро взглянул на Клэр.

– Мы с удовольствием зайдём и покажем ребенка, – ответила она.

Молли побывала в парикмахерской и надела свой лучший вязаный костюм-двойку. Она стояла в гостиной с таким видом, словно устраивала светский прием и ожидала гостей.

Дэвид вбежал и поцеловал ее, а затем посторонился. Клэр сразу вручила ребенка свекрови, чем поразила ее до глубины души. Молли готовилась склониться над свертком в руках Клэр и восхищаться ребенком на расстоянии. Теперь внучка оказалась у нее на руках.

Все наперебой восторгались малышкой, а Клэр исподтишка наблюдала за Молли. Внимание мадам Дракулы было приковано к ребенку.

Прощения ожидать не стоило. Молли никогда не забудет ни якобы загубленной жизни юного Дэвида, ни вынужденной женитьбы на девушке из низшего класса, ни торопливой свадьбы, чтобы скрыть беременность невесты, ни преждевременного рождения ребенка. Тем не менее Молли понравилась внучка. По крайней мере, миссис Пауэр не собиралась отказываться от ребенка. Дела шли на лад.

На следующее утро на мессе они встретили Джерри, который рассыпался в поздравлениях.

– Оливия по-настоящему шикарное имя для Каслбея, – одобрил он.

– Всех уже тошнит от Дэвидов, Клэр и Джерри, скучных имен, набивших оскомину, – рассмеялась Клэр.

– Надеюсь, ее не будут дразнить Оливкой, – заметил Дэвид.

– Тогда придумайте для нее свое прозвище, – посоветовал Джерри.

– Ливи? – предложила Клэр.

– Может, Лиффи? – предложил Джерри, пока Дэвид покупал газеты у Микки Мака. – Мне жаль, что так вышло с экзаменом, – тихо посочувствовал он.

– Это не имеет значения, – ответила она.

– Конечно имеет.

– Нет, правда. Это как-то само собой отошло на второй план. Я такого не ожидала.

– Тебе не одурочить меня. Я знаю, что ты этого сильно хотела, и не надо отмахиваться от слов сочувствия, как будто они ничего не стоят, – топнул ногой Джерри.

Дэвид и Клэр настояли, чтобы Анджела заглянула к ним в домик. За Оливией присматривала Нелли.

Они выпили кофе с тостами, и Анджела заявила, что подарит малышке книгу, а не вязаное платьице, потому что не умеет вязать, к тому же все и так дарят платьица.

– Помнишь, ты подарила мне мою первую книгу? – спросила Клэр. – Чтобы утешить меня, когда я не получила приз.

– «Золотую сокровищницу». И в конце концов все сложилось как нельзя лучше.

Клэр прижала к себе ребенка, и ее худое бледное лицо затуманилось при воспоминании о драматической истории десятилетней давности.

Она поцеловала ребенка в лоб, и Анджела задумалась: Клэр видит в дочери утешительный приз, который она получила вместо диплома по истории? И была ли она согласна с тем, что все обернулось к лучшему?

Кресси была единственной, кто упомянул, что Оливия родилась спустя пять месяцев брака.

– Я опозорена перед семьей Бирн, – заявила она.

Клэр вздохнула:

– Разве ты не можешь сказать им, что ребенок родился раньше срока?

– Дети не рождаются так рано.

– Ты готова хотя бы взглянуть на малышку? У нее первая встреча с двоюродным братом. Похоже, Джон Фитцджеральд в отличной форме, – сделала Клэр очередную попытку.

За много лет она привыкла к тому, что нужно приложить немало усилий, чтобы добиться от старшей сестры человеческого отношения.

– Я не держу зла на ребенка, бедняжка тут ни при чем.

– Хорошо, вот она, взгляни на нее.

Клэр вручила малышку сестре. Она обнаружила, что это верный способ вызвать восторг по поводу ребенка, – с малышкой на руках люди вели себя совсем по-другому.

– Она просто великолепна, – восхитилась Крисси. – Хотя маловата, конечно.

– Я же говорила, что она родилась раньше срока, помнишь?

Крисси наконец рассмеялась, а Клэр взяла Джона Фитцджеральда на руки и обняла:

– Иди-ка сюда, к тете Клэр. Какой ты большой парень! Тебе уже целых шесть месяцев. Ты замечательный большой парень.

– Если бы ты только знала, как тяжело дались роды, – пожаловалась Крисси.

– Ну, я кое-что об этом знаю. Было не до смеха?

– О чем это ты знаешь? Тебе-то малышку рожать не пришлось! Ее из тебя просто достали.

– Ну, можно и так сказать, – сказала Клэр и стиснула зубы.

– Будь это так просто, во всех семьях было бы с полдюжины детей. Подожди второго ребенка, Клэр, тогда узнаешь, на что это похоже. Я промучилась четырнадцать часов. Четырнадцать! Но с женой врача такое вряд ли случится. Никто не бросит ее корячиться день и ночь напролет.

– Да уж, тебе и правда несладко пришлось.

Клэр очень хотелось самой произвести на свет Оливию, но объяснить это Крисси было бесполезно.

– Да, именно. Такое не забывается. И все же это было естественно и в каком-то смысле более нормально. Представить себе не могу, что ты теперь такая же, как я, после всех своих грандиозных планов и долгой учебы.

– Действительно. Разве это не странно? – беззлобно заметила Клэр.

Криси почувствовала себя виноватой.

– Ну, ты и так сделала достаточно много.

– Безусловно.

Пациенты были рады узнать, что у Дэвида родился ребенок. По их словам, отец семейства внушал больше доверия. Они присылали в подарок мягкие игрушки и платица с ручной вышивкой. Подарки дарили те, кому не хватало денег, чтобы заплатить врачу, и даже те, кто не имел за душой ни гроша. Людям нравился повод.

Один мужчина вручил Дэвиду пару свежеподстреленных зайцев со словами: «Скажи жене, чтобы приготовила вкусного зайца в горшочках, это полезно для ребенка». Другой принес ему бутылку потина^[20], чтобы обмыть радостное событие. А женщина, чей дом пользовался дурной славой, прислала малышке волшебную пряжку и сказала, что эта пряжка будет защищать девочку на протяжении всей ее жизни.

Клэр научилась ловко кормить ребенка из бутылочки, но на это все равно уходило много времени. Все, что касалось Оливии, занимало много времени. Клэр с благоговением смотрела на женщин в окружении шестерых или семерых малолеток. Как им это удалось? Возможно, так много хлопот было только с первым ребенком, а потом в распоряжение матери поступала команда помощников. Клэр вспомнила, что мать, работая в лавке, поручала ей кормить Джима и Бена из бутылочки.

Оливия была такой славной, что с ней можно было играть часами. Стоило прикоснуться пальцем к ее животику, как она начинала мило размахивать ручками и ножками. И она улыбалась. Она научилась улыбаться намного раньше, чем остальные дети.

– Я уверена, что все чувствуют нечто подобное, но ни у кого нет времени выразить это словами или даже подумать об этом, – сказала

Клэр, глядя на маленький белый сверток в колыбели.

– Сейчас мне действительно не хватает времени, чтобы выразить это словами или даже подумать об этом, потому что я снова ухожу. – Дэвид допил свой чай и натянул пальто. – Я не знаю, что чувствовал в свое время папа, но он определенно через это прошел и никогда не жаловался.

Дэвид поцеловал жену и дочь и побежал под дождем к машине. Он все больше втягивался в работу, вникая в проблемы пациентов. И даже признался, что за месяц в Каслбее можно узнать столько же, сколько за год в больнице.

В первые несколько недель об учебе не могло быть и речи. Клэр не собиралась садиться за книги до Рождества. Все говорили, что в первые три месяца ребенку требуется как можно больше внимания со стороны матери. Правда, никто не предупреждал, что, помимо внимания, матери придется отдавать ребенку все свои силы. Возможно, это следовало узнать самой.

Оливия не доставляла лишних хлопот, как утверждали знающие люди, знакомые с тяготами материнства: Агнес, Молли Пауэр, Крисси, молодая миссис Диллон, Анна Мерфи и десяток других. Девочка долго и крепко спала, но иногда заходилась плачем. Однажды Клэр совсем отчаялась успокоить малышку и уже собиралась отнести ее к дедушке в смотровую, как вдруг обнаружила, что булавка на подгузнике расстегнулась и вонзилась девочке в ножку.

– Как я могла так поступить с тобой? Как? – заплакала Клэр и так крепко прижала к себе малышку, что Оливия начала задыхаться и вопли возобновились.

Много времени занимало купание. Нужно было действовать осторожно, правильно держать ребенка, норовившего выскользнуть из рук, не давать мылу попасть девочке в глаза и следить, чтобы она не замерзла.

Кормление из бутылочки порой превращалось в настоящее испытание. Бывали дни, когда Оливия все время отталкивала рожок. А когда ее удавалось накормить, девочка не желала засыпать. Снова и снова Клэр брала ребенка на руки. Казалось, проходила целая вечность, прежде чем малышка соглашалась уснуть, хотя у нее всюду слипались глаза.

А еще была стирка. Нелли предложила Клэр свою помощь, но, к сожалению, ее услышала Молли Пауэр, которая тут же вздернула брови. Клэр тепло поблагодарила Нелли и ответила, что справится сама. Она даже представить себе не могла, что крошечный ребенок может обеспечить такое количество стирки. Вдобавок к рубашкам Дэвида. В семье О'Брайен никто не надевал каждый день новую рубашку. Папа менял рубашку раз в четыре дня. А братья... Одному богу известно, как часто они переодевались. Но Дэвиду каждый божий день требовалась свежая рубашка. Вначале на то, чтобы погладить одну чертову рубашку, уходило по семнадцать минут. Потом это время сократилось до одиннадцати минут. Все равно слишком много. Одиннадцать минут. Целый час, чтобы перегладить пять рубашек. Было проще гладить сразу по пять штук, иначе Дэвид огорчился из-за отсутствия выбора.

– Если тебе это так не нравится, я могу гладить рубашки сам, это успокаивает нервы, – предложил как-то раз Дэвид, выслушав порцию жалоб.

– Нет, черт возьми, ты не будешь этого делать. Стоит тебе взять в руки утюг, как сюда явится твоя мать, и я окончательно паду в ее глазах.

В тот день Клэр решила погладить три рубашки. Но едва она приступила к первой, как проснулась Оливия. Близилось время кормления, поэтому рубашки пришлось отложить в сторону. Потом Дэвид пришел домой на обед. А затем ей нужно было привести себя в порядок, потому что ее пригласили в дом родителей на чашку чая. Молли все время сюсюкала с Оливией и дважды спросила у трехмесячной малышки, не жмет ли ее платице.

Малышка молчала, поэтому за нее ответила Клэр. Платице было девочке в самый раз.

– Тогда почему у тебя болячки на руке, Оливия? Вот эти маленькие красные отметины. Бедная Оливия.

Клэр захотелось взять с дивана одну из жестких неудобных подушек и стукнуть Молли. Вместо этого она откинулась на спинку стула и откусила кусочек от тонкого сэндвича с помидорами.

После обеда позвонил Дэвид.

– Что случилось? – встревоженно спросила Клэр.

– Ничего, я просто радуюсь, что у нас появился телефон, вот и все.

– Да, это чудесно. Больше никаких звонков из господского дома.

– Да ладно тебе, Клэр! – засмеялся он.

– Извини, извини. Ты сможешь купить у Двайера несколько отбивных?

– Он, наверное, будет закрыт, когда я освобожусь. Позвони им и закажи доставку.

– Чтобы Крисси потом целый месяц называла меня леди Зазнайкой?

– Ну что ж, делай, как тебе удобнее. Я должен идти. Я просто хотел тебя услышать.

– Ты ничего не хотел мне сказать?

– Только то, что люблю тебя.

Клэр повесила трубку и только тогда поняла, что ей следовало сказать то же самое.

Она попросила Нелли присмотреть на кухне за ребенком и сходила на Черч-стрит, чтобы купить отбивные и повздорить с Крисси.

Свекровь отодвинула занавеску в гостиной и смотрела ей вслед.

В тот вечер Клэр написала Валери, но порвала письмо. Это был перечень жалоб. Недовольное письмо, полное нытья. Письмо, которое неприятно читать. Она бросила клочки в духовку, опасаясь, что кто-то обнаружит их в мусорном ведре и сложит вместе. Потом она всерьез задумалась, не сошла ли с ума, раз ей в голову лезут подобные мысли.

Ночью Дэвиду дважды звонили.

Второй звонок разбудил Оливию, и Клэр встала, чтобы успокоить малышку. Дэвид надевал носки и ботинки, разговаривая с женщиной по телефону.

– Это не жизнь, – сказала Клэр, укачивая плачущего ребенка.

– Для той женщины жизнь явно закончилась. – Дэвид кивнул на телефонную трубку, которую только что опустил на рычаг. – Чертовы собаки напали на ее ребенка и обгрызли ему лицо.

– Нет!

Дэвид уже успел одеться.

– Что ты будешь делать? – спросила пораженная Клэр.

– Я надеюсь, ребенок мертв, по-настоящему мертв. Надеюсь, мы сможем уговорить его мать лечь в больницу. По крайней мере, на пару дней. Ей требуется нечто большее, чем просто успокоительное.

Дэвид спустился по лестнице и сел в машину. Прошло три часа. Он вернулся уже на рассвете. Оливия снова спала. Клэр ждала мужа на кухне, она поставила чайник и заварила чай. Он с благодарностью взял кружку.

– Ребенок умер? – спросила она.

– Не совсем, – отозвался Дэвид.

Она подождала. Он ничего не сказал.

– А миссис Уолш? С ней все в порядке?

Дэвид по-прежнему молчал, у него тряслись плечи. Он плакал, но не хотел, чтобы Клэр это видела, поэтому отошел к окну. Он смотрел на темное море и очертания скал, еще недавно терявшиеся во мраке. Дэвид долго стоял у окна, и Клэр не знала, что сказать или сделать, чтобы помочь ему.

Клэр ходила в дом к родителям Дэвида, чтобы отдать газету, которую прочла от корки до корки. Когда она вернулась, на кухне кто-то разговаривал с Оливией. Она подумала, что Дэвид забежал с работы домой, но нигде не увидела знакомой машины. Оказалось, это Джерри. Он размахивал перед малышкой ярким помпоном, а та с жадным любопытством его разглядывала.

– Джерри?

В голосе Клэр прозвучало недовольство: Джерри ее напугал и к тому же явился без предупреждения.

– Не помню, чтобы я приглашала тебя войти.

– Я не помню, чтобы в Каслбее друзья ждали на улице приглашения войти. Может, у вас здесь, в... э-э-э... садовом сарайчике, все по-другому.

Он постарался произнести название дома так, чтобы оно прозвучало смешно.

– Что ты хочешь?

– Я пришел спросить у твоей дочери, не хочет ли она сфотографироваться. Вот и все.

– Хватит ребячиться, Джерри. Чего ты хочешь?

– Я же только что сказал. Хочешь фотографию ребенка... в качестве свадебного подарка?

– Нет, – быстро ответила Клэр.

– Отдаю должное твоим восхитительным манерам.

– Спасибо, но нет. Мне жаль. Все равно большое тебе спасибо.

– Почему нет? У меня получаются красивые снимки младенцев. Я им нравлюсь.

Оливия действительно с интересом таращилась на Джерри и шерстяной помпон из красных, черных и желтых ниток.

– Я бы предпочла этого не делать, если ты не против. Но спасибо тебе. Прошу прощения, если мои слова прозвучали грубо, – сказала Клэр и улыбнулась, надеясь, что Джерри уйдет.

Он встал.

– Она очень красивая, – сказал он. – Иногда я думаю, что тоже хотел бы такого ребенка.

– Что тебе мешает? – спросила она, стараясь вести себя раскованно и непринужденно. – Ты знаешь, как взяться за дело.

– В этом нет смысла, если ребенок не от тебя.

Клэр вздрогнула. Джерри поднял обе руки в знак мира:

– Ухожу, ухожу. Не делай такое лицо.

В его потертой черной сумке, которую он всегда таскал с собой, действительно лежал фотоаппарат.

– Когда ты решишь, что она достаточно выросла, я с удовольствием ее сфотографирую.

– Конечно. Я поговорю с Дэвидом, – пообещала Клэр.

– Будь так добра, – улыбнулся Джерри и вышел.

Клэр почувствовала себя очень неловко и не понимала почему. Он всего лишь хотел сфотографировать малышку. Лестные замечания он отпускал всем подряд. Почему она так встревожилась?

Клэр пригласила свекровь посмотреть, как купают ребенка. Но сначала потратила целый день на уборку домика.

Молли пришла поглядеть на ритуал.

Клэр с видом опытной мамы опустила в воду согнутый локоть, чтобы проверить температуру воды.

– Ты это так делаешь? Как странно, – изумилась Молли. – Люди давно изобрели термометры. Ну что ж...

Она вздохнула так, словно ее внучку воспитывала неотесанная, дремучая крестьянка, которая не знала элементарных вещей.

Как-то раз серым утром Клэр услышала робкий стук в дверь. Это была ее мать.

– Ты давно не появлялась. Я пришла повидаться с тобой.

– Замечательно. Заходи.

Агнес О’Брайен огляделась по сторонам, словно опасаясь услышать вопрос, что она здесь забыла.

– Вы уже сделали себе гостиную? – спросила она.

– Ты вечно об этом спрашиваешь. Зачем нам гостиная, или общая комната, или салон для гостей, или как там это называется? Нам нужна комната, где можно жить.

Агнес мотнула головой в сторону большого дома:

– Но разве они не ожидали?..

– Пусть ожидают. Мы с Дэвидом хотим красивую светлую комнату, в которой нам будет уютно. С креслами и книжными полками. И совмещенную с кухней – это очень удобно.

– И когда ты собираешься начать? – невинно осведомилась мать.

– Выпьем по чашечке чая?

Клэр устало вытряхнула из заварочного чайника старую заварку, набрала в него воды и поставила на плиту.

– Ты не пользуешься чайником для воды?

– Мы здесь вдвоем, мама.

Она ошибалась. В дверях стояла Молли Пауэр.

– Я подумала, вдруг тебе что-то нужно купить, сегодня днем я иду к миссис Диллон. Здравствуйте, миссис О’Брайен.

– Доброе утро, миссис Пауэр. Доброе утро. – Агнес запинаясь от смущения.

– Пришли полюбоваться малышкой?

– Да, но Клэр пока ее не вынесла.

– Клэр, дорогая, покажи своей матери ребенка.

Клэр кипела от злости. Мать делала вид, будто никогда прежде не видела внучку. Миссис Пауэр обращалась с невесткой как с нерадивой наемной прислугой.

Она поднялась наверх, чтобы взять Лиффи, и обнаружила, что у малышки грязный подгузник. Чистые подгузники лежали внизу, и

Клэр спустилась за ними.

– Не утруждай себя, не нужно наряжать ее ради нас.

– А я и не собираюсь, – прошипела Клэр.

Она быстро сменила подгузник, и Лиффи, удивленная спешкой и отсутствием нежности, заплакала от испуга. Клэр передала девочку матери.

– Не знаю, стоит ли мне...

Почему мама была такой робкой?

– Ты вырастила шестерых детей. Я уверена, ты ее не уронишь, – резко ответила Клэр.

На плите засвистел заварочный чайник. Пытаясь скрыть свои действия от свекрови, Клэр бросила в кипящую воду четыре ложки чайных листьев и отставила чайник в сторону.

– Забавный способ заваривать чай, – громко прокомментировала миссис Пауэр.

– Я много раз объясняла дочери, что это неправильно, – поддакнула Агнес.

Она неловко передала ребенка миссис Пауэр. Молли Пауэр несколько минут поворковала с внучкой, и малышка успокоилась словно по волшебству.

– Вот и все, – объявила Молли с торжествующим видом, будто она одна знала секрет.

Свекровь невозмутимо отказалась от чая и вышла. Клэр и ее мать совсем приуныли.

– Клэр, тебе не следует показывать ей дом в таком виде.

Агнес посмотрела на кучу грязной одежды в углу и немытые кастрюли на сливной полке раковины.

– Это мой дом. Он будет выглядеть так, как я хочу.

– Что ж, ладно.

Мать была готова обидеться и уйти.

– Я не о тебе, мама, садись. Я о ней говорю. Почему мы должны безропотно ей подчиняться? Будь я проклята, если буду плясать под дудку леди Молли.

– Ты могла бы прибраться в доме и приготовить еду, для этого не нужно плясать под чью-то дудку, – холодно заметила Агнес.

Клэр поняла, что мать больше никогда не придет к ней сама, без приглашения.

Попытки Анджелы научиться готовить выглядели очень забавно. Клэр решила, что ей это тоже по силам. Однажды утром она испекла песочное печенье и отнесла тарелку для Молли.

– Не зайдешь на чашечку кофе? – спросила Молли.

– Я оставила малышку одну, – ответила Клэр.

– Ну ладно. Тогда в другой раз.

Свекровь могла бы сказать: «Возьми малышку с собой» – но не сделала этого.

Однажды утром Клэр прилегла на кровать отдохнуть и словно отключилась. Ей показалось, что она спала не больше минуты.

Вошел Дэвид:

– Ты меня напугала. Я подумал, тебя здесь нет.

– В чем дело? Что случилось?

– Я тебя хотел об этом спросить. Оливия внизу плачет навзрыд, Бонс сидит и смотрит на нее, обед не готов.

– Еще не время обедать.

– Уже половина второго; похоже, что опоздаю.

– Господи, прости меня, Дэвид. Я, наверное, заснула.

Клэр вскочила с кровати и сбежала вниз по лестнице. Держа в одной руке Оливию, она схватила кастрюльку, разбила в нее три яйца и потянулась за маслом.

– Что ты делаешь?

– Дэвид, любовь моя, я делаю тебе болтуню. Извини, сегодня вечером я приготовлю нормальный ужин, обещаю. Я, кажется, задремала. Иногда я чувствую себя очень усталой.

– Я знаю. Все в порядке.

– Нет, не в порядке, мне очень жаль.

– Послушай, может, я просто сделаю себе тост?

– Нет, поддержи дочь, так я быстрее управлюсь.

Она смела в раковину грязную после завтрака посуду.

– Я не хочу, чтобы ты думала, будто обязана каждый день готовить мне обед. Не думай, что...

– Дэвид, дорогой, прекрати, пожалуйста. Я заснула всего один раз, один-единственный раз. Я с удовольствием пообедаю вместе с тобой в

любой другой день. Мне это нравится. Когда ты раньше ходил обедать к родителям, а я сидела и занималась у окна, мне было очень одиноко.

При этих словах они оба посмотрели на окно. Сейчас вместо книг там стояла композиция из сухих цветов.

– Разве ты не хочешь снова начать учиться?

– Зачем?

– Клэр, пожалуйста. Не говори так. Чтобы получить ученую степень, конечно.

– Я уже готовилась к экзаменам, почему я должна делать это снова?

– Потому что ты не сдала экзамены, Клэр, хватит ерничать. Ты была счастлива, когда занималась.

– Я бы так не сказала. Я много тревожилась и переживала.

– Давай сходим сегодня вечером в кино.

– Ты пытаешься меня развеселить?

– Немного.

Дэвид выглядел обеспокоенным.

Клэр спросила у Анджелы совета. Какой съедобный подарок можно приготовить на Рождество? Чтобы он выглядел так, словно ты потратила на него много сил.

– Наверное, можно приготовить сливочную помадку, – с сомнением сказала Анджела, – и разложить ее по красивым цветным коробочкам. Но почему ты хочешь сделать подарок своими руками? Ты готовишь хуже меня. И я думаю, они ожидают от тебя чего-то большего, чем сливочная помадка.

– Кто ожидает? Мне все равно, чего они ожидают, я так устала, говорю тебе, Анджела. В последние дни я сплю на ходу. Мне сложно выбраться в город, а здесь ничего нет.

– Что ж, постарайся не спать на ходу всего один день, и мы съездим в город. Составь список того, что нужно. В субботу после обеда Дик нас отвезет.

– Спасибо, я постараюсь. Я спрошу у ее светлости, соизволит ли она посидеть с Лиффи.

– Лиффи? Странное имя. Как ты до него додумалась?

– Только что в голову пришло, – отмахнулась Клэр.

Она не хотела никому говорить, что имя предложил Джерри Дойл.

– Ты будешь брать у меня уроки вождения, Клэр? Мы же договорились. Ты уже усвоила всю теорию.

С заднего сиденья не доносилось ни звука.

– Похоже, она уснула, Дик, – сказала Анджела.

– Нет, простите, что вы сказали?

– Ты будешь брать уроки вождения после Рождества?

– Я не знаю, смогу ли. Это очень любезно с вашей стороны. Если время найдется...

Когда Клэр вернулась, Молли и Дэвид сидели у камина в доме родителей.

– Выглядишь измученной, – с сочувствием заметил Дэвид.

– Дэвид, нужно купить Клэр какую-нибудь красивую одежду. Ужасно, что она до сих пор разгуливает в своем студенческом наряде. Неудивительно, что твоя жена выглядит уныло.

Клэр позволила им обсудить свой внешний вид.

– Давайте выпьем по бокалу шерри, вы уже и предлог придумали, – поднялся Дэвид.

– Красивое пальто яркого цвета. Что-нибудь такое, что придаст красок ее лицу, – вслух размышляла Молли. – Может быть, вишнево-красное.

Дэвид протянул обеим по бокалу шерри.

– Спасибо, мой дорогой, – поблагодарила Молли.

Клэр промолчала.

– Это было утомительно?

– Да, это было очень утомительно, – согласилась Клэр.

– Ты оставила покупки в нашем домике?

– Нет. Это все, что я купила.

В ее маленькой хозяйственной сумке лежало несколько мелочей.

Она сидела на стуле, уставившись на огонь в камине. Дэвид и Молли вернулись к разговору, который прервали, когда вошла Клэр. Они даже не пытались вовлечь Клэр в беседу.

Дэвид купил рождественские подарки сам. Он завернул их в бумагу и написал все открытки. Он положил перед женой

рождественские открытки для Мэри Кэтрин и Валери, и она написала на каждой из них: «С любовью от Клэр».

Он открыл рождественский подарок от Клэр и сказал, что рубашка просто отличная. Именно такую он и хотел, рубашек всегда не хватает, а эта рубашка особенно хороша. С этими словами он поспешно спрятал подарок, пока его мать не увидела, что это рубашка из магазина в Каслбее и она выглядит точь-в-точь как полдюжины его старых рубашек.

Дэвид купил украшения для рождественской елки, когда был в городе. Было невыносимо покупать их в Каслбее на виду у всех. Он привез елку из загородной поездки. Мужчина, у которого заболел ребенок, с удовольствием подарил молодому доктору прекрасное зеленое деревце.

– Вашей жене понравится украшать эту елку, – радовался мужчина, когда они укладывали елку на заднее сиденье машины.

– Конечно понравится, – сказал Дэвид с улыбкой, хотя в душе вовсе так не думал.

В тот вечер он внимательно осмотрел елку, которую украсила Молли, и сделал что-то похожее. Клэр с благодарностью взглянула на мужа, когда он забрался на стул.

– Это потрясающе, Дэвид. Она выглядит чудесно. Я бы украсила ее сама, но я очень устала.

Стояла холодная ясная погода. Из окна Дэвид видел, как родители, одевшись потеплее и позаботившись об удобной обуви, вышли с собакой на прогулку. Он знал, что они отправятся вдоль обрыва, подальше от Каслбея, и будут показывать друг другу на все, что им встретится по пути. Они увидят низко парящих птиц и зайцев, которые бегают по полям. Они вернутся к горячему обеду, а потом сядут у разведенного камина и будут читать.

Дэвид посмотрел на Клэр. Он хотел спросить, не хочет ли она прогуляться. Клэр сидела за кухонным столом. Могло показаться, что она читает, но на самом деле она уснула над книгой.

Раздался звонок. Срочно нужен врач. К ребенку. Приезжайте скорее. На другом конце провода повесили трубку. Пятилетний ребенок упал на ржавую косилку и поранил глаз.

Дэвид вспомнил, как Клэр говорила, что много лет назад порезала ногу о ржавые шипы какого-то механизма. Он ощутил прилив гнева при мысли о том, как небрежно люди относятся к собственным детям, которые растут в окружении стольких опасностей.

Дэвид успокаивал, подбадривал и всем своим видом пытался внушить уверенность, хотя сам ее вовсе не чувствовал, пока стирал с детского лица засохшую кровь. Все оказалось не так уж плохо. Он говорил не переставая, чтобы отвлечь внимание малыша: «Большой беды не случилось, все будет хорошо, сейчас, сейчас, не мог бы кто-нибудь заварить чай?» Он достал инструменты из сумки, быстро наложил на детское личико пять швов и окинул свою работу критическим взглядом. Вышло неплохо. Ребенок доверчиво смотрел на врача.

– По-моему, великолепно, – сказал Дэвид.

– Меня зовут Мэтью.

– Очень приятно, Мэтью. Тебе уже лучше, ты поправишься.

Дэвид обнял мальчика, и тут в комнату внесли поднос с чаем.

– Вы как две капли воды похожи на своего отца, у вас такие же обходительные манеры. – Благодарная мать мальчика протянула к Дэvidу руки.

– Спасибо вам за теплые слова.

– Мы были в восторге, когда вы взяли в жены местную девушку, а не привезли с собой модную красотку из Дублина.

– Мне очень приятно это слышать.

– Как поживает ваша кроха, доктор?

– Она прекрасна, спасибо вам. Просто красавица.

– Это замечательно. Вы отдаете чужим детям много сил, было бы очень грустно, если бы вас не радовали собственные дети.

Когда Дэвид вошел, Лиффи плакала. Маленькие ножки покраснели и потрескались, а пеленка промокла насквозь. Ткань успела остыть, – очевидно, к ребенку давно никто не подходил.

Клэр лежала в постели и читала книгу рецептов.

– Я решила испечь оладьи. Кажется, это не сложно, – улыбнулась она.

– Конечно. Оладьи – это прекрасно, но у Лиффи мокрый подгузник.

- Я подойду к ней через минуту.
 - Клэр, она уже давно лежит мокрая.
 - Ясно.
 - Не надо, я сам все сделаю, так будет быстрее, – отрезал Дэвид.
 - Хорошо.
- Клэр снова уткнулась в кулинарную книгу.

Клэр рано легла спать, поэтому, когда Лиффи проснулась, она должна была выспаться. Но ребенок все плакал и плакал, а Клэр неподвижно лежала в постели.

Дэвид встал. Он покормил и переодел малышку, но она не успокаивалась. Он долго ходил с ней взад-вперед, и в конце концов она заснула.

Примерно за десять минут до того, как он собрался вставать, Лиффи снова подала голос.

Дэвид легонько потыкал Клэр пальцем.

– Милая, подойдешь к ребенку? Я хочу поспать еще несколько минут.

Клэр спустила ноги с кровати и накинула шерстяной халат поверх длинной ночной рубашки. Она взяла Лиффи на руки, пробормотала несколько слов, чтобы утешить малышку, и отнесла ее вниз.

Когда Дэвид умылся, побрился и спустился к завтраку, Клэр сидела за столом и спала. Чайник на плите свистел и плевался кипятком, а Лиффи кричала из своей колыбельки.

В то утро Дэвид сбивчиво описал отцу состояние жены и признался, что, по его мнению, Клэр страдает от послеродовой депрессии.

Доктор Пауэр ответил, что не стоит торопиться с выводами, ставить диагнозы и вешать ярлыки. Клэр немного подавлена. Ее жизнь резко изменилась и стала менее насыщенной, чем в прошлом году. Не следует забывать, что девочка так и не получила диплом. С этим трудно смириться, а для маленькой девочки, которая сражалась, как тигрица, чтобы попасть в колледж, это тем более тяжелое испытание.

Дэвид возразил, что дело не только в этом. Он не мог даже просто поговорить с Клэр, чтобы во всем разобраться. Она постоянно испытывала сильную физическую усталость, ее клонило в сон, и, не растеряв любви к Лиффи, она, похоже, утратила к дочери интерес.

Дэвид был бледен, от бессонных ночей под его глазами залегли темные тени. Пэдди остро сочувствовал сыну.

– Вам все же следует попробовать другие способы, прежде чем говорить о лечении, обращении в больницу или к другому врачу.

– Я не хочу ни к кому обращаться, почему нельзя просто назначить ей тофранил? Разве это не облегчит ее состояние через месяц или два? Папа, мы бы поступили так с любым другим пациентом. Почему это не подходит для Клэр?

– Потому что у ее состояния может быть множество других причин. Возможно, она страдает от одиночества или неуверенности в себе. Может быть, она чувствует себя ущербной из-за Молли. Поговори с ней. Объясни ей, как это выглядит со стороны, и, может быть, ты поймешь. Она ведь не из тех несчастных женщин, которым не с кем поговорить. У нее есть прекрасный, замечательный муж.

– Я не могу быть прекрасным мужем, если моя жена так сильно изменилась.

– Ты все еще любишь меня? – спросил Дэвид у Клэр.

– Почему ты спрашиваешь? Я люблю тебя больше, чем когда-либо прежде.

– Ты уже в третий раз отказываешься заниматься любовью из-за усталости.

– Прости, я просто чувствовала, что засыпаю. Я не отказываюсь, теперь я проснулась.

– Теперь уже поздно.

– Дэвид, перестань дуться.

Он встал с кровати и включил электрический камин. Им нужно было поговорить, Дэвид не хотел дрожать при этом от холода.

– Клянусь тебе, что я вовсе не дуюсь. Но когда я вспоминаю о том, как нас тянуло друг к другу в прошлом году, мне кажется, что это было не с нами.

– В это же время в прошлом году мы жили в Дублине, и у нас не было тех обязанностей, которые появились сейчас, – напомнила она.

– В это же время в прошлом году ты занималась по четырнадцать часов в день и готовилась к сдаче экзаменов, а я работал по четырнадцать часов в день в больнице. Мы оба мотались туда-сюда на автобусе. Наши нервы были на пределе, мы тревожились из-за нашего

будущего. Теперь у нас есть собственный дом, ребенок и право любить друг друга утром, днем и вечером, стоит только пожелать. У меня есть спокойная, любимая работа. Все ужасы интернатуры и ненормированная нагрузка остались позади. У тебя нет никаких формальных обязанностей. И вопреки всему мы страдаем от усталости.

– Нет, не мы, только я, – поправила Клэр.

– Но почему, Клэр, почему? Я не кидаюсь на тебя разъяренным зверем, как все мужья, которые настаивают на том, что им положено по праву, или требуют еще больше. Почему ты так сильно устаешь?

– Столько всего нужно сделать, – пожаловалась она.

– Ты уверена, что любишь меня, и понимаешь, что я не хочу ссоры?

– Да, конечно.

– Тогда давай я расскажу, что ты делала сегодня. Ты встала, а я приготовил завтрак и сменил Лиффи подгузник. Я предложил купить баранью ногу у Двайера по дороге домой, а ты ответила, что купишь сама. Перед тем как уйти, я принес картошки из мешка, который стоит снаружи, и очистил несколько штук, но ты велела мне оставить их. Я вернулся к обеду. Ты проспала все утро. Лиффи была мокрая и истошно вопила... Ты расстроилась, потому что не успела приготовить обед. Клэр... это какой-то ужас! Пойми, я не хочу с тобой ссориться, я пытаюсь понять, почему ты так устаешь? Я разогрел банку супа, мы съели суп и хлеб, который испекла Нелли. Ты покормила Лиффи из бутылочки. Я настоял, что сам куплю мясо, и привез его домой к трем часам. Ты спала в кресле. Клэр, я поставил чертово мясо в духовку, и поэтому мы смогли поужинать. Я предложил сходить в кино, но ты сказала, что слишком устала. Ты проспала все утро и весь день. А вечером, укладываясь в постель, ты жалуешься на усталость. Я твой врач и твой муж. Я очень беспокоюсь о тебе.

– Прости. Мне нечего сказать в свое оправдание.

– Дорогая, я тебя ни в чем не обвиняю. Я прошу тебя как своего лучшего друга. Ты можешь объяснить, что не так?

– Я не знаю. Я думала, у нас все в порядке.

– Но мы не можем так жить. Так продолжаться не может. Если бы я не был врачом, я бы отвел тебя к нему.

Он улыбнулся и обхватил ее лицо обеими руками.

– И что ты про все это думаешь? – Она походила на встревоженного ребенка.

– Я думаю, это депрессия.

– Но мне не грустно.

– Нет, это клиническая депрессия.

– Клянусь, у меня нет депрессии.

– А как же твои экзамены?

– Я с этим справилась. Честно говоря, десять лет назад мне приходилось бороться с вещами и потруднее. Теперь я славная замужняя дама с приличным достатком, которая не нуждается в деньгах. И если мне не хватит выдержки снова через это пройти, это будет моя вина. Ни твоя, ни Лиффи, только моя.

– А тебе хватит выдержки повторить свой подвиг?

– Я слишком устала. Ну вот, я снова это сказала.

– Я хочу назначить тебе антидепрессант.

– Чтобы у меня прибавилось энергии?

– Я не хочу говорить с тобой, словно с невеждой. Нет, антидепрессанты не имеют ничего общего с железом или энергией. Они воздействуют на нервные окончания, химические соединения и аминокислоты в мозге пациента. Обычно улучшение наступает через три недели.

– А что думает твой папа?

– Я спрошу.

– Я уверена, что ты его спрашивал. Это не имеет значения. Ты должен с ним консультироваться.

– Он думает, что тебе одиноко и ты страдаешь от неуверенности в себе.

– Ты считаешь, что у меня послеродовая депрессия, а я говорю, что просто устала.

– Может быть, тут намешано всего понемногу, – допустил Дэвид.

– Что ж, давай мне свое лекарство, доктор, и будем надеяться на чудесное исцеление.

На ее лице промелькнула улыбка из далекого прошлого, и он заснул, чувствуя себя немного лучше.

На следующий день Дэвид предложил отвезти Лиффи к мистеру Кенни. Клэр ответила, что это отличная идея: милый старый адвокат в свое время прислал для малышки чудесную серебряную ложечку. Но

когда Дэвид вернулся домой, ожидая, что Лиффи и Клэр уже готовы, малышка лежала в мокром подгузнике, а Клэр пожаловалась на усталость.

Дэвид не спорил. Они съезжают к мистеру Кенни в другой раз. Не устраивая из этого драмы, Дэвид назначил жене курс тофранила.

– Я шел мимо и думал, не выпить ли чашечку чая.

– Здесь обычно никто мимо не ходит, но ты можешь выпить чашечку чая, – сказала Клэр.

– Ты перестала появляться в поселке, – упрекнул ее Джерри.

– Откуда ты знаешь, бываю я там или нет?

– Твоя мать упомянула об этом.

– О господи! Я хотела зайти к ней на этой неделе.

– На этой неделе? Клэр, она живет в десяти минутах ходьбы. Она решила, что ты совсем зазналась.

Клэр чувствовала себя виноватой. Дни сменяли друг друга, прошла целая неделя с тех пор, как она заходила с ребенком к матери. Свекровь она видела по меньшей мере три дня тому назад.

– Ты хорошо себя чувствуешь, Клэр? – мягко спросил Джерри, сидя за кухонным столом.

Клэр наливала кипяток из чайника для воды в заварочный чайник.

– Большое спасибо за проявленный интерес, доктор Дойл. Вы теперь врач-консультант и по совместительству семейный психолог, раз пересказываете мне советы моей родни?

– Я серьезно, Клэр.

Она поставила чай на стол.

– Я устала, вот и все. Уход за ребенком отнимает много сил.

– Кажется, твоя малышка не нуждается в особом уходе. Она крепко спит.

– Дети иногда просыпаются, Джерри. Это их маленькая хитрость.

Они сидели и пили чай.

– А твой симпатичный молодой доктор дает тебе что-нибудь от усталости?

– Да, конечно... Он назначил мне курс таблеток.

– Хорошо. Рад, что он обращает на тебя внимание.

– Пожалуйста, не говори плохо о Дэвиде, это меня очень расстраивает.

– Я не говорю о нем плохо. Я просто знаю, что он тебе не подходит.

– Теперь тебе действительно пора идти, – холодно заметила Клэр, вставая. – Друг ты мне или нет, но ты не смеешь врываться в мой дом в отсутствие Дэвида и говорить такое. Нет, черт возьми, ты не можешь так поступать.

– Ты расстраиваешься, потому что это правда.

– Не говори ерунды. С таким аргументом можно выиграть любой спор. Правда в том, что я расстраиваюсь, когда слышу плохие слова о Дэвиде. Если бы ты знал, что это значит – любить человека, а не просто... ну... использовать его... ты бы понял.

– Я люблю тебя, – сказал Джерри.

Повисло молчание.

Клэр вскинула подбородок:

– Не будь идиотом. Ты говоришь так, потому что пару раз приставал ко мне, а я тебе отказала. Я испортила твой послушной список. Твои показатели не равны ста процентам. Бинго! Я права? В этом все дело. Я заранее сочувствую девушке, которой ты действительно признаешься в любви. Потому что ты не знаешь, что это слово значит.

Джерри отпил чая.

– Оно значит, что я сделаю все, чтобы заполучить тебя. Все, что угодно.

Ей стало страшно.

– Пожалуйста... – начала она.

– На прошлой неделе я видел Дэвида. Он стоял на коленях посреди дороги. Я подумал, что могу просто нажать на газ. Никто бы не смог предъявить обвинение. Он был на проезжей части, любой суд отпустил бы меня. Но потом я разглядел, что он осматривает щенка, которого кто-то переехал. И я не смог.

Клэр уже успела присесть, но снова вскочила на ноги:

– Ты несерьезно. Ты просто пытаешься выдать себя за какого-то злодея.

– Нет, это чистая правда. – Его голос был спокоен.

– Но почему?

– Кто знает? Разве кто-то может объяснить, почему одни люди любят других? Только я понял, что так у меня ничего не выйдет. Если

Дэвид погибнет из-за несчастного случая, пусть даже никем не подстроеного, и оставит после себя скорбящую вдову, это может не сработать. Могут уйти годы, прежде чем ты забудешь его. Так что все должно быть по-другому.

– Это что, какая-то игра?

Снова повисло молчание.

Клэр не нравилось, что Джерри сидит и смотрит на нее.

– Я тебе кое-что скажу. Может быть, это глупо, но я все равно скажу. Я чувствую себя не очень хорошо. Мне кажется, у меня что-то вроде депрессии, и, честно говоря, мне нельзя расстраиваться. Я буду сидеть здесь день и ночь в панике, если решу, что все твои слова или хотя бы их часть – правда. Можешь заверить меня, что это не так? Пожалуйста.

– Я подозревал, что у тебя депрессия, – сказал Джерри сочувственно. – Помнишь, у Фионы тогда в Англии тоже была? Но Фиона справилась, и ты тоже справишься. Он дает тебе нужные таблетки?

– Да.

– С тобой все будет хорошо, ты вернешься к своим книгам, а твоя красотка вырастет, принесет тебе много радости, и ты будешь ею гордиться.

Казалось, он не говорил этих ужасных вещей. У Клэр закружилась голова.

– Забудь, что я сказал раньше. Я буду любить тебя молча, на расстоянии. До конца моих дней. Поняла?

– Или до начала лета, – предположила Клэр.

– Нет, так будет всегда. Но ты права: незачем тебя расстраивать. Сейчас тебе нужно прийти в себя.

Он встал, чтобы уйти.

– Да, я справлюсь, со мной все будет в порядке.

– И зайди к маме, ладно? И к Джози.

– Хорошо. Прощай, Джерри.

Проснулась и захныкала малышка.

– Ты не подойдешь к ней?

– Сейчас подойду. Я просто провожала тебя. Тише, Лиффи, я уже иду.

– Лиффи? – улыбнулся он у порога. – Ты называешь ее именем, которое я придумал.

– Думаю, нам хватит отрицать существование выпечки, – заявила Анджела.

– Я уже давно не отрицаю выпечку, я ее люблю.

– Я о том, что нам пора что-то испечь. Мы избегали рецептов, где требуется раскатывать коржи. Давай раскатаем этот чертов корж сегодня вечером.

– Хорошо, – согласился Дик. – Мне принести все, что понадобится?

– Нет, я зайду к О’Брайену по дороге из школы. По-моему, нужны только мука и кулинарный жир, но я могу ошибаться.

– Я не знаю ни одну женщину твоего возраста, которая не умеет печь, – поддразнил ее Дик.

– Вдобавок к этому ты заполучил высокоинтеллигентную подружку, так что гордись собой и благодари судьбу.

– Ты моя подружка? – уточнил довольный Дик.

– Конечно. Я не хотела, но так уж вышло.

На следующий вечер они занялись выпечкой. Это был сущий кошмар. Авторы книги советовали использовать кулинарный жир, сливочное масло или маргарин.

– Почему они не говорят, чем пользуются обычные люди? – возмущалась Анджела.

Далее жир следовало «втереть в муку».

– Это речевая ошибка. Можно растереть жир с мукой, но нельзя втереть его внутрь. Боже, ну что за люди!

Они приготовили смесь, похожую на панировочные сухари, удивляясь как это можно сделать при помощи «легких движений».

– Это самая невероятная глупость на моей памяти. Как перетереть это все без применения силы?

Анджела настояла, чтобы Дик надел фартук поверх своего красивого костюма.

– Не понимаю, зачем надевать хороший костюм, если ты собрался готовить, – ворчала она.

Однако она прекрасно все понимала... поэтому тоже надела элегантную блузку и вымыла голову.

С ответами на вопросы пришлось подождать. Сначала нужно было разобраться, что значит «выпечь вслепую». Действуя методом исключения, Анджела и Дик пришли к выводу, что им следует поставить тесто в духовку и выпекать его без начинки. Анджела написала короткую записку издателям книги с просьбой изъять из рецепта эту рекомендацию, потому что она вводит читателя в заблуждение.

Потом они сели и налили себе выпить. Спустя короткое время Дик встал и попросил Анджелу выйти за него замуж.

– Дик, ты уверен? Ты уже давно спрашиваешь об этом.

Он поставил стакан с апельсиновым соком на стол и взял ее за руки:

– Когда ты проговорила, что стала моей девушкой, я решил, что мы продвинулись вперед в нужном направлении, – сказал он.

– Со мной очень трудно, – предупредила Анджела.

– Я знаю.

– И тем не менее ты твердо стоишь на своем.

– Я не стою на своем. Когда я узнал тебя поближе, а это случилось не сегодня и не вчера, я всегда поступал по-своему. Теперь я делаю то, чего никогда бы не сделал раньше. Я читаю толстые книги и готовлю еду. Я радуюсь жизни и больше не чувствую себя несчастным. Разве я твердо стою на своем?

– Да, с удовольствием.

– Что?

– Я сказала: «Да, с удовольствием». Я с радостью выйду за тебя замуж.

Анджела примерила красивое кольцо с рубином, которое Дик Диллон купил давным-давно, надеясь, что когда-нибудь оно понадобится. Оно подошло идеально.

– Я стану тебе хорошей женой. Правда, я не обещаю вести себя тихо и мирно, но я буду любить тебя и заботиться о тебе.

– Любовь – это самое главное, – уточнил Дик, смущаясь.

– Я тоже так думаю, просто мне было неловко говорить об этом.

– Нам больше не нужно стесняться друг друга, – сказал Дик.

Они долго сидели при свете камина, тем временем в духовке подгорала выпечка, а красный рубин блестел и переливался.

– У тебя нет странного чувства, что все кончилось? Что все уже позади? Как будто обо всем теперь приходится говорить только в прошедшем времени, а не в будущем? – спросила Клэр.

Дэвид посмотрел на нее. Он ничего подобного не ощущал.

– Я знаю, – сказал он с тяжелым сердцем.

– Хорошо. Я боялась, что это только у меня. Наверное, мы к этому привыкнем.

– Вероятно, это происходит со всеми людьми, – предположил Дэвид.

– Это не сожаление или досада. Понимаешь?

– Конечно.

– Ты должен чувствовать то же самое. Я имею в виду, ты не жалеешь, что вернулся. Но та работа, которую приходится выполнять, та жизнь, которая нам досталась, – все это произошло слишком быстро.

Дэвид похлопал ее по руке. Клэр повеселела и оживилась, уделяла больше внимания Лиффи и часами играла с малышкой. Она брала уроки вождения у Дика Диллона. Дэвид даже заметил несколько учебников по истории рядом с окном.

Возможно, Клэр была слишком молода и не готова к размеренной семейной жизни. Не исключено, что и никогда не будет к ней готова. Дэвиду было трудно признаться жене, что он полюбил эту жизнь и свою работу. Ему нравилось помогать больным, перепуганным людям, выдавать им лекарства из своей черной сумки, зашивать раны, принимать роды и закрывать глаза умершим. Пару лет назад его не слишком прельщало занятие отца, он хотел изучать медицину с позиций науки. Теперь он понимал, что ничто так не облегчает состояние пациентов, как знакомые лица людей, которым можно довериться, – старое лицо отца и молодое лицо сына. Это вселяло в больных уверенность, а от нее в лечении зависело три четверти успеха.

Это выбивало Дэвида из колеи. Он больше не беспокоился о здоровье Клэр. Он чувствовал, что близость, к которой они привыкли и которую принимали как должное, исчезла. Она произносила те же слова и проявляла ко всему интерес, ей не терпелось расспросить его о делах и обсудить их. Но она вела себя так, словно их состав отвели на запасной путь и позабыли о нем, словно они оба увязли в ловушке

среднего возраста и все, что им теперь остается, – это играть роль жизнерадостных стариков.

Дик и Анджела поженились в Дублине. Это даже не обсуждалось. Они не хотели видеть на своей свадьбе родственников Дика и представителей отельного бизнеса. Анджела сказала, что ей не требуется внимание со стороны сестер, братьев и японской нации. Они мечтали о тихой свадьбе без шума и суеты. Только бессменный отец Флинн и, конечно же, Эмер с Кевином.

Ранним утром они собрались впятером в скромном приделе у скромного алтаря.

– Выглядит не слишком празднично, – протестовал отец Флинн.

– В нашей жизни хватает праздников, отец, в день свадьбы они не нужны. Честное слово.

Отец Флинн скрепя сердце уступил.

Они вернулись в дом Эмер и Кевина, где съели омлет с беконом и пирог, который Анджела и Дик приготовили сами по рецепту из раздела под названием «Выпечка на скорую руку» – очередной пример лживости кулинарных книг. Они нехотя позволили отцу Флинну сделать на память одну фотографию. Она получилась настолько нелепой, что Анджела сравнила снимок с изображением Рождества в психбольнице.

Иногда Анджела и Дик доставали фотографию, чтобы от души посмеяться, но им требовались сувениры на память о лучшем дне своей жизни. По словам Дика, это был именно он. Лучший день в жизни. Коротко и ясно. И в кои-то веки даже отец Флинн обнаружил, что ему нечего добавить.

Ноланы преподнесли всем большой сюрприз, объявив, что собираются снова снять дом на Клифф-роуд. Мистеру Нолану нездоровилось, ему посоветовали подлечить нервы и подышать морским воздухом. Кэролайн прошла стажировку, впереди ее ожидали мучительные поиски работы, поэтому она решила устроить себе небольшой отпуск. Джеймс сказал, что вполне может подготовить резюме для защитника, находясь в Каслбее.

Именно так Джеймс изложил в письме Дэвиду планы своей семьи. Дэвид зачитал письмо вслух, сопровождая чтение

характерными для Джеймса жестами. Клэр удивилась, увидев, с какой радостью все восприняли новость.

Даже Нелли была в восторге:

– Когда приезжает эта компания, хозяйка всегда в хорошем настроении, а их Брида – очень милая девушка, я сама буду рада с ней повидаться.

Миссис Пауэр в безумной спешке наводила порядок в саду. Там был симпатичный уголок с люпинами, где можно было устроить послеобеденное чаепитие. Жаль только, что шезлонги выглядели слегка потрепанными.

– Я могу выкрасить их в синий цвет, как на океанском лайнере. Хотите? – Клэр посмотрела на свекровь.

– Я не уверена...

– Соглашайтесь! У вас есть бело-голубой фаянс, к нему можно купить синие бумажные салфетки. Будет потрясающе.

Миссис Пауэр, похоже, сожалела о том, что не смогла скрыть от Клэр свое волнение и желание произвести впечатление на Ноланов.

Она пошла на попятную и небрежно отмахнулась:

– Спасибо, что подала идею, дорогая.

– Так мы будем это делать? Я тогда позвоню Бамперу и попрошу его побыстрее привезти сюда краску! – воскликнула Клэр.

– Нет-нет. Спасибо, но нет.

На щеках Клэр вспыхнули красные пятна.

– Думаете, получится вульгарно?

– Раз уж ты произнесла это слово, то да, получится именно так. Как будто... ну, как будто мы хватили через край.

– То есть безвкусно и пошло? – уточнила Клэр.

– Нет-нет, боже мой, зачем говорить гадости о твоей идее, но ты знаешь...

– Знаю, – мрачно согласилась Клэр и вернулась в садовый домик.

– У тебя пошлая вульгарная мать, – сообщила она дочери, – мать, которая немного... как бы это сказать...хватила через край.

Лиффи нравилось внимание и звук материнского голоса.

– А еще, Лиффи, у тебя есть бабушка, и она величайшая стерва на свете. Не забывай об этом. Она играет в высшей лиге. Как сказала бы твоя крестная Мэри Кэтрин, она стерва высшего класса.

Клэр почувствовала себя лучше, разложив все по полочкам. Лиффи была чутким и терпеливым слушателем.

Кэролайн выглядела очень элегантно. Клэр вспомнила первый приезд Ноланов в Каслбей и свою зависть при виде того, как весело Кэролайн и ее подруга Хилари проводили время с Дэвидом, Джеймсом и Джерри Дойлом.

Как странно все обернулось. Ей стало не по себе, когда она подумала о Джерри и его причудах.

Она удивилась, когда Кэролайн, лениво развалившись в шезлонге с Лиффи на коленях, поинтересовалась:

– Джерри Дойл все еще местная звезда?

– Думаю, да, – осторожно ответила Клэр. – Возможно, я плохо осведомлена, и младшее поколение поклоняется своим кумирам, но, кажется, у Джерри Дойла по-прежнему все схвачено.

– Что ж, я, пожалуй, схожу на прогулку и взгляну на него, – сказала Кэролайн. – Теперь, когда ты заполучила лучшего мужчину во всем Каслбее, придется взять на заметку претендентов на второе место.

Она рассмеялась, и все вокруг присоединились к ней. Включая Дэвида.

Клэр кипела от ярости. Вот дрянь! Зачем она сказала об этом в присутствии Молли? Клэр заметила, как по лицу свекрови пробежала тень сожаления. Разумеется, ведь если бы Дэвид и Кэролайн поженились, это было бы нечто особенное! Молли могла бы ворковать над внучкой в компании лучшей подруги Шейлы. Это намного приятнее, чем породниться с семьей лавочника О'Брайена.

Валери приехала на неделю погостить и остановилась в садовом домике.

– Терпеть не могу Кэролайн Нолан, – призналась она. – Хватит любезничать с ней.

– Я не любезничаю, а стараюсь быть вежливой. Она уедет через пару недель.

– Я в этом совсем не уверена. Она спросила этого старика-адвоката, друга отца Дэвида...

– Мистера Кенни.

– Да, она спросила его о вакансии для солиситора. Дескать, практика в сельской местности намного интереснее, чем в городе, здесь можно познать силу закона во всех его проявлениях.

– Она не сможет устроиться солиситором в Каслбее, им хватает бедного старого мистера Кенни, а большинство людей ездят в город.

– Ага, именно так мистер Кенни ей и ответил. Сегодня она собирается в город, чтобы изучить все возможности. Джерри Дойл обещал ее подвезти.

– Чушь собачья, как сказала бы Мэри Кэтрин. Она просто нашла быстрый способ снова сойтись с Джерри Дойлом, она всегда была от него без ума. Притворялась, что любит Дэвида, но я прекрасно все помню: имя Джерри Дойла не сходило у нее с языка.

– Надеюсь, ты права, – сказала Валери.

– Я не хочу, чтобы ты уезжала, с тобой я чувствую себя в безопасности, – призналась Клэр.

– Ты в безопасности, глупышка.

– Ну, тогда все нормально, теперь я спокойна.

– Приходи на танцы сегодня вечером, – внезапно предложила Валери.

– Нет, я старая, и со мной слишком скучно. Дэвид звонил и предупредил, что не будет дома почти всю ночь. По словам миссис Бреннан, во время родов вероятны осложнения.

– Все равно приходи, Дэвида это обрадует, я знаю.

– Я не хочу. В этом есть что-то неправильное.

– Тогда я тоже не пойду, а я ведь так этого ждала.

– Черт бы тебя побрал, Валери, теперь мне придется идти. Только надо вымыть голову.

– Отлично, – сказала довольная Валери.

Сначала они все – Кэролайн, Джеймс, Джози, Мартин, Валери и Клэр – посидели в отеле и немного выпили. Затем перешли дорогу и отправились на танцы. Когда перед ними распахнулись двери танцевального зала, их оглушила музыка.

– Чувствую былое волнение. Совсем как в юности, – вздохнула Кэролайн.

– Я тоже, – поддакнул Джеймс Нолан, задумчиво поглядывая на Джози Диллон.

Мартин ничего не сказал.

Всех окутал знакомый запах пота, духов и масла для загара. Группа на сцене заиграла хит Пола Джонса. Клэр вспомнила, как много лет назад под хиты Пола Джонса можно было пригласить на танец кого угодно, и половина девушек в зале хотели заполучить на танец Джерри Дойла. Она решила вновь испытать приятное возбуждение.

– Давайте, девочки, выходите на ринг, – позвала она.

– Приятно видеть, как соломенная вдова в кои-то веки наслаждается жизнью, – заметила Кэролайн.

Клэр не стала гадать, что это значит. Вероятно, ничего. Очередная премудрость от Кэролайн.

Она остановилась напротив парня лет шестнадцати, который весь покраснел и вспотел от волнения. Возможно, юнец впервые пришел на танцы.

– Привет, – улыбнулась она. – Похоже, я твоя на этот танец.

– Спасибо, но я не очень хорошо танцую, – смутился он.

– Вряд ли ты танцуешь хуже меня, – весело сказала Клэр.

Они стремительно пронеслись по залу. Клэр вселила в юнца такую уверенность, что стало очевидно: он будет приглашать ее на танец снова и снова, если она не расскажет ему о себе.

– Это было чудесно, – призналась Клэр. – Я замужем за местным врачом, у нас маленькая дочка. Когда я танцую, снова чувствую себя молодой и красивой.

Парень исчез со скоростью выпущенной из лука стрелы. Замужняя женщина! Боже мой!

«Валери выглядит счастливой», – думала Клэр, наблюдая с балкона за танцполом.

Веснушчатый мужчина в клетчатом костюме несколько раз пригласил Валери на танец, он вел себя очень мило, и пара болтала без умолку. Джеймс Нолан, скользкая, двуличная крыса, танцевал щека к щеке с Джози Диллон, которая, надо признать, была и впрямь глупа, раз допускала и поощряла такое. Клэр этого не одобряла, хотя заранее предвидела нечто подобное. Она также заранее знала, что Кэролайн и Джерри Дойл вновь обретут друг друга.

Клэр облокотилась о перила, разглядывая сладкую парочку. Кэролайн была выше Джерри, ну а кто не был? Они мало говорили и много улыбались, не распускали рук, но танцевали в обнимку. Они не

сомневались друг в друге. Клэр захотелось, чтобы Валери оставила мужчину в клетчатом костюме и поднялась на балкон. Тогда подруга выбросит из головы глупую идею о том, что Кэролайн Нолан имеет виды на Дэвида. Кэролайн сохла по Джерри Дойлу, в этом не было никаких сомнений.

Клэр вспомнила дни, когда они с Джози приходили на танцы и буквально сбивались с ног от обилия приглашений. Сегодня вечером дела обстояли не так. Джози ни на шаг не отходила от Джеймса Nolana. Миссис Клэр Пауэр, жена доктора и мать его дочери, тоже не пользовалась бешеной популярностью. Парни, которые раньше приглашали ее танцевать, теперь не смели к ней подойти. Это были не танцы от комитета Каслбея, куда приходили мужчины постарше. Клэр была не против постоять в стороне. Она не жалела, что рядом не было Дэвида, чувствуя, что отвыкла от танцев. Она не казалась себе слишком старой, просто не ощущала себя частью всеобщего веселья.

Прежде чем прозвучал национальный гимн и вечер закончился, произошло три незначительных события. Мартин дрожащим голосом сообщил Джози, что уходит, и спросил, идет ли она с ним. Он многое вложил в свой вопрос, и Джози ответила прямо: нет, она остается, спасибо за компанию.

Затем подошла Берни Конуэй со словами, как чудесно снова увидеть Клэр, которая вела себя как затворница.

– Наверное, преждевременные роды слишком тебя потрясли.

– Вероятно, так оно и было, – согласилась Клэр.

– А кто смотрит сегодня вечером за ребенком? Дэвид?

– Нет-нет, если бы он был свободен, то пришел бы со мной. Нелли Берк с удовольствием сидит с малышкой время от времени.

– О, домашняя прислуга! Как мило, – сказала Берни.

Последовала пауза.

– Не думала, что увижу тебя здесь одну... после... после всего, – промямлила Берни.

Клэр чуть не вытолкнула ее из окна прямо на Черч-стрит, но сдержалась.

– Но я пришла не одна. Нас здесь шесть или семь человек, просто сейчас со мной никто не танцует, – мило улыбнулась она. – С тобой, кстати, тоже.

И наконец, Джерри Дойл и Кэролайн небрежно помахали всем на прощание и ушли в темноту, взяв курс на стоянку автофургонов.

Отец Кэролайн сказал, что дочь поступила очень разумно, решив приобрести опыт работы в провинциальном городке, ведь нет ничего полезнее, чем изучать положение дел на местах и на всех уровнях. Все поздравляли Кэролайн с получением должности в городе, расположенном в двадцати милях от Каслбея.

Джеймс выразил надежду, что сестра уговорит фирму обращаться к нему за консультациями, ему требовались проверенные контакты по всей стране. Шейла Нолан сказала, что поможет дочери обустроиться, а потом будет заглядывать в Каслбей, чтобы повидаться с Молли на зимних выходных. Доктор Пауэр предупредил миссис Нолан, что контраст с летом покажется ей слишком разительным. По его словам, некоторые члены комитета Каслбея не согласны с Джози Диллон и настаивают на том, что приезжих вообще не следует пускать в Каслбей зимой. Пусть туристы думают, что здесь царит вечное лето.

Клэр молчала. Она вспомнила, как посмеялась над Валери, которая заявила, что Кэролайн плетет интриги и замышляет осесть где-нибудь по соседству. Неужели Кэролайн и правда увлечена Дэвидом? Валери недвусмысленно намекала на это. Нет, этого не может быть. Разве Кэролайн не закрутила роман с Джерри Дойлом в полном соответствии с собственным планом? Или она хотела поселиться рядом с Джерри? Тоже вряд ли. Кэролайн была слишком умна для этого.

Они часто заходили в Крест-Вью и пили чай в саду. Кэролайн, казалось, могла организовать чаепитие легким взмахом руки, тогда как Молли Пауэр суетилась по три дня, чтобы устроить любое мероприятие. Шейле Нолан даже в голову не приходило пригласить гостей на чай, а Клэр никого не звала в садовый домик, сомневаясь, что кто-то захочет туда идти. Но Кэролайн, похоже, всегда знала, что около пяти часов вечера людям нужен большой чайник чая и вкусные тонкие сэндвичи с помидорами. Даже доктор Пауэр любил забегать туда хотя бы на полчаса.

Кэролайн выкрасила садовые шезлонги в ярко-красный цвет.

– Разве они нам принадлежат? – спросил Джеймс.

– Конечно нет, но они были такими обшарпанными. Старая крыса, хозяйка дома, будет в восторге.

Молли одобрила цвет. По ее словам, шезлонги смотрелись очень стильно.

Иногда Клэр брала Лиффи с собой, но не часто. Десятимесячная девочка была непоседой и нуждалась в постоянном внимании, а у Кэролайн не было времени на младенцев. Казалось, этим летом все пляшут под дудку Кэролайн, которая планировала стать местной жительницей. И почти стала.

Дэвиду, похоже, действительно нравилась ее компания, но это не было новостью. Они давно дружили, и теперь доктор проводил больше времени в обществе Кэролайн, чем ее брата. Они смеялись и чувствовали себя в своей тарелке.

Клэр сидела, покачивая одной рукой коляску со спящей Лиффи. Миссис Нолан описывала в мельчайших подробностях свой сон, Молли Пауэр слушала ее как зачарованная. Доктор Пауэр и Джеймс Нолан обсуждали возможность привлечения врачей в качестве экспертов при рассмотрении судебных дел. Брида наполняла чайник и расставляла тарелки с сэндвичами. Дэвид и Кэролайн сидели на белой каменной ограде Крест-Вью, наблюдая за пляжем внизу.

«Что я здесь делаю? – подумала Клэр. – Мне здесь не место. Что свело меня с этими людьми?»

Ее мысли перекликались со словами Джерри Дойла.

– Я терпеть не могла уезжать отсюда, – призналась Кэролайн. – Теперь в этом нет необходимости. Я рада своей работе.

– Мы тоже рады, – с энтузиазмом откликнулся Дэвид. – Думаешь, тебе здесь не будет скучно? Честно говоря, Кэролайн, ты даже не представляешь, как здесь бывает тихо. Поселок разросся, но по сравнению с Дублином он все равно маленький.

– Разве можно скучать, когда рядом живет Джерри Дойл? – легкомысленно отшутилась Кэролайн, но тут же поняла, что ляпнула что-то не то.

– А, так это из-за него, – протянул Дэвид.

– Я просто дразнила тебя. Не думаю, что буду плотно общаться с ним зимой, вряд ли он подходящий спутник для юриста.

– Ты должна сама выбирать себе друзей, я всего лишь скучный и занудный домосед.

Разумеется, Кэролайн заверила, что это не так и в любом случае поначалу трудно заводить друзей на новом месте.

– Я рассчитываю на то, что вы с Клэр познакомите меня с кем-нибудь.

– Мы почти никого не знаем. – Дэвид не извинялся, он констатировал факт.

– Нам следует снова заняться гольфом. Ты согласен? Будем играть время от времени?

– Я бы с удовольствием, – сказал Дэвид. – Я бы действительно этого хотел. Мне положен выходной в середине недели, но я почти никогда им не пользуюсь.

– Ну вот, – улыбнулась Кэролайн собственной идее. – Значит, в этот день старый сельский врач и старый сельский адвокат будут играть в гольф после обеда.

Ее смех зазвенел, как колокольчик.

– Ох, Дэвид, кто бы мог подумать, что мы доживем до такого?

Клэр слушала их, сидя в ярко-красном шезлонге. «Старый сельский врач и старый сельский адвокат. Ну-ну. И не забудьте про Клэр – старую сельскую кошелку».

Осы гибли с первыми ночными заморозками, морские водоросли прибывали с приливом, туристы паковали чемоданы. Анджела готовила учебники и таблицы к школе.

Клэр подошла к двери, толкая перед собой коляску с Лиффи.

– Ей уже почти год?

– Исполнится на следующей неделе. Дик дома?

– Нет... Ох, черт возьми, он дома, но просил говорить, что его нет. Только ради тебя. Заходи.

Дик сидел за столом, на котором были разложены схемы и планы. Увидев, что кто-то идет, он подскочил с виноватым видом.

– Это всего лишь Клэр, дорогой, – успокоила его Анджела.

– Мы бы все равно ей сказали.

Они задумали превратить коттедж в небольшой отель. Дик продавал свою долю в отеле Диллона, на радость всем своим родственникам, и открывал собственную гостиницу вместимостью в двенадцать спален. Поле за коттеджем принадлежало Анджеле. Новый отель предназначался для игроков в гольф – с местом для хранения

клюшек, ранним завтраком по запросу и поздним ужином. Вероятно, им не удастся получить лицензию на продажу алкоголя, но у постояльцев всегда будет возможность заказать бутылку виски или любого другого напитка с подачей в номер. Они планировали открытие в июне следующего года. Анджела собиралась уйти из школы.

– Вы поэтому учились готовить? – взволнованно спросила Клэр.

– Единственное, чего мы этим добились, так это доказали сами себе, что прежде всего нам нужен повар. Мы можем застилать постели и мыть посуду, но готовить еду – ни за что!

Они выпили чаю и посмотрели на планы.

– Это будет стоить приличных денег, – предположила Клэр.

– Мне причитается изрядная сумма за долю в отеле, – сказал Дик.

– Ваш брат обрадуется или будет взбешен?

– Он рад, что я не путаюсь под ногами, но из-за этого он придет в ярость. Вот почему мы держим все в секрете. Часть денег поступит на неделе. Этим занимается одна городская фирма. Их девушка – как там ее зовут? – уже была здесь.

– Кэролайн Нолан?

– Она самая. Довольно милая для жительницы Дублина и очень открытая.

– Гм, – с сомнением произнесла Анджела.

– Действительно «гм», – подтвердила Клэр.

– Кстати, зачем тебе понадобился Дик? – Анджела вспомнила, о чем спрашивала Клэр.

– Я хотела попросить вас дать мне несколько уроков гольфа втайне от всех. Я думала, что, когда Анджела приступит к занятиям в школе, у вас найдется немного свободного времени, но теперь вижу, что вряд ли.

– Я не могу давать тебе уроки, я очень плохой игрок.

– Мне нужно просто понять, что к чему.

– Нет, Клэр, ты не понимаешь. Я научу тебя неправильному хвату, неправильной стойке. Тебе потом придется переучиваться.

– Почему тебе не обратиться к Джимми Профессионалу? – поинтересовалась Анджела.

– Я не хочу, чтобы кто-то знал, что я беру уроки.

– Поэтому ты не можешь попросить Дэвида? – уточнила Анджела.

– Да.

– А как насчет Джерри Дойла, он хорошо играет? – предположил Дик.

– Нет, с ним я наверняка проведу большую часть урока, лежа на спине в песчаных дюнах, – рассмеялась Клэр.

– Кстати, эта девушка, Кэролайн, любит гольф. Она говорила, что обязательно приедет сюда и будет играть столько, сколько сможет. Возможно, она тебе подойдет, – нашел решение Дик Диллон, и его лицо просияло.

– Прости, Клэр, – извинилась Анджела. – Некоторые мужчины непрошибаемы, как стена. Но ты не волнуйся, мы что-нибудь придумаем.

– Не понимаю, на что вы жалуетесь. Вы вообще ничего не предлагаете. Я внес два предложения, и над ними посмеялись, даже толком не рассмотрев, – проворчал Дик.

– Я тебе помогу, – сказала Анджела. – Я могу взять несколько уроков у Джимми, а ты зайдешь посмотреть и тихо к нам присоединишься. Это не будет выглядеть так, будто ты учишься.

– Звучит неплохо. Ты же не собираешься учиться всерьез?

– Если мне предстоит стать радушной совладелицей гольф-отеля, будет полезно узнать, как играть в эту чертову игру, – объяснила Анджела. – Я поговорю с Джимми, а ты заходи как бы невзначай где-нибудь на втором или третьем уроке.

– Ты всегда помогаешь мне, – сказала Клэр. – Наверное, я веду себя глупо.

– Нет, по-моему, ты совершенно права, – серьезно ответила Анджела, и от ее слов по телу Клэр пробежала холодная дрожь.

В тот вечер Джози рыдала в садовом домике. Мартин больше не хотел ее видеть. Он заявил, что она выставила его дураком, спутавшись с Джеймсом Ноланом. Как глупо она себя повела! Джози так злилась, что готова была пинками гнать себя от Каслбея до Дублина и обратно. Джози остро нуждалась в совете, а Клэр хорошо разбиралась в мужчинах.

– Почему ты так решила? Я ничего не смыслю в мужчинах.

Как это почему? Разве Клэр не получила в мужья Дэвида Пауэра? Кстати, местный Ромео – Джерри Дойл – не далее как вчера горевал, что не подсуетился раньше молодого доктора.

– Прямо так и сказал? При всех?

– Да-да, это было в отеле.

Но Джози больше интересовали собственные несчастья. Может быть, стоит написать Мартину? А Джеймс проявлял к ней настоящий интерес? А что Клэр думает...

– Я не могу сказать, что я думаю, пока не узнаю, чего ты хочешь, – раздраженно отрезала Клэр. – Если ты прямо скажешь, чего ты хочешь, я скажу, что, по-моему, тебе следует сделать.

– Я хочу получить Джеймса Нолана, но не уверена, что нужна ему, поэтому, если надежды нет, я хочу вернуть Мартина. Как, по-твоему, это звучит? Достаточно прямо и честно?

– А ты не хочешь немного побыть одна, позволить жизни идти своим чередом и в конце концов встретить другого мужчину?

– Нет уж, спасибо, – твердо сказала Джози.

– Но это и есть мой тебе совет.

– Я сказала, чего хочу. Легко давать советы и рассуждать о независимости, когда у тебя есть муж, ребенок, а еще на тебя пялится Джерри Дойл.

– Хорошо. Я отвезу тебя к нему домой, и ты подсунешь под дверь письмо: «Дорогой Мартин, я вела себя глупо. Наверное, хотела понять, насколько я тебе небезразлична...» Что-то в этом роде. Не надо заискивать, настойчиво извиняться, но ершиться тоже не нужно. Давай напишем письмо вместе, если хочешь...

– Я не думаю, что Джеймс Нолан когда-нибудь...

– Согласна. Я бы тоже не стала на это рассчитывать.

Две недели спустя Джози и Мартин купили кольцо, украшенное тремя бриллиантами.

– Ты гений, Клэр, – выдохнула Джози через несколько дней после помолвки.

– Да, так и есть, – согласилась Клэр.

К сожалению, Клэр не могла дать гениальный совет самой себе.

Она презирала женщин, которые заигрывали с мужчинами. В те пьянящие дни, когда они с Дэвидом были так влюблены, что Дублин казался им декорацией к спектаклю, они часто смеялись над кокетливыми позами женщин и подтрунивали над мужчинами, готовыми по глупости заглотив наживку. Они поклялись всегда

рассказывать друг другу о собственных чувствах – прямо и без обиняков. Другому давалось десять минут, чтобы расстроиться, но после этого он или она должны были вспомнить, что их связывает истинная любовь, которая встречается раз в сто лет, и что откровенность является неизменным условием этих особых отношений.

Клэр задавалась вопросом, что выйдет, если они вернутся в Дублин и будут снова носиться в пальто под дождем. Зимой и весной тысяча девятьсот шестидесятого года им было легко разговаривать, зимой и весной шестьдесят второго они утратили это навык.

Однажды она написала Дэвиду письмо. Длинное письмо, в котором вспоминала всю их предысторию. А перечитав, увидела, что оно напоминает список упреков и жалоб, – и порвала.

Клэр пыталась поговорить о своих чувствах с отцом Дэвида. Очень уклончиво. Но вскоре поняла: старик уверен, что между молодыми супругами все хорошо. Он признал, что после рождения ребенка Клэр какое-то время пребывала в подавленном состоянии и это было совершенно нормально с учетом всех обстоятельств. Теперь он не видел угроз семейному счастью сына. Разубеждать старого доктора Пауэра было жестоко и бессмысленно.

Снова засесть за книги оказалось очень трудно. Почти невозможно.

Клэр написала письмо неунывающему наставнику, который некогда признался, что не ожидал еще раз увидеть подопечную. Она предположила, что он, вероятно, слышал, что произошло в тот день, когда она была готова сдавать выпускные экзамены. Клэр сообщала, что теперь, когда ребенку исполнилось почти полтора года, она хотела бы вернуться к занятиям. Вскоре пришел ответ: нужно подать официальное заявление, но, по мнению наставника, проблем не возникнет, как только вскроются столь драматические факты. Преподаватель восхищался решимостью Клэр начать все сначала, ведь за восемнадцать месяцев она, должно быть, отвыкла от занятий. Он просил непременно связаться с ним, как только Клэр окажется в Дублине.

Вот и все. Другого способа обрести прежнее состояние духа и образ мыслей не было. Клэр заглянула в свои записи. Неужели она была такой умной? Неужели это она написала целые абзацы под

заголовком «Основы» на левой стороне каждого двойного листа, приведя на другой стороне цитаты, ссылки и подробности? Вероятно, она когда-то все это знала? Знают ли это те, кто сейчас учится в Дублине?

Возможно, ей стоит отправиться в Дублин на несколько дней? Это приблизит ее к цели?

Клэр обсудила этот вопрос с Дэвидом. По мнению мужа, ей следовало ехать.

Она думала остановиться у Эмер и Кевина – родителей Дэниела, который, должно быть, вымахал в настоящего исполина. Им не терпелось взглянуть на Лиффи, они видели малышку только на крестинах. Приедет ли Дэвид? Хотя бы на пару дней?

Нет, Дэвид ответил, что не может. Сейчас худшее время для отъезда. Старики болеют пневмонией. Но он будет рад, если Клэр поедет, правда, очень рад.

– Ты охладел ко мне? – беззлобно спросила Клэр в тот вечер.

– Что за чушь? – удивился Дэвид. – Ты дуешься, потому что я не могу поехать?

– Нет, конечно. Я спрашиваю в более широком смысле.

– Я не охладевал к тебе, милая. С чего бы мне это делать?

– Не знаю. Разве кто-то может объяснить, почему люди любят или не любят других людей?

Клэр стояла на том самом месте, где услышала, как из-за кухонного стола похожие слова произнес Джерри Дойл. Она поняла, что бессознательно повторила вопрос Джерри, и едва заметно вздрогнула.

– Что ж, я знаю. Я знаю, что люблю тебя. Вот так.

– Ты счастлив?

– А что такое счастье? – пожал плечами Дэвид.

– Наша комната начинает напоминать пещеру Эха, – сказала Клэр. – Год назад ты спрашивал, счастлива ли я, когда объяснял, что я не сошла с ума.

– Очень трогательная история. Что же ты ответила?

– Разве ты не помнишь?

– Нет, любимая, не затевай ссору, потому что я не могу вспомнить каждое слово из каждого разговора, который у нас с тобой был за

последние два года. Если я начну расспрашивать тебя, выяснится, что ты тоже многое позабыла.

– Справедливо. Я скажу тебе, что ответила. Я ответила, что счастлива. Тогда ты произнес: «Но...» – с вопросительной интонацией, и я уточнила: «Но... наша жизнь стала более размеренной». Ты признался, что тоже это почувствовал.

– К чему ты ведешь?

– Да к тому, что мы поменялись местами. Раньше ты обо всем меня спрашивал и хотел знать, что со мной происходит. Теперь это делаю я.

– У меня был тяжелый день, правда очень тяжелый. Сегодня умерла женщина, сорока четырех лет. Дальше по побережью. С ней все было в порядке, никаких проблем со здоровьем. Ее убил рак всего за два месяца. У нее остались шестеро детей и бестолковый муж. Я стоял перед ними и говорил, что у каждого события есть хорошая сторона. Клэр, в смерти этой женщины не было ничего хорошего, поверь мне, абсолютно ничего. Я вернулся в Каслбей и зашил глаз пятилетней девочке, которую отец ударил стулом. Отец находился в худшем состоянии, чем ребенок. Я должен был написать отчет обо всем этом для Фрэнка Конуэя. Фрэнк поинтересовался, как поживает его мать, и мне пришлось сказать, что она не выйдет из больницы. Потом папа спросил, не могу ли я примерно через месяц взять на себя его обязанности и полностью отвечать за практику на протяжении недели. Папа чувствует, что очень устал, и просыпается по ночам оттого, что у него сильно колотится сердце. Он хочет отдохнуть. Отдохнуть? На отца приходится меньше четверти общей нагрузки. Если ему требуется отдых, значит он действительно плох. Потом я пришел домой, где услышал настойчивые просьбы отправиться в Дублин, а я, к сожалению, не могу ездить в Дублин так часто, как мне бы хотелось. В итоге меня попросили пересмотреть и проанализировать основы нашей совместной жизни.

Повисло молчание.

– Прости, – сказала Клэр.

– Тебе не за что извиняться. Это мои радости и печали, а не твои.

– Чего бы ты от меня хотел? Как лучше провести этот вечер?

– Я бы хотел покоя. Беседы о чем-то другом. Не о нас, не о том, куда мы идем и кто кого больше любит.

Дэвид встал и обнял ее одной рукой.

– Все в порядке, Клэр, жизнь с любимым не всегда полна волшебства. Люди на такой работе, как наша, ну, как моя... Хотя когда ты лихорадочно училась, то была такой же и понимала... В свободное время тебе нужно просто расслабиться, а не думать о том, что такое любовь.

– Ясно, – сказала она.

Зазвонил телефон. Дэвид снял трубку.

– О, привет.

Его лицо расплылось в улыбке.

Клэр знала, что это была Кэрлайн Нолан, которая понимала, чего хотят люди в свободное от работы время. Не обсуждения идей и принципов, а легкого и непринужденного обмена словами, в ходе которого можно договориться об игре в гольф.

Клэр написала Эмер, что пока не приедет, потому что хочет остаться дома и уладить кое-какие дела. Эмер ответила, что ничего страшного, кровать всегда в распоряжении Клэр. Упоминание о кровати в доме Эмер неизменно вызывало у Клэр чувство вины.

По мнению Джимми Профессионала, Анджела была прирожденной гольфисткой. У нее был замах, как у мужчины. Вопреки ожиданиям Джимми, Анджела не восприняла его слова как высокую похвалу.

– Ваша юная подружка, которая сегодня к нам присоединилась, тоже подает надежды.

Клэр в ответ скорчила гримасу.

– Постарайтесь держать голову неподвижно, и тогда вам нечего будет стыдиться, – добавил он.

– Отличный совет, – сказала Клэр.

– Почему бы вам не прийти и не составить компанию мужу? Без госпожи юриста на горизонте. Держу пари, Дэвид не откажется от хорошей партии в субботу.

– Так и есть, но я играю намного хуже.

– Вам по силам с ним конкурировать, вы неплохо справились со второй лункой, были на грине около третьей и совершили всего два патга.

– Но это пар-три.

– Ваш результат достоин уважения, скажу я вам.

– Хорошо поиграл сегодня? – спросила Клэр мужа, когда он вернулся домой после партии с Кэролайн.

– Нет. Я не смог нормально ударить по мячу.

– А какой у тебя результат на второй лунке? – невинно поинтересовалась она.

– Не напоминай, это пар-три, а мне понадобилось семь ударов, – простонал Дэвид.

– Что ж, у каждого бывают удачные и неудачные дни.

Дэвид с благодарностью посмотрел на жену.

Женские журналы советовали привести себя в порядок, похудеть и превратиться в прекрасную девушку, которая когда-то шла под венец. Клэр попыталась накраситься, но тут же стерла макияж – он показался ей слишком ярким и неуместным. С одеждой был полный порядок. У Клэр было несколько красивых джемперов и юбок, а еще она носила элегантные блузки. Ей не требовалось худеть. Если уж на то пошло, она была слишком стройной и выглядела лучше, чем девушка, что шла под венец. Журналы не могли сообщить ей ничего нового. Авторы статей никогда не встречали женщину, которая непрерывно портила нервы мужу и в конце концов толкнула его в объятия сельского солиситора. Ведущим рубрики личных советов такая проблема была не по зубам.

Однако Клэр не сдавалась. Она внимательно изучила статью в «Вуменс оун» о том, как сделать идеальный вечерний макияж. Она использовала тени и подводку для глаз в полном соответствии со всеми рекомендациями. Достала юбку из тафты, которую надевала всего один раз на танцы, и красивую блузку. Уложила волосы крупными локонами.

Крисси вошла в парикмахерскую в грязном рабочем халате.

– Я видела, как ты зашла сюда. Куда это ты собралась вечером?

– Никуда, – прошипела Клэр из-под сушилки.

– Тогда зачем сделала прическу?

– Уходи, Крисси, – попросила она.

– Это общественное место, ты не можешь здесь мною командовать.

Клэр знала, что скоро весь поселок узнает об обмене любезностями между двумя сестрами – женой молодого врача и продавщицей из мясной лавки Двайера.

Она заглянула к матери.

– С тобой все в порядке, Клэр? У тебя такой вид, будто ты плакала.

– Это макияж, мама.

– Где Лиффи?

– За ней смотрит Нелли, я вышла сделать прическу.

– Пустая трата денег при таком ветре, ее сдует, прежде чем ты доберешься домой.

В лавку вошел Джим. Клэр обернулась и заговорила с ним, старательно двигая губами.

– Не нужно так разговаривать с Джимом, – сказала мать. – Ты ведешь себя так, будто он слабоумный. Джим не слабоумный, он просто бездельник, правда, Джим?

Голос Агнес звучал ласково, но ответа она не получила. Джим не заметил движения ее губ и не понял, что к нему кто-то обратился.

Она долго трудилась на кухне и приготовила для Дэвида хороший ужин. Муж пришел домой усталый и рассеянный. Он не замечал ее прически, глаз, еды и красивого стола.

Он сказал, что очень устал, и они рано легли спать. Когда Клэр собралась перебраться на его сторону кровати, выяснилось, что он заснул.

– Кэролайн?

– О, Дэвид, только не говори, что хочешь отменить гольф. Я все утро жду его с нетерпением.

– Я тоже. Нет, конечно, я ничего не отменяю. Слушай, я тут подумал, тебе долго возвращаться домой после игры. Почему бы нам не перекусить, а потом ты поедешь к себе?

– Это очень мило, но я не хочу слишком обременять Клэр...

– Нет, я не об этом. Может, мы просто сходим куда-нибудь?

Пауза.

– Да, было бы супер. Куда, например?

– Ну, я не знаю, зачем сказал «куда-нибудь», здесь есть только одно место – отель. Там можно неплохо поесть.

– Отлично. Осталось только собраться с силами и приехать.

– Хорошо, хорошо. Тогда я позвоню туда и закажу столик на двоих.

Все началось с игры в гольф, потом к гольфу добавилась пара бокалов в клубе. Теперь это был гольф, выпивка и ужин. Джози позвонила на следующий день. Просто поболтать.

– Надеюсь, еда вчера вечером была не слишком вкусной, иначе ты установишь для меня недостижимую планку, – рассмеялась Клэр.

– Ты о чем?

– Собираюсь на следующей неделе пригласить игроков в гольф на домашний ужин. Вы с Мартином не могли бы к нам присоединиться?

Джози ответила, что это было бы здорово. Она испытала облегчение, узнав, что Клэр была в курсе событий: игры Дэвида в гольф и его ужина в обществе Кэролайн. Ее сестра Роза вчера вечером пришла из ресторана взволнованная и сказала, что Дэвид Пауэр и Кэролайн Нолан держались под столом за руки. Но это могло быть неправдой. Роза всегда питала к Дэвиду слабость, а с тех пор как Джози объявила о помолвке, сестра злилась и вела себя странно.

Клэр пригласила Молли на ужин в следующий четверг.

– Немного заблаговременно планировать такое, – ответила Молли, – но это очень мило с твоей стороны. Уверена, что сможешь с этим справиться?

Анджела сказала, что при любых других обстоятельствах она бы все бросила и пришла, но школу собралась посетить настоятельница ордена, и монахини устраивали в ее честь что-то вроде праздничной трапезы. С тысяча девятьсот сорок пятого года – за все время, что Анджела проработала в школе, – монастырь не предложил им ни крошки еды, и вот наконец-таки это случилось.

– Это будет ужасно, я запишу в блокнот все подробности и расскажу тебе позже.

– За все время, что мы с тобой знакомы, я тоже впервые зову тебя на ужин. В тот же самый вечер, – вздохнула Клэр.

– Ты это затеяла, чтобы отпраздновать что-то особенное?

– Я это затеяла, чтобы выжить, – ответила Клэр.

– Вот как! Ты пригласила свекровь?

– Да. И партнера мужа по гольфу.

– Звучит амбициозно. Что ты подашь к столу?

– Я еще не думала об этом.

– Тогда вот тебе мой совет: для начала предложи гостям что-нибудь холодное, например фаршированные яйца. Эмер рассказывала, как ходила в Дублине на ужин, там стояла фарфоровая миска, полная сардин, размятых в лимонном соке, и гости сами намазывали их на хлеб. По словам Эмер, это было восхитительно.

– Для Дублина это нормально, но, если в Каслбее хозяйка не подаст гостям суп, ее отправят в дом призрения.

– Трудно сосредоточиться на супе, ухаживать за гостями и думать о следующем блюде.

– Держи за меня пальцы крестиком, ладно?

– У тебя все получится, – сказала Анджела без особой уверенности в голосе.

Старый мистер Кенни растроганно сказал, что со стороны молодых людей было очень мило пригласить его на ужин.

Итого восемь персон.

Клэр попросила Нелли помочь ей принести два стула из большого дома и пересчитала свою посуду и столовые приборы, чтобы убедиться, что всего хватает. Она хлопотала втайне от Дэвида, когда его не было дома. Когда он возвращался с работы, Клэр переставала суетиться. Дэвид одобрил ее идею пригласить на ужин гостей, а это означало, что ему нечего скрывать, подумала Клэр. Будь между ним и Кэролайн нечто большее, чем долгие непринужденные беседы и быстрый поцелуй в щеку на прощание, он бы не смог привести ее в дом и держаться как ни в чем не бывало. Клэр позвонила Кэролайн на работу, и та тоже обрадовалась приглашению на ужин после гольфа.

– Прекрасное предложение, Клэр. Ты точно справишься?

– С чем именно? – любезно поинтересовалась Клэр, кипя от ярости.

– Ну, с ужином и со всем остальным.

– Боже, я очень на это надеюсь, – ответила Клэр и в бешенстве вернулась на кухню.

Она вытащила Лиффи из коляски и серьезно поговорила с ней:

– Послушай, малышка, мир полон дерьма – так в трудную минуту говаривала моя подруга и твоя крестная мать Мэри Кэтрин. Но мы с тобой, Лиффи Пауэр, не будем молча терпеть и не допустим, чтобы нас унижали. Я даю тебе торжественное обещание. Если в четверг ты будешь хорошей девочкой, никого не описашь, не сблеванешь на гостей и не поднимешь крик, я подарю тебе прекрасную вольную жизнь, полную захватывающих приключений; и если ты захочешь полететь в космос, а твой отец скажет «нет», я буду бороться за то, чтобы ты попала в космос.

Лиффи захлопала в ладоши, довольная вниманием к себе.

– Все. Значит, договорились. Отлично.

На кухню вошел Бонс.

– А ты, мой друг, не чеши при гостях задницу и не поднимай вой, если увидишь синюю муху, или свет маяка, или еще что-нибудь. Веди себя как милая ласковая псина, которая любит молодую хозяйку. Конечно, ты можешь отхватить кусочек от филея мисс Нолан, но, будь добр, сделай так, чтобы это выглядело как вынужденная самооборона. Что ты получишь взамен? Я обещаю спасти твою шкуру. Дэвид говорил, что тебя, возможно, придется усыпить. Я и слышать об этом не хочу.

Бонс весело осклабился, и Клэр снова уткнулась в кулинарную книгу.

С Нелли на подхвате приготовить ужин было бы просто, и Нелли с удовольствием помогла бы, но вся соль была в том, чтобы никого ни о чем не просить. Клэр должна была справиться сама. Она не хотела показывать горничной, как сильно нервничает. Нелли была предана хозяевам и большому дому. Она могла намекнуть Молли, что в садовом домике царит настоящий бедлам. Это могло испортить все дело. Клэр позвонила Валери и обратилась к подруге за советом. Валери беспечно сказала, что проще всего поставить на стол много выпивки. Гости даже не вспомнят, что они ели. Для компании Валери совет был хорош, но Клэр он не слишком помог. Тогда Валери

предложила разогреть булочки и добавить в суп сливок, а еще приготовить картофельное пюре или жареную картошку, потому что картошка еще никого не подводила.

Крисси сказала, что, если кто-то может позволить себе такие огромные куски говядины, значит его жизнь удалась.

– Мы могли организовать доставку по звонку.

– Я надеялась, что, если приду, ты дашь мне куски получше и покажешь, как правильно нарезать мясо для подачи на стол, – смиренно призналась Клэр.

– Нарезать мясо для подачи на стол? Просто отрежь каждому гостю по куску, как вы обычно делаете, – фыркнула Крисси, помощница мясника, а также услужливая и чуткая сестра, которая всегда знает, как успокоить близкого человека перед важным событием.

В четверг в городке, что в двадцати милях от побережья, был сокращенный рабочий день. В этот день Дэвид играл в гольф, а потом ехал домой на званый ужин.

По мнению Клэр, авторы женских журналов могли ею гордиться. Она сказала Дэвиду, что тот волен привезти Кэролайн, когда ему заблагорассудится, – вероятно, гостья захочет сменить наряд к ужину. Остальные приходят к семи, так что, после того как Дэвид и Кэролайн пропустят в клубе пару бокалов...

– Мы не нарушим твои планы?

– Вовсе нет, – пискнула Клэр.

Дэвид поцеловал жену на прощание в нос, а потом поцеловал Лиффи.

– Бонс сильно сдал в последнее время. Как думаешь, ему очень больно? Он вечно скалит в улыбке зубы, по нему так сразу и не поймешь.

– Бонс еще полон сил, – ответила Клэр и погладила собаку.

Обещание есть обещание: Бонс не отправится в мир сладких грез, пока рядом находится Клэр.

Лиффи стошнило морковкой и картофельным пюре на ее лучшее платье, пошитое вручную. Клэр сняла с дочери платье и постирала, надеясь, что оно подсохнет. Это было то самое платье, над которым так

тряслась Молли. Клэр надела его на Лиффи, чтобы задобрить свекровь. Когда Клэр вымыла красивую серебряную ложку, подаренную мистером Кенни малышке, Бонс подумал, что это игрушка, и ускакал с ней прочь. Он трижды промчался по саду с ложкой в зубах, а потом зарыл подарок на клумбе.

Сливки свернулись – впервые в этом году, а на двух столовых салфетках обнаружили прорехи. В спешке пробегая мимо стола, Клэр опрокинула кувшин с водой, так что ей пришлось подложить под скатерть наволочки и молиться, чтобы ткань вовремя высохла.

Зная, что Кэролайн будет переодеваться в их спальне, Клэр постаралась превратить комнату в уютное любовное гнездышко. Она сдвинула вместе подушки, будто они с Дэвидом спали в обнимку, и небрежно бросила на кровать черную ночную рубашку, которая ее вовсе не красила, но выглядела очень экзотично. Она прибралась в шкафах и выдвижных ящиках, на случай если Кэролайн вздумает в них покопаться.

Поношенную обувь и прочие вещи, не предназначенные для посторонних глаз, Клэр отнесла в пустую комнату. На случай если кто-нибудь ошибется дверью, Клэр выкрутила в комнате лампочку, чтобы свет не упал на царящий там беспорядок.

Гости пожаловали все разом.

Дэвид разлил по бокалам шерри, и каждый по меньшей мере трижды сказал, что все очень мило.

Кэролайн сияла здоровьем. Ее волосы блестели и были прекрасно уложены. Клэр напрасно надеялась, что прическа соперницы пострадает от ветра. Кэролайн заявила, что ополоснулась на скорую руку. Она переоделась за похвально короткое время и спустилась к гостям в длинной красной шерстяной юбке и белой кружевной блузке.

– Мы чудесно поиграли сегодня, – сообщила она. – Клэр, тебе тоже стоит научиться играть.

– Мне вроде говорили, что Клэр берет уроки, – ляпнула Джози.

Клэр готова была разбить подруге лицо.

– Нет-нет, наверное, меня видели на поле с Анджелой, это она учится.

– Ах да.

Сотрудники отеля Диллона болезненно реагировали при упоминании Анджелы. В семье опасались, что дядя Дик и школьная

учительница переманят к себе игроков в гольф, лишив старый отель львиной доли доходов.

– Джеймс играет в Дублине. Кое-кто намекает, что он проводит на поле слишком много времени, – заметила Кэролайн.

Еще одна неловкая тема. Рука Мартина крепче сжала бокал при упоминании коварного Джеймса Нолана.

Клэр решила, что пора подавать ужин. Пусть женские журналы полыхают огнем в самом темном уголке ада.

Булочки в духовке подгорели. До черноты. Клэр нарезала содовый хлеб, который испекла Нелли, и выложила его на тарелку. Молли заметила, что когда дело доходит до хлеба и выпечки, то Нелли нет равных.

– Этот хлеб тоже очень вкусный, – похвалил мистер Кенни.

– Это хлеб Нелли, – в отчаянии призналась Клэр.

Мясо вышло жестким, картофельное пюре – сухим, брюссельская капуста – размякшей, а соус – комковатым.

Клэр увидела ряд тарелок с остатками еды и с горечью поняла, что больше никто не притронется к угощению, – приборы лежали параллельно друг другу. Сгорая от смущения, она убрала со стола.

Сливор для шоколадного пудинга не было. Выскочить за ними в лавку Клэр уже не успевала. Она проклинала родителей за то, что у них нет телефона. Она могла бы решить все проблемы одним звонком: заказать доставку сливок или даже мороженого. А так она должна была мчаться за покупками на машине с ребенком на заднем сиденье. Клэр решила остаться на посту, чтобы побережь свои нервы.

Гости принялись за пудинг. Никто не притронулся к сыру, ломтики которого она так аккуратно разложила вместе с печеньем.

Клэр пошла варить кофе и обнаружила, что в банке из-под кофе, стоявшей в шкафу, лежит вовсе не кофе. Там хранились ракушки каури. Клэр когда-то сложила их туда, потому что пока не придумала, куда пристроить.

Она соврала, что ей нужно проведать Лиффи, а сама незаметно выскользнула в темный сад, чтобы поискать кофе на кухне у свекрови. По четвергам Нелли брала выходной. На кухне никого не было. Клэр споткнулась о Бонса и приложилась лицом об пол. Бонс радостно залаял, да так громко, что доктор Пауэр вышел посмотреть, что происходит.

– Боже мой, Молли! – воскликнул Пэдди. – У нас на кухне кто-то есть!

Дэвид действовал быстро и уверенно. Он схватил клюшку для гольфа и настоял, чтобы отец не вмешивался.

Когда Клэр выбралась из кухни Пауэров с ссадинами на руках, синяком на лбу и зубом, который подозрительно пошатывался в десне, Бонс возбужденно лаял на луну.

– Я прибью тебя, – пообещала она собаке. – Из тебя сделают отбивную, а я даже пальцем не пошевелю, чтобы тебе помочь.

Внезапно в свете фонаря Клэр увидела группу гостей, ожидавших хозяйку, и мужа. Он медленно крался к дому с клюшкой для гольфа в руках. Вдалеке слышался знакомый звук: Лиффи проснулась и зашла в крике. Чтобы унять малышку, требовалось не меньше пары часов.

Клэр плакала, когда рассказывала эту историю. Анджела хохотала до слез.

– Нет, я не вижу в этом ничего смешного. Хватит смеяться, я чувствую себя ужасно. Я выставила себя полной дурой. С таким же успехом я могла станцевать перед ними на столе в одних трусах. Это было ужасно. Они жалели меня. Все они, даже Джози.

– Ты сама виновата, – сказала Анджела. – Ты всегда давала отличные советы Мэри Кэтрин... Признайся, что твой отец почтальон, посмотри, насколько их это волнует. Почему ты не сказала, что у тебя в кофейной банке ракушки каури?

– После сгоревших булочек, подливки с комками и жесткого мяса? Держу пари, Крисси сделала это нарочно. Продала мне задницу старого осла.

– А как повел себя Дэвид?

– Погладил меня по голове и утешил, что первый ужин всегда испытание. Первый! Скорее первый, и последний. А как тебе мать настоятельница?

– Похожа на хомячка: морщит носик и скалит маленькие острые зубки.

– О чем вы говорили?

– Об упадке веры и морали. Мы ели сэндвичи с яйцом и пили чай – такой выдался праздник.

– Мне бы там понравилось, – с чувством сказала Клэр. – По сравнению с тем, что творилось вчера вечером в моем доме, напоминает рай.

В дождливый четверг в садовый домик зашел Джерри Дойл.

– Я занята, Джерри.

– Вижу.

Он бросил многозначительный взгляд на раскрытую газету, лежавшую на кухонном столе.

– Ну, – смутилась она.

– Ну, это произошло не сразу. Но это случилось.

– Что случилось?

Ее сердце наполнилось страхом.

– Дэвид, – заулыбался Джерри.

Клэр схватилась за горло:

– Что с ним?

– Похоже, он встретил настоящую любовь. В автофургоне.

– Что?

– Сегодня сыrovато для игры в гольф, не находишь? Он должен промокнуть насквозь.

Джерри сел без приглашения, но, сообщив Клэр новость, встал и вышел, кивнув на пороге:

– Увидимся.

Дэвид вернулся домой совершенно сухим.

– Тебе удалось поиграть или было слишком сыро?

– Нет, мы не сдавались. Знаешь, игра на ветру под дождем очень бодрит.

– Представляю себе.

– Кэролайн этим вечером ждет настоящее испытание – обратный путь за рулем.

– Действительно. Может, стоило предложить ей переночевать у нас?

– Нет-нет, она решила купить автофургон, на случай если захочет остаться здесь на ночь. Разумное решение, так ведь?

– У Джерри Дойла крупные неприятности, – сообщила Агнес.

– Какие же?

– Ну, во-первых, он задолжал нам за три месяца. Довольно крупную сумму. Продукты и сигареты стоят денег.

– Не сомневаюсь.

– Твой отец сказал мне напомнить Джерри об этом, раз я всегда находила с ним общий язык.

– И?..

– Джерри ответил, что с деньгами туго. Крисси говорит, что в лавке Двайера на нем висит счет длиной с твою руку, а Костелло больше не отпускают ему в кредит. Джерри прыгнул выше головы со своим фотоателье, ему не хватает заказов, чтобы содержать заведение такого размаха. Дойлам было хорошо, пока они ютились в маленькой хижине и на кухне у себя дома. Дик думает, что фотоателье придется продать.

– Джерри – боец.

– Я всегда это говорила; но когда я спросила у него про долг, а он сказал, что у него нет денег, я попыталась его успокоить. Заверила, что все в порядке, пусть оплатит пару мелких покупок и Том будет счастлив... Он отрезал, что нечего с ним любезничать, что он не сойдет со сцены, поджав хвост, а если ему суждено уйти, то он сделает это с грохотом и треском, так что услышат во всем графстве. О чем это он, как ты думаешь?

– Я возьму Лиффи с собой в Дублин через неделю или две, покажу ей другую Лиффи – которая река.

– Хорошая идея.

– Ты будешь ужинать у родителей, пока меня не будет?

– Да, наверное. Может быть, сам себе что-нибудь приготовлю, если захочу. Кстати, и Кэролайн будет в своем автофургоне. Я, вероятно, перекушу с ней пару раз, чтобы она здесь освоилась.

Джерри пришел снова.

– На этот раз у меня есть фотографии, – заявил он.

– Какие фотографии?

Она кормила Лиффи и не могла отвлечься.

– Можно мне чашечку чая?

– Нет, Джерри, ты же знаешь, мне не нравится, что ты приходишь сюда.

– Смотри, она у тебя вся перемазалась. Давай я покормлю ее, а ты поставишь чайник.

– Тогда ты уйдешь?

Он умело кормил Лиффи, задерживая ложку во рту малышки ровно настолько, чтобы той было легко проглотить еду.

Клэр налила чай. Она не испытывала тревоги. Когда Джерри кормил Лиффи и гукал с малышкой, он выглядел уязвимым.

– Ах да, фотографии. Вот они.

Он высыпал содержимое конверта на стол. Около дюжины черно-белых снимков Дэвида и Кэролайн в любовных позах на узкой кровати автофургона.

Клэр зажала рот рукой и подошла к раковине. Ее стошнило.

Джерри отодвинул Клэр в сторону, открыл кран, вымыл раковину и набрал стакан воды:

– Выпей.

Она швырнула в него стаканом, но промахнулась. Стакан упал на пол и разлетелся на мелкие осколки. Ее трясло.

Джерри спокойно намочил под краном полотенце, подошел поближе и вытер ей лицо, словно ребенку. У Клэр не было сил, чтобы остановить его.

Она налила себе новый стакан воды и выпила.

– Что ты собираешься делать?

– Ничего, – ответила Клэр.

– Ладно. – Джерри взялся за дверную ручку.

Клэр дрожащей рукой собрала снимки:

– Унеси это.

– Конечно.

Она долго сидела, уставившись в одну точку.

Она соврала Дэвиду, что, кажется, подхватила простуду. Если он не против, она переночует внизу.

Дэвид обеспокоенно пощупал ее лоб. Клэр действительно лихорадило.

Они постелили внизу. На кухне, рядом с плитой.

– Здесь выглядит очень уютно, – заметил Дэвид. – Может, нам стоит перебраться вниз?

– Помнишь комнату в Ратмайнсе? Такая крошечная: кровать, плита и обеденный стол – все стояло друг на друге.

– Да, точно, – вздохнул Дэвид.

Клэр забралась в постель и, как послушный ребенок, натянула одеяло до подбородка. Дэвид поцеловал жену в лоб.

– Дэвид?

– Да?

Он выглядел встревоженным.

– Ничего, спасибо за все, – сказала она, – спокойной ночи.

Клэр слышала, как он поднялся наверх и спустил в туалете воду. Его ботинки со стуком упали на пол. Он лег. Клэр видела, как за окном исчезли отблески света, который отбрасывала лампочка в спальне. Дэвид спал.

Она встала с постели. Сна не было ни в одном глазу. Ради всего святого, что же делать?

Сварила кофе.

Клэр просидела всю ночь и легла в постель, услышав скрип и шаги наверху.

Дэвид на цыпочках прошел вниз, заварил чай и торжественно поднес к ее кровати заварочный чайник:

– Кто у нас заботливый муж?

– Дэвид – заботливый муж, – по привычке ответила Клэр.

«Она действительно выглядит простуженной», – размышлял Дэвид, подходя к дому родителей.

Странно, что у нее не было жара. Он бы сразу почувствовал. Но ее глаза блестели, лоб был горячий, а сама она была бледна как полотно. Он не мог толком понять, что с ней. В последние дни он едва мог смотреть на жену без чувства вины и смущения.

Когда он был с Кэролайн, он с легкостью верил, что никто не пострадает, не выдвинет громких требований, не закатит публичных сцен. Клэр никогда не испытает унижения. Они с Кэролайн будут вести себя осторожно, все останется между ними, никто ничего не узнает. Первые любовники в истории Каслбея, которым тайный роман сойдет с рук.

Кэролайн относилась ко всему расслабленно и спокойно. Ее не интересовало, о чем Дэвид думает или что чувствует. Она не хотела ни обещаний, ни заверений и не заводила разговоров о будущем.

После попыток Клэр выяснить, к чему они придут через десять лет, любит ли ее Дэвид, поженились бы они когда-нибудь или нет, если бы не Лиффи, встречи с Кэролайн напоминали погружение в теплую ванну.

Кэролайн утверждала, что он, разумеется, должен заниматься любовью с женой, почему нет? Она не желала ничего слышать о отдельных постелях и отсутствии отношений. Если Дэвид займется любовью с Клэр, то Кэролайн ничего не потеряет. Точно так же как Кэролайн ничего не украдет у Клэр, если пригласит Дэвида в свой автофургон.

Иногда Дэвид спрашивал Кэролайн, что с ними произойдет в дальнейшем. Они рассорятся вдрызг, причинив друг другу боль, или станут чужими и тихо разойдутся? Кэролайн смеялась и говорила, что думать о будущем бессмысленно. Это успокаивало и притупляло чувство вины.

Клэр по-прежнему лежала в постели на кухне, когда услышала шум двигателя: Дэвид уехал к пациентам.

Минуту спустя вошел Джерри Дойл.

– Правильное решение, – сказал он при виде одинокой постели.

– Убирайся! – крикнула Клэр.

– Тише, тише.

– Джерри, я позову миссис Пауэр. Помогите!

Джерри нежно прикрыл ей рот ладонью и обнял ее свободной рукой. Худенькое девичье тело в розовой ночной рубашке из матового нейлона с длинными рукавами дрожало. Ее глаза горели безумным блеском.

– Чем ты ему обязана? Ты видела, что он с тобой сделал. Клэр?

Она сбросила его руки, вырвалась и метнулась в сторону двери. По пути схватила разделочный нож.

– Не делай глупостей. – Джерри ни капли не испугался. – Опустит нож, Клэр, я не трону тебя. Положи нож, ты можешь пораниться.

Клэр послушалась.

– Я сейчас уйду, – сказал он. – Я вернусь за тобой позже.

- Вернешься за мной?
- Я думаю, нам нужно уехать. Тебе, мне и Лиффи. Далеко-далеко.
- Ты сошел с ума.
- Нет, вовсе нет. Мы оставим фотографии на столе, чтобы они поняли, что произошло. И уедем.
- Джерри, я знаю, что у тебя неприятности. Я знаю о твоих проблемах с деньгами. Могу я одолжить тебе денег, или достать их для тебя, или еще как-то помочь?
- Со временем у нас будет полно денег. Мы с тобой, скорее всего, отправимся в Лондон. Я смогу там работать, у нас будет дом.
- Это фантазии... Ты должен остановиться.
- Прибереги свою мудрость для Пауэров. Я вернусь вечером.
- Нет, ты не должен сюда приходить. Я скажу Дэвиду. Я скажу доктору Пауэру. Ты не можешь.
- Я знаю, что ты никому ничего не скажешь. Потому что хочешь уехать со мной.
- Стой, дай мне объяснить!
- Прими наконец решение. То ты размахиваешь ножом и кричишь, чтобы я уходил, то зовешь меня обратно.
- Не приходи сегодня вечером. Меня здесь не будет. Или я приведу сюда полицию, Дэвида, его отца и всех остальных. Пойми, что я не хочу уезжать с тобой. Что бы Дэвид ни натворил, я никуда с тобой не пойду.
- До встречи.
- Джерри ушел.
- Она сидела испуганная. От страха у нее стучали зубы.
- Дэвид позвонил около шести часов вечера. Он принял последний вызов, освободился и теперь находился ближе к городу, чем к побережью. Было разумнее перекусить там, чем ехать домой в непогоду.
- Как ты себя чувствуешь?
- Дэвид, пожалуйста, приезжай домой.
- Что случилось?
- За все время, пока мы вместе, я ни разу не просила тебя вернуться домой. Я никогда не цеплялась за тебя и старалась не обременять. Так ведь?

– Дорогая, конечно, это так. Но выйдет как-то неловко. Я встретил Кэролайн и договорился поужинать с ней, уж так получилось.

– Ты сможешь ужинать с Кэролайн триста шестьдесят пять раз в году, если приедешь домой сегодня вечером.

– Но я еду домой.

– Нет, возвращайся прямо сейчас. Мне страшно.

– Мы закончим с ужином пораньше, – сказал он. – Я приеду домой, и ты объяснишь, что тебя беспокоит.

– Ясно, – сказала она и бросила трубку.

Она оставила на кухонном столе записку:

Я очень нервничаю и плохо себя чувствую, поэтому я ушла в дом родителей. Там будет много людей, а я не хочу оставаться одна.

Записка предназначалась для Джерри – на случай, если он снова объявится, или для Дэвида.

В половине седьмого Клэр постучала в дверь дома свекрови.

– Клэр, ты можешь входить без стука, – сказал доктор Пауэр, который как раз собирался послушать новости. – Входи и присаживайся.

Молли штопала у камина, они закончили ужинать.

– Надеюсь, я вам не помешаю. Я весь день неважно себя чувствую, а Дэвид задерживается. Он вернется не раньше девяти или десяти вечера. Вы не против, если я побуду здесь?

Супруги обменялись взглядами.

– Конечно не против, – ответила Молли.

– Думаю, тебе следует лечь в постель. Дэвид сказал, у тебя легкий грипп.

– Это не грипп, я просто нервничаю. Меня преследует ужасное чувство, будто что-то должно случиться.

– Ерунда, это из-за шторма. К тому же вы живете ближе к морю, чем мы. Не поддавайся этому чувству, девочка. Посиди с нами, а потом я провожу тебя домой и подоткну тебе одеяло. И ее светлости – тоже.

Лиффи хихикнула в люльке.

Она смогла выдержать полтора часа. К восьми она вернулась в садовый домик.

Доктор Пауэр взглянул на записку:

– Наверное, ты можешь ее порвать. Когда Дэвид вернется, ты будешь спать в своей постели.

Пэдди суетливо наполнил для нее грелку и прошел наверх. Клэр стало стыдно за то, что она не заправила за Дэвидом кровать. Доктор Пауэр сделал вид, что ничего не заметил.

Когда он ушел, Клэр заперла дверь и прислонила к ней стул. Затем она убедилась, что все окна закрыты. Она не легла спать рядом с плитой. Дэвид приедет через час. Джерри не сможет сюда войти.

Она услышала шорох за спиной, обернулась и увидела знакомую кожаную куртку и беспечную улыбку. Джерри.

– О боже!

– Я ждал в столовой. Все в порядке, не волнуйся.

– Нет. Ты все не так понял. Я не уеду с тобой.

– Ты всегда хотела быть со мной, мы с тобой одного поля ягода, Клэр, я говорил тебе это много лет назад. Мы ненасытны и хотим получить от жизни все. И мы это получим. Дэвид другой, он мягкотелый, ему нужен покой.

– Клянусь, я не помню, чтобы хоть раз намекала тебе или как-то иначе давала понять, что влюблена в тебя.

Клэр больше не боялась, что Джерри причинит ей боль. Она просто чувствовала, что не вынесет скандала с предъявлением снимков, когда вернется Дэвид. Дэвид всегда подозревал, что Джерри ей нравится. Это было нечестно и ужасно несправедливо! Верность нарушил Дэвид. А теперь он придет домой и застанет жену в обществе Джерри Дойла.

– Ты соберешь свои вещи? Я припарковал машину на дорожке.

– Ты сошел с ума. В этом нет никаких сомнений. – Клэр постаралась смягчить резкость последних слов. – Я восхищалась тобой. Ты мне нравился. Как и всем остальным девушкам. Но это все.

– Ну хорошо.

– Что?

– Думаю, ты понимаешь, что говоришь.

– Да.

Джерри направился к двери. Клэр расслабилась от облегчения.

– Ты пожалеешь. Пожалеешь, что не уехала со мной сегодня вечером. Ты будешь жалеть об этом всю свою жизнь. Ты проснешься в постели с неверным мужем или в кровати у плиты и пожалеешь, что не уехала со мной сегодня вечером.

– Нет, Джерри. Я не буду жалеть. Мы всегда сможем поговорить, ты и я... Всегда.

– Нет, – отрезал Джерри.

Клэр подождала, пока за ним закроется дверь. Она надеялась различить звук зажигания, но ничего не услышала. Возможно, грохот прибоя и вой ветра заглушили шум работающего мотора.

Дэвид проклинал себя за то, что позвонил домой. Он просто хотел узнать, как Клэр себя чувствует. И вот на что он себя обрек. Он заранее знал, что это произойдет, несмотря на все заверения Кэролайн. Он оказался кругом виноват. Клэр будет изнывать дома из-за каких-то там страхов, а Кэролайн рассердится из-за того, что ему придется уйти пораньше, и смерит его презрительным взглядом. Кэролайн уже вела себя подобным образом раз или два. Насмешливо гнала его домой к бедняжке Клэр, ведь она так нуждается в муже. Повторяла, что на ногах Дэвида нет цепей, которые тянутся к завязкам на фартуке его жены. Это было очень унижительно, и, как ни странно, Дэвиду сразу хотелось встать на защиту Клэр. Сегодня вечером ему предстоит то же самое. «У нее же грипп», – скажет он, понимая, что это глупое оправдание.

Дэвид припарковал машину во дворике маленького дома, который снимала Кэролайн. Он с нетерпением ждал этого вечера. Возможно, он промолчит о своем обещании вернуться домой пораньше. Позвонит Клэр и скажет, что его задержали...

На кухне Кэролайн не было. Дэвид вошел через заднюю дверь. На дальней конфорке газовой плиты шипела кастрюля с водой. Он машинально снял кастрюлю с огня. Дно уже начинало подгорать.

– Кэролайн, – позвал он.

Ответа не последовало. Это было странно. Она должна быть дома. У нее сохранилась городская привычка запираеть двери, выходя на улицу.

– Кэролайн! – снова окликнул он.

Может быть, она в ванной наверху? Дэвид не хотел, чтобы она испугалась, неожиданно для себя застав его в доме.

– Я здесь! – крикнул он.

Сверху донесся какой-то звук.

– С тобой все в порядке? – громко спросил Дэвид, внезапно встревожившись и перепрыгивая через две ступеньки.

Кэролайн сидела на кровати – смертельно-бледная, обе руки прижаты ко рту.

– Что случилось?

Неужели на нее напали? Надругались над ней? Почему она молчала?

– Боже мой, боже мой, – повторяла Кэролайн снова и снова.

Дэвид напомнил себе, что его учили обращаться с людьми в состоянии шока, но это не помогло: похоже, он забыл, что нужно делать, если вообще знал. Он опустился перед Кэролайн на колени. Он гладил склоненную голову, разжимал пальцы, обхватившие рот, и пытался поймать ее взгляд. Это было труднее всего. Кэролайн избегала смотреть на него.

– Скажи мне, дорогая, просто скажи.

– Не могу.

– Тебя кто-то обидел? Кто-то трогал тебя?

Кэролайн покачала головой.

– Пожалуйста, я должен помочь. Плохие новости из дома? Что-то с отцом или матерью?

– Нет, ничего такого.

– Ты что-то видела? Несчастный случай? В чем дело, Кэролайн? Скажи мне, и я помогу.

Он гладил ее волосы, а она сидела на кровати и потрясенно смотрела перед собой обезумевшими глазами.

– Дэвид, – сказала она.

– Это как-то связано со мной?

– Он сумасшедший, его нужно отправить в сумасшедший дом и запереть там навсегда...

– Кто? О ком ты говоришь? Скажи мне.

– Джерри Дойл.

– Что он натворил на этот раз?

Дэвид нетерпеливо вскочил на ноги.

Он проследил за взглядом Кэролайн и увидел то, что ввергло ее в состояние шока. На туалетном столике лежала стопка фотографий. Дэвид просмотрел их одну за другой, и к горлу подступила желчь: то, что было личным, превратилось в грязные снимки.

– Все было совсем не так, – произнес он наконец. – Это было нечто особенное. Ты же знаешь.

Его слова почему-то взбодрили Кэролайн, и она протянула ему холодную руку.

– Зачем он это сделал? – спросил Дэвид.

Он еще раз просмотрел фотографии и положил их лицевой стороной вниз.

– Потому что он сумасшедший, – просто ответила Кэролайн.

Дэвид придвинул к кровати стул, сел и взял Кэролайн за руки.

– Он отдал их тебе? – мягко спросил он.

– Нет, они были здесь, когда я вернулась домой.

– Он оставил записку?

Кэролайн наклонилась и подняла листок бумаги с фирменным логотипом фотоателье и надписью мелким почерком:

Доставить по адресам три комплекта:

1) Мисс Кэролайн Нолан.

2) Доктор Дэвид Пауэр. Смотровая, Каслбей.

3) Миссис Клэр Пауэр. Садовый домик, Каслбей.

– Боже мой! – Дэвид встал. – Так вот почему Клэр хотела, чтобы я вернулся.

– Она видела это? – ужаснулась Кэролайн и снова поднесла руку ко рту.

– Не знаю. Она позвонила мне, вся на взводе, точнее, я сам позвонил, хотел предупредить, что заеду сюда. Она просила срочно приехать домой. Я обещал вернуться пораньше.

– Она не могла это видеть?

– Нет.

Дэвид медленно восстановил в памяти разговор с женой.

– Нет, не могла. Она сказала, что я могу ужинать с тобой триста шестьдесят пять дней в году или что-то в этом роде...

– Что?

– Она потребовала, чтобы я немедленно вернулся домой. Я объяснил, что встречаюсь с тобой за ужином, и она ответила, что я могу ужинать с тобой хоть круглый год, если вернусь домой прямо сейчас.

Они обменялись растерянными взглядами.

– Джерри не мог отдать ей снимки. Она бы так не сказала, если бы увидела их.

– Но почему она настойчиво просила вернуться?

– Ты хочешь уйти? – испуганно спросила Кэролайн.

– Я не могу оставить тебя одну.

– Предположим, просто предположим, что Джерри показал ей снимки.

– Нет, он не мог. Я бы понял по ее голосу, – сказал Дэвид и прошелся по комнате. – Ладно, вот что я сделаю.

Он позвонил в садовый домик, но ему никто не ответил. Он и Кэролайн посмотрели друг на друга, не понимая, хорошо это или плохо.

– Она могла пойти к твоим родителям, – предположила Кэролайн.

– Нет, как бы плохо она себя ни чувствовала, она бы этого не сделала.

Дэвид выглядел измученным.

– Где он прятался? Под окном фургона? – спросила Кэролайн, бросив взгляд на туалетный столик.

– Наверное, именно там. Но зачем? Из-за денег? Говорят, дела у него идут плохо, но вряд ли он ожидал, что мы заплатим ему.

– Мы бы заплатили, разве нет? – уточнила Кэролайн.

– Да, скорее всего, заплатили бы. Но он не просит денег. Как по-твоему, он нас осуждает? Или ему нужна ты и он ревнует?

Она покачала головой:

– Не думаю.

– Но почему? Зачем так делать? Это же какое-то извращение – подглядывать у окна... Господи, он, похоже, одержим тобой. Это единственное объяснение. Он не может заполучить тебя сам, поэтому изо всех сил старается отвести от тебя остальных.

– Он уже заполучил меня. Я была с ним много, много раз. Вряд ли причина в этом. Он просто сошел с ума и ведет себя как настоящий психопат.

Кэролайн схватилась за голову, закрыв руками глаза, и потому не увидела выражения шока и боли на лице Дэвида.

– Проблема в том, что мы не можем обратиться в полицию, они потребуют объяснений, но Джерри нужно посадить под замок.

Она посмотрела на Дэвида в поисках подтверждения.

– Он не спал с тобой, – сказал Дэвид.

– Дэвид, это не имеет отношения к делу. Ты спишь с Клэр, и я ничего не имею против. Я когда-нибудь возражала? Хотя бы раз? – В ее пронзительном голосе звучали истерические ноты. – Господи, сейчас не время строить из себя оскорбленного мужа Викторианской эпохи! Все в графстве так или иначе прошли через руки Джерри Дойла. Вопрос в том, что нам делать?

Кэролайн выглядела юной, испуганной и одинокой.

– Наверное, это никак не поможет, но, по-моему, мне лучше вернуться в Каслбей. Думаю, с учетом всех обстоятельств тебе не следует ехать со мной...

– Да, ты прав.

– Я позвоню, когда доберусь туда. Узнаю, все ли с тобой в порядке.

– Конечно.

– Завтра утром я первым делом заеду к тебе. К тому времени мы немного успокоимся и решим, что делать.

– Отлично.

– У тебя здесь есть кто-нибудь? Знакомые или друзья? Кто-нибудь, кто мог бы прийти сюда или к кому ты могла бы пойти?

Дэвид тщетно пытался найти для нее хоть какую-то поддержку, мысль о том, что Кэролайн останется одна, была невыносимой.

– Нет.

Дэвид сглотнул, не в силах вымолвить ни слова. Кэролайн отвернулась к туалетному столику и стопке фотографий, перевернутых изображением вниз.

Ветер и дождь хлестали машину, дорога была усыпана обломками веток.

Сердце Дэвида исполняло тревожную барабанную дробь. «Пусть с Клэр все будет в порядке, пусть с Клэр все будет в порядке. Джерри не показывал ей фотографий, Джерри не показывал ей фотографий».

Клэр долго стояла у окна. Она так и не услышала, как завелась машина. Возможно, Джерри вернется снова. Хотя перед уходом он выразился очень категорично.

«Пожалуйста, Господи, лишь бы Джерри солгал, утверждая, что показывал фотографии Дэвиду и Кэролайн. Пусть Дэвид не узнает о них». Если Дэвид увидит снимки, это поставит окончательную точку в их отношениях. Если бы Дэвид спросил у нее про снимки, она бы отрицала, что видела их. Мысль о том, что ей придется обсуждать увиденное, была невыносима. Вспоминая о снимках, она больше не ощущала тошноты, а чувствовала грусть. Но она ведь знала об этом уже несколько месяцев. Все, что сделал Джерри Дойл, – это заставил ее признать очевидное.

«Пожалуйста, пусть Джерри уедет из Каслбея навсегда. Пожалуйста, пожалуйста».

Джерри осторожно прикрыл за собой дверь. Он никогда в жизни не хлопал дверью. Он предпочел бы снять ее с петель.

Клэр смотрела на него как на сумасшедшего. Как будто это он обезумел! Это Клэр сошла с ума. Сначала она надеялась, что Пауэры ее примут, а потом взглянула на неопровержимые доказательства измены и решила остаться... Это была не та Клэр О'Брайен, которую он знал раньше, не та Клэр, на которую он имел виды. Джерри всегда относился к ней с великодушием и пониманием. Он почти ничего не сказал, когда она повела себя как обычная шлюха и мальчик из состоятельной семьи сделал ей ребенка. Джерри не выдвинул никаких обвинений. И вот сегодня вечером она тряслась перед ним от страха и сомневалась в нем.

Джерри с силой ударил по ветке дрока, торчавшей из живой изгороди между садовым домиком и обрывом. Сотню раз, если не больше, он напоминал девушкам о старой поговорке: «Когда дрок отцветет, мода на поцелуи пройдет». Девушки неизменно удивлялись тому, что дрок цветет круглый год, а Джерри смеялся. Он ударил по ветке снова и оцарапал руку о колючие шипы. С какой стати у Клэр дрожал голос и стучали зубы, когда она разговаривала с ним? С какой стати она смотрела на него снизу вверх, словно боялась, что он ее ударит? Ей стоило бояться рослого неверного мужа, а вовсе не

Джерри... Джерри, который всегда желал ее и терпеливо ждал своего часа. Он сердито поднялся на вершину утеса и посмотрел на море.

Теперь все в прошлом. Абсолютно все. Не только бизнес. Джерри предвидел свой крах за несколько месяцев. Но лицо Клэр сегодня вечером... Такого он не ожидал увидеть. Она боялась его, словно он был незнакомцем, от которого исходит угроза, а вовсе не ее второй половинкой, любовью всей жизни, единственным преданным другом, мечтавшим выстроить дом для нее и ее ребенка, не попрекавшим ее ничем, кроме невезения – общего на двоих.

Дыхание вырывалось из его груди короткими толчками.

Она не могла так с ним поступить... Она не могла пойти на попятную сейчас... Сейчас, после всего... После всего, что он запланировал...

Клэр! Ноша оказалась ей не по силам, ей не хватило решимости.

Она будет сожалеть об этом всю оставшуюся жизнь.

Сегодня вечером она не поедет с ним в Англию в автофургоне.

Дверь в новую жизнь для нее закрыта.

О чем она думала, отказываясь от всего, что Джерри ей предлагал?

Спустя время она захочет его вернуть, но будет слишком поздно. Он уедет. Никто не узнает, где он. Клэр будет стоять у обрыва и жалеть, что не уехала с ним сегодня вечером.

Он понял, что его трясет – или даже колотит – от сильного гнева. Он никогда не испытывал ничего подобного. Ему казалось, что сильный ветер подхватил его тело и оторвал от земли. Он понял, что не может вести машину, и решил прогуляться по пляжу, чтобы освежить голову.

Оскальзываясь, Джерри спустился по тропинке к морю. Пляж выглядел темным и неприветливым, но море понемногу успокаивалось. Начинался отлив. Течение вот-вот должно было перемениться. Джерри шагал вперед, мокрый от дождя и соленых брызг, но ему было все равно.

Он лишился всего.

Бизнес пришел в полный упадок. Джерри не мог оплатить ни один из счетов, аккуратно сложенных на столе под пресс-папье. Он не знал, кто будет рассчитываться по его долгам, и робко надеялся, что не Фиона. Правда, вряд ли кто-то, кроме сестры, заявит о желании это

сделать. Завтра сотрудники не смогут попасть на рабочее место, поднимется крик, его хватятся и будут искать. Но он не оставил записки и никого не предупредил об отъезде в Англию. Там его не станет искать полиция за неуплату по чекам. Он удержится на плаву за счет кредитов, он всегда так делал.

В Каслбее горели редкие огни. Джерри поднял глаза и посмотрел на очертания домов, тесно прижатых друг к другу, и темный шпиль церкви. Он больше никогда не увидит Каслбей с этого ракурса, если вообще увидит. Когда он доберется до Лондона, у него начнется новая жизнь. Увлекательная и захватывающая. Жизнь в Каслбее не сулила ничего увлекательного: ловить сочувственные взгляды, работать на хозяина, наблюдать, как Клэр, милая, прелестная Клэр мирится с этим подонком... Джерри был рад, что уезжает.

Он стоял рядом со скалами, которые обнажались во время отлива. В детстве ему нравилось прыгать по ним, балансируя на краю. В углублениях скапливалось совсем немного воды. Если споткнуться и упасть, можно было промокнуть. Правда, сегодня вечером здесь бушевали волны... Но соблазн был слишком велик.

Он бродил по скалам, промочив по колено ноги. Он играл сам с собой и кричал в истерическом возбуждении. Это было нелепо, но захватывающе.

Волна сбила его с ног, и он порезал щеку о зазубренный камень.

Это было уже не смешно. Его накрыла вторая волна. Затем последовал рывок, и Джерри почувствовал, как ноги шаркают по скалам. В отчаянии он выбросил перед собой руки.

Его затягивало в море.

Когда накатила третья волна, Джерри понял, что утонет или его разобьет о скалы, среди которых он играл с тех пор, как научился ходить...

– Клэр! – Дэвид подергал запертую дверь. – Клэр? С тобой все в порядке?

Она открыла, бледная, но спокойная. Он протянул к ней руки, но Клэр отошла в сторону.

– Мне очень жаль. Я испугалась. Это из-за грозы, сейчас со мной все в порядке. Прости, что заставила тебя раньше вернуться домой.

Она разговаривала как незнакомка.

- Я дважды звонил. Около семи и еще раз без четверти восемь.
- Я была у твоих родителей.
- С тобой все в порядке?
- Сейчас вроде да. Но мне не хочется разговаривать. Выпьешь чаю или съешь что-нибудь? Вы успели поужинать?
- Нет, нет, не важно, – не мог сосредоточиться Дэвид.
- Дорога была плохой?
- Казалось, Клэр поддерживала беседу с большим трудом.
- Да, много веток, а в одном месте упало дерево, пришлось съехать с дороги и объезжать по канаве.
- Представляю себе.
- Клэр.
- Помнишь, я говорила, что хочу съездить в Дублин на несколько дней, и ты сказал, что это прекрасно, потому что о тебе позаботятся?..
- Да? – Его голос звучал глухо.
- Я хочу поскорее уехать. Может быть, завтра.
- Ты не совсем здорова, подожди несколько дней.
- Я не хочу ждать.
- Глупо везти Лиффи через всю страну, когда ты нездорова.
- Еще глупее часами сидеть здесь одной и слушать шум моря, если мне нездоровится.
- Тебе необязательно сидеть здесь одной.
- Нет. Дэвид, ты мне окажешь большую услугу, если не будешь устраивать сцен. У меня сегодня было слишком много потрясений, я больше не вынесу. Уверена, у тебя тоже выдался трудный день. Я хочу уехать к Анджеле и Дику прямо сейчас. Пожалуйста.
- Клэр знала. Джерри показал ей фотографии. Сердце Дэвида окаменело.
- Но почему? Почему ты так решила?
- Я думаю, что, если останусь здесь на ночь, это плохо кончится для нас двоих. Мы наговорим лишнего и сделаем друг другу больно.
- Он выдавил из себя короткий смешок:
- Боже, как затейливо и сложно!
- Нет, – возразила Клэр. – Это не так.
- Ты берешь Лиффи с собой?
- Да, пожалуйста.
- Я могу объяснить... – начал он.

– Я тоже могу. Но мы слишком хорошо знаем, как легко с языка слетают непростительные слова, когда тебе больно или ты злишься. Мы пока не слишком старались нанести друг другу побольше ран. Не будем рисковать сегодня вечером.

– Ты собрала вещи? – спросил Дэвид.

– Да, но только на одну ночь. Я вернусь завтра, когда ты уйдешь, и заберу то, что нам понадобится в Дублине.

– Я говорю «да» не потому, что сдаюсь. Ты уверена в том, чего хочешь, а я нет. Лучше согласиться с тем, кто уверен.

Он улыбнулся, и она даже сделала короткий шаг ему навстречу.

– Спасибо, – вежливо ответила Клэр.

– Анджеला ждет тебя?

– Да.

– Хорошо.

Его плечи поникли.

– Анджеला ни о чем не спрашивала. Ты знаешь ее. Она никогда не спрашивает.

– Я об этом не думал.

– Так лучше.

– Наверное.

Много раз они желали, чтобы Лиффи заснула, а не буянила, не трещала без умолку и не пыталась сбежать. Сегодня вечером, когда возня с ребенком могла их развлечь, малышка лежала в объятиях Клэр, ровно дыша, и ее длинные ресницы отбрасывали тени на щеки.

Дэвид крепко сжал в объятиях дочь, и по его лицу скатились две слезинки.

– Прости меня, Лиффи, – сказал он.

– За что ты извиняешься? – мягко спросила Клэр. – Мне за многое нужно перед ней извиниться. Но это все равно что разговаривать с самой собой. Она пока не сможет понять.

– Прощай, Клэр.

– Прощай, Дэвид. На время.

Они не прикасались друг к другу.

Анджеला видела, как машина подъехала к коттеджу; она отослала Дика спать на случай, если Клэр захочет поговорить.

Клэр стояла с Лиффи на руках и смотрела, как машина разворачивается и едет обратно по дороге, ведущей к полю для гольфа. Она сдержанно помахала рукой, но Дэвид смотрел прямо перед собой и не заметил этого.

– Заходи, – пригласила Анджела.

– Это очень трудно объяснить.

– Большинство явлений совершенно невозможно объяснить. Я всегда так думала, – ответила Анджела.

Она показала Клэр ее постель и приготовила чашку чая. Чайник как раз закипал.

– Возьми с собой, – предложила она.

Клэр моргнула в знак благодарности. Ее бывшая учительница волшебным образом понимала, когда люди хотят поговорить, а когда им нечего сказать.

Джим О’Брайен бегом вернулся в магазин, дрожа от страха.

– Папа, папа, ты где?

– Вылезаю из постели, где еще я могу быть? – проворчал Том О’Брайен.

– Папа, иди сюда, пожалуйста.

На мальчике лица не было.

– Папа, пойдём со мной... Пойдём скорее.

Том О’Брайен натянул пальто поверх пижамы. Он одевался, сидя на краю кровати, и уже успел надеть брюки, носки и ботинки, когда до него донеслись крики.

Отец с сыном выбежали на вершину утеса, и Джим указал вниз, на пляж.

– Я думаю, это человек, папа, это чье-то тело.

Дул ветер, на берег летели соленые брызги. Том О’Брайен снял очки и протер их.

– По форме похоже, но это не может быть тело. Кто полезет купаться в такую погоду?

– Это тело, папа. Это оно. Я спускаюсь. Ты позовешь полицию и доктора Пауэра?

Джим О’Брайен, почти полностью утративший слух, не слышал, как отец просил его быть осторожным. Мальчик сбежал по ступенькам на широкий коварный пляж Каслбея, где чуть ли не каждое лето кто-то

тонул, но где никогда прежде не видели тела, прибитого зимним приливом.

О несчастье все узнали, казалось, без слов. Соседи выскочили из домов и побежали по главной улице в сторону моря. Ропот нарастал. Люди бессознательно выискивали глазами родных и близких. В воде, лицом вниз, лежало неподвижное тело. Никто не мог сказать наверняка, мужчина это или женщина.

«Может, матрос с корабля», – прозвучало в толпе.

Однако все понимали, что это не бедолага, смытый за борт волной. Не случайная смерть незнакомца. Вызовом полиции и парой успокоительных молитв тут не отделаешься. Погиб кто-то местный, из Каслбея.

Жители поселка молча стояли на вершине утеса, наблюдая за теми, кто уже добрался до кромки воды. Внизу бродил мальчик, который первым увидел, как волны прибили страшную находку к берегу. С ним были мужчины: покупатели из лавок неподалеку и парни, сбежавшие вниз по тропе. Несколько человек вышли из дома врача, спустились на пляж и склонились над трупом, на случай – просто на случай – если в черной докторской сумке найдется что-то, способное воскрешать мертвых.

К толпе присоединился отец О’Двайер в развевавшейся на ветру сутане, и ропот слился в единый гул. Жители Каслбея возносили десятикратную молитву на четках за упокой души, покинувшей тело, которое лежало на пляже лицом вниз.

Дэвид проспал всего два часа и услышал громкие голоса. Он подумал, что шум ему снится, но кто-то кричал наяву. Дэвид сел в постели – Клэр не было рядом. Перед глазами снова встала вчерашняя сцена. Он вспомнил, как отвез жену к Анджеле, вернулся домой и перевернул все вверх дном в поисках фотографий.

Он знал, что Клэр не взяла их с собой, – он заглянул в ее сумочку. Она забрала кое-какие детские вещи и свою ночную рубашку.

Он откладывал звонок Кэролайн до тех пор, пока не понял, что уже поздно. Тогда он сказал себе, что было бы жестоко ее разбудить, если ему нечем ее утешить.

Ему снилось, что за ним гонятся люди, размахивая то ли бумагами, то ли большими конвертами. Толпа неслась за ним по Черч-стрит, в гнев окликая его по имени. Дэвид не понимал, чем настроил против себя толпу, он чувствовал страх и пытался убежать. Потом он сообразил, что его действительно кто-то зовет. Он различил голоса Бампера Бирна и Могси, а затем и отца:

– Приходите скорее, там кто-то лежит на пляже, кто-то утонул.

Его сердце чуть не разорвалось от ужаса. Он не раздевался прошлой ночью и сбежал по лестнице в мятой рубашке и брюках. В дверях стоял Могси Бирн.

Дэвид схватил несчастного за руки:

– Кто это? Черт бы тебя побрал, кто это?

– Я не знаю... Не знаю... Я не... – Могси запинаясь под диким взглядом Дэвида Пауэра, который всегда был спокойным и славился здравомыслием.

– Скажи, кто это, – рычал Дэвид. – Скажи мне, или я сверну тебе шею.

– Дэвид, он лежит лицом вниз, – выдавил из себя Могси. – Я ушел со скалы раньше, чем они узнали. Они сказали, надо срочно бежать за врачом.

Могси сказал «он». Это мужчина, слава богу, это мужчина. О Боже, спасибо за то, что это не женщина.

Взгляд Дэвида прояснился. Он схватил пальто и помчался в смотровую за своей сумкой. Там он встретил отца.

– Не спускайся на пляж по тропе. Пожалуйста, папа. Я сбегу по ступенькам, ты спускайся другим путем.

– Я ходил по этим ступенькам и вытаскивал тела из воды еще до твоего рождения.

– Кто это? Он мертв?

– Они не знают. Думают, что это Джерри Дойл.

Дэвид схватился за стол, чтобы устоять на ногах, и едва не задел большой коричневый конверт с логотипом «Фотоателье Дойла». Отец уже вышел из смотровой и направлялся к обрыву. Дэвид взял себя в руки и сунул конверт в ящик с личными вещами, на самое дно. И на трясущихся ногах он последовал за отцом к тропинке, ведущей к обрыву.

Они увидели людей, которые столпились вокруг тела, и уже издали поняли, что услуги врачей не понадобятся. Послали за отцом О'Двайером – единственным, кто мог хоть как-то помочь мертвецу. Даже сквозь ветер и дождь Дэвид понял, что перед ними лежит безжизненное тело Джерри Дойла. Он протянул руку, чтобы поддержать отца.

– Молодой дурак, – причитал доктор Пауэр. – Треклятый псих, у него вся жизнь была впереди. Зачем он такое с собой сотворил? Чертов преступник, который отказался от жизни, дарованной Господом.

Сердце Дэвида окаменело, когда тело перевернули и он разглядел рваные раны на лице Джерри Дойла. Сделав вид, что проявляет уважение к отцу, Дэвид отступил в сторону и позволил старику произнести то, что все и так знали: «Признаки жизни отсутствуют».

– Где Клэр? Не зайдете позавтракать с нами?

– Папа, ее здесь нет. Она ночевала у Анджелы Диллон.

– Она – что?

– Папа, пожалуйста. Ты спросил, где она, я ответил.

– Да-да, ты ответил. Что ж, может, зайдешь к нам один перекусить? Завтрак тебе не помешает.

– Нет. Нет, спасибо, я налью себе чашку чая. Это все, чего я хочу.

– А моя внучка? Она переехала жить к мистеру и миссис Диллон или об этом тоже не следует спрашивать?

Старик попытался смягчить свой вопрос неким подобием улыбки, которая не скрывала его беспокойства.

– Это на одну ночь, папа. Все уладится.

– У Клэр было что-то вроде гриппа, прошлой ночью она дрожала и очень нервничала. Я не вмешиваюсь, просто сообщаю тебе.

– Она сказала, что случилось?

– Сказала, что очень напугана. Выпила с нами чая, и я отвел ее обратно. Тебя не было дома. – Доктор Пауэр прищурился. – Господи боже, это фургон Джерри припаркован вон там, на дорожке? Вон там. Что, черт возьми, он здесь делает? Господи, помилуй его, бедного дурака. И он был таким милым парнем.

Неожиданно для себя Клэр смогла уснуть. Она прекрасно выпалась в незнакомой белой кровати с чистыми жесткими

простынями и грелкой. Лиффи посапывала в детской кроватке. Клэр удивилась, когда Анджела предложила им детскую кроватку. Она забыла, что Анджела принимает летних постояльцев. Много лет назад, когда старая миссис О'Хара была жива, они подумали, что покупка двух детских кроваток – это разумная трата денег. Лиффи еще не проснулась. Возможно, вдали от грохота волн и прочих тревог малышка чувствовала себя спокойнее.

Клэр открыла глаза только потому, что к ней вошла Анджела с чашкой чая в руке. Хозяйка дома придвинула к кровати стул и села. Это выглядело странно. Вряд ли она собралась читать лекцию или хотела поболтать по душам с утра пораньше.

Лицо Анджелы осунулось, на нем явственно читалась тревога.

Клэр поблагодарила за чай и стала ждать.

– Сделай большой глоток.

Это было ни на что не похоже. Анджела принесла плохие новости. Клэр поставила чашку и машинально посмотрела на Лиффи, словно желая проверить, что с малышкой все в порядке.

– В чем дело?

– Произошел несчастный случай. Джерри Дойл утонул. Его тело только что вынесли с пляжа.

Повисла мертвая тишина. Лиффи в кроватке радостно играла с красным атласным кроликом, которому давным-давно оторвали уши.

– Клэр?

– Он мертв. Он мертв?

– Да, в это трудно поверить, что погиб именно Джерри. Он был полон жизни, как никто другой.

Анджела замолчала, взглянув на бледное лицо Клэр. Оно было бесстрастным. Девушка неподвижно сидела на белой кровати, обхватив колени руками, и смотрела прямо перед собой. Ее длинные волосы были небрежно стянуты на затылке.

Реакция Клэр была неестественной. Анджела забеспокоилась.

Клэр дружила с Джерри, не исключено, что их дружба была слишком тесной. Вероятно, сейчас, когда семейная жизнь Клэр трещала по швам, Джерри был рядом и пытался утешить ее. Может быть, поэтому новость о гибели Джерри вызвала у Клэр недоверие и шок? Анджела протянула руку. Она надеялась, что, если похлопает

Клэр по руке или как-то иначе проявит тепло, девушка выйдет из этого непонятного транса.

Анджела никак не ожидала, что Клэр с рыданиями бросится в ее объятия, дрожа всем телом.

Единственными словами, которые Анджела смогла разобрать, были:

– Он правда мертв. Слава богу, слава богу.

Смерть Джерри Дойла признали несчастным случаем, иначе его нельзя было хоронить на освященной земле.

У бедных Дойлов дела и так обстояли из рук вон плохо.

Официальная версия гласила, что Джерри, должно быть, гулял по пляжу и поскользнулся. Его лицо и бок были сильно изранены, так что он вполне мог бродить по скалистому дну, которое обнажилось с отливом, и его смыло волной. Все знали, что Джерри Дойл любил балансировать на этих скалах. Так говорили люди, ни секунды не веря собственным словам. Никто не сомневался в самоубийстве.

Это не могло быть ничем иным. Бизнес Дойла рушился. Банкротство было вопросом нескольких недель. Один сельский фермер открыто угрожал расправиться с Джерри: дочь фермера была беременна, а Джерри Дойл не проявлял к бывшей пассии ни малейшего интереса. Фиона Конуэй, тоже беременная и убитая горем, вспомнила слова Джерри о том, что ему недолго осталось жить в Каслбее. Она тогда подумала, что брат собрался в Англию. Мэри Дойл, мать Джерри, сообщила, что всего за два дня до смерти сын, ничего не объясняя, отправил ей в конверте с надписью «от Джерри» двадцать фунтов стерлингов. По словам Агнес О'Брайен, она несколько месяцев без устали твердила, что у мальчика неприятности, но ее никто не слушал. Джози Диллон призналась, что Джерри обналичил в отеле два аннулированных чека. Она сохранила это в тайне, и Джерри благодарно пообещал, что когда уедет далеко-далеко и разбогатеет, то не забудет о Джози. Она решила, что речь шла об эмиграции. Кто мог подумать, что Джерри задумал что-то подобное?

Формальности уладили так быстро, как только смогли, и тело было выдано для погребения.

Отец О'Двайер объявил с кафедры, что Джерри Дойла похоронят в четверг после мессы в десять часов утра. С этими словами

преподобный отец громко высморкался, потому что все еще не мог поверить в случившееся.

Дэвид выполнял работу автоматически. Куда бы он ни пошел, везде говорили о трагедии. Женщина, с жалобами на боль в груди, указала на стены, где висели убранные в рамки фотографии первого причастия и миропомзания.

В соседнем доме старик с атеросклерозом интересовался, что могло случиться с бедным молодым Дойлом. Предстоящий переезд в дом престарелых, о котором Дэвид пытался рассказать, волновал пациента гораздо меньше. Джерри был милым мальчиком. Он всегда смеялся и ничего не принимал близко к сердцу.

– Этот юноша практически родился в воде. Это редкость в здешних краях. Половина Каслбея даже не подходила к морю, а молодой Дойл плавал как рыба.

Обсуждая лечение десятилетней девочки, болевшей желтухой, половину времени, отведенного на разговор с ее родителями, пришлось посвятить Джерри Дойлу. Дэвид предупредил, что не стоит беспокоиться из-за цвета детской мочи, – скорее всего, она приобретет цвет портвейна. Родители кивнули и выразили недоумение: понятно, что дела Джерри Дойла шли из рук вон плохо, но стал бы он топиться из-за всякой ерунды? Этому должна быть другая причина.

– Если бы все топились накануне банкротства, в море было бы полно мертвецов, – заявил отец ребенка.

Дэвид рассеянно согласился и осмотрел глаза маленькой девочки. Они были желтыми. Он сообщил пациентке, что ее кожа немного пожелтеет, как у китайки.

– А китайцы желтые? – спросила девочка. – Правда желтые?

– На самом деле нет. Те, которых я видел, были совсем не желтые.

– Ты видел китайцев? – разволновалась девочка.

– Да, в Дублине в университете учились китайские студенты, и мы ходили в китайский ресторан.

Казалось, детским вопросам не будет конца. Дэвид задумался, захочет ли Лиффи тоже знать о подобных вещах. Его сердце сжалось при мысли о Лиффи. И Клэр.

Затянувшийся рабочий день закончился, и Дэвид вернулся в смотровую. Он торопливо достал конверт и отнес его в садовый

домик. Он обратил внимание на мать. Молли стояла за занавесками и старательно делала вид, будто смотрит в другую сторону. Дэвид притворился, что ничего не заметил.

На кухне царил порядок. Дэвид огляделся в надежде найти записку. Клэр явно побывала в домике. Она вымыла и убрала на место тарелки и чашки, которые Дэвид оставил после завтрака. Она сделала мелкие покупки и разложила их на столе рядом с плитой: пакет чая, фунт сливочного масла, буханка хлеба и бекон в нарезке. Застелила кровать наверху. Часть ее одежды по-прежнему висела в шкафу. Клэр, должно быть, взяла самое нужное. Исчезла большая часть детских вещей вместе с одним из двух чемоданов. Дэвид проверил, взяла ли она книги. Это послужило бы хорошим знаком: Клэр могла осуществить свой план и уехать на время в Дублин.

Пожалуйста, пусть она уедет в Дублин. Лишь бы ее не было на похоронах. Пожалуйста.

Дэвид сел на кухне, предварительно заперев дверь, достал фотографии и перебрал их одну за другой. Те же самые снимки, которые он видел прошлым вечером у Кэролайн. Пролытым вечером? Неужели только вчера? На конверте значились имена трех адресатов. Тот же мелкий почерк. Должно быть, Джерри сам отнес снимки, предназначенные для Клэр. Он приходил сюда, поэтому на дорожке стоял его уродливый фургон с логотипом фотоателье. Отец Дэвида сообщил о машине в полицию. Фургон забрали, но не обнаружили внутри никаких подсказок. Однако Дэвиду подсказок хватало. Джерри приходил к его жене. Поэтому Клэр испугалась и просила его пораньше вернуться домой. Интересно, Джерри разговаривал с Клэр и лично вручил ей конверт? Или просто подсунул улики под дверь и пообещал вернуться.

Дэвид открыл духовку и положил туда снимки. В этих фотографиях, сделанных через окно автофургона, не было ничего интересного. С их помощью можно было уничтожить трех человек, чьи имена автор послания указал на конверте. Таков был последний поступок Джерри Дойла накануне самоубийства.

Но зачем? Дэвид позволил себе снова об этом задуматься. Весь день он гнал эту мысль прочь, занимаясь только работой. Но теперь, когда пламя сожгло отчет о времени, проведенном в обществе Кэролайн, связь с которой, по их общему убеждению, никому не

причиняла зла, потому что не сулила ни лишений, ни боли... теперь Дэвида опять занимал вопрос: какую цель преследовал Джерри? Дойл не собирался никого шантажировать. Выяснилось, что несколько фунтов в неделю, которые Дэвид и Кэролайн могли ему предложить, не спасли бы фотоателье. Джерри не питал к Дэвиду ненависти, в детстве они хорошо ладили. В последнее время Дэвид часто язвил по поводу успеха, которым Джерри пользовался у девушек, но не предавал свои слова широкой огласке. Джерри об этом не знал. А если бы даже узнал, это не повод преследовать Дэвида подобным образом.

Дэвид предположил, что причиной была Кэролайн. Но та заявила открыто и честно, не пытаясь выставить себя с хорошей стороны, что Джерри мог получить от нее все, что хотел, по первому требованию. Это случалось прежде и, без сомнения, могло повториться. Слова Кэролайн возмутили Дэвида, но он вынужденно признал: Дойлом двигала не безответная страсть к Кэролайн.

Что оставалось?

Только Клэр.

Клэр.

Дэвид вспомнил злосчастный поцелуй в новогоднюю ночь на скамейке и свое раздражение. Вспомнил, как Клэр спешила из Национальной библиотеки в общежитие, чтобы узнать, не заходил ли Джерри. Вспомнил, как уверенно и непринужденно Джерри Дойл танцевал с Клэр под бликами зеркального шара и как они улыбались друг другу. Перед той памятной ссорой Клэр просила Джерри Дойла выслать ее сберегательную книжку. А всего несколько недель назад Джерри пожаловался, что Клэр не разрешила ему приехать и сфотографировать Лиффи: «Она боится, что если я сделаю снимок, то украду ребенка». Дэвид тогда посмеялся, а Клэр промолчала.

Фотографии сгорели дотла. Дэвид тщательно перемешал пепел в духовке. Он закрыл дверцу и огляделся. В домике тикали часы, внизу шумело море. Это были единственные звуки, которые одаренная и смышленная Клэр О'Брайен слушала весь день и весь вечер. Это была та жизнь, которую Дэвид ей подарил.

Клэр оказалась слишком умной, чтобы Крисси и ее мать чувствовали себя с ней легко. И недостаточно умной, чтобы ее приняла свекровь. Джерри Дойл любил Клэр и хотел, чтобы она уехала с ним. Он сделал эти снимки, чтобы доказать: ее больше ничто не

удерживает. Джерри хотел забрать Лиффи. Клэр, наверное, это почувствовала, когда Джерри пытался сфотографировать ребенка.

Джерри пришел сюда и предложил Клэр уехать.

Он покончил с собой, потому что она отказалась.

Но как сказал сегодня отец больной девочки, если бы все неудачники топились в море, пляж был бы усеян телами. Джерри Дойл решил на самоубийство не из-за аннулированных чеков и неоплаченных счетов. Если он зашел так далеко и добыл улики, избличавшие неверного мужа, значит он действительно любил Клэр и желал ее настолько сильно, что покончил с собой, услышав отказ.

Часы продолжали тикать, а волны – разбиваться о берег. Дэвид беспокойно расхаживал по маленькому домику. Здесь не осталось ни следа от пребывания Клэр. Ни картин и фотографий на стене, отображенных ее рукой. Ни книг. В пустой комнате наверху валялись кое-какие вещи, но они выглядели так, словно их забыли при переезде. На подоконнике лежала кулинарная книга, на ее страницах виднелся знакомый размашистый почерк – Клэр делала заметки, готовясь к званому ужину, который обернулся катастрофой, – единственное доказательство того, что эта девушка когда-то жила здесь.

Сидя за кухонным столом, Дэвид Пауэр уронил голову на руки и заплакал.

Он оплакивал все, что с ними произошло.

Наступил вечер вторника. Двадцать четыре часа назад Джерри пришел к ней домой, уверенный, что она соберет свои вещи и уедет с ним в фургоне. Мог он ее убить? Сбросить в море вместе с Лиффи? Клэр не знала. Возможно, он был в здравом уме и действительно звал ее с собой в Англию. Все равно это выглядело чистым безумием. Клэр повторяла тысячу раз, что не внушала Джерри ложных надежд. Много лет назад они пару раз целовались и танцевали. Этим могла похвастаться каждая девушка, на которую Джерри обращал внимание. Джерри с легкостью добивался всего, чего хотел, от тех, с кем встречался. Он не мог рассматривать поцелуй и совместный танец как признак особого отношения, которое накладывает обязательства. Джерри знал, что она не слишком счастлива с Дэвидом, что ее жизнь оказалась далека от идеала... но что с того?

Анджела и Дик проявили себя с самой лучшей стороны, но говорить это или думать об этом – все равно что ставить заезженную пластинку. Анджела и Дик всегда проявляли себя с лучшей стороны, сколько Клэр их помнила.

– Возьми машину, – предложил Дик. – Мне она пока не нужна. Если хочешь, съезди и забери вещи.

Клэр вернулась в садовый домик на машине Дика. Она знала, что Молли и Нелли выглядывают из разных окон, гадая, что же она задумала. Ей было все равно. Она и сама не знала, что задумала.

Она методично прошлась по комнатам, наводя порядок для Дэвида. Она убрала постель и сложила все грязное белье в наволочку, проследив, чтобы туда не попали ее вещи – только одежда мужа. Она приспособила другую наволочку под мешок для мусора и бросила в нее рваные чулки и пустые банки из-под джема. Она даже отчистила грязный уголок в кухонном шкафу, который давно ждал своего часа, и выстелила полку новой бумагой. Она не хотела никого оскорбить беспорядком в доме, если Молли и Нелли придут позаботиться о бедном Дэвиде.

Она просидела пятнадцать минут на непривычно прибранной кухне, пытаясь придумать, что бы такое написать Дэвиду, а потом решила, что писать нечего. Он ведь тоже не оставил ей никакой записки. Он провел здесь всю ночь, а потом его вызвали на пляж осмотреть тело Джерри. Возможно, у него просто не было времени.

Она обхватила руками голову. Джерри успел отправить фотографии Дэвиду? Или он оставил снимки в фургоне? Нет, в полиции сказали, что в фургоне ничего не было. Анджела упомянула об этом: никакого фотооборудования. Там было пусто, как будто Джерри подчищал за собой.

Предположим, Джерри подбросил конверт в смотровую. Допустим, доктор Пауэр увидел снимки. Сердце Клэр сжалось при мысли о милом старике, который увидел непристойные доказательства супружеской измены собственного сына с девушкой из круга семейных друзей. Потом она одернула себя. С какой стати ей волноваться? Ее на снимках не было. Она нянчилась с ребенком и занималась домом, пока это происходило у нее за спиной. Она не позволит себе проникнуться сочувствием и состраданием, потому что это она заслуживала сочувствия, как никто другой.

Она встала, разложила продукты, купленные для Дэвида на ужин, так, чтобы он их увидел, и сунула в багажник собранный чемодан. Закинула наволочку с мусором на заднее сиденье, подсыпала в плиту угля и закрыла за собой дверь.

– Ты здесь и двух дней не пробыла, хватит драматизировать. Разве ты не приятная гостя во всех отношениях?

– Сейчас вряд ли.

Лиффи попросилась к матери на колени и тут же захотела спуститься, потом вразвалочку подошла к Анджеле.

– Жаль, что Джерри не увидит, как родится ребенок Фионы.

– Что?

– Фиона может родить в любой момент, ты же знаешь.

– Ах да, конечно, я думала... Почему ты говоришь об этом?

– Джерри любил детей. И умел с ними обращаться. Он часто упоминал Лиффи. Ты знала об этом?

– Нет.

Клэр вздрогнула.

Анджела решила сменить тему:

– Я возвращалась из школы по Черч-стрит и встретила Фиону. Она шла в фотоателье, чтобы разобрать вещи... Клэр? Что случилось?

– Боже мой, боже мой, я совсем об этом забыла. Анджела, можно я снова возьму машину? Пожалуйста! Всего на пять минут.

– Можно, конечно, но что...

Клэр выбежала на улицу и прыгнула на переднее сиденье. Ключи, как всегда, торчали в замке зажигания. Дик Диллон выглянул из окна на втором этаже, чтобы узнать, кто уехал на его машине, грохоча шестернями сцепления.

На Фионе был серый халат с широким белым воротником. Она не носила траур.

«Наверное, никто не шьет для беременных траурную одежду», – подумала Клэр.

Фиона перебирала пронумерованные коричневые конверты, на которых были проставлены даты.

– Мне очень жаль, – сказала Клэр.

Фиона кивнула, не отрываясь от работы:

– Когда чем-то занят, это помогает. Делает мир вокруг тебя более-менее нормальным.

– Ясно.

Повисло молчание.

Клэр действовала импульсивно. Теперь она не понимала, как спросить о снимках. Но раз она пришла, нужно было как-то заговорить. Клэр не могла допустить, чтобы снимки попали в чужие руки, чтобы кто-то вскрыл конверт и обнаружил то, что она увидела в воскресенье вечером. Никому не позволено смотреть на снимки, предназначенные только для ее глаз.

– Фиона?

Сестра Джерри подняла на нее свое идеально очерченное, овальное лицо. Фиона была бледна, под большими темными глазами залегли тени. Во взгляде застыл немой вопрос.

Клэр сглотнула и продолжила:

– Знаешь, бывает так, что ты думаешь, будто выхода нет, а потом кто-то тебе помогает. Это может изменить твою жизнь.

Фиона посмотрела на Клэр в замешательстве.

– Наверняка в твоей жизни что-то такое случилось. Возможно, Джерри помог тебе. Ничего не сказал, ни о чем не попросил. Просто помог.

Фиона глядела на Клэр, пытаясь прочесть по ее лицу, знала ли она о тайной беременности и о том, как Джерри приехал в Англию, чтобы заботиться о сестре. Клэр чувствовала, что идет по очень тонкому льду.

– Думаю, все мы испытывали нечто подобное. И если находится тот, кто готов все уладить, можно избежать неприятностей.

– Да. – Фиона все еще сомневалась.

– Джерри сделал людям много добра. Ты, возможно, не знаешь, но твой брат помогал в беде очень многим. Теперь я хочу помочь Джерри.

– Как сейчас ему можно помочь? – воскликнула Фиона.

Клэр говорила очень быстро:

– Где-то здесь, или в личных папках, или еще где-то, есть фотографии, которые, по мнению Джерри, нельзя никому показывать.

– Какого рода фотографии?

– Не все ли равно, какого они рода, если ты мне поверишь? Поверишь, что Джерри не хотел, чтобы их нашли.

– Это так важно?

– Да.

– Но почему Джерри не разобрался с этим до того, как... до того, как он...

– Джерри не утопился.

Фиона огляделась по сторонам. Все в поселке думали о самоубийстве, но никто не произносил этого вслух.

– Но...

– Он не мог, Фиона, он был совсем другим человеком, тебе ли не знать.

– Я не верила, что это возможно, но как еще?..

– Джерри был расстроен. Он, скорее всего, был сильно расстроен и просто пошел лазать по скалам. Он всегда так делал.

Пусть это было неправдой, но слова Клэр несли утешение, и Фиона была готова поверить.

– Наверное...

– Многие люди обретут второй шанс, если никто не увидит этих снимков. Я знаю это, потому что мне тоже когда-то дарили второй шанс, и тебе, вероятно...

Большие встревоженные глаза Фионы наполнились слезами.

– Много лет назад Джерри действительно очень мне помог, – сказала она. – Я хотела сделать одно, а он уговорил поступить по-другому и оказался совершенно прав.

Фиона почти бессознательно погладила живот, словно вспомнив о Стивене, своем первенце, который жил в чужой семье.

– Да, я говорила примерно об этом...

Клэр не хотела, чтобы Фиона открыла ей свою тайну.

– Если бы я только могла...

Фиона протянула ключ:

– Если они где-то здесь, то в его комнате. В стальном шкафу у окна.

– Спасибо, Фиона.

Клэр сразу же нашла их. В сейфе почти ничего не было, кроме веселой открытки, которую она однажды прислала Джерри из Дублина, письма с просьбой найти ее сберегательную книжку и записки с благодарностью, когда он это сделал.

Рядом лежал коричневый конверт, который Джерри показывал ей в садовом домике, и накладная, где говорилось о доставке копий мисс Кэролайн Нолан и доктору Пауэру. Значит, Клэр все-таки опоздала. Ее руки словно налились свинцом, когда она перекладывала содержимое сейфа в свой большой портфель. Зачем Джерри хранил ее письма и невинные записки? Клэр оставила сейф открытым.

Она прислонилась головой к оконному стеклу.

Сказать Фионе, что в сейфе ничего не было, или признаться, что она нашла фотографии? Что вызовет меньше вопросов?

Но оказалось, что беспокоиться не о чем и никакого решения принимать не нужно.

Фиона постучала в дверь:

– Можно войти?

– Да.

Клэр смотрела в окно на Черч-стрит, где сновали прохожие, занятые привычными делами.

– Хорошо, что ты пришла, – сказала Фиона.

– Почему?

– Потому что теперь я верю, что это действительно был несчастный случай. Если бы Джерри собрался покончить с собой, он бы не оставил ничего, что могло бы навлечь неприятности на него... или на тебя, Клэр. Джерри боготворил тебя. Благодаря тебе я поняла, что он не накладывал на себя руки.

– Да, похоже на то.

Взгляд Клэр был по-прежнему прикован к дороге.

– Значит, он не попадет в ад. Я бы не вынесла, если бы Джерри попал в ад за то, что лишил себя жизни. Я думала об этом с утра понедельника.

Клэр неловко обняла Фиону и еще раз посмотрела поверх ее плеча на вид из окна. Джерри Дойл, должно быть, наблюдал эту картину каждый день, сидя в своем нелепом, роскошно обставленном офисе и управляя стабильным маленьким бизнесом своего отца.

Дэвид изучал рентгеновский снимок вместе с отцом.

– Бедро у этой несчастной сильно изношено. – Доктор Пэдди Пауэр был полон сочувствия к пожилой женщине, проживавшей на Фар-Клифф-роуд. – Наверное, она очень страдает от боли.

– Она почти не жалуется, но сильно хромает.
– Ну что ж, ничего не поделаешь. Ужасно себя чувствую, когда приходится им говорить, что будет только хуже.
– Но ты же не говоришь им этого, правда, папа?
– Да, я говорю, что им повезло, потому что это не рак, убеждаю во всем видеть положительные стороны. Нет смысла внушать пациентам негативные мысли, объясняя, что у них артрит, который со временем только усилится... Дэвид? В чем дело?

Дэвид вздрогнул, как будто его подстрелили.

– Я кое-что вспомнил. Мне нужно идти.
– Эй... Вернись, оставь мне записи. У тебя в руках история жизни бедной миссис Коннолли.
– Что? Ах да. Извини.
– С тобой все в порядке, сынок?
– Мне нужно ненадолго уйти. Я скоро вернусь.

Негативы. Почему он не вспомнил про негативы? Вероятно, они хранятся в «Фотоателье Дойла», лежат в каком-нибудь в ящике, если, конечно, этот мелкий негодяй не отправил их кому-то еще – например, в юридическую фирму, где работала Кэролайн, или родителям Клэр.

Вечерело. Дэвид ходил кругами, сжимая и разжимая кулаки. Он понял, что у него нет выбора, и решительно зашагал по Черч-стрит.

Фиона была в магазине одна. Она выглядела очень юной и невинной. Слишком молодой для объемных форм, скрытых под серым халатом с белым воротником.

– Дэвид, – сказала она, – как мило, что ты заглянул.

Он сглотнул.

– Мне сложно подобрать правильные слова. Мой отец всегда знает, что сказать, чтобы помочь людям. Я – нет. Может быть, когда я стану старше и повидая достаточно горя, я тоже этому научусь.

– По крайней мере, ты пришел. Это очень любезно с твоей стороны, – ответила Фиона.

Завести разговор о фотографиях стало еще труднее.

– Наверное, многие говорят, что смерть Джерри их потрясла и очень расстроила.

– Нет. Это щекотливая тема.

– Почему?

– Скорее всего, многие считают, что Джерри, возможно... что он, возможно, сделал это намеренно.

Было невыносимо стоять и беседовать с этой красивой невозмутимой девушкой, которая верила, что ее брата, этого мелкого уродца, смыло волной.

– Ну, вряд ли мы когда-нибудь узнаем... – начал Дэвид.

– Я знаю. Он не мог лишиться себя жизни. Я знаю это.

– Нет-нет. – Дэвид не хотел ее волновать.

– Я просто знаю.

– Конечно.

Он не мог спросить о снимках, не мог признаться Фионе, что пришел вовсе не затем, чтобы выразить сочувствие, а чтобы порыться в личных вещах ее покойного брата.

В Дэвиде заговорил врач.

– Зачем ты здесь? Тебе нужно быть дома и отдыхать.

Фиона с благодарностью на него посмотрела:

– Нет, я лучше займусь делом.

Династии Дойлов – ярких, блистательных Дойлов, чье имя с давних времен было у всех на слуху, – пришел конец.

– Хорошо, – согласился Дэвид, ощущая себя беспомощным.

Похоже, это была его последняя встреча с Фионой. Больше он не посмеет смотреть ей в глаза. Сестра Джерри методично просматривала выполненные заказы. Рано или поздно она обнаружит те самые снимки или негативы. Вероятно, она закричит или даже упадет в обморок. Возможно, ее охватит негодование и она покажет фотографии тому, кто облечен властью, отцу О'Двайеру например, чтобы узнать, как следует поступить. Фиона была скромной, наивной девушкой, простой и неопытной. Снимки ее шокируют. Осознав последствия, которыми эта находка грозит Дэvidу, Кэролайн, а также памяти ее усопшего брата, Фиона испытает настоящее потрясение. Посмеет ли Дэвид этому помешать?

– Фиона. Я хотел спросить кое о чем, – начал он.

Девушка подняла глаза, и Дэвид впервые заметил под ними темные тени.

– Интересно... – снова попытался он, но не смог продолжить.

Он не находил нужных слов.

– Ничего, – пробормотал он и повернулся, чтобы уйти.

– Клэр забыла шарф, можешь отдать ей?

– Клэр была здесь?

– Да. Около часа назад.

– Ради всего святого, зачем? – Вопрос вырвался прежде, чем Дэвид успел подумать.

Фиона внимательно на него посмотрела:

– Просто так. Она шла мимо и заглянула сюда.

– Понятно.

Дэвид ушел, сутулясь на ходу.

Клэр приходила за фотографиями, а не ради того, чтобы выразить сочувствие. Иначе Фиона так и сказала бы.

Дэвид шагал обратно по Черч-стрит, не замечая никого на своем пути. Он повернул налево, в сторону дома. Крисси что-то крикнула ему из лавки Двайера, но он не услышал. Он не заметил, как Роза Диллон на скутере посигналила ему клаксоном. Он не видел, как Бен О’Брайен, его шурин, машет ему рукой из пикапа.

Дэвид поднял воротник и остановился на перекрестке. Стоит ли искать с ней встречи? Попросить Анджелу и Дика впустить его на пару минут? Что он скажет? «У тебя, похоже, есть фотографии. Прости, мне очень жаль».

Нет, ему нечего было сказать. Он повернул к дому родителей, но прошел мимо него и направился к садовому домику. Почему он раньше не замечал этой звенящей тишины? И грусти.

Клэр неподвижно сидела в машине. Она должна сжечь снимки. Сейчас. Но сжечь что-то, если у тебя нет собственного дома, не так-то просто. Она не могла заявиться в лавку со словами: «О! Привет, мама, папа, прошу прощения, мне нужно к плите, чтобы кое-что сжечь, люблю смотреть на огонь, знаете ли...»

Она и так уже допустила пару безумных выходов в присутствии Дика и Анджелы, чтобы просить разрешения сжечь в их плите кое-какие бумаги.

Может быть, Джози? Как она отнесется к тому, что Клэр войдет в отель и поинтересуется, нельзя ли пройти на кухню и уединиться с вашей великолепной духовкой фирмы «Ага»? Ерунда какая-то. В голове Клэр царил полный хаос. Нельзя оставлять снимки там, где их могут найти. Фотографии и негативы были так ужасны, что Клэр

хотела доставить себе удовольствие увидеть, как они горят ярким пламенем. Только так она сможет выкинуть этот кошмар из своей головы.

В центре каждого города следует оборудовать специальное место, куда можно пойти и избавиться от всего, что гнетет и тревожит. Общественный очаг, где можно сжечь то, что будит неприятные воспоминания.

Внезапно Клэр вспомнила, что доктор Пауэр когда-то поднял большой шум из-за отсутствия в кемпинге мусоросжигателя.

«Как, спрашивается, – возмутился доктор, – несчастные туристы должны соблюдать санитарные нормы и содержать кемпинг в чистоте без оборудования для сбора и сжигания мусора?»

Вывоз мусора организован не был, зато на стоянке появилась кирпичная печь. Она предназначалась для самых неприятных отходов, и ею активно пользовались летом.

Кемпинг. Идея отправиться на место преступления, чтобы сжечь улики, содержала изрядную долю иронии. Огонь в печи давно погас, но развести его не составит труда. В сумочке Клэр были спички, а в машине Дика Диллона лежала канистра с бензином. Чем больше она думала об этом, тем больше ей нравилась эта мысль. Клэр медленно проехала по Черч-стрит мимо лавки О'Брайена и скамейки на краю утеса с видом на море и свернула налево на Фар-Клифф-роуд, направляясь к стоянке для автофургонов.

Дэвид снова позвонил Кэролайн. В первый раз он испытал облегчение, когда простуженный женский голос заявил, что Кэролайн нет на рабочем месте. Никаких объяснений женщина не предоставила. Дома Кэролайн тоже не было. Дэвид трижды звонил в офис и домой, но так и не смог отыскать Кэролайн. Теперь он испытывал не облегчение, а тревогу. Дэвид не хотел с ней разговаривать, и, вероятно, вначале она чувствовала то же самое. Но уже наступил вечер среды. Прошло два дня с тех пор, как Джерри подбросил им фотографии. Дэвиду и Кэролайн следовало поговорить.

– Если мисс Нолан нет на рабочем месте, не знаете, где ее можно найти? – спросил Дэвид, обливаясь холодным потом.

– В Дублине, – отрезал женский голос.

– Она уехала в отпуск? – удивился Дэвид.

– Нет, она просто взяла и уехала. Внезапно. Насовсем.

Женщина неободрительно фыркнула, осуждая вопиющую безответственность молодого солиситора из Дублина.

Дэвид не знал, радоваться ему или расстраиваться. Потом он подумал, что новость скорее хорошая, чем плохая. По крайней мере, в Дублине о Кэролайн было кому позаботиться. Здесь, на побережье, она даже не могла ни с кем толком поговорить. При мысли об этом Дэвид стиснул край кухонной столешницы.

Он проводил за этим столом много времени. Сидел здесь, наблюдая за тем, как время течет своим чередом. Они с Клэр хотели обустроить кухню, совместив ее с гостиной, – таков был первоначальный план. Но они не попытались создать здесь уют или подобрать подходящую мебель. Наверное, для Клэр это место было чем-то вроде тюрьмы.

Дэвид подумал о Кэролайн, которая предпочла вернуться в Дублин. Решительно вздернув подбородок, она ехала на своей маленькой машине сквозь дождь и туман. Он вспомнил слова Кэролайн о том, что Джерри Дойл не испытывал к ней безответной любви.

«Он мог получить все, что хотел» – так она сказала.

Интересно, Джерри и Кэролайн тоже устраивали свидания в кемпинге? А Дэвид просто шел по стопам Дойла? Боже, боже! По крайней мере, Дэвид никогда не увидит снимков, запечатлевших Кэролайн в объятиях Джерри. К его услугам было только его воображение.

На стоянке для автофургонов разгуливал ветер. Было трудно поверить, что летом сюда съезжаются люди со всей Ирландии и Англии. Кемпинг выглядел как другая планета.

Клэр знала, где находится фургон Кэролайн. В свое время она молча выслушала рассуждения мужа о том, что обзавестись фургоном – неплохая идея. Летом Кэролайн превратит его в полноценный дом, а зимой она сможет переодеться или переночевать в нем, если задержится на побережье допоздна. Тогда Клэр выбросила слова Дэвида из головы. Она запретила себе думать об этом.

Клэр отказывалась думать о том, что Дэвид и Кэролайн занимались любовью. Она гнала эти мысли прочь. Даже в те вечера,

когда чутье подсказывало ей, что это правда, Клэр отрицала очевидное. Она ощущала себя в безопасности, притворяясь, что избегает ненужных рисков. Точно так же она избегала наступать на трещины на асфальте. Она не осознавала, что происходит, пока не увидела фотографии. Боже, а ведь Джерри Дойл оказался умен! Еще несколько дней – и Клэр могла согласиться с тем, что Джерри – неплохая альтернатива неверному мужу. Это было не слишком вероятно, но она даже представить себе не могла всю горечь обиды, которую ей предстояло испытать.

Фотографии, что были сейчас в ее руках, сделали именно то, на что рассчитывал Джерри, безумный, одержимый Джерри.

Она должна сжечь снимки. Немедленно.

Может быть, после этого станет легче.

Ветер трепал ее волосы, пока она доставала из багажника канистру с бензином. Чтобы развести огонь в такой ветреный день, нужна была тряпка, пропитанная горючим.

Серый, неприметный автофургон, который Кэролайн Нолан арендовала на полгода, угрожающе высился неподалеку. Сюда приходил Дэвид, сообщая, что отправился поиграть в гольф. Снимки были сделаны среди ясного дня. Наверное, легкий на подъем, пронырливый Джерри без труда проследил за парочкой. Они даже не удосужились задернуть шторы. Автофургон был обращен к морю. Кто мог заглянуть к ним в окно?

Ее потянуло посмотреть одним глазом. Оглядевшись по сторонам, будто кто-то еще мог забрести в это забытое богом место, она на цыпочках подошла к фургону. Внутри было практически пусто: ни ламп, ни ковриков, ни милых безделушек. Клэр помнила, что Молли подарила Кэролайн несколько подушек, две из них – довольно симпатичные. Как ни странно, подушки остались на месте. Зато клетчатые коврики, запечатленные на снимках, исчезли. Похоже, Кэролайн просто сбежала. Вероятно, она увидела фотографии и пустилась в бег. Возможно, просто пыталась скрыть улики. Кэролайн была умной девочкой, вы бы ни за что не догадались, что она задумала.

Клэр достала большой конверт и положила его на холодные железные прутья мусоросжигательной печи. Она смочила тряпку бензином и смотрела, как горят фотографии, негативы и письма,

которые она написала Джерри Дойлу. В печи полыхал небольшой пожар. Клэр тыкала палкой в догоравшие снимки, пока они не исчезли. Теперь даже целая армия детективов не смогла бы их распознать в горстке пепла.

Клэр вдохнула соленый воздух. Она по-прежнему ощущала беспокойство и нервозность. Она думала, что сожжение фотографий поможет, но этого не произошло. Все оставалось на своих местах. Воспоминания и автофургон. Знание о том, чем занималась эта парочка, и понимание, что это может повториться. Автофургон. Ее одиночество и ложь Дэвида. Автофургон.

Не отдавая себе отчета в том, что происходит, Клэр подошла к фургону. Он стоял чуть поодаль. В руке Клэр все еще была канистра с бензином, спички лежали в кармане.

Она остановилась и осознала, что делает.

– Да, – сказала Клэр вслух. – Да, черт возьми, так я и поступлю.

Она выплеснула большую часть бензина на постель, а остатки вылила возле двери. Подожгла тряпку, швырнула ее в лужу бензина и побежала прочь так быстро, как только могла. Когда она добралась до машины Дика Диллона, припаркованной на дороге, из окон ненавистного автофургона уже вырывались языки пламени.

Взволнованная, она поехала обратно в сторону Черч-стрит и остановила машину недалеко от лавки родителей. Зимним вечером яркий огонь был виден издали...

Клэр чувствовала себя намного лучше. Она заглянула к матери.

– Почему ты водишь машину Дика?

– Боже, мама, ты всегда знаешь, что лучше сказать при встрече.

– Я никогда не могла понять тебя, Клэр, никогда.

– Ты не так уж плохо справлялась, мама. Как думаешь, я могу рассчитывать на чашечку чая? Или только на оскорбления?

– Сама готовь себе чай. Некоторым нужно работать.

– Ты сердишься на что-то конкретное? Или в чем дело, мама?

– Я не знаю, что ты задумала, вот и все.

Губы Агнес сжались в жесткую линию.

– Я и сама толком не знаю, мама. Я собиралась поехать в Дублин, чтобы узнать об экзамене. Мы почти уже на пути туда – Лиффи и я.

– Ты не забереешь малышку в Дублин, нельзя увозить ее из дома.

– Не навсегда, мама. Пусть она почувствует вкус городской жизни, посмотри, что она сотворила со мной.

Глаза Клэр сияли ярче, чем обычно.

Она сидела у прилавка, потягивая чай из кружки, когда с улицы донеслись крики о пожаре в кемпинге.

– Из-за чего вся эта суета и волнение? – легкомысленно спросила Клэр.

– Господи боже, дочь, кто-то мог сгореть заживо, – сказала Агнес, побледневшая от беспокойства.

– Кто будет ошиваться в кемпинге посреди зимы? – хмыкнула Клэр.

– Как тогда загорелся фургон? Наверное, какой-нибудь бедолага опрокинул плиту или масляную лампу.

Люди прибежали за Дэвидом, но он не смог сдвинуться с места.

– Позови папу, отвези его на машине, – пробормотал он Брайану Диллону, который принес тревожную новость.

Руки и ноги внезапно ему отказали. Дэвиду потребовалось пять минут, чтобы взять телефонную трубку. Ему показалось, что прошел целый час, пока его наконец не соединили с Дублином.

На звонок ответил Джеймс Нолан. Он сделал вид, что Дэвид – давно потерянный странник, который совсем недавно вернулся к людям.

– Не думал, что снова услышу твой голос.

– Брось это, – грубо прервал его Дэвид.

– Что?

– Скажи, Кэролайн дома? Быстро.

– Я не могу тебе этого сказать. Ни быстро, ни медленно. Разве она не перебралась в ваши края?

– Джеймс, пожалуйста. Умоляю тебя.

– Влюбленные голубки повздорили?

– Я сказал, что умоляю тебя.

– Хорошо, раз ты так любезен. Кэролайн здесь, но я не должен тебе говорить.

– Ты уверен? Ты видел ее? Она в вашем доме?

– Я не знаю, где она в данный момент, но я общался с ней за завтраком, а потом она позвонила мне в юридическую библиотеку,

чтобы спланировать на вечер кое-что. Но тише, я ничего тебе не говорил.

– Ладно.

– Дэвид? С тобой все в порядке?

Он бросил трубку.

Поджог автофургона так и остался загадкой. Должно быть, дети играли с бензином, сгоревший остов был насквозь им пропитан. Бедная Кэролайн Нолан!

Полиция звонила ей в город, но Кэролайн не откликнулась. Разве не чудо, что никто не пострадал?

Клэр заехала в гараж, где работал ее брат Бен. Она заправила машину Дика Диллона, залила бензин в пустую канистру и поехала обратно к коттеджу О'Хары.

– Ты сказала, что уедешь всего на минуту. Я волновалась, – сказала Анджела с упреком.

– Хватит вести себя как моя мать.

– С тобой все в порядке? Ты вся покраснелась, – недоумевала Анджела.

– Сейчас мне намного лучше. Я должна была кое-что сделать.

Миссис Корриган, жившая напротив, пришла с известием, что на Фар-Клифф-роуд случился большой пожар. Чей-то автофургон сгорел дотла. Анджела забеспокоилась, не пострадал ли кто-нибудь.

– Кто будет жить там в середине зимы? – спросила Клэр; ее глаза все еще слишком блестели.

– Люди иногда ведут себя странно, – осторожно заметила Анджела.

– Значит, они замыслили что-то плохое.

Анджела выглядела такой испуганной, что Клэр сжалась над ней.

– Все в порядке, Анджела, внутри никого не было. Я проверила.

Она взяла на руки Лиффи и крепко обняла ее. Малышка подросла и казалась довольно тяжелой.

– Что ж, Лиффи, через пару дней мы с тобой отправимся в новый, неизведанный мир на поиски счастья. Начнем с того, что мама узнает, как получить диплом.

– Я никому не скажу. Надеюсь, ты тоже.

– Нет, конечно. Ты же другая, тебе все можно рассказать. И хорошее и плохое.

– С учетом обстоятельств в этот раз вышло не так уж плохо, – улыbnулась Анджела.

– Да, действительно.

Клэр окончательно пришла в себя.

– Ты знал, что Клэр сейчас в доме Анджелы Диллон? – спросила вечером Агнес у Тома О’Брайена.

– Клэр торчит там с десяти лет, что в этом странного? – удивился Том.

– Не в этом дело. Клэр живет у Анджелы. Она там уже три дня.

– Чепуха, Агнес, ты, наверное, что-то не так поняла. У Клэр есть собственный дом.

– Да, но мне так сказали, поэтому я задала Клэр прямой вопрос.

– И?..

– От Клэр не добиться однозначного ответа. Она сообщила, что собралась в Дублин, чтобы узнать об экзаменах или какой-то другой ерунде.

– Лучше ничего ей не говори. Вообще ничего. Иначе спасибо тебе не скажут.

Агнес подумала, что Том говорит дело. Возможно, это тот самый случай, когда вмешиваться не стоит.

По слухам, бедной матери Джерри Дойла пришлось принять столько успокоительных таблеток, что она вряд ли осознавала происходящее. Фиона пыталась купить ей черное пальто, но мать отказалась, сказав, что ненавидит черный цвет, потому что он напоминает ей о похоронах. Фиона мягко пыталась убедить несчастную, что речь как раз таки о похоронах. Девушка не знала, радоваться ей или огорчаться из-за того, что мать не поверила в смерть сына.

Родня Нелли Берк хотела знать, правда ли, что Дэвид Пауэр и Клэр разошлись и живут отдельно. Упрямая и преданная Нелли ответила, что ничего такого не знает. Жены ее братьев, прирожденные сплетницы, испытали жестокое разочарование. Они надеялись выведать у Нелли подробности. Раздосадованные, они

удовольствовались заявлением о том, что этот брак был заведомо обречен. Уж они-то знали об этом с самого начала. Клэр была глупой маленькой девочкой, полагавшей, что, получив толику образования, станет ровней сыну врача.

– Дэвид сказал тебе, что Кэролайн Нолан уволилась и вернулась в Дублин? – спросил Пэдди Пауэр у жены.

– Быть этого не может.

– Так сказал мистер Кенни. Помнишь, это он устроил ее на работу? Старик очень расстроился. Кэролайн объяснила, что сельская жизнь для нее не подходит. Она просидела весь день и всю ночь, чтобы закончить дела, и уехала. С домом та же история. Она выписала хозяевам чек за остаток квартала и исчезла.

– Надо позвонить Шейле.

– Возможно, не стоит, Молли. Пусть все уляжется.

– Почему ты так говоришь? – забеспокоилась Молли.

– Мы не знаем и половины того, что происходит, и, вероятно, сделаем только хуже.

– Как мы можем что-то испортить? Мы их друзья и не сделали ничего, что могло бы расстроить Кэролайн и заставить ее сбежать.

– Нет, Молли, мы ничего такого не сделали, – спокойно согласился Пэдди.

Она встревоженно посмотрела на мужа и поняла, что он больше ничего не скажет.

– Там будет так много людей, что никто про меня и не вспомнит. Я не пойду, – упрячилась Клэр.

Холодным, сырым утром в Каслбее раздавался звон колокола.

– Ты не должна причинять боль живым. Фионе и его матери.

– Я не могу там стоять и молиться за упокой его души. Это будет выглядеть как насмешка.

– Так поступают люди. Это обычай. Думай об этом так.

– Ты не знаешь... Ты ничего не знаешь...

– Клэр, прекрати сию же минуту. Разумеется, я не знаю. Ты ничего мне не говорила, и не стоит делать это сейчас, потому что мы должны быть в церкви через десять минут. Я договорилась отвести Лиффи к миссис Корриган, она никуда не поедет, у нее пятеро детей.

- Я останусь дома и присмотрю за Лиффи.
- Клэр, хватит вести себя как ребенок. Надень пальто. Сейчас же.

– Не хотел бы ты сходить со мной в церковь, сынок?

– Папа, я думал не идти. Лучше останусь дома на случай, если кому-то понадобится врач.

– Если мы кому-то понадобится, нас будет несложно найти. Где еще нам быть, когда хоронят несчастного юношу?

– Я знаю, но...

– Пойдут разговоры, если тебя не будет.

– Чепуха, церковь будет битком набита. Там соберется весь Каслбей.

– Ты тоже должен там быть.

– Я многое не могу объяснить тебе, папа...

– Не нужно ничего объяснять, просто пойдём со мной в церковь прямо сейчас, давай, Дэвид. Это всего лишь пустяк. Но он перестанет быть пустяком, если ты этого не сделаешь.

– Если ты думаешь...

– Да, я так думаю. Собирайся, уже звонит колокол, твоя мама уехала на машине.

Люди крестились холодными пальцами. Почти весь Каслбей пришел в знакомую церковь. Внутри все было привычно, за исключением гроба, стоявшего у алтаря. Гроб утопал в открытках с выражением соболезнований и сообщениями о заказе заупокойной мессы. Рядом лежали два венка: от матери Джерри и от Фионы с мужем. Оба венка заказал Фрэнк Конуэй. По непонятной причине больше никто цветов не прислал. При мысли о Джерри никто не вспоминал о похоронных венках.

На похоронах в церкви всегда казалось холоднее. Миссис Мэри Дойл, в черном пальто с чужого плеча, преклонила колени в первом ряду. Ее взгляд где-то блуждал, руки сцепились в молитвенном жесте. Рядом с матерью сидела Фиона. В свободном черном пальто и мантилье она выглядела бледнее обычного. Она была похожа на испанскую вдову, сестра Джерри вообще мало напоминала ирландку.

Дэвид и его отец пришли одновременно с Анджелой, Диком и Клэр. Они обменялись словами, которые традиционно звучат на

похоронах: ужасная трагедия, бедный юноша, в чем смысл всего этого... Дэвид и Клэр пропустили остальных вперед.

– Это ты сожгла фургон? – спросил он.

– Да. И фотографии. И негативы.

– Теперь это не важно, – сказал он.

– Да.

Они вошли в церковь бок о бок, ощущая, что их разделяют многие мили. Анджела и доктор Пауэр намеренно сели рядом. Дэвид и Клэр присоединились к ним. Жителям Каслбея не удалось полюбоваться на то, как молодой врач и его жена демонстрируют взаимную холодность прямо посреди похорон. Супруги преклонили колени там, где им было велено. Рядом друг с другом.

Никогда еще месса не длилась так долго.

Когда Клэр думала, что настало время причастия, началась проскомидия. Когда она ожидала услышать Святое Благовествование от Иоанна, раздалась запричастная молитва.

Она сидела, стояла и преклоняла колени рядом с Дэвидом. Она смотрела на его холодные руки, сложенные в молитве, и заметила, что ему нужно подстричься. Она глядела на его вычищенные ботинки и задавалась вопросом: кто их почистил? Нелли?

Каждый раз, когда она поднимала глаза, то видела гроб, в котором, как утверждалось, лежал Джерри Дойл.

Куда она хотела бы вернуться? Если бы могла...

В то время, когда еще не была беременна? Нет, это означало бы отсутствие Лиффи, а единственным благом, которое она обрела, была Лиффи.

Она действительно ужасно себя вела после рождения Лиффи? К своему удивлению, она почти ничего не помнила о той зиме и весне. Должно быть, она была плохой женой. Отсутствующий взгляд, дурман, вызванный таблетками, – совсем как несчастная мать Джерри.

Неужели она начнет все сначала?

Дэвид не хотел, чтобы она стояла рядом с ним на коленях, но этого было не избежать. Она положила локти на спинку сиденья перед собой и уперлась лбом в сжатые ладони. Он обратил внимание, что на ее тонком запястье болтались часы – его подарок. Когда он взглянул на

ее лицо, то увидел, что ее глаза открыты и обращены куда-то вдаль. Очевидно, она не молилась.

Было о чем подумать. Он почувствовал, что изнемогает. Он слишком устал, чтобы давать обещания, умолять ее вернуться в садовый домик, уверять, что все наладится. Возможно, ничего не наладится, а они ведь никогда открыто не лгали друг другу, они просто не говорили всей правды. Он не отрицал, что был с Кэролайн, потому что Клэр об этом не спрашивала. Если бы не фотографии, у них был бы шанс. Фотографии. Если бы он мог вернуться в прошлое, когда снимки еще не появились...

Она действительно сожгла их? Вместе с фургоном? Он вздрогнул, вспомнив об этом. А если бы ветер подул не туда и понес пламя в ее сторону? Ради всего святого, зачем ей понадобилось идти в кемпинг, чтобы сжечь фотографии? Неужели она не могла сделать это где-нибудь еще? Он повернул голову и посмотрел на жену. Ее голова по-прежнему опиралась на руку, темные глаза смотрели вперед, напряженная поза говорила о боли. Был ли он прав, когда сказал, что теперь все не важно? Неужели уже слишком поздно?

Священник с кадилом обошел вокруг гроба, в котором лежал Джерри Дойл, и церковь наполнилась приторно-сладким запахом ладана. Четверо мужчин, что росли вместе с Джерри и беспомощно наблюдали за тем, как он уводит их подружек, подняли гроб как пушинку. Все покинули церковь следом за ними.

Склонив на ветру головы, они прошли четверть мили до кладбища, разбитого высоко на холме. При виде похоронной процессии два могильщика рядом со свежей могилой сняли шапки.

Туристы часто заглядывали на это маленькое кладбище и говорили, что это прекрасное место для упокоения. Его окружала каменная стена и усеивали старинные кельтские кресты. В углу уютилась маленькая разрушенная церковь, увитая плющом.

С холма открывался вид на пляж и белые гребни волн, которые непрерывно набегали на берег, унося с собой песок и камни. При взгляде на море все сразу вспоминали, что привело их на кладбище.

Единственными, кто не смотрел на пляж, были мать и сестра Джерри. Миссис Мэри Дойл рассеянно водила глазами по сторонам.

Происходящее напоминало ей дурной сон. Все вокруг на нее пялились, за одну руку ее крепко держала сестра, за вторую – дочь. Джерри нигде не было видно, – должно быть, он уехал по делам и скоро вернется.

Слезы Фионы смешались с дождем и соленым ветром, но она чувствовала себя гораздо спокойнее, зная, что Джерри не убивал себя. Не важно, что это были за фотографии. Джерри ни за что не оставил бы после себя что-то, способное причинить кому-то боль или разрушить чужую жизнь.

Фиона слушала отца О'Двайера. Она не понимала латинских слов, но знала, что они необходимы, чтобы успокоить душу Джерри.

Анджела посмотрела на Дика. Когда он был расстроен, выглядел очень сердитым. А сейчас он был сильно расстроен. Прошлой ночью Дик шепнул ей, что в Каслбее творится много насилия и полыхают разрушительные страсти.

– Теперь, когда бедный Джерри Дойл мертв, это может прекратиться, – предположила Анджела.

– Нет, похоже, все только начинается. Что заставило юношу покончить с собой? Что такого плохого с ним произошло? А сгоревший фургон? Возможно, эти события никак не связаны, но все это выглядит очень жестоким. И внезапным.

Анджела ничего не сказала. Когда-нибудь она узнает всю правду.

Молли Пауэр бросила взгляд на семейство О'Брайен: на худую и хрупкую Агнес, двух ее сыновей и Тома, стоявшего поодаль. Все, что осталось от огромной семьи, после отъезда старших сыновей в Англию и замужества Крисси. И после истории с Клэр. Кто знал, что делать с этой Клэр? Ее родители не знали, и Молли тоже не знала. Миссис Пауэр посмотрела на неподвижную девушку с длинными волосами, развевавшимися на ветру. Наконец-то Клэр сменила свое ужасное прямое пальто с капюшоном на другое – приличное и темное. Клэр была странной. Неудивительно, что Дэвиду пришлось с ней так трудно.

Отец О'Двайер знал, как хоронить умерших. Он делал это годами. Но никогда прежде ему не доводилось хоронить такого покойника. Он перевидал много стариков и старух, которые не пережили зиму. Или

тех, кто трагически погиб молодым, оставив семью с маленькими детьми. Дети тоже иногда умирали – это было очень тяжело, но отец О’Двайер мог утешиться тем, что их невинные маленькие души забрал Господь.

Пэдди Пауэр задавался вопросом, что скажет отец О’Двайер прихожанам, знавшим, как жил Джерри Дойл. Они не сомневались, что парень покончил с собой.

Этим утром доктор Пауэр напомнил себе, что Бог милостив и, стало быть, отец О’Двайер также не чужд милости.

Священник оглядел замерзшие на холодном ветру лица, мокрые от морских брызг. Он не хотел надолго задерживать своих прихожан, но он был обязан провести церемонию должным образом и почтить память умершего. Иначе зачем вообще устраивать похороны?

– Вы все знали Джерри Дойла. Пока мы стоим у его могилы и молимся, чтобы его душа попала к ангелам на небеса, давайте вспомним, как сильно этот юноша любил жизнь и какое деятельное участие он принимал в жизни Каслбея... Я верю, что, поскольку этот молодой человек олицетворял собой жизнь, молодость и энергию, его внезапная смерть заставит нас осознать, какую ничтожную власть мы имеем над нашей брэнной жизнью и как легко ее можно отнять. Пока этим утром мы молимся за Джерри, давайте подумаем о краткости нашей собственной жизни. Не все из тех, кто сейчас здесь стоит, переживут этот год, а через десять лет многие из нас отправятся к своему Создателю. Я говорю не только о стариках и тех, кто готов нас покинуть. Я говорю также о молодых, которые пока не стремятся узреть Царствие Небесное, так как им еще немало нужно сказать друг другу, своим родственникам и друзьям. Если бы Джерри Дойлу дали еще один день, возможно, он захотел бы многое сказать, кое-что прояснить, кого-то утешить. Но Господь не сообщает заранее, когда Он призовет нас. Все, кто сейчас здесь присутствует, могут вспомнить о Джерри много хорошего. Давайте сохраним в наших сердцах эти светлые воспоминания и помолимся, чтобы душа Джерри вознеслась на небеса и воскресла, когда наступит Судный день.

Прозвучали последние три молитвы во славу Богородицы и Отца Небесного, а затем Фиона наклонилась, чтобы поднять лопату с

землей, которая первой упадет на крышку гроба. Девушка посмотрела вниз, в большую открытую могилу.

– Спасибо тебе, Джерри, – неожиданно произнесла она.

Все смутились. В это время говорить не полагалось, и уж тем более никто не ожидал, что тихая, исполненная достоинства Фиона даст волю собственным чувствам. Мужчины подходили по одному и бросали в могилу лопаты земли, заполняя темное пустое пространство.

Это была самая скорбная часть похорон. Последний, завершающий штрих. Люди бессознательно прижимались друг к другу, как будто надеялись немного согреться в толпе.

Клэр и Дэвид шли вместе. Отчасти потому, что их толкали, отчасти потому, что они сами этого хотели.

Настала очередь Дэвида взять в руки лопату. Он замер и посмотрел на Клэр. Она спокойно встретила взгляд мужа и не отвернулась.

Из кучи рядом с могилой Дэвид набрал в лопату глины и вскоре услышал, как она упала на слой земли, лежавший на крышке гроба. Он сделал три шага назад – туда, где стояла Клэр, и она протянула ему руку в вязаной перчатке.

Дэвид взял ее за руку, и они оба наблюдали, как могильщики закапывают могилу. Двое высоких костлявых мужчин справились очень быстро. На маленький холмик возложили два венка. Через год здесь появится надгробие с именем Джерри Дойла, родившегося в тысяча девятьсот тридцать пятом году, умершего в тысяча девятьсот шестьдесят втором, и прохожие будут качать головами, печальясь, что юноша умер совсем молодым.

Толпа стекала вниз по склону. Кто-то направлялся в паб Крейга, кто-то – в отель Диллона, кто-то шел открыть свои магазины и лавки, которые приостановили работу, чтобы почтить память Джерри Дойла.

Давным-давно, еще в Дублине, когда жизнь была проста и понятна, Дэвид обычно брал руку Клэр в вязаной перчатке и грел ее у себя кармане. Он не знал, посмеет ли сейчас положить девичью ладошку в свой карман. Он бережно притянул ее пальцы к себе, и она сама сунула руку в карман мужского пальто. Ему не пришлось ничего делать.

По извилистой, мощенной камнем дороге они спустились с холма в Каслбей.

notes

Примечания

1

Бригитта Ирландская – святая покровительница Ирландии. –
Здесь и далее примеч. перев.

Конгрегация христианских братьев (СFC) – международное религиозное сообщество под эгидой католической церкви, основанное преподобным Эдмундом Райсом с целью создания школ для обучения детей нуждающихся слоев населения.

Малые сестры бедняков – конгрегация, основанная католической святой Жанной Юган (1792–1879).

«Просто Уильям» («Just William») – книжная серия об одиннадцатилетнем сорванце Уильяме Брауне писательницы Ричмал Кромптон, выходящая с 1922 по 1970 год.

«Золотая сокровищница английских песен и лирики» – антология английской поэзии, составленная в 1861 году Фрэнсисом Палгрэйвом (1824–1897).

6

Барристер – категория адвокатов высокого ранга в Великобритании и странах Содружества.

Солиситор – категория адвокатов, которые готовят материалы для барристеров.

Пионерская ассоциация полного воздержания (РГАА) – международная организация трезвенников под эгидой Римско-католической церкви, основанная в Ирландии в 1898 году. Ее члены называют себя пионерами.

9

Имеется в виду гражданская война в Ирландии (1922–1923).

Речь о Хью Роэ О’Доннеле (1572–1602), одном из лидеров ирландского восстания против английского владычества (1593–1603). 5–6 января 1602 года в битве под Кинсейлом объединенные силы ирландского Сопротивления были разбиты английской армией.

Строка из стихотворения ирландского поэта Брайана Мерримана (1745/1749–1805) «Полночный суд» на гэльском языке. В переводе А. И. Эппеля: «Возликовал я возле Грене-озера».

«Ванная» и «Уборная» (*ит.*).

Дев – прозвище Имона де Валеры (1882–1975), премьер-министра Ирландской республики в годы Второй мировой войны.

Ирландские школьники получают промежуточный сертификат после первых трех лет обучения в средней школе и сдачи экзаменов, то есть примерно в возрасте 15 лет.

Мария Горетти (1890–1902) – католическая святая, мученица, покровительница девственниц и молодежи, канонизирована при папе Пии XII в 1950 году.

В Ирландии существует пятиступенчатая система многолетней последипломной подготовки врачей-специалистов (Consultant): интерн; старший больничный ординатор (Senior House Officer); ординатор, проходящий подготовку по специальности (Registrar); ординатор, проходящий углубленную подготовку по специальности (Specialist Registrar); клинический ординатор (Fellow). Чтобы стать врачом общей практики, такой длительной подготовки не требуется.

Старушка Хаббард – персонаж детской песенки из сборника «Песни Матушки Гусыни».

Идиома, означающая, что отношения не продвинутся дальше поцелуев. Первая база – бейсбольный термин.

Согласно английской традиции в наряде невесты должно присутствовать что-то старое, новое, взятое взаймы и голубое.

Потин – ирландский самогон.